

ТОМ ШЕ Е Ю

Ф. Л. Нойманн
структура и практика
национал-социализма

Franz Leopold Neumann

BEHEMOTH

**the structure and practice
of national socialism**

1933 – 1944

Франц Леопольд Нойманн

БЕГЕМОТ

структура и практика
национал-социализма

1933 – 1944 гг.

*Перевод с английского
В. Ю. Быстрова*

Санкт-Петербург
«Владимир Даль»
2015

УДК 329
ББК 66.1(0)
Н78

Нойманн Ф. Л. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1944 / Ф. Л. Нойманн; Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. — СПб.: Владимир Даль, 2015. — 591 с.

ISBN 978-5-93615-145-3

В еврейской эсхатологии Бегемот и Левиафан — это имена двух чудовищ. Бегемот управляет землей, Левиафан — морем, первый — мужского рода, второе чудовище — женского. Земные животные поклоняются Бегемоту, морские животные — Левиафану, как своим повелителям. Оба чудовища из Хаоса. Согласно предсказаниям, Бегемот и Левиафан вновь появятся незадолго до конца мира. Они установят господство террора, но будут убиты Богом. Затем наступит день благочестия и справедливости. Люди будут есть мясо чудовищ на пиру, который возвестит наступление Царства Божьего. Еврейская эсхатология, Книга Иова, пророки, апокалиптические писания полны ссылок на этот миф, который часто по-разному истолковывается и часто приспособляется к политическим обстоятельствам. Святой Августин видел в Бегемоте Сатану.

В книге Ф. Л. Нойманна национал-социализм олицетворяет безвластие, хаос, господство произвола и анархии, которое «поглотило» права человека и его достоинство. Именно этому строю суждено превратить весь мир в хаос, отдав власть гигантским земным массам. Именно поэтому национал-социализму дано имя Бегемот.

© Издательство «Владимир Даль»,
2015

© В. Ю. Быстров, перевод с английского,
2015

© О. Ю. Пленков, статья, 2015

© П. Палей, оформление, 2015

ISBN 978-5-93615-145-3

«БЕГЕМОТ» ФРАНЦА НОЙМАННА — ПЕРВАЯ ПОПЫТКА СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВА ГИТЛЕРА

Первая и по сути единственная предпосылка хорошего стиля — это когда человеку есть, что сказать.

Артур Шопенгауэр

Тем, кто не пережил эти годы, я бы охотно описал их полные драматизма события. Трудно представить себе, какую чудовищную эмоциональную и политическую силу аккумулировали нацисты за несколько лет.

Джордж Кеннан

«Бегемот» в исторической перспективе

Немецкий политолог, социолог и юрист Франц Нойманн (1900–1954) написал представляемую книгу (это диссертация, защищенная в нью-йоркском Колумбийском университете в 1942 г., дополненная и переизданная в 1944 г.) в эмиграции в США. Необходимость соответствовать формальным требованиям к диссертациям объясняет несколько громоздкую и неудобную для обозрения структуру текста. Несмотря на это, «Бегемот» считается до сих пор одним из важнейших трудов по анализу национал-социализма. Нойманн первым показал, что нацизм — это удивительный пример того, как демократия способна себя исчерпать, не заметив этого. Ему удалось раскрыть механику реализации чудовищной динамики (о которой писал американский дипломат Кеннан), развитой

нацистами, динамики, разрушавшей все прежние ограничения и правила.

В эмиграции Нойманн оказался вследствие левых политических убеждений и своего еврейского происхождения (в 1936 г. ему удалось бежать от нацистов). В Германии он принадлежал к немарксистской Франкфуртской школе социологии. Эта школа после прихода нацистов к власти почти целиком переместилась в США (в Колумбийском университете в Нью-Йорке она называлась «Институт социальных исследований»). Наиболее известными участниками Франкфуртской школы были Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе, Эрих Фромм, Вальтер Беньямин, Теодор Адорно, Юрген Хабермас, Оскар Негт, сам Нойманн и другие. Эти ученые принимали активное участие в дебатах о природе национал-социализма и, таким образом, прямо или косвенно очень сильно повлияли на различные формы левого радикализма в XX веке. В частности, Нойманн отстаивал точку зрения, согласно которой национал-социализм был неизбежным следствием развития монополистического капитализма.

Влияние франкфуртцев на левых радикалов объясняется тем, что главной примечательной особенностью их доктрины было убеждение, будто капитализм неизбежно ведет к фашизму, нацизму, тоталитаризму, что капитализм, строго говоря, уже фашизм. Знаменитая формула Макса Хоркхаймера гласила: «Тот, кому нечего сказать о капитализме, должен молчать о фашизме». Марксисты Франкфуртской школы не переставали обращаться к этой ложной идее, которая вскормила столь значительную часть политических мыслителей послевоенной Европы.¹ С середины 1950-х гг., уже в ФРГ, франкфуртцы с их издательством «Suhrkamp und S. Fischer» смогли достичь своеобразной духовной гегемонии в обществе, остатки влияния которой до сих пор чувствуются в Германии, особенно в оценках нацизма. Со временем, однако, стало ясно, что их «критическая теория» во многом носила спекулятивный характер; но в свое время она была очень влиятельна, даже отчасти сама являлась инициатором иных проектов — по отношению к ней применительна знаменитая формула, высказанная Томасом Гоббсом в «Бегемоте»: «Часто пророчество является главной причиной события, которое предрекали». Мы имеем в виду «революцию» 1968 г. и последовавший за ней взрыв левого радикализма.

¹ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 410.

Понятно, что левым оценки Франкфуртской школы импонировали, поскольку соответствовали их задачам критики капитализма и теоретическим ориентирам. Собственно, «революционеры» 1968 г. в критике современного им западного общества пользовались тезисами франкфуртцев. Это важно упомянуть, поскольку «революция» 1968 г. была самым значительным кризисом самоидентификации Запада за всю его современную историю. Без нее немислим и неконсервативный поворот рубежа 1970–80 гг., а следовательно, и нынешнее положение в мире политических идей и представлений.

Ныне значительная часть текстов франкфуртцев (по крайней мере наиболее важная) переведена на русский язык и издана, стала доступна широкой аудитории у нас в стране. Настоящая публикация — тоже шаг в направлении популяризации наиболее значительных и влиятельных некогда сочинений. Это очень напряженные и насыщенные интересными логическими и смысловыми находками тексты, без которых невозможно представить последовательность умственной, политической, моральной эволюции Запада. Несмотря на то что оценки и этой школы и в целом левых к настоящему времени по большей части устарели или требуют серьезного критического пересмотра,² «перепрыгнуть» через них, игнорировать их — значит упустить важное логическое звено в развитии западного мировоззрения.

Особенно важно еще раз подчеркнуть, что влияние это относится преимущественно к левым, леворадикальным мыслителям, и не только в Европе, где левые тенденции были изначально сильны, но даже и к политологам и историкам в США, где левые по-настоящему утвердились только после переезда франкфуртцев в эту страну. В частности, Франц Нойманн и его «Бегемот» прямо повлияли на Чарльза Райта Миллса, известного американского леворадикального мыслителя, автора знаменитой книги «Властвующие элиты» (1956), в которой последний резко критиковал антигуманные тенденции в эволюции власти в США. Миллс разделял взгляд Нойманна, что опасности, обусловленные монополистическим капитализмом, не ограничиваются Германией Гитлера, а угрожают и США. Миллс, по сути, использовал ту же методологию исследования общества, что и Нойманн в своей оценке на-

² См., например: *Готфрид П. Странная смерть марксизма. Европейские левые в новом тысячелетии.* М., 2009. *Passim*.

цистской Германии. В исследовании Нойманна Миллса привлекло то, что государство на новом этапе его развития рассматривалось не как «Левиафан» (так называлась книга английского философа Томаса Гоббса 1651 года),³ т. е. очень мощная, но упорядоченная и взвешенная, оставляющая человеку некоторую толику автономии власть, а как «Бегемот»⁴ (текст Гоббса уже 1682 г.), т. е. анархическая и дикая стихия борьбы всех против всех, в которой нет места ничему, кроме тотального контроля и тотальных претензий власть предержащих. Во второй книге Гоббс описывал политические условия в Англии в период хаотичного «Долгого парламента» и его приспешников. Приблизительно таким же Нойманн метафорически представлял конфликт между суверенами власти в Третьем рейхе, беззаконие и отсутствие всяких правовых норм в государстве Гитлера.

Вряд ли можно сказать, что «Бегемот» Нойманна, вернее его взгляд на природу нацизма, ныне разделяются всеми историками, за исключением немногочисленных марксистских исследователей (наподобие английского историка Тимоти Мейсона).⁵ Все же Нойманн, а вместе с ним Конрад Гейден⁶ и Эрнст Френкель (его монография «Двойное государство» была опубликована в 1941 г. в США) были первыми серьезными интерпретаторами национал-социализма и сильно повлияли на последующие исследования природы этого необычного феномена, очень трудно поддающегося объяснению, в силу его «неисторического» характера, совершенно выбывающего из контекста национальной традиции.

Главная причина относительного забвения концепции Нойманна и названных авторов в том, что они обращались, скорее, к исследованию горизонтальных структур господства нацистов,

³ «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». 1651.

⁴ «Бегемот, или Долгий парламент», этот забытый за давностью лет текст Гоббса обнаружил и впервые идентифицировал, откомментировал и опубликовал в конце 1930-х гг. немецкий социолог Фердинанд Теннис. Термин «Бегемот» Гоббс применял к догосударственному состоянию общества. Само слово «бегемот» взято из еврейской эсхатологии и означает чудище, несущее хаос и разрушение всякого порядка и организации.

⁵ К примеру: *Arbeiterklasse und Volksgemeinschaft. Dokumente und Materialien zur deutschen Arbeiterpolitik, 1936–1939*. Opladen, 1975; *Nazism, Fascism, and the Working Class. Essays by Tim Mason*. Cambridge, 1995.

⁶ Гейден К. История германского фашизма. М., 1935.

а ныне исследователей больше интересуют вертикальные связи. Это и в самом деле более интересно и продуктивно, поскольку речь идет об обществе и о том, чем нацизм привлекал людей. Многочисленные изыскания отечественных и зарубежных историков, в частности немецких, являются тому подтверждением.⁷ Нойманн же использовал по большей части марксистскую аргументацию в пользу доминирования в нацистской Германии различных групп влияния; он почти целиком сосредоточился на борьбе за сферы компетенции четырех главных, на его взгляд, групп — промышленных монополий, партии, вермахта и государственной бюрократии. Конечно, это давало массу возможностей для проникновения в суть происшедшего в Германии в 1933–1945 гг., но современный уровень знаний позволяет значительно расширить наши представления о механизмах власти при нацистах за счет обращения к сфере социальной истории Третьего рейха, которая несомненно имела и толику позитивной природы, помимо негативной — преследований политических противников, нацистского расизма и антисемитизма. Игнорирование этой позитивной части ведет к недооценке масштабов общественной мобилизации в условиях тоталитарного режима. Эта мобилизация была, по сравнению с демократическими западными странами, также и следствием гораздо более эффективных действий правительства Гитлера по преодолению экономического кризиса. По сути, став канцлером, Гитлер начал делать то, что рекомендовал Джон Мейнард Кейнс и что недостаточно энергично делали на Западе: при понижении биржевого курса Гитлер перешел от политики экономии к политике затрат, чтобы уменьшить бремя долгов при повышении биржевого курса. Правда, при нацистах поток затрат был направлен не на финансово-экономическую стабилизацию, а на милитаризацию.⁸ Но в конечном счете это привело к практически моментальному преодолению безработицы, что выгодно отличало Германию от других стран. В частности, в США безработица была по-настоящему преодолена только после нападения японцев в 1941 г., когда начался массовый призыв в армию молодых людей.

Кроме того, фокусируя внимание исключительно на «тоталитарной монополистической экономике», Нойманн не учел значе-

⁷ См.: *Kershaw I. Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Überblick. Reinbek bei Hamburg, 1999. Passim.*

⁸ *Ференбах О. Крах и возрождение Германии. М., 2001. С. 92.*

ние и динамику других общественных институтов при нацистах — семьи, церкви, науки, средств массовой информации, а также полиции, юстиции. Но эта критика не является принципиальной, поскольку Нойманн дал сильнейший импульс развитию историографии в нужном, принципиально верном направлении. Просто его нужно было наполнить дополнительным содержанием, расширить круг «суверенов» и горизонтальных и вертикальных структур.

Представляется, что современную западную историографию нацизма постигла другая опасность — игнорирование масштабов манипулирования сознанием масс в условиях тоталитарной системы. Эту опасность Нойманн понимал лучше современных историков. Так, современные западные ученые обществоведы (особенно немцы) усиленно культивируют концепцию коллективной вины немцев за происшедшее. Например, немецкий историк Гётц Али даже ввел нелепое, как кажется, обозначение для национал-социализма «Zustimmungsdiktatur» («аккламационная диктатура»),⁹ т. е. диктатура, которая была единодушно принята и одобрена немцами, а американский публицист Дениэл Гольдхаген называл немцев не иначе как «Hitlers freiwillige Helfer» («Добровольные помощники Гитлера», так называлась его книга; причем показательно, что в числе ответственных за холокост у него оказалась даже католическая церковь).¹⁰ Еще более радикальную позицию в утверждении коллективной вины немцев занимали Александр и Маргарет Митчерлих в книге, получившей широкую известность на Западе, с характерным названием «Неспособность скорбеть».

Конечно, это крайности ложной политкорректности на потребу каких-либо политических установок. Истина где-то посередине между точкой зрения Нойманна и взглядами современных западных авторов.

⁹ *Aly G. Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus.* München, 2005. Passim.

¹⁰ *Goldhagen D. J. Hitler's willing executioners. Ordinary Germans and the Holocaust.* New York, 1996; *Goldhagen D. J. Die katholische Kirche und der Holocaust. Eine Untersuchung über Schuld und Sühne.* München, 2002.

Принципиальная значимость концепции Нойманна

Нойманн по своему основному роду деятельности прежде всего юрист, поэтому его внимание было сосредоточено главным образом на правовой практике и принципиальных переменах в этой сфере государственной власти. Выбор оказался удачным. Нойманн почти одновременно с другим немецким эмигрантом, тоже юристом, Эрнстом Френкелем обратился к такой постановке вопроса. Френкель до 1938 г. также был адвокатом в Берлине; он имел возможность оценить правовую практику гитлеровского государства, которое называл «двойным государством». По его оценке, в секторе власти, который был жизненно важен для расширения тоталитарных претензий режима, ни объективно, ни субъективно не существовало никакого права; в этой сфере юридических норм не было, там царили «мероприятия». В сфере же гражданского права некоторые старые нормы продолжали существовать параллельно вновь созданным нацистским юридическим нормам. Нужно признать правоту Френкеля: без определенной толики права современное государство вообще не может существовать. Но упомянутые нормы были актуальны лишь в той мере, в какой они были допустимы по политическим соображениям и практическим потребностям. Право решающего голоса в этом процессе принадлежало нацистской диктатуре, которая практиковала разделение компетенций на субсидиарной основе. Правда, нацисты по возможности воздерживались от юридических новшеств в сфере экономики. Френкель, однако, подчеркивал, что нет оснований считать, будто нацисты были агентами крупного капитала (как утверждает марксистская историография) — скорее, при Гитлере таким образом реализовывался примат политики. Хотя нацисты и признавали частное предпринимательство важной формой мобилизации творческих сил народа, они оставляли за собой право определять, кто может пользоваться этим правом, а кто — нет. От опасности оказаться вне закона и общества не был застрахован никто: на задворках юридических норм нацистского государства постоянно маячил призрак политической целесообразности. «Полная резервация за политикой преимущественного положения характеризовала всю нацистскую правовую систему».¹¹

¹¹ *Fraenkel E. Der Doppelstaat. Recht und Justiz im Nationalsozialismus. Frankfurt a. Main, 1984. S. 94–96.*

Франц Нойманн, напротив, не считал, что в Третьем рейхе было единое право и единая власть фюрера, он категорически возражал против мнения Френкеля. В отличие от оценок последнего, Нойманн считал, что право и закон при нацистах были только «техническими правилами», регулируемые волей фюрера и сами по себе не имевшими правовой обязательности. По Нойманну, в Третьем рейхе царило перманентное чрезвычайное положение.

Ф. Нойманн справедливо отмечал, что конституция — это не просто юридический документ, но и социальный миф, имеющий мобилизационное значение, но только не в Германии, которая после войны внутренне не приняла демократию и правопорядок, с ней связанный. Нацисты этим и воспользовались — Нойманн писал, что в нацистской Германии безраздельно царили хаос, беззаконие и анархия, это подчеркивалось самим названием книги. Немецкое общество, на его взгляд, было разделено на четыре группы, каждая из которых действовала на основании принципа фюрерства и обладала собственной законодательной, исполнительной и судебной властью: партия, высшая бюрократия, вермахт и монополисты. Руководство этих четырех «тоталитарных организаций» иногда шло на компромиссы и соглашения друг с другом. Компромиссы, однако, никак не кодифицировались и не приводились в соответствие с нормой, но реализовывались непосредственно. Нойманн указывал, что Гитлер, хотя и обладал несомненным суверенитетом, единолично принимал только самые важные и существенные решения; правда, и в этих случаях ему приходилось идти на компромиссы. Культ Гитлера служил тому, чтобы скрыть такое положение дел, так как кроме харизматического фюрера не было никакой инстанции для того, чтобы координировать или упорядочивать борьбу между властными группами. Собственно, напряженная борьба между этими группами и была причиной динамики государства и его институтов в Третьем рейхе. Эта динамика регулировалась фюрером. Когда же центральная фигура этой структуры потеряла свою интегрирующую силу и возможности, то вся система рухнула.

Приведенные выше суждения Френкеля и Нойманна лишь внешне противоречат друг другу; оба признавали дуализм нацистской властной машинерии и параллельное существование власти и общества, правовой традиции и попыток ее реформировать. Взгляды обоих выдающихся и оригинальных аналитиков имеют не столько разную природу, сколько разные углы зрения на на-

цистское государство и его правовую систему. При современном состоянии историографии столь разные взгляды на нацизм гармонично дополняют друг друга и делают всю систему власти при нацистах более понятной. Более того — нынешнее положение нацизма в немецкой историографии, в частности спор «интенционистов» и «функционалистов», невозможно представить без «Бегемота» Нойманна и его дискуссии с Френкелем.

Вероятно, следует напомнить суть этого спора. В отношении еврейского вопроса и холокоста существует так называемое «функционалистское» направление, идея которого сводится к тому, что все антисемитские эксцессы нацистов родились сами собой из практики нацистского антисемитизма во время войны. Функционалистам противостояли «интенционалисты» (от слова *intentio* (лат.) — намерение), т. е. историки, считающие, что массовые убийства евреев были запланированными. В отличие от функционалистов, интенционалисты сводят холокост к намерениям Гитлера, т. е. к идеологически обоснованной политике. Самой значительной фигурой среди функционалистов был Мартин Бросцат, который в своей книге «Государство Гитлера» (1969) обосновал позиции этого направления. Левые в свое время критиковали Бросцата за то, что он утверждал, будто массовые убийства евреев не планировались, как не планировалась и законодательная дискриминация евреев — все это родилось само собой из сущности нацистского режима. Похоже, однако, что точка зрения Бросцата близка к истине: в 1946 г. тюремный психолог спрашивал министра внутренних дел В. Фрика, как дело дошло до массовых убийств евреев, и тот отвечал, что при разработке Нюрнбергских законов никто и не помышлял о массовых убийствах, все вышло само собой.¹² И правда странно, что ни бюджета, ни плана, ни соответствующих распоряжений по реализации трудной и дорогостоящей операции обнаружить не удалось, а ведь немцы — народ аккуратный, и какие-либо документальные следы финансирования огромных масштабов предприятия в бухгалтерской отчетности обязательно должны были сохраниться.

Интересно, что сам Нойманн, будучи евреем, высказывался в том смысле, что антисемитизм в практике нацизма носил совершенно подчиненный характер, в отличие от оценок современных

¹² См.: *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg.). *Die braune Elite II*. Düsseldorf, 1993. S. 85.

западных историков. Более того, в первых послевоенных публикациях Нойманн неоднократно писал, что антисемитизм совершенно не присущ немцам. Правда, впоследствии, под влиянием ужасных свидетельств о происшедшем в лагерях, он пересмотрел свое мнение об этом качестве немецкого народа.

В ФРГ анализ Нойманна и Френкеля был признан по-настоящему значимым и адекватным не сразу после войны, а значительно позже, по той причине, что он не соответствовал общественным настроениям в Германии, долгое время находившейся во власти мифа — видимости монолитного фюрерского государства, которое изображали абсолютно всесильным, идеально строго организованным по вертикали. Эту же иллюзию разделяла и отечественная историография, изображавшая рационально злодейски организованную тотальную империю насилия. Такая оценка ныне представляется совершенно неверной — кажется странным, что вслед за Нойманном историки не увидели очевидного: ведь нацисты не осмелились сделать того, что сделал Ленин, одним махом заменив весь личный состав министерства юстиции, а затем полностью преобразовав право согласно потребностям диктатуры. Обе диктатуры, однако, роднит презрительное отношение к праву как таковому.

Мотивацию, представления и потребности, которыми руководствовались и оправдывались нацистское право и советское право, нетрудно понять: например, в перенаселенных советских городах большую социальную проблему составляли алкоголизм и хулиганство, поэтому чекисты, не обращая внимания на законы, выдвинули на первый план идеологические цели. «Революционное сознание» (в Советской России) или «расовое сознание» (в нацистской Германии) оттеснили право на задний план — в таких условиях получила развитие практика вынесения судебных приговоров по аналогиям, закон стал иметь обратную силу, подчеркивалась объективность вины и ее преимущественное право перед субъективностью доказательства. Государственные органы использовали в своих целях общественное недовольство социальными проблемами, поэтому в советских и нацистских условиях право находилось в тени чрезвычайных полномочий полиции — ЧК или гестапо. Обе системы практически не делали различий между бытовыми и политическими преступлениями (по крайней мере в судебной практике и в лагерях к «политическим» относились хуже). Сталин пытался создать впечатление полной законности своего режима, но при

этом мнимых или настоящих врагов он преследовал несравненно более жестоко, чем Гитлер.¹³ В Германии не осуществляли варварской индустриализации, как у нас в стране, и не проводили показательных процессов «врагов народа», зато вся негативная активность нацистского режима была нацелена на евреев, а во время войны — на противников.

*Борьба компетенций, институциональный дарвинизм —
важнейший признак государства
в Третьем рейхе*

По существу Нойманн первым увидел самое важное — Третий рейх совершенно порвал со старой немецкой правовой традицией и четкой практикой разделения властей и регулирования компетенций, чем так ярко отличалась прусская традиция. Дело в том, что Гитлер при создании нового государства — как и при создании партии — руководствовался мыслью, что и государство должно строиться на точно таких же командно-самовластных началах отдельных управленческих структур. Но поскольку природа одного и другого института совершенно различна, то рецепты успеха, сопутствовавшего ему при создании чрезвычайно динамичной и мощной партии, были совершенно непригодны при государственном строительстве. Последнее было несравненно более сложным делом, чем создание партии, поскольку приходилось иметь дело с уже сложившимся институтом, который нужно было не создавать заново, а перестраивать и приспособливать к новым задачам. В конечном счете следует признать, что «люди государства» в Третьем рейхе не смогли преодолеть влияния «людей партии» и СА: они отчаялись преодолеть анархию компетенций и отсутствие каких-либо правил игры однопартийного государства, которому было присуще безусловное повиновение воле фюрера. Иными словами, старая немецкая авторитарная традиция была прервана нацистским государством и никакой преемственности между ними нет.¹⁴ Эта точка зрения стала общепринятой только относительно

¹³ Kershaw I., Lewin M. (ed.). *Stalinism and Nazism. Dictatorship in Comparison*. Cambridge, 1997. Passim.

¹⁴ Cp.: *Rebentisch D. Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Verfassungsentwicklung 1939—45*. Stuttgart, 1989. Passim.

недавно, но первым на это свойство Третьего рейха указал именно Нойманн.

Интересно, что Нойманн, будучи левым мыслителем по своим убеждениям, осознавал важность и значимость немецкой традиции, особенно прусского наследия, у людей его поколения это понимание было просто в крови. Как отмечал в свое время Фридрих Мейнеке, у прусского государства со времен Фридриха Вильгельма I и Фридриха Великого было две ипостаси. Одна из них была способной к восприятию и культивированию гуманизма, а другая — противоположного свойства. Но и неоднократно осужденный и проклятый прусский милитаризм также имел свою позитивную ипостась — железное чувство долга, аскетическая простота понятия служения, дисциплина характера.¹⁵ Именно к этому мнению склонялся и Нойманн, полагая, что вследствие именно прусского наследия «армия — единственная организация в Германии, которая знает как сохранить свою самостоятельность от партийного вмешательства». В самом деле, армия в Третьем рейхе была едва ли не единственной возможностью «внутренней эмиграции».

Нойманн ясно показал, что чиновная клика кайзеровских времен рассчитывала после 1933 г. вернуть себе утраченные в республике позиции, но эти ожидания не оправдались, поскольку в борьбе компетенций и противостоянии людей партии и людей государства Гитлер отдавал предпочтение первым. Государство в Третьем рейхе уже не исполняло присущей ему роли регулятора интересов различных общественных групп, оно само стало одной из групп влияния. Тактика Гитлера в отношении государства состояла в том, что после своего утверждения в качестве главы государства он долгое время делал вид, что бессилен против динамики и энергии НСДАП и СА. На самом же деле это был хитрый маневр, Гитлер охотно и сознательно поощрял этот активизм и инициативы или по крайней мере терпел их. Подобная тактика Гитлера привела к нацистской унификации государства в таких масштабах и с такой скоростью, каковых никто не ожидал. Ханна Арендт остроумно сравнила эту унифицированную нацистами государственную власть с внешней оболочкой луковицы, которая закрывает более горькие и жгучие ее слои.¹⁶ Традиционный государственный аппа-

¹⁵ *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Zürich, 1946. S. 23.

¹⁶ *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. S. 606.

рат в такой «луковице» представляет внешний слой, а внутренние слои ее — это постоянно растущий аппарат власти партии, развивавшейся и усиливавшейся вплоть до 1945 г. Иными словами, государство при нацистах было скорее не аппаратом исполнения государственной политики, а правовой процедурой, которой в принципе старались придерживаться, но как только возникала какая-либо потребность нарушить эту процедуру (обнажить новый слой «луковицы»), тогда создавались соответствующие компетентные органы, которые действовали исключительно по собственному произволу.¹⁷ В итоге, в соответствии с точкой зрения Нойманна, нацистская диктатура представляет собой мешанину отдельных групповых и частных интересов, реализация которых была поставлена в зависимость от интересов квазинациональной общности и ее целей, — таким образом, всякое социально обоснованное сопротивление системе было исключено этой круговой порукой.

Гитлер верно почувствовал, что народу, государству и экономике нужны импульсы в преодолении застоя после кризиса. Первоначальная действенность всех гитлеровских начинаний была увеличена решительностью, с какой отдавались необходимые распоряжения, и динамикой (хотя часто и бестолковой), которой были отмечены действия нацистских властей. Ко всему прочему инстинкт, выказанный Гитлером при захвате власти, теперь дополнился его бесспорной способностью представлять власть.¹⁸ Это отчетливо видно даже на документальных лентах того времени, запечатлевших целые спектакли, которые умело разыгрывал Гитлер, изображая «отца» нации или весьма впечатляюще представляя власть. Легко себе представить, какое впечатление это производило на простой народ, который жаждал мессии, способного избавить от всех напастей. Миллионы нормальных простых людей поверили в Гитлера и его государство и оказались обманутыми в своей вере, ибо в целом режим преследовал прежде всего свои собственные цели.

Гитлер считал, что главной целью и смыслом нового государства должно быть сохранение и дальнейшее развитие расовой общности в физическом и духовном смысле, а также обеспечение свободного развития каждого полноправного члена этого сообщества и пробуждение сил к созидательному творчеству. «Задачей истинно народного государства, — писал Гитлер в „Майн кампф“, — яв-

¹⁷ Cp.: *Buchheim H.* Anatomie des SS-Staates. Bd 1. Olten, 1965. S. 28.

¹⁸ Cp.: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. München, 1964. S. 69.

ляется написание мировой истории, в этом процессе расовый вопрос должен занимать доминирующее положение».¹⁹ Для Гитлера государство и нация, нация и социализм были идентичны, он стремился к тотальной общности, динамично рвущейся к имперским целям и положению: «Тот, кто любит свой народ, должен доказать это жертвой. Национального чувства, восходящего к выгоде, не существует. Национального чувства, которое охватывает только определенные классы общества, — тоже. Распространенный в наше время страх перед шовинизмом — это признак импотенции».²⁰

Новое нацистское государство носило тоталитарный характер, как и в СССР. Тоталитаризм вообще был совершенно новым политическим явлением в истории Европы, он в корне отличался от старого имперского и авторитарного государства. Необходимо отметить, что Франц Нойманн, наряду с Ханной Арендт, Эрнстом Френкелем и Карлом Фридрихом, в значительной степени содействовал оформлению теории тоталитаризма. По сути, «Бегемот» уже содержит основные наблюдения над системой тоталитаризма, эти наблюдения его последователям нужно было только развивать. Теория тоталитаризма носит более политологический, а не исторический характер, поскольку отвергается многими серьезными историками. Но значимость ее в преодолении нацизма, национальном немецком покаянии за него неоспорима, и влияние Нойманна на этот процесс — тоже. Важно подчеркнуть, что покаяние за совершенные нацистским режимом преступления ослабило стремление немцев отстаивать достоинство немецкой культуры и относиться более-менее безразлично к влияниям извне. По сравнению с Францией это сразу бросается в глаза. Понятно, почему Германия стала самой американизированной из стран Европы.²¹ Такое безразличие кажется чреватых последствиями, поскольку, как формулировал немецкий философ Михаэл Квандт, «Zukunft braucht Herkunft» («Будущее нуждается в происхождении»). Еще лучше описал такую ситуацию экс-канцлер ФРГ Гельмут Шмит: «Стараниями историков галерея портретов немецких политиков прошлого превращена в альбом с портретами преступников».

¹⁹ Hitler A. Mein Kampf. Bd 1. S. 60.

²⁰ Ibid. S. 65–66.

²¹ Бергер Питер Л. Культурная динамика глобализации // Бергер П., Хантингтон С. (ред.). Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004. С. 18.

За тоталитарной политикой скрывались неведомые до того представления о политической реальности и власти вообще. Причиной этих необычайных свойств тоталитарной власти была, как это ни странно звучит, массовая демократизация, которая по-новому и весьма эффективно легитимировала насилие, унификацию общества, бесконтрольный характер власти. Одна из первооткрывателей феномена тоталитаризма — Ханна Арендт — указывала, что своеобразие тоталитарной формы государства обусловило возникновение до тех пор неведомой психологической ситуации, когда под воздействием тоталитарной машинерии человек впадает в состояние полного одиночества перед лицом всемогущего и бесконтрольного государства и его многочисленных проявлений. Это одиночество и покинутость и составляют главную примету тоталитаризма.²² Тоталитарное государство составляет противовес либеральному государству и является завершенным выражением этого противопоставления. Нацистское тоталитарное государство было фюрерским и расовым, с весьма важными элементами современного социального государства, что придавало ему особую привлекательность в глазах немцев, по крайней мере до начала войны. Тоталитарный характер государства, однако, не означал неперенной его эффективности, даже и сама тотальность государства оказалась на поверку фикцией во многих отношениях. Гитлер в 1932 г. говорил об инфляции законов, но подлинная инфляция законов началась после 1933 г.: начиная с Закона о чрезвычайных полномочиях правительства от 24 марта 1933 г. (с этого момента законы могли приниматься правительством без рейхстага); до 8 мая 1945 г. было выпущено 8000 законов и распоряжений,²³ которые часто противоречили друг другу. Во время войны утверждение новых законов прекратилось — так, в 1944 г. было выпущено лишь два закона, но зато вышло 206 распоряжений, имеющих силу закона. Очевидно, что при такой юридической практике даже верные партии юристы вынуждены были прибегать к импровизации в угоду тем или иным группам интересов в борьбе за все новые сферы компетенций в ходе бесконтрольного и беспрецедентного для немецкой правовой традиции «институционального дарвинизма».

²² Cp.: *Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. S. 750.*

²³ *Maser W. Deutschland. Traum oder Trauma. Kein Requiem. München, 1984. S. 397.*

Харизма Гитлера в интерпретации Нойманна

Харизма, под которой Макс Вебер понимал необычайные качества личности, проверяется только практикой, опытом, масштабами своего воздействия на массы людей, их верностью внушаемым идеям. Поэтому и существует весьма своеобразное свойство взаимосвязи харизмы и опыта. Дело в том, что в самых редких случаях человек, которому приписывают харизматические качества, проявил их сразу, с детства. Гитлер не обнаруживал свою харизму вплоть до окончания войны. Он был харизматичным оратором — необыкновенно точно чувствовал аудиторию и умел управлять ее эмоциями. Немецкий афорист эпохи Просвещения Георг Лихтенберг писал о ком-то, что «не величие духа, а величие нюха сделало его таким человеком». То же самое можно сказать и о Гитлере. Иными словами, его харизма была продуктом взаимодействия с последователями. Можно сказать, что харизма — это прежде всего результат процесса обратной связи. Это совершенно точно относится и к Гитлеру — его харизма интересна в первую очередь тем, что многое объясняет в состоянии немецкого общества к 1933 г. Английская исследовательница нацизма Клаудиа Кунц отмечала, что стиль выступлений Гитлера представлял собой бурный словестный поток, цветистые метафоры, замысловатый синтаксис, что и способствовало возникновению «мифа Гитлера», т. е. особенного качества его харизмы. При этом следует иметь в виду, что харизма Гитлера зависела не только от его актерского или ораторского мастерства, но и от сути послания, с которым он обращался к массам. Противники Гитлера слышали в его речах только призывы к ненависти. Они не оценили должным образом структуру его речей, в которой каждая вспышка ярости уравнивалась экзальтированным прославлением высших ценностей. Нашему современнику эти гимны нравственной чистоте и бескорыстию кажутся лицемерными и банальными, но у немцев, помнивших воинственную лихорадку 1914 г. или слышавших рассказы старшего поколения о том времени, гитлеровская смесь идеализма и ненависти вызывала живейший отклик.²⁴

Проницательность Нойманна выразилась и в его оценках харизмы Гитлера в третьей главе, где на историческом фоне (Лю-

²⁴ Кунц К. Совесть нацистов. М., 2007. С. 39.

тер, Кальвин, короли-чудотворцы, психологические истоки) рассматривается это явление. В самом деле, эта харизма необычна не только для немецкой, но и в целом для европейской истории. В анализе ее Нойманн опирался на типологию разновидностей власти, созданную Максом Вебером. Нойманн развил ее, показав, что в условиях массового общества харизма вождя стала абсолютной. Она стала как бы оборотной стороной процесса возвышения значимости общности, понимаемой как высшая ценность, что характерно для современного массового общества — еще в 1924 г. немецкий философ Хельмут Плеснер тонко подметил, что «идол нашего времени — это общность, и в качестве компенсации за жесткость и серость нашей жизни этот идол превращает все сладкое в приторное, любое проявление деликатности — в слабость, гибкость — в отсутствие достоинства».²⁵ Как раз к этому вопросу Нойманн и обращается в следующей главе о «народе избранной расы». Как указывает Нойманн, Гитлер использовал свою исключительную харизму для насаждения расизма и антисемитизма в «народе господ». Эта глава «Бегемота» — «Народ избранной расы, источник харизмы» — особенно поучительна и интересна.

Харизматический тип господства, как показал Нойманн, наиболее выразился именно в Третьем рейхе. Ни в Пруссии Фридриха Великого, ни в наполеоновской Франции, ни в Германии Отто фон Бисмарка, ни в ленинской или сталинской России, ни в Италии Муссолини политическая атмосфера не была столь совершенно исполнена культом вождя, как в нацистской Германии. Нигде в мире миф фюрера с самого начала не находился в центре политической системы, не был в столь значительной степени ее ключевой категорией, ее основным мотором и средством управления. Именно благодаря этому мифу «гитлеровское движение» развилось во внушительную интеграционную и пропагандистскую силу, а в конечном счете, комбинируя власть партии и государства, смогло создать «фюрерское государство», не имевшее прецедентов.²⁶ В этом государстве большинство отнюдь не было пассивно, наоборот, оно активно поддерживало режим. Гитлер был более

²⁵ Plessner H. Die Grenzen der Gemeinschaft (1924). Цит. по: Brenner M. Jüdische Kultur in der Weimarer Republik. München, 2000. S. 47.

²⁶ Broszat M. Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. München, 1987. S. 57.

популярным политиком и обладал большей харизмой, чем Луи-Блан, Муссолини или Кемаль.²⁷

Нойманн сразу это распознал и очень ясно сформулировал. Это тем более примечательно, что «левые» не обращались к этой проблеме вообще — ни в ГДР, ни в Советском Союзе не было ни одной биографии Гитлера...

Интерпретация антисемитизма у Нойманна

Интересно также обратить внимание читателя на одну из самых важных тем в современном истолковании национал-социализма — антисемитизм. Ныне принято считать, что как у большевиков стержнем их доктрины была теория классовой борьбы, так у нацистов — расовый антисемитизм.

Конечно, страницы работы Нойманна, посвященные этой теме, исполнены справедливого негодования относительно обращения нацистских властей с евреями. Но в отличие от современных западных историков, рассматривающих нацистский антисемитизм как главное содержание гитлеровской доктрины, у Нойманна он носит подчиненный характер. Представляется, что такой подход является более адекватным, поскольку эту тему часто используют для политических целей, а не для проникновения в действительность истории, что, собственно, и является задачей науки. Прав был Голо Манн, когда отмечал, что «падение Веймарской республики вовсе не является закономерным, и историки оказывают Гитлеру слишком большую честь, стараясь уверить нас в том, что на протяжении сотен лет Германия занималась тем, что готовила себя к национал-социализму».²⁸

Египтолог и знаток истории Израиля Ян Ассманн в этой связи отмечал: «Уничтожение европейского еврейства — это исторический факт и как таковой является объектом исторического исследования. В современном Израиле, однако, эта трагедия была еще сделана работающим мифом, функционирующей историей, из которой это государство черпает значительную часть легитимации и политической ориентации — это выражается в многочисленных памятниках и мемориальных собраниях, этому учат в школе, и

²⁷ Lukacs J. The Hitler of History. New York, 1998. P. 111.

²⁸ Ференбах О. Крах и возрождение Германии. С. 94.

это все принадлежит к мифомоторике государства Израиль». Ни одно государство не может обойтись без мифов или исторических легенд, которые не являются простой выдумкой, а основываются на более или менее реальных событиях или их преувеличенном и одностороннем толковании. Сами немцы использовали покаяние за преследование евреев в Третьем рейхе для обоснования новой государственной идентичности. Немецкое же «политкорректное» толкование Холокоста делает последний событием, превратившимся в социальный миф, служащий отправной точкой истории современной Германии. Такое восприятие всей национальной истории через призму трагедии Холокоста не может быть прочным основанием новой немецкой национальной идентичности.²⁹

Соня Марголина справедливо отмечала, что один из парадоксов осмысления истории (в том числе и Холокоста) состоит в том, что, несмотря на серьезный и заслуживающий внимания и уважения труд, тысячекратное сознательное усилие понимания и морального очищения, это осмысление проходит фазы, напоминающие эволюцию религиозных движений. Энтузиазм и взлет парадигмы сменяется догматизацией, ведущей к оскудению мысли и конформизму. Сложность сменяется мифом, сомнения просто пересекаются.³⁰

Теоретически неожиданный акцент на антисемитизме стал доминирующим в ходе и после «революции» 1968 г., когда молодежь искала темы, которые можно было использовать в критике старшего поколения. Затем, в 1973 г. вышла мыльная опера «Холокост», сделанная в Голливуде. Как это часто бывает, голливудская поделка оказала значительно большее влияние на публику, чем высокоумные дебаты историков. Именно тогда и произошло становление мифа о Холокосте как уникальном и абсолютном зле, а в связи с этим стало распространяться сознание неустранимости немецкой вины, наследуемой следующими поколениями. Холокост стал символом веры и критерием моральной, политической и даже эстетической оценки дискурсов любого рода.³¹ По существу,

²⁹ Nolte E. Die Deutschen und ihre Vergangenheit. Berlin, 1995. S. 216–217.

³⁰ Марголина С. Конец прекрасной эпохи // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. С. 44.

³¹ Там же. С. 40.

немецкие публицисты ведут охоту, главной жертвой которой стал не антисемитизм, а рассудок, здравый смысл.

Немецкий писатель Мартин Вальзер на вручении ему 11 октября 1998 г. премии Немецкой книжной биржи справедливо говорил об «инструментализации нашего позора для ежеминутных целей», о том, что «Освенцим стал моральной дубиной для немецкого народа». Интересно, что в «революцию» 1968 г. Вальзер и Гюнтер Грасс подняли бунт против фигуры умолчания и поставили вопрос о немецкой вине — тогда они шли против течения, против господствующего общественного мнения. Теперь же вновь бросили вызов новому нормативному дискурсу о прошлом. Этот дискурс хорошо описал Мишель Фуко: «Нам хорошо известно, что говорить можно не все, говорить можно не обо всем, и, наконец, что не всякому можно говорить о чем угодно».

Таким образом, представляется, что более ясная и взвешенная оценка нацистского антисемитизма содержится в настоящей книге. В историческом исследовании позволять доминировать моральным оценкам нельзя. Современные исследования по истории нацистской Германии и все больше работ, посвященных иным предметам, наполняются идеями и методами, заимствованными из морали, религии и закона. Такой подход оправдан, если необходимо принять решение, имеет ли право отдельный человек или группа людей получить компенсацию за страдания, пережитые во время правления нацистов, или кто-то должен в той или иной форме возместить ущерб за страдания, причиненные другим. В подобных случаях такой подход не только уместен, но и необходим. Но исторический подход имеет совершенно другую цель: задача историка — понять, а не судить, и делать нравственные выводы.

В написании вводной статьи к сочинению Нойманна мы использовали почти случайные реминисценции и впечатления от этого насыщенного и сложного текста, поскольку систематически перечислить темы и их влияние на последующие поколения историков — значит подробно пересказать эту замечательную книгу. Мы уверены, что Нойманн смог создать чрезвычайно сложную и противоречивую картину действительности при нацистах. Пусть сам читатель судит о достоинствах и недостатках этого, для своего времени революционного в интерпретации нацизма и его истоков текста.

О. Ю. Пленков

ЗАМЕТКА О БЕГЕМОТЕ

В еврейской эсхатологии — вавилонского происхождения — Бегемот и Левиафан обозначают двух чудовищ. Бегемот управляет землей (пустыней), Левиафан — морем, первый — мужского рода, второе чудовище — женского. Земные животные поклоняются Бегемоту, морские животные — Левиафану, как своим повелителям. Оба — чудовища из Хаоса. Согласно апокалиптическим писаниям, Бегемот и Левиафан вновь появятся незадолго до конца мира. Они установят господство террора, но будут уничтожены Богом. По другим версиям Бегемот и Левиафан будут постоянно друг с другом сражаться и в конце концов уничтожат друг друга. Затем наступит день благочестия и справедливости. Люди будут есть мясо обоих чудовищ на пиру, который возвестит наступление Царства Божьего. Еврейская эсхатология, Книга Иова, пророки, апокалиптические писания полны ссылок на этот миф, который часто по-разному истолковывается и часто приспосабливается к политическим обстоятельствам. Святой Августин видел в Бегемоте Сатану.

Это Гоббс сделал и Левиафана и Бегемота популярными. Его *Левиафан* — это анализ государства, то есть политической системы насилия, в которой все еще сохраняются следы господства закона и индивидуальных прав. Его *Бегемот*, или *Долгий Парламент*, дискутировавший тем не менее о гражданской войне семнадцатого столетия, изображает безвластие, хаос, ситуацию бесправия, беспорядка и анархии.

Поскольку мы считаем, что национал-социализм является — или стремится стать — безвластием, хаосом, господством бесправия и анархии, которое «поглотило» права и достоинство человека, и что ему предстоит превратить весь мир в хаос благодаря верховенству гигантских земных масс, мы находим возможным дать национал-социалистической системе имя — Бегемот.

ВВЕДЕНИЕ

КРАХ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. Империя

Полстолетия или даже больше история современной Германии вращалась вокруг одного основного вопроса: империалистической экспансии посредством войны. С появлением социализма как промышленного и политического движения, угрожающего установившемуся положению промышленного, финансового и сельскохозяйственного богатства, страх перед этим вызовом империализму доминировал во внутренней политике империи. Бисмарк попытался уничтожить социалистическое движение отчасти посредством подкупа, а в большей степени — посредством ряда постановлений, объявлявших вне закона социал-демократическую партию и профсоюзы (1878–1890). Ему это не удалось. Социал-демократия вышла из этой борьбы еще более сильной, чем когда-либо. Затем и Вильгельм I, и Вильгельм II пытались подорвать влияние социалистов среди германских рабочих, проводя различные социальные реформы — и им также это не удалось.

Попытка примирить рабочий класс с государством проводилась в той мере, в какой на это отваживался правящий класс; дальнейшие усилия в этом направлении означали бы отказ от самой основы, на которой зиждилась империя — от полуабсолютистских и бюрократических принципов режима. Только политические уступки рабочему классу могли принести с собой примирение. Правящие партии тем не менее не желали упразднить прусскую систему привилегий для трех классов и образовать ответственное перед парламентом правительство в самом рейхе и в составляющих его государствах. При таком упрямстве им ничего не оставалось, кроме смертельной войны против социализма как организованного политического и промышленного движения.

Методы борьбы приобрели три канонические формы: 1) реорганизацию прусской бюрократии в цитадель полуабсолютизма; 2) создание армии как оплота монархической власти; 3) сплочение классов собственников.

Отсутствие в этой программе какого-либо проявления либерализма имеет особое значение. Либералы потерпели поражение в Германии в 1812, 1848 гг., а также в конституционном конфликте 1862 г. К последней четверти XIX столетия либерализм уже давно перестал быть заметным активным политическим учением или движением; он заключил мир с империей. Более того, по теоретическим основаниям глашатаи абсолютизма отвергали либерализм как полезный инструмент в борьбе против социализма. Возьмем учение о неотъемлемых правах. Чем оно могло быть, кроме инструмента для политического подъема и укрепления рабочего класса? Рудольф Сом, крупный консервативный историк права, выражал расхожее убеждение следующим образом:

«В крутах самого третьего сословия возникли идеи, которые теперь ... подстрекают массы четвертого сословия против третьего. То, что написано в книгах ученых и педагогов, как раз и проповедуется на улицах ... Образование, господствующее в нашем обществе, проповедует его разрушение. Как и образование XVIII столетия, образование наших дней носит в своем чреве революцию. Когда оно разродится, ребенок, вскормленный его кровью, убьет свою собственную мать».¹

Реорганизация бюрократии была предпринята Робертом фон Путткамером, прусским министром внутренних дел с 1881 по 1888 г. Вопреки общепринятому убеждению более ранняя бюрократия XVIII и начала XIX в. была далеко не консервативной и действовала сообща с поборниками растущего промышленного капитализма против феодальных привилегий. Преобразование бюрократии началось тогда, когда сама знать начала принимать широкое участие в капиталистических предприятиях. В кропотливой чистке Путткамер устранил «ненадежные» элементы (включая даже либералов). Государственная служба стала делом закрытой касты, и кампания с целью внедрить дух строгого консерватизма была столь же успешной, как и в армии. Королю, наконец, удалось посредством указа потребовать, чтобы государственные служащие,

¹ *Sohm. Kirchengeschichte im Grundriss. 20th ed. n. d. (1st ed. 1867). P. 216–217.*

которым поручено исполнение правительственных актов и которые, следовательно, могут быть отстранены от службы дисциплинарными мерами, поддерживали его кандидатов на выборах.²

Путткамер принес с собой еще одно оружие в борьбе против социализма. Вдохновленный убеждением, что «Пруссия — это возлюбленная Бога»,³ он сделал религию частью бюрократической жизни.⁴ Бюрократия и религия вместе или, скорее, светская и клерикальная бюрократия стали первичными движущими силами в борьбе против социализма. Идеологическое сопровождение представляло собой непрерывное обвинение материализма и прославление философского идеализма. Так, Генрих фон Трейчке, выдающийся германский историк, облачал свои хвалебные речи в адрес власти государства и великих людей в тот же самый язык современного идеализма, который повторялся в каждом университете, каждой школе и каждым проповедником. Прочный союз сковывал консервативную партию, протестантскую церковь и прусскую государственную службу.

Вторым шагом было преобразование армии в надежный инструмент реакции. Начиная с Фридриха II, короля Пруссии, офицерский корпус формировался главным образом из знати, которая, как предполагалось, обладает естественными качествами лидерства. Фридрих II предпочитал даже дворян иностранного происхождения прусской буржуазии, которую он вместе с людьми, служившими в его армиях, рассматривал как «скопище скотов».⁵ Наполеоновские войны наголову разбили эту армию и показали, что войска, которые связывает одна лишь грубая дисциплина, были гораздо ниже революционных армий Франции. Под руководством Гнейзенау и Шарнхорста германская армия была затем реорганизована и даже демократизирована, в ограниченных пределах, но это долго не продолжалось. В 1860 г., когда Мантейфель закончил свою чистку, из 2900 офицеров пехоты меньше тысячи

² *Eckart Kehr. Das soziale System der Reaktion in Preussen unter dem Ministerium Puttkamer // Die Gesellschaft. 1929 (II). P. 253–274, esp. P. 269.*

³ Puttkamer to his father in May 1859. Cited by Kehr. *Op. cit.* P. 254.

⁴ Один эпизод иллюстрирует, какого рода попытка была сделана. Император Вильгельм I в письме, написанном Путткамеру 11 сентября 1883 г. (Kehr. P. 256), протестует против плана отметить день рождения Лютера публичным праздником. Идея вызвала у него ужас, потому что это позволило бы либералам принять участие в празднике.

⁵ *Herbert Rosinski. The German Army. New York, 1939. P. 30.*

не были дворянами. Все офицеры в гвардейской кавалерии и 95 % в других кавалерийских войсках, а также в лучших полках пехоты были дворянами.⁶

В равной мере важным было приспособление и примирение армии с буржуазным обществом. В 80-е гг. вместе с поражением либерализма в среде буржуазии и с возрастающей угрозой социалистического движения буржуазия отказалась от своей более ранней оппозиции программе расширения армии. Сложился союз между двумя прежними врагами, и на сцене появился «феодально-буржуазный» тип. Институциональным посредником этого типа был офицер запаса, привлекаемый в значительной степени из более низкого среднего класса, перед лицом огромной проблемы персонала, порождаемой ростом армии, воинская сила которой составляла 1 200 000 в 1888 г. и 2 000 000 (3–4 % населения в целом) в 1902 г. Новая «феодальная буржуазия»⁷ имела все тщеславие старого феодала вместе с немногими из его достоинств, малой долей его отношения к лояльности или культуре. Она представляла собой коалицию армии, бюрократии и владельцев больших состояний и фабрик, коалицию, созданную для совместной эксплуатации государства.

Во Франции в течение XIX столетия армия была переплавлена в буржуазию; в Германии, наоборот, общество было переплавлено в армию.⁸ Структурные и психологические механизмы, характеризующие армию, постоянно прокрадывались в гражданскую жизнь, пока они не стали удерживать ее в железных тисках.⁹ Офицер запаса был ключевым деятелем этого процесса. Призванный на службу из «образованной» и привилегированной страты общества, он пришел на смену менее привилегированному, но более либеральному офицеру *Ландвера*. (Реакционеры всегда не доверяли *Ландверу* и считали его офицеров «самым важным рычагом эмансипации среднего класса»)¹⁰. В 1913 г., когда призыв офицеров запаса оказался слишком маленьким для той большой армии, которая бы-

⁶ *Alfred Vagts. A History of Militarism. New York, 1937. P. 201.*

⁷ Термин отчеканен Карлом Бринкманом. *Carl Brinkmann. Die Aristokratie im kapitalistischen Zeitalter // Grundriss der Sozialökonomik. IX. I. Tübingen, 1926. P. 22–34.*

⁸ *Eckart Kehr. Zur Genesis des Kgl. preussischen Reserve of Eziers // Die Gesellschaft. 1928 (II). P. 492.*

⁹ *Vagts. Op. cit. P. II.*

¹⁰ *Ibid. P. 171.*

ла задумана, прусское военное министерство спокойно отменило свои планы относительно увеличения, но не открыло двери «демократизации» офицерского корпуса.¹¹ Один адвокат потерял свою должность офицера запаса, потому что защищал либерала в *громком деле*; также поступили и с мэром, который не стал препятствовать аренде городской собственности для проведения социалистического митинга.¹² Что касается социалистов, то было решено, что им недостает нравственных качеств, чтобы быть офицерами.

Третьим шагом было примирение между аграрным и промышленным капиталом. Депрессия 1870 г. нанесла сильный удар по сельскому хозяйству. Дополнительные трудности были порождены импортом американского зерна, ростом промышленных цен,¹³ и вся торговая политика канцлера Каприви руководствовалась желанием сохранить сельскохозяйственные цены низкими. Доведенные до грани отчаяния аграрии организовали в 1893 г. *Bund der Landwirte* и начали борьбу за протекционистские тарифы на зерно,¹⁴ вызвав негодование промышленного капитала.

История положила конец этому конфликту.¹⁵ Промышленные группы продвигали большую морскую программу, и аграрии, которые были либо враждебны, либо безразличны ранее, согласились через свою главную движущую силу, прусскую консервативную партию, проголосовать за морской закон в обмен на поддержку промышленниками протекционистского тарифа. Политика объединения всех решающих капиталистических сил была в конце концов завершена под руководством Иоганна фон Микеля, кото-

¹¹ Прусский военный министр Генеральному штабу. 20 января 1913. *Hans Herzfeld. Die deutsche Rüstungspolitik vor dem Weltkrieg.* Bonn, 1923. P. 63.

¹² Vagts. Op. cit. P. 340.

¹³ *Max Weber. Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.* Tübingen, 1924. P. 471–507.

¹⁴ Следует упомянуть тот факт, что плохое состояние прусского сельского хозяйства было в значительной степени вызвано недостатком рационализации фермерства Восточной Германии и чрезмерно высокими ценами, намеренно удерживаемыми с целью обеспечить соответствующее роскошное потребление сословию собственников. Эта проблема обсуждается в кн.: *Eckart Kehr. Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894–1901.* Berlin, 1930. P. 250.

¹⁵ См. более детальное обсуждение в разделе «Германский империализм» VI главы первой части (с. 261).

рый сначала как лидер национал-либералов в 1884 г., а позже как прусский министр финансов с 1890 по 1901 г., повернул правое большинство своей партии в русло политики Бисмарка и дал начало своей знаменитой *Sammlungspolitik*, концентрации всех патриотических сил против социал-демократии. *Sammlungspolitik* получила свое высшее выражение в соединении зерновых тарифов с морским строительством в 1900 г. Национал-либералы, католический центр и консервативная партия пришли к общему материальному основанию.

Завершение и последствия Первой мировой войны вскоре показали, что союз реакции был слишком хрупким сооружением. Не было никакой универсально принятой идеологии, чтобы *удерживать* его вместе (и не было никакой лояльной оппозиции в форме активного либерального движения). Совершенно очевидно, что имперская Германия была великой державой без какой-либо принятой теории государства. Где, например, располагалась ее верховная власть? Рейхстаг не был парламентским учреждением. Он не мог быть причиной ни назначения, ни увольнения кабинета министров. Только косвенным образом, особенно после отставки Бисмарка, он мог оказывать политическое влияние, но не более того. Конституционное положение прусского парламента было еще хуже; с помощью своей специально разработанной «теории конституционного интервала» Бисмарк был в состоянии обходиться даже без парламентского одобрения своего бюджета.

Верховная власть империи находилась у императора и герцогов, собранных во второй палате (*Бундестаге*). Герцоги получали свою власть от божественного права королей, и эта средневековая концепция — в абсолютистской форме она принималась в течение XVII столетия — представляла собой то наилучшее, что имперская Германия могла предложить в качестве своей конституционной теории. Проблема, однако, заключалась в том, что любая конституционная теория — это всего лишь иллюзия, если она не принимается большинством народа или по крайней мере играющими решающую роль силами общества. Для большинства германцев божественное право было очевидным абсурдом. И как могло быть иначе? В речи в Кенигсберге 25 августа 1910 г. Вильгельм II сделал одно из своих нередких божественно-правовых заявлений. Вот что он сказал:

«Именно здесь Великий Избиратель сделал себя суверенным герцогом Пруссии по его собственному праву; здесь его сын воз-

ложил королевскую корону себе на голову... Фридрих Вильгельм I здесь учредил свою власть подобно бронзовой скале... и здесь мой дед вновь возложил королевскую корону на свою голову по своему собственному праву, подчеркнув еще раз, что она была дарована ему одной лишь Божьей милостью, а не парламентами, народными ассамблеями и решением народа, и что поэтому он считал себя избранным инструментом небес. Считая себя инструментом Господа, я иду своим путем...»

Бесчисленные шутки и карикатуры, которые, очевидно, высмеивали такое обстоятельное повторение теории, оставляют мало сомнений, что ни одна политическая партия не принимала ее серьезно, за исключением консерваторов, да и те только в той степени, в какой император отождествляя себя с их классовыми интересами. Обоснование верховной власти — это ключевой вопрос конституционной теории, а германским сочинителям тем не менее приходилось его избегать. Не было альтернативы расколу страны сразу по многим линиям — между католиками и протестантами, капиталистами и пролетариями, крупными землевладельцами и промышленниками — и все они были прочно организованы в могущественные социальные организации. Даже самый глупый мог видеть, что император был далек от того, чтобы являться нейтральным главой государства, и что он придерживался определенных религиозных, социальных и политических интересов.

Затем пришла проверка войной, которая призвала к великим жертвам крови и энергии со стороны народа. Имперская власть рухнула, и все силы реакции отреклись в 1918 г. без малейшего сопротивления колебаниям масс влево. Все это было не прямым следствием военного поражения, но результатом идеологического разгрома. «Новая свобода» Вильсона и его четырнадцать пунктов были идеологическими победителями, а не Великобритания и Франция. Немцы страстно приняли «новую свободу» вместе с ее обещанием эры демократии, свободы и самоопределения вместо абсолютизма и бюрократической машины. Даже генерал Людендорф, мнимый диктатор Германии в последние годы войны, признал превосходство демократической идеологии Вильсона над прусской бюрократической эффективностью. Консерваторы не сражались — фактически им было не за что бороться.

2. Структура веймарской демократии

Конституции, написанные в великие поворотные пункты истории, всегда воплощали в себе решения о будущем устройстве общества. Кроме того, конституция — это не только юридический текст; это также и миф, требующий лояльности к внешне обоснованной системе ценностей. Чтобы установить эту истину, нам необходимо всего лишь изучить характерные конституции в истории современного общества, такие, как революционные конституции Франции или Конституцию Соединенных Штатов. Они установили организационные формы политической жизни, а также определили цели государства и задали ему направление. Эта последняя функция была легко выполнена в либеральную эру. Хартии свободы, были ли они воплощены в конституции или нет, должны были предоставить гарантии против вмешательства учреждений властей. Все, что было необходимо для свободного функционирования общества, должно было обеспечить свободу собственности, торговли и коммерции, речей и собраний, религии и печати.

Но не в послевоенной Германии. Конституция 1919 г. была приспособлением к новой свободе Вильсона. Столкнувшись с задачей построения нового государства и нового общества после революции 1918 г., творцы Веймарской республики тем не менее попытались избежать формулировки новой философии жизни и новой всеобъемлющей и общепринятой системы ценностей. Гуго Преисс, проницательный юрист-конституционалист и демократ, которому было поручено фактическое составление конституции, пожелал сократить документ до простого образца устава организации. Его не поддержали. Создатели конституции под влиянием демократа Фридриха Науманна избрали противоположный курс, а именно дать полную разработку демократической системы ценностей во второй части конституции, озаглавленной Основными правами и обязанностями народа Германии.

Просто принять догматы политического либерализма — такое не рассматривалось. Революция 1918 г. была делом рук не либералов, а социалистических партий и профсоюзов, даже вопреки воле и наклонностям руководства. Правда, это не была социалистическая революция: собственность не была экспроприирована, крупные состояния не были разделены, а государственная машина не была разрушена, и бюрократия все еще была у власти. Однако

требования рабочего класса о большей степени участия в определении судьбы государства было удовлетворено.

Классовая борьба должна была превратиться в классовое сотрудничество, которое и было целью конституции. Фактически, идеология партии католического центра должна была стать идеологией Веймара, а сама партия центра с ее членством, пополняемым из самых несопоставимых групп — рабочих, профессионалов, государственных служащих, ремесленников, промышленников и аграриев, — должна была стать прототипом новой политической структуры. Компромисс среди всех социальных и политических групп был сущностью конституции. Антагонистические интересы должны были обретать гармоничное единство в устройстве плюралистической политической структуры, скрывающейся за формой парламентской демократии. Прежде всего должен был быть положен конец империалистической экспансии. Республиканская Германия могла бы найти полноценное применение своему производственному аппарату в международной организации разделения труда.

Плюралистическая доктрина была протестом против теории и практики государственного суверенитета. «Теория суверенного государства потерпела крах и должна быть отвергнута».¹⁶ Плюрализм представлял государство не как суверенную единицу, установленную отдельно от общества и выше него, но как одну социальную силу из многих, обладающую не большей властью, чем церкви, профсоюзы, политические партии или профессиональные и экономические группы.¹⁷ Теория брала свое начало в интерпретации Отто фон Гирке истории германского права, интерпретации, смешанной в любопытном сочетании с реформистским синдикализмом (Прудон) и социальными учениями неотомизма. Вопреки враждебному суверенному государству профсоюзы и церкви требовали признания их якобы изначального, не делегируемого права представлять анонимные группы населения. «Мы

¹⁶ *Lindsay A. B. The State in Recent Political Theory // The Political Quarterly. 1914 (I). P. 136.*

¹⁷ Самое лучшее изложение плюралистической теории и прекрасно подобранную библиографию можно найти в кн.: *Francis W. Coker. Recent Political Thought. New York and London, 1934. P. 497–520.* Самая глубокая критика теории осуществлена в книге *Elliott W. Y. The Pragmatic Revolt in Politics. New York, 1928.*

рассматриваем государство не только как объединение индивидов в общественной жизни; мы видим в нем нечто большее, чем объединение индивидов, уже объединенных в различные группы для достижения дальнейшей и более всеобъемлющей общей цели».¹⁸

Подчеркивание плюралистического принципа было следствием тревоги беспомощного человека перед лицом слишком могущественной государственной машины. Поскольку жизнь становилась все более и более сложной, а задачи, принимаемые на себя государством, возрастали в числе, отдельный индивид увеличивал свой протест против того, что он оказывался предоставленным в распоряжение тех сил, которые он не мог ни понять, ни контролировать. Он вступал в независимые организации. Поручая решение административных задач этим частным органам, плюралисты надеялись достичь двух вещей: преодолеть разрыв между государством и индивидом и дать реальность демократическому тождеству между правителем и управляемым. И отдавая административные задачи в руки компетентных организаций, достичь максимальной эффективности.

Плюрализм, таким образом, представляет собой ответ индивидуального либерализма на государственный абсолютизм. К сожалению, он не выполняет возложенные на себя задачи. Как только государство сокращается до одной из многих социальных сил и лишается своей верховной принудительной власти, только соглашение среди господствующих независимых социальных органов внутри сообщества будет в состоянии предложить конкретное удовлетворение общих интересов. Для таких соглашений, которые будут заключаться и соблюдаться, должно быть некоторое фундаментальное основание для понимания среди тех социальных групп, которых эти соглашения затрагивают, — короче, общество должно быть в своей основе гармоничным. Однако, поскольку на деле общество является антагонистическим, плюралистическая доктрина рано или поздно терпит крах. Либо одна социальная группа присвоит верховную власть себе, либо, если различные группы парализуют и нейтрализуют друг друга, государственная бюрократия станет всемогущей — и еще более, чем когда-либо прежде, потому что она будет требовать более сильных принуди-

¹⁸ Ernest Barker. Political Theory in England from Herbert Spencer to the Present Day, Everyman's Library, 1915. P. 175–183.

тельных механизмом против сильных социальных групп, нежели она нуждалась ранее, чтобы контролировать изолированных и неорганизованных индивидов.

Соглашение, которое является основным механизмом плюрализма, следует понимать в буквальном смысле. Веймарская демократия была обязана своим существованием заключению договоров между группами, и каждый из таких договоров определял решения относительно структуры государства и публичной политики.

1. 10 ноября 1918 г. фельдмаршал фон Гинденбург, который осуществлял контроль за демобилизацией армии, и Фриц Эберт, тогда лидер социал-демократической партии, а позже первый президент республики, вступили в соглашение, общие условия которого были обнародованы лишь через несколько лет. Эберт упоминается как сказавший впоследствии: «Мы объединились с целью бороться с большевизмом. Восстановление монархии немыслимо. 10 ноября наша цель заключалась в том, чтобы как можно скорее представить правительство, поддерживаемое армией и Национальной Ассамблеей. Я советовал фельдмаршалу не бороться с революцией... Я предложил ему, чтобы верховное командование армии заключило союз с одной только социал-демократической партией, чтобы восстановить организованное управление с помощью верховного командования армии. Правые партии полностью исчезли».¹⁹ Хотя это осуществлялось без ведома партии Эберта или

¹⁹ Заявление было сделано генералом Гронером на судебном процессе. Дело было возбуждено по обвинению, выдвинутому социал-демократическим издателем против националистического издателя, который упрекал социал-демократов за их «предательство» армии во время войны. Цитата взята из: *Der Dolchstossprozess in München Oktober–November 1925*. München, 1925. P. 223. Выдающийся немецкий, а теперь американский историк Артур Розенберг в своей работе «История германской республики» опровергает, что заявление Гронера является верным. Я не могу согласиться. Розенберг убедительно показал, что Гронер допустил ошибку, когда он свидетельствовал, что Эберт говорил ему 24 декабря 1918 г., что он уехал из Берлина и хотел отдохнуть три дня. Но это не лишает законной силы остальное в утверждении Гронера, подтвержденном объективными и субъективными фактами. Между Эбертом и штабом Гинденбурга в Ганновере существовала секретная телефонная линия. Гинденбург написал Эберту 8 декабря 1918 г. письмо, в котором он практически подтвердил соглашение. Тем не менее Эберт никогда не

даже его ближайших соратников, такое понимание полностью соответствовало социал-демократической партийной политике. Она включала в себя два пункта: один — негативный, борьбу против большевизма; другой — позитивный, скорый созыв Национальной Ассамблеи.

2. В соглашении Гинденбурга и Эберта ничего не было сказано о социальной структуре новой демократии. Это было включено в соглашение Стенниса-Легина 15 ноября 1918 г., образовавшее центральный рабочий комитет между работодателями и работниками. Стиннес, представлявший первых, и Легин, лидер социалистического профсоюза, договорились о следующих положениях. Впредь работодатели пользуются полной поддержкой со стороны профсоюзных организаций и признают только независимые профсоюзы. Они приняли коллективное соглашение как средство для регулирования заработной платы и условий труда и обещали сотрудничать с профсоюзами во всех вопросах промышленности. Едва ли можно найти более плюралистический документ, чем это соглашение между частными группами, устанавливающее в качестве будущего устройства трудовых отношений в Германии коллективистскую систему, формируемую и контролируруемую анонимными группами.

3. Соглашение 22 и 23 марта 1919 г. между правительством, социал-демократической партией и главными партийными представителями содержало следующее условие:

«Должно быть регулируемое законом рабочее представительство, контролирующее производство, распределение и экономическую жизнь нации, проверяющее социалистические предприятия и содействующее проведению национализации. Закон, обеспечивающий такое представительство, должен быть принят как можно скорее. Он должен быть условием для избрания Советов промышленных рабочих и служащих, которые, как ожидается, будут на равной основе сотрудничать в регулировании условий труда в целом. Следующим условием должно быть создание окружных трудовых советов и трудового совета рейха, которые, объединившись с представителями всех других производителей, будут выносить свое мнение как эксперты еще до того, как любой закон, касаю-

скрывал своей ненависти к социальной революции. Он даже возражал против несанкционированного провозглашения республики Шейдеманом.

щийся экономических и социальных вопросов, будет обнародован. Они могут самостоятельно предлагать законы такого рода. Указанные условия должны быть включены в конституцию республики Германии».

Статья 165 конституции тогда действительно включала положения этого совместного решения, но ничего не было сделано, чтобы выполнить обещанное, за исключением закона 1920 г., устанавливающего рабочие советы.²⁰

4. Отношения между рейхом и различными провинциями были установлены соглашением 26 января 1919 г. Мечта об унификации Германии была отброшена, как и требование Гуго Прейсса о расчленении Пруссии как первом шаге на пути унификации Германии. Федеративный принцип был вновь сделан частью конституции, хотя и в более умеренном виде, чем прежде.

5. Наконец, все прежние соглашения были перекрыты соглашением между партиями Веймарской коалиции: социал-демократами, католическим центром и демократами. Это соглашение включало совместное решение созвать национальную ассамблею как можно раньше, принять существующий статус бюрократии и церквей, сохранить независимость судебной власти и распределить власть между различными стратами народа Германии, как позже было сформулировано в том разделе конституции, который был посвящен основным правам и обязанностям народа Германии.

Когда конституция, наконец, была принята, она стала в первую очередь кодификацией соглашений, уже заключенных между различными социально-политическими группировками, каждая из которых требовала и получала определенную меру признания своих социальных интересов.

3. Социальные силы

Главными столпами плюралистической системы были социал-демократическая партия и профсоюзы. Только они в послевоенной Германии могли подтолкнуть огромные массы народа к демократии; не только рабочих, но также и средний класс, часть населения, больше всего пострадавшую от монополизации.

²⁰ См. разделы «Рабочий класс при веймарской демократии» (с. 496) и «Трудовое право» (с. 514) во втором разделе III части.

Другие страты реагировали на послевоенные сложности и на постреволюционную ситуацию именно так, как это и ожидалось. Владельцы крупных состояний проводили реакционную политику во всех областях. Монополистическая промышленность ненавидела профсоюзы и боролась с ними и с политической системой, которая сообщала профсоюзам их статус. Армия использовала любые доступные средства, чтобы усилить шовинистический национализм с целью вернуть себе былое величие. Судебная власть неизменно примыкала к правым, а государственные служащие поддерживали контрреволюционные движения. Социал-демократия все же не была способна организовать ни рабочий класс в целом, ни средний класс. Она утратила поддержку многих групп первого и никогда не могла завоевать поддержку второго. Социал-демократы испытывали нехватку в последовательной теории, в компетентном руководстве и в свободе действий. Они невольно усиливали монополистические тенденции в промышленности Германии и, наделяя полным доверием формальную законность, были неспособны выкорчевать реакционные элементы из судебной власти и государственной службы или ограничить армию ее собственной конституционной ролью.

Один из лидеров социал-демократической партии, Отто Браун, прусский премьер-министр до 20 июля 1932 г., был свергнут в ходе переворота Гинденбурга и Папена, связывал поражение партии и успешный захват власти Гитлером с комбинацией Версаля и Москвы.²¹ Такое оправдание является одновременно и неточным, и неумелым. Версальский договор предоставил прекрасный пропагандистский материал и против демократии вообще, и против социал-демократической партии в частности, а коммунистическая партия, бесспорно, осуществляла нападки на социал-демократов. Но тем не менее не в этом заключалась причина падения республики. Кроме того, что если Версаль и Москва и были двумя главными факторами создания национал-социализма? Разве не было важнейшей задачей демократического руководства заставить демократию работать, несмотря на Москву и Версаль и вопреки им? То, что социал-демократическая партия потерпела крах, остается решающим фактом независимо от любого официального объяснения. Она потерпела крах, потому что она *не видела*, что главной проблемой был империализм монополистического капитала Гер-

²¹ *Otto Braun. Von Weimar zu Hitler. 2nd ed. New York, 1940. P. 5.*

мании, проблемой, становящейся еще более острой вместе с постоянным ростом процесса монополизации. Чем больше росла монополия, тем более несовместимой она становилась с политической демократией.

Одним из главных достижений Торстейна Веблена было то, что он обратил внимание на такую характерную черту империализма Германии, которая вытекала из ее положения как опаздывающей в борьбе за мировой рынок.

«Германским капитанам индустрии, пришедшим, чтобы в новую эру править по своему усмотрению, повезло в том, что им не пришлось заканчивать школу окружного города, жизнь которого основана на розничной торговле, спекуляциях недвижимостью и политической коррупции... Они прошли проверку на пригодность в агрессивном руководстве промышленным предприятием... Страна в это время не была предрасположена отдавать ветхие площадки и дороги для их промышленных заводов, и люди, осуществлявшие управление, были способны с первого взгляда оценить целесообразность местоположений. Не имея устаревающего оборудования, не обладая старыми торговыми связями, способными омрачить дело, они были всё же способны доводить процессы до их наилучшей и наивысшей эффективности».²²

Эффективная и мощно организованная германская система нашего времени была рождена под воздействием целого ряда факторов, выдвинувшихся на первый план в Первую мировую войну. Инфляция ранних 20-х гг. позволила недобросовестным предпринимателям создать гигантские экономические империи за счет среднего и рабочего классов. Прототипом была империя Стайнесса, и по крайней мере символично, что Гуго Стайнесс был самым озлобленным врагом демократии и внешней политики Ратенау. Иностранные займы, которые потекли в Германию после 1924 г., дали немецкой промышленности ликвидный капитал, необходимый для модернизации и расширения ее заводов. Даже огромная программа социального обеспечения, поддерживаемая социал-демократией, косвенным образом усиливала централизацию и концентрацию промышленности, так как крупный бизнес мог гораздо легче принять на себя бремя расходов, чем мелкий

²² *Thorstein Veblen. Imperial Germany and the Industrial Revolution.* New ed. New York, 1939. P. 193.

или средний предприниматель. Тресты, объединения и картели покрыли всю экономику сетью авторитарных организаций. Организации работодателей контролировали трудовой рынок, и лобби крупного бизнеса стремилось поставить законодательную, административную и судебную машину на службу монополии капитала.

В Германии никогда не было ничего подобного народному антимонополистическому движению Соединенных Штатов при Теодоре Рузвельте и Вудро Вильсоне. Промышленность и финансы были, разумеется, твердо убеждены, что картель и траст представляют собой высшие формы экономической организации. Независимый средний класс не был представлен в оппозиции и боролся только против универмагов и торговых сетей. Хотя средний класс принадлежал к мощной группе влияния, такой как Федеральный Союз немецкой промышленности,²³ лидеры крупного бизнеса неизменно были его делегатами.

Труд вообще не был враждебен процессу образования трестов. Коммунисты рассматривали монополию как неизбежную стадию в развитии капитализма и, как следствие, считали бесполезным бороться с концентрацией капитала, а не с самой системой. Довольно забавно, что политика реформистского крыла трудового движения не отличалась значительным образом.²⁴ Социал-демократы и профсоюзы также рассматривали концентрацию как неизбежную и, добавляли они, высшую форму капиталистической организации. Их ведущий теоретик Рудольф Гильфердинг подводил итог положению дел на съезде партии в 1927 г.: «Организованный капитализм означает замену свободной конкуренции социальным принципом планируемого производства. Задача сегодняшнего поколения социал-демократии — призвать государство на помощь в переводе этой экономики, организованной и управляемой капиталистами, в экономику, управляемую демократическим государством».²⁵ Под экономической демократией социал-демократическая партия имела в виду широкое участие

²³ См. раздел «Политическая организация бизнеса при национал-социализме» во второй главе второй части (с. 305).

²⁴ Robert A. Brady. *The Rationalization Movement in German Industry*. Berkeley (Calif.), 1933. P. 336–340.

²⁵ Hilferding. *Die Aufgaben der Sozialdemokratie in der Republik* // Sozialdemokratischer Parteitag Kiel. Berlin, 1927. P. 165–184.

в контроле монополистических организаций и более надежную защиту рабочих против болезненных последствий концентрации.

Самые большие тресты в немецкой истории были сформированы во время Веймарской республики. Слияние в 1926 г. четырех крупных сталелитейных компаний в западной Германии привело к формированию *Vereinigte Stahlwerke* (объединению сталелитейных заводов). *Vereinigte Oberschlesische Hüttenwerke* (Объединенные заводы Верхней Силезии) были сходным объединением в стальной промышленности Верхней Силезии. *I. G. Farbenindustrie* (Объединение корпораций красильных материалов) возникло в 1925 г. посредством слияния шести крупнейших корпораций в этой области, которые все прежде были объединены в фонд. В 1930 г. основной капитал этого Треста насчитывал 1 100 000 000 марок, а число нанимаемых рабочих достигло 100 000.

Никогда в Республике, даже во время бума 1929 г., производственные мощности не использовались полностью или даже соответствующим образом.²⁶ Еще хуже ситуация была в тяжелой промышленности, особенно в угольной, в той самой области, которая обеспечивала промышленное лидерство во времена империи и которая все еще доминировала над важнейшими организациями бизнеса. Вместе с великой депрессией разрыв между действительным производством и мощностями принял такие опасные пропорции, что помощь правительства стала обязательной. Картели и тарифы использовались наряду с субсидиями в виде прямых дотаций, займов низких процентов налогообложения.²⁷ Эти меры помогали, но в то же самое время они усиливали иную угрозу. Формой правления в Германии все еще была парламентская демократия, и что было бы, если бы движения, угрожающие установленной монополистической структуре, возникли бы внутри массовых организаций? Еще в ноябре 1923 г. публичное давление вынудило кабинет Штресемана подписать декрет о картеле, позволяющий правительству распускать картели и вообще вести наступление на

²⁶ Оценки можно найти в книге: *Kurt Mendelsohn. Kapitalistisches Wirtschaftschao oder spezialistische Planwirtschaft.* Berlin, 1932. P. 15 and Brady. Op. cit. P. 139.

²⁷ Оценки субсидий, выплаченных промышленности, можно найти в книге: *Mendelsohn. Op. cit. P. 55.*

позиции монополий.²⁸ Эта власть неоднократно использовалась, но опасность привилегий, внутренне свойственная политической демократии, оставалась и, очевидно, становилась более острой во времена большого кризиса.

4. Упадок организованного труда

Процессы модернизации, концентрации и бюрократизации в целом имели серьезные последствия для социальной структуры. Конечно, одним из наиболее значительных моментов было серьезное ослабление власти профсоюзов, лучше всего иллюстрируемое снижением количества забастовок. Такое оружие, как забастовки, имеет свою наибольшую эффективность в период сравнительно свободной конкуренции, поскольку власть индивидуального работодателя, его возможность оказывать сопротивление является относительно низкой. Становится гораздо труднее проводить эффективную забастовку, когда развиваются монополии и сила организаций работодателей растет, а еще труднее, когда монополии достигают масштаба международных картелей, как в области стальной промышленности. Даже остановка производства в общенациональном масштабе может быть компенсирована картелем. Таковы правила общего применения.

Плурализм Веймара привел в Германию дополнительные факторы. Рост государственного вмешательства в предприятия бизнеса сообщил трудовым спорам окраску забастовок против государства, в то время как правительственное урегулирование заставило многих рабочих считать вступление в профсоюзы ненужным. Профсоюзы, со своей стороны, не стремились бороться с государством, от которого они сильно зависели. Кроме того, монополии видели главное — в том числе и для вредных профсоюзов — в изменении социальной стратификации. Возрастающий процент рабочих с низкой и средней квалификацией (и особенно работающих женщин); устойчивый рост бригадиров и контролирующего персонала; рост количества оплачиваемых служащих на должностях чиновников и в растущем аппарате распределения, многие из которых были организованы в несоциалистические

²⁸ См. раздел «Политика национал социализма в отношении картелей» в третьей главе второй части.

профсоюзы с идеологией среднего класса²⁹ — все эти факторы ослабляли профсоюзное движение. Великий кризис ухудшил положение, во-первых, из-за огромного снижения производства и образования широких масс безработных, а во-вторых, потому что сопровождающая его политическая напряженность имела тенденцию превращать каждую забастовку в политическую,³⁰ против чего профсоюзы категорически протестовали по причине своих теорий ревизионизма и «экономической демократии».

Тесное сотрудничество между социал-демократией и профсоюзами, с одной стороны, и государством — с другой, вело к устойчивому процессу бюрократизации внутри трудового движения. Такое направление развития и почти исключительная сосредоточенность на социальной реформе делала социал-демократическую партию совершенно непривлекательной для молодого поколения. Распределение состава партии в соответствии с длительностью стажа в партии и по возрастным группам весьма показательны.³¹

Длительность стажа	Проценты	Длительность стажа	Проценты
5 лет и менее	46.56	От 26 до 30 лет	10.34
От 6 до 10 лет	16.26	От 31 года до 40 лет	26.47
От 11 до 15 лет	16.52	От 41 года до 50 лет	27.26
16 лет и более	20.66	От 51 года до 60 лет	19.57
25 лет и менее	7.82	От 61 года и выше	8.54

Та небольшая свобода действий, которую социал-демократия сохраняла, была в дальнейшем ограничена коммунистической партией. За исключением революционных дней 1918 и 1919 гг. и расцвета инфляции и иностранной оккупации, достигшей пика в июле 1923 г., коммунистическая партия Германии не являлась имеющей решающее значение политической силой. Когда-то она

²⁹ Прекрасное обсуждение см. в книге: *Hans Speier. The Salaried Employee in Modern Society // Social Research. 1934 (1). P. 118–119.*

³⁰ О забастовках см. раздел «Рабочий класс при веймарской демократии» во второй главе третьей части (с. 496).

³¹ *Jahrbuch der deutschen Sozialdemokratie für das Jahr 1930. Berlin, 1930. P. 195.*

стремилась быть малочисленной сектой профессиональных революционеров по образцу партии большевиков 1917 г.; а в другое время — «революционной массовой организацией», чем-то вроде синтеза ранней русской модели и такой структуры, как социал-демократическая партия. Ее реальное значение заключалось в том факте, что она оказывала очень значительное косвенное влияние. Внимательное изучение коммунистической партии, вероятно, могло бы обнаружить большее количество характерных признаков рабочего класса Германии и определенных частей интеллигенции, чем изучение более многочисленной социалистической партии и профсоюзов.

И коммунисты, и социалисты с самого начала обращались к одной и той же социальной страте: рабочему классу. Само существование партии, в которой преобладает пролетариат, партии, преданной коммунизму и диктатуре пролетариата и вдохновляемой магической картиной Советской России и героических свершений Октябрьской революции, было постоянной угрозой социал-демократической партии и силам, контролирующим профсоюзное движение, особенно в периоды депрессии и общественных беспорядков. То, что эта угроза была реальной, хотя величина ее никогда и не была постоянной, ясно из изображений членства и выборов. Правда, коммунистам не удалось организовать большинство рабочего класса, сокрушить социалистическую партию или захватить контроль над профсоюзами. Причиной была как их неспособность правильно оценить психологические факторы и социологические тенденции, действующие внутри рабочих Германии, так и их неспособность разорвать материальные интересы и идеологические связи, объединявшие рабочих с системой плюралистической демократии, развиваемой реформизмом. Тем не менее реформистская политика всегда была подвержена колебаниям просто из-за угрозы, что рабочие могут покинуть реформистские организации и перейти на сторону коммунистической партии. Прекрасный пример — это колеблющаяся терпимость социал-демократической партии к кабинету Брюнинга (1930–1932) в сравнении с ее явной оппозицией кабинетам Папена и Шлейхера (1932). Коммунистическая партия все три кабинета подвергала нападкам как фашистские диктатуры.

Реакционеры находили в коммунистической партии удобного козла отпущения не только в атаках на коммунистов и марксистов, но и на любые либеральные и демократические группы. Демокра-

тия, либерализм, социализм и коммунизм были для национал-социалистов (и итальянских фашистов) ветвями одного и того же дерева. Каждый закон, нацеленный, как предполагалось, против и коммунистов, и национал-социалистов, неизменно оборачивался против социалистической партии и левых в целом, но редко против правых.

Политика самой коммунистической партии была поразительно двойственной. С одной стороны, она давала рабочим в достаточной мере критическую способность проникать в суть действия экономической системы и таким образом оставляла им мало веры в безопасность, обещанную либерализмом, демократией и реформизмом. Она довольно рано раскрыла им глаза на переходный и полностью фиктивный характер постинфляционного бума. Пятый Всемирный конгресс Коминтерна объявил 9 июня 1924 г., что капитализм был в стадии острого кризиса. Хотя такой анализ был преждевременным и, как следствие, «левацкая» тактика коммунистической партии была полностью ошибочной, все это предотвращало самодовольство, развивавшееся среди социалистов, которые видели в буме, финансируемом зарубежными займами, решение всех экономических проблем и которые считали каждого мэра или городского казначея из социал-демократов финансовым волшебником, если ему удавалось обеспечить ссуду из Соединенных Штатов. Даже на самом пике бума коммунистические лидеры предсказывали, что мир ожидала суровая депрессия, и их партия, таким образом, обладала иммунитетом от опасностей реформистского оптимизма.

С другой стороны, достоверные стороны коммунистического анализа были более чем уравновешены глубоко отсталым характером их политики и тактики: распространением принципа вождизма внутри партии и разрушением партийной демократии вслед за полной зависимостью политики от русской коммунистической партии; сильным преобладанием революционной синдикалистской тактики; национал-большевистской линией; доктриной социального фашизма; лозунгом *Volksrevolution*; наконец, частыми изменениями партийной линии.

Один потенциальный союзник, партия католического центра, оказался совершенно ненадежным. При Эрцбергере и какое-то время при Иосифе Вирте она представляла самое вдохновенное руководство, какое только знала республика. Вместе с ростом реакции правое крыло тем не менее становилось все более и более

преобладающим в партии в лице Брюнинга как образцового представителя умеренных консерваторов и Папена из реакционной части. Из числа других партий демократическая партия исчезла с политической сцены, и многочисленные отколовшиеся группы пытались занять ее место как выразителя интересов среднего класса. Домовладельцы, ремесленники, мелкие крестьяне формировали свои собственные партии; политическое движение организовали оценщики имущества. Все они сумели обрести некоторую политическую форму, потому что система пропорционального представительства разрешала каждому сектантскому движению иметь голос и предотвращала формирование твердого большинства.

5. Контрреволюция

В тот же день, когда в 1918 г. вспыхнула революция, начала организовываться и контрреволюционная партия. Она испробовала множество форм и лозунгов, но вскоре усвоила, что могла бы прийти к власти только с помощью государственной машины, но никогда вопреки ей. Капповский путч 1920 г. и путч Гитлера 1923 г. это доказали.

В центре контрреволюции стояла судебная власть. В отличие от административных актов, которые основывались на доводах удобства и целесообразности, судебные решения основываются на законе, то есть на правильном и неправильном, и они всегда оказываются в центре внимания публики. Закон является, возможно, самым разрушительным из всех орудий в политической борьбе именно в силу того ореола, который окружает понятия права и справедливости. «Право, — говорил Хокинг, — это в психологическом отношении такое требование, нарушение которого встречаются с более глубоким негодованием, чем нанесение вреда, которое можно возместить, с негодованием, способным пробудить страсть, ради которой люди будут рисковать жизнью и собственностью, чего они никогда не делали бы ради целесообразности».³² Когда правосудие становится «политическим», оно порождает ненависть

³² *William Ernest Hocking. Ways of Thinking about Rights: A New Theory of the Relation between Law and Morals // Law: A Century of Progress. New York, 1937. Vol. n. P. 261.*

и отчаяние среди тех, кого оно избирает для нападков. Те, к кому оно относится благосклонно, с другой стороны, приобретают глубокое презрение к самой ценности правосудия; они знают, что оно может быть куплено сильным. Как механизм для усиления одной политической группы за счет других, для устранения врагов и помощи политическим союзникам, закон угрожает тем фундаментальным убеждениям, на которых основывается традиция нашей цивилизации.

Технические возможности для извращения правосудия ради политических целей широко распространены в каждой правовой системе; в республиканской Германии они были столь же многочисленны, как и параграфы уголовного кодекса.³³ Возможно, главная причина лежит в самой природе уголовных процессов, поскольку, в отличие от американской системы, в слушаниях доминировал не адвокат, а председательствующий судья. Более того, власть судьи год от года усиливалась. Для политических дел наиболее предпочтительными законодательными предписаниями были те, что касались криминальной клеветы и шпионажа, так называемый Акт о защите республики, а прежде всего — разделы уголовного кодекса (80 и 81) о государственной измене. Сравнительный анализ трех *масштабных дел* в достаточной мере прояснит, что веймарские уголовные суды были неотъемлемой частью антидемократического лагеря.

После падения Баварской Советской республики в 1919 г. суды выдвинули следующие предложения:

407 человек — заключение в крепости;

1737 человек — тюрьма;

65 человек — заключение для тяжелого принудительного труда.

Каждый сторонник Советской республики, который имел хотя бы малейшее отношение к неудавшемуся восстанию, был приговорен.

Контраст с судебным рассмотрением правого Капповского путча не мог бы быть более полным. Пятнадцать месяцев спустя после путча министерство юстиции рейха 21 мая 1921 г. официально объявило, что было изучено в целом 705 обвинений в государственной измене. Из них:

³³ Прекрасный обзор республиканского правосудия: *Philip Loewenfeld. Das Strafrecht als politische Waff. Berlin, 1933.*

412, по мнению судов, попало под закон об амнистии 4 августа 1920 г., несмотря на то что положения закона специально исключали лидеров путча;

108 утратили силу из-за смерти обвиняемых или по другим причинам;

174 не были выдвинуты;

11 не было закончено.

Ни один человек не был наказан. И статистика не дает полной картины. Из одиннадцати дел, находящихся на стадии рассмотрения 21 мая 1921 г., только одно закончилось приговором; бывший глава полиции Берлина фон Ягоф получил пять лет почетного ограничения свободы. Когда прусское правительство лишило фон Ягофа пенсии, высший федеральный суд приказал ее ему вернуть. Духовный лидер путча, д-р Капп, умер до процесса. Некоторые другие лидеры, такие как генерал фон Люттиц, майоры Папст и Бишофф, сбежали; генерал Людендорф не преследовался судом, пожелавшим принять его алиби, что он присутствовал только случайно; генерал фон Леттоф-Форбек, захвативший целый город для Каппа, был объявлен не лидером, а просто последователем.

Третья значительная иллюстрация — судебное рассмотрение неудачного мюнхенского путча Гитлера в 1923 г.³⁴ Гитлер, Пехнер, Крибель и Вебер получили пять лет; Рэм, Фрик, Брюкнер, Пернет и Вагнер — один год и три месяца. *Людендорф снова присутствовал только случайно* и был освобожден. Хотя раздел 9 Закона о защите республики ясно и недвусмысленно указывал на высылку любого иностранца, обвиненного в государственной измене, народный суд Мюнхена сделал для Гитлера исключение под тем надуманным предлогом, что тот, несмотря на австрийское гражданство, считал себя подданным Германии.

Было бы бесполезно в деталях рассказывать об истории политического правосудия в Веймарской республике.³⁵ Еще нескольких

³⁴ Hitler und Kahr. Die bayerischen Napoleonsgrößen von 1923 / Ed. The Landesvorstand der SPD in Bayern. 2 vols. Munich, 1928.

³⁵ Статистика политических убийств с 1924 по 1931 г.: 1924 г. — 3, 1925 — 3, 1926 — 4, 1927 — 5, 1928 — 6, 1930 — 20, 1931 г. (6 месяцев) — 18. Из: Gumbel E. J. Lasst Köpfe rollen. Berlin, 1931. Статистика политических убийств с 1918 по 1922 г., совершенных левыми группами: не наказаны — 4, частично наказаны — 1, наказаны — 17, всего — 22; совершенных пра-

иллюстраций будет достаточно. Уголовный кодекс создал преступление «измены родине»,³⁶ включавшее в себя выдачу военных и других тайн иностранным агентам. Суды, однако, быстро нашли особое политическое применение для этих положений. После Версальского договора, вынудившего Германию разоружиться, рейхсвер поощрял формирование тайных и нелегальных воинских соединений, так называемого «черного рейхсвера». Когда либералы, пацифисты, социалисты и коммунисты разоблачали это нарушение как международных обязательств, так и законов Германии (поскольку договор стал частью правовой системы Германии), они арестовывались и осуждались за измену родине, совершенную в печати. Это делало суды защитниками нелегального и реакционного черного рейхсвера. Совершаемые черным рейхсвером убийства предполагаемых предателей (печально известные убийства Фема), с другой стороны, либо вообще не преследовались, либо рассматривались поверхностно.

Во время процессов над национал-социалистами суды неизменно становились резонаторами для пропаганды. Когда Гитлер появился как свидетель на процессе группы офицеров национал-социалистов, обвиняемых в государственной измене, ему было разрешено произнести двухчасовую речь, наполненную оскорблениями в адрес государственных служащих и угрозами в адрес своих врагов, и он не был арестован за оскорбление. Новые техники оправдания и рекламирования национал-социализма как противника Веймарской республики защищались как шаги, нацеленные на отражение коммунистической опасности. Национал-социализм провозглашался хранителем демократии, и суды слишком сильно *желали* позабыть фундаментальную максиму любой демократии и любого государства, что власть принуждения должна быть монополией государства, опирающегося на свою армию и полицию, что даже под предлогом спасения государства никакая частная группа или индивид не могут брать оружие в его защиту до тех пор, пока

выми группами: не наказаны — 326, частично наказаны — 27, наказаны — 1, всего — 354. Из: *Gumbel E. J. Vier Jahre politischer Mord*. Berlin, 1922. P. 73–81.

³⁶ Следующая статистика преступлений измены родине имеет важное значение: 1895 г. — 18, 1900 — 6, 1913 — 35, 1921 — 111, 1923 — 137, 1924 — 516, 1925 г. — 561. Из: *Gumbel E. J. Landesverratstatistik // Die Menschenrechte*. 1928. Vol. III. P. 1–8.

это не требуется верховной властью или пока не вспыхнула гражданская война.

В 1932 году полиция раскрыла национал-социалистический заговор в Гессене. Д-р Бест, теперь высокопоставленный чиновник режима, разработал тщательный план *государственного переворота*, и документальное доказательство было доступно (документы Боксхаймера).³⁷ Никакие меры не были предприняты. Д-ру Бесту поверили, когда он заявил, что намеревался использовать свой план только в случае коммунистической революции.

Невозможно избежать вывода, что политическое правосудие — самая черная страница в жизни республики Германии. Судебное оружие использовалось реакцией с постоянно возрастающей интенсивностью. Более того, это обвинение распространяется на все отправления судебной власти, и, в частности, на изменения в правовой мысли и в положении судьи, которое достигает своей кульминации в новом принципе судебного надзора над законами (как средстве саботирования социальных реформ). Власть судей, таким образом, росла за счет парламента.³⁸

Упадок парламентов представляет собой общую тенденцию в послевоенной Европе. В Германии она была обострена специфически немецкими условиями, особенно монархически-националистической традицией бюрократии. Несколькими годами ранее Макс Вебер указывал, что саботаж власти парламента начинается, как только этот орган перестает быть просто «общественным клубом».³⁹ Когда депутаты избираются прогрессивной массовой партией и существует угроза превратить законодательный орган в агентство глубоких социальных перемен, антипарламентские тенденции неизменно возрастают в той или иной форме. Формирование кабинета становится чрезвычайно сложной и деликатной задачей, поскольку каждая партия теперь представляет класс с его интересами и воззрениями на жизнь, отделенными от остальных острыми различиями. Например, переговоры продолжались в течение четырех недель между социал-демократической

³⁷ *Gustav Radbruch // Die Justiz. 1932 (6). P. 187. Loewenfeld. Op. cit. P. 36.*

³⁸ См. раздел «Национал-социалистическое право и террор» во второй главе третьей части (с. 541).

³⁹ *Weber. Wirtschaft und Gesellschaft // Grundriss der Sozialökonomik. Vol. III, I. Tübingen, 1921. P. 174.*

партией, партией католического центра, демократической партией и народной партией Германии, прежде чем последнее полностью конституционное правительство, кабинет Мюллера, могло быть сформировано в мае 1928 г. Политические различия между народной партией Германии, представляющей бизнес, и социал-демократической партией, представляющей рабочую партию, были настолько глубокими, что только тщательно разработанный компромисс мог их объединить, тогда как католический центр всегда имел разногласия с другими из-за его неудовлетворенности по поводу недостаточного патронажа.

Столь шаткая структура не могла допустить, чтобы ее хрупкое равновесие было слишком легко опрокинуто, и становилось необходимым ее изменить независимо от того, куда склоняли чашу весов парламентские принципы. Критика правящих партий должна была снизиться, и вотум недоверия фактически использовался лишь в двух случаях. Когда никакое соглашение не могло быть достигнуто среди партий, учреждались «кабинеты экспертов» (как известный кабинет Куно в 1923 г.), которые, как предполагалось, располагались над политическими партиями и их борьбой. Такая пародия на парламентскую демократию стала идеалом реакционеров, поскольку она позволяла им скрывать свою антидемократическую политику под маской эксперта. Последовательная неспособность применения парламентского контроля над действиями кабинета была первым признаком уменьшения парламентской силы.

Действительная политическая власть рейхстага никогда не соответствовала широким полномочиям, предоставленным ему конституцией. Частичное объяснение лежит в поразительных социальных и экономических изменениях, имевших место в Германии и приводивших к огромной сложности экономической жизни. Растущая регламентация в экономической сфере тяготела к тому, чтобы переместить центр тяжести от законодательного органа к бюрократии, а растущий интервенционизм делал технически невозможным для рейхстага полный контроль над административной властью или даже использование своих законодательных прав в полной мере. Парламенту пришлось делегировать законодательную власть. Демократия могла тем не менее выжить — но только если демократическая система ценностей была бы основательно внедрена в общество, если бы делегирование власти не использовалось для лишения меньшинств их прав и в качестве щита, за

которым антидемократические силы продолжали работу по установлению бюрократической диктатуры.

Было бы неверно предполагать, что упадок парламентской законодательной власти был просто следствием последнего, предфашистского периода германской республики, примерно с 1930 по 1933 г. Рейхстаг никогда не был слишком активным, чтобы оставить за собой исключительное право на законодательство, и с самого начала республики шаг за шагом развивались три конкурирующих друг с другом типа законодательной власти. Уже в 1919 г. рейхстаг добровольно отказался от своего верховенства в законодательной области, приняв уполномочивающий акт, который передавал властные полномочия кабинету, то есть министерской бюрократии. Сходные меры были предприняты в 1920, 1921, 1923 и в 1926 гг.

Законодательный акт 13 октября 1923 г., если привести лишь один пример, уполномочивал кабинет принимать такие меры, какие он посчитает желательными и неотложными в финансовой, экономической и социальной сферах, и его властью были провозглашены следующие меры: декрет, касающийся закрытия заводов, создания Немецкого банка ценных бумаг, регулирования денежного обращения, изменений в законе о подоходном налоге, декрет, вводящий контроль картелей и монополий. За пять лет с 1920 по 1924 г. кабинет выпустил 450 декретов по сравнению с 700 парламентскими законами. Законодательная власть кабинета практически имела свое начало в самом рождении германской парламентской системы.

Второй показатель парламентского упадка должен быть найден в природе самого закона. Сложность законодательной системы вынуждала рейхстаг устанавливать только неопределенные общие принципы и отдавать кабинету власть применения и исполнения.

Третьим и заключительным шагом был президентский чрезвычайный декрет, основанный на 48-й статье Конституции. В то время как у рейхстага было конституционное право аннулировать такое чрезвычайное законодательство, это было слабым утешением, поскольку право было скорее видимостью, чем реальностью. Как только меры были приняты, они глубоко затронули социальную и экономическую жизнь, и хотя парламент, возможно, считал несложным делом отменить чрезвычайный декрет (снижение цен картеля и заработной платы, например), было не так

легко принять что-то взамен. Этот довод играл некоторую роль при определении позиции рейхстага по отношению к декретам Брюнинга 1930 г., вводящим глубокие перемены в экономическую и социальную структуру нации. Простая отмена нарушила бы течение национальной жизни, тогда как замены было невозможно достичь из-за антагонизмов между различными группами в парламенте. Фактически, поскольку партии могли недооценивать делегирование законодательной власти президенту и бюрократии, они часто бывали счастливы, что их избавили от ответственности.

Краеугольный камень любой парламентской системы — это право законодательного органа контролировать бюджет, и этот камень был разрушен во времена Веймарской республики. Конституция в какой-то мере ограничивала рейхстаг, разрешая ему увеличивать расходы, предложенные кабинетом, только с согласия федерального совета. Кроме этого ограничения тем не менее все необходимые гарантии бюджетных прав парламента были ясно прописаны в бюджетном законе (*Reichshaushaltsordnung*) 31 декабря 1922 г. и в статьях 85, 86 и 87 конституции. Но для бюрократии оставалось достаточно лазеек для постоянных посягательств. Вопрос об аудите и о финансовом учете был полностью исключен из ведения рейхстага и передан *Rechnungshof für das Deutsche Reich*, административному органу, независимому и от кабинета, и от парламента, к которому ни один член парламента не мог принадлежать. Наконец, министр финансов занимал столь сильное положение по отношению к своим коллегам, что он мог наложить вето на иные расходы даже вопреки решению большинства всего кабинета. В крайнем случае президент рейха принимал бюджет чрезвычайным декретом, вопреки советам конституционных юристов.

Опять-таки мы находим в Германии только специфическую разработку общей тенденции. Парламентские бюджетные права всегда имеют тенденцию уменьшаться в интервенционистских государствах, как показывает пример Англии. Установленные расходы увеличиваются за счет расходов на запасы. Там, где есть постоянно растущая бюрократия и растущая государственная активность во многих экономических и социальных областях, затраты становятся постоянными и фактически выпадают из юрисдикции парламента. В Германии, кроме того, только собственные доходы и расходы рейха регистрировались в бюджете. Финансовые опера-

ции независимых федеральных корпораций, организованных в соответствии либо с публичным, либо с частным правом, находились вне бюджетного контроля. Почта и железные дороги, шахты и фабрики, принадлежавшие рейху, были независимы от бюджета. Появлялись только их балансы — либо как доход рейха, либо как требуемая от него субсидия.

Эта тенденция в целом полностью соответствовала пожеланиям промышленности Германии. Главная их лоббирующая организация, Федеральный Союз германской промышленности, всегда требовала еще больших ограничений бюджетных прав рейхстага. Народная партия Германии приняла их предложения в свою платформу. Они настаивали, что все расходы должны иметь одобрение кабинета и что проверяющему органу, *Rechnungshof*, следует дать решающую позицию при определении, должен быть принят бюджет, или нет. Причина такой попытки саботировать бюджетные права рейхстага была откровенно высказана д-ром Попитцем, главным экспертом по общественным финансам в федеральном министерстве финансов. Всеобщее избирательное право, сказал он, привело в рейхстаг ту страту общества, которая не платит высокого подоходного налога и дополнительных налогов.⁴⁰

Упадок парламентской верховной власти возрастал к выгоде президента и, следовательно, министерской бюрократии. Следуя американской модели, Веймарская конституция предусматривала народные президентские выборы. Сходство между двумя конституционными системами на этом тем не менее и заканчивалось. В Соединенных Штатах президент является независимым главой исполнительной ветви государства, тогда как распоряжения президента Германии должны были быть подписаны соответствующим членом кабинета министров или канцлером, который брал на себя политическую ответственность за президентские акты и заявления. Президент Германии был, однако, относительно свободен. С одной стороны, всенародные выборы давали ему положение некоторой независимости от различных партий. Он мог назначать канцлера и министров по своему усмотрению; он не был связан никаким конституционным обычаем, таким как английская традиция призывать лидера победившей партии. Президенты Эберт

⁴⁰ *Popitz. Finanzausgleich // Handwörterbuch der Staatswissenschaften.* 4th ed. Jena, 1926. Vol. III. P. 1013.

и фон Гинденбург оба настаивали на том, чтобы их выборы проходили свободно и независимо. Президентское право распускать парламент давало ему еще больше политической власти. От положения, что он не мог это делать дважды по одной и той же причине, легко уклонялись.

Однако президента нельзя было назвать «гарантом конституции», как хотелось бы антидемократическим теоретикам. Он не представлял собой демократию и был далек от положения нейтрального главы государства, стоящего над ссорами партий и особыми интересами. Во время всей Веймарской республики и особенно при Гинденбурге президентская власть была чрезвычайно пристрастной. Политические группы устраивали и финансировали президентские выборы; он оставался зависимым от групп своих сторонников, окружавших его и дававших ему советы. У него были определенные предпочтения и определенная политическая линия, которую он пытался проводить за пределами конституционных границ. Когда коммунисты и социалисты попытались конфисковать королевские здания, опираясь на народную инициативу, президент фон Гинденбург осудил эту попытку в открытом письме (22 мая 1926 г.), для которого он не потрудился даже получить подпись канцлера, настаивая, что такое письмо было его частным делом. По случаю второго назначения Брюнинга Гинденбург потребовал, чтобы два его консервативных друга (Тревиранц и Шиль) были включены в кабинет. Затем он предал их.

Власть Эберта была ограничена. Будучи социалистом, он не мог внушать уважение, обязательное для главы республики. Но Гинденбург был фельдмаршалом, великим солдатом, пожилым человеком. В этом было отличие, особенно после того, как Брюнинг создал настоящий миф о Гинденбурге, чтобы обеспечить его переизбрание в 1932 г. Сила Гинденбурга заключалась главным образом в его тесных связях с армией и с крупными собственниками Восточной Пруссии. С 1930 г., когда присутствие 107 депутатов национал-социалистов сделало обычную законодательную работу почти невозможной, он становится единственным законодателем, используя чрезвычайные полномочия статьи 48 Конституции.⁴¹

⁴¹ См прекрасный обзор: *Frederick Mundell Watkins. The Failure of Constitutional Emergency Powers under the German Republic. Cambridge (Mass.), 1939.*

Рейхсвер, сокращенный Версальским договором до 100 000 человек, продолжал быть цитаделью консерватизма и национализма. Немного удивительно, что при закрытой теперь для многих армейской карьере, при медленном продвижении в званиях офицерский корпус становился воинственно антидемократическим, презирающим парламентаризм, так как тот был слишком любопытен к тайне военных расходов, и испытывающим отвращение к социалистам, так как они приняли Версальский договор и разрушение верховной власти германского милитаризма. Как только политический кризис возрастал, армия неизменно примыкала к антидемократическим элементам. Сам Гитлер был продуктом армии, использовавшей его еще в 1918 и 1919 гг. в качестве оратора и чиновника от пропаганды. В этом нет ничего удивительного. Удивительно, что демократический аппарат терпимо относился к такой ситуации.

Министры рейхсвера, неизменный Гесслер и более лояльный и демократичный генерал Гренер, находились в чрезвычайно двусмысленном конституционном положении. Как министры кабинета они были подвержены парламентскому контролю и ответственности, но как подчиненные президента, главнокомандующего, они были свободны от парламентского контроля. Противоречие легко разрешалось на практике: министры рейхсвера высказывались за армию и против рейхстага. На деле они столь полно отождествляли себя с армейской бюрократией, что парламентский контроль над армией стал фактически несуществующим.

6. Крах демократии

Социал-демократия и профсоюзы были совершенно беспомощны перед атаками на веймарскую демократию с разных сторон. Были предприняты умеренные попытки распространять идею экономической демократии, но эта новая идеология оказалась еще менее привлекательной, чем старая социалистическая программа. Оплачиваемые служащие оставались в стороне; организация государственных служащих присоединилась к социалистическому профсоюзу, уменьшившемуся в численности с 420 000 в 1922 г. до 172 000 в 1930 г., в то время как так называемые нейтральные, но фактически националистические органы

государственных служащих включали в себя 1 043 000 членов в 1930 г., в первую очередь средних и низших рангов. Значение этого сравнения очевидно.

Социал-демократическая партия оказалась в ловушке противоречий. Хотя она все еще считалась марксистской партией, ее политика уже давно была чистым реформизмом. Ей никогда не хватало смелости отбросить либо традиционную идеологию, либо реформистскую политику. Радикальный разрыв с традицией и отказ от марксизма мог бы обеспечить коммунистическому лагерю тысячи сторонников. Отказаться от реформизма ради революционной политики, с другой стороны, потребовало бы разрыва многих связей, объединяющих партию в том виде, в каком она существовала. Социалисты поэтому сохраняли такую двойственную позицию, и они не могли создать демократическое сознание. Веймарская конституция, атакуемая справа националистами и реакционными либералами, а слева коммунистами, оставалась именно переходным феноменом для социал-демократов, первым шагом к лучшему и более великому будущему. А переходная схема не может вызывать большого энтузиазма.⁴²

Даже перед началом великой депрессии идеологические, экономические, социальные и политические системы поэтому уже больше не функционировали должным образом. Несмотря на видимость успешной деятельности, которую они могли создавать, они основывались прежде всего на терпимости антидемократических сил и на фиктивном процветании, ставшем возможным благодаря иностранным ссудам. Депрессия раскрыла и углубила окаменелость традиционной социальной и политической структуры. Социальные договоренности, на которых основывалась эта структура, были разрушены. Демократическая партия исчезла; католический центр сместился вправо; и социал-демократы, и коммунисты посвятили гораздо больше энергии борьбе друг с другом, чем борьбе против растущего национал-социализма. Национал-социалистическая партия в свою очередь завалила социал-демократов обвинениями. Они выдумали эпитет «ноябрьские преступники»: партия коррупционеров и пацифистов, ответственная за поражение 1918 г., за Версальский договор, за инфляцию.

⁴² См. раздел «Технологии антидемократической конституционной мысли» в первой главе первой части (с. 68).

Производительность германской промышленности резко упала. Росла безработица:⁴³ шесть миллионов было зарегистрировано в январе 1932 г., и, возможно, было еще два миллиона так называемых скрытых безработных. Только малая часть получала пособие по безработице, а большая доля безработных, все время растущая, не получала поддержки вообще. Особой проблемой стала безработная молодежь. Сотни тысяч людей вообще никогда не имели работы. Безработица становилась статусом, а в обществе, где успех — это главное, она становилась клеймом. Крестьяне на севере поднимали восстания, в то время как владельцы крупных состояний кричали о помощи. Мелкие бизнесмены и ремесленники столкнулись с разрухой. Домовладельцы не могли собирать свою арендную плату. Банки рушились и переходили во владение федерального правительства. Даже цитадель промышленной реакции, Объединенный трест сталелитейщиков, был близок к краху, и его акции были выкуплены федеральным правительством по ценам далеко выше рыночных. Положение с бюджетом становилось сомнительным. Реакционеры отказывались поддерживать крупномасштабную программу работ, опасаясь, что она восстановит власть профсоюзов, фонды которых были истощены, а членство падало.

Ситуация была отчаянной и вызвала к отчаянным мерам. Социал-демократическая партия могла избрать либо путь политической революции, объединившись в единый фронт с коммунистами под руководством социалистов, либо сотрудничество с половинчатыми диктатурами Брюнинга, Папена и Шлейхера в попытке отразить большую опасность, Гитлера. Другого выбора не было. Социал-демократическая партия столкнулась с необходимостью самого трудного в своей истории решения. Вместе с профсоюзами она решила терпеть правительство Брюнинга, когда 107 депутатов национал-социалистов вошли в рейхстаг в сентябре 1930 г. и сделали парламентское большинство невозможным. Терпение не означало ни открытой поддержки, ни от-

⁴³ Число безработных в тысячах на 1932 г. и вид поддержки, которую они получали: полное число — 6042, поддерживаемые страховкой от безработицы — 1885; поддерживаемые администрацией — 1596; поддерживаемые муниципальными органами — 1713; не поддерживаемые — 847. Из: *Woytinsky W. Internationals Handwörterhuch des Gewerkschaftswesens*. Berlin, 1931. P. 156.

крытой атаки. Идеологически такая политика оправдывалась в ключевом обращении Фрица Тарнова, депутата и главы Союза работников деревообрабатывающей промышленности, на последнем партийном съезде (1931):

«Мы стоим ... перед постелью больного капитализма с одним только диагнозом, или как доктора, стремящиеся его вылечить? Или как радостные наследники, едва дожидаящиеся его конца и даже желающие помочь ему с выбором яда? ... Мне кажется, что мы обречены быть и докторами, искренне стремящимися его излечить, и в то же время сохранять чувство, что мы наследники, предпочитающие получить все наследие капиталистической системы сегодня, а не завтра».⁴⁴

Это была политика человека, преследуемого своими врагами, но отказывающегося либо принять уничтожение, либо нанести ответный удар и изобретающего одно оправдание за другим чтобы обосновать свою бездеятельность.

Продолжая политику меньшего зла, партия поддержала переизбрание Гинденбурга в 1932 г.

Кандидат	Первое голосование		Второе голосование	
	Голоса	%	Голоса	%
Дюстербург	2 577 729	6–8	—	—
Гинденбург	18 657 497	49.3	19 359 983	53
Гитлер	11 339 446	30.1	13 418 547	36.8
Тельман	4 983 341	13.2	3 706 759	10.2

Гинденбург скоро вернул свой долг, организовав *государственный переворот* 20 июля 1932 г., заменив легально избранное прусское правительство Отто Брауна своим придворным, Папен. Все, что сделала социал-демократическая партия в оппозиции, — это обращение в Конституционный суд, который выдал компромиссный вердикт, не затрагивающий политической ситуации. Папен оставался уполномоченным рейха в Пруссии. Социал-демократическая партия оказалась полностью деморализованной; последняя надежда на сопротивление против национал-социалистов, казалось, бесследно исчезла.

⁴⁴ Fritz Tarnow. Kapitalistische Wirtschafts-anarchie und Arbeiterklasse // Sozialdemokratischer Parteitag in Leipzig. Berlin, 1931. P. 45.

Коммунисты были не меньшими оптимистами, чем социалисты, но по другим причинам. «Мы трезво и серьезно настаиваем, — сказал Тельман, — что 14 сентября было, так сказать, лучшим днем для Гитлера; дальше будет не лучше, а хуже».⁴⁵ Они с нетерпением ждали в ближайшем будущем социальной революции, ведущей к диктатуре пролетариата.

На ноябрьских выборах 1932 г. национал-социалисты потеряли 34 места; социал-демократы, мыслившие только в парламентских терминах, ликовали: национал-социализм был побежден. Рудольф Гильфердинг, тогда ведущий теоретик и редактор партийного журнала «Die Gesellschaft» опубликовал статью в выпуске за январь 1933 г., озаглавленную «Между двумя решениями». Он доказывал, что национал-социализм был заблокирован парламентской законностью (идея Малапарте).⁴⁶ Гильфердинг стал смелым. Он отказался сотрудничать со Шлейхером, непосредственным предшественником Гитлера, и он отверг объединенный фронт с коммунистической партией. Первой целью социалистов, говорил он, является борьба против коммунизма. Он высмеивал попытку Гитлера получить диктаторскую власть от президента фон Гинденбурга: «Требовать результатов революции без революции — такая политическая конструкция могла возникнуть только в мозгах германского политика».⁴⁷ Гильфердинг забыл, что итальянский политик Муссолини имел ту же самую идею и успешно ее исполнил.

Всего лишь через несколько дней после публикации статьи Гильфердинга Гитлер взял власть. 4 января 1933 г. кельнский банкир Курт фон Шредер, имя которого хорошо известно в истории национал-социализма, устроил конференцию между Папеном и Гитлером, которая привела к примирению между старыми реакционными группами и новым контрреволюционным движением и проложила путь к назначению Гитлера канцлером 30 января. Трагедия социал-демократической партии и профсоюзов была в том, что их лидерами были люди с высокими интеллектуальными качествами, но абсолютно лишенными чувства, в каких усло-

⁴⁵ ECCI Plenum // Kommunistische Internationale. 1931. P. 79.

⁴⁶ См. раздел «Технологии антидемократической конституционной мысли» в первой главе первой части (с. 68).

⁴⁷ Hilferding. Zwischen den Entscheidungen // Die Gesellschaft. January 1933. P. 4.

виях находятся массы, и не обладающими пониманием огромных социальных преобразований послевоенного периода.

Немецкая национал-социалистическая рабочая партия не имела идеологии, объединяющей самые разные социальные страты, но никогда не колебалась принимать в свои ряды подонков любого разряда. Она была поддержана армией, судебной властью, частью государственных служащих, ее финансировала промышленность. Она использовала антикапиталистические чувства масс, но всегда была осторожной, чтобы не отпугнуть влиятельные денежные группы. Террор и пропаганда воспользовались уязвимыми местами Веймарской демократии; а с 1930 по 1933 г. Веймар был просто одним большим уязвимым местом.

«Человек, обладающий властью, — сказал Вудро Вильсон в своем Канзасском обращении 6 мая 1911 г., — но не обладающий знанием, может своим красноречием, не заботясь ни о чем, кроме своей власти, ввергнуть всю страну в пожарище, потому что вся страна верит, что что-то не так, и стремится следовать за теми, кто утверждает, что в состоянии вывести ее из затруднений».⁴⁸

7. Предварительное резюме

Каждая социальная система должна так или иначе удовлетворять насущные потребности людей. Имперская система добивалась успеха до такой степени и так долго, как она могла расширяться. Успешная политика войны и империалистической экспансии примиряла большие группы населения с половинчатым абсолютизмом. Перед лицом полученных материальных преимуществ аномальный характер политической структуры не имел решающего значения. Армия, бюрократия, промышленность и крупные аграрии управляли страной. Теория божественного права — официальная политическая доктрина — просто прикрывала их правление, и к ней не относились серьезно. Имперское правление фактически не было абсолютистским, так как оно было ограничено правом, гордостью которого была теория *Rechtsstaat*. Это правление потерпело неудачу и было отвергнуто, когда его экспансионистская политика была остановлена.

⁴⁸ *Matthew Josephson. The President Makers. New York, 1940. P. 376.*

Веймарская демократия продолжила движение в ином направлении. Она должна была восстановить обедневшую и опустошенную страну, в которой классовые антагонизмы резко обострились. Она попыталась соединить три элемента: наследие прошлого (особенно государственную службу), парламентскую демократию, моделируемую по западноевропейским и американским образцам, и плюралистический коллективизм, непосредственное воплощение сильных социальных и экономических организаций в политическую систему. Тем не менее на деле это привело к обострению социальных антагонизмов, к разрушению форм добровольного сотрудничества, к разрушению парламентских институтов, к временной приостановке политических свобод, к росту правящей бюрократии и к возрождению армии как решающего политического фактора.

Почему?

В обедневшей, но все еще высокоразвитой стране плюрализм мог работать только при следующих условиях. В первую очередь он мог бы восстановить Германию с иностранной помощью, расширяя ее рынки мирными средствами до уровня ее высоких индустриальных возможностей. Иностранная политика Веймарской республики склонялась к этому направлению. Присоединяясь к союзу западноевропейских держав веймарское правительство надеялось получить концессии. Попытка потерпела неудачу. Она не была поддержана ни германской промышленностью, ни крупными землевладельцами, ни западными державами. 1932 г. застал Германию в катастрофическом политическом, экономическом и социальном кризисе.

Система могла бы еще работать, если бы правящие группы пошли на уступки добровольно или под принуждением государства. Это привело бы к улучшению жизни массы германских рабочих и к безопасности среднего класса за счет прибыли и власти крупного бизнеса. Немецкая промышленность была совершенно несговорчива, а государство смыкалось с ней все больше и больше.

Третьей возможностью было преобразование в социалистическое государство, и это стало совершенно нереалистичным в 1932 г., поскольку социал-демократическая партия была социалистической только по названию.

Кризис 1932 г. продемонстрировал, что одна лишь политическая демократия без более полного использования возможностей, присущих промышленной системе Германии, то есть без устране-

ния безработицы и улучшения жизненного уровня, оставалась пустой оболочкой.

Четвертой возможностью было возвращение к империалистической экспансии. Империалистические предприятия не могли быть организованы внутри традиционной демократической формы, так как могла появиться слишком серьезная оппозиция. Такое возвращение не могло принять и форму восстановления монархии. Индустриальное общество, которое прошло через демократическую фазу, не могло не учитывать волю масс. Экспансионизм поэтому принял форму национал-социализма, тоталитарной диктатуры, которая была способна превратить некоторых из своих жертв в сторонников и организовать всю страну в вооруженный лагерь с железной дисциплиной.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
О ЗНАЧЕНИИ
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ**

Идеология национал-социализма предлагает самый лучший ключ к разгадке его конечных целей. Изучение ее является непростым и доставляет мало удовольствия. Когда мы читаем Платона и Аристотеля, Фому Аквинского и Марсилия Падуанского, Гоббса и Руссо, Канта и Гегеля, мы заморожены как внутренней красотой их мышления, его последовательностью и изяществом, так и тем, что их доктрины согласуются с социально-политической реальностью. Философский и социологический анализ движется рука об руку. Национал-социалистическая идеология лишена всякой внутренней красоты. Стиль ее живых сочинителей отвратителен, конструкции запутаны, последовательность нулевая. Каждое заявление вытекает из непосредственной ситуации и отвергается, как только ситуация меняется.

Непосредственная и оппортунистическая связь между национал-социалистической доктриной и реальностью делает подробное изучение этой идеологии весьма важным. Обычно мы должны отвергать представление, что социология может определять истинность или ложность системы идей, изучая ее социальные истоки или связывая ее с определенным классом в обществе. Но в случае с национал-социалистической идеологией мы должны положиться на социологические методы. Нет другого способа получить истину, по крайней мере из всех откровенных заявлений национал-социалистических лидеров.

Мировое господство, возможно, не было сознательной целью национал-социализма, но экономические и социальные антагонизмы заставят его расширять сферу своего влияния далеко за пределы Европы. Доктринальные элементы идеологии делают такой вывод неизбежным, несмотря на все отклонения, даже несмо-

тря на тот факт, что сам Гитлер отрицал как «глупую и бесчестную ложь» широко опубликованную речь министра сельского хозяйства Дарре, который заявил, что мировое господство — это цель национал-социализма. (См. его новогоднее послание немецкому народу, напечатанное во «Frankfurter Zeitung» 1 января 1941 г.). Чтобы избежать ошибки, мы должны анализировать каждый элемент доктрины по очереди.

За массивом неуместного жаргона, банальностей, искажений и полуправды мы должны различать существенную, имеющую решающее значение центральную тему идеологии: все традиционные доктрины и ценности должны быть отвергнуты, имеют ли они свои истоки во французском рационализме или в германском идеализме, в английском эмпиризме или в американском прагматизме, являются ли они либеральными или абсолютистскими, демократическими или социалистическими.¹ Все они враждебны фундаментальному стремлению национал-социализма: решимости к империалистической войне из-за несоответствия между возможностями германского промышленного аппарата и действительностью, которая существовала и продолжает существовать.

Ценности и понятия, которые отрицал национал-социализм, были философскими, правовыми, социологическими и экономическими понятиями, с которыми мы имеем дело ежедневно и которые характеризуют наше общество. Многие из них, такие как понятие государственного суверенитета, которое, как часто думают, является реакционным, обнаруживают при анализе свой прогрессивный характер и демонстрируют таким образом свою несовместимость с национал-социализмом. Наше изучение национал-социалистической идеологии будет брать каждый элемент по очереди и показывать его реальное воздействие внутри политической, социологической, юридической и экономической структуры режима. Категории, которые будут раскрыты, не обязательно соответствуют определенным стадиям роста национал-социалистической идеологии, хотя некоторые из них совпадают.

В своей внешней форме в качестве пропаганды тоталитарная идеология отличается от демократических идеологий не только потому, что является единственной в своем роде и исключительной, но и потому, что она сплавлена в единое целое с террором.

¹ См. первый раздел главы «Бегемот» (с. 565).

В демократической системе какая-либо идеология является одной из многих. Фактически сам термин «идеология» подразумевает конкурирующее отношение между различными структурами мысли в обществе. Национал-социалистическая доктрина может быть названа «идеологией» только потому, что она на самом деле конкурирует на мировом рынке идей с другими идеологиями, хотя она, конечно же, является господствующей и единственной на внутреннем рынке. Демократическая идеология успешна, если она способна убеждать или привлекать; национал-социалистическая идеология убеждает посредством использования террора. Безусловно, при демократиях также материальная выгода приобретает теми, кто принимает господствующую идеологию, и теми, кто не страдает от случайного насилия, но демократическая система по крайней мере разрешает критику таких альянсов и предлагает возможность конкуренции элементов и сил.

Национал-социализм не имеет теории общества в нашем понимании, не имеет постоянной картины своей деятельности, структуры и развития. У него имеются некоторые цели, которые необходимо осуществить, и он приспособливает свои идеологические заявления к серии постоянно меняющихся целей. Это отсутствие базовой теории является одним из различий между национал-социализмом и большевизмом. Национал-социалистическая идеология постоянно меняется. Она имеет некоторые магические верования — обожание руководства, превосходство расы господ — но эта идеология не сводится к ряду категорических и догматических заявлений.

Кроме того, перемены в идеологии позволяют нам определить, мог или не мог национал-социализм добиться успеха в объединении немецкого народа. Так как там, где есть связь между декларируемой идеологией и политической реальностью, сдвиги в доктринальных формулировках должны быть обусловлены тем фактом, что особая категория населения Германии не считала для себя привлекательной раннюю форму доктрины.

I. ТОТАЛИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО

1. Технологии антидемократической конституционной мысли

Провал путча Каппа в 1920 г. и мюнхенского путча 1923 г. научил национал-социалистов, что в нашем мире *государственный переворот* — это неподходящий метод для захвата политической власти. Курцио Малапарте написал широко известную книгу в защиту *государственного переворота*.¹ Он утверждал, что условие успешного проведения революции — это небольшая группа смелых воинов и отлично обученные заговорщики, способные захватить ключевые посты в публичных службах. Как доказательство он приводил русскую революцию 1917 г., путч Каппа, захват власти фашистами в Италии, *перевороты* Пилсудского в Польше и Примо де Риверы в Испании. Его подборка примеров едва ли могла быть хуже. Успех революции большевиков частично мог быть приписан практикам Малапарте, но гораздо больше тому факту, что правительство Керенского было слабым, а русское общество находилось в состоянии полного распада. Путч Каппа был неудачным; марш Муссолини на Рим — мифом. Родственной и в равной мере обосновательной была и военная теория, что отлично обученная армия, экипированная самым передовым оружием, обязательно превосходит большую массовую армию. Победы Германии в текущей войне были результатом огромного военного превосходства массовой армии, объединенной с механизированными воинскими подразделениями, а также моральное разложение ее противников.

К несчастью для Малапарте, в 1932 г. он предсказал, что Гитлер, которому он приклеил ярлык «мнимого лидера», «простой карикатуры на Муссолини», никогда не придет к власти, потому что он опирается исключительно на оппортунистские парламентские методы. Национал-социалисты были, конечно же, правы, а Малапарте неправ. В своей торжественной речи 8 ноября 1935 г. сам Гитлер признал ошибочность своего раннего путча: «Судьба повернулась к нам лицом — она не допустила успешности действия, которое последовало, но в конечном счете провалилось из-за внут-

¹ *Curzio Malaparte. Coup d'Etat, the Technique of Revolution* // Transl. by Sylvia Saunders. New York, 1932.

ренной незрелости движения и его ложных организационных и духовных оснований. Мы знаем это сегодня. Тогда мы действовали храбро и мужественно. Провидение действовало мудро».

После мюнхенского фиаско национал-социалистическая партия стала легальной. Она дала обещание не подстрекать к государственной измене или к революционному ниспровержению конституции. Как свидетель над национал-социалистами, офицерами рейхсвера, обвиняемыми в государственной измене, Гитлер 25 сентября дал свою знаменитую «клятву чистоты». Штурмовые войска (СА) стали безопасным органом для проведения парадов и спортивных мероприятий. Некоторые политические партии еще громче, чем национал-социалисты, настаивали на том, чтобы при-остановить гражданские свободы и демократическое равенство.

Любой механизм парламентской демократии, любое либеральное учреждение, правовое положение, социальное и политическое ограничение становится оружием против либерализма и демократии; любая возможность используется, чтобы обвинить Веймарскую республику в неэффективности. Далее следует скромная подборка обвинений, взятая исключительно из сочинений профессоров национал-социалистических убеждений (оскорбления партийных ораторов можно предоставить игре воображения).

Либеральное государство является «нейтральным и негативным»; используя выражение Лассалля, это «ночной сторож». Поэтому оно лишено «субстанции» — неспособно достичь решения или определить, что хорошо, а что плохо, что справедливо, а что несправедливо. Идея свободы выродилась до степени анархии. Свирепствуют разложение и материализм. А марксистский идеал, который является лишь вариацией либерализма, ничем не лучше.

Демократия — это правление «неорганизованных масс», скорее, собрания Робинзонов Крузо, чем народа. Ее принцип — «подсчет голосов», а ее парламент, в котором властвуют частные группы, — арена грубой борьбы за власть. Закон служит только частным интересам; судья — это только машина. Либерализм и закон фактически исключают друг друга, хотя временно они и заключают альянс ради целесообразности. В итоге либерализм и демократия — это чудовища, «негативные» Левиафаны, можно сказать, столь сильные, что они оказались способными испортить расовые институты германского наследия.

Было бы тем не менее неверно утверждать, что во времена 20-х и начала 30-х национал-социалисты просто намеревались до-

казать, что демократия — это самое худшее, или предложить ей замену: монархию, диктатуру или что-нибудь еще. Совсем наоборот, они шествовали как спасители демократии. Карл Шмитт, идеолог этой мистификации, излагал эту идею следующим образом.

Веймарская демократия содержит два элемента, один — демократический, другой — либеральный (*rechtsstaatlich*), которые не смешиваются друг с другом. Демократия применяет принцип, что существует тождество между правителями и управляемыми. Равенство — это ее субстанция, а не свобода. Равенство может существовать только внутри данного сообщества, а основание и сообщества и равенства могут меняться. Мы можем иметь равенство, происходящее из физической или моральной однородности сообщества, как добродетель, которую Монтескье называл принципом республики. Или оно может исходить из религиозной солидарности, той, что лежит в основе демократической идеологии уравнилелей в пуританской революции. Уже со времен Французской революции основание выводилось из национальной однородности. Руссо, сформулировавший это понятие, утверждал, что национальная однородность означает единодушие.² Поэтому его концепция общей воли не допускает существования политических партий, так как партии, как указывает само их название, выражают только частную волю. Истинная демократическая система будет выражать полное тождество между правителями и управляемыми.³

Парламентаризм не тождествен демократии, это просто одна из ее исторических форм. Основные принципы парламентаризма — это публичные дебаты, разделение властей и всеобщность права. Дебаты требуют от органов политической власти участвовать в дискуссиях как в средстве достижения истины. Публичные дебаты позволяют гражданскому обществу проверять деятелей этой власти и контролировать их. Но, говорит Шмитт, практика более не соответствует теории. Парламентская дискуссия сегодня — это не более чем механизм для регистрации решений, ранее достигнутых в ином месте. Каждый депутат ограничен твердой партийной дисциплиной. Он не может позволить себе колебать-

² *Carl Schmitt. Die geistesgeschichtliche Luge des modernen Parlamentarismus. 2nd ed. Munich and Leipzig, 1926.*

³ *Hans Peter Ipsen. Vom Begriff der Partei // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1940 (100). P. 490.*

ся перед доводами оппонента. Дебаты — это мошенничество. Речи произносятся для протокола. Поскольку главные решения достигнуты в секретных комитетах или на неформальных переговорах между контролирующими группами, даже публичность дебатов — это мистификация.

Принцип разделения властей ограничивает парламент законодательной деятельностью, иными словами, установлением абстрактных общих правил. И снова практика оставила позади теорию. Парламент — это уже не исключительно законодатель; он теперь администратор, и неэффективный. В эру монополистического капитализма общие законы становятся механизмами утаивания индивидуальных решений. Однородность народа почти не существует. Плюралистическая система заменила множеством форм лояльности одну основную лояльность к нации. Поликратия, то есть объединенный орган независимых публичных учреждений (институтов социального страхования, контрольных органов, принадлежащих государству корпораций и так далее), не подчиненный никакому парламентскому надзору, разрушил единство политических решений. Это разорвало на части живой политический организм. Федеративный принцип, защищая частные интересы, сделал насмешкой идею суверенитета народа.

Гражданские свободы и неотчуждаемые права в конечном счете отрицают демократию. Руссо уже указывал на это, по крайней мере косвенно; так как теория общественного договора означает, что гражданин передал свои права после заключения договора. Традиционные личные и политические свободы были продуктом капитализма, основанного на конкуренции. Эта эра теперь прошла, и капитализм вступил в фазу интервенционизма, монополистического капитализма и коллективизма. Поскольку свобода торговли и свобода договора исчезли, их следствия, свобода слова и собраний, свобода печати и профсоюзов стали бессмысленными.⁴

Парадоксальным образом этот антидемократический анализ, предназначенный для того, чтобы свести до минимума фундаментальные права, в то же время чрезмерно их переоценивает, превращая их в бастион для защиты частной собственности от государственного вмешательства и наделяя их конституционной функ-

⁴ Ernst Rudolf Huber. Der Bedeutungswandel der Grundrechte // Archiv für öffentliches Recht. 1932 (23). P. 1–98.

цией, полностью чуждой германской традиции.⁵ Бесчисленные книги, памфлеты и речи разоблачали парламентские учреждения, их неэффективность, их недемократический характер, их продажность. Бюрократическая идеология была непосредственным бенефициарием. Судебная власть была возвышена до верховной политической функции, и ради атак любого рода на плюралистические, поликратические и федеративные причины разобщения какая-либо критика того независимого политического статуса, каким обладала армия, тщательно устранилась. Фундаментальные права отвергались как несовместимые с демократической философией, в то время как фундаментальные права собственности и равенства приобрели такую широту и глубину, какой они никогда ранее не обладали.

Логическим результатом этого преднамеренного маневра было требование сильного правительства, достигшее кульминации в лозунге: «Вся власть президенту». Президент, как утверждалось, — это истинно демократический институт: он избирается народом. Как единственная подлинно нейтральная власть, как посредник он должен иметь законодательные и исполнительные полномочия, сконцентрированные в его руках. Президентская нейтральность — это не просто бесцветность, но истинная объективность, возвышающаяся над мелкими ссорами множественных интересов, публичных организаций и провинций.⁶

Лежащим в основе настроением был десизионизм Карла Шмитта,⁷ требование действия вместо размышления, решения вместо оценки.

Десизионизм основывается на своеобразной, еще весьма привлекательной доктрине о природе политики, сильно похожей на революционный синдикализм Жоржа Сореля. Политика, заявляет Шмитт, это отношение друга к врагу. Враг — это в конечном счете любой, кто должен быть уничтожен физически. Любое человеческое отношение может стать политическим в определенном смысле, так как любой оппонент может стать врагом, подлежащим уничтожению. Новый Завет указывает, что следует любить даже

⁵ *Franz Neumann. Gegen ein Gesetz über Nachprüfung der Verfassungsmässigkeit von Reichsgesetzen // Die Gesellschaft. 1929 (1). P. 517–536.*

⁶ *Carl Schmitt. Der Hüter der Verfassung. Tübingen, 1931.*

⁷ *Carl Schmitt. Der Begriff des Politischen / New ed. Munich and Leipzig, 1932.*

врага, но это указание относится только к частному врагу, *inimicus*, а не к публичному врагу, *hostis*.⁸ Это учение о грубой силе в его наиболее поразительной форме, направленное против любого аспекта и акта либеральной демократии и против всей традиционной концепции верховенства права.

Противоположные теории либо не пользовались влиянием, либо играли на руку антидемократическим тезисам. Коммунисты, например, отвергали конституцию как завесу над капиталистической эксплуатацией и как политическую сверхструктуру экономики монополистического капитализма. В действительности веймарская конституция ничего не скрывала. Ее компромиссный характер, торговля интересами, независимый статус республиканской бюрократии, открытая политическая роль судебной власти были совершенно очевидны. Конституционная теория и практика разоблачали слабость демократических сил и силу их оппонентов. К тому же они показывали, что веймарская конституция обязана своим существованием гораздо больше терпимости ее врагов, чем силе ее сторонников. Отсутствие какой-либо приемлемой конституционной доктрины, даже если бы она была простым камуфляжем и чистой фикцией, а также последовательный публичный характер антагонизмов как раз и были теми факторами, которые обеспечили переходную конституцию и предотвратили формирование прочной законности.

Социалистическая конституционная теория была не в состоянии развить специфически социалистическую доктрину. Она соглашалась с Карлом Шмиттом в осуждении веймарской конституции за отсутствие в ней решимости.⁹ Она даже не предоставляла конституции свойство компромисса, но утверждала, что несовместимые интересы и позиции остаются рядом друг с другом без какой-либо интеграции. Любая конституция, принятая в поворотный момент истории, рассуждали социалисты, должна заявить о программе действий и установить новый порядок общества. Поскольку веймарская конституция не имела своих собственных целей, она допускала любую мыслимую систему ценностей.

⁸ Ibid. P. 17.

⁹ Типична прекрасная небольшая книга: *Otto Kirchheimer. Weimar und was dann?* Berlin, 1930.

Их разрушительная критика требовала от социалистов новой формулировки системы ценностей веймарской демократии. Поэтому они выдвинули учение о социальном *Rechtsstaat*, которое сочетало наследие гражданских прав, правового и политического равенства с требованиями коллективизма.¹⁰ Подчеркивая конституционные положения об обобществлении промышленности и о признании профсоюзов, они требовали принятия экономической конституции, которая обеспечит равную долю трудового представительства. Социальный *Rechtsstaat* был, таким образом, рационализацией трудовых требований о соответствующей доле участия в политической жизни нации. Как политическая теория, она была общепризнанно переходной (наряду с соответствующим учением об экономической демократии), так как социальный *Rechtsstaat* мыслился просто как первый шаг к полностью социализированному обществу. И она имела такой же незначительный эффект, как и вся остальная социал-демократическая и профсоюзная политика.

Еще одним оппонентом десизионизма была так называемая австрийская школа: чистая наука о праве. Государство и право объявлялись тождественными областями. Есть только одно право, право государства. Поскольку каждый политический феномен может быть объяснен в терминах права, любая политическая форма — это *Rechtsstaat*, государство, основанное на праве. Но даже самая абсолютная диктатура могла избежать попадания в эту категорию, потому что власть диктатора может быть представлена только как явно или неявно делегированная ему основным законом, стоящим на вершине правовой системы. Правовой порядок — это иерархия, система предписаний, исходящих от основной нормы наверху к индивидуальному договору и особому административному акту внизу. Поэтому нет категоричного различия между публичным и частным правом, между естественным человеком и юридическим лицом.¹¹

¹⁰ Характерный пример: *Herman Heller. Rechtsstaat und Diktatur. Tübingen, 1930*; а также моя собственная книга: *Koalitionsfreiheit und Reichsverfassung. Berlin, 1933*.

¹¹ Ганс Кельзен обобщил это в своей теории в: *Reine Rechtslehre. Leipzig and Vienna, 1934*. Английское изложение: *Charles H. Wilson. The Basis of Kelsen's Theory of Law // Politica. 1934. P. 54–82*; и *H. Lauterpacht. Kelsen's Pure Science of Law // Modern Theories of Law. Oxford, 1933. P. 105–138*.

Критическое воздействие и разоблачительную силу австрийской школы нельзя отрицать. Ее настойчивое подчеркивание ценности одного лишь позитивного права и полное изгнание из науки любых моральных рассуждений социологического или политического характера лишает возможности скрывать политические требования под личиной закона. В своей основе теория является релятивистской и даже нигилистической; не удивительно, что ее основатель и неутомимый сторонник Ганс Кельзен отождествлял демократию с парламентаризмом и определял ее просто как организационные рамки для достижения решений без обращения к каким-либо универсально принятым ценностям.¹² Эта релятивистская концепция демократии как раз и является почвой для десизионистских и социалистических нападков.

Хотя разоблачающая доктрина может быть полезным инструментом в научном анализе, она не может предоставить основание для политической деятельности. Чистая наука о праве, кроме того, разделяет дефекты логического позитивизма и любой иной «чистой науки»: она девственна в своей невинности. Сбрасывая со счетов все относительные проблемы политической и социальной власти, она прокладывает путь для десизионизма, для принятия политических решений независимо от того, откуда они происходят и что они содержат, лишь бы за ними стояла достаточной силы власть. Чистая наука о праве так же, как и десизионизм, подрывает любую общепринятую систему ценностей.

Именно либералы представляли на правовом поле великую культурную традицию Германии — глубокое историческое знание, острую и точную силу аналитической мысли и твердую приверженность ценностям германской идеалистической философии. Они пытались привести демократическую структуру в гармонию с либеральными гарантиями. Веймарская система, предполагаемое конституционное выражение этой гармонии, была воплощением их неудачи.

Немного следует сказать и о консервативных конституционных доктринах. Их мечту о реставрации монархии объединяла с десизионизмом жажда сильной власти, единой внутри и сильной вовне. Государство было высшей моральной ценностью. Как

¹² *Hans Kelsen. Vom Wesen und Wert der Demokratie. 2nd ed. Tübingen, 1929. P. 27, 28.*

критики либеральной демократии, консерваторы шли рука об руку с антидемократическим движением и готовили первую стадию национал-социалистической идеологии.

2. Тоталитарное государство

Идея тоталитарного государства выросла из требования, чтобы вся власть концентрировалась в руках президента. Сразу же после прихода Гитлера к власти политические теоретики начали уделять максимальное внимание тоталитарной идее, разрабатывавшейся ранее конституционными юристами. Вся власть должна была принадлежать государству; все остальное было саботажем национал-социалистической революции. Тоталитарное государство описывалось как порядок господства и форма общности народа. Оно было антидемократическим, потому что демократия с ее понятием тождества между правителями и управляемыми подрывала необходимость власти руководства. Руководство, заявляли национал-социалисты, не делегируется народом — власть предполагает деление на ранги и эффективна вопреки воле народа, потому что народ не дарует власть, а признает ее.¹³

Приход к власти Гитлера вызвал появление широкого круга литературы, вновь обратившейся к изучению традиционных форм государства и управления. Были установлены различия между *liberaler Rechtsstaat*, рожденным французской революцией и воплощенным в английской конституции, и *nationaler Rechtsstaat*, впервые разработанным итальянским фашизмом и позднее победившим в национал-социалистической Германии; последняя характеризовалась как государство, примиряющее справедливость с политической необходимостью.¹⁴ Сущность национал-социалистической революции, как считалось, лежит в возрождении и дальнейшем развитии самой лучшей консервативной традиции (первоначально представленной правлением Фридриха II, короля Пруссии), традиции, которая была осквернена и унижена либера-

¹³ Ernst Forsthoff. Der totale Staat. Hamburg, 1933. P. 29.

¹⁴ Otto Koellreuter. Vom Sinn und Wesen der nationalen Revolution. Tübingen, 1933. P. 11, 12; а также его: Der deutsche Führerstaat. Tübingen, 1934; и его же: Volk und Staat in der Weltanschauung des Nationalsozialismus. Berlin, 1935.

лами с их государством «ночным сторожем».¹⁵ Для некоторых теоретиков гегелевская идея государства была моделью для национал-социализма.

Чтобы избежать отождествления тоталитарного государства с абсолютизмом XVII и XVIII столетий, теоретики настаивали в дальнейшем, что государство было не только простой системой принуждения; оно было формой жизни расового *Volk*. Различные типы тоталитарных государств различались с целью отделить национал-социалистическую разновидность от других, от итальянской или русской.¹⁶

Тоталитарная доктрина, необходимо признать, была сразу же поддержана высшим партийным руководством. Геббельс заявил, что «наша партия всегда стремилась к тоталитарному государству... Целью революции должно быть тоталитарное государство, проникающее во все сферы общественной жизни».¹⁷ Фрик, министр внутренних дел и ведущая фигура в партии, подписал циркулярное письмо 11 июля 1933 г., предписывавшее федеральным наместникам «сохранять государственную власть при любых обстоятельствах».¹⁸ Гитлер обратился к вождям СА с подобными рассуждениями в Бад-Райхенхолле 1 июля 1933 г. Третья фаза революции, сказал он, «должна быть установлением целостности государства, как мы ее понимаем; национал-социалистическое движение должно сделать это государство носителем своих духовных благ».¹⁹ В 1933 г. на конференции юристов он призвал своих слушателей «сохранять власть тоталитарного государства».²⁰ И опять, уже 15 ноября 1934 г. Фрик, выступая с речью перед армейскими офицерами, подчеркнул потребность в абсолютной власти, в «сильном правительстве, которому не чинят препятствия

¹⁵ *Hans Gerber*. Staatsrechtliche Grundlagen des neuen Reichs. Tübingen, 1933. P. 15.

¹⁶ *Ernst Rudolf Huber*. Die Totalität des völkischen Staates // Die Tat (1934). Vol. 26. P. 30–41.

¹⁷ Утверждение было сделано 8 ноября 1933. *Poetzsch-Heffter F., Ule C. H., and Darnedde C.* Vom Deutschen Staatsleben // Jahrbuch des öffentlichen Rechts (1935). Vol. 22. P. 125.

¹⁸ *Axel Friedrichs* (ed.). Die nationalsozialistische Revolution 1933. Berlin, 1935. P. 59–61.

¹⁹ *Völkischer Beobachter*. N 185. 4 июля 1933.

²⁰ *Ibid.* 5 октября 1933.

отдельные личности, группы, классы, сословия, партии и парламент».²¹

Такое прославление государства спустя короткое время было отброшено (оно, например, отсутствует в «*Mein Kampf*»). Почему оно так сильно подчеркивалось до 1934 г.? Три фактора, кажется, имели решающее значение. Во-первых, политические теоретики и юристы прежнего времени сохраняли свои ведущие позиции в том, что касается формулирования идеологии. Эти люди смотрели на национал-социалистическую революцию как на новое издание имперской системы, с ее основой в виде власти бюрократии и армии. Теперь, когда оно вернулось в руки надежных лидеров, германское государство способно опять воплощать самые высокие ценности. Итальянский фашизм разработал доктрину тоталитарного государства, и поскольку различия между этими двумя типами еще не проявились, была предпринята естественная попытка связать итальянскую доктрину с более ранней германской традицией.

Особый поворот, приданный тоталитарной доктрине Карлом Шмиттом, наиболее умным и опытным из всех национал-социалистических конституционных юристов, очень сильно в этой ситуации помог. Он сделал ее приемлемой даже к крупной промышленности, и кое-что было им сделано уже в 1932 г. В обращении, многозначительно озаглавленном «Сильное государство и устойчивая экономика», перед *Langnam Verein* (буквально «Объединение с длинным названием», или объединение северо-западной промышленности), он ввел различие между двумя видами тотальности, римской и германской.²² Римская тотальность была количественной, германская — качественной. Первая правила всеми сферами жизни, вмешиваясь в любую человеческую деятельность. В противоположность ей германская оставалась ограниченной сильным и могущественным государством, которое требовало полного политического контроля, но оставляла экономическую деятельность неограниченной. Доктрина Шмитта, конечно же, в той же мере не была германской, как и ее противоположность не являлась римской. На самом деле она была сформулирована гораздо

²¹ *Dr. Frick. Der Neubau des Deutschen Reiches. Vortrag gehalten vor Offizieren der Reichswehr am 13 November 1934. Berlin (n. d.).* P. 6.

²² *Carl Schmitt. Starker Staat und gesunde Wirtschaft // Volk und Reich. 1933. P. 81–94.*

более ясно и реалистично итальянцем Вильфредо Парено, который поддерживал одновременно политический авторитаризм и экономический либерализм и который оказал влияние на раннюю экономическую политику Муссолини.

Оба довода — обращение к монархической традиции сильного государства и к частной собственности и частной инициативе — выглядели угрожающими в последней речи Гитлера, произнесенной перед (относительно) свободно избранным рейхстагом (23 марта 1933 г.). Гитлер заявил, что монархическое восстановление не является в настоящий момент предметом обсуждения, потому что главной задачей является установление безоговорочной власти правительства. В то же самое время он обещал сильнейшее стимулирование частной инициативы и признание частной собственности.²³

Тоталитарная доктрина государства, таким образом, удовлетворяла различных традиционных приверженцев германской реакции: университетских профессоров, бюрократию, армейских офицеров и крупных промышленников. Она была приемлема и для западного мира в целом. Поскольку любая политическая теория, в которой государство является центральным и доминирующим институтом, и ему доверяется опека над всеобщими интересами, соответствует традиции западной цивилизации независимо от того, насколько либеральной такая традиция может быть. Западная традиция рассматривает государство не как репрессивную машину, противостоящую правам человека, но как сущность, надзирающую за интересами целого и оберегающую эти интересы от нарушений их частными группами. Государственный суверенитет выражает потребность в безопасности, порядке, законе и равенстве перед законом, и подчеркивание национал-социалистами тотальности государства еще не означает разрыва с европейской традицией.

Тоталитаризм служил также и практическим потребностям момента. Во время первых месяцев существования режима каждый функционер в коричневой рубашке пытался захватить любые должности и учреждения, какие только мог. Рядовые члены партии начали ворчать о предательстве революции; одно крыло призывало даже ко второй революции. Отряды Рэма наблюдали за новой властью рейхсвера с завистью.

²³ Опубликовано в кн: *Ernst Forsthoff* (ed.). *Deutsche Geschichte in Dokumenten seit 1918*. 2nd ed. Stuttgart, 1938. P. 290–299.

Ситуация была трудной, и очень скоро Гитлер начал использовать оружие тоталитарной доктрины. Революция должна была продолжаться упорядоченным способом — поскольку собственность, государственная служба и армия были в этом заинтересованы. Раздел 26 Закона об армии и прусский декрет от 4 мая 1933 г. устанавливали, что члены партии должны отказаться от своего членства на время службы в вооруженных силах или в полиции, поскольку они были подчинены иной дисциплинарной власти. 20 ноября 1933 г. Рудольф Гесс, тогда заместитель лидера, издал декларацию, что партийные лидеры не имеют права издавать приказы и декреты.²⁴ Кроме того, местные и провинциальные партийные начальники обязаны были отстраниться от бизнеса. В этом и заключалось значение циркулярного письма д-ра Фрика, предупреждавшего высших федеральных чиновников, которым оно было адресовано, посягать на власть бюрократии без разрешения партийного аппарата. Д-р Фрик не был намерен препятствовать террору против евреев; избиению беззащитных заключенных в бараках концлагерей; похищению коммунистов, социалистов и пацифистов; убийствам — «при попытке к бегству» — политических противников. Но партия обязана была не вмешиваться в дела бизнеса и администрации.

3. Синхронизация политической жизни

Тоталитарная теория была также инструментом координации всех видов общественной деятельности. Абсолютный контроль сверху — знаменитая *Gleichschaltung* (унификация) федеральной, государственной, провинциальной и муниципальной деятельности — была обоснована в доктрине о всеобщем праве государства и о тотальной власти. В противоположность плюралистической и федералистской Веймарской республике новое государство не могло и не желало терпеть существование автономных общественных органов внутри себя; и в течение 1933 и 1934 гг., которые Гитлер назвал периодом стабилизации власти, целый ряд постановлений позаботился обо всех необходимых деталях. В отличие от Италии полная концентрация власти и *Gleichschaltung* были выполнены в очень короткий промежуток времени.

²⁴ *Poetzsch-Heffter*. Op. cit. P. 119–120.

Главным законом был принятый 24 марта 1933 г. акт, озаглавленный «Закон, уменьшающий бедствия народа и рейха», прошедший через рейхстаг, избранный менее чем за три недели до этого, 5 марта. Он также назывался «Предварительной конституцией рейха».²⁵ Этот акт давал кабинету неограниченную законодательную власть, право отходить «от конституционных положений и вмешиваться в любые вопросы, за исключением парламентских учреждений и федерального совета (*Reichsrat*). Далее он предписывал, что полномочия президента не могли быть сокращены. Была установлена новая и упрощенная законодательная процедура. Хотя законодательная власть рейхстага не была явно отменена, эта власть на самом деле становилась рудиментарной, используемой только в исключительных ситуациях, а затем только в декоративных целях.

Рейхстаг, который остался сегодня, состоящий из чиновников партии, это просто украшение, а после побега из Германии Фрица Тиссена, бывшего членом этого августейшего органа, обнаружилось,²⁶ что на сессии рейхстага 1 сентября 1939 г. (заседание по поводу войны) присутствовали только 100 депутатов, в то время как оставшиеся места были просто наудачу заполнены партийными секретарями.

Кабинет стал обычным законодателем. Такое стирание разделения между законодательными и административными функциями, характерное для почти всех современных государств, означает, что политическая власть больше не распределяется среди различных страт общества и что меньшинства не могут больше выступать против законодательных предложений.²⁷ Государственная власть была не только объединенной, но и абсолютной. (Она также является объединенной и при либеральной демократии, так как разделение властей не означает, что существуют три различные власти. Было бы более правильным говорить скорее об отдельных и различных функциях, чем о властях).

Принятый акт представлял собой самое радикальное отступление от принципов либерального конституционализма, от си-

²⁵ Frick. Op. cit. P. 7.

²⁶ Life. 29 April 1940.

²⁷ Прекрасный анализ проблемы разделения властей см.: Charles H. Wilson. The Separation of Powers under Democracy and Fascism // Political Science Quarterly. 1937. Vol. 52. P. 481–504.

стемы норм и обычаев, которые ограничивают государственную законодательную власть. Как выразился один автор, «федеральная администрация получила власть руководства Германией; при Адольфе Гитлере это в любом случае была самая широкая политическая власть».²⁸

История принятых законов опровергает утверждения национал-социалистов, что они пришли к власти конституционными средствами. Верно, что закон прошел 441 голосом против 94 и поэтому был принят необходимым большинством — двумя третями из числа присутствующих (Статья 76 веймарской конституции). Но заседание происходило в атмосфере террора. 81 из коммунистических депутатов и многие социал-демократы были бесосновательно арестованы и поэтому отсутствовали. (Присутствовавшие социал-демократы голосовали против). Если бы центристы не капитулировали и не поддерживали закон, господство террора было бы, бесспорно, развязано.

Кроме того, статья 5 предусматривала, что принятый акт теряет свою силу, если *действующий федеральный кабинет будет заменен другим*. Обстоятельства, обуславливающие это положение, принятое по требованию Гинденбурга, весьма значительны. Мир позабыл, что в этом первом правительстве Гитлера, которое пришло к власти 31 января 1933 г., было только три национал-социалиста из двенадцати. (На самом деле этот кабинет был возрождением гарцбургского фронта, организованного Гитлером и Гинденбургом с благословения Шахта с целью создать «национальную» оппозицию кабинету Брюнинга).²⁹ Как раз чтобы защитить большинство его собственных реакционных друзей в новом правительстве «национального сосредоточения», особенно трех из них (вице-канцлера фон Папена, Гугенберга, министра экономики, и Гереке, министра занятости), Гинденбург и настаивал на статье 5. Другими словами, принятый акт давал полную законодательную власть тому кабинету, который был тогда образован, и никому другому.

Гугенберг вскоре ушел в отставку с поста министра экономики; Гереке был арестован за растрату; нацист Дарре был назначен ми-

²⁸ Frick. Op. cit. P. 7. Принятый акт должен был первоначально утратить свою силу 1 апреля 1937 г. Он дважды продлевался и теперь действует до 10 мая 1943 г.

²⁹ Frederick L. Schuman. The Nazi Dictatorship. 2nd ed. New York, 1939. P. 149.

нистром сельского хозяйства; и заместитель вождя Гесс начал посещать заседания кабинета, хотя и не был его участником. Согласно закону это должно было положить конец принятому акту. Само собой разумеется, что на деле ничего подобного не произошло. Вот как один конституционный юрист, высокопоставленный чиновник в министерстве внутренних дел, защищал сохранение акта: «Это умалило бы значение великого события национального сосредоточения, если бы нам пришлось вступить в дискуссию по поводу того, что могло бы составить преждевременный конец упрощенного законодательного процесса, будь это замещение одной персоны другой в кабинете или изменение политического состава кабинета».³⁰ Другой комментатор, менее сдержанный, утверждал, что акт сохраняет свою ценность, потому что национал-социалистическая партия всегда была в большинстве в кабинете.³¹ Это была явная ложь.

Из-за очевидного нарушения статьи 5 политические и правовые теоретики национал-социализма предпочитали говорить о принятом акте как о «краеугольном камне конституции». Сказать такое о принятом акте после всего означало бы признать его корни в презируемой веймарской конституции. Отсюда и исключительное делегирование власти в соответствии с конституцией и, как следствие, мера, законность которой должна оцениваться в терминах конституции, и то, что они превратили акт в *Reichsführungsgesetz*, закон, рождающий руководство рейха. Сам он знаменовал собой конец Веймара и начало национал-социалистической системы.³²

В любом случае национал-социализм не имел отношения к юридическому соответствию господствующей конституционной системе.³³ Она заменяется требованием легитимности.³⁴ Система легитимна, когда она имеет внутреннее обоснование существования, в этом и заключался успех национал-социалистической революции. Другими словами, обоснование новой конституции заключается в ее успешности — аргумент, который ни нов, ни убедителен.

³⁰ Franz Albrecht Medicus. Programm der Reichsregierung und Ermächtigungsgesetz. Berlin, 1933. P. 19.

³¹ Poetzsch-Heffter. Op. cit. P. 63.

³² Huber. Op. cit. P. 47.

³³ Различие было выдвинуто Карлом Шмиттом в кн.: *Legalität und Legitimität*. Munich and Leipzig, 1932.

³⁴ Huber. Op. cit. P. 97.

И при этом нарушения принятого акта не останавливали действия статьи 5. Как мы видели, акт якобы сохранял парламентские учреждения и федеральный совет и обещал гарантии прав президента. Менее чем через два года федеральный совет был упразднен (закон 14 февраля 1934 г.), а должности канцлера и президента были слиты в одну сразу же после смерти Гинденбурга 1 августа 1934 г. Слияние оправдывалось ссылкой на волю Гинденбурга, в которой, как предполагалось, он назвал Гитлера своим преемником, и 89,9-процентным одобрением на всенародном референдуме 19 августа. Даже согласно национал-социалистическим теориям референдум не имел конституционного статуса, но только возможное нравственное значение. Веймарская конституция различала референдум и инициативу. На первом народ выступал как арбитр в законодательных конфликтах между президентом и парламентом — ситуация, которая никогда не возникала на практике. Инициатива, с другой стороны, давала политическим группам возможность либо воздействовать на законодательство, либо предотвратить принятие парламентом закона. Инициативы предпринимались три раза за всю историю республики: возбужденная левыми инициатива конфисковать королевскую собственность; инициатива коммунистов против строительства линкора; и инициатива, начатая реакционерами против Молодежного плана. Они завершились неудачей; это было неизбежно в силу того, каким образом была организована общественная жизнь, и из-за жесткости партийной системы. Тем не менее инициатива была потенциальным инструментом корректирования государства, окаменевшего в своей политической и парламентской жизни. Инициатива, начатая коммунистами с целью экспроприировать королевские дома, хотя и завершилась неудачей, настолько всколыхнула социалистические массы, что руководитель социал-демократов был вынужден изменить свою политику и возглавить народное движение.

В противоположность республиканским формам национал-социалистический закон о плебисците 14 июля 1933 г. имел отношение к пропаганде, а не к конституционному праву. Закон давал кабинету исключительное право представлять планируемый к принятию закон народу. Национал-социалистические юристы произвольно интерпретировали закон, имея в виду, что народ также можно опрашивать об одобрении законодательного акта после того, как был принят и опубликован. В однопартийной системе,

лишенной либеральных гарантий, плебисцит иногда полностью отличался от демократического референдума. Согласно официальному релизу, сопровождавшему акт плебисцита, он происходит из «древних правовых форм Германии», а его функция — выразить голос народа в «облагороженной форме». Что было бы, если бы народ отверг планируемую или уже принятую меру кабинета? Кроме того факта, что такой результат немислим, все эксперты соглашались, что вождь не ограничивался народным решением. «Даже если проголосовавшая публика повернется против него, он остается тем, кто представляет собой объективную миссию народа».³⁵

Процесс унификации и концентрации законодательной власти был завершен, как только референдум политически и юридически был сведен до уровня простой декорации и как только законодательная власть была полностью передана кабинету. *Gleichschaltung* мог быть теперь свободно распространен в административную сферу. Следующий шаг должен был отменить независимый статус провинций (*Länder*). Первый ураган разразился вместе с координированным актом 31 марта 1933 г., дающим кабинетам земель право издавать законы наряду с законодательными собраниями. Существовавшие законодательные собрания земель были затем распущены федеральным законом. На следующих выборах так называемая «национальная оппозиция» состоявшая из национал-социалистов и националистов, завоевала большинство во всех собраниях. Это большинство станет еще больше, когда социал-демократы были лишены мест в парламенте 7 июля 1933 г. 30 января 1934 г. закон о «восстановлении рейха» (*Reichs-Aufbaugesetz*) передал рейху все верховные полномочия, до сих пор имевшиеся у земель, таким образом уничтожив их государственный характер и искоренив законодательные собрания. Тот же самый процесс был повторен с муниципалитетами; муниципальные собрания были отменены законом от 30 января 1935 г. (*Gemeindeordnung*). Авторитарный контроль был полным сверху донизу.

Второй скоординированный акт, принятый 7 апреля 1933 г., вводил должность федерального регента, назначаемого Гитле-

³⁵ *Erich Becker*. Die Rechtsstellung der deutschen Länder in der Gegenwart // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1937 (97). P. 462–498, esp. P. 494.

ром. В Пруссии Гитлер сам занял эту должность. Закон 30 января 1935 г. (*Reichstatthalter-Gesetz*) сделал регентов подчиненными приказам кабинета и таким образом превратил их в государственных служащих рейха. Они были лишены права назначать правительства земель и могли только предлагать имена вождю. Федеральные регенты, таким образом, становились номинальными главами земель. Должность хорошо оплачивалась, тем не менее и ее удостаивались партийные чиновники. Даже национал-социалистические юристы считали теперь невозможным точно определить, каково конституционное положение земель. Самое лучшее, что они были в состоянии сделать, это сказать, что земли продолжают существовать как переходные учреждения, ждущие окончательной территориальной реорганизации рейха.

Те же самые теоретики, которые требовали, чтобы вся власть была сконцентрирована в руках президента, теперь стремились свести его положение до номинального главы. Один юрист выразил это очень ясно: «Вследствие неудачи парламента центр тяжести смещается к президенту. Теперь, после того как национал-социализм захватил власть, президент рейха может вновь освободить себя от своей загруженности повседневной политикой и вернуться к своему конституционному положению представителя народного единства и защитника нации».³⁶ Другой автор, немного более осторожный, заявлял, что президент не передал свое авторитарное руководство Гитлеру, но принял новую функцию, функцию представителя.³⁷ Быстрый упадок президентской власти получил ясное законодательное выражение, особенно в законе, создающем должность федерального регента. Регенты были сделаны подчиненными не президентским приказам, но приказам канцлера — задача федерального регента заключалась в том, чтобы обеспечивать исполнение принципов политики, устанавливаемой федеральным канцлером. И президент, когда-то сильный человек, стал теперь простым фасадом, за которым устанавливалась неограниченная власть фюрера.

³⁶ См.: *Poetzsch-Heffter F.* Op. cit. P. 53–54. Цитата интересна еще и потому, что она допускает, что осуществление президентской власти в последние годы Веймарской республики было неконституционным.

³⁷ *Ernst Rudolf Huber.* Das deutsche Staatsoberhaupt // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft.* 1935 (95). P. 202–229, esp. P. 204.

4. Тоталитарное государство во время войны

Перед внезапным началом этой войны концентрация политической власти в руках федерального кабинета достигла весьма высокой стадии. Учреждение должностей федеральных регентов и уничтожение муниципального самоуправления, которое свело статус муниципальных органов до статуса федеральных агентств, давало федеральному кабинету полную власть над всей политической структурой Германии вплоть до самой низшей территориальной единицы. Эта власть была ограничена только административными трибуналами и судебной властью.

Внезапное начало войны было тем не менее встречено еще большей концентрацией власти. Министерский совет для защиты государства был сформирован из федерального совета для защиты государства (ничего не известно о составе или задачах этого совета, так как даже «Frankfurter Zeitung» была вынуждена признать это в своем выпуске от 1 января 1941 г.). Министерский совет фактически принял на себя законодательную власть кабинета. Он состоял из рейхсмаршала Геринга, который был его главой, заместителем вождя; директора федеральной канцелярии Ламмерса; главы высшего командования вооруженных сил, Кейтеля; главного уполномоченного администрации Фрика (также министра внутренних дел) и главного уполномоченного по вопросам экономики Функа (также министра экономики). В особых случаях дозволялось также добавление иных лиц. Создание министерского совета для защиты государства равносильно учреждению главного штаба гражданской обороны и экономики. Главный уполномоченный по вопросам экономики (Функ) обладал властью над министрами экономики, труда, питания, лесного хозяйства и даже финансов; в то время как министры юстиции, внутренних дел, культуры и по делам церквей подчинялись главному уполномоченному федеральной администрации (Фрику). Ничто не дает такой ясной картины полного отказа от устаревших либеральных форм, как деградация министра финансов. Фискальные соображения не могли более препятствовать исполнению необходимых административных и экономических мер. Ведущее влияние, которое имело и все еще имеет казначейство в Англии, всегда было препятствием выполнению многих необходимых задач. В новой административной

системе министр финансов стал простым подчиненным чиновником.

Министерский совет — обычный законодатель для любых практических целей. Его декреты имеют силу закона и не должны подписываться фюрером, потому что, как выражается «Frankfurter Zeitung», «во время войны он часто остается в своей ставке за пределами столицы» (10 января 1941 г.). Министерский совет регулирует все вопросы, которые прямо или косвенно касаются защиты государства. Эта оговорка, разумеется, никоим образом не ограничивает его власть.

Декреты министерского совета тем не менее не могут оговаривать все детали, и при нормальном или упрощенном законодательном процессе детали обычно оставляются для исполнительных распоряжений, издаваемых министром, под юрисдикцию которого попадает вопрос. Сходные, но более далеко идущие полномочия свойственны исполнительным распоряжениям, которые могут приниматься с целью исполнения или выхода за пределы законодательных актов министерского совета.

Уполномоченные по вопросам экономики и уполномоченные администрации, а также главный представитель по делам пятилетнего плана могут, каждый в своей области, но с согласия двух остальных и с согласия главы высшего командования вооруженных сил, издавать исполнительные распоряжения, которые могут даже — и это новый шаг — противоречить существующему законодательству. Власть уполномоченных настолько же широка, как и власть министерской бюрократии, которая обычно формулирует исполнительные распоряжения. В результате уполномоченные изменили уголовный кодекс и гражданский процессуальный кодекс.

Даже такое положение дел не является окончательным в процессе концентрации законодательной власти. В январе 1941 г. фюрер издал указ, уполномочивающий рейхсмаршала независимо издавать любое законодательное или административное распоряжение, которое тот считает необходимым для защиты воздушного пространства. Этот указ идет еще дальше, чем все ранее известные.

Таким образом, вождь имеет следующие законодательные полномочия в своем распоряжении:

1. Его прямые акты, в форме закона, распоряжения (*Verordnung*) или указа (*Erlass*). К последней форме обращаются все

больше и больше, как в случае с присоединением Эйпен-Мальмеди и Мореснета к рейху и в случае с назначением федеральных уполномоченных по Норвегии и Нидерландам. Другой пример — расширение четырехлетнего плана. Прямая законодательная деятельность со стороны вождя тем не менее уменьшилась.

2. Упрощенные законодательные акты федерального кабинета, основанные на чрезвычайном законе 1933 г. Фактически о них во время войны позабыли.

3. Парламентские законы. Они не использовались с 1936 г., но могут быть восстановлены в пропагандистских целях.

4. Референдум. Опять средство пропаганды.

5. Законодательная власть министерского совета для защиты государства — обычный законодатель.

6. Распоряжения триумvirата уполномоченных, часть из них — исполнительные распоряжения, претворяющие в жизнь законодательные акты министерского совета, другая часть выходит за пределы этих актов. В эту категорию попадает и декрет о полномочиях отвечающего за четырехлетний план.

7. Законодательные полномочия рейхсмаршала по вопросам воздушной обороны.

8. Законодательная власть, делегированная федеральным министрам в их соответствующей юрисдикции, основанная на определенных разрешениях и, разумеется, большое количество других делегированных полномочий.

Концентрация политической власти наверху не остановилась на короткое время, но была расширена до провинциального уровня. Распоряжение, изданное министерским советом 1 сентября 1939 г., назначало 18 национальных уполномоченных по обороне, располагающихся в 18 провинциальных командованиях вооруженными силами (*Wehrkreiskommando*). Они были исполнительными агентами министерского совета в провинциях. Их задачей была унификация гражданской обороны. Они не имели своего собственного аппарата, но были вынуждены использовать существующий механизм власти президентов земель (в Пруссии), федеральных регентов, или государственных министров, в зависимости от того, где располагалось провинциальное командование вооруженными силами. Национальные уполномоченные по обороне были поэтому высшими административными чиновниками в провинциях, наделенными правом отдавать приказы любому административному учреждению в их регионе без исключений.

Их представители, которые фактически часто выполняли текущую работу, были главами тех административных учреждений, которые национальные уполномоченные по обороне использовали для выполнения своих задач. Такое регулирование влекло за собой полное уничтожение традиционной иерархической структуры германской государственной службы и в то же время свидетельствовало, что потребность в административной эффективности ценилась более высоко, чем традиционные концепции и ценности. Если привести пример, то национальный уполномоченный по обороне № XII для командования вооруженными силами, расположенными в Висбадене, использовал для своей деятельности районную службу президента в Висбадене. Его представитель поэтому, согласно закону о *Regierungspräsident*, был районным главой в Висбадене. Обычно такой районный глава подчинялся президенту земли, но как представитель национального уполномоченного по обороне он фактически располагался выше любого чиновника.

Согласно более позднему распоряжению министерского совета от 22 сентября 1939 г. Национальные советы по обороне могли назначать специальных представителей в особых регионах.

В ту же самую дату 18 комиссий по национальной обороне были созданы, чтобы помогать национальным уполномоченным по обороне. Они состояли из федеральных регентов, лидеров партийных округов, президентов земель, премьер-министра и министров земель, верховного руководителя СС, районных и провинциальных президентов, председателей трудовых бирж, страховых обществ и иных лиц, которые могли понадобиться. Функция этих комиссий сводилась к одним лишь консультациям.

Война поэтому привела реальность тоталитарного государства к завершению.

Политическая власть принадлежала исключительно министерскому совету по защите государства. Непосредственно перед вспышкой войны ограничения, введенные административными трибуналами, были в значительной мере отменены. Указом, изданным вождем 28 августа 1939 г., упрощение администрации становилось повесткой дня. Под этим вводящим в заблуждение названием ограничения властных полномочий административных учреждений в значительной мере устранялись. В административной процедуре рейха, земель, муниципалитетов и государственных корпораций было отменено право на вторичную апел-

ляцию. Судебная апелляция в административные трибуналы была заменена простой жалобой вышестоящему административному учреждению. Только если низший административный трибунал разрешал апелляцию в высший административный трибунал, такая апелляция могла быть сделана.

Второе распоряжение об упрощении администрации, изданное 6 ноября 1939 г., просто отменяло все низшие административные трибуналы, а другое распоряжение от 26 сентября 1939 г. упраздняло низшие судебные административные органы в округах. В соответствии с указом вождя государственные корпорации становились простыми государственными органами. Они теперь не только контролировались государством, но становились частью административного аппарата. Они могли быть закрыты по усмотрению федеральных властей. Только партия и ее филиалы составляли исключение.

Указ 3 апреля 1941 г. установил новый административный трибунал. Он сочетал прусский административный трибунал, прежний австрийский административный трибунал и так далее. Члены трибунала назначались вождем, «но они могли быть переведены на другие должности в конце года». Члены с чрезвычайными полномочиями, имеющие дело с особыми проблемами, могли быть назначены на установленный период министров внутренних дел, и получить назначение могли даже посторонние. Новый федеральный административный трибунал не был поэтому независимым учреждением, а судьи не пользовались гарантией независимости. Таким образом, в действительности власть министерского совета для защиты государства и его более низких учреждений, восемнадцати национальных советов обороны, была совершенно несдерживаемой и неограниченной. Она не подчинялась никакому институциональному контролю.

Во время войны реальность тоталитарного государства была расширена до такой степени, что дальнейшее расширение едва ли было возможно.

Но эта реальность не соответствовала идеологии. До такой степени, что политическая власть государства увеличивалась, а идея тоталитарного государства была отвергнута.

II. ВОССТАНИЕ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ «ДВИЖЕНИЕ»

1. Идеологический протест против тоталитарного государства

Требования партии и требования тоталитарного государства были явно противоречивыми. Если государство должно было быть высшей инстанцией, партия могла быть только одним из его орудий и, возможно, менее важным, чем какие-то еще. Национал-социализм тем не менее одержал победу прежде всего благодаря усилиям партии и ее политических групп и военных филиалов, ее ремесленных организаций, ее сельских ответвлений, даже ее рабочего крыла. Партийные чиновники жаждали добычи и требовали постов, занимаемых государственными служащими, большинство из которых не вступили в партию или вступили в нее ради выгоды, а не по убеждению; чернорубашечники во главе с капитаном Рёмом добивались равенства с рейхсвером, лидеров которого они высокомерно сравнивали с «генералами, воюющими за столом». Альфред Розенберг, философский оракул партии, высказывал недовольство по поводу осторожной внешней политики барона фон Нейрата. Ворчание ширилось. Партия попыталась покончить с недовольством, начав крупную пропагандистскую кампанию, поддерживаемую угрозами концентрационных лагерей. Но разговоры о второй революции, ведущиеся среди чернорубашечников, не сокращались, и в общем шепоте был различим зловеющий рокот. Чернорубашечники, армия лишенных корней пролетариев и мелких буржуа, были разочарованы, когда Гитлер назначил фон Фрича на замену Фламмерштайну на должность главы армии и разрешил фон Бломбергу сохранить военное министерство. Рём видел, что его амбиции рушатся. Напряжение нарастало; существовали постоянные разногласия между чернорубашечниками и националистическими Стальными шлемами и армией. Незаконное вмешательство бизнеса принимало серьезные размеры. 17 июня 1934 г. вице-канцлер фон Папен произнес свою знаменитую речь в Марбурге, в которой он поддержал право гражданина критиковать режим.¹ Гитлер решил избавиться от его «Горы». Результатом

¹ *Frederick L. Schuman. The Nazi Dictatorship. 2nd ed. New York, 1939. P. 430.*

была резня 30 июня 1934 г., сравнимая с событиями Варфоломеевской ночи в 1572 г. Государственная власть кровью подтвердила свои права; со второй революцией было покончено.

В тот же самый период идея тоталитарного государства была тем не менее выброшена за борт. Альфред Розенберг открыл нападки на нее статьей в «*Völkische Beobachter*», центральном органе партии (9 января 1934 г.).² Тоталитарное или «абстрактное» государство, заявлял он, принадлежало периоду либерализма, в которые оно служило техническим инструментом власти. При либерализме государство было выше нации: его представители требовали превосходства над остальными гражданами. «Революция 30 января 1933 г. не продлевает абсолютистское государство под новым именем; оно ставит государство в новую связь с народом ... отличную от той, что преобладала в 1918 или в 1871 гг. То, что имело место в 1933 г. ... является не установлением государственной целостности, но целостности национал-социалистического движения. Государство больше не единица, расположенная рядом с народом и движением, оно больше не мыслится как механический аппарат или инструмент господства; государство — орудие национал-социалистической философии жизни». Розенберг ясно указал причины, по которым он отрицал превосходство государства. Идеализация государства, сказал он, подразумевает прославление его чиновников за счет движения. Он рекомендовал прекратить разговоры о тоталитарном государстве и подчеркивал целостность национал-социалистического взгляда на жизнь, с национал-социалистической партией как его носителем и национал-социалистическим государством как его орудием.

Статья Розенберга, выражавшая протест против превосходства государства, полностью соответствовала его длинному трактату, озаглавленному «Миф двадцатого века», в котором он осуждал государство, «отказываясь становиться на колени перед его пылью», и нападал на Гегеля.³ В «*Mein Kampf*», опубликованной задолго до прихода Гитлера к власти, он выразил сходные чувства, дал полную свободу своему презрению к веймарской демократии и предсказывал наступление новой эры. Конституционные юристы и

² *Alfred Rosenberg. Gestaltung der Idee. Blut und Ehre. Vol. II. Munich, 1936.*

³ *Rosenberg. Der Mythos der 20 Jahrhunderts. 9th ed. Munich, 1933. P. 525–527.*

политические теоретики, которые в 1933 и 1934 гг. объявили себя обращенными в национал-социализм, очевидно, не позаботились прочесть эту книгу, в которой отвергается любое требование, заявленное государством и ради государства. Государство, говорит Гитлер, это не нравственное понятие и не реализация абсолютной идеи. Оно служит народу высшей расы. Это не цель, а средство. На самом деле это предпосылка для формирования высшей человеческой культуры, но не ее причина. Наоборот, эта причина лежит исключительно в существовании расы, способной создать такую культуру. В другом месте он говорит, что «государство — это средство для цели. Его цель — сохранение и поддержка сообщества физически и психически равных живых существ». Оно позволяет им лучше сохранять свой вид. Как следствие, «не культурные достижения или относительная власть государства, но роль, отведенная его народу, является решающим фактором в его оценке... Государство является негодным независимо от степени его культуры, если оно ведет расовых носителей этой культуры к их гибели». По этим причинам Гитлер отрицает безоговорочное повиновение государству и подтверждает биологическое право оказывать ему сопротивление. «Не сохранение государства или правительства, — пишет он, — является высшей целью существования, но сохранение народа... Как только последний оказывается перед опасностью подавления или уничтожения, вопрос о легальности играет только подчиненную роль... Правящая власть может использовать тысячу так называемых «легальных» средств, но все же инстинкт самосохранения угнетенных всегда является высшим оправданием их борьбы любым оружием... Права человека уничтожают права государства».⁴

В другом месте Гитлер говорит, что «если правительство ведет народ к уничтожению, восстание со стороны каждого представителя этого народа не только право, но и обязанность... Если человек не готов или не способен бороться за свое существование, справедливое Провидение уже распорядилось о его гибели».

Такая теория явно представляет собой разновидность извращенного либерализма, основанного на биологической концепции естественного права и чистотой расы заменяющего врожденные права индивида. Либерализм также представляет государство как

⁴ *Adolf Hitler. Mein Kampf.* New York: Reynal and Hitchcock, 1939. P. 592, 594, 596, 122, 123. Хотя я и использовал это издание, я изменил нумерацию ссылок. Понятие *Volk* никогда не следует переводить как *нация*.

орудие или механизм, и обращение Гитлера к Провидению напоминает либеральных философов-деистов, которые призывали к помощи Провидения, чтобы гарантировать социальную гармонию. Различия тем не менее огромны. Либеральная доктрина была доктриной государственной защиты без обращения к расе, вероисповеданию, классу. На смену ей пришла доктрина расовой элиты.

Доктрина, в соответствии с которой положение государства является подчиненным, была возрождена после кровавой резни 30 июня 1934 г. Партийный съезд в сентябре 1934 г. предоставил возможность переформулировать отношение между партией и государством, и заявление фюрера подчеркивало, что национал-социалистическая революция была делом прошлого.⁵ Гитлер отверг идею перманентной революции, заявив, что она ведет к распаду в расовой, политической и экономической жизни. Перманентные революции, продолжал он, есть не что иное, как борьба за власть среди политиков, жаждущих выгоды. Успех не может быть достигнут без стабильности. Национал-социалистическая революция должна быть окончена, потому что народ уже вдохновлен национал-социалистической философией жизни и потому что армия стала вечной надежной защитой национал-социалистического государства. Во время предшествующей стадии высшей задачей являлось усиление власти государства. Задача будущего заключалась в том, чтобы объединить партию, ее старые отряды чернорубашечников и бойцов элитной гвардии в единое сообщество, связанное торжественной клятвой очищать и мобилизовать весь народ и усиливать веру в партию. Другая речь, произнесенная в конце съезда, была наиболее агрессивной атакой на теорию тоталитарного государства. Партия, заявил Гитлер, составляет политическую элиту: «Государство не является нашим хозяином; мы — хозяева государства».⁶

2. Тройственное государство

Политические и конституционные теоретики, конформистские инстинкты которых были разбужены, сразу же предложили новую формулировку национал-социалистической доктрины. Ре-

⁵ Koch E. (ed.), Nürnberg, 1934.

⁶ Völkischer Beobachter. Munich ed. 8 September 1934 (N 251).

шающий вклад опять же был сделан Карлом Шмиттом.⁷ Политическая структура Германии, писал он, покоится на тройственном основании государства, национал-социалистического движения и народа. Государство — это «статическая политическая сторона», национал-социалистическое движение — «динамический политический элемент», а народ — «неполитический сектор, живущий под оградительной тенью политических решений». Хотя Шмитт отрицал любую попытку «софистического противопоставления одного элемента другому», образ, им выдвигаемый, подразумевает иерархическую структуру. Внутри национал-социалистической или фашистской традиции «динамические» ранги (что бы они ни означали) выше, чем «статические», а неполитические ниже, чем политические. На самом деле книга Шмитта отвергает любую попытку отождествлять государство с бюрократией и судебной властью — «движение» включает в себя как государственный аппарат, так и социальный и экономический строй.

Карл Шмитт резко противопоставляет свою теорию тройственной структуры государства дуалистической теории либерализма, в которой государство и общество противостоят друг другу как две отдельные сущности. В новой теории государство не имеет монополии на политические решения. Шмитт делает вывод, что не государство определяет политический элемент, а оно само определяется им, то есть партией.

Точное отношение между государством и национал-социалистическим движением остается все же туманным. Партия, хотя и неразрывно связанная с государством, не тождественна ему. Она дает направление государству, но действует только через его руководителя. Руководство в свою очередь не должно смешиваться с наблюдением, командованием, диктатурой или бюрократическим управлением. Роль, которая отводится народу, еще менее ясная. По определению народ — это неполитический сектор, то есть он не говорит свое слово при принятии решений. Но частично утверждения Шмитта не были приняты; его откровенный вывод, что народ существует только «чтобы быть управляемым», пробуждал страстный протест. Доказывалось, вопреки Шмитту, что народ — это политическая сущность, а не неполитическая, что это *Urkraft*, или первобытная сила, от которой индивиды получают свои права.

⁷ *Carl Schmitt. Staat, Bewegung, Volk. Die Dreigliederung der politischen Einheit. Hamburg, 1933.*

Политическая целостность национал-социализма основывалась на одной все пропитывающей идее, рожденной объединенным политическим народом и реализуемой в политическом движении. Живая и вечная форма государства есть воплощение этой идеи.⁸

Как мы увидим, национал-социализм гордится тем, что поместил народ в центре своей социальной и политической философии. Тройственная теория Карла Шмитта была сохранена с одним значительным изменением: народ был объявлен частью политической структуры. Как народ мог действовать политически, не объяснялось; признавалось только руководство движением. Бесчисленные теоретики и памфлетисты выдвинулись вперед, называя народ основополагающим истоком государства, но никто не был способен указать, как народ мог служить таковым истоком, особенно когда вождь не был ограничен плебисцитами. Дурная метафизика пришла на смену рациональному обсуждению проблемы.

3. Партия и государство

Относительно связи партии и государства национал-социалистическая политическая теория в такой же мере туманна. В своей речи на партийном съезде 1935 г. Гитлер сам сделал попытку дать определение: «Задача государства, — сказал он, — продолжать внутри существующих рамок легально управлять той государственной организацией, которая сложилась исторически. Задача партии, во-первых, направлять усилия всей своей организации на создание стабильно сохраняемой и вечной ячейки для национал-социалистической доктрины; во-вторых, обучать весь народ этой идее, в-третьих, передавать народ, таким образом обученный, государству для руководства им... Что касается остального, принцип взаимного уважения должен соблюдаться обеими юрисдикциями».⁹ Это оставляет нас там же, где мы и были до этого, так как проблема заключается в том, чтобы точно определить,

⁸ *Ernst Rudolf Huber. Die Totalität des völkischen Staates // Die Tat. 1934. P. 30–42; также ero: Das deutsche Staatsoberhaupt // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 1935. P. 210.*

⁹ *Die Reden Hitlers am Parteitag der Freiheit 1935. Munich, 1935, esp. p. 80–81.*

где государственная юрисдикция заканчивается и где начинается партийная.

Однопартийные государства обнаруживают три типа отношений между партией и государством. В Италии партия «инкорпорирована» в государство; партия — это орган государства, «государственная партия». Советская Россия предоставляет партии полное командование над государством, и периодические чистки в значительной степени нацелены на предотвращение накопления автономной политической власти в руках государственной бюрократии. Германский тип располагается где-то между этими двумя и поэтому затруднителен для анализа. Анализ тем не менее должен быть предпринят — не столько чтобы удовлетворить любопытство конституционных и административных юристов, сколько чтобы пролить свет на фундаментальные проблемы — где сосредоточена политическая власть, и насколько сильно национал-социалистические идеи проникли в армию и в государственную службу.¹⁰

Начнем наш поиск объяснений с анализа соответствующих законодательных, административных и судебных практик. Конституционное основание партийно-государственных отношений базируется на законе о «единстве партии и государства» 1 декабря 1933 г., дополненном распоряжением вождя 29 марта 1935 г. Согласно этому закону партия — «носитель германской идеи государства и неразделимо связана с государством». Она была создана как корпорация в соответствии с публичным правом, ее устав должен издаваться вождем. С целью укрепить этот союз организационно Гесс, тогда заместитель вождя, и Рём, тогда глава чернорубашечников, были сделаны членами федерального кабинета. По условиям того же закона члены партии и чернорубашечники получали независимую юрисдикцию. Закон о «единстве» был логическим следствием всех тех актов, которые уничтожили конкуренцию политических партий: политические правила устанавливались чрезвычайным президентским распоряжением от 28 февраля 1933 г.; законом 26 мая 1933 г., о конфискации собственности социал-демократов; распоряжением 23 июня 1933 г., подписанным прусским министром внутренних дел, запрещающим любую деятель-

¹⁰ Социологические предпосылки отношения между партией и государством обсуждаются в разделе «Чиновники и партия» в первой главе третьей части (с. 461).

ность социал-демократической партии, ее депутатов в парламенте, в собраниях земель, государственных советах, провинциальных советах и муниципалитетах; запретом националистических боевых рингов (*Kampffringe*) 1 июня 1933 г.; добровольным роспуском германской националистической народной партии (27 июня 1933 г.), народной партии Баварии (4 июля 1933 г.) и партии католического центра (5 июля 1933 г.). Все это завершилось законом 14 июля 1933 г., который запрещал образование новых партий и угрожал тюремным заключением за любую попытку возродить или организовать любую партию, за исключением национал-социалистической.

Рассматриваемый номинально, закон не отличался сильно от итальянского закона 1932 г., регулирующего отношения между национальной фашистской партией и итальянским государством. Он не ставил партию выше любой иной общественной корпорации, такой как муниципальная церковь или комитет, управляющий фондом страхования здоровья. В соответствии с германским публичным правом корпорация являлась только относительно свободным учреждением. Никакие корпорации не существовали для публичного права, если они не находились под контролем государства.¹¹ Их задачи ясно определены законом, степень их власти строго ограничена и их деятельность происходила под контролем судов, административных трибуналов и других учреждений. Фактически публичные корпорации не имели никакой общей автономии перед лицом государства. Каждая получала свою власть делегированной от государства, и некоторые теоретики совершенно логично пришли к отказу от понятия автономии как несовместимого с правовой системой современного государства. Описывая партию как публичную корпорацию, мы подразумеваем, что задачи и власть партии ограничены законом и что ее деятельность контролируется государством. Партия могла бы в таком случае иметь равные основания с любым другим относительно независимым государственным учреждением.

Такие доводы, однако, оказались не соответствующими требованию, чтобы «движение» представляло собой государство и руководило им. Как результат, конституционная и правовая теория и практика отказались от *формулировки* единства закона 1933 г. и

¹¹ *Otto Mayer. Deutsches Verwaltungsrecht. 2nd ed. Vol. II. Munich and Leipzig, 1917. P. 591.*

настолько перефразировали ее, что партия стала полностью независимой от государства и даже становилась выше его.¹²

Действительное развитие отношений между партией и государством указывает, что понятие публичной корпорации здесь не применяется. Партия не только сотрудничает в вопросах законодательства, администрации и судебного процесса, но занимает положение выше положения государства. Это особенно справедливо для СС и гитлерюгенд.

4. СС и гитлерюгенд

СС, или элитная гвардия, — это полиция и, следовательно, государство в его самой важной внутренней функции. Она используется как охранная полиция и обеспечивает персонал для тайной государственной полиции. Со времени ее учреждения в 1925 г. и расширения в 1929 г. СС составляло закрытую группу, живущую в соответствии со своими собственными законами. Отбор ее персонала первоначально осуществлялся на основе таких биологических принципов, как использование «культиватора семени» — с целью «отобрать тех, кто в наибольшей степени схож с идеалом нордического человека».¹³ Главный элемент в идеологии ее членов — вера, честь и безусловное повиновение. Их элитарное сознание подтверждено указом 9 ноября 1935 г., который дает право и заставляет каждого мужчину из СС защищать свою честь своим оружием. Согласно тому же самому указу, этому мужчине должен быть по меньшей мере 21 год, он должен пройти обучение в течение 18 месяцев, дать клятву вождю и иметь перед ним трудовые и военные заслуги. Его принимают в члены СС, вручая кинжал. Привилегии, предоставленные СС, далее были расширены федеральным верховным судом. Статья 53 уголовного кодекса разрешала обыч-

¹² *Anton Lingg*. Die Verwaltung der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei. 2nd ed. Munich, 1940; *Ernst Rudolf Huber*. Die Rechtsgestalt der NSDAP // Deutsche Rechtswissenschaft. 1939. P. 314–357; *Gottfried Neesse*. Die Rechtsnatur der NSDAP // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1935. P. 709–718; также *ero*: Die verfassungsrechtliche Stellung der Einpartei. Ibid, 1938. P. 692.

¹³ *Heinrich Himmler*. Die Schutzstaffel als antibolschewistische Kampforganisation. Munich, 1936, esp. P. 21.

ному гражданину использовать оружие только при необходимости самообороны, но решение суда устанавливало, что члены СС были вправе использовать оружие даже тогда, когда нападение могло быть отражено иными средствами. Носитель униформы СС не мог предоставлять зрелище своей потасовки его товарищам из народа. Такое зрелище несовместимо с униформой СС.¹⁴

Постановление 26 мая 1939 г. определяло отношение СС к полиции.¹⁵ Задачей СС было защищать государство от открытых и скрытых противников. Три отдела СС были тем не менее настолько различны, что общим у них было только название.¹⁶ «Главная» СС была чисто партийной организацией, управляемой партийным казначеем (он также был главой партийной администрации). Из главной СС были образованы две особые группы: резервные войска (*Verfügungstruppen*) и формирования «Мертвая голова» (*Totenkopf formationen*); обе контролировались министром внутренних дел.¹⁷ Войска партии были в распоряжении государства, и вождь СС (Гиммлер) был также главой федеральной полиции (закон 17 июня 1936).

Полиция включала в себя две организации: *Ordnungspolizei* (возглавляемую первым заместителем главы СС Далюге) и *Sicherheitspolizei* (охранную полицию, возглавляемую заместителем главы СС Гейдрихом). Руководство полицией было тем же самым, что и руководство СС, а формирования СС — теми же самыми, что и формирования полиции — иными словами, в этой области государство отказалось от своих полномочий в пользу партии.

Распоряжения 17 октября 1939 г. и 17 апреля 1940 г. зашли настолько далеко, что исключили СС из юрисдикции военных судов. Даже если член СС служил в армии, он подчинялся только СС и ее суду, назначаемому Гиммлером.

Гитлерюгенд, который происходил от *Jugendbund der NSDAP* (основанного в 1922 г. и получившего свой настоящий вид в 1926 г.), — это другой пример партийного превосходства. В свой ранний период он был только отделом чернорубашечников, прямо контролируемым главой СА. Бальдур фон Ширах, который был

¹⁴ Juristische Wochenschrift. 1938. P. 3289. Decision of 14 November 1938.

¹⁵ Verwaltungsblatt. 1939. N 147.

¹⁶ Werner Best. Die Schutzstaffeln der NSDAP und die Polizei // Deutsches Recht. 1939. P. 47.

¹⁷ Völkischer Beobachter. 3 July 1939. N 183, 184.

назначен молодежным лидером 30 октября 1931 г., был руководителем группы СА. Поскольку гитлерюгенд был отделом СА, запрет, провозглашенный против СА 13 апреля 1932 г., должен был применяться и к нему. Согласно запрету, гитлерюгенд был отделен от СА. Но процесс был медленным; хотя Бальдур фон Ширах был назначен рейхслейтером партии в июне 1933 г. и таким образом был допущен в высшие круги руководства, только 29 марта 1935 г. исполнительное распоряжение сделало гитлерюгенд независимым от СА и признало его как одну из группировок партии.

Гитлерюгенд включал в себя несколько групп: собственно гитлерюгенд (подростки от четырнадцати до восемнадцати лет); *Jungvolk*; *Bund Deutscher Mädel*; *Jung Mädel*; и организацию Веры и Красоты (*Glaube und Schönheit*), образованную *Bund Deutscher Mädel*. Орган в целом был подотчетен партийному казначею, который контролировал его финансы.

Когда Бальдур фон Ширах был назначен молодежным лидером германского рейха, он стал высшим государственным деятелем молодежных организаций, функционирующим одновременно и как партийный и как государственный лидер. Он использовал новые полномочия для координации всего молодежного движения и таким образом осуществлял партийное требование полного контроля. Он распустил *Grossdeutscher Bund*, объединил молодежную организацию Шарнхорста, молодежный трудовой фронт и аграрную молодежную организацию в одно движение и достиг рабочего соглашения с религиозными молодежными организациями.

Несмотря на свою политическую монополию над всеми молодежными организациями, молодежный лидер не рассматривался как государственный служащий; он не принадлежал к государственной службе и не был подчинен ее дисциплинарным инструкциям. Союз между гитлерюгендом и государством основывался исключительно на том факте, что одна *личность* занимала две должности. Тем не менее гитлерюгенд получал финансовую помощь от государства и пользовался бесчисленными политическими привилегиями.

1 декабря 1936 г. правительство издало закон о гитлерюгенде, который провозглашал, что «вся германская молодежь на территории рейха организуется в гитлерюгенд». Тот же самый закон возвышал национального молодежного лидера до высшей федеральной должности непосредственно при Гитлере. И распоряжение

от 11 ноября 1939 г. давало национальному молодежному лидеру приоритет во всех молодежных вопросах над региональными чиновниками в Пруссии, региональных правительствах и федеральными уполномоченными на оккупированных территориях. Несмотря на все это, молодежное движение рассматривалось не как «государственная молодежь» (как итальянская *Balilla*, например), но как «партийная молодежь».¹⁸ Федеральные и местные учреждения были простыми средствами, через которые национальный молодежный лидер исполнял партийные запросы. Гитлерюгенд имел свою собственную законодательную, административную и судебную власть, специально закрепленную указом о молодежной службе (*Jugenddienstverordnung*) от 25 апреля 1939 г., который сделал обязанностью каждого подростка от десяти до 18 лет служить в гитлерюгенд. В подражание «тройственной» теории Карла Шмитта дом, школа и гитлерюгенд описывались как три столпа обучения молодежи.

Когда гитлерюгенд был расширен, чтобы включать в себя всю молодежь Германии, он утратил свой партийный характер. Новая организация, намеренная воспитывать будущих лидеров, стала необходимой, и чрезвычайное распоряжение (25 марта 1939 г.) предусматривало создание такой элиты, *Stamm Hitler Jugend*, внутри организации. Членство в ней было добровольным, и эта центральная группа опять являлась партийным органом в прямом смысле этого термина.¹⁹

5. Партия и другие ведомства

Отношение, описанное в предыдущем разделе, сохраняется и в случае службы труда, военной администрации и государственной службы: здесь государство ставится выше партии. Статья 26 *Reichswehrgesetz* (закона об армии) предусматривает отмену членства в партии на время периода военной службы. Статья 17 закона о службе труда (26 июня 1935 г.) запрещает партийную деятельность во время трудовой службы с несколькими небольшо-

¹⁸ *Hans-Helmut Dietze*. Die verfassungsrechtliche Stellung der Hitler-Jugend // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 1940 (100). P. 113–156, esp. P. 132–137.

¹⁹ *Soziale Praxis*. 1939. P. 47.

ми исключениями. Верно, что статья 11 закона о государственной службе приостанавливает принцип несовместимости и позволяет государственным служащим занимать неоплачиваемые должности в партии в ее филиалах без специального разрешения; но истинное отношение между государственной службой и партией лучше всего иллюстрирует *Anordnung über die Verwaltungsführung in den Landkreisen* (распоряжение об администрации мелких сельских единиц), 28 декабря 1939 г. Это распоряжение поручает *Menschenführung*, то есть управление людьми, партийному заместителю, который отвечает перед вышестоящими лицами за настроения и позицию народа в мелких административных единицах». Но ответственность за административные функции остается исключительно у *Landrat*, который не подвержен никакому вмешательству со стороны партийных чиновников — они могли только вносить предложения. Распоряжение ясно демонстрирует, что, несмотря на идеологическую деградацию государства, абсолютная и исключительная руководящая власть государственного исполнителя никоим образом не уменьшилась. Исключая полицию и молодежное движение, государственная служба является высшей, а государство остается тоталитарным.

Трудности, возникающие из чрезвычайно сомнительного отношения между партией и государством, легально разрешаются принципом лидерства; кроме того, многие высшие партийные вожди являлись в то же время высшими государственными чиновниками. В этом контексте мы будем обсуждать только правовые рамки; социологические и политические предпосылки будут проанализированы позднее.²⁰

Наверху единство партии и государства воплощает Адольф Гитлер, который одновременно и лидер партии, и глава государства. Заместитель лидера партии — член кабинета, хотя он и не государственный министр в строгом смысле.²¹ Все федеральные регенты и большинство президентов провинций Пруссии также были провинциальными лидерами партии (*Gauleiter*). Глава партийного иностранного отдела (Бёле) занимал тот же самый пост в Министерстве иностранных дел (30 июня 1937 г.). Тем не менее

²⁰ См. раздел «Чиновники и партия» в первой главе третьей части (с. 461).

²¹ *Arnold Köttgen. Vom deutschen Staatsleben // Jahrbuch des öffentlichen Rechts. 1937 (24). P. 58.*

есть разные варианты. Например, приказ 29 февраля 1937 г. предписывает, что *Kreisleiter* партии не может занимать полноценную административную позицию в государстве или в муниципалитетах. С другой стороны, и государственная, и партийная организация подчиняются приказам главы дорожного строительства (Тодт) и главе четырехлетнего плана (Геринг).

Мало того, что лидеры партии часто занимали высшие государственные посты, но и партийная юрисдикция получила официальный статус. Заместитель лидера партии помогал оформлять законодательные и исполнительные приказы (например, указы 25 июля 1934 г. и 6 апреля 1935 г.) и подбирать государственных служащих, непосредственно назначаемых вождем (статья 31 закона о государственной службе 26 января 1937 г.). То же самое верно и в отношении лидеров трудовой службы (3 апреля 1936 г.). В муниципальной администрации партийный заместитель был и остается партийным чиновником (статья 6 *Reichsgemeindeordnung*).

Мы можем сделать вывод, что невозможно описывать партию как общественную корпорацию. Это обстоятельство становится более ясным, когда мы изучаем проблему судебного контроля, решающую проблему для любой корпорации. Есть единодушное мнение, что партия вообще не подчиняется никакому контролю. Партийная собственность не может быть предметом ни публичного, ни частного иска.²² Кроме того, внутренняя администрация партии, ее законодательная структура и ее судебная власть несопоставимы ни с какой общественной корпорацией. Документы, издаваемые партийными лидерами — это публичные документы, а партийные политические лидеры — публичные служащие. Партийные суды имеют власть, тождественную власти обычных судов; они наделены правом заслушивать свидетелей и экспертов под присягой; нижестоящему партийному чиновнику не разрешается давать свидетельские показания перед каким-либо государственным судом или административным органом без согласия партийных вождей. Государственные прерогативы, используемые государственными служащими, распространяются и на партийную иерархию, а партийная униформа и учреждения находятся под той же самой защитой, что и униформа и учреждения государства (закон 20 декабря 1934 г.). Партийная собственность освобождена от налогов (законы 15 апреля 1935 г. и 1 декабря 1936 г.).

²² Lingg. Op. cit. P. 113.

Автономное положение партии лучше всего выражено тем обстоятельством, что она не отвечает за нарушения своих чиновников, хотя такая ответственность предусмотрена в законах Германии для служащих частных корпораций и государственных служащих (статья 131 веймарской конституции). Некоторые прусские апелляционные суды и верховный федеральный суд объявляли партию ответственной за нарушения ее чиновников, особенно в неополитических делах,²³ но большинство юристов и большинство нижестоящих судов не признает этой ответственности вообще. Партия явно требует всех привилегий государственной службы, но отвергает ответственность. Ей нельзя предъявлять претензии за нарушения ее деятелей, пока она добровольно не признает государственную юрисдикцию в частном деле.²⁴ Партия, таким образом, занимает положение, обычно принимаемое одним суверенным государством по отношению к другому. Если такая ситуация распространяется на все области, партия в конечном счете оказывается выше государства.

Партия — это не орган государства. Ее положение не может быть определено в терминах нашей традиционной конституционной юриспруденции. Вальтер Буш,²⁵ высший партийный судья, и в таком качестве один из тех, кто распоряжается жизнью и смертью, сравнивает партию с самим государством. Если бы его сравнение было верным, то существовала бы абсурдная ситуация, так как это означало бы существование двойственной системы, двух существующих рядом друг с другом суверенных властей, требующих себе подчинения и создающих двойную юрисдикцию. Чтобы разрешить дилемму, Фрик, федеральный министр внутренних дел и старый член партии — тот, кто был не в состоянии полностью избавиться от традиции консервативного мышления, на котором он был воспитан как государственный служащий Баварии — использует следующую аналогию: партия и государственный аппарат

²³ Прусский апелляционный суд (Щецин) 25 марта 1936 г. в *Juristische Wochenschrift*. 1937. P. 241; Прусский апелляционный суд (Кассель), 8 июля 1936 г.; особенно Высший федеральный суд 17 февраля 1939 г. в: *Deutsches Recht*. 1939. P. 1785. Широкое обсуждение проблемы в книге Лингга. P. 278–303. Cp. также: *Ernst Fraenkel. The Dual State. A Contribution to the Theory of Dictatorship*. New York, 1941. P. 34–37, где обсуждаются самые разные решения.

²⁴ *Lingg. Op. cit.* P. 303.

²⁵ *Die Parteigerichtbarkeit // Deutsches Recht*. 1934. N 4.

подобны двум столбам, удерживающим кровлю государства, но государственный служащий обязан принимать приказы только от вышестоящего в государственной иерархии. Против такой интерпретации вспыхнули сильные протесты, потому что она опять делала государство высшей инстанцией. Рейнхард, государственный секретарь в федеральном министерстве финансов и высший партийный чиновник, настаивал, что фундаментальным основанием единства является не государство, а национал-социалистическая партия.²⁶ Его воззрение делало из государства партийное агентство; это противоречило тому факту, что армия и государственная служба подчиняются приказам только соответствующих государственных органов.

И если бы Карлу Шмитту пришлось попытаться решить загадку, призывая на помощь формулу, что «партия и государство различны, но не разделены, объединены, но слиты»,²⁷ он бы на самом деле лишь немного прояснил — то немного, что было упущено из виду теми умными теоретиками национал-социализма, которые утверждали, что партия и государство живут в конституционной общности, в силу чего идея партии и есть идея государства.²⁸ Многие компетентные наблюдатели приходили к выводу, что поскольку национал-социалистическая политическая и конституционная теория находится в текучем состоянии, то ничего определенного утверждать нельзя.²⁹ Нашей задачей будет показать, что это не совсем верно, что здесь есть определенный образец политической и конституционной теории, хотя этот образец и не соответствует рациональным категориям политического мышления, каким мы его знаем, будь оно либеральным, абсолютистским, демократическим или авторитарным.

Прежде чем мы продолжим излагать структуру новой национал-социалистической теории, мы должны изучить значение национал-социалистического осуждения государства. В целом вопрос будет прояснен сравнением национал-социалистических и фашистских теорий.

²⁶ *Dr. Frick. Partei und Staat // Deutsche Verwaltung.* 1934. N 15 и 16.

²⁷ *Münchner Neueste Nachrichten.* November 1938. N 319, 320.

²⁸ *Ibid.* P. 21.

²⁹ *Hans Peter Ipsen. Vom Begriff der Partei // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft.* 1940 (100). P. 309–336 и 477–510, esp. P. 487.

6. Партия и государство в Италии

В Италии гегелевская теория государства была доминирующей, хотя и в искаженной форме. «Основанием фашизма, согласно Муссолини, является концепция государства, его характер, его долг, его цель. Фашизм рассматривает государство как нечто абсолютное, в сравнении с которым все индивиды и группы относительно... Для нас, фашистов, государство не просто страж... это и не организация с чисто материальными целями... это и не чисто политическое творение... Государство, каким его мыслит и создает фашизм, это духовный и моральный факт, поскольку его политическая, экономическая и юридическая организация нации есть нечто конкретное; и такая организация должна быть в своих истоках и своем развитии проявлением духа».³⁰

Заявление Муссолини, сделанное под глубоким влиянием доктрин итальянских националистов, было полностью принято официальной конституционной теорией в Италии. Все охвачено государством.³¹ Государство — это организм; у него своя собственная жизнь.³² Джованни Джентиле придал этой доктрине философскую форму. Государство — это этическое состояние, воплощение национального сознания, и оно наделено определенной миссией. Государство — это фактически индивидуальность, освобожденная от всех случайных свойств; государство — это действие и дух.³³ В соответствии с этой доктриной фашистская партия является подчиненной частью государства, учреждением внутри государства.³⁴

В ранний период своей карьеры, когда он был противником правительства, Муссолини отрицал такой апофеоз государства, который позже ему пришлось сделать официальной политической доктриной. «Я начинаю с индивидуального, — говорил он, — и наношу удар по государству. Долой государство во всех его формах и воплощениях. Государство вчера, сегодня, завтра. Буржуазное

³⁰ *Fritz Morstein Marx*. Government in the Third Reich. 2nd ed. New York, 1937. P. 67–68.

³¹ *Mussolini*. The Political and Social Doctrine of Fascism / Trans. by J. Soames. London, 1933. P. 21–22.

³² *Sergio Panunzio*. Allgemeine Theorie des faschistischen Staates. Berlin, 1934. P. 28.

³³ *Alfredo Rocco*. La dottrina politica del Fascismo. Rome, 1925.

³⁴ *Giovanni Gentile*. Che cosa é il fascismo. Firenze, 1924. P. 35.

государство и социалистическое государство. В сегодняшних сумерках и в темноте завтрашнего дня нам, индивидуалистам, обреченным на гибель, остается лишь вера в сегодня абсурдную, но всегда утешительную религию анархии».³⁵ Резкая смена позиции не является чем-то новым для Муссолини. Его позиция претерпела множество глубоких изменений по поводу частной собственности, монархии, церкви, сената, стабилизации лиры, и так далее.

Софизмы Джентиле оказались полезными в этих метаморфозах — с их помощью почти любые противоположности можно было примирить. Даже анархизм и государственный абсолютизм могли быть сделаны совместимыми, когда государство называли истинной и единственной индивидуальностью. Мы все же не касаемся последствий фашистской идеологии, но стремимся, скорее, узнать, почему, в противоположность национал-социализму официальная итальянская идеология ставила государство выше всего. В речи перед либеральными консерваторами, произнесенной 4 апреля 1924 г., Муссолини сам дал ответ.

«В калейдоскопических сменах правительства, которые имели место, бюрократия оставалась единственным стабильным элементом. Без бюрократии мы имели бы абсолютный хаос. Она представляет собой преемственность национальной административной и политической жизни среди вечного круговорота нестабильности правительств».³⁶

Фашизм возвеличивал государство, потому что во всей итальянской истории государство всегда было слабым. Объединение Италии, которое имело место почти в то же самое время, что и объединение Германии, не привело к созданию сильной государственной власти. Италия оставалась страной, расколота острыми географическими, экономическими и социальными антагонизмами. Политическое единство, которое было достигнуто, находилось под сильной угрозой. Папский престол и его 70 000 священников

³⁵ *Zangara V. Il partito e' lo Stato. Catania, 1935. P. 37.* Позже оппозиция начала восставать против принятия традиционной точки зрения на государственную личность и против подчинения партии государству. См.: *Costamagna C. Storia e' Dottrina del Fascismo. Turin, 1938.* Переведено на немецкий под заголовком: *Faschismus, Entwicklung und Lehre. Berlin, 1939.* До сих пор я был не в состоянии наблюдать практические последствия деятельности новой оппозиции.

³⁶ Передовица, написанная Муссолини 6 апреля 1920 г. и цитируемая в кн.: *Borgese A. Goliath. New York, 1937. P. 224.*

вызывающе противостояли новому итальянскому государству, отнявшему у церкви ее территории. Уже в ноябре 1914 г. фон Бюлов, посол Германии, мог угрожать Италии восстановлением епископского государства, если она не присоединится к союзу Германии и Австрии. Кроме того, массы итальянского народа были настроены против войны 1914 г., и эта оппозиция не была ограничена маленькими революционными группами, как это было в Германии. В отличие от Германии Италия стояла на краю гражданской войны непосредственно перед внезапным началом Первой мировой войны. Десятилетие с 1890 до 1900 г. было заполнено забастовками, мятежами, финансовыми и промышленными скандалами, растущими ценами, поднимающимися протестами промышленного пролетариата севера и крестьянства юга.³⁷ Накануне Первой мировой войны итальянские рабочие были способны объявить и организовать Красную Неделю. Обычно мало кто знает, что к концу войны было проведено 1 100 000 судебных процессов против дезертиров.³⁸ Пятая часть итальянской армии изменила присяге.

Требования конкуренции на мировом рынке ставили перед фашизмом задачу укрепления итальянской государственной власти. Демократическая Италия столкнулась бы с той же самой необходимостью, хотя она могла бы использовать иные методы и действовать по иным мотивам. Все это тем не менее действительно объясняет, почему оды государству занимали центральное место в фашистской идеологии.

В отличие от Италии государственная машина Германии никогда не находилась под серьезной угрозой, даже во время революционных дней 1918 и 1919 гг. Бюрократия продолжала действовать при своих собственных руководителях, хотя, по-видимому, и подчинялась приказам рабочих и солдатских советов. Новые демократические правительства, сформированные в рейхе и в провинциях, мало вмешивались в деятельность старого персонала, и шаги, которые они действительно предпринимали, чтобы заменить старую государственную службу новыми демократическими чиновниками, были медленными и нерешительными. Когда, как в Тюрингии и Саксонии, рабочие правительства ускоряли процесс демократизации администрации, вмешивался рейх и отстранял

³⁷ *Ignazio Silone. Der Faschismus. Zurich, 1934. P. 73.*

³⁸ *Erwin von Beckerath. Wesen und Werden des faschistischen Staates. Berlin, 1927. P. 7–9.*

правительства. Конституция 1919 г. окончательно гарантировала статус и индивидуальные права государственных служащих. Следующий период государственного вмешательства добавил новые области к деятельности государственной бюрократии, и поскольку парламентская демократия разлагалась, власть постепенно перемещалась к министерским бюро и к армии.

Национал-социалисты, таким образом, столкнулись с сосредоточением централизованной государственной власти в бюрократии, обладающей высокими навыками и длительным опытом. Их попытка установить рядом с бюрократической государственной машиной конкурирующую партийную машину, охватывающую все виды деятельности государства, свелась к нулю. В ранний период существовали партийный иностранный отдел (Альфред Розенберг), партийный министр юстиции (Ганс Франк), партийный министр труда (Гирль) и партийный военный министр (Рём). 30 июня 1934 г. Гитлер сам и положил конец этим попыткам.

7. Рациональная бюрократия

Доктрина государственного верховенства была отвергнута в Германии, потому что требования партии конфликтовали с требованиями государства. Если бы такая ситуация не существовала, ничто не могло бы помешать Гитлеру придерживаться тоталитарной государственной теории. Однако доктрины, возвеличивающие государство, были выброшены за борт.

Могло быть правдой, как пытался доказать Хобхауз, что прославление Гегелем государства было сильнейшим идеологическим фактором, ответственным за прусский милитаризм и Первую мировую войну.³⁹ Но Гегель не мог быть ответственным за политическую теорию национал-социализма. Многие гегельянцы были активистами национал-социалистического движения; среди них некоторые даже пытались приспособить гегелевскую теорию к новой национал-социалистической идеологии.⁴⁰ Их усилия тем не менее были смехотворны. Никто не может сомневаться, что гегелевская идея государства в самом главном несовместима с германским ра-

³⁹ Прекрасный анализ ситуации в аграрной Италии после Мировой войны: *Friedrich Vöchting. Die Romagna. Karlsruhe, 1927. P. 363 f, 418 f.*

⁴⁰ *Silone. Op. cit. P. 35.*

совым мифом. Гегель утверждал, что государство является «осуществлением разума», и в сравнении с теориями Халлера и якобы либеральными доктринами *Burschenschaften* (студенческого союза, возглавляемого философом Фраем) его политическая теория была прогрессивной. Гегель презирал их обоих, так как Халлер представлял собой реакционное политическое движение, оправдывающее политическую власть самой отсталой страты общества, тогда как «либеральная» доктрина *Burschenschaften* содержала зачатки расизма, антисемитизма и тевтонского эгоизма, как это мог видеть даже Трейчке.⁴¹ Гегелевская теория рациональна; она также выступает и за свободную индивидуальность. Его государство основывается на бюрократии, которая гарантирует свободу граждан, потому что она действует в рамках рациональных и достоверных норм.⁴² Такой акцент на рациональном поведении бюрократии, которое, согласно Гегелю, является предпосылкой ее надлежащего правления, делает его доктрину отталкивающей для национал-социалистического «динамизма».

⁴¹ *Hobhouse L. T. The Metaphysical Theory of the State. London, 1926.*

⁴² Мы обязаны сделать различие. Есть некоторые, кто утверждает, что Гегель — это величайший политический философ Германии, но не делают попытки приспособить его теорию к национал-социализму. Они просто раздают ему комплименты, но не больше. Например, Ганс Франк, президент Академии права Германии, в своей: *Die Aufgaben des Rechts // Zeitschrift der Akademie für Deutsches Recht. 1938. P. 4.* Другие пытаются перестроить теорию Гегеля и сделать ее полезной для национал-социализма. Самый лучший пример: *Karl Larenz. Die Bedeutung der völkischen Sitte in Hegels Staatsphilosophie // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1938 (98). P. 110*, где он говорит: «Вовсе не государство в обычном значении термина является самым характерным и оригинальным интересом Гегеля, но общность жизни как целое, с всесторонним характером ее собственной деятельности». Гегель содрогнулся бы от такого определения. Наконец, наиболее влиятельные политические теоретики отвергают гегелевскую политическую философию, потому что она прославляет государство. Среди них мы можем упомянуть: *Alfred Rosenberg. Mythos... P. 525–527; Otto Koellreuter. Volk und Staat in der Weltanschauung der Nationalsozialismus. Berlin, 1935. P. 12–15*; и кроме того: *Carl Schmitt. Staat Bewegung... P. 31–32*, где он говорит: «Тридцатого января [день назначения Гитлера]... гегелевское государство служащих девятнадцатого столетия... открыло дорогу иной государственной структуре. В этот день можно сказать, что Гегель умер». Затем следуют обычные комплименты величию Гегеля.

Необходимо несколько слов, чтобы прояснить понятие «рациональной бюрократии», как его понимал Гегель, и отношение между ним и демократической системой. Бюрократические посягательства сегодня встречаются с негодованием почти в любой стране как угроза индивидуальной свободе.⁴³ И если мы определяем демократию только как организационный образец, который распределяет политическую власть среди свободно избранных представителей, мы можем легко увидеть, что бюрократия, являющаяся постоянной, иерархически упорядоченной и подчиненной произвольным приказам, должна являться как противоречащая демократии. Но демократия — это не просто организационный образец. Это также система ценностей, и цели, которые она преследует, могут меняться. Капитализм, основанный на конкуренции, стремится только к защите свободы общества от государственного вмешательства. В эру коллективизма, который приходит на смену основанному на конкуренции капитализму как результат глубоких экономических перемен, в котором массы требуют признания их материального статуса, система ценностей, представленная либеральной демократией, оказывается неадекватной. Страхование безработицы, страхование здоровья и нетрудоспособности, жилищные программы становятся необходимыми и должны быть приняты как часть атрибутов демократии. Кроме того, должен быть установлен некоторый контроль над экономической деятельностью. Два метода, очевидно, открыты для реализации этих новых целей. Один, плюралистическое решение, предполагает самоуправление посредством частных заинтересованных сторон; другой, монистическое решение, предполагает бюрократическую регламентацию. Выбор между двумя методами сделать нелегко по меньшей мере потому, что вершина бюрократической власти достигается только тогда, когда публичная и частная бюрократии проникают друг в друга. Предпочтение самоуправления вовсе не обязательно следует из природы демократии. Оно могло бы следовать, и на самом деле это было бы идеальным решением, если бы частные бюрократии смогли достичь соглашения по всем главным вопросам, не нанося вреда интересам общества в целом. Но это утопическое ожидание. Всякий раз, когда частные группы со-

⁴³ О процессе бюрократизации см. разделы: «Рабочий класс при веймарской демократии» (с. 496) и «Трудовой фронт» (с. 508) второй главы третьей части.

глашаются, это происходит за счет общества в целом; потребитель обычно страдает, и правительственное вмешательство оказывается обязательным. Наше общество не гармонично, оно антагонистично, и государство всегда будет *ultima ratio*. В Германии, как я пытался показать, плюралистическая система частной администрации рано или поздно вынуждала правительство вмешиваться, и, как следствие, власть государственной бюрократии возрастала. Кроме того, заинтересованные стороны, такие как профсоюзы, картели, торговые объединения и политические группы, стремятся стать бюрократическими органами, цель которых — либо сохранить свои организации действующими, либо сохранить себя наверху. Спонтанные стремления к разрядам и рангам неизбежно приносятся в жертву.

Столкнувшись с выбором между двумя видами бюрократии, гражданское общество может предпочесть публичную бюрократию частной. Поскольку частная бюрократия преследует эгоистические групповые интересы, тогда как публичная бюрократия, даже когда она руководствуется классовым интересом, стремится служить общему благополучию. Причина в том, что публичная бюрократия подчиняется установленным и достоверным правилам, тогда как частная бюрократия следует тайным инструкциям. Публичный служащий отбирается по системе заслуг, основанной на принципе равных возможностей для каждого конкурента, даже при том, что принцип часто извращается на практике. Частная бюрократия кооптирует своих членов, и над этим процессом нет общественного контроля.

Социологический анализ бюрократии Макса Вебера, хотя и основанный на идеальном случае, содержит определенное количество истин, которые применимы к любому бюрократическому органу. Точность, постоянство, дисциплина, надежность и рациональность характеризуют бюрократа, который действует «безлично», то есть «*sine ira et studio*», без ненависти или страсти..., он мотивирован простой идеей долга, невзирая на лица, при формальном равенстве каждого.⁴⁴ Это верно, что бюрократия может

⁴⁴ *Herbert Marcuse. Reason and Revolution. Hegel and the Rise of Social Theory. New York, 1941.* Я полностью согласен с анализом Маркузе. Что касается обвинения Трейчке в тевтонизме *Burschenschaften*, см.: *Heinrich von Treitschke. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert.* 3rd ed. 1886. Vol. II. P. 383–443.

превратиться в антидемократическую силу, но сделает она это или нет, будет зависеть гораздо больше от прочного положения демократических сил, чем от ее внутренних склонностей. Даже если она и может стать реакционной, бюрократия будет склоняться к исполнению законной политики, в соответствии с установленными правилами, согласно которым она должна себя вести. Это, как минимум, сохранит свободу и безопасность и таким образом подтвердит вывод, что любой рациональный закон, независимо от содержания, имеет бесспорную охранительную функцию.

Рациональные практики бюрократии являются несовместимыми с национал-социализмом по вышеупомянутым причинам. Отрицание государственного превосходства представляет собой поэтому нечто большее, чем идеологический механизм, нацеленный скрыть партийное предательство армии и государственной службы; оно выражает реальную потребность системы покончить с правилом рационального закона.

Мы тем не менее не должны обманываться допущением, что централизация бюрократической машины в Германии уменьшалась, что существование партии ограничивало бюрократические полномочия.

Наоборот, подготовка к войне и сама война заметно усилили авторитарный контроль в федеральной, земельной и муниципальной бюрократиях.

8. Партия как машина

Перед нами две одновременные тенденции: огромный рост публичной бюрократии в численности и функциях; и идеологическая кампания отрицания, ведущаяся против бюрократии, сопровождаемая кампанией за увеличение численности партии. Сама партия представляет собой могущественную бюрократию, и партийная борьба против государственного аппарата никоим образом не останавливает процесс бюрократизации внутри партии. Наоборот, в полном соответствии с общим правилом частная бюрократизация увеличивалась вместе с вмешательством государства. Поскольку публичная регламентация выходила на первый план, частные организации приобрели бюрократический аспект. Из-за сложного характера государственной деятельности индивиды были вынуждены вступать в организации, без которых они не могли

и надеяться найти свой путь в лабиринте регламентации. Тот же самый процесс вынуждал организации назначать экспертов, создавать подразделения функций среди своего персонала и принимать установленные правила для их деятельности. Как следствие, партия была не только органом преданных последователей, но и бюрократией как таковой. Она представляла собой смешение двух видов правления:⁴⁵ харизматического и бюрократического, и размер ее административного аппарата соперничал с размером аппарата государства. В результате партийные юристы проводили резкое различие между партийным руководством и партийной администрацией; согласно одному юристу из штата казначея, различие между руководством и администрацией символизируется контрастом между двумя партийными зданиями: *Führerbau* (зданием руководства), характеризуемым художественным многообразием, и зданием администрации, характеризуемым строгим функционализмом.⁴⁶ Мы еще вернемся к этой аллегории. В данный момент важно отметить, что начиная с 16 сентября 1931 г. полный контроль партийной администрации был в руках казначея. Это было подтверждено в распоряжениях 2 июня 1933 г. и 23 марта 1934 г. «Партийная администрация целиком находится в моих руках», — заметил Франц Шварц, главный партийный казначей, — потому что она должна быть объединена».⁴⁷ Шварц контролировал всю партию, ее группировки, особенно СА, СС, и ее филиалы (Трудовой фронт Германии, организации врачей, юристов, инженеров, учителей, университетских преподавателей, государственных служащих; моторизованный корпус, гитлерюгенд, студенческий союз). Третья категория, так называемые *betreuten* (охранные) организации,⁴⁸ были сходным образом подчинены партийному наблюдению. Это были *Deutsche Gemeindetag* (объединение муниципалитетов Германии), *Deutsche Frauen wehr*, *Reichsbund der Kinderreichen*, и *Reichsbund für Leibesübungen*.

Распоряжение Гитлера 2 марта 1935 г. определяло степень финансового контроля казначея, объявляя, что партия и ее группи-

⁴⁵ Philosophy of Right / Trans. W. Dyde. London, 1896. P. 289–297.

⁴⁶ Max Weber. Wirtschaft und Gesellschaft // Grundriss der Sozialökonomik. III. Tübingen, 1922.

⁴⁷ Hans Gerth. The Nazi Party: Its Leadership and Composition // The American Journal of Sociology. 1940. N XLV. P. 517–541.

⁴⁸ Lingg. Op. cit. P. 83.

ровки образуют одну финансовую единицу под контролем казначея, который мог также обращаться к любому государственному учреждению за юридической помощью при выполнении своих задач. Казначей обладал финансовым командованием над собственностью партии и ее группировок, а также наблюдал за финансами всех филиалов; фактически он устанавливал расходы каждого филиала (распоряжения 1 декабря 1936 г. и 24 марта 1937 г.), хотя большинство вкладов делалось лицами, не бывшими членами партии. Организациями, освобожденными от контроля казначея, были служба труда и национал-социалистический авиационный корпус (распоряжение 17 апреля 1939 г.). Эта общая тенденция освобождения наблюдается также и в организации СС: те национал-социалистические формирования, которые на самом деле служили орудием принуждения для государства, постепенно выходили из-под партийного контроля.

Партийные фонды состояли из членских взносов, с фиксированной ставкой для старых членов (тех, кто вступил в партию до 1 апреля 1933 г.) и градуированной шкалой для новых; из лицензионных сборов (вступительных взносов, платы за регистрацию и т. д.), из выплат за производство партийной униформы, эмблем и т. п.; из денежных сумм, полученных через специальные пожертвования (закон 5 ноября 1934 г.), лотереи (закон 6 марта 1937 г.) и правительственных субсидий. Привлекались огромные суммы, о чем можно судить по количеству членов партии (к концу 1934 г. оно было около 2 400 000 и приблизительно таким оставалось до 1 мая 1937 г., когда оно резко возросло). Рост был еще больше начиная с 10 мая 1939 г., когда требования для вступления были сделаны менее строгими. Согласно воле Гитлера идеальное отношение членов партии к остальному населению должно составлять приблизительно 10 %. Инструкции 11 августа устанавливали, что новые члены должны были приниматься из гитлерюгенда, из числа тех, кто принадлежал к организации в течение четырех непрерывных лет и достиг возраста 18 лет. Введение таких новичков имело место на ежегодном партийном съезде. Партия имела не только огромную машину наверху, но также и 760 окружных лидеров, 21 354 местных лидера, 70 000 лидеров партийных ячеек и 400 000 лидеров партийных блоков.⁴⁹ Как следствие, партия и го-

⁴⁹ Франц Шварц. Речь произнесенная 1 апреля 1939 г. и цитируемая Lingg. Op. cit. P. 17.

сударство стояли рядом друг с другом. Согласно закону ни партия не управляла государством, ни государство — партией, и партия и государство были суверенами в своей области — конституционная ситуация, которая скрывала в себе противоречие.

III. ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР У ГОСУДАРСТВЕННОГО РУЛЯ

1. Конституционная функция вождя

В соответствии с идеологией национал-социализма вождь, Адольф Гитлер — это то связующее звено, которое объединяет государство, партию и народ. В немецкой этимологии, как был вынужден признать один национал-социалистический философ, термин «вождь» имеет довольно прозаическое происхождение.¹ Никаких вождей не существует в армии (за исключением самых низших рядов), в образцовой иерархии, о которой национал-социалистические теоретики любят упоминать; но очень много «вождей» в самых негероических профессиях: водителя трамвая, инженера путей сообщения, пилота судна обычно называют «вождем», хотя сегодня не разрешается к ним так обращаться.

Принцип вождизма указывает прежде всего на тот организационный образец, который действует сверху донизу и никогда не действует в обратном направлении. Он господствует во всех социальных и политических организациях, за исключением судебной власти, которая, как любят говорить национал-социалистические юристы, все еще согласуется с «германскими» принципами, хотя трудно понять, почему эта предполагаемая «германская» практика должна начинаться и заканчиваться на скамье. Принцип вождизма не работает в промышленных корпорациях, объединениях или картелях. Понимание функции вождизма имеет существенное значение для понимания национал-социалистической идеологии.

Вождизм, как предполагается, полностью отличен от господства: в соответствии с германской идеологией характер вождизма

¹ Emge C. A. Ideen zu einer Philosophie des Führertums. Berlin, 1936. P. 7.

как раз и есть то, что отличает режим от абсолютистского господства. Сходным образом и правление Германии над Европой не описывается как господство. Новый Порядок — это, скорее, один из видов вождизма Германии и Италии. «Германия и Италия не требуют господства (*Herrschaft*), но требуют признания их лидерства», гласит передовица «*Frankfurter Zeitung*» от 5 января 1941 г.

Адольф Гитлер — высший вождь. Он сочетает функции высшего законодателя, высшего администратора и высшего судьи; он вождь партии, армии и народа. В его личности власть государства, народа и национал-социалистического движения объединены.² Первоначально вождь был просто канцлером, более безжалостным, чем любой другой, который был канцлером прежде, и в силу распоряжения 1933 г. более могущественным, но тем не менее только одним деятелем из числа многих; его распоряжения должны были подписываться министрами, и он часто был вынужден действовать только через президента фон Гинденбурга. После смерти Гинденбурга президентская должность была объединена с должностью канцлера (тогда это была должность вождя и федерального канцлера, теперь, с июля 1939 г., это просто должность вождя), и государство было подчинено одной-единственной личности. Эта личность — пожизненный вождь,³ хотя никто не знает, откуда получены его конституционные права. Он независим от всех других учреждений настолько, что ему не приходится (и не приходилось) давать конституционную клятву парламенту, как требует статья 42 конституции. Он не может быть смещен по инициативе народа, как это предусмотрено статьей 43. Он не исполняет три должности президента, канцлера и партийного вождя; он просто использует их, чтобы демонстрировать свою власть. Федеральный кабинет — это не кабинет; 15 министров ответственны только перед вождем. Они просто административные руководители, назна-

² *Otto Koellreuter*. Der Deutsche Führerstaat. Tübingen, 1934.

³ *Ernst Rudolf Huber*. Das Staatsoberhaupt des Deutschen Reichs // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1935. (95). P. 202–229. Также: *Richard Höhn*. Der Führerbegriff im Staatsrecht // Deutsches Recht (1935). P. 298; и *ero*: Führer oder Staatsperson // Deutsche Juristen-Zeitung (1935). P. 66; *Dr. Frick*. Der Neubau des Dritten Reichs. Berlin (n. d.); *Fritz Morstein Marx*. Government in the Third Reich. 2nd ed. New York, 1937; *Karl Loewenstein*. Germany and Central Europe // Governments of Continental Europe / Ed. James T. Shotwell. New York, 1940; *Hans Gerth*. The Nazi Party: Its Leadership and Composition. Op. cit.

чаемые и смещаемые по его желанию. Собрания кабинета поэтому не созываются и фактически проходят довольно редко, оставляя вождя единственным законодателем. Законы кабинета, подписываемые на основе распоряжения 1933 г., — это не акты кабинета в смысле решений, принимаемых внутри кабинета, но акты вождя. С министрами нет необходимости консультироваться. То же самое верно и для плебисцитов, и для законов, принимаемых рейхстагом. Закон — это то, чего желает вождь, а законодательство — это эманация его воли. Сходным образом он воплощает и административную власть, которая осуществляется от его имени. Он — верховный руководитель вооруженных сил (закон 21 мая 1935 г.) и, как мы еще увидим, верховный и непогрешимый судья. Его власть не ограничена законом и конституцией; бесполезно пытаться ее описывать. Понятие, которое безгранично, не может быть рационально определено.

В день смерти Гинденбурга каждый военнослужащий армии должен был дать следующую клятву: «Я приношу эту священную клятву Богу: в том, что я обязуюсь безоговорочно подчиняться Адольфу Гитлеру, вождю рейха и народа, верховному командующему армией, и в том, что, как храбрый солдат, я буду готов riskовать своей жизнью в любое время ради этой клятвы».⁴ Члены кабинета должны были клясться следующим образом: «Я клянусь, что буду преданным и послушным Адольфу Гитлеру, вождю германского рейха и народа, что я отдам свои силы благосостоянию немецкого народа, буду повиноваться законам и добросовестно исполнять свои обязанности, да поможет мне Бог» (закон 16 октября 1934 г.). Клятва государственных служащих была следующей: «Я клянусь, что я буду верен и послушен Адольфу Гитлеру, вождю германского рейха и народа, что я буду повиноваться законам и добросовестно исполнять свои обязанности, да поможет мне Бог» (закон о государственной службе 26 января 1937 г.). Эти клятвы показывают, что высшее руководство было не институтом, управляемым правилами и прецедентами, и не должностью с делегированными полномочиями, но инвеститурой власти в одной личности — Адольфа Гитлера.⁵ Обоснование этого принци-

⁴ Arnold Köttgen. Vom Deutschen Staatsleben // Jahrbuch für öffentliches Recht. Op. cit.

⁵ Gottfried Neesse. Führergewalt. Tübingen, 1940; также: Ernst Rudolf Huber. Verfassung des Grossdeutschen Reichs. Hamburg, 1939. P. 69.

па является харизматическим: он основывается на утверждении, что вождь наделен качествами, которых нет у простых смертных. Сверхчеловеческие качества исходят от него и проникают в государство, партию и народ. Нет необходимости напоминать здесь об идолопоклонческих заклинаниях, произносимых членами партии, министрами кабинета, офицерами армии, университетскими профессорами и многими протестантскими священнослужителями.

Макс Вебер⁶ направил внимание на общий феномен харизматического правления и ясно отделил его от всех рациональных и традиционных теорий господства. Его открытие — это фактически повторное открытие такого же старого феномена, как и сама политическая жизнь. Харизматическое правление долгое время отвергалось и осмеивалось, но, очевидно, оно имеет глубокие корни и становится мощным стимулом, как только надлежащие психологические и социальные условия устанавливаются. Харизматическая власть вождя не является простым фантазмом — никто не может сомневаться, что ему верят миллионы. Здесь мы предполагаем изучить три аспекта проблемы: происхождение харизматического лидерства; психологическое состояние тех, кто ему доверяется; и его социальную функцию. Мы должны будем обратиться к истории, чтобы дать ответ.

2. Лютер и Кальвин

Средневековая политическая мысль была вытеснена иррационалистической философией абсолютизма, которая какое-то время господствовала, прежде чем была в свою очередь сметена современным рационализмом. И лютеранская, и кальвинистская Реформация предлагала иррациональные теоретические обоснования неограниченной суверенной власти и не была, как обычно утверждается, в ряду тех движений, которые учреждали эру либерализма, естественных прав, равенства и рационализма. В периоды религиозных войн и гражданских мятежей восходящий средний класс имел огромную потребность в мире и спокойствии; торговцы и промышленники жаждали равенства с духовенством и знатью. Как следствие, была установлена центральная светская власть, и ее высшие полномочия оправдывались так же, как и

⁶ *Wirtschaft und Gesellschaft*. Op. cit. P. 140–148.

полномочия учреждений, которым люди должны были не только внешне повиноваться, но и быть искренне преданными. Харизматическое обоснование существующей власти нашло, таким образом, свое место у истоков буржуазного общества; в муках самого серьезного и самого глубокого кризиса европейское общество вернулось к своим самым ранним теоретическим воззрениям.

Ранние тюдоровские пуритане использовали все виды оправданий королевской власти — Писание, божественное естественное право, доводы государственной целесообразности; они с торжественным предупреждением указывали на ужасную судьбу революционных и милленаристских движений на континенте, таких как крестьянские восстания или движения таборитов и анабаптистов. Апологеты Генриха VIII призывали, чтобы кальвинистские и лютеранские доктрины рекомендовали повиновение личности короля. Их аргументация была главным образом антирациональной, даже харизматической. «Король, — писал Тиндэйл, — в этом мире вне закона и может по своему усмотрению поступать правильно или неправильно, и отчитываться он будет только перед Богом».⁷ Генрих VIII уподоблялся «солнечному человеку» — тот, кто «осмеливается смотреть не прямо, но искоса на пылающие лучи яркого (королевского) солнца, не сможет не отвести свой взор».⁸ Повиновение ему было гражданским, более того, религиозным долгом. Королю требовалось повиноваться, потому что он был наделен высшими человеческими качествами. Он был вождем. Можно легко увидеть, что эти доктрины были оппортунистическими по своему характеру, созданными с целью удовлетворить потребности внутреннего и международного положения Англии. Требовалась центральная и неоспоримая власть, свободная от контроля католической церкви и способная сопротивляться внешней агрессии — власть, которая могла бы подчинить и, если необходимо, даже истребить автономию местных, феодальных и церковных областей. Все это лишало возможности обращаться к теории общественного договора, с ее революционными предпосылками. Лютеранские и кальвинистские политические доктрины предоставляли решение проблемы.

⁷ Tyndale W. *Obedience of a Christian Man* // *Doctrinal Treatises* / Ed. H. Walter (Parker Society). Cambridge, England, 1843. P. 178.

⁸ Из раннего памфлета эпохи Тюдоров, содержащегося в: *Franklin le van Baumer. The Early Tudor Theory of Kingship*. New Haven, 1940. P. 86.

Лютер, правда, постулировал индивидуальную свободу, но его идея свободы была глубоко отлична от нашей. Как указывается в его важнейшем трактате «О христианской свободе», понятие свободы у Лютера на самом деле сочетает нашу собственную идею и ее полную противоположность. Христианин, говорит там Лютер, «является самым свободным из всех и никому не подчиняется; христианин — самый покорный слуга и подчиняется каждому».⁹ Антиномия едва ли могла быть выражена в более определенных терминах. Оба постулата, свобода и подчинение, в равной мере требуют справедливости и универсальности.

Понятие «внутренней свободы» разрешает противоречие. Свобода и рабство принадлежат двум различным сферам; первая — к сфере внутреннего, вторая — к внешнему миру. Первое утверждение Лютера касается внутреннего человека и его свободы; второе — внешнего человека, который обязан повиноваться. Такая дихотомия между внутренней и внешней жизнью, которые управляются различными законами, была чужда греческой и средневековой философии. Все классические греческие мыслители считали, что внутренняя свобода была невозможна без внешней свободы, а средневековые мыслители смотрели на человека как на рациональное существо, сущность и деятельность которого была упорядочена в соответствии с естественным правом. Лютер отделил ее внутреннее царство от внешнего и отвергал ценность «деяний», то есть внешних влияний. «Ничто внешнее не может сделать христианина свободным или праведным и ничто внешнее не может воздействовать на душу, освобождать или поработать ее». Бедняк столь же свободен, как и богач, крепостной крестьянин так же свободен, как и король, узник так же свободен, как и тюремщик. Угнетаемые уже обладают свободой; зачем им за нее бороться?

Правда, мир как таковой не соответствует христианскому идеалу. Братство, справедливость и любовь не преобладают в нем, и с самого начала Лютер не принимал этот мир за воплощение христианских принципов. Он только допускал мир и суверенную власть государства как прискорбные факты. Но это покорное допущение вскоре уступило место полнокровному оправданию. «Эта статья (относительно требования крестьян, чтобы крепостничество было упразднено) сделала бы всех людей равными и превра-

⁹ Admonition to Peace: A Reply to the Twelve Articles of the Peasants in Swabia 1525 // Works of Martin Luther. Vol. IV / Trans. C. M. Jacobs. P. 240.

тила бы духовное царство Христа в мирское внешнее королевство; а это невозможно. Ибо мирское королевство не может существовать, если нет неравенства людей, и поэтому некоторые свободны, некоторые заключены в тюрьму; некоторые господа, некоторые подчиненные и т. д. И св. Павел говорит ... что у Христа господин и раб — это одно и то же».¹⁰ Это был ответ Лютера на требование, чтобы крепостная зависимость была отменена.

Согласно Лютеру, есть два вида справедливости, внутренняя и внешняя. Подлинная внутренняя справедливость может быть выполнена во внутренней свободе, а внешняя справедливость — через исполнение обязанностей в данном состоянии. Нападение на правителя — это нападение на его должность. «В первую очередь должно быть сделано различие между занятиями или деяниями и человеком, который в них пребывает, между деянием и деятелем. Занятия или деяния могут быть добрыми и правильными сами по себе или же злыми и неправильными, если человек или деятель не является добрым и праведным или не исполняет свой долг правильно».¹¹ Должность как таковая есть абсолютная власть. Она отличается от владельца должности, и это предопределяет абстрактный характер человеческих отношений. Отношения между господином и слугой и королем и подданным становятся абстрактными и анонимными. Институт рабства вечен и неизменен. Даже если христианину пришлось бы попасть в руки варваров турков, он не должен был бы сбежать от новых владельцев, «потому что если ты сбегаешь, ты крадешь у твоего хозяина твое тело, которое он купил или получил каким-то иным путем; оно больше не принадлежит тебе, но становится его собственностью, подобно скоту и всему остальному».¹² Все отношения, предполагающие власть над людьми и вещами, власть частную или публичную, являются, таким образом, священными. «Неповиновение — это более великий грех, чем убийство, прелюбодеяние, воровство или мошенничество». Повиновение — это обязанность подданных, и чтобы исполнить эту обязанность, они все свое усердие и все усилия направляют на то, чего желают их повелители.¹³

¹⁰ *Whether Soldiers, Too, Can Be Saved*. 1526. Vol. V. P. 34.

¹¹ *Aus der Heerpredigt*.

¹² *Treatise on Good Works*. 1520 / Trans. W. A. Lambert. Vol. I. P. 184–286, 250, 271.

¹³ *An Open Letter Concerning the Hard Book against the Peasants*. 1525. Vol. IV. P. 272.

Внешний мир не только не требует никакого братства, справедливости и любви; он не нуждается даже в гармонии. Власть требует не любви, но повиновения, и назначает не милосердие, но непреклонное наказание. «Задницы будут портить воздух, а народом будет править сила; Бог знает, что хорошо, и поэтому Он вручил правителям не веер из перьев, а меч».¹⁴ Поэтому пусть каждый, кто может, бьет, режет и убивает, тайно или открыто, помня, что нет ничего более ядовитого, вредного и дьявольского, чем мятежник. Его нужно убивать как бешеную собаку.¹⁵

Политическая теория Лютера тем не менее содержала очень немного, что можно было бы назвать харизматическим обоснованием власти. Несмотря на жесткость своих тезисов, доктрина Лютера в той мере, в какой она допускала внутреннюю свободу, устанавливала противостояние гармоничного внутреннего мира развращенности и разложению внешнего. В этом отношении она содержала в себе революционные семена, которым довелось прорасти в учениях таборитов и анабаптистов. Кроме того, разделяя должность и владельца должности, делая человеческие отношения безличными, она инициировала появление доктрин рационально действующей бюрократии.

Харизматическая доктрина была более полно развита Кальвином.¹⁶ Его сочинения образуют политическую теорию буржуазии того времени, которая главным образом заботилась об установлении сильной принудительной государственной машины. Кальвинистская доктрина полностью разрывала со средневековой мыслью во всех ее аспектах — теологическом, философском, политическом и социальном; в то время как Лютер противопоставлял зло мира справедливости евангельского строя в той мере, в какой последний содержал в себе зерно возможного протеста и революции, Кальвин устанавливал между мирским и религиозным царством гармонию, навязывая свою веру государству. Новая вера была не верой Нагорной проповеди но верой Десяти заповедей, а теология была не схоластической, но позитивистской. Согласно

¹⁴ Against the Robbing and Murdering Hordes of Peasants. 1525. Vol. IV. P. 249.

¹⁵ Institution / Ed. J. Bonnet // Lettres Françaises de Calvin. 2 vols. Paris, 1854; также: *Marc Edouard Chenevière*. La Pensée Politique de Calvin. Geneva and Paris, n. d. 1937.

¹⁶ Из: Catechism of 1557. Cit. by: Chenevière. Op. cit. P. 50.

Кальвину, человек — это не рациональное существо, наделенное светом разума; он неспособен воспринять какие-либо рациональные принципы и руководствоваться ими в своей жизни. Его разум поврежден, опутан бесчисленными заблуждениями и ослеплен.¹⁷ Его разум и рассудок развращены после грехопадения, а его «целостность понимания»¹⁸ разрушена, и поэтому достичь истины для него невозможно. Он может достичь ее только в очень ограниченной области. Эта «ограниченная область» создает внутреннюю связь между кальвинизмом и эмпиризмом, экспериментальной позицией того периода, который последовал далее. Кальвин учитывает определенную способность «воспринимать земные проблемы, те, что не касаются ни Бога, ни царства истинной справедливости или бессмертия будущей жизни, но связаны с жизнью в настоящем».¹⁹ Истина никогда не будет достигнута посредством рационального процесса. Человек должен ограничиться «политической доктриной, искусством справедливого правления, механическими искусствами, философией и всеми теми профессиями, которые называют свободными».²⁰ Философия и политические доктрины никогда не смогут достичь окончательной истины; в наше время можно было бы сказать, что они касаются только поиска верных средств для обнаружения целей. Позитивизм Кальвина еще более явно обнаруживается в том обстоятельстве, что методологические принципы, которые он признает достоверными, являются результатом индукции и обобщения повседневного опыта.²¹ Достоверность и универсальность никогда не являются следствием таких научных процедур.

И все же каждый человек имеет в себе зерно разума, и это отличает его от животных. После грехопадения человечество было бы потеряно, если бы Бог не оставил в нас каплю разума, которую мы можем назвать «милосердием Бога для всех».²² Как это зерно может созреть и прорасти? Не посредством процесса человеческих рассуждений — это совершенно определено — но только через особую избранность к благодати. Вселенская благодать, потенци-

¹⁷ Confession à l'Empereur. 1562. Cit. *ibid.* P. 50.

¹⁸ Institution. II, 2, 13.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.* II, 2, 17; also II, 2, 14.

²² Corpus Reformatorum. Vol. 33. P. 542. Cit. by: Chenevière. Op. cit. P. 59.

ально объемлющая всех людей, становится осуществленной только через наделение Богом человека особыми состояниями. Кальвин здесь возвращает нас к нашему рождению с целью показать, что разум, которым мы обладаем, это дар Бога, а не естественное обладание». Когда дитя покидает утробу своей матери, какой мудростью оно обладает? ... Ребенок меньше, чем самое бедное животное... Как получается, что мы обладаем духом разумения, когда взрослеем? Необходимо, чтобы Бог его нам дал».²³ Избранность для благодати — это не награда за благочестивую жизнь или за добрые деяния; она может быть дарована даже язычнику.²⁴ Хотя пути Бога неисповедимы, они не следуют случайным курсом — все неумолимо предопределено волей Бога.

Но как люди должны узнавать, наделены ли их собратья благодатью Бога? Ответ — это их успех. Правитель, судья, успешный бизнесмен, политический лидер, юрист, врач, фабричный диспетчер, рабовладелец — все обязаны своим положением благодати Бога. Поэтому они должны повиноваться. Харизма распространяется на каждого, обладающего властью, на каждую сферу жизни, каждую профессию и каждое состояние.

Политическая и социальная теория логически следует из теологических допущений, образуя в целом наиболее радикальное отклонение от схоластической позиции. Не может существовать никаких предписаний, никакого естественного права, которое связывает каждого. Если сознание человека повреждено, то естественное право и божественная справедливость не могут быть им постигнуты. «Если он (человек) остался в том состоянии естественной целостности, в каком его создал Бог ... то каждый может нести в своем сердце закон, и поэтому здесь не может быть ограничений... Каждый может знать свое правило... и следовать за тем, что есть добро и справедливость».²⁵ Но совесть и естественное право не могут научить нас, как себя вести. Естественное право — это не принцип, создаваемый государством, которое не является ни естественным учреждением, ни порождением человеческих потребностей. Государство — это принудительное учреждение, антагонистичное природе человека.²⁶ Оно создано Богом и является

²³ Institution, II, 2, 15.

²⁴ Corpus Reformatorum. Vol. 27. P. 409. Cit. by: Chenevière. Op. cit. P. 83.

²⁵ Institution. Vol. II, 2, 24.

²⁶ Corpus Reformatorum. Vol. 27. P. 412. Cit. by: Chenevière. Op. cit. P. 118.

частью его плана спасти нас от лишений. «Поскольку закон природы извращен, необходимо, чтобы Бог... показал нам... что мы неспособны на свободу, что нас необходимо удерживать в состоянии повиновения».²⁷ Таким образом, Кальвин разрывает с традицией Аристотеля и Фомы Аквинского и использует политические идеи Августина, устанавливая «божественное право существующего строя».²⁸

Святость распространяется не только на государство как таковое (что оспаривал Лютер), но на всех лиц в иерархии государства, участвующих в осуществлении его власти. Не делается никакого различия между носителем суверенитета и его органами. Нашим начальникам мы должны безоговорочно повиноваться, это не только обязанность перед человеком, но и долг перед Богом. И помимо повиновения мы обязаны испытывать смирение и почтительность. Те, кто не повинуются, навлекают на себя не только строгость закона, но и гнев Бога. Повиновение и почитание власти требует не только ограничения, но и воли. Средневековое понятие о договоре на правление явно и неявно отвергается. Согласно Кальвину преступно судить короля по его обязательствам перед народом или по его служению, так как король ни перед кем не имеет обязательств, кроме Бога. Кальвин иногда говорит о «взаимных обязательствах» между королем и народом, но он никогда не имеет в виду договор; обязанности, которые Бог налагает на правителя и на народ, никогда не являются взаимными.

Любое установленное ограничение власти правителя, разумеется, несовместимо с таким представлением. Это не означает, что Кальвин оправдывает или защищает тиранию или деспотизм — наоборот, он убеждает правителей воздерживаться от тщеславия и исполнять свои обязанности в благожелательном духе. Иначе они столкнутся с гневом Бога.²⁹

Историки политической мысли придавали большое значение утверждению Кальвина, что судьи могут сопротивляться королю, если они конституционно на это уполномочены. «В случае, если есть представители народа, наделенные полномочиями ограничивать деспотизм королей, как например народные трибуны в Риме

²⁷ G. de Lagarde. *Recherches sur l'esprit politique de la réforme*. Paris, 1936. P. 227.

²⁸ Bonnet. *Op. cit.* Vol. I. P. 346.

²⁹ Institution. IV. 14, 17.

или сословные собрания в наших королевствах, то они обязаны сопротивляться самонадеянности правителей. Если они уступают, они предадут свободу народа, которая была им доверена Богом».³⁰ Этот краткий абзац, пользовавшийся огромным вниманием, расценивался либо как пережиток средневековой доктрины естественного права, либо как начало демократической идеологии. Такая интерпретация совершенно необоснованна и противоречит духу работы в целом. Она возникла, потому что французские гугеноты, такие как Франсуа Отман и Дюплесси-Морне истолковывали псевдореволюционные учения о цареубийстве на основе теории Кальвина. Сочинения этих ненавистников монархии тем не менее не должны использоваться как основание для такой интерпретации. С одной стороны, Кальвин не был прямо ответственным за их доктрины, а с другой — они не были революционерами в каком-либо смысле термина, но являлись оппортунистами, которые использовали любой юридический и теоретический аргумент, чтобы бороться с королем и с католической лигой. Утверждение Кальвина, приведенное выше, консервативно: оно отрицает индивидуальное право сопротивляться и описывает фактическое положение во Франции и многих других европейских странах, в которых сословия ограничивали королевскую власть.³¹ Кальвин настаивает, что там, где такая власть существует, от нее нельзя отказываться, ибо она такая же эманация благодати Бога, как и власть короля.

Та же самая часть «Наставлений»³² говорит еще об одном средстве избавления от бремени тирании, и там имеется отрывок, гораздо более характерный для теории Кальвина, чем его утверждение о правах главных сословий. Он пользовался лишь незначительным вниманием. Бог, говорит Кальвин, может послать чудесного спасителя своему народу. Бог проявляет свою чудесную власть, доброту и провидение, назначая одного из своих слуг спасителем и вооружая его таким образом, что он может наказать несправедливого правителя и освободить народ от угнетения. Тем не

³⁰ Это было убедительно показано: *Kurt Wolzendorff. Staatsrecht und Naturrecht in der Lehre vom Widerstandsrecht des Volkes gegen unrechtmäßige Ausübung der Staatsgewalt. Breslau, 1916.*

³¹ *Institution. IV. 20, 30.*

³² *Sir James Frazer. The Golden Bough; Hocart A. M. Kingship. London, 1927. P. 32–37.*

менее народ не должен быть слишком доверчивым, когда такой спаситель появляется. Здесь возвещается о харизматическом лидере, о человеке, который, от имени провидения Бога наделяется властью свергнуть правительство и освободить народ.

3. Короли-чудотворцы

При рождении современного капитализма, который, как предполагается, дал начало системе рациональности, исчислимости и предсказуемости, устанавливается та социальная доктрина, которая во всех отношениях противоположна рационализму, хотя она и удовлетворяет некоторые психологические потребности народа, которые значительно старше, чем капитализм. Антропологи направляли внимание на *ману* королей, магическую силу, которая исходит от личности правителя и доходит до народа. Прикосновение к королю дает силу слабому и здоровье больному. Король — это герой, воплощение племенного тотема; он отражает атаки демонов, угрожающих народу, его собственности и его здоровью. Таковы были верования первобытных людей. Их воззрения не были иррациональными; вера в магическую силу правителя имела рациональное основание. Правители должны были гарантировать успех. Когда возникали угроза наводнений или эпидемий, когда войны опустошали племя, король должен был спасти и освободить свой народ. Если он в этом не добивался успеха, его свергали и убивали.³³ Королевская харизма основывалась на взаимной выгоде.

Чем больше мы приближаемся к современной цивилизации, тем больше харизма отделяется от социальных и политических обязанностей короля.

Восточная идея королевского правления, даже мессианская идея Ветхого Завета основывалась на харизматической доктрине. Коренная идея заключалась в том, что существовало первобытное чудовище, воплощавшее принцип зла и бывшее враждебным по отношению к Богу и человеку (миф о Тоху).³⁴ Яхве, спаситель,

³³ Oesterley W. O. E. The Evolution of the Messianic Idea. London, 1908. P. 41.

³⁴ Lord Raglan. The Hero, a Study in Tradition, Myth, and Drama. New York, 1937. P. 268–276.

в конце концов победил это чудовище и принес временное избавление людям. Эта основная идея не только Ветхого Завета, но и всех остальных восточных религий, лежит в основе веры в божественную и магическую силу короля. Король — это не только представитель Бога на земле, он и есть Бог. Герои, подлинники, изначально были не людьми, но богами.³⁵ Самая ранняя из известных религий — это вера в божественность королей.³⁶

Восточная идея королевской власти была принесена в Европу Александром Македонским. До него греческие правители были полностью политическими фигурами, их отношение к народу было чисто рациональным по своему характеру. Начиная с Александра королям поклонялись как богам.³⁷ Идеологическая дистанция между империями Александра и Августа незначительна. Август рассматривался как мессия, на что указывает описание Горация: «Сын Майи, спустившийся к народу Квиритов».³⁸

В германской истории харизма связывалась с племенем, а не с личностью короля,³⁹ хотя она никогда не рассматривалась как единственный источник власти и закона, и народное согласие было столь же важно, как и аура избранного племени. В традиции франков харизма обнаруживала себя во вьющихся локонах королей, которые давали им необычную власть и удачу. Верование определенно не было христианского происхождения; это ясно из того факта, что церковь выступала против германского представления о легитимности по крови. И все же в силу роковой исторической случайности церковь внесла чрезвычайный вклад в возрождение харизматической веры. После свержения королей Меровингов и установления власти династии Каролингов церковь через помазание Пиппина передала харизму от Меровингов к Каролингам. Утвердив *государственный переворот* Каролингов, папа, оракул естественного права, даже превратил помазание в причастие, наделив таким образом благодатью Бога новый правящий дом. Этим

³⁵ Hocart. Op. cit. P. 7.

³⁶ Julius Kaerst. Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum. Munich and Leipzig, 1898. P. 40, 41.

³⁷ August Freiherr von Gapp, Βασιλεία του θεου (The Kingdom of God). Eine religionsgeschichtliche Studie zur vorchristlichen Eschatologie. Heidelberg, 1926. P. 452–453.

³⁸ Odes. I. 2, 42.

³⁹ Fritz Kern. Gottesgnadentum und Widerstandsrecht im früheren Mittelalter. Leipzig, 1914. P. 20.

действием церковь в силу доводов целесообразности отказалась от своей старой политики противостояния прославлению королей как богов, политики, которую она энергично проводила в случае византийских царей, особенно против проскинезы.

Вскоре после этого тем не менее церковь была вынуждена возобновить свою борьбу против королевского обожествления. Начиная с Роберта Благочестивого французские короли, так же, как и Плантагенеты Англии, претендовали на власть целителей. Прикосновение короля могло излечивать золотуху, и в установленных ритуальных случаях тысячи больных, толпившиеся возле правителя ради этого благодеяния. Грегорианский спор между папством и королевской властью был не только борьбой за верховную власть между мирской и духовной властью, но и борьбой, которую вела церковь против магических и сверхъестественных полномочий, которых требовали короли.⁴⁰ С этого времени помазание более не рассматривалось как священнодействие, и император стал мирянином.

Несмотря на это противостояние, королевская власть целителя жила в народных верованиях. Барбаросса, германский император, попытался наделить германский рейх священными атрибутами с целью борьбы с папой; он рассматривал себя как *pater* с властью пророка. Его законы были *sacer*, *res publica* была *diva*. Под влиянием восточных концепций Фридрих II Гогенштауфен считался персонифицированным богом, а Джон Солсбери, великий английский гуманист, совершенно правильно рассматривал всю эту тенденцию в целом как признак возвращения к язычеству.⁴¹

⁴⁰ Наиболее важная публикация в этой области: Marc Bloch. Les Rois Thaumaturges, étude sur le caractère Surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre. Strasbourg, 1924. Очень важное письмо напечатано на стр. 123, адресованное Папой Григорием VII Архиепископу Герману из Меца. «Где среди императоров и королей найдется человек, чудеса которого были равными чудесам Св. Мартина, Св. Антония, Св. Бенедикта, не говоря уже об апостолах и мучениках? Какой император или король воскрешал мертвых, излечивал прокаженных и давал зрение слепому? Возьмите императора Константина, светлая ему память, Теодора и Гонория, Карла и Людовика, все — друзья справедливости, распространители христианской религии, защитники церкви. Святая Церковь прославляет и почитает их; это не значит, что они прославились таковыми чудесами».

⁴¹ Policraticus // Ed. C. C. J. Webb. Oxford, 1909. Vol. I. P. 202 (3.10).

Пережитки верований в целительскую силу королей сохранялись необычайно долго и дошли даже до века рационализма. Филипп Красивый и его окружение восстановили целительскую власть королей как средство, уравнивающее с требованиями папы Бонифация VIII,⁴² и помимо этого облегчающее конфискацию имущества ордена тамплиеров. Четырнадцатое столетие свидетельствовало о новом пробуждении чудотворных практик и верований; Лютер сообщает о них без единого слова критики,⁴³ а дюжины памфлетов, вышедшие во Франции и Англии, касались целительской власти короля. Протекторат Кромвеля — это единственный период, во время которого это целительство не практиковалось. После Реставрации верование возродилось вместе с поразительным количеством апологетической литературы, нахлынувшей при Карле II.⁴⁴ Во Франции верование исчезло вскоре после революции.

В истории чудодейственных практик на Западе самое важное заключалось в том, что эти магические силы призывались всякий раз, когда правитель пытался отстаивать свою независимость от религии и социальных факторов. Александр нуждался в обожествлении для своих имперских завоеваний. Поскольку он управлял народом с многими религиями, то, отождествляя себя с одной из них, он мог навлечь на себя опасность необходимости уничтожения остальных. Возвышая свою личность до статуса божества, он превзошел все существующие религии. Другие формы обоснования, такие как рациональная доктрина Аристотеля или демократическая доктрина, отстаиваемая софистами, не рассматривались. Август также чувствовал потребность обожествления по сходным причинам,⁴⁵ а Каролинги обратились к ней, потому что они установили новую монархию неконституционными средствами. Фридрих Барбаросса и Фридрих II призывали на помощь себе харизму, чтобы защитить светскую власть от вмешательства церкви. Во Франции и Англии, где королевская власть творить чудеса защищалась всесторонними апологетами, апофеоз монарха также служил упреждением народного сопротивления. Бурбоны,

⁴² Bloch. Op. cit. P. 129.

⁴³ Ibid. P. 149.

⁴⁴ Ibid. P. 377.

⁴⁵ Интересный анализ в кн.: Ronald Syme. The Roman Revolution. Oxford, 1939. Особенно P. 469–475.

Плантагенеты и ранние Тюдоры сходным образом утверждали, что являются в какой-то степени богами, что было средством наделения их личности властью, необходимой, чтобы внушить страх непокорным подданным.

4. Психология харизмы

Мы не касаемся антропологических теорий харизматических притязаний, и все же необходимо сказать несколько слов, чтобы объяснить, почему они возродились. Несомненно, предполагаемая сверхъестественная одаренность правителя — это ухудшенная форма мессианской идеи, предшественники которой могут быть усмотрены в «первобытном чудовище, воплощающем принцип зла и противостоящем Богу и человеку». Такие предшественники тем не менее не объясняют психологию харизмы, которая гораздо более важна, чем ее объективный анализ. Что касается самих харизматических притязаний, то недостаточно описать их как «результат врожденных человеческих признаков зависимости от высшей власти, как естественный поиск кого-то, кто поможет перед лицом текущих несчастий».⁴⁶ Такие утверждения не объясняют, почему доктрина возникает в определенные периоды истории или почему особые социальные страты полагаются скорее на нее, чем на рациональные доводы.

Проблема требует анализа тех психологических процессов, которые ведут к вере в возможность какого-либо человека творить чудеса, к вере, которая характеризует некоторые дорелигиозные установки человеческого сознания.⁴⁷ Анализ может также привести к пониманию психологического процесса, лежащего в основе обожествления одного человека другим. Как показал Рудольф Отто, состояние сознания и соответствующие эмоции являются таковыми у индивида, который чувствует себя подавленным из-за своей бесполезности и который приходит к вере в *Mysterium Tremendum*. Тайна порождает благоговение, страх и ужас. Человек трепещет перед гневом Бога или демона. Но его позиция двойственна — он охвачен и ужасом и очарованием. Он испытывает

⁴⁶ Oesterley. Op. cit.

⁴⁷ См.: Rudolf Otto. The Idea of the Holy / Trans. John W. Harvey. 3rd imp. London, 1925.

мгновения крайнего восторга, во время которых он отождествляет себя со святым.

Эта полностью иррациональная вера возникает в ситуациях, которые средний человек не может уловить и понять рационально. Это не только тревога, которая заставляет человека предпочитать суеверие, но и неспособность понять причины своей беспомощности, унижения и падения. В периоды гражданского раздора, религиозной смуты и глубоких социальных и экономических переворотов, производящих нищету и бедствия, люди часто неспособны или намеренно становятся неспособными воспринимать законы развития, которые вызвали к жизни условия их существования. Наименее рациональные страты общества обращаются к вождям. Подобно первобытным людям они ищут спасителя, чтобы предотвратить свое унижение и освободить себя от нищеты. Здесь всегда имеется фактор расчета, часто с обеих сторон. Вождь использует чувство страха и увеличивает его; последователи примыкают к нему, чтобы достичь своих целей.

Повиновение — это необходимый элемент в харизматическом руководстве — повиновение как субъективное, в качестве обременительной тяжести, так и объективное, в качестве средства требования исполнения долга. Следовательно, среди последователей не может быть равенства, так как власть получена от вождя. Он вынужден распределять ее неравными дозами, так, чтобы он мог положиться на элиту, ту, что разделяет его собственную харизму и посредством этого помогает ему господствовать над массой. Харизматическая организация всегда основана на прямом повиновении внутри иерархической структуры.⁴⁸

Но если подлинно религиозный феномен харизмы принадлежит к сфере иррационального, его параллельное политическое

⁴⁸ Ранняя церковь осознавала это совершенно ясно. Рудольф Сом, известный немецкий историк права (Kirchenrecht. 2 vols. Munich and Leipzig, 1923), основывал свои штудии церковного права на известном заявлении, что «церковное право противоречит сущности Церкви» (Vol. I. P. 1). Согласно Сому, ранняя церковная организация была не правовой, но харизматической (Vol. I. P. 26), данной Богом. Внутри нее не было никакого абстрактного равенства, только разделение на высших и низших в зависимости от того, как Бог распределил дары (Vol. I. P. 27). Повиновение, требуемое харизмой, не основывалось на формальных законах, но было добровольным, рожденным из убеждения, что это угодно Богу (Vol. I. P. 27; vol. II. P. 178).

проявление — простая уловка для установления, утверждения или возвышения власти. Было бы роковой ошибкой требовать, чтобы это проявление оспаривало любое рациональное обоснование государственного суверенитета. Харизматические притязания современных лидеров функционируют как сознательный механизм, предназначенный для поощрения безнадежности и беспомощности среди народа, для отмены равенства и для замены его иерархическим строем, в котором вождь и его группа разделяют славу и преимущества *пипел*. Они даже более эффективны, чем харизма первоначальной королевской власти: вожди не свергаются и их не убивают, если они не смогли освободить свой народ от зла. *Do ut das* больше не применяется. Харизма становится абсолютной, призывая к повиновению вождю не в силу его полезных функций, но в силу его предполагаемых сверхчеловеческих дарований.

IV. НАРОД ИЗБРАННОЙ РАСЫ, ИСТОЧНИК ХАРИЗМЫ

Харизматическая власть вождя должна откуда-то браться, от Бога или от племени. В национал-социалистической теории ее источник в народе избранной расы. Редким в национал-социалистической теории является высказывание, где не утверждалось бы, что вся власть происходит от народа. Мы видели, что «тройственная» политическая схема Карла Шмитта вызвала острую критику, потому что она отклонилась в этом пункте в сторону, отводя народу низшую, неполитическую роль.

1. *Нация и раса*

Что же тогда германские национал-социалисты понимают под «избранной расой» и почему они подчеркивают ее превосходство? Почему они сознательно избегают использования обычного термина «нация»?

Расы существуют, никто этого не отрицает, и раса может быть определена как группа индивидов, обладающих общими призна-

ками, передаваемыми по наследству, которые достаточно ясно отделяют одну группу от других.¹ Поскольку мы не касаемся антропологических проблем, мы можем обойти вопрос о том, каковы эти различия и когда они в достаточной мере выражены. Мы не заинтересованы и в принятии какой-либо особой классификации рас; мы согласны с огромным большинством антропологов, что не существует высших и низших рас и что нет никакой связи между расовыми и культурными атрибутами, которую можно было бы установить с помощью научных знаний. «Так называемое расовое объяснение различий в человеческом поведении и в культурных достижениях — это либо глупость, либо обман».² Мы также согласны, что нет чистых рас, что «каждая цивилизованная группа, о которой мы осведомлены, является гибридной группой, — факт, на деле опровергающий теорию, что гибридный народ ниже, чем чистокровный».³

Научные аргументы мало способствуют пониманию германского расизма. Например, мало пользы в том, чтобы критиковать расизм, указывая, что термин «арийский» не обозначает общее устройство скелета или состав крови, или какое-либо иное физическое или биологическое сходство, но просто отсылает к общему лингвистическому истоку. Даже открытия национал-социалистической антропологии лишь в незначительной степени были включены в корпус национал-социалистической философии, которая просто говорит об арийских расах или о нордическом и германском превосходстве. Вместо того чтобы опровергнуть расовую теорию, мы попытаемся понять ее социальное, политическое и культурное значение. Такая попытка уже была сделана. Ученые обращали внимание на внутреннюю связь между расизмом и преследованием меньшинств, связь, характерную для инквизиции, крестового похода против альбигойцев и кампании против французских гугенотов, и интерпретировали расовое преследование как современную форму религиозной нетерпимости и истребления ересей. На таком основании расизм описывался как идеология, предназначенная для защиты и оправдания «неравных гражданских прав».⁴ Эта теория, конечно же, верна, но помогает ли она

¹ *Ruth Benedict. Race: Science and Politics. New York, 1940. P. 11.*

² *Arnold J. Toynbee. A Study of History. London, 1934. Vol. I. P. 245.*

³ *Ralph Linton. The Study of Man. New York, 1936. P. 34.*

⁴ *Benedict. Op. cit. P. 241.*

нам понять, почему расизм вытесняет национализм и почему антисемитизм, являющийся германской формой расизма, принимается не просто как механизм преследования, но как настоящая философия жизни, пропитывающая все национал-социалистическое мировоззрение в целом? Мы будем в состоянии решить проблему только на основе анализа функций различных понятий, имеющих к ней прямое отношение.

Раса — это полностью биологический феномен: понятие народа содержит в себе смесь культурных элементов. Общее происхождение, общее географическое расположение, общие обычаи, общие язык и религия — все играет роль в создании народа, хотя частное значение различных элементов может меняться в зависимости от исторической ситуации.⁵ Понятие *избранной расы*, излюбленный термин в Германии, основывается тем не менее прежде всего на биологических признаках; культурные элементы используются только для того, чтобы отличить различные группы внутри одной расы.

Нация, наоборот, — это в первую очередь политическое понятие. Оно предполагает идею государства, без которого нация не может быть понята. Народ становится нацией, если он обладает осознанием общих политических целей, если он способен к достижению и сохранению общей политической воли. Такой выдающийся политический деятель, как Дизраэли, отвергал само понятие народа. «Выражение „народ” — это чистая ерунда. Это не политический термин. Это выражение из естествознания. Народ — это вид; цивилизованная общность — это нация. Теперь нация — это достояние искусства и достояние времени».⁶

Нация и национальность тесно связаны с государством.⁷ Современное государство тем не менее не было создано нацией, но являлось следствием введения товарного производства, которое предшествовало появлению современных наций. Когда продукт

⁵ Otto Bauer. Die Nationalitätfrage und die Sozialdemokratie (Marx-Studien. Vol. II), Vienna, 1924. P. 114.

⁶ Benjamin Disraeli. Whigs and Whigism // Political Writings... London, 1913. P. 343.

⁷ Самый тщательный анализ значений различных терминов появился в кн.: Neumann F. J. Volk und Nation. Leipzig, 1888. Короткий, но точный обзор см.: Nationalism. A report by a group of the Royal Institute of International Affairs. London, 1939. P. XVI–XX.

труда в его товарной форме превращается в деньги, эти деньги могут использоваться для строительства государства и для создания бюрократии и постоянной армии. Первыми современными государствами были итальянские города-государства, порожденные не национальным чувством и не национальной борьбой, но капиталистами, нанимавшими солдат и бюрократию для создания централизованной машины. В Италии, Франции и Германии эти государства создавались даже иностранцами, с помощью которых французские короли, итальянские *podeste* и германские князья разбили феодальную оппозицию.⁸ Рассматриваемое в этом свете раннее современное государство не только не было национальным, но являлось глубоко антинациональным. Их правительства не обладали никакой легитимностью. Политическая теория, развивавшаяся во время этого периода, если она не была оппозиционной, была связана исключительно с изобретением *arcana dominationis*, техник, при помощи которых можно было установить и сохранить правление абсолютистских диктаторов. *Государь* Макиавелли — это прототип для всех них.

В своей решающей функции нация — это идеологическая основа, которая оправдывает центральную принудительную власть над феодальными, местными и церковными властями. Она служит механизмом для унификации широкой сети индивидуальных и групповых интересов — в период, когда средние классы начинают осознавать свои собственные цели и с успехом навязывать их всему народу.

Теория общественного договора, какой ее изложил Гоббс, была неподходящей для удовлетворения потребности в унифицирующем механизме и идеологии, и Руссо быстро обнаружил ее недостатки. Гоббс утверждал, что собственнический интерес мог так или иначе удерживать общество вместе и что государство, как совокупность индивидуальных волей, может существовать, даже не имея общей цели, объединяющей его отдельных членов. В противоположность этой доктрине Руссо заявил, что общество может быть «нравственным, коллективным телом».⁹ Переход от естественного общества к политическому обществу, говорил он, должен произвести весьма значительные перемены в человеке,

⁸ *Friedrich Hertz. Wesen und Werden der Nation // Ergänzungsband der Jahrbücher für Soziologie. Karlsruhe, 1927. P. 84–87.*

⁹ *Social Contract (Everyman's Library Edition). Book 1, chapter 6.*

«заменяв чувством справедливости инстинкт в его поведении и сообщая его действиям ту нравственность, которой им прежде не доставало». ¹⁰ Право сильного, фундаментальное для политических учений Гоббса и Спинозы, не может предоставить основание, на котором может покоиться общество; такое право, заявляет Руссо, является либо излишним, либо бессмысленным. ¹¹

Нация создает общую цель и общую преданность; она делает общую волю конкретной и предоставляет государству независимость от божественной санкции, устанавливая исключительные связи между индивидом и его светским сообществом. Нация, кроме того, дает каждому государству легитимное основание, отличающееся в этом отношении от универсализма средневековой доктрины. Наконец, она кладет конец династическому принципу легитимности, который отождествлял государство с правителем.

Во время Французской революции нация как раз и показала себя как решающая политическая сила. В это время субъективный фактор, национальное сознание, воля к политическому единству превращается в объективную реальность, ¹² и один класс, буржуазия, создает сам себя как нацию, так что нация, можно сказать, становится собственностью этого класса. Через понятие нации буржуазия навязала свою систему ценностей всему народу.

Сплав теории национализма с гораздо более старой доктриной народного суверенитета имел революционные последствия, ¹³ допускавшие появление светского общества с универсально принятой системой ценностей. Французская революция иллюстрирует революционное воздействие нового понятия. Аббат Сийес был первым, кто выдвинул воззрение, что третье сословие, средний класс и был нацией, потому что он был производительной силой общества. Нация, с его точки зрения, была «совокупностью тех индивидов, которые подчинены общему закону и представлены в одной и той

¹⁰ Ibid. Book 1, chapter 8.

¹¹ Book 1, chapter 3. О влиянии Руссо на теорию наций см.: Nationalism. P. 27–28.

¹² Только в этом смысле мы можем согласиться с профессором Баркером, утверждавшим, что «нации могут существовать и даже существовать столетиями в нерелефлируемой тишине» (см.: *Ernest Barker. The National Character and the Factors of its Formation.* London, 1917. P. 116). Пока рефлексия не началась, мы можем говорить только о народе.

¹³ *Carré de Malberg. Contribution à la théorie générale de l'Etat.* 2 vols. Paris, 1920. Vol. II. P. 168.

же законодательной ассамблее. Нация — это суверен, ее существование — это ее полное оправдание, а ее воля — это высший закон. Государство находится у нее на службе; государственная власть законна только благодаря ей. Такое понятие, направленное против аристократии и монархии, было явно революционным. Его влияние было столь сильным, что даже контрреволюционеры не отрицали существования нации, но пытались с усердием повернуть его на пользу монархии или союза между монархией и аристократией (де Мэстр и Монлозье).¹⁴

Французская революция определяла весь ход идеологической дискуссии среди европейских государств до прихода Гитлера к власти; нация как целое состояла из свободных и равных граждан — якобинское понятие нации. Согласно Эрнсту Ренану, нация — это плебисцит, ежедневно возобновляемый, устанавливаемый свободным решением свободного человека.¹⁵

Социологическая функция этого нового понятия самоочевидна. Возникли обширные, плотно населенные экономические регионы, объединенные общей валютой, тарифами и транспортной системой; уничтожение, или по крайней мере ослабление промежуточных автономных властей; и требование новых форм подчинения. Французские революции 1791, 1793 и 1848 гг. объявили, что национальный суверенитет неделим и неотчуждаем. Новая нация ревниво охраняла свои права; депутаты избирались от ее имени, а не от имени какого-либо класса или группы, и никому не было позволено вставать между индивидом и нацией. Это было решительно и драматически продемонстрировано в *Lex Le Chapelier*, принятом во время Французской революции, в законе, запрещавшем организацию объединений. Индивид, как объявлял закон, должен подчиняться только государству, и никому больше.

Понятие нации, кроме того, служит обособлению общества и отделяет его от других. Это может происходить только тогда, когда общества противостоят друг другу, и каждое обладает особыми чертами, которые можно легко отличить. После разрушения средневекового универсализма династический принцип предоставлял основание для обособления. Но когда этот принцип был разрушен

¹⁴ Neumann. Op. cit. P. 124.

¹⁵ Ernest Renan. Qu'est-ce qu'une nation? Paris, 1882. P. 217. О политическом значении теории Ренана (завоевание Эльзаса и Лотарингии) см.: Hertz. Op. cit. P. 56.

и был заменен либеральным государством, никакого интегрирующего или обособляющего фактора под рукой не оказалось. Либеральное государство само могло исполнять эту функцию. Его цель была только негативной: защита жизни, свободы и собственности. Государства, то есть бюрократические, полицейские и военные механизмы, показывают больше сходств, чем различий. Следовательно, национальное понятие должно было заполнить пустоту, оставленную династическим принципом. Это предполагало обособляющий фактор в мире соревнующихся государств.

2. Расизм в Германии

В отличие от Франции развитие Германии никогда не делало акцент на национальном суверенитете. Фактически понятие нации никогда в Германии не закреплялось. Это верно, что Фихте, один из предшественников расового национализма,¹⁶ сформулировал идею немецкой нации, но его концепция опиралась на «народ» и подчеркивала расовые и биологические сходства, порожденные общим происхождением, за счет политических сходств или сознательного, свободного решения равных граждан. Даже Вильгельм фон Гумбольдт, великий либерал, отрицал суверенитет нации,¹⁷ тогда как Генрих фон Трейчке рассматривал национальный принцип как чистую «абстракцию», «наполеоновскую фразу», «пустое выражение».¹⁸

Национальная идея обычно идет рука об руку с демократическим принципом и народным суверенитетом, а и тот и другой были крайне неприятны германским теоретикам и политическим деятелям. Немецкая разобщенность и соперничество различных земель и их князей, возможно, имели прямое отношение к этому неприятию. В любом случае всякий раз, когда германские теоретики и политические фигуры вели речь о нации, они отделяли ее от якобинских, демократических и политических предпосылок, то есть от любой доктрины политического суверенитета. Биологическая

¹⁶ *Fichte*. Address to the German Nation / Trans. R. F. Jones and G. H. Turnbull. Chicago, 1922.

¹⁷ *Friedrich Meinecke*. Weltbürgertum und Nationalstaat. 6th ed. Munich, 1922. P. 39.

¹⁸ Politik. I. 280.

расовая теория заменяла политическую теорию национальности. Задолго до Гитлера политическую связь свободных людей стремились заменить политической связью германской расы.

Есть и другая причина того, почему национальная идея не играла решающей роли в имперской Германии. Акцент на суверенитете нации как таковой уравнивает все нации и создает барьер утверждению национального превосходства. Если нация основывается на свободном решении свободного человека, никакая нация не имеет превосходства над остальными. Национальный суверенитет препятствует империалистической экспансии. Действительно, всякий раз, когда демократические государства прибегают к такой экспансии, они почти неизменно отбрасывают концепцию нации и прославляют расовые и биологические признаки, которые, как предполагается, делают их выше объекта завоеваний. Доктрина бремени белого человека иллюстрирует это положение, и она верна для Соединенных Штатов. Нам необходимо процитировать сочинения Джозефа Стронга. «Это очевидно, — заявляет он, — что англосаксы держат в своих руках судьбы человечества, и очевидно, что Соединенные Штаты должны стать домом этой расы, основным местопребыванием ее власти...»¹⁹ Эта расовая теория была как обоснованием империалистической экспансии, так и иллюзорным решением классовых антагонизмов.

Однако расовые теории не имели основного значения в формировании идеологии английского и американского народов. Быстрый рост таких теорий в Англии и Америке XIX и начала XX столетий служил вспомогательным средством для завоевания колониальных, полуколониальных и очень слабых государств, но услуги этих теорий никогда не требовались для организации тотальной власти над нацией для ведения войны. Иначе было в Германии. Германская экспансия была направлена против могущественных государств. Когда Германия выступила в качестве активной империалистической силы, перед ней была планета, поделенная различными военными машинами. Перераспределение, там, где оно не могло быть достигнуто миром, требовало силы армий и огромных затрат крови и денег. Оно требовало идеологии, которая мог-

¹⁹ Our Country. New York, 1885. P. 179. Другие сильные работы включают: Expansion. 1900; Our World. 1913. Об этой фазе американской интеллектуальной истории см.: *Ralph Henry Gabriel. The Course of American Democratic Thought.* New York, 1940. P. 340–344.

ла бы обосновать эти непомерные усилия в глазах народа. Предполагаемое превосходство германской нордической расы выполняло именно эту функцию.

Как следствие, вера в германское расовое превосходство имела глубокие корни в истории немецкой мысли. Гердер, первый выдающийся философ истории, писал о народе, который благодаря своей величине и силе, своему трудолюбию, смелости и сохранению военного духа.... внес в блага и бедствия этой четверти земного шара больший вклад, чем любая иная раса. Именно немцы защитили христианство от постоянных вторжений гуннов, венгров, монголов и турок. Благодаря им большая часть Европы была не только завоевана, выстроена и смоделирована, но и заселена и защищена.²⁰ Это же воззрение поддерживается и большим числом историков, философов и экономистов Германии. Фридрих фон Шлегель обращался к расовым качествам, чтобы объяснить превосходство германских племен над римлянами.²¹ Генрих фон Трейчке, историк периода Бисмарка, хотя и занимал несколько двусмысленную позицию по расовому вопросу, интерпретировал историю как процесс, характеризующийся возникновением и исчезновением рас,²² и делал сравнение между расовыми атрибутами германцев и атрибутами голландцев, англичан, русских, итальянцев и американцев, показывая, что все не-германцы ниже по великодушию, чувству красоты и «простой верности» природе. Короче говоря, Трейчке создал каталог германских добродетелей, который все еще служит инвентарем всех немецких пропагандистов. В то же самое время он боролся против расовой тевтонской философии студенческих союзов (*Burschenschaften*).²³ Он создавал идола из государственной власти, отрицал, что она когда-либо могла быть неправа, и утверждал, что самым здоровым и энергичным выражением этой власти была война.²⁴

²⁰ Herder. *Outlines of a Philosophy of History of Man* / Trans. T. O. Churchill. London, 1800. P. 447. Хороший обзор дан в кн.: Charles Callan Tansill. *Racial Theories from Herder to Hitler* // *Thought*. 1940. Vol. XV. P. 453–468.

²¹ *Philosophy of History* / Trans. J. B. Robertson. London, 1888. P. 310, 348; and Tansill. *Op. cit.* P. 456.

²² *Politics* / Trans. B. Dugdale and T. de Bille. New York, 1916. Vol. I. P. 50 ff.

²³ *Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert*. 3rd ed. 1886. Vol. II. P. 383–443.

²⁴ *Politics*. Vol. I. P. 96.

Влияние так называемого государства *катедер-социалистов* на более позднее развитие национал-социалистического расизма представляется гораздо более важным. Сочинения Фридриха Листа и Адольфа Вагнера ясно показывают те факторы, которые способствовали триумфу расовых идей. Эти люди пытались противодействовать социалистическим теориям классовой борьбы, отвергая либеральную политическую мысль и устанавливая государственную капиталистическую схему, которая сможет «инкорпорировать» рабочий класс и наполнить весь народ духом расового превосходства. Цель заключалась в том, чтобы организовать общество для империалистических авантюр. Адольф Вагнер признавал, что прусские попытки уничтожить политическое и промышленное рабочее движение были недостаточны и обречены на неудачу. Он также считал, что западное понятие *нации* было опасно для Германии, поскольку оно подразумевало наделение рабочего класса равными правами и, как следствие, вручение ему судьбы нации и государства.

Фридрих Лист, первый ярко выраженный национал-социалист — он был не только предшественником, но и полноправным национал-социалистом — настаивал на создании системы государственного капитализма. Его «Национальная система политической экономии»²⁵ содержала в себе набросок этой системы, а его «Меморандум о значении и условиях союза между Великобританией и Германией» был ее дальнейшей разработкой.²⁶ Последняя работа ясно показывает причины, лежавшие в основе принятия расовых теорий и государственного капитализма.

«Правящая часть народов этой планеты какое-то время отделяла себя по происхождению... О германской, романской, славянской расе говорят в политическом аспекте. Только одному различию суждено оказать огромное влияние на практическую политику будущего. Во главе трех рас стоят Англия, Франция и Россия... Едва ли есть сомнение, что германская раса в силу своей природы и характера была избрана Провидением для решения великой задачи — управлять миром, нести цивилизацию в дикие варварские страны, заселять все необитаемое, так как ни одна из других рас

²⁵ Перевод S. S. Lloyd. New York, 1909.

²⁶ Über den Wert und die Bedingungen einer Allianz zwischen Grossbritannien und Deutschland (1846) // Friedrich List. Schriften. Reden, Briefe. Vol. III. Berlin, 1931. P. 267–298.

не имеет способности эмигрировать *массой* и создавать более совершенные общности на чужих землях... и оставаться свободной от влияний варварских и полуварварских аборигенов».

Англия, населенная германской расой и оснащенная могущественным флотом и обширной империей, обладает миссией преобразования мира. Но сделать это она может только с помощью Германии. Союз с Германией останется единственным истинным средством, благодаря которому Англия сможет сделать Азию и Африку пригодными для служения ее будущему величию, союз с Германией не в ее сегодняшнем виде, а с Германией, какой она должна быть, при помощи Англии.²⁷ Англия обязана признать, заявляет Лист, что Германия не сможет стать сильной на основе свободной торговли. Свободная торговля — это доктрина, удобная только для нации, которая уже является могущественной. Германия раздроблена и слаба, и только защищающие тарифы могут обеспечить ее политическое единство и экономическую силу. Германия должна стать настолько сильной, чтобы она была способна удерживать конкурентов Англии, Францию и Россию в безвыходном положении. Помимо этого, как в достаточной мере продемонстрировало прошлое, промышленный рост Германии выгоден Англии, потому что Англия снабжает германский рынок.

Лист был первым, кто изложил ту теорию, которую Гитлер раскрыл в полной мере в «*Mein Kampf*» и которую национал-социалистическая внешняя политика пыталась реализовать в годы, предшествующие русско-германскому пакту о ненападении 1939 г.: передел планеты между Германией и Англией на основе германской расовой доктрины превосходства.

Сходные мотивы появляются в сочинениях и политической деятельности Адольфа Вагнера, лидера академических социалистов.²⁸ Основная проблема, которую он сам ставит, в следующем: как может Германия стать могущественной? Это не может быть сделано, считает он, если будет принята британская система экономики, то есть свободная торговля и свободная конкуренция. Не сможет Германия стать великой, если примет и марксистский социализм, который представляет собой материалистическую док-

²⁷ Ibid. P. 283.

²⁸ Читатель найдет прекрасный анализ теорий Вагнера и его влияния в кн.: Evelyn A. Clark. Adolf Wagner: from National Economist to National Socialist // Political Science Quarterly. 1940. Vol. LV. P. 398–411.

трину, подстрекающую к классовой войне и отрицающую право на собственность.²⁹ Вагнер стремится тем не менее признать, что в марксистской критике либерализма имеется зерно истины. Решение находится в строительстве германской экономики по чертежам, предложенным Листом.³⁰ Экономика должна быть подчинена общности, а все эгоистические интересы должны быть подчинены государству. Общность, которая таким образом обретает превосходство, является расовой общностью, представляемой по образцу, обрисованному в общих чертах Гердером и Шлегелем.³¹ Германская культура, созданная германской расой, превосходит все остальные. Вагнер выдвигал свою агрессивную доктрину расового империализма ради практического использования во франко-прусской войне 1870 г., когда он резко осуждал Францию как когда-то могущественное, но теперь упадочное государство, которое в конечном счете погибнет, потому что галльская раса была биологически ниже германской.³² Германия не сможет завоевать того места, какого она заслуживает, если она будет придерживаться принципов манчестерского либерализма. «Verein für Sozialpolitik» (1872) предоставил Вагнеру мощное средство для отрицания либерализма и социализма и для ознакомления академического мира (а через него и гражданского общества) с идеей государственного социализма. Государственная регламентация, какой он ее видел и в каком виде приветствовал, сможет использовать и увеличить производительную силу промышленности и таким образом ослабить промышленное и политическое могущество пролетариата.

Был только один шаг от этого расового империализма до антисемитизма, который мы обсудим позже.

Огромная популярность расовой доктрины датируется публикацией дилетантской мешанины Хьюстона Стюарта Чемберлена, «Оснований девятнадцатого столетия»,³³ которая была адаптацией сочинения графа Гобино «Очерк о неравенстве человеческих

²⁹ *Adolph Wagner*. Grundlegung der politischen ökonomie. 3rd ed. Vol. 1. Leipzig, 1892. P. 6.

³⁰ Ibid. P. 47.

³¹ *Preussische Jahrbücher*. 1868. Vol. XXI. P. 379–402.

³² *Adolph Wagner*. Elsass-Lothringen und ihre Wiedergewinnung für Deutschland. 2nd ed. Leipzig, 1887. P. 2 f.

³³ Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts / Trans. John Lees. New York, 1912.

рас»,³⁴ опубликованного в 1854 г. Работа Гобино отвергала французские революции 1789 и 1848 гг. и все, за что они выступали. Его доктрине было предназначено сражаться с политическим либерализмом и с рабочим движением, а книга, в которой он объявлял об этом, была посвящена королю Ганновера, незадолго до этого отменившему либеральную конституцию неконституционными средствами. Гобино искал идеологические основания для той государственной формы, которая лишала бы пролетариат политических прав и обеспечивала стабильный фундамент аристократического правления. Доктрина Гобино должна была улучшить французские контрреволюционные теории Бональди и де Местра. Гобино рассматривал аристократию как расовый институт. Он выдвинул иерархию рас, в которой негры представляли низший тип, а белая раса была единственной цивилизованной расой в лице красивой, светловолосой германской расы удерживающей особые позиции лидерства. Опять-таки, именно Англия, а не Германия, воплощала характерные признаки германской расы. Была образована особая ассоциация Гобино, которая очень много сделала, чтобы пропагандировать учение основателя.³⁵ Гобино, однако, не касался оправдания какого-либо вида империализма, французского, германского или английского. Главный его интерес состоял в том, чтобы сохранить или, точнее, восстановить привилегии аристократии, политическая власть которой была разрушена серией революций, а ее роль нельзя уже было оправдывать традицией.

Доктрина Гобино была переработана Хьюстоном Стюартом Чемберленом и его тестем, Рихардом Вагнером; в их руках она стала мощным инструментом расового империализма и антисемитизма. Было бы весьма утомительно повторять аргументы Чемберлена. Если коротко, то он утверждал, что тевтонская раса включает в себя тех, кто на самом деле формирует «судьбы человечества либо в качестве строителей государства, либо в качестве первооткрывателей в области мысли и искусства... Сегодня вся наша цивилизация и культура является делом рук определенной расы людей, тевтонской».³⁶ Чемберлен пошел гораздо дальше Гобино и критиковал его фактически за то, что тот допускал творческую

³⁴ Пеп. A. Collins. New York, 1915.

³⁵ William Langer. The Diplomacy of Imperialism. 1890–1902. 2 vols. New York, 1935. Vol. II. P. 417.

³⁶ Foundations. Vol. I. P. Ixvi-Ixviii.

функцию смешанных рас. Чистые расы, утверждал он, смогут быть выявлены благодаря длительному историческому процессу, который в конечном счете сможет создать расу сверхчеловека.

Рихард Вагнер встретил Гобино в Риме в ноябре 1876 г. и глубоко им заинтересовался,³⁷ сделавшись пылким защитником его теорий. Когда Чемберлен вошел в круг Вагнера, а позже женился на дочери Вагнера, энтузиазм его тестя в отношении Гобино вскоре был передан и Чемберлену. Письма которыми он обменивался со своей тещей, Козимой Вагнер,³⁸ ясно показывают эволюцию расовой доктрины и влияние личности и мышления Гобино на круг Вагнера. Довольно странно, что Чемберлен отвергает идею, что чистая раса выше расы-гибрида (письмо от 15 ноября 1893 г.). Он приписывает Гобино противоположное утверждение и даже заявляет, что «тень учения Гобино витала облаком над дискуссиями (Рихарда Вагнера) в десятом томе (работ Вагнера)».³⁹ Кроме того, переписка делает более ясным, что вся разрабатываемая структура «Оснований девятнадцатого столетия» была явным приукрашиванием антисемитизма Чемберлена, центральным тезисом которого было его утверждение о еврейском заговоре с целью победы над германскими расами.⁴⁰ В письме 11 ноября 1902 г.⁴¹ он настаивает, что «глава об антисемитизме является для меня самой важной». Эта идея еврейского заговора вновь и вновь появляется в дискуссиях круга Вагнера, особенно в собственных утверждениях Рихарда Вагнера. Вагнер придерживался этой идеи с удивительным упорством, несмотря на тот факт, что одним из его наиболее влиятельных сторонников в музыкальном мире был Герман Леви, еврей, дирижер Королевской оперы в Мюнхене, отдавший всю свою энергию операм Вагнера. Вагнер тем не менее всегда подозревал Леви, неизменно воображая еврейский заговор всякий раз, когда в исполнении его работ допускались какие-либо ошибки. Это особенно явно появляется в его переписке с королем Людвигом II.⁴²

³⁷ *Tansill*. Op. cit. P. 464.

³⁸ Cosima Wagner und H. S. Chamberlain im Briefwechsel 1888–1908. Leipzig, 1934.

³⁹ Ibid. P. 36.

⁴⁰ Ibid. P. 604 f.; P. 642 содержит нападки на Моммзена.

⁴¹ Ibid. P. 641.

⁴² König Ludwig II und Richard Wagner im Briefwechsel. 4 vols. Karlsruhe, 1936. Vol. III. P. 236.

3. Антисемитские теории

Расизм затем все более и более становился чистейшим антисемитизмом, и поэтому в той мере, в какой доктрина германского расового превосходства развивалась, вместе с ней развивалось и антисемитское чувство. Здесь опять научное обсуждение истинности национал-социалистических антисемитских высказываний было бы бесполезным, так как антисемитизм имел глубокие корни в истории Германии. Вся история интеллектуальной жизни Германии пронизана преследованием евреев, и антисемитские организации играли ведущую роль даже во время имперского периода.

За исключением Лессинга, Гёте, Шеллинга и Гегеля, почти все великие поэты и мыслители Германии, даже если они и не были откровенными антисемитами, часто бессознательно выражали антисемитские настроения, остро контрастировавшие с той гуманистической философией, которую они защищали.

Мартин Лютер был первым откровенным и страстным антисемитом. Христиане, предупреждал он, не должны вступать в спор с евреями по пунктам веры. Лучше, заявлял он, выгнать евреев из Германии. Его ироничные замечания о том, как они должны быть изгнаны, очень похожи на ремарки «Der Stürmer», антисемитского листка Штрейхера, в котором появляются рекламные объявления, предлагающие евреям билеты в один конец до Палестины. «Страна и улицы, — говорит Лютер, — открыты для них, и поэтому они могут идти в ту страну, которая им нравится. Мы с удовольствием дадим им подарки, чтобы от них избавиться, потому что они — такое же тяжкое бремя, как и чума, мор, иные несчастья нашей страны». Это заявление сопровождается другими, выражающими горькую ненависть и негодование. Когда евреи уйдут, они должны быть лишены всех своих наличных денег и драгоценностей, серебра и золота. В руки молодых, сильных евреев и евреек должны быть вложены цепи, топоры, мотыги, лопаты, прялки и веретена, и они должны зарабатывать на свой хлеб в поте лица своего, как это и возложено на плечи детей Адама. Их синагоги и школы следует сжечь. Их дома должны быть разрушены... а они, подобно цыганам, должны быть лишены устойчивых корней... ввергнуты в нищету и плен, о чем они постоянно и жалуются на нас Богу».⁴³

⁴³ Цитаты взяты из исследовательского проекта «Anti-semitism» of the Institute of Social Research // Studies in Philosophy and Social Science. 1940.

Два специальных трактата, в которых возникают эти вспышки фанатичной ненависти, олицетворяют чувства небольшой части германского среднего класса на протяжении всей современной истории Германии, и именно эти чувства и сформировали основу для антисемитских актов к тому времени, когда национал-социализм сделал их частью официальной политики.

Фихте был общепризнанным антисемитом, и его антисемитские чувства приняли самую острую форму во время того периода, когда он разрабатывал свою близкую к анархизму теорию государства. Важно понять, что эти антисемитские настроения возникают в либеральный период его развития. Связь не была случайной, что мы можем признать, если вспомним, что в период после Французской революции и войны за освобождение именно либеральное движение встало под знамена антисемитизма. Правление Наполеона принесло юридическую эмансипацию евреям в Германии, и борьба против Наполеона стала здесь борьбой против всего, чего достигли его реформы. Под либеральные и патриотические лозунги толпы разрушали еврейские дома и синагоги, а дурное отношение к евреям стало почти повсеместным.

Антисемитизм был политической силой в Германии начиная с войны за освобождение. Период Бисмарка сделал его народным движением. Евреев обвинили в финансовом кризисе, которым завершился экономический подъем после войны 1870 г. В 1872 г. Вильгельм Марр, журналист из Гамбурга, опубликовал памфлет, под названием «Победа иудаизма над Германией»,⁴⁴ который возбуждал антисемитскую ненависть. В тот же самый период агрессивный империализм, оправдываемый расовыми аргументами, соединился с антисемитской волной.

Эти две упомянутые тенденции соединились, когда Адольф Вагнер начал сотрудничать с судебным капелланом Штокером в «Christlich Soziale Arbeiterpartei», основанном в 1878 г.⁴⁵ Эта ор-

⁴⁴ Parkes Cf. J. W. The Jewish Problem in the Modern World (Home University Library). London, 1939. P. 60.

⁴⁵ Clark. Op. cit. P. 398 f. Лучший обзор антисемитских партий — Kurt Wawrzinek. Die Entstehung der deutschen Antisemitenparteien. Berlin, 1927. P. 18–30. Официальная национал-социалистическая биография Штокера была написана Вальтером Франком (Президентом Федерального института истории новой Германии). Hofprediger Adolf Stoecker. 2nd ed. Hamburg, 1935.

ганизация, первоначальной целью которой было стремление заручиться поддержкой рабочих для выполнения империалистической программы, вскоре стала отъявленной антисемитской партией, осуществлявшей широкую пропаганду и завоевавшей представительство в рейхстаге. Целое течение антисемитских сочинителей знаменует этот период; Евгений Дюринг, знаменитый критик либерального капитализма, которого Энгельс атаковал в своем «Анти-Дюринге»; Макс Штирнер, анархист; Герман Альвардт, подстрекавший к погромам и сумевший организовать ритуальный суд по делу об убийстве в Хантене, возле Дюссельдорфа. Позже движение вступило в политический союз с консервативной партией.

Хотя антисемитизм нигде так активно не пропагандировался, как в Германии, он был не в состоянии пустить крепкие корни среди населения; агитация стала настолько фанатичной, что она сама себя завела в тупик. Рабочее движение осталось для нее неуязвимым, и Бебель, довоенный лидер германской социал-демократической партии, встретил одобрение, когда объявил антисемитизм «социализмом для дураков». В 1885 г. консерваторы исключили антисемитизм из своей платформы и разорвали свои связи с антисемитской партией, что стало причиной ее парламентского поражения.

Антисемитизм был также основой политики пангерманского союза, который выдвинул требование великой германской империи, в частности германской гегемонии над Средней Европой.

В антисемитских сочинениях возникают три главные темы. Первая — отождествление капитализма с иудаизмом, особенно в сочинениях Адольфа Вагнера. Это утверждение было предметом научного исследования в знаменитой книге Вернера Зомбарта «Евреи и экономическая жизнь». Второе утверждение заключалось в том, что евреи являются также лидерами марксистского социализма. Обе темы постоянно присутствуют в схеме национал-социалистической пропаганды и до оснований пронизывают автобиографию Гитлера.⁴⁶ Третья и самая сильная тема сочетает две остальные: лидеры мирового еврейства (мудрецы Сиона) организовали мировой еврейский заговор для уничтожения арийцев. В рамках заговора некоторые евреи были избраны, чтобы возглавить мировой капитализм, другие — чтобы руководить деятельностью международных социалистов и большевиков. Дока-

⁴⁶ См. главу XI. С. 419–450.

зательство этого заговора заключалось в позорных «Протоколах сионских мудрецов», история которых слишком хорошо известна, чтобы здесь требовалось ее обсуждение.⁴⁷

4. Очищение крови и антиеврейское законодательство

Национал-социализм — это первое антисемитское движение, которое выступает за полное уничтожение евреев. Но эта цель — только одна сторона обширного плана, определяемого как «очищение германской крови», в котором варварство и немногие прогрессивные признаки сочетаются, формируя отвратительное целое. Профилактические меры предписывались с целью гарантировать размножение нордического типа в достаточном количестве.⁴⁸ Брак разрешался только после полной медицинской и евгенической экспертизы. Члены СС обязаны были иметь специальное разрешение на брак. Еще более важными были меры, направленные на предотвращение размножения физически и биологически неполноценных персон: кастрация закоренелых преступников и стерилизация людей с наследственными пороками. Термин «закоренелый преступник» относился к личностям свыше двадцати одного года, которые дважды были приговорены к тюремным срокам на шесть месяцев за сексуальные преступления, или к личностям, осужденным за убийство или непредумышленное убийство, совершенное с целью возбуждения или удовлетворения полового

⁴⁷ Информацию об использовании национал-социалистами «Протоколов» см.: *Hitler. Mein Kampf*. P. 423 f. «Протоколы» были предметом судебного процесса в Берне, Швейцария, где издатель был обвинен в их публикации. Основанием обвинения был бернский закон 10 сентября 1915 г., делающий распространение «мусора» (*Schund*) наказуемым. Дело было прекращено, потому что «Протоколы» посчитали не подпадающими под положения закона. Процесс тем не менее сохраняет значение, потому что впервые беспристрастное учреждение установило на основе исчерпывающих доказательств, что «Протоколы» образуют смесь отчаянного плагиата, фальсификаций и нелепостей. См. отчет: *Emil Raas и Georges Brunshwig. Vernichtung einer Fälschung. Der Prozess um die erfundenen «Weisen von Zion»*. Zürich, 1938.

⁴⁸ Закон о защите здоровой наследственности народа Германии (*Ehegesundheitsgesetz*). 18 октября 1935 г.

вечения. Учреждением, назначавшим кастрацию, был криминальный суд.

Основной текст евгенического законодательства — это закон о «предотвращении наследственно больного потомства» (14 июля 1933 г.). Он разрешал стерилизацию в случаях: во-первых, наследственного слабоумия; во-вторых, шизофрении; в-третьих, маниакальной депрессии; в-четвертых, наследственной эпилепсии; в-пятых, болезни Хантингтона; в-шестых, наследственной слепоты; в-седьмых, наследственной глухоты; в-восьмых, чрезвычайно физического уродства. Пациент, медицинский служащий или директор учреждения, в котором пациент содержится, могли обратиться в специальный суд по вопросам стерилизации (*Erbgesundheitsgericht*), который состоял из судьи, медицинского служащего и практикующего врача. Апелляция на их решение могла быть подана в апелляционный суд (*Erbgesundheitsobergericht*), который имел сходный состав и чье решение было окончательным.⁴⁹

Суды давали чрезвычайно широкую и грубую интерпретацию закону о стерилизации.⁵⁰ Если мы будем верить утверждениям Вильяма Ширера в его статьях в журнале «Life»,⁵¹ Гиммлер, гла-

⁴⁹ Закон против обыкновенных преступников, 24 ноября 1933 г.; закон о предотвращении ущербной наследственности, 14 июля 1933 г., с поправками 26 июня 1935 г. и 4 февраля 1936 г.

⁵⁰ Я цитирую несколько решений: 1. Сорокалетний крестьянин, работавший всю жизнь, по решению своих родителей был стерилизован как умственно отсталый. «Крестьянин должен уметь читать и правильно считать», 4 апреля 1939 г. (Йена), *Deutsches Recht* (1939). Р. 1400. 2. Приказ о стерилизации был отдан, хотя специалист не смог обнаружить, не находился ли случай эпилепсии под наблюдением лишь временно. 2 марта 1939 г. (Йена), *Deutsches Recht* (1939). Р. 1400. 3. Даже одной только видимости шизофрении достаточно для того, чтобы приказ о стерилизации был отдан. 4 июня 1940 г. (Йена), *Deutsches Recht* (1940). Р. 2031. 4. Сильная и сложная близорукость равна слепоте. 15 июня 1938 г. (Йена), *Juristische Wochenschrift* (1938). Р. 2914. 5. Катаракта, даже если она успешно оперируется, является причиной для стерилизации, поскольку катаракта может вернуться. Это решение удостоено высоких похвал. 8 марта 1938 г. (Берлин), *Juristische Wochenschrift* (1938). Р. 2913.

⁵¹ Теперь и в своей книге «Берлинский дневник» (Berlin Diary. New York, 1941. Р. 569–575). Этот репортаж дополнен статьей Майкла Страйта в «The New Republic» от 5 мая 1941 г., воспроизводящей в фотокопиях нападки Ватикана на убийц из милосердия. Сходные факты сообщаются J. C. Harsch в «Christian Science Monitor» 13 марта 1941 г.

ва германской полиции и лидер СС, дал приказ на истребление около 50 000 умственно неполноценных только во время войны. Поскольку Гиммлер наиболее ярко выраженный и фанатичный расист, и он распоряжается в Германии жизнью и смертью, то сообщение Ширера имеет вероятность *prima facie*.

Демографическая политика национал-социалистов — одна сторона которой обсуждается в разделе, озаглавленном «Великий немецкий рейх», — является, возможно, наиболее отталкивающей. Она настолько лишена христианского милосердия, настолько необъяснима с точки зрения разума, настолько противоположна жалости и состраданию, что предстает как практика законченных язычников. Я сосредоточусь на двух заповедях, провозглашенных национал-социалистическими вождями: германским женщинам, замужем они или нет, приказывается рожать детей; членам СС приказано убивать тех, кто непригоден для жизни. Рожать детей столько, сколько возможно, чтобы земля принадлежала расе господ; убивать нездоровых, чтобы господа не были обременены заботой о слабых.

В этом отношении национал-социализм и большевизм совершенно расходятся. Не преследование политических противников — которое практикуется в обоих странах — но истребление беспомощных индивидов является прерогативой национал-социализма.

Тот же самый дух пронизывает все антиеврейское законодательство, которое мы здесь можем рассмотреть только в самых общих чертах. Процесс урбанизации, затронувший население в целом, принимал особо острые формы среди евреев, особенно во времена гитлеровского режима. Тем не менее задолго до появления Гитлера еврейское население снижалось из-за падения рождаемости, частых смешанных браков и из-за того, что многие уходили из еврейского сообщества.⁵²

Еврейское влияние было бесспорно сильным в свободных профессиях и в крупных городах. Помимо свободных профессий евреи были заняты главным образом в торговле и транспорте, хотя их удельный вес в промышленности был весьма значительным. В сельском хозяйстве они играли очень маленькую роль, если

⁵² Об упадке еврейского населения см.: The American Jewish Year Book. New York, 1940. P. 600. Эта книга содержит лучшую доступную статистику относительно распространения евреев.

вообще играли. Большинство крупных магазинов принадлежало евреям; евреи также доминировали в торговле металлами (на 57.3 % еврейской), хотя влияние свободной торговли металлами быстро падало как следствие монополистических процессов, описанных в первой части. Евреи контролировали 18.7 % всех банков и большую часть швейной промышленности. Экономическое значение банков уменьшалось, поскольку финансовый капитал уступал свое место промышленному капиталу.⁵³

В самой промышленности еврейское влияние не было очень значительным. Можно сказать, что только один из электротехнических концернов был еврейским. Конечно, были евреи среди членов советов директоров и наблюдательных советов в нескольких гигантских промышленных предприятиях. Там, где евреи занимали высокое положение в области управления промышленностью, они действовали, руководствуясь своей эффективностью и своими способностями; иначе они не были бы допущены к промышленному руководству, которое полностью было антисемитским. Пауль Сильверберг, например, был организатором химической промышленности, а Оскар Оливен добился выдающихся успехов в области электрификации. Большинство из так называемых еврейских промышленных лидеров фактически разорвали связь с еврейским сообществом и часто были активными и пылкими католиками или протестантами, а также политическими реакционерами, которые с радостью присоединились бы к национал-социалистической партии, если бы эта партия не была всецело антисемитской.

Антисемитские законы затрагивали положение евреев как граждан. Так называемые Нюрнбергские законы от 15 сентября 1935 г., провозглашенные с целью «сохранить чистоту германской крови», запрещали браки между евреями (включая лиц, имевших одного лишь дедушку или одну лишь бабушку из евреев) и немецкими гражданами Германии «или расы со сходной кровью». Не-арийцам, имевшим одного дедушку или одну бабушку из евреев, разрешалось сочетаться браком друг с другом только с разрешения федерального министра внутренних дел. Браки, заключенные против закона, как и внебрачные сексуальные связи, наказывались тяжелыми принудительными работами... Евреям не разрешалось поднимать официальные флаги или каким-то иным

⁵³ *Alfred Marcus. Die wirtschaftliche Krise der deutschen Juden. Berlin, 1930.*

образом демонстрировать их цвета. Они не могли принять на службу женщину немецкой крови, если ей не исполнилось сорок пять лет.

Эти законы об «очищении крови» — самое позорное в репертуаре национал-социализма. Они не только играли на руку вымогателям и мошенникам, но они разрушили последние признаки правовой защиты, прежде гарантированной уголовным кодексом. Хотя закон явно запрещал только внебрачное сожитие, и хотя статья 3 уголовного кодекса подтверждала принцип территориальности, согласно которому только преступления, совершенные на германской территории, подлежат наказанию в Германии, суды расширили акт далеко за рамки его первоначальной формулировки, и расовое предательство, и расовое осквернение наказывались, даже если они совершались немцами, жившими за пределами Германии.⁵⁴ Новая интерпретация основывалась на статье 2 уголовного кодекса, исправленной актом от 28 июня 1935 г., который предусматривал, что «любой, кто совершит деяние, объявляемое законом наказуемым или заслуживающим штрафа в соответствии с фундаментальными положениями закона и велением народного чувства, будет наказан». Если не существовало уголовного закона, под который подпадало бы деяние, оно должно быть наказано по тому закону, фундаментальное положение которого наиболее близко применимо к деянию. В своей решительной форме эта статья явно была неприменима к обсуждаемому вопросу, и один старый, обладающий высокой репутацией профессор уголовного права сразу же осудил решения, основанные на этой статье.⁵⁵ Он указывал, что решения федерального верховного суда не содержат ничего достоверного, и что статья 2 не позволяет от-

⁵⁴ Расовое предательство вне Германии: Решение Верховного уголовного сената 23 февраля 1938 г., приведенное в: *Zeitschrift der Akademie für Deutsches Recht*. 1938. P. 349. Решение уголовного сената, 9 февраля 1940 г., приведенное в: *Deutsches Recht*. 1940. P. 790. Решение *Landgericht*, Aachen, 23 октября 1939 г., приведенное в: *Deutsche Justiz*. 1939. P. 372. Решение *Landgericht*, Hamburg, 29 апреля 1938 г., приведенное в: *Zeitschrift der Akademie für Deutsches Recht*. 1938. P. 569.

⁵⁵ *Eduard Kohlrausch*. *Rasseverrat in Ausland* // *Zeitschrift der Akademie für Deutsches Recht*. 1938. P. 335 and 569. Противоположный взгляд см.: *Reichsgerichtsrat Dr. Schwarz* (член верховного федерального суда). *Das Verbrechen der Rassenschande* // *Zeitschrift der Akademie für Deutsches Recht*. 1937. P. 459.

брасывать территориальные принципы, от которых зависит само устройство уголовного кодекса.

Рост жестокости демонстрируется в решениях, касающихся внебрачных сексуальных связей между евреями и неевреями. Федеральный верховный суд, например, рассматривал не как смягчающее, а какотягчающее обстоятельство тот факт, что старый ариец, живущий с еврейской женщиной, на которой он был готов жениться, продолжал отношения после вынесения акта об «очищении крови». Такое поведение суд объявлял формой «особо упорного сопротивления национал-социалистическому закону».⁵⁶ Такая же строгость применялась и в случаях, когда неженатая пара имела ребенка, которого она полностью обеспечивала.⁵⁷

Полный отказ судов от законности еще более ясно обнаруживается в их интерпретации термина «непозволительное сожительство». Большое число деяний, которые никоим образом не образуют сексуального сожительства, были объявлены наказуемыми,⁵⁸ и даже просьба о сожительстве рассматривалась и наказывалась как «попытка расового осквернения».⁵⁹ Остается загадкой, как такие решения могли согласовываться с целью закона, который, в соответствии с определением федерального верховного суда, «должен защищать кровь как живой организм, циркулирующий в народе Германии».⁶⁰ Решения с равной жестокостью применялись и к расовому осквернению (совершенному евреями и не-арийцами) и к расовому предательству (совершенному германцами).

Систематические усилия предпринимались для создания легальных гетто, и соответствующие распоряжения и судебные решения сокращали политические права евреев и не-арийцев. Указ от 17 августа 1938 г. и распоряжение федерального министра от 23 августа 1938 г. касались еврейских имен. Каждый еврей, если у него не было имени, внесенного в список как разрешенное, был вынужден добавлять «Израель» или «Сара». Евреи, родившиеся после принятия закона, должны были получать только такие

⁵⁶ Решение 28 марта 1938 г., опубликованное в: *Juristische Wochenschrift*. 1938. P. 1239. Решение 21 марта 1938 г. *Ibid*. P. 1240.

⁵⁷ Решение 19 сентября 1938 г. *Ibid*. P. 295а; Решение Главного уголовного сената 9 декабря 1936 г., о котором было сообщено в: *Juristische Wochenschrift*. 1937. P. 160.

⁵⁸ Решение 28 ноября 1938 г., о котором сообщено там же. 1938. P. 228.

⁵⁹ Решение 5 января 1939 г., сообщено там же. 1939. P. 340.

⁶⁰ Решение 14 октября 1938 г. Там же. P. 34.

имена, какие были предусмотрены министерским постановлением. Такие имена, как Давид, Авраам, Яков, Даниэль, Габриэль, Юдифь, Ева и Руфь, имевшие историческое или религиозное значение, не попали в список и поэтому были для евреев запрещены; разрешенные имена произносились на идише таким образом, чтобы в глазах немцев они звучали как иностранные и смешные. Неумышленное или небрежное нарушение постановления наказывалось штрафом или заключением на один месяц. Указ от 5 октября 1938 г. предусматривал особые еврейские печати на паспорта, выдаваемые евреям. Более раннее постановление (23 июля 1938 г.) заставляло евреев использовать особые удостоверения личности, которые они должны были носить с собой все время и которые они должны были прилагать к своим обращениям в государственное или партийное учреждение.

Изгнание евреев из германского государства началось с акта о национальности от 15 сентября 1935 г., вводившего различие между «государственными подданными» (*Staatsangehörige*) и гражданами (*Reichsbürger*). Государственными подданными были те, кто принадлежал к объединению, находящемуся под защитой германского рейха; гражданами были те из «немцев или рас со сходной кровью, кто своим поведением демонстрировал, что он желает и способен искренне служить немецкому народу и рейху». Гражданство следовало приобретать посредством хартии гражданина, и только граждане обладали политическими правами. Постановление от 14 ноября 1935 г. сделало без хартии каждого представителя немецкой национальности или расы со сходной кровью гражданином, если он обладал правом голосовать или ему было предоставлено гражданство федеральным министром внутренних дел. Тот же акт о гражданстве исключал всех оставшихся евреев, находившихся на государственной службе.

Этот шаг был последним в ряду законодательных мер, нацеленных на изгнание не-арийцев из государственной службы, свободных профессий и всех областей культуры. Введением был акт, провозглашенный 7 апреля 1933 г., с целью «восстановления государственной службы», в соответствии с которым только те евреи, которые были ветеранами войны, чьи родители или сыновья были убиты во время Первой мировой войны, или кто уже служил в августе 1914 г., могли оставаться на своих постах. К концу 1938 г. тем не менее евреи были полностью устранены из государственной службы и свободных профессий, и разрушение экономического

положения евреев было готово начаться в полную силу. Поводом для этого следующего шага было убийство фон Рата, канцлера и германского посла в Париже. Атака на экономическое положение евреев в значительной степени совпала с чисткой «неэффективного» персонала из мелкого бизнеса и розничной торговли, то есть с отказом национал-социализма от своего обещания защищать прежний средний класс. Совершенно ясно, что убийство фон Рата было только предлогом, и что экономическое преследование евреев было простой диверсией, скрывающей нападение на средний класс в целом.

5. Арийство и еврейская собственность

Отстранение евреев от экономической жизни проводилось в трех формах: согласно договору, незаконно и по закону. «Законное» отстранение приняло форму принудительных продаж, особенно небольших еврейских фирм, удовлетворяя таким образом аппетиты национал-социалистических чиновников и мелких арийских конкурентов. Один из используемых методов заключался в передаче еврейской доли в бизнесе арийскому партнеру — национал-социалистический окружной вождь часто оказывал давление на арийского партнера, чтобы избавиться от его еврейского компаньона.⁶¹ Евреям все в большей мере отказывали в защите трудового законодательства.⁶² Практики, имевшие лишь небольшое экономическое значение, заслуживают внимание только при изучении методов национал-социалистического преследования и их так называемой «чистоты в бизнесе». 8 мая 1935 г. «Frankfurter Zeitung» была вынуждена допустить, что далеко не полезное для среднего класса Германии отчуждение собственности в пользу арийцев служило интересам гигантских предприятий, которые использовали возможность «округлить и расширить» свои вклады, выкупая доли еврейских собственников. Маленькие концерны не имели ни капитала, ни оборудования, требующегося, чтобы вступить во владение еврейскими концернами. Таким образом, от-

⁶¹ Верховный федеральный суд в: Juristische Wochenschrift. 1938. P. 1826; см. также: *Fraenkel*. Op. cit. P. 92.

⁶² Верховный федеральный суд. Там же. 1937. P. 2310; *Fraenkel*. Op. cit. P. 92.

чуждение еврейской собственности в пользу арийцев становилось сильным стимулом для концентрации капитала и образования монополий, направления развития, которое мы обсудим ниже.

Монополистический рост посредством отчуждения еврейской собственности в пользу арийцев был особенно заметен в банковской области. Между 1932 и 1939 гг. число частных банков сократилось с 1350 до 520.⁶³ Отчуждение еврейской собственности в пользу арийцев не только помогало интересам могущественных банковских учреждений; оно также становилось для промышленности средством приобретать свои собственные банки и расширять свою деятельность в банковской области.⁶⁴ Например, влиятельная банковская фирма С. Хиршланда из Эссена, игравшая весьма значительную роль в промышленном развитии Рурского бассейна и оказавшая финансовую поддержку и помощь Тиссену, была отчуждена в пользу арийцев группой, контролируемой Тиссенем и Фликом. (Тот же самый процесс, вероятно, способствовал и падению Тиссена, так как он сделал его наиболее влиятельного соперника совладельцем в банке, первоначально служившем интересам Тиссена).

Нам не хватило бы места рассказать всю историю отчуждения еврейского бизнеса в пользу арийцев. Везде, где влиятельные еврейские фирмы нельзя было поглотить в конкуренции с арийскими предприятиями, они были переданы во владение банкам, как это произошло с магазином Шокена, семейным предприятием, которое стало затем акционерным обществом во владении банков; или с магазинами по продаже машин и с заводом по производству фургонов Оренштейна и Коппеля. Отчуждение еврейской собственности в пользу арийцев усиливало «хищный» капитал за счет производительного капитала. Оно также вредило розничной торговле в целом. Например, многие еврейские заводы, в том числе и три крупнейшие обувные фабрики, каждая из которых имела свои собственные торговые точки, были объединены, и контроль монополистов над розничной торговлей и над всей областью в целом был таким образом усилен. Огромный рост власти и прибыли, которую отчуждение еврейской собственности в пользу арийцев несло банкам и крупному бизнесу, еще более увеличился, когда

⁶³ *Günter Keiser. Der jüngste Konzentrationsprozess // Die Wirtschaftskurve. 1939 (18). P. 148.*

⁶⁴ *Der Deutsche Volkwirt. 1938 (XII), N 41.*

были приобретены Австрия, Судетская область, протектораты и Франция.

Материал из Германии, на котором содержание этой книги основано, не предоставляет документальных доказательств незаконных конфискаций, хотя свидетельства беженцев дают достаточно доказательств, что такого рода практика была широко распространена. Мы тем не менее много обнаруживаем в документах, имеющих отношение к законным конфискациям. В Германии было определенное число профессий, занятие которыми требовало лицензии. Многие юристы и административные суды утверждали, что еврей *per se* не был ненадежен и что по этой причине административное учреждение не могло отказать в лицензии еврею исключительно из-за его расы.⁶⁵ Следовательно, фабричный кодекс, в котором появилось большинство предписаний по этому вопросу, был исправлен законом от 6 июля 1938 г. таким образом, чтобы сделать еврея не имеющим права на лицензию во многих профессиях (охранника, агента, ведущего расследование и добывающего информацию, агента по недвижимости, администратора по недвижимости, агента по ссудам, брачного агента, проводника и т. д.). Из этого закона юристы Германии делали вывод, что принцип свободы выбора профессии больше неприменим к евреям.

Законодательные и административные акты пытаются везде сделать укрывательство еврейского бизнеса невозможным. Любой торговец может требовать судебного запрета любой еврейской фирмы, которая даже создает впечатление, что она является арийской,⁶⁶ и каждый ариец имеет право предупредить покупателя против покупки у еврейского конкурента, если такое предупреждение соответствует интересам общественности.⁶⁷ Медленно и неохотно суды предоставили арийцам право отказываться от долгосрочных контрактов с евреями.⁶⁸

⁶⁵ Например, Баварский административный трибунал, как обнаружилось в статье, написанной: *Otto Rilk. Judentum und Wirtschaft in der neuen deutschen Rechtsprechung // Juristische Wochenschrift. 1938. P. 2533.*

⁶⁶ Верховный федеральный суд в: *Juristische Wochenschrift. 1936. P. 333.*

⁶⁷ Верховный федеральный суд в: *Deutsches Recht. 1939. P. 437.*

⁶⁸ Верховный федеральный суд в: *Juristische Wochenschrift. 1937. P. 2310, 2707.*

Полное законодательное исключение евреев из экономической жизни было начато указом от 26 апреля 1938 г., который заставлял евреев «регистрировать и оценивать всю их отечественную и иностранную собственность» и (согласно распоряжению того же самого дня) запрещал им приобретать или брать в аренду любое промышленное, аграрное или лесное предприятие; в то же самое время евреям запрещалось открывать любой новый бизнес без разрешения. Тот факт, что инвентаризация еврейской собственности проводилась уже в апреле 1938 г., делает маловероятным то, что ноябрьские законы о конфискации были простой карательной мерой против убийства фон Рата или ответом на «спонтанный гнев разъяренного населения». Это была скорее часть долго вынашиваемого плана. Недовольство мелких предпринимателей по поводу их устранения из бизнеса следует отклонить.

Указ от 12 ноября 1938 г., изданный неделю спустя после смерти фон Рата, запрещал евреям вести розничную торговлю, заниматься ремеслом, заказывать товары по почте или продавать свои товары на рынках и ярмарках. Он отстранял евреев от управления заводами (1 января 1939 г.) и уполномочивал работодателей увольнять наиболее важных еврейских служащих; он также уполномочивал кооперативы исключать всех своих еврейских членов. Распоряжение от 23 ноября многое сделало для того, чтобы гарантировать, что обязательная ликвидация еврейского бизнеса не принесет пользу еврейским собственникам. Товары не могли быть проданы покупателям, но должны были быть переданы какой-либо торговой или промышленной группе для сохранения. Такие товары должны были оцениваться официально назначенными лицами, а лица, занимавшиеся ликвидацией бизнеса, также часто назначались.

Это распоряжение, наносившее удар только по розничной торговле и ремеслам, было дополнено другим, датированным 3 декабря 1938 г., которое касалось любого еврейского промышленного и торгового предприятия, которое могло стать предметом обязательной ликвидации или продажи. В такие предприятия назначались опекуны, а собственник утрачивал полномочия распоряжаться своим предприятием или какой-либо его частью. Указ также разрешал правительству приказывать любому еврею продать свои сельскохозяйственные или лесные владения и недвижимость в указанный период. Он запрещал евреям приобретать такие владения, покупать их прямо или на аукционе. Евреи не могли распо-

ряжаться своими владениями без специального разрешения; они не могли их закладывать. Последнее предписание столь широко толковалось, что в конечном счете евреи вообще не имели каких-либо гарантий на свои участки. Например, еврейский бенефициарий не мог гарантировать собственности своего участка, заложив его в ипотеке.⁶⁹

Евреям далее было отказано в защите их прибыли посредством указа, регулирующего надежность прежних ипотек (22 декабря 1938 г.), хотя формулировка указа не содержала в себе какой-либо дискриминации.⁷⁰ Опекуны, назначенные для ликвидации или продажи еврейского бизнеса, полностью замещали владельца, так что ему не разрешалось даже удалить свою фирму из коммерческого реестра. (Название фирмы часто обладало широкой репутацией и поэтому представляло собой значительный ресурс).⁷¹ Тот же указ заставлял евреев размещать все ценные бумаги и обязательства в особых банках. От них нельзя было избавиться без специального разрешения федерального министра экономики. Золото, платина, серебряные украшения и подобное имущество должно было быть передано специальным закупочным учреждениям, установленным рейхом (распоряжение от 21 февраля 1939 г.). Принципы оценки устанавливались правительством.

Убийство фон Рата стало поводом для специального обложения в 1 000 000 000 марок, которые должны были быть выплачены всеми евреями Германии, чья собственность превышала 5000 марок. Налог был поднят до 20 % всей собственности, принадлежащей таким евреям, и подлежал оплате в четырех равных взносах до 15 августа 1939 г. (указ от 12 ноября 1938 г. и распоряжение от 21 ноября 1938 г.). В качестве дальнейшей репрессалии особый указ (12 ноября 1938 г.) заставлял евреев оплатить затраты за все убытки еврейских фирм и зданий, понесенные в результате беспорядков 8, 9 и 10 ноября 1938 г., организованных национал-социалистической партией. Налог и остальные законы

⁶⁹ Хороший обзор материала, касающегося такой интерпретации можно найти в статье: *Kammergerichtsrat Dr. Höver* (член верховного суда Пруссии). *Entjudungsfragen // Deutsches Recht*. 1941. P. 12. Что касается решений, то см. те решения Верховного суда Пруссии, о которых сообщает: *Deutsches Recht*. 1940. P. 820, 459, and 42.

⁷⁰ Верховный суд Пруссии в: *Deutsches Recht*. 1939. P. 2110.

⁷¹ *Höver*. Op. cit. P. 13.

были, конечно же, связаны друг с другом. Ликвидация еврейского бизнеса, недвижимости, ценных бумаг и обязательств была ускорена необходимостью выплатить налог; стоимость еврейских владений обесценивалась, и многие владения были уничтожены.

Даже антиеврейское экономическое законодательство не может быть здесь рассмотрено в деталях. Льготы налогообложения, которыми пользовались благотворительные организации, не распространялись на евреев, а законы, направленные на облегчение налогового бремени, были к ним неприменимы. Освобождения от налогов, допускавшиеся для людей с детьми, были приостановлены, если дети были евреями (гражданское налоговое право от 31 октября 1938 г.). Еврейские арендаторы не пользовались никакой защитой от уведомления владельца (30 апреля 1939 г.). Таким образом, сегрегация, политическое порабощение, экономическое подавление и культурное гетто шли рука об руку.

6. Философия антисемитизма

Такое порабощение не было достигнуто в один прием. Есть множество причин так называемой мягкости, демонстрируемой до 1938 г. относительно экономического положения евреев. Иностранное давление было, несомненно, очень важным фактором. Речь, которую федеральный министр внутренних дел д-р Фрик⁷² произнес перед дипломатическим корпусом и иностранной прессой 15 февраля 1934 г., оправдывая антиеврейское законодательство, ясно показывает, насколько сильно Германия заботилась об общественном мнении. Настойчивое подчеркивание законности вместо прямой конфискации также объясняется чисто экономическими причинами. Поспешная ликвидация еврейских владений разрушила бы экономическую жизнь Германии.

Политические и психологические факторы в антиеврейском экономическом законодательстве играли, кажется, решающую роль. Экономическое законодательство против евреев было одним из наиболее важных методов распределения прибыли; оно выполняло ту же самую функцию в качестве конфискации церковной собственности при Генрихе VIII и во время французской

⁷² Die Rassengesetzgebung des Dritten Reiches. Munich, 1954.

революции. Оно перераспределяло собственность среди тех страт населения, чья поддержка была жизненно необходима режиму: среди могущественных финансовых и промышленных капиталистов.

Конфискация еврейской собственности является также методом удовлетворения антикапиталистических чаяний немецкого народа. Поскольку собственность вообще оставалась нетронутой национал-социализмом, для режима было очень важно показать, что он имеет власть ее отбирать. В глазах антикапиталистических масс конфискация у одной части людей может создать видимость, что однажды режим сумеет обратиться к прямой и полной национализации — ожидания, разделяемые многими иностранными наблюдателями, склонными отличать национал-социалистический режим как антикапиталистический.

Вместо уничтожения еврейской экономической жизни одним ударом национал-социалистическая администрация действовала постепенно. Причины этого были политическими. Администрация сохраняла определенное число антиеврейских мероприятий про запас и проводила их одно за другим всякий раз, когда было необходимо стимулировать массы или отвлечь их внимание от иной социал-экономической и международной политики. Спонтанный народный антисемитизм все еще слаб в Германии. Это утверждение не может быть доказано непосредственно, но важно, что, несмотря на постоянную пропаганду, которой немецкий народ подвергался многие годы, нет ни одного свидетельства спонтанных антиеврейских нападок, совершенных лицами, не принадлежавшими к нацистской партии. Личное убеждение автора, возможно парадоксальное, заключается в том, что немецкий народ меньше всех остальных является антисемитом.

Чтобы понять корни антисемитского терроризма, требуется различие между различными типами антисемитизма и краткое обсуждение преобладающих антисемитских теорий.

Антисемитизм может быть тоталитарным и анти тоталитарным. Тоталитарный антисемитизм давно перестал быть человеческим существом. Он стал воплощением зла в Германии, даже во всем мире. Иными словами тоталитарный антисемитизм — это магия, и поэтому он не обсуждается.

Нетоталитарный антисемитизм сохраняет остатки рациональности и может поэтому быть объектом анализа. Он существует

в четырех формах: религиозной, экономической, политической и социальной.

Религиозный антисемитизм черпает свою силу в выдвигаемом против евреев обвинении, что они ответственны за распятие Христа. Такое чувство, все еще сильное в некоторых католических странах (например, католической Канаде и Южной Америке) имеет очень незначительное влияние в Германии. Его можно обнаружить у обедневших католических масс, особенно в Верхней Силезии, но даже здесь религиозный антисемитизм смешивается с польским национализмом. В значительной степени оно выражало оппозицию против германизации провинции во время имперского периода, против процесса, в котором немецкие евреи играли важную, возможно, даже самую важную роль. Польский национализм был направлен против прусской бюрократии, представлявшей собой политическую силу, и против немецких евреев, представлявших культурную германизацию. И поскольку польский национализм был широко поддержан низшими слоями католического духовенства, смешение религиозного антисемитизма и польского национализма было неизбежным. Католическая церковь в целом не является антисемитской. Наоборот, она признает, что антисемитизм несовместим с духовным семитским истоком христианства.⁷³ Антисемитизм внутри церкви — это в гораздо большей степени вопрос политической выгоды, чем основополагающий элемент веры или политики.

Антисемитизм в его других формах ограничивался новым и старым средним классом: представителями свободных профессий, университетскими преподавателями, фермерами, рабочей аристократией, ремесленниками, владельцами магазинов и государственными служащими. Их антисемитизм, разумеется, имел экономическую основу; он был рожден духом конкуренции, и в то же время являлся антикапиталистическим. Тот факт, что конкурентоспособность еврейских юристов, врачей, банкиров, торговцев, университетских преподавателей и государственных служащих вызывала антисемитизм, требует объяснения. Евреи, занимавшие прежде всего посреднические позиции, были, если можно так выразиться, конкретным проявлением капитализма для старого и нового среднего класса. Мелкий фермер шел к еврейскому банкиру,

⁷³ Термин Жака Маритена. *Jacques Maritain. Anti-Semitism. London, 1939. P. 27.*

к еврейскому торговцу зерном или скотом, или к еврейскому ипотечному агенту. Торговец, возмущавшийся существованием еврейских магазинов, тем не менее должен был покупать у еврейского оптовика и получать ссуды в еврейском ломбарде или у еврейского банкира. Его кредиторами были евреи. Средний немец не видел и не мог видеть, что еврейские посредники были фактически просто посредниками — представителями безличной и анонимной силы, управлявшей их экономической деятельностью. Признание, что посредники действуют от имени нееврейского финансового и промышленного капитализма, могло бы привести фермеров, торговцев и ремесленников в социалистический лагерь — шаг, который они не могли сделать, не оставив своих традиций. Более того, социалистическая программа пренебрегала интересами этих групп. Антисемитская рабочая аристократия, использовавшаяся еврейскими розничными или оптовыми торговцами, еврейскими банкирами или владельцами магазинов, могла бы объединить свои силы с работниками физического труда ради того, чтобы критиковать, улучшать капитализм, или ради его свержения. Но она отказывалась становиться пролетариатом. Она отвергала требование лидерства промышленного пролетариата и пыталась разработать свое собственное *Standesbewusstsein*, осознание своих запросов. Промышленное и трудовое законодательство поддерживали ее в этом стремлении. Ее антикапиталистические чаяния были поэтому сконцентрированы на ненависти к еврейскому эксплуататору независимо от того, насколько хорошими могли быть условия ее эксплуатации.

Для этих групп антисемитизм образовал «выход для возмущения, вызванного ущемленным чувством собственного достоинства»,⁷⁴ а также сделал возможным политическое сотрудничество старого и нового среднего класса с аристократией землевладельцев. Вдобавок антисемитская ненависть выражала тревогу тех групп, чьим традиционным образцам поведения угрожал интеллектуальный авангард, в значительной степени состоявший из евреев. Современный театр, атональная музыка, экспрессионизм в живописи и литературе, функциональная архитектура, — все это,

⁷⁴ *Harold D. Lasswell. The Psychology of Hitlerism // The Political Quarterly. 1933 (IV). P. 373–384.* На стр. 374 прекрасный анализ антисемитизма, хотя я и не могу принять теорию автора, что Гитлер играет материнскую роль для определенных классов германского общества (p. 379).

казалось, представляет собой угрозу консерваторам, общекультурное мировоззрение которых было в основном деревенским и которым поэтому приходилось отождествлять город и его культуру, его экономику и его политику с евреями.

Антисемитизм был также средством переноса вины за последнюю войну на «чужеродных врагов, и поэтому самообвинение больше не было необходимым».⁷⁵ Евреи были виновны, а священное эго Германии избавлено от раскаяния.

Антисемитизм в Германии тем не менее представляет собой нечто большее, чем простой механизм, используемый, когда это необходимо, и отбрасываемый, когда он выполнил свои цели. Мы не должны забывать, что национал-социализм переписал историю Германии и даже мировую историю в терминах борьбы разоблачения и уничтожения еврейского влияния. Федеральный институт истории Новой Германии требовал переписать историю во всех ее аспектах. Вильгельм Грау⁷⁶ выдвинул соответствующую программу и уже начал применять новые постулаты в своем исследовании Вильгельма фон Гумбольдта,⁷⁷ основателя берлинского университета, который для Грау являлся одним из главных защитников евреев. Вальтер Франк, президент этого института, интересуется почти исключительно одним лишь еврейским вопросом. Он автор главной биографии Адольфа Штокера. Он разоблачил еврейский характер Третьей французской республики.⁷⁸ Его последняя книга⁷⁹ касается исключительно еврейских фигур Веймарской республики, таких как Вальтер Ратенау и Максимилиан Гарден (Гарден был еврейским журналистом и защитником имперской экспансионистской политики, что, как можно с готовностью допустить, нисколько не украшало его профессию).

Организация национал-социалистических юристов уже опубликовала девять памфлетов, касающихся влияния евреев на правовую теорию и правовую практику и делающих их ответствен-

⁷⁵ *Lasswell*. Op. cit. P. 380.

⁷⁶ *Wilhelm Grau*. Die Judenfrage als Aufgabe der neuen Geschichtsforschung. Hamburg, 1935.

⁷⁷ *Grau W.* Wilhelm von Humboldt und das Problem der Juden. Hamburg, 1935.

⁷⁸ *Walter Frank*. Nationalismus und Demokratie im Frankreich der Dritten Republik. Hamburg, 1933.

⁷⁹ *Frank W.* Höre Israel! Harden, Rathenau und die moderne Judenfrage. Hamburg, 1939.

ными за рационализм в правовой теории.⁸⁰ Имеется огромное число статей, показывающих извращение германских институтов еврейским влиянием, и едва ли есть книга, памфлет или идеологическое заявление, где бы не подвергался нападкам еврейский заговор, еврейская безнравственность, еврейский разлагающий дух, еврейский капитализм, еврейский рационализм, еврейский пацифизм и еврейский милитаризм. Нет такого порока, который не приписывался бы евреям. Вряд ли удивительно, что национал-социализм вынужден это делать. Но почти полное нравственное разложение немецкой интеллигенции, особенно в академическом мире, — это удручающий факт.

Насколько серьезно национал-социализм занимается «научным исследованием» еврейской проблемы, показывает открытие во Франкфурте 26 марта 1941 г. («Frankfurter Zeitung», 27 марта 1941 г.) Института еврейских исследований, первого внешнего партийного учреждения (*Hohe Schule der Partei*), с гостями из Словакии, Венгрии, Румынии (Гуза), Италии, Болгарии, Норвегии (Квислинг) и Голландии (Мюссерт), а также с партийными, армейскими и гражданскими чиновниками, посетившими церемонию. Альфред Розенберг опять остановился на своей любимой теме «Наука и партия». Партийный университет мог бы создать новое пространство для науки — особенно для естественных наук — но должен сконцентрироваться на биологических законах ... народов и рас и раскрыть ядовитое влияние евреев. Новый директор, Вильгельм Грау, объяснил задачу нового института в тех самых терминах, что и прежде — фигура еврея таким образом становится доминирующей фигурой в Германии, нет, даже в европейской истории. Институт располагает лучшими европейскими еврейскими библиотеками, которые конфисковал завоеватель: библиотекой Ротшильда во Франкфурте-на-Майне, библиотекой варшавского теологического семинария Тломацкой синагоги, библиотекой научного института Идиша, и библиотекой Вселенского израильского союза (Париж). Публикации и речи прояснили, что институт рассматривает антисемитизм как фундаментальную идеологию германского империализма. Согласно одному эксперту, д-ру Гроссу, термин антисемитизм не должен применяться, поскольку евреи — не семиты, но смешанная раса, и они не могут селиться ни в Европе, ни в арабских странах за пределами Европы

⁸⁰ Das Judentum in der Rechtswissenschaft (9 pamphlets). Berlin, n. d.

(«Frankfurter Zeitung», 28 марта 1941 г.). Раболепие этой «научной организации» перед германским империализмом очевидно. Германский расизм никогда не уделял серьезного внимания находкам своих собственных антропологов. Если будет необходимо завоевать Ближний Восток, евреи не будут семитами, и имя семитов снова будет сохранено для дружественной нации арабов.

Три фактора, кажется, играют основополагающую роль в этом всеобъемлющем антисемитизме.⁸¹

Во-первых, расизм и антисемитизм заменяют собой классовую борьбу. Официально установленное «сообщество народов», заменяющее собой классовую борьбу, нуждается в объединяющем элементе. Карл Шмитт утверждал, что политика — это борьба против врага, который должен быть уничтожен. Теория истинна, если общество агрессивно. Новый враг — это еврей. Сваливая всю ненависть, все возмущение, все унижение на одного врага, который может быть легко уничтожен и который не может сопротивляться, арийское общество может быть объединено в единое целое. Внутреннее политическое значение антисемитизма будет поэтому заключаться в том, чтобы никогда не допустить полного уничтожения евреев. Враг не может и не должен исчезнуть; он обязан всегда пребывать, подобно козлу отпущения, в готовности быть принесенным в жертву за все зло, возникающее в социально-политической системе.

Во-вторых, антисемитизм предоставляет оправдание для восточной экспансии. Обе автобиографии Гитлера⁸² и программа партии требуют освобождения всех расовых братьев от иностранного ига (статьи 1 и 2 партийной программы), и это предполагает внешнюю восточную экспансию. Хотя партийная программа требует также и восстановления колониальных владений, сам Гитлер в своей автобиографии защищает внешнюю политику Фридриха Листа, то есть сотрудничество с Англией; консолидацию европейской империи, особенно посредством приобретения восточных территорий; и отклонение колониальной экспансии. Но как раз на востоке и юго-востоке евреи образуют компактные меньшинст-

⁸¹ Итальянский антисемитизм — это простой лозунг, предмет выгоды, хотя первый партийный секретарь, Фарринаци, и Паоло Орано (Gli Ebrei in Italia. 1937) разработали антисемитскую доктрину. См.: *Martin Agronsky. Racism in Italy // Foreign Affairs. 1939 (17). P. 391–401; Israel Cohen. Jews in Italy // The Political Quarterly. 1939 (10). P. 405–418.*

⁸² Op. cit. Chapter XIV.

ва.⁸³ Если бы не расовая теория, объединение этих территорий могло бы означать придание евреям, которые гораздо ближе к немецкой культуре, чем поляки, чехи, словаки, хорваты, румыны и болгары, статуса равного или даже более высокого, чем у нееврейских жителей. Теория германского расового превосходства и еврейской расовой неполноценности допускает полное порабощение восточных евреев и тем самым натравливание одного меньшинства на другое. Она фактически устанавливает иерархию рас, не предоставляя никаких прав евреям, предоставляя незначительные права полякам, немного больше прав украинцам (поскольку они живут в Советской России, и им необходимо льстить) и полные права немцам.

Администрация главного правительства (оккупированной Германией Польши) предусмотрительно разделяет различные меньшинства.⁸⁴ Расовые германцы, то есть те, кто «является германцами по происхождению, языку, своей позиции, образованию и другим обстоятельствам», находятся на вершине, хотя они и не приобретают немецкого гражданства. Они получают удостоверения личности (распоряжение 26 января 1940 г.), описывающее их как германский *Volkszugehörige*. Они работают в администрации и в значительной степени находятся в том же самом положении, что

⁸³ Восточные и юго-восточные евреи под управлением Германии:

Страна	До территориальных изменений	Эмигрировали	Теперь под управлением Германии
Австрия	181 778	117 000	56 000
Чехословакия	356 830	—	—
Богемия-Моравия	117 551	20 000	75 000
Словакия	136 737	—	85 045*
Карпатская Украина	102 542	—	—
Польша	3 325 000	—	2 200 000
Румыния	758 226	—	438 226
Болгария	48 398	—	48 398
	5 027 062	137 000	2 902 669

* Источник: Statistics of Jews, 1940 // The American Jewish Year Book, 5701. New York, 1940. P. 589–632, особенно p. 600.

⁸⁴ См.: Albert Weh (о составе Generalgouvernement). Das Recht des Generalgouvernements // Deutsches Recht. 1940. P. 1393–1403.

и граждане Германии. Их дети могут обучаться только в немецких школах. Только они и граждане Германии могут получать лицензии на охоту. Они пользуются коллективным трудовым договором для немецких рабочих и оплачиваемых служащих и получают социальную страховку, хотя и не имеют на это права. Наконец, они создали сообщество *Volksdeutsche*, организацию, наделенную в соответствии с законом правами юридического лица по распоряжению от 19 апреля 1940 г.

Рядом с этими германцами находятся украинцы, гуралы и белорусы, которые все получают привилегированный режим. Они могут, хотя они еще этого и не делали, создавать свои собственные судебные администрации (распоряжение от 19 февраля 1940 г.). Им позволено даже иметь свои радиостанции.

За ними идут поляки, а вслед за поляками, на самой нижней ступеньке располагаются евреи. Культурное, экономическое, юридическое и политическое гетто постепенно превратилось в физическое гетто, как в Варшаве и Кракове. Антисемитское законодательство Германии широко применяется и в Польше. Согласно распоряжению от 28 ноября 1939 г. каждая еврейская община должна создать еврейский совет, который должен сотрудничать с властями Германии. В то время как у поляков имеется простая обязанность работать, все евреи от четырнадцати до шестидесяти лет привлекаются к принудительному труду, то есть осуждены на труд по приказам высших чинов СС и полицейских чиновников. Они обязаны носить белую повязку на руке со звездой Сиона (распоряжение от 23 ноября 1939 г.). Их собственность (1 апреля 1941 г.) была или будет конфискована.

Наконец, антисемитизм в Германии — это форма отклонения от христианства и всего, что за ним стоит.⁸⁵ Антихристианские тенденции в Германии имеют два корня и два противоположных направления. Одно отрицает христианство потому, что оно является христианским; другое — потому, что оно недостаточно христианское. Движение вольнодумцев отвергало христианство не только как научно несостоятельное, но также и потому, что с их точки зрения церковь предала Нагорную проповедь. Вольнодумцы заменяли его не расовой ненавистью, поклонением вождю или терроризмом ради христианской любви, *Caritas*, и братства людей, но

⁸⁵ Это главный тезис Мориса Сэмюэля. *Maurice Samuel. The Great Hatred*. New York, 1940.

развитием надежной с научной точки зрения, рациональной теорией справедливости и нравственности. Христианский социализм в Германии (протестантский и католический) пытался соединить социализм с христианской нравственностью.

Вторая антихристианская тенденция не отвергает церкви из-за ее предполагаемого предательства христианских принципов, но отвергает сами христианские принципы, потому что они оказываются несовместимыми с теми научными задачами, к которым Германия должна обратиться, и потому что эти принципы уродуют и скрывают человека.

Религиозный антисемитизм тогда является — и в этом я разделяю взгляды Мориса Сэмюэля — ярко выраженным отрицанием христианской нравственности, но он ограничивается семитским происхождением Христа, потому что христианство пустило слишком глубокие корни в немецком народе, и искоренение христианства может быть такой гигантской задачей, которую национал-социализм может выполнить только через длительный процесс образования.

Самым сильным идеологическим антихристианским влиянием в имперской Германии было влияние Ницше. Но Ницше не был антисемитом, и любая попытка заклеить его этим штампом должна завершиться неудачей. Даже национал-социалисты в конечном счете допускали, что его просемитские высказывания слишком многочисленны, чтобы ими можно было пренебречь.⁸⁶ Ницше отвергал антисемитизм как простую форму зависти к духу и к деньгам, а антисемитов как самых последних спекулянтов на идеализме.⁸⁷ Творчество Ницше — это самая сильная атака на философию XIX столетия. Его ненависть концентрировалась на христианстве, либерализме, демократии и социализме, то есть на тех тенденциях, которые, с его точки зрения, положили начало порабощению человека и завершили его. Согласно Ницше только полная переоценка ценностей может исправить ситуацию. Воля к власти — это движущая сила нового строя. Старый строй подразумевал порабощение здоровых жизненных инстинктов че-

⁸⁶ *Heinrich Härtle. Nietzsche und der Nationalsozialismus. Munich, 1937 (official). P. 45–46.*

⁸⁷ Все цитаты основаны на издании: *Oscar Levy. The Complete Works of Friedrich Nietzsche. 18 vols. London, 1903–1913. Genealogy of Morals. 407 d. Aphorism 765.*

ловека, порабощение, начатое иудаизмом и христианством, но гораздо больше Новым Заветом, чем Ветхим Заветом. Религия ввела идею равенства, научила человека «трепетать перед словом „равенство“»;⁸⁸ демократия — это просто секуляризированное христианство, своего рода возвращение к природе.⁸⁹ «Яд учения, равные права для всех, — христианство это продемонстрировало».⁹⁰ «Равенство душ перед Богом, эта фальшь, этот предлог для *gaspines* всех низменно настроенных, это взрывчатое вещество мысли, которое сделалось наконец революцией, современной идей и принципом упадка всего общественного порядка, — таков христианский динамит...»⁹¹ Апостол Павел, Руссо и социализм выражают одно и то же извращение. «Евангелие: весть, что всем низшим и бедным открыт доступ к счастью, — что ничего и делать не надо, кроме как избавиться от учреждений, традиций, опеки высших сословий: в этом смысле приход христианства есть не что иное, как приход типичного социалистического учения».⁹²

Но насколько он отрицает демократию, либерализм, социализм и христианство, настолько он отвергает национализм и империализм. Таким глубоким было убеждение Ницше, что Христос изуродовал здоровые инстинкты человека, что он никогда не прощал его другу Рихарду Вагнеру оперу «Парсифаль», в которой Вагнер вернулся к христианству. Его ненависть к христианству демонстрирует, особенно в его «Заратустре», признаки садизма. Христианство, как отрицание природы, противоестественно и поэтому достойно презрения.

Хотя философия Ницше и идеология национал-социализма содержат очень много общих признаков, между ними непреодолимая пропасть, так как индивидуализм Ницше выходит за пределы любого образца авторитарного строя.

Каков бы ни был окончательный смысл учения Ницше, его восприятие в Германии способствовало росту национал-социализма.⁹³

⁸⁸ The Will to Power. Aphorism 765. Vol. 15. P. 212.

⁸⁹ Ibid. Aphorism 215. Vol. 14. P. 178.

⁹⁰ Twilight of the Idols. Aphorism 43. Vol. 16. P. 186.

⁹¹ Ibid. Aphorism 39. Vol. 16. P. 230.

⁹² The Will to Power. 150–151. Aphorism 209.

⁹³ См.: Crane Brinton. Nietzsche. Cambridge (Mass.), 1941, esp. P. 172–243. К несчастью, Бринтону не угрожает реальное распространение идей Ницше среди различных групп германского народа и преобразование его идей в процессе популяризации. Эту важную задачу все еще предстоит ре-

Оно предоставило национал-социализму духовного отца, обладавшего величием и остроумием, прекрасным безукоризненным стилем, способного ясно сформулировать возмущение и монополистическим капитализмом и поднимающимся пролетариатом. Свободное молодежное движение, так называемая *bündische* молодежь, особенно сильно протестовала против затхлости буржуазной культуры, против самодовольства протестантского духовенства, против традиционных форм национализма, против правления бюрократов и штабных генералов, профсоюзных боссов, промышленных баронов, финансовых посредников — короче, отвергала весь мир буржуазной культуры. Но так же, как и Ницше был неспособен заменить осуждаемый им мир и христианские учения чем-то, кроме рафинированного натурализма, дарвиновского учения о естественном отборе, так и свободное молодежное движение, давшее очень многих национал-социалистических лидеров, не сумело разработать новую философию, за исключением морального и религиозного нигилизма, который, как и любое нигилистическое движение, в конечном счете вел к одобрению любой власти, достаточно сильной, чтобы сокрушить своих оппонентов. Опять-таки именно средний класс был наиболее глубоко затронут антихристианством Ницше. Протест против мира, который не удовлетворял его амбиции, и против системы ценностей, которая накладывала на него нравственные ограничения, выражался в антихристианском и антиеврейском движении.

V. ВЕЛИКИЙ НЕМЕЦКИЙ РЕЙХ (ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И НЕМЕЦКАЯ ДОКТРИНА МОНРО)

Для сторонника расовой теории она оправдывает «освобождение» Германии от иностранного владычества и включение в великую Германию обширных территорий, населенных немцами. Расовое самоопределение привело Данциг, Мемель, Верхнюю Силезию,

шить. Такой Ницше никак не вписывается в авторитарный порядок идей, восхитительно воспроизведенный Альфредом фон Мартином. *Alfred von Martin. Nietzsche und Burckhardt. Munich, 1941, esp. P. 33.*

польский коридор, Судеты и провинцию Позен в рейх. На самых последних стадиях расизм мог даже служить идеологическим оружием против Англии и Соединенных Штатов, так как национал-социалисты объявили, что новая мировая война будет битвой между пролетарской расой и плутократическими демократиями.

Но никакие уловки воображения тем не менее не могут добиться, чтобы расизм или доктрина социального империализма оправдали германский «новый европейский порядок», завоевание бесспорно негерманских отсталых государств. Польша, Чехословакия, Болгария, Румыния и Югославия — это даже более «пролетарские» страны, чем Германия, а их народы не являются германскими ни с точки зрения «расы», ни с точки зрения истории. Их включение в рейх требует иного идеологического оружия, доктрины жизненного пространства (*Lebensraum*). Сам Гитлер разъяснил это понятие в обращении к рейхстагу 28 апреля 1939 г. Поводом была телеграмма президента Рузвельта о мире, выражавшая веру, что все международные проблемы могут быть улажены в дружеской дискуссии. В двенадцатом пункте своего ответа Гитлер говорил:

«Я отвечаю: теоретически мы можем поверить, что это исполнимо, поскольку во многих случаях здравый смысл мог бы на самом деле показать справедливость требований, выдвинутых одной стороной, и неотразимую необходимость уступок другой стороны. Например, согласно здравому смыслу, логике и всем принципам человеческой и высшей справедливости, нет, даже согласно законам Божественной воли все нации должны иметь равную долю благ в этом мире. Не должно быть так, чтобы одна нация предъявляла требования на такое жизненное пространство, с которым она не может справиться, так как нет даже 15 жителей на квадратный километр, тогда как другие нации вынуждены сохранять 140, 150 или даже 200 жителей на такой же площади. И ни в коем случае эти более удачливые страны не должны сокращать жизненное пространство народов, которые уже страдают, отнимая у них, например, колонии. Поэтому я был бы счастлив, если бы такие проблемы действительно были бы решены за столом переговоров».¹

Жизненное пространство было главным лозунгом немецкого политического мышления начиная с раздела Чехословакии. «Вос-

¹ Kuczynski R. R. Living Space and Population Problems (Pamphlets on World Affairs. N 8). New York, 1939. P. 4–5.

стание континента», говорила влиятельная «Frankfurter Zeitung», «закключается в окончательном исключении Англии из Европы. Европа начала освобождать себя от экономической и политической гегемонии Англии».² Жизненное пространство — это очень сложное понятие, требующее важных перемен в демографической политике и полного пересмотра традиционных концепций международного права. Оно получает предполагаемое научное облачение из геополитики, а его корни в немецкой традиции восходят к Средневековью.

1. Средневековое наследие

Тесно связанным с идеей жизненного пространства является понятие *großdeutsche Reich*. Национал-социалисты характерным способом ухватились за это понятие, с его традиционным и романтическим обаянием, и развили его до идеологической основы своего нового порядка.

Привлекательные качества этого лозунга бесспорно сильны. На протяжении всей борьбы последних шести или семи столетий европейской истории люди никогда не оставляли своих чаяний объединенной Европы, под единым политическим руководством, объединенной не грубой военной силой и экономической эксплуатацией, но общей философией. Проявления этих стремлений менялись от периода к периоду и от страны к стране. Но главная притягательность этой идеи была фундаментально неизменной.

Одним из ее наиболее ранних и наиболее глубоких выражений была идея Данте об имперском правлении, которое могло бы быть выражением *humana avilitas*.³ Человечество — это политическое единство, основанное на сознательной преданности индивида этому единству, воплощающему общую культуру и общую философию жизни. Воплощением единства мог бы быть император, пребывающий в Риме и направляющий свои усилия на достижение мира и порядка. Он мог бы воплощать *vis coactiva*; папа — *vis contemplative*. При совершенно различных обстоятельствах немецкий поэт XIX века Новалис (Фридрих фон Гаренберг) искал сходный выход из противоречий, дисгармонии и мелочности реально-

² Frankfurter Zeitung. 1 October 1939.

³ Fritz Kern. Humana Civilitas. Leipzig, 1913, esp. P. 33.

го мира. В прекрасном эссе «Христианство или Европа» он также нашел возможность создания упорядоченного объединенного мира в романтическом возрождении средневековой идеи универсализма, воплощенного в личности христианского императора.

Величайший немецкий поэт XX столетия Стефан Георге сделал ту же самую тему центром своего творчества. Деятельность кружка Георге, который имел большое влияние на послевоенную культуру Германии (на исторические сочинения, например; школа создала замечательные биографии Цезаря, Шекспира, Гёте, Наполеона, Ницше, Клейста и Фридриха II Гутенштауфена), была постоянным протестом против механизации и коммерциализации современной жизни, против буржуазной цивилизации с ее торгашеским духом и ее дешевыми радостями наслаждения. Вместе с Данте и Новалисом как своими признанными предшественниками они мечтали о возрождении империи, сочетающей универсализм церкви и власть Римской империи. Длинная поэма Георге «Седьмое кольцо» идеализирует возвращение дней величайшего из германских императоров, Фридриха II Гогенштауфена.⁴

Все это было зерном для национал-социалистической мельницы. Имперская идея восходит к Священной Римской империи, она находит новое выражение в величайших литературных творениях современной Германии, и она вдохновляет обычного человека. Можно ли было найти лучшее оружие, готовое для того, чтобы быть преобразованным и приспособленным для целей новой империи?

Подход был тем не менее чрезвычайно грубым, так как идея рейха на самом деле несовместима с национал-социализмом. Альфред Розенберг однажды оказался достаточно честным, чтобы сказать следующее. Национал-социализм, писал он, не является наследником Священной Римской империи: совсем наоборот; он наследник борьбы германского народа против универсализма этой империи.⁵ И однажды средневековая империя запуталась в клубке собственных противоречий. Не могло быть никакого единства в христианском понятии мирового порядка, гегемонии германского императора и демократических стремлений итальян-

⁴ Прекрасный анализ Стефана Георге: *Paul Rosenfeld. The Nazis and Stefan George // The New Republic*. 28 October 1940.

⁵ *Alfred Rosenberg. Gegen Tarnung und Verfälschung // Gestaltung der Idee. Blut und Ehre. II. Band, Munich, 1936. P. 15–19.*

ских коммун. Вопреки папским требованиям универсальной власти, основанной на томистском понятии иерархии порядков, восходящих к универсальному порядку, императоры представляли собой «конституционную власть» Древнего Рима. Оба требования конфликтовали с римской идеей народного суверенитета. На самом деле Священная Римская империя как организованная сила германской нации оставалась мифом за исключением нескольких коротких лет.⁶

Случай Стефана Георге представляет поразительный пример неспособности национал-социалистов разрешить этот старый конфликт. На первый взгляд Георге кажется подлинным предшественником национал-социалистической идеологии; и эта характеристика его творчества является общепринятой. Печатный орган кружка Георге «*Blätter für die Kunst*» продолжал непрекращающуюся борьбу против натурализма и реализма в литературе.⁷ Не борьбу против ненавистного реального мира, так как сам этот процесс мог бы привести к осквернению реальностью. Вместо этого Георге и его последователи бежали в царство искусства для искусства. Героический индивид должен преобразовать себя, а не мир. Он должен полагаться на веру, а не на разум, скорее на кровь, чем на интеллект, на природу, а не на общество.⁸

Родство этой героической фигуры с национал-социалистической идеей очевидно. Более того, именно Георге возродил термин *Третий рейх* (его последнее произведение и, по иронии судьбы, одно из самых слабых, называлось «Новый рейх»). Для него тем не менее это понятие было исключительно культурным. Оно не подразумевало установления прусской гегемонии над Европой. Когда дело дошло до окончательной проверки, Стефан Георге не принял национал-социализм. Он уехал из Германии в Швейцарию в сопровождении близкого друга, поэта Карла Вольфскеля, еврея. Он никогда не возвращался. Перед смертью в Локарно в 1935 г. он, согласно одному свидетельству, взял со своих друзей обязатель-

⁶ *Fedor Schneider*. Rom und der Romgedanke im Mittelalter. München, 1926. P. 221.

⁷ *Wolters F.* Stefan George und die Blätter für die Kunst. Berlin, 1930.

⁸ Прекрасный анализ этого аспекта философии Георге: *Herbert Marcuse*. Der Kampf gegen den Liberalismus in der totalitären Staatsauffassung // *Zeitschrift für Sozialforschung*. 1934 (3). P. 161–195, esp. P. 162.

ство не допустить, чтобы его тело было возвращено в национал-социалистическую Германию.

После Георге немецкие сочинители все больше и больше увлекались идеей Третьего рейха. Мёллер Ван ден Брук приспособил ее к потребностям нового германского империализма.⁹ Хотя он и настаивал, что «непрерывность немецкой истории» не должна быть забыта в программе Третьего рейха, Мёллер Ван ден Брук не может быть должным образом включен в один разряд со сторонниками возрождения имперской идеи. Он был, скорее, самым выразительным представителем новой теории социального империализма.

После публикации в 1938 г. посмертной работы Кристофа Стединга «Рейх и болезнь европейской культуры»,¹⁰ с предисловием Вальтера Франка, президента института истории новой Германии, представление Стефана Георге о Третьем рейхе было полностью пересмотрено. Стединг руководствовался почти патологической ненавистью к культуре и «нейтралитету». Его книга — это всесторонняя атака на знание, образование и интеллект, на бесконечную «болтовню» демократии. Есть реальность — рейх — которая сильнее любой философии или теории. Любые культурные достижения, которые не признают имперскую идею, должны быть отвергнуты как ничего не стоящие и часто опасные. И поэтому, убеждает Стединг, неполитическая культура — это чуждое заимствование от нейтралов, нейтралы должны разделять бремя. Нейтралитет означает отказ от политических решений. Нейтрал рождается фарисеем; подобно рекламному агенту он протестует против варварства рейха и отказывается от собственной культуры. (Для нейтрала) не является добродетелью стоять на обеих ногах. Добродетель для него — хромать на обе ноги.

Книга Стединга, таким образом, воспринимает всю европейскую культуру как гигантский заговор против рейха и его предназначения. И ее враждебность к рейху — это болезнь европейской культуры. Историки культуры — такие люди, как швейцарец Якоб

⁹ Das Dritte Reich. 3rd ed. / Ed. by Hans Schwarz (first ed. 1922). Hamburg, 1931. P. 300; partial trans, by E. O. Lorimer. Germany's Third Empire. New York, 1941.

¹⁰ Christoph Steding. Das Reich und die Krankheit der europäischen Kultur. Hamburg, 1938. Прекрасный обзор в кн.: Günther Stern. Studies in Philosophy and Social Science. 1939 (VIII). P. 464–468.

Буркхардт или голландец Хейзинга — враги; они спорят о застольных манерах и истории рейха с одинаковой серьезностью. Разве не сводил Буркхардт само государство к «простому производству искусства, к простой нейтральной форме своей бесконечной концентрации на интимных вещах, на внутренних процессах, а не на политике? Наряду с историками культуры, с Ницше и скандинавскими драматургами, Ибсеном и Стриндбергом, ненависть Стединга направлялась, в частности, и против сторонников диалектической теологии (Барта, Овербека, Тюрнейзена, Бруннера, Кьеркегора). «Планы Юнга и Дауэса, — писал он, — банк международных расчетов и диалектическая теология Карла Барта — это одно и то же». Такая сокрушительная критика позволяет только молчать. В конце концов культура нейтралов — это не только культура двойственности и посредственности, это также и культура уклонения. Иными словами, быть нейтральным — значит уклоняться от всего, что важно для рейха.

Только сильный рейх может гарантировать реальность Германии и Европы, может гарантировать, что «английский генеральный консул не будет поступать так, как ему понравится, с такой страной, как Норвегия». Только рейх может восстановить присущий науке признак — объективность. Под объективным имеется в виду политическое, так как только таким образом наука живет жизнью «полиса, государства, рейха». Этот рейх, правда, основывается на традиции Священной Римской империи; как политической реальности тем не менее, а не как культурной идеи. Неудивительно поэтому, что Стединг принижает Стефана Георге и Мёллера Ван ден Брука до философии Второго рейха. Они недостаточно едины с реальностью Третьего рейха. Даже такой национал-социалист, как психолог Юнг (не упоминая о Ницше), обвиняется в дуализме своего мышления.

Как раз то, что сам Стединг имел в виду под рейхом, совершенно туманно. Поскольку книга была издана в 1938 г., редактор Вальтер Франк осторожно заявляет в предисловии, что Стединг «обеспокоен не пересмотром политических границ, а пересмотром духовных горизонтов». Это очевидное искажение, ведущее свой род от столь же очевидных мотивов, могло бы быть отвергнуто Стедингом как интеллектуальная бессмыслица. Как раз включением в Германию Европы, или по меньшей мере древних территорий Священной Римской империи он в высшей степени и обеспокоен.

Таким образом, мы имеем еще одну иллюстрацию трудностей для национал-социалистической идеологии, вызванных понятием рейха. Расизм плохо приживается в книге Стединга. Хотя он и бросает случайный комплимент официальной философии, у него нет ничего, кроме презрения к антропологам, копающим в прошлом в поисках особых расовых признаков. «Те, кто часто говорят о народе, ненавидят государство; „политиканы“ поступают так же, как и их оппоненты, которые говорят о государстве и ненавидят народ». Раса — это не творческий элемент; это только грубый материал, из которого должен быть построен рейх.

Что же остается в качестве оправдания рейха? Не расизм, не идея Священной Римской империи и, конечно же, не какая-то демократическая бессмыслица вроде народного суверенитета или самоопределения. Остается только сам рейх. Он и есть свое собственное оправдание. Философские корни аргумента следует искать в экзистенциальной философии Хайдеггера. Перенесенный в царство политики экзистенциализм убеждает, что власть и могущество истинны: власть — это достаточное теоретическое основание для более сильной власти. Германия находится в центре, потенциально она является величайшей державой в Европе, она продвигается к тому, чтобы стать самым могущественным государством. Поэтому она оправдывается строительством *нового* порядка. Остроумный критик заметил относительно Стединга: «Из останков того, чем у Хайдеггера все еще остается трансцендентальный солипсизм, он воздвигает национальный солипсизм».¹¹

Даже «национальный солипсизм» тем не менее порождает трудности для национал-социалистов. Это прекрасно иллюстрирует недавняя работа Генриха Трипеля «Гегемония: книга о ведущих государствах».¹² Книга представляет собой реалистический анализ реакционера, но тем не менее национал-социалистического конституционного юриста, анализ правовых и социологических признаков гегемонии. Гегемония определяется как ведущий признак одного государства против другого, и таким образом она оказывается посередине между влиянием и прямым господством. Начиная с совершенно иного подхода Трипель тем не менее движется параллельно Стедингу, определяя гегемонию в прямых терминах

¹¹ Stern. Op. cit.

¹² Heinrich Triepel. Die Hegemonie. Ein Buch von führenden Staaten. Stuttgart and Berlin, 1938.

власти, лишенных любых культурных опор. Средневековая империя была двойной гегемонией; Третий рейх — это в значительной мере продолжение прусской традиции. Поскольку она является самым сильным государством в Европе, новая Германия может правомерно требовать еще большей власти.

Как добропорядочный консерватор, погруженный в традицию германского идеализма, Трипель обязан тем не менее искать нравственное основание лидерства и гегемонии. Он находит его в добровольном согласии последователей. Лидерство — это просто осуществление «энергичной, но умеренной энергии», политический лидер — это просто один из многих. Феномен лидерства и свободного согласия пронизывает собой все социальные и политические отношения. Молчание Трипеля относительно расового тождества между лидером и последователем, а также относительно метафизических качеств лидерства поразительно. Он создает простое уравнение: гегемония — это власть. Следовательно, огромная ценность книги заключается в ее разоблачающей функции. Официальный национал-социализм, с его гротескной метафизикой и псевдоантропологией, встретил его работу холодно.¹³

2. Геополитика

Вторая и гораздо более важная идеологическая опора экспансионистской программы национал-социализма — это геополитика. Геополитика, как предполагается, является научной основой понятия жизненного пространства. Термин *Lebensraum* фактически впервые использовался отцом геополитики географом Фридрихом Ратцелем в небольшой работе с таким названием, опубликованной в начале этого столетия. Даже у Ратцеля тем не менее эта «наука», которую он называл антропогеография, была не столько географией, сколько философией истории. Последующее развитие привело к устранению всех научных элементов и к замене их политическими аргументами, метафизическими рассуждениями и большим количеством бессмысленных формулировок.

Полное подчинение политической географии потребностям германского империализма было делом в основном двух людей:

¹³ Roger Diener. Reichsproblem und Hegemonie // Deutsches Recht. 1939. P. 561–566.

Рудольфа Челлена и Карла Хаусхофера. Челлен был шведским политологом (умершим в 1922 г.), чьи работы были переведены и широко циркулировали в Германии. Он ввел термин «геополитика» и сделал его модным. Один ученый сообщает о следующей истории: «На ярмарке в Лейпциге весной 1924 г. можно было увидеть эффектный плакат в выставочном зале издательств: трудолюбивый мужчина сверлил отверстие в глобусе, стоявшем ниже его колен, а выше находился заголовок «Политическая география — отличный бизнес».¹⁴ Отличный бизнес не только для издателя, но также и для германских империалистов! Так как этот плакат говорил о чем-то большем, чем просто новый популярный интерес к геополитике. В 1924 г. Германия преодолела разрушительную послевоенную инфляцию, и ее империалисты начали приступать к использованию модной новой «науки». Именно в этот год геополитическая школа начала организовываться в рабочую группу и вышел первый номер «*Zeitschrift für Geopolitik*».

Самый неутомимый представитель геополитической школы — это Карл Хаусхофер, профессор географии в университете Мюнхена, основатель германской академии, генерал в отставке, путешественник — и учитель и друг Рудольфа Гесса. Начав еще до Первой мировой войны, Хаусхофер написал целую вереницу книг и статей о границах, власти и земле, о завоевывающих пространство державах, о геополитике Тихого океана и об общих теоретических вопросах.¹⁵ Его самая популярная книга — «*Weltpolitik von Heute*», опубликованная в 1934 г. с посвящением Гессу и еще одному другу. Предисловие определяет ее цель как «осмысление больших пространств». «*Zeitschrift für Geopolitik*» — это домашний орган для Хаусхофера и его учеников. Столь же доступен им и «*Raumforschung und Raumordnung*», ежемесячный орган правительственного учреждения «*Reichsstelle für Raumforschung*» (Федерального бюро по исследованиям пространства).

История геополитики имеет для нас не только преходящий интерес, потому что она предоставляет прекрасную иллюстрацию того способа, каким национал-социалисты перетряхивали и иска-

¹⁴ *Otto Haussleiter*. Rudolf Kjellens empirische Staatslehre und ihre Wurzeln in politischer Geographie und Staatenkunde // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1925. Vol. 54. P. 157.

¹⁵ *Charles Kruczewski*. Germany's Lebensraum // *The American Political Science Review*. XXXIV. 1940. P. 964–975.

жали уже существующие доктрины, чтобы приспособить их к собственной схеме идей и действий. Они не изобрели геополитику, так же, как они не изобрели и идею *großdeutsche Reich*. Что они сделали — так это использовали ее более успешно, чем ранние германские империалисты. Ратцель ввел термин антропогеография, чтобы обозначить предмет, касающийся природных факторов в человеческой жизни. Интерес к климату и другим географическим факторам был всегда значимым в исторических сочинениях. Весьма соблазнительно вернуться к Матери-Земле, постоянной, устойчивой, неизменной, как к первостепенному элементу в создании человеческой культуры. То, что искал Ратцель, было «механической антропогеографией»,¹⁶ раскрывающей законы, регулирующие «простое отношение статичной земной поверхности и меняющегося на ней человечества».¹⁷ Его главная тема — это связь между подвижным человеком и неподвижной землей: «Жизнь — это движение».¹⁸

Два географических фактора, место и пространство, играют главную роль в определении законов антропогеографии, и оба этих фактора обладают безусловным характером в национал-социалистической идеологии. Место является гораздо более важным для Ратцеля.¹⁹ Термин включает в себя размер и форму данной территории, ее атрибуты, такие как климат и растительность, и ее отношение к соседним пространствам, его разделяющие и связывающие свойства. Место определяет, будет ли территория дружественной или враждебной с ее соседями. Оно помогает определить культуру: изолированное место предполагает безопасность, но также дает склонность к культурному бесплодию; центральное место делает сильную страну более влиятельной; оно ставит такую слабую страну, как Германия, в смертельную опасность.²⁰ И главное значение моря в этой связи очевидно.

Хотя и гораздо менее значительное,²¹ понятие пространства также дает начало многим важным законам. Ратцель делает силь-

¹⁶ Friedrich Ratzel. *Anthropogeographie*. Vol. I, 2nd ed. 1899. P. 21.

¹⁷ Op. cit. P. 33.

¹⁸ *Der Lebensraum. Eine biographische Studie* (Festgabe für A. Schäffle). Tübingen, 1911, p. 14.

¹⁹ *Anthropogeographie*. P. 211.

²⁰ Ibid. P. 101.

²¹ Ibid. P. 317–470, esp. P. 212.

ный акцент на законе роста пространства, то есть тенденции к гигантским империям. Как и место, пространство также соотносится с культурой. С одной стороны, чем меньше пространство, тем интенсивнее развивается культура, тогда как на больших пространствах культура медленнее проникает к центру. Большие расы со специфическими характеристиками должны тем не менее населять большие пространства, чтобы предотвратить неизбежное расовое смешение от повреждения расового ядра в центре.

Следует особо упомянуть об идее Ратцеля об «укоренении» (*Einwürczung*) народа в почве. По своим историческим и политическим последствиям это один из наиболее важных законов, регулирующих отношение между человеком и землей. Народы с низкими культурными стандартами, говорит Ратцель, гораздо менее зависят от земли, чем народы высокого уровня. Чем более интенсивно культивирование (в его самом широком смысле, включая не только расширяющееся волье, но и простое сельскохозяйственное культивирование), тем более «укорененным» становится население.

Традиционные концепции государства разрушены антропогеографией Ратцеля. Законы движения, места и пространства не могут быть примерены с понятием единообразного правового и политического суверенитета над особой областью. Если тогда пространство не могло быть ничем иным, кроме объекта правления, то для Ратцеля пространство и место становятся самой сущностью государства. Союз между человеком и землей — это органическая связь;²² это не просто аналогия, как в различных биологических органических теориях общества, но реальный союз, научная истина. Разработка Ратцелем этой теории не должна нас касаться. Абсурдные протяженности, к которым он приходит, в достаточной мере иллюстрируются одним примером. Чтобы оправдать длительное существование Пруссии после ее территориального расчленения в 1806 г., он сравнивает государство с организмами низшего уровня; только на низших уровнях жизни тело может продолжать существовать после разрушения его жизненно важного органа.

Главным политическим значением обладает вывод из органической теории Ратцеля для теорий и практик, связанных с понятием национальности. Граница — это не произвольно установленная линия, но полоса или кайма, отмечающая встречу между

²² Ibid. P. 12.

движением и контрдвижением. Это результат длительного процесса «укоренения», во время которого пространство становится все более и более значимым. Граница может даже сформировать независимый организм внутри государства. Более того, фундаментальный закон роста пространств — иллюстрируемый несравнимо большей протяженностью России или Британской империи в сравнении, например, с Персией или Римом, — вступает в противоречие с принципами национальности.²³ Даже экстерриториальные воды подчинены этому закону. Атлантический океан пришел на смену Средиземноморью; однажды и он может быть в свою очередь смещен.

Политика национальностей, таким образом, регрессивна. Она может быть сохранена только там, где она может служить как помощь в территориальном приобретении. В наши дни мы разворачиваем «силы для завоевания пространства» (*raumüberwindende Mächte*), термин Ратцеля, который стал частью официального национал-социалистического языка. Одна из главных задач для нас — это развитие народного сознания широких пространств. Народ, чей горизонт остается горизонтом малого пространства, неизбежно придет в упадок.

Челлен²⁴ создает мост от Ратцеля к национал-социализму. Он имел способность популярного, конкретно документированного представления данных, которая обеспечила ему гораздо более важную роль в развитии геополитической идеологии. И в одном пункте он значительно отклоняется от анализа Ратцеля: он восстанавливает национальность или, скорее, комбинирует национальные и территориальные элементы. Но элементы не нации XIX столетия, а народа. Национальность, говорит Челлен, это проявление «народной индивидуальности» государства. Национальное государство является поэтому натуральной, органической формой государства. Народ и государство, изначально различные, сливаются в один союз.

При всем ее эмпиризме и предполагаемом реализме и несмотря на некоторые важные отступления, теория Челлена остается в главных чертах переформулировкой органической теории Ратцеля. Государства, пишет он, «это сверхиндивидуальные организмы,

²³ Politische Geographie. 2nd ed. Munich, 1903. P. 35.

²⁴ Rudolf Kjellen. Die Grossmächte vor und nach dem Kriege. 2nd ed. / Ed. K. Haushofer, 1930.

который так же реален, как и индивиды, только гораздо крупнее и могущественнее в процессах своего развития».²⁵ Государство — это биологический феномен, «форма жизни». Индивидуальность государства — это натуральное единство, выраженное в экономической области как автаркия, демографически — как национальность, социально — как солидарность всех групп, а политически — как лояльность по отношению к правителям.

Любой может видеть, что теория Челлена — это не простая геополитика, а сложная. В равной мере очевидно, что он предвосхитил национал-социалистическую теорию европейской экспансии. Его государство — это экономическая автаркия, в которую массы включены под лозунгом народной общности. Его теория требует безоговорочной преданности правящему классу, и она оправдывает экспансию Германии и иностранные завоевания ее центральным расположением в Европе и ее потребностью в жизненном пространстве. Органическая теория обнаруживает себя как чистый макиавеллизм. В целом органические теории общества абсурдны, если они понимаются как нечто большее, чем аналогия. Биологические законы не воспроизводятся в общественной жизни. В качестве идеологии органические теории могут быть мощными инструментами при всей их абсурдности. Челлен, как мы можем наконец заметить, настаивает, что политическая целесообразность, определяемая природными факторами, — это единственная движущая сила государственной политики. Правовые и нравственные доводы не имеют никакого значения.

Заслуживают упоминания и два других имени в предыстории национал-социалистической геополитики: сэр Хэлфорд Маккиндер и Фридрих Науман. Их главный вклад — который Хаусхофер открыто признавал — это формулировка и популяризация понятия Центральной Европы (*Mittel Europa*). Согласно Хаусхоферу Маккиндер действительно изобрел эту фразу сразу же после смены столетий²⁶ и побудил Партча, всемирно известного немецкого географа, спроектировать карту Центральной Европы, состоящей из Германии, Нидерландов, Швейцарии, Австро-Венгрии и Румынии. В 1919 г. Маккиндер опубликовал книгу под названием «Демократические идеи и реальность», убеждающую Конференцию

²⁵ *Der Staatsals Lebensform*. 4th ed. Berlin, 1924. P. 35.

²⁶ *Sir Halford MacKinder*. The Geographical Pivot in History // *Geographical Magazine*. 1904. P. 434–437.

по вопросам мира отказаться от сентиментальных идей и признать географические реальности. Он, в частности, хотел предотвратить объединение русских и германских пространств, потому что такой союз мог управлять не только Европой, но и всем миром.

В Германии идея Центральной Европы, естественно, становится очень популярной во время Первой мировой войны.

Мы можем упомянуть Поля де Лагарда (Боттичера), 1827–1891, профессора восточных языков в университете Гёттингена. Лагард был прежде всего ответственным за формирование идеологии Розенберга, и Розенберг часто признавал свой долг перед ним и разделял с ним ненависть к католикам и евреям, винил их в народных привилегиях и в просвещении и требовал искоренения всех семитских и романских элементов из немецкого языка и культуры. Лагард был также предшественником концепции Центральной Европы; он видел будущее Германии в ее экспансии в Польшу и Западную Россию и отстаивал Срединную Европу, протянувшуюся от устья Эмса до устья Дуная, от Мемеля до Триеста, от Метца до Буга.²⁷ Даже идея Розенберга о депортации евреев в Мадагаскар идет от Лагарда.

Возможно, главным популяризатором был Фридрих Науман и его книга «Mitteleuropa», опубликованная в 1915 г.²⁸ Хотя это и не был, собственно говоря, геополитический трактат, но он точно вписывается в то течение, которое мы обсуждаем. Его значение было чрезвычайно усилено благодаря положению, занимаемому автором в Германии. Член рейхстага Науман был основателем Демократической партии в 1918 г., которая создала Веймарскую конституцию. Его огромный престиж как демократического лидера предоставил ореол либерализма и демократии тому социальному империализму, которому он научился в ранние годы у грубого антисемита Штокера.

Главной целью Наумана было образование федерального сверхгосударства (*Oberstaat*), полностью объединенного экономически и окруженного тарифной стеной. Оно могло бы называться Центральной Европой. Его дух мог бы быть духом новой Германии (*Neudeutsches Wesen*), в которой вся экономическая деятельность была бы коллективно организована. В качестве одного из

²⁷ *Paul de Lagarde. Deutsche Schriften* / New ed. K. A. and P. Fischer under the title: *Schriften für des deutsche Volk*. 2 vols. Munich, 1924.

²⁸ Berlin, 1915 / Trans. C. M. Meredith. London, 1916.

обоснований своей цели этот либеральный демократ предлагал существование особой немецкой экономической психологии. Если французский предприниматель, доказывал он, получает приказ, требующий расширения его завода, использующего пятнадцать человек, он скорее заключает другой договор, а не расширяется. И если бы он сделал последнее, то неизбежно оказалось бы, что он на самом деле был не французом, а эльзасцем или швейцарцем. Немец, с другой стороны, неизбежно расширял бы свой завод в таких обстоятельствах. Немецкий предприниматель является инициативным, опирающимся на научный подход и дисциплинированным. Его рабочие лояльно поддерживают его, так как немецкие рабочие — самые образованные в мире, обучаемые в профсоюзах и в социал-демократической партии.

Английский капитализм обречен. Время Германии придет. «Ради этого нашего времени Фридрих II, Кант, Шарнхорст, Сименс, Круп, Бисмарк, Бебель, Леген, Кирддорф и Баллин нас и обучали. Ради этой Родины наши отцы умирали в сражениях. Германия должна идти вперед в этом мире!». Наступает новая экономическая эра. Венгрия будет зернохранилищем Центральной Европы, а другие продукты будут распределяться по всем районам. Еврейские предприниматели будут играть важную роль в распространении уже преобладающего немецкого характера экономики Центральной Европы. В конечном счете мировая власть будет сосредоточена в нескольких центрах, Нью-Йорке, Лондоне, Москве (или Санкт-Петербурге) и возможно в Китае или Японии. Другие государства будут простыми сателлитами, усиливающими ту лидирующую группу, к которой они принадлежат. Сегодня нейтралы подобны астероидам или кометам за пределами созвездия. Они должны быть включены в него, так как для нейтралитета нет места в мире гигантских суверенов. Это миссия новой Германии. «В решении этой задачи все организации предпринимателей и рабочих будут нам помогать. Таким будет наш политический, всемирно-экономический социализм».

Все эти черты достигают своей окончательной формулировки у Карла Хаусхофера.²⁹ Его идеи могут быть коротко изучены в его самой популярной работе, книге, которую он посвятил Рудольфу Гессу, «*Weltpolitik von Heute*». Проследим, как их излагает сам Хаусхофер.

²⁹ Обзор его сочинений: *Kruczewski*. Op. cit.

Для начала немец, который желает понять геополитическую основу современной мировой политики, обязан разместиться в центре «народа» и культурного пространства. Здесь Хаусхофер, конечно же, гораздо ближе к Челлену, чем к Ратцелю. Расовые детерминанты, «расовая воля» — это динамические элементы внутри «статического мира международных соглашений». Но внутри какого «народного» пространства должен стать каждый? Германия 1932 г. была продуктом Версаля, а договор был основан на грубых политических ошибках. Фактически геополитика — это оружие в борьбе за исправление таких ошибок, как разделение Европы на обладающие колониями державы на Западе, обладающие пространством державы на Востоке и сдавленные государства в центре.

Именно Версальский договор вызвал автономное развитие Америки, слабость Британской империи, возвращение России в Азию и постепенное возрождение самоопределения в южной и восточной Азии. Окончательные политические решения будут сделаны внутри этих групп, и они будут зависеть от ясного понимания отношений между властью и государством. Основные геополитические движущие силы (*geopolitische Urtriebe*) действуют внутри этих пространственных рамок, развертываясь от континента к побережью и за побережьем к доминированию противоположного побережья. Закон Ратцеля о растущих пространствах не ограничен континентальными массами: он пересекает также и море.

С точки зрения расположения Германии центральным пространством должна быть Центральная Европа (Хаусхофер предпочитает термин «Внутренняя Европа» как геополитически более точный). Первая политическая задача — восстановить пространство германского рейха. Есть пять различных пространств Германии: 1) военное пространство, которое в 1934 г. было даже меньше, чем территория рейха; 2) территория рейха; 3) компактные массы немецкой «народной» почвы — Германия, польский коридор, Судеты, Верхняя Силезия, Тешин, Австрия, Эльзас и Лотарингия и южная Дания; 4) сфера влияния немецкого языка и культуры; 5) независимые голландские и фламандские пространства.

Главные державы мира попадают в различные категории. Фундаментальная противоположность существует между державами «возрождения», Германией, Италией и Японией, и державами «устойчивости», Англией и Францией. Соединенные Штаты, Россия, Бразилия и Китай действуют «между течениями». Вдобавок

есть такие пространства, как Индия и Монголия, которые обладают будущим, но не настоящим, и как пространство Балтийского моря, Испания и Португалия, которые являются простыми остатками прошлого. Решение этой противоположности и политических конфликтов не лежит в интернационализме. Лига Наций, Британское содружество наций, федерация советских республик, Панамерика, Паневропа, тихоокеанское сообщество, Панафрика — все они бесполезны. Старая немецкая поговорка гласит: *Wer auf sich selber ruht, steht gut* (Лучшая помощь — своя собственная). В 1931 г. представитель Судет Ганс Кребс, писавший в национал-социалистических изданиях, атаковал идею Паневропы сходными аргументами. Против Паневропы он ставит Центральную Европу. Федерация Европы в рамках Лиги несовместима с национал-социалистическими идеями жизненного пространства.

Обращаясь к непосредственным практическим доводам, Хаусхофер первую проблему видит в установлении пространственной границы, необходимой для жизни государства. Его решение оправдывает уничтожение Франции и Англии и включение маленьких государств. С одной стороны, есть закон растущих пространств. Пространство Британской империи достигло своего максимума и поэтому его распад неизбежен. Франция утратила волю к жизни как страна, которая начала постоянно сдаваться. С другой стороны, есть минимальный пространственный предел. Поэтому маленькие государства должны быть включены в большие пространства. Два исключения — Ватикан и Швейцария — допускаются, потому что они имеют длительную традицию независимости.

Категория великой державы должна быть заменена мировой державой. Великая держава определяется только «волей к власти» — иначе Китай и Бразилия были бы великими державами. Это была категория эры «симфонии держав», когда великие державы сотрудничали, разделяя мир между собой. Теперь такое сотрудничество открыло дорогу антагонизму, мировые державы стали решающими геополитическими державами. Поскольку Германия еще не достигла статуса мировой державы, ее не должны касаться трения между державами. Германия должна действовать осторожно, используя существующие антагонизмы «поразительно решительным вмешательством совета и действия»: все достанется тому, кто ждет. Этот анализ роли Германии в борьбе мировых держав — ядро книги Хаусхофера.

Дальнейшее бесценное оружие Германии в борьбе за жизненное пространство — это расизм, и Хаусхофер предоставляет удивительно откровенный анализ. «Расы господ» обязаны оставаться чистыми; расовое смешение вызвало упадок многих великих империй. Франция, например, несет в себе семена своего собственного разрушения. Среди негерманских народов раса и класс становятся в значительной мере синонимами, и важно предотвратить возвышение низших классов и рас на уровень расы господ.

Сегодня мы видим подавление расовых меньшинств повсюду — прекрасная возможность для политических и пропагандистских манипуляций лозунгом самоопределения. «Дальновидная политика открывает для нас огромные возможности... если мы уважаем принцип самоопределения больших и малых народов... вместе с лозунгом „честь, свобода, равенство“... Условием, однако, является высшее знание государства о давлении на народ (*Volksdruckverhältnisse*) и о формах политического господства во всем мире, которое давно уже стало единообразной областью власти и внутри которого ничто не может произойти, не производя последствий повсюду». Ничто не может быть более откровенным. Самоопределение — это просто оружие. Используйте в своих интересах любое трение, вырастающее из проблем меньшинств. Разжигайте национальные и расовые конфликты там, где это возможно. Любой конфликт будет играть на руку Германии, нового самозванного хранителя чести, свободы и равенства во всем мире.

Этические и военные доводы — это тоже оружие. Германия имеет право основывать свою политику на безнравственности территориальных приобретений другими державами. Эти приобретения были грабежами, скрываемыми и оправдываемыми международным правом. Мандаты, например, были не чем иным, как «пространственным мошенничеством». Перераспределение пространства будет выполнено вновь — и совершенно иным способом. Германия будет использовать «духовную войну» (пропаганду); новые военные техники, включая использование аэропланов и танков, как разрыхляющих (*auflockernde*) сил, направленных и против войск и против гражданских лиц; и морально-разрушительный дух высокообученных солдат; такое дополнительное оружие, как бойкот, практикуется сегодня в Индии и Китае, и оно способно стать весьма активной силой, если будет координироваться национал-социалистическим движением. Такими средствами «культурный народ без колоний» может даже быть способен

приобрести тропические территории без кровопролития. Границы — это не «мертвые линии»; это организмы, и они также будут меняться по желанию.

Мировая миссия Германии может быть понята только с точки зрения долгосрочных целей мировых держав.³⁰ Долгосрочная цель Великобритании — это просто сохранение того, чем она теперь обладает. Британская империя будет поэтому расчленена. Так же падет и Франция. Только Россия и Соединенные Штаты, Япония и Германия и, в меньшей степени, Италия останутся мировыми державами. Краткосрочные цели Германии никогда ясно не раскрываются, но их нетрудно вывести из остального обсуждения.

Одного примера будет достаточно, чтобы проиллюстрировать влияние геополитики в официальных кругах Германии (особенно в армии и на флоте). «Сегодня мы должны выбирать, — писал Альфред Розенберг в 1927 г., — между политикой крестоносцев и политикой пространства; между мировым империализмом и расовой волей государства; между Барбароссой и Генрихом Лионским; между Лигой Наций Штреземана и расовым национал-социалистическим государством».³¹ Геополитика против средневекового универсализма как основа нового рейха.

Наиболее выдающимся представителем геополитики, смешанной с расизмом, является знаменитый Эвальд Банзе, который совершенно наивно заявил о необходимости империалистической войны и, исходя из географии, расизма, военной науки и идеи рейха разработал *Wehrwissenschaft* как ту академическую дисциплину, которая «является систематическим применением любой области человеческой мысли и человеческого поведения к цели возрастания оборонительной силы нашего народа».³² Эта новая наука приобрела ранг «национальной философии». В малоизвестной книге,³³ написанной для любителя, Банзе анализирует весь мир, каждую страну по очереди, ее географию, ее «кровь и характер», ее политическую организацию в соответствии с принципами геополитики, изучающей и использующей каждый конфликт любого рода в любой части мира для целей Германии.

³⁰ *Haushofer K. and Trempler K. Deutschlands Weg an der Zeitenwendt.* Munich, 1932.

³¹ *Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik.* Munich, 1927.

³² *Ewald Banse. Germany Prepares for War / Trans. A. Harris.* New York, 1934. P. 349.

³³ *Was der Deutsche vom Ausland wissen muss.* Leipzig; 1934.

Большая часть общей популярности геополитики может быть обнаружена в том же самом элементе, который лежит в основе успеха любой псевдонаучной теории общества или политики: в возможности приписывать все зло одному-единственному и кажущемуся объективным фактору. В новелле Ганса Грима «*Volk ohne Raum*» («Народ без пространства»), например, нам дают популярный, насыщенный эмоциями трактат о геополитике.³⁴ Все 1200 страниц образуют длинный протест против Британской державы и подготовку к империалистической экспансии Германии. Это также и адекватное описание книги Хаусхофера. На одной карте Англия изображена как огромный паук, сидящий на Британских островах и сосущий кровь из всех углов земли. По отношению к России, с другой стороны, Хаусхофер занимает довольно двойственную позицию. Он говорит о Германии, зажатой между Францией и Советским Союзом. И все же ссылка на представление Маккиндера о русско-германском пространстве как географической опоре истории может быть в равной мере подготовкой к подписанию договора о ненападении или к войне с Россией.

В окончательном исследовании геополитика есть не что иное, как идеология империалистической экспансии. То, что она оставляет малопонятную географию в качестве аргумента для определенных исправлений границ, не является ни новым, ни особенно значимым внутри структуры целого. Основная масса геополитики — это мешанина из этических, военных, экономических, расовых, демографических, исторических и политических рассуждений. Она представляет собой прекрасный пример извращения подлинно научных доводов в интересах национал-социалистического империализма.

Как научное обоснование экспансии геополитика — это, конечно, бессмыслица.³⁵ Она могла бы иметь ценность, только если бы весь мир концентрировался вокруг одного центрального местоположения. Так как фактически существует больше одного центрального местоположения, то как мы можем определить, какое из них поглотит другие? Почему Эльзас и Лотарингия должны быть включены в Германию, а не Франция должна поглотить Гер-

³⁴ Прекрасный анализ может быть найден в статье: A. Whitney Griswold. *Paving the Way for Hitler* // *The Atlantic*. March, 1941. P. 314–321.

³⁵ East W. G. *The Nature of Political Geography* // *Politica*. 1937 (II). P. 259–286.

манию до Рейна? Кто должен включить в себя Польшу — Германия или Советский Союз? Или в более широком смысле, исходя из аргумента, что граница — это полоса или организм, а не линия, то как определить, в чью пользу граница должна быть исправлена? В пользу Канады или Соединенных Штатов? Соединенных Штатов или Мексики? Очевидно, ответ не лежит в географии — он лежит во власти.

3. Перенаселенность

И Германия, и Италия широко использовали политику повышения рождаемости, которая стала у них основанием для требований большего жизненного пространства. Сама успешность этой политики — несмотря на трудность получения официальных заявлений, касающихся ее целей, особенно в Германии, статистические данные не оставляют сомнений в ее успешности³⁶ — сразу же выявляет мошеннический характер этого требования. В своем ответе президенту Рузвельту Гитлер с горечью жаловался на избыточное население стран без жизненного пространства. И все же его режим делал все возможное, чтобы увеличить размер населения Германии.

Уже республиканская Германия предпринимала шаги, чтобы увеличить рост рождаемости. Статья 119 Веймарской конституции обещала социальную защиту большим семьям. Такие частные организации, как Лига больших семей (основанная в 1919 г.), оказывали постоянное давление на законодательную власть. Коэффициенты заработной платы, основанные на семейном статусе, были универсальными для государственных служащих и распространены среди некоторых служащих по найму. С другой стороны, союзы работников ручного труда выступали против пособий многодетным семьям частично по идеологическим причинам (желание оплаты труда по классовому признаку), а частично из страха, что коэффициент лишит глав семейств работы. Информация о регулировании рождаемости была широко распространена. Пятнадцать организаций были активны в этой области, и многие из фондов помощи больным давали своим членам советы относительно противозачаточных средств.³⁷ Снисходительность судов, особенно

³⁶ *Glass D. V. Population Policies and Movements in Europe. Oxford, 1940. P. 458, 276, 278.*

³⁷ *Ibid.*

в протестантских регионах, помогла довести число абортс при- близительно до 800 000–1 000 000 в год. Вообще говоря, политика регулирования рождаемости активно защищалась при Веймаре.

Национал-социалистам понадобилось немного времени чтобы изменить картину. Министр внутренних дел Фрик в речи в июне 1933 г. объявил об изменениях.³⁸ Центры контроля за рождаемостью закрывались, снисходительность к абортам резко пресекалась, а реклама противозачаточных средств останавливалась.³⁹ Партия приняла в свои ряды Лигу больших семей, сделав ее секцией отдела расовой политики. Теперь в ее членах было 300 000 семей. Согласно закону 1 июня 1933 г. (вступавшему в силу через два месяца), пары, собиравшиеся пожениться, могли получить беспроцентные ссуды до 1000 марок, если они выполняют некоторые условия. Они должны быть политически благонадежными и расово, физически и морально полноценными гражданами. Невеста должна была работать по крайней мере шесть месяцев в последние два года, предшествовавшие браку. Она должна была оставить работу и обязывалась не устраиваться на другое место, если ее муж был способен содержать семью. Ссуды выдавались в форме купонов, которые использовались для покупки мебели и предметов домашнего обихода, и должны были возвращаться небольшими ежемесячными взносами в течение восьми лет. Четверть ссуды отменялась при рождении каждого ребенка. Цели закона ясны из его предписаний: сокращение безработицы путем исключения из числа безработных замужних женщин, чьи мужья имели работу (продолжение реакционной политики, проводимой в ответ на широко распространенный протест к концу республики) и стимулирование роста рождаемости.

Поскольку программа военной подготовки предполагала полную занятость, программа стимулирования браков и больших семей была направлена исключительно на повышение рождаемости. Согласно акту от 3 ноября 1937 г. требование, чтобы женщины, получившие брачную ссуду, прекратили работать, было отброшено. Меры, принятые месяцем ранее, предусматривали, чтобы деньги, возвращенные в выплатах за ссуды, использовались, чтобы обе-

³⁸ Ansprache des Herrn Reichsminister des Innern Dr. Frick // Schriftenreihe des Reichsausschusses für Volksgesundheitsdienst. Heft I. Berlin, 1933.

³⁹ Dr. Stolzenburg. Entwicklung der Kriminalität // Deutsche Justiz. 1938. P. 933–934, and Glass. Op. cit. P. 285.

спечить специальные пособия и субсидии семьям с находящимися на иждивении детьми, и, в частности, установить субсидии с целью повышения роста сельского населения. Другие меры создавали благоприятные условия для больших семей, снижая ставки подоходного налога и иными способами.

Национал-социалистическая политика повышения рождаемости была, несомненно, успешной. К концу 1938 г. было предоставлено 1 121 707 брачных ссуд и 980 365 отмен выплат из-за рождений детей.⁴⁰ Эти стимуляторы вместе с общим экономическим улучшением увеличили уровень рождаемости, хотя нельзя сказать, какой фактор играл более важную роль.

Что же теперь реально означало требование «адекватного пространства для населения»? Его предполагаемая научная основа фактически не существовала.⁴¹ Было бы абсурдным утверждать, что поскольку Германия (включая Данциг и Судеты) обладала 4 % мирового населения, ее 0.5 % мировой площади следовало увеличить до соответствующих 4 %. Ценность различных регионов земли может значительно меняться. Более того, промышленная нация может, возможно, нуждаться в меньшей территории, чем аграрная или кочевая страна. Если аргумент заключается в том, что нация требует достаточно пространства, чтобы преодолеть структурную безработицу, то Германия сама на это ответила достижением полной занятости в то время, когда многие нации, «обладавшие» пространством, были неспособны это сделать. И даже приписывание успеха Германии временной панацее вооружений и войны не спасает аргумент о населении. Колонии, как всем известно, непригодны для широкомасштабного заселения. Восточная и юго-восточная Европа была перенаселена, и поэтому немецкое расселение там было возможно только путем вытеснения нынешних обитателей. Что реально несло ответственность за перенаселение, так это не плохо функционирующая или не функционирующая вовсе экономическая система. Поэтому его можно преодолеть только функционированием международного разделения труда, а не приобретением большей территории. Считать перенаселение ответственным за безработицу — это чистая демагогия, предназначенная для сокрытия внутренних антагонизмов, порожденных капитализмом.

⁴⁰ *Glass. Op. cit. P. 289.*

⁴¹ *Kuczynski R. R. Op. cit.*

Неизбежный вывод заключается в том, что относительно населения доктрина жизненного пространства имеет чисто идеологическую функцию в интересах империализма. Сравнение с более ранними теориями населения очень показательно. Политика начала XIX столетия руководствовалась одним только страхом, лаконично выраженным принцем Эттинген-Валлерштейном перед второй палатой Баварии в 1834 г.: «Нужно закрыть дорогу к революции, сделав для тех, кто не имеет собственности, затруднительным жениться».⁴² В целой серии актов (1828, 1833, 1852 гг.) герцогство Вюртемберг требовало правительственного разрешения на брак и перечисляло длинный список запретов. Это знаменовало собой резкий отказ от раннего меркантилизма, который аннулировал брачные ограничения и даже поощрял внебрачных детей, чтобы создать запасы рабочей силы. Многие другие земли, включая Баварию, последовали примеру Вюртемберга.

Один сочинитель в 1827 г. зашел даже так далеко, что сделал циничное предложение, чтобы все молодые люди были подвергнуты инфибуляции — обязательному ношению металлических колец, предотвращающих половые сношения — до тех пор, пока мужчина не докажет свою способность содержать жену и детей.⁴³ Даже известный либеральный конституционалист Роберт фон Мольте находил необходимым приводить доводы против неограниченных браков, хотя сам он включал брак в ряд первоначальных прав человека.⁴⁴ Другие предлагали меры, дискриминирующие внебрачных детей или требующие различных финансовых гарантий для разрешения на брак.⁴⁵ Все это с целью предотвратить дальнейший рост населения и его предполагаемую угрозу безопасности правящего класса.

Насколько иной была техника национал-социализма. Своим расовым империализмом он стремился инкорпорировать массы в новую авторитарную структуру общества, обещая им участие

⁴² Так сообщает: *Thudichum F.* Über unzulängliche Beschränkungen des Rechts der Verehelichung. 1866. P. 66.

⁴³ *Weinhold C. A.* Von der Überbevölkerung in Mitteleuropa und deren Folgen auf die Staaten und ihre Civilization. Halle, 1827.

⁴⁴ *Robert von Mohl.* Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaats. Vol. I. 1832.

⁴⁵ *Luden H.* Über Sinn und Inhalt des Handbuchs der Weisheit. 1811; *Rau K. H.* Lehrbuch der politischen Ökonomie. 1826.

в грядущей прибыли мирового завоевания. Доктрина жизненного пространства готовила идеологический, а демографическая политика — материальный путь увеличения расы господ.

4. Новое международное право

Идеология экспансии не завершается традицией, геополитикой и повышением рождаемости. Необходимо и новое международное право: правильное, возможно, — новое на каждой стадии международных отношений. Национал-социализм сделал вклад в международное право, к удивлению тех, кто верит, что национал-социалистическая политическая теория — это простой государственный абсолютизм. Почему бы, в конце концов, и нет? Национал-социализм еще до 1933 г. всегда использовал либеральные демократические формы, где они могли быть полезны для достижения определенных целей. Разве национал-социалисты, прежде чем захватить власть, не в полной мере пользовались гражданскими правами, особенно свободой печати и парламентским правлением? После прихода к власти, уничтожив гражданские права дома, они все же могли использовать международное право в своих отношениях с внешним миром. И они были весьма откровенны. Один национал-социалистический юрист, специалист по международному праву, писал: «В силу особых причин юристы-международники, обладающие репутацией, должны доказывать, что старая концепция международного права совместима с национал-социалистической философией жизни. Теперь же, продолжает он, Германия обязана попытаться, используя международное право наряду с другими средствами, удостовериться, что требования, налагаемые на нее, открывают путь к лучшему строю».⁴⁶ Что удивительно — за пределами Германии, особенно в Англии, эксперты в международном праве, по-видимому, не отдавали себе отчет в той игре, которая разыгрывалась.

Альтернативой для национал-социалистов могло бы стать возрождение старой прусской доктрины Филиппа и Андреаса Зорна,

⁴⁶ Günther Kraaz. Nationalsozialistisches Völkerrechtsdenken // Reichs- und Preussisches Verwaltungsblatt. 1934 (55). P. 7. См. также: Ernst Wolgast. Nationalsozialismus und internationales Recht // Deutsches Recht. 1934. P. 196, где он говорит: «Доводы о полезности делают желательным принять международное право, которое всегда сковывает сильную власть».

что международного права не существует, что органом предполагаемого международного права является просто внешний государственный закон, подчиненный суверенной власти государства. В качестве альтернативы они могли бы отступить к *clausula rebus sic stantibus*: фундаментально изменившиеся обстоятельства позволяют стране выходить из всех существующих международных обязательств. Одна попытка в этом направлении на самом деле была сделана национал-социалистическим юристом по фамилии Шехер.⁴⁷ Он обязался доказать, что национал-социалистическая философия неизбежно дает внутреннему закону государства безграничное превосходство над международным правом. Последнее имеет значение только в той мере, в какой оно образует часть внутренней правовой системы, и одно только государство это определяет. Официальные теоретики были гораздо умнее, чем Шехер, и его взгляды были отвергнуты почти единодушно.

В равной мере было неудачным и понятие геоюриспруденции,⁴⁸ меньше упоминаемое, потому что оно энергично поддерживалось Хаусхофером. Геоюриспруденция стремилась переформулировать международное право в терминах вассалов, колоний, протекторатов и федераций, разработанных на геополитических принципах. Основная проблема такой аргументации в том, что пространство может сделать юридическую независимость бессмысленной. Когда можно открыто захватывать государства, например Австрию или Швейцарию, то независимость такого государства не имеет никакого значения. С другой стороны, Данциг, Мемель, Саар и даже юго-западный перешеек Баварии пространственно уязвимы по той же самой причине и нуждаются в дополнительной защите. (Единственный необходимый комментарий — это военный аргумент, с пространством, взятым словно вслепую).

Избавление от уз Версаля

Использование международного права с целью преодоления предписаний, навязанных Германии, с целью избавления от уз

⁴⁷ *Ludwig Schecher*. Deutsches Aussenstaatsrecht. Berlin, 1933. См., в частности, прекрасное обсуждение: *Eduard Bristler* (псевдоним *John H. Herz*). Die Völkerrechtslehre des Nationalsozialismus. Zürich, 1938.

⁴⁸ *Manfred Langhans-Ratzburg*. Die grossen Mächte geojuristisch betrachtet. Berlin, 1931.

Версаля в таком случае официально одобрено. Германия должна возратить равенство с другими великими державами посредством перевооружения, милитаризации Рейнской области, избавления от «колониальной несправедливости» и «территориального позора». Именно это большинство юристов-международников Германии фактически и утверждало начиная с конца Первой мировой войны. «Очищение от позора Версаля» — эта фраза всегда была под рукой в Веймарской республике. Они всегда верили, что Версальский договор не имел законной силы, потому что это был навязанный мир, аргументируя это или аналогией с гражданским правом, где договора, заключенные под принуждением, недействительны, или напоминанием о *clausula rebus sic stantibus*, или обвинением в неисполнении обещаний Четырнадцати положений и примечания Лансинга 5 ноября 1918 г. Другие говорили, что договор входил в противоречие с вечными идеями справедливости. После прихода Гитлера к власти все эти обертки были, конечно же, отброшены, и нападки на Версальский договор стали гораздо более энергичными и бранными.⁴⁹ Подавляющее большинство народа Германии, бесспорно, поддерживало требования его пересмотра при условии, что он может завершиться мирно.

Ведущим голосом в ревизионистском хоре национал-социалистов был голос Карла Шмитта.⁵⁰ В качестве лейтмотива он вводит естественное право, понятие, которое национал-социалисты строго исключали из их внутреннего права. «Не воля человека и не его правила, — писал коллега Шмитта, — но природа является законом человека и пределом его власти».⁵¹ Термин «естественное право» вообще отклоняется по весьма очевидным причинам, но настойчивое требование справедливости и морали и сама форма аргументации и есть не что иное, как рационалистическое естественное право, восходящее к Гроцию.

Рационалистическая аргументация облачена в терминологию иррационализма.⁵² Не человек, но общество ставится в центр си-

⁴⁹ Cp.: *Bristler*. Op. cit. P. 73–77.

⁵⁰ *Nationalsozialismus und Völkerrecht*. Berlin, 1934.

⁵¹ Так считает профессор *Viktor Bruns* (который при Веймарской республике и после был директором Института внешнего публичного права и международного права в Берлине). *Völkerrecht und Politik*. Berlin, 1934. P. 24.

⁵² *Franz Neumann*. *Types of Natural Law // Studies in Philosophy and Social Science*. 1939 (VIII). P. 338–361.

стемы. Поскольку сущность общества в том, чтобы препятствовать преобладанию одного его члена над другим, и поскольку международное сообщество — это общество, то международное неравенство нарушает сущность международного права. Германия справедливо требует своих прав на равенство. Хитрость и мошенничество аргументации заключается в равенстве на словах. Ни в коей мере нельзя спорить с аргументом, что в силу их суверенитета все государства равны. Международное право не может существовать без признания этого принципа при условии, что равенство понимается как юридическая категория. Таким же образом равенство всех людей в их правовой системе означает правовое равенство, то есть незаконность рабства и т. д. Национал-социалисты тем не менее не останавливаются на этом формальном понятии. Для них равенство также означает право каждого государства на адекватное жизненное пространство. Это имеет все виды нравственных и политических следствий.⁵³ Карл Шмитт перечисляет целый каталог прав, таких как вечное право на существование, самоопределение, защиту и так далее.⁵⁴

Вся цепочка рассуждений не обладает ни оригинальностью, ни достоверностью. Сторонники таких рассуждений признают, что они стирают границу между нравственностью и правом.⁵⁵ Если мы согласны с недавней американской работой, где утверждается, что это прогресс,⁵⁶ то тогда мы можем опровергать национал-социалистов в политических и нравственных терминах, но не в терминах права. Тем не менее, если мы сохраняем традиционное разделение между правом и нравственностью как существенное — как это делаю я — чисто произвольный характер рассуждений становится ясным. Возможно, Германии следует позволить милитаризировать Рейнскую область и оккупировать Данцигский коридор. Вопрос не в этом. Оправдывать этот акт международным правом — значит делать право простой проституткой политики.

Аргумент, бесспорно, имеет популярную притягательность. Он довольно успешно обманул цивилизованный мир. Национал-со-

⁵³ *Carl Bilfinger*. Gleichheit und Gleichberechtigung der Staaten // *Nationalsozialistisches Handbuch für Recht und Gesetzgebung*. 2nd ed. 1935. P. 100.

⁵⁴ *Bristler*. Op. cit. P. 83. *Schmitt*. Op. cit. P. 7, 8.

⁵⁵ *Heinrich Rogge*. Hitlers Friedenspolitik und das Völkerrecht. Berlin, 1935. P. 10.

⁵⁶ *Lon L. Fuller*. The Law in Quest of Itself. Chicago, 1940. P. 5.

циалистическая пропагандистская машина знает, как доставить сочинения своих юристов-международников в уважаемые иностранные издания. Это помогало. Их привычка исключать Советскую Россию из международного сообщества помогала также. Они поддерживали такое членство в международном сообществе, которое требует однородности, множества общих черт и верований.⁵⁷ Этот аргумент, очевидно, заимствован из учения, что демократия может функционировать, только если есть определенная степень однородности внутри ее границ.⁵⁸ Только каковы элементы этой международной однородности, никогда не становится ясным. Что оказывается совершенно ясным, так это тот факт, что Советский Союз не разделяет ни одной из черт цивилизованного мира и поэтому стоит за оградой международного права.⁵⁹

Отлучение Советской России было установлено декретом Гитлера в его речи на партийном съезде 1936 г. Эта речь вызвала целый поток литературы.⁶⁰ Абсурдные в качестве аргументов, они были беспорной помощью национал-социалистической внешней политике. Заявления в парламенте и в Лиге громко провозглашали милитаризацию Рейна и введение всеобщей воинской повинности в Германии. Эти заявления тем не менее не были искренними и не сопровождались действиями. Ни британские лейбористы, ни либералы или миротворцы не отрицали законности требований Германии.

Новый нейтралитет и справедливая война

В других ситуациях, особенно в вопросе о нейтралитете, смешение права и нравственности приводило к неверным решениям. В таких случаях национал-социалисты возвращались к строгому традиционализму. Не так давно английские и американские юристы-международники возродили средневековое и раннее либеральное понятие справедливой войны, и они разделяли права и обязанности нейтральных государств в зависимости от характера

⁵⁷ *Carl Schmitt. Sowjet-Union und Genfer Völkerbund // Völkerbund und Völkerrecht. 1934, 1935 (I). P. 263.*

⁵⁸ *Carl J. Friedrich. Democracy and Dissent // Political Quarterly. 1939. P. 571–582.*

⁵⁹ *Norbert Gürke. Volk und Völkerrecht. Tübingen, 1935. P. 84, 99.*

⁶⁰ *Bristler. Op. cit. P. 134.*

войны. Возможно, лучшее выражение этой точки зрения было дано тогдашним генеральным прокурором Робертом Х. Джексоном в его обращении к Международной ассоциации юристов 27 марта 1941 г. Джексон обрушился с нападками на тех, кто «отстал от этого столетия, которое своим Соглашением о Лиге Наций о санкциях против агрессоров, договором Келлога—Бриана об отказе от войны как инструменте политики и аргентинским антивоенным договором отбросило напрочь все основания XIX века для утверждений, что все войны похожи, а всем солдатам надлежит любить договариваться.⁶¹ Нейтральные страны должны помогать тем нациям, которые сражаются, чтобы отразить агрессию — в справедливой войне. В рамках той же самой тенденции есть значительный пласт литературы, где утверждается, что нейтральные страны могут проводить политику дискриминации в отношении любой нации, нарушающей договор Келлога—Бриана. Две важные статьи в «Британском Ежегоднике международного права 1936 г». заходят, например, еще дальше.⁶²

Эта новая теория, особенно в формулировке Джексона, должна была быть совершенно приемлемой для германской философии права. И тем не менее она подвергала ее нападкам, пробуждая к жизни самые старые рационалистические аргументы. Тот же самый Карл Шмитт, который изобрел «мышление в конкретных выражениях», чтобы заменить им абстрактное рационалистическое мышление, посвятил множество статей борьбе с новой теорией войны и нейтралитета. Он отрицал различие между справедливой и несправедливой войной и что нейтралитет может быть «двояким». ⁶³ Либо война, утверждал он, — это все же правовой институт, в котором предпочтение отдается одной стороне, и участие нейтральной страны делает ее воюющей стороной; либо война — это просто политическая мера, предпринимаемая каким-либо сверхнациональным учреждением.

Германские юристы утверждали далее, что английская декларация о войне с Германией нарушает соглашение Лиги и что до-

⁶¹ The New York Times. 28 March 1941. Cp. с обсуждением: *Philip C. Jessup*. *Neutrality*. Vol. III. New York, 1936. P. 179.

⁶² *Sir John Fisher-Williams*. *Sanctions under the Covenant, and Arnold D. McNair*. *Collective Security*.

⁶³ *Carl Schmitt*. *Das neue Vac Neutris // Völkerbund und Völkerrecht*. 1937–1938 (4). P. 633–638; *Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff*. Munich, 1938.

говор Келлога—Бриана становится недействительным в силу множества оговорок, уничтожающих его всеобщность.⁶⁴ Поэтому не существует никакого правового основания для дискриминации Германии. С большим удовольствием они цитируют воззрения Бушара и Лэйджа на британские оговорки к договору Келлога—Бриана.⁶⁵ Мы могли бы отметить, наконец, что противоположная точка зрения не завоевала всеобщего одобрения в Соединенных Штатах. В длительных и широко обсуждаемых сообщениях в «Нью-Йорк таймс» Хайд и Джессап, например, утверждали, что отмена старого закона о нейтралитете не была нейтральной и нарушала принцип беспристрастности.⁶⁶

В то время как немцы разрабатывали свои новые теории международного права, французское и британское правительства разрушали Лигу Наций. В речи 10 октября 1936 г. король Бельгии Леопольд II объявил о разрыве односторонних обязательств и одобрении политики абсолютного нейтралитета, по образцу голландской и швейцарской моделей. Английское общественное мнение открыто признало это смертельным ударом по коллективной безопасности. Но по крайней мере один английский юрист-международник был рад обозначить свое одобрение в немецком журнале, с которым он часто сотрудничал.⁶⁷ Англия, считал он, все еще будет бороться, чтобы поддерживать голландскую и бельгийскую независимость — не ради международного права или Лиги Наций, но только чтобы защитить интересы империи. Он был в равной мере уверен, что Британия не будет принимать участия ни в каком конфликте, вытекающем из франко-советского договора.

В другой части континента мы находим Швейцарию — никогда чрезмерно не дружественную к Лиге и частично освобожденную от обязательств Соглашения после лондонского заявления 13 февраля 1920 г. — возвращающуюся к позиции абсолютного

⁶⁴ *Carl Bilfinger*. Die Kriegserklärungen der Westmächte und der Kelloggspakt // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 1940 (10). P. 1–23.

⁶⁵ *Edwin Borchard and William Potter Lage*. *Neutrality for the United States*. New Haven, 1937. P. 293.

⁶⁶ Их письмо от 21 сентября 1939 г.

⁶⁷ *Smith H. A.* Grossbritannien und die belgische Neutralität // *Völkerbund und Völkerrecht*, 1936–1937 (3). P. 513–518.

нейтралитета 22 декабря 1937 г./14 мая 1938 г. Сходное развитие имело место и в Скандинавии.⁶⁸

Германская теория одержала иную победу не из-за ее достоинств, но по причинам политической целесообразности. Само собой разумеется, что нейтральные государства не были выгодоприобретателями, за исключением, возможно, Швеции и Швейцарии на короткое время. Германские атаки на теорию справедливой войны и дискриминации нейтралитета были не чем иным, как частью подготовки к новой мировой войне.

Германская доктрина Монро

Для вступления в настоящую войну был тем не менее разработан совершенно новый образец международного права: германская доктрина Монро. Геополитика и международное право объединились.

Теория «большого пространства» не обязательно должна была приводить к преобразованию принятого международного права. Если кто-то утверждает, что государства — это единственные субъекты международных отношений, не имеет значения, являются ли и эти субъекты государствами с маленьким или с большим пространством, дают ли они себе причудливое название *рейха* или довольствуются просто «государством». Таково представление многих немецких юристов-международников.⁶⁹ Но господствующая школа отбросила оба традиционных понятия — государства и международного права. Один автор поставил проблему следующим образом: «Если развитие действительно обладает тенденцией к большим пространствам, то тогда или «международное право» касается отношений между большими пространствами, или же закон свободного народа, живущего на общем большом пространстве».⁷⁰ Сама формулировка вопроса обнару-

⁶⁸ *Dietrich Schindler* (University of Zürich). *Die schweizerische Neutralität*. P. 413–444; and *Edward Hambro*. *Das Neutralitätsrecht der nordischen Staaten*. P. 445–469. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. 1938 (8).

⁶⁹ *Carl Bilfinger*. *Englische Völkerrechtspolitik, ein Rückblick* // *Deutsches Recht*. 1941. P. 225–228.

⁷⁰ *Carl Schmitt*. *Raum und Grossraum im Völkerrecht* // *Zeitschrift für Völkerrecht*. 1940 (24). P. 145–179, p. 145.

живает основной мотив. Она не только характеризует поляков, чехов, голландцев, бельгийцев и евреев как «свободные» народы, но также и оправдывает иерархию рас внутри германского государства сводом правил, называемым международным правом, но фактически являющимся не чем иным, как государственным правом империи. Иными словами, отношения отдельных государств друг к другу больше не находятся в рамках международного права. Наоборот, неприкосновенность международного права отвергается как применимая только к положению внутри каждой из империй.⁷¹

Такая схоластическая стратегия имеет еще более далеко идущие последствия. Тенденция к большим пространствам, понятым Ратцелем как простой географический феномен, теперь становится историко-политическим процессом. Экономика больших пространств предшествует политике больших пространств. Большие пространства получили свой мандат благодаря образованию трестов, монополизации, электрификации и рационализации германской промышленности.⁷² Интегрирующая функция технологии не видна в рамках программы территориального разделения труда, но в программе территориальной экспансии она достаточно велика, чтобы поглощать продукты экономических гигантов. Внутренняя связь между монополистической экономикой и территориальными завоеваниями становится полностью открытой.

Традиционное международное право осуждается как творение евреев⁷³ и как личина британского империализма. Пространство должно стать первичной основой международного порядка⁷⁴ — иными словами, возвращение регионалистских идей. Это национал-социалистический регионализм против универсалистского международного права британского империализма и интервенционизма. «За фасадом общих норм (международного права) лежит на самом деле система англо-саксонского мирового империа-

⁷¹ S. S. Brigadeführer *Dr. Werner Best*. *Rechtsbegriff und Völkerrecht* // *Deutsches Recht*. 1939. P. 1345–1348.

⁷² *Schmitt*. Op. cit. P. 145.

⁷³ *Ibid*. P. 147.

⁷⁴ *Carl Schmitt*. *Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte*. Berlin; Vienna, 1939. P. 12, 13. Более поздние издания мне недоступны.

лизма».⁷⁵ Универсализм работает при условии, что равенство всех подразумевается в самом понятии суверенитета. Поскольку государства больше не стоят в центре международного права, идеи государственного суверенитета и государственного равенства должны отпасть. Универсализм должен быть заменен мышлением в «конкретных порядках», а самый конкретный из всех существующих порядков — это *großdeutsche Reich*. Книга Стединга очень близка этой концепции, и хотя она нашла несколько иные отзвуки в Германии, национал-социалистические юристы-международники уделяли ей большое внимание.⁷⁶

Как на прецеденты их нового регионализма германцы указывают на такие пространственные последствия современной войны, как идея опасных зон в американском законе о нейтралитете и *зоны безопасности* в панамской конвенции 3 октября 1939 г. В представлениях немцев первая идея имеет особое значение, потому что она отвергает свободу морей, основной принцип международного универсализма, и заменяет ее принципом зон. Сходным образом зона трехсот миль, провозглашенная в панамской конвенции, рассматривается как необходимое следствие идеи больших пространств, лежащей в основе доктрины Монро, и как противоречащая нейтралитету.⁷⁷ У германских теоретиков вызывает ликование новая переработка доктрины Монро в панамериканизм. «Принцип порядка, — пишет один из них, — был объявлен имеющим значение для всего мира».⁷⁸ Кроме того, именно американский эксперт, Квинси Райт, сказал о гаванском пакте: «Если первоначально доктрина Монро имела дело только с земными пространствами в Западном полушарии, то теперь предполагается расширить ее и на моря. Первоначально доктрина Монро была связана с общим утверждением свободы морей, но в ее новой форме она имеет некоторое сходство с доктриной *mare clausum* Испании и Португалии в XVI столетии, против которой Гроций выдвигал

⁷⁵ Ibid. P. 43.

⁷⁶ Carl Schmitt. Der Reichsbegriff im Völkerrecht // Deutsches Recht. 1939. P. 341–344. Carl Schmitt. Neutralität und Neutralisierung. Zu Christoph Steding... // Deutsche Rechtswissenschaft. 1939 (4). P. 97–118.

⁷⁷ Ulrich Scheuner. Der Gedanke der Sicherheit Amerikas auf den Konferenzen von Panama und Habana und die Monroe-Doktrin // Zeitschrift für Völkerrecht. 1940 (24). P. 273–292, esp. P. 275.

⁷⁸ Ibid. P. 276.

принцип *mare liberum*». ⁷⁹ Это требование национал-социалистов идентично с основной идеей германо-итальяно-японского пакта 27 октября 1939 г.

Германская доктрина, таким образом, противопоставляла два подхода: региональный, антиуниверсалистский принцип пространства и универсалистский британский принцип безопасности жизненных линий в любой части мира. Доктрина Монро становилась наиболее успешным примером крупномасштабного принципа в международном праве. ⁸⁰ Утверждая, что то, что является соусом для гусыни, является соусом и для гуся, Риббентроп прекрасно использовал доктрину Монро в ответе 1 июля 1940 г. на предупреждение госсекретаря Холла, что Соединенные Штаты не могут «согласиться ни с какой попыткой передать какой-либо географический регион Западного полушария от одной неамериканской державы к другой неамериканской державе». ⁸¹ Риббентроп вначале отверг значение такой интерпретации доктрины Монро, а затем закончил следующим: «Правительство рейха хотело бы воспользоваться случаем, чтобы указать как на принцип на то, что невмешательство европейских государств в дела американского континента может быть оправдано, если американские государства, со своей стороны, также воздерживаются от вмешательства в дела европейского континента».

Начиная с первой мирной конференции в Гааге в 1909 г. Соединенные Штаты настаивали, что доктрина Монро занимает исключительное положение. ⁸² Американские юристы всегда спрашивали, может ли она быть квалифицирована как международное право вообще. Они предпочитали рассматривать ее как выражение права на самооборону, никоим образом не вступающего в противоречие с универсальностью международного права. В руках

⁷⁹ Rights and Duties under International Law as affected by the U. S. Neutrality and the Resolution of Panama // American Journal of International Law. 1940 (34). P. 248.

⁸⁰ Schmitt. Völkerrechtliche Grossraumordnung... P. 23; Heinrich Triepel. Die Hegemonie. P. 298–301.

⁸¹ Key. 1940 (II). P. 116.

⁸² Art. 21 of the League Covenant. Cp.: James T. Shotwell. War as an Instrument of National Policy. New York, 1929. P. 20; и André N. Mandelstam. L'interprétation du pacte Briand–Kellogg par les gouvernements et les parlements des Etats signataires. Paris, 1934 (P. 32–95 о доктрине Монро).

Германии исключение теперь становится правилом. Больше нет одного международного права, но их столько, сколько империй, то есть больших пространств. Великий немецкий рейх — создатель своего собственного международного права для своего собственного пространства. Интервенционисты должны держаться подальше.

Постулаты германской доктрины Монро кажутся на первый взгляд убедительными. Едва ли какой-либо другой идеологический элемент, помимо международного права, вызывал к себе такое глубокое презрение в нашей цивилизации. Каждое поколение видело, как в качестве инструмента для организации мира оно рушится, а теория, которая избавляется от его универсалистских требований, обладает тем очевидным преимуществом, что представляется реалистичной. Ошибка также тем не менее должна быть очевидной. Отвергать универсализм из-за его неудач — это то же самое, что отрицать гражданские права, потому что они помогают узаконить и скрыть классовую эксплуатацию, или отрицать демократию, потому что она скрывает контроль хозяина, или христианство, потому что церкви извратили христианскую мораль. Столкнувшись с коррумпированным отправление правосудия, разумный человек не требует возвращения к войне всех против всех, но борется за честную систему. Точно так же, когда мы показали, что международное право неправильно использовалось для империалистических целей, решение нашей задачи было начато, но не закончено. Мы должны бороться против империализма.

То, что служит соусом для гусыни, служит соусом и для гуся — именно это мы и понимаем под справедливостью. Но действительно ли эти соусы одинаковые? Никто не может отрицать, что доктрина Монро была когда-то идеологической основой для американского империализма. В своем президентском послании 1904 г. Теодор Рузвельт потребовал, чтобы соединенные Штаты занимали позицию высшего арбитра для всего американского континента. Частые вмешательства, особенно в Карибском море, сделали доктрину непопулярной в латиноамериканских странах. При администрации государственного секретаря Чарльза Эванса Хьюза доктрина Монро тем не менее начала утрачивать свою интервенционистскую и империалистическую остроту, а во времена администрации Рузвельта она смешалась с принципом панамериканской солидарности. Государственный секретарь Холл сформу-

лировал новую концепцию в своем пресс-релизе, комментирующем обмен нотами с германским правительством:

«Она (доктрина Монро) не содержит в себе ни малейшего следа подразумеваемой, а еще меньше утверждаемой гегемонии со стороны Соединенных Штатов. Она никогда не была похожа и она не похожа и сегодня на политику, которая кажется подобной доктрине Монро, но которая вместо того, чтобы опираться на ... уважение к существующим суверенитетам, оказывается лишь предлогом для расширения завоеваний посредством оружия... и полного экономического и политического доминирования некоторых держав».⁸³

Мы можем с готовностью признать, что панамериканская солидарность — это не просто высокий идеал. Однако экономическое проникновение одной страны все еще очень отличается от полного политического и экономического контроля со стороны другой нации. Сопротивление многих латиноамериканских стран американскому лидерству на всех последних конференциях полушария предоставляет тому достаточное доказательство. Когда Соединенные Штаты полностью осознают необходимость панамериканской солидарности, они поймут, что она должна быть укоренена в сотрудничестве больших масс рабочих, крестьян и представителей среднего класса, а не только в деловых отношениях с латиноамериканскими правящими группами, готовыми объединиться с великой державой, желающей гарантировать им политический статус, прерогативы и роскошь. Солидарность между правительствами должна быть сцементирована солидарностью народов. Это самая большая политическая задача Америки. А даже в его существующей рудиментарной форме панамериканизм крайне отличается от германской концепции доктрины Монро. Американская основа — демократическое соглашение суверенных государств; Германия знает только завоевание и господство.

Народ против меньшинства

На первый взгляд можно было бы предположить, что для расовой теории нет места в доктрине международного права о боль-

⁸³ Key. 1940 (II). P. 118.

ших пространствах. Тем не менее именно здесь концепции рейха и расы сливаются.

Есть популярное мнение, что настаивание национал-социалистов на расовом законе — это просто идеология с практическими последствиями только для евреев, и что германская практика международного права оперирует старыми концепциями. Похожая идея широко поддерживается в германской политической теории. Упадок государства как во внутреннем, так и в международном праве — это не просто идеология; он выражает главную практическую тенденцию. Мы уже видели, что Карл Шмитт и его последователи отказываются называть правовые отношения между соперничающими империями международным правом, но ограничивают это термин правом между расовыми группами внутри каждой империи. Иными словами, эта теория воспринимает отрицание государства и государственного суверенитета серьезно. Идеологическая цель, очевидно, состоит в том, чтобы придать германскому решению проблемы расовых меньшинств неприкосновенность международного права. Главное политическое следствие — это отказ от принципа защиты меньшинства ради так называемого *Volksgruppenrecht*, закона «фолк-групп».

Способ, каким рассматриваются религиозные, национальные, расовые и культурные меньшинства, может быть взят как показатель нравственного и культурного уровня государства. Становится очевидным во время парижской мирной конференции, что принцип самоопределения Вильсона сам по себе был недостаточен для решения этой самой неотложной из европейских проблем. Вмешиваются военные, экономические, географические и исторические доводы. Меньшинства остаются. Их защита не может быть оставлена на усмотрение государств, в которых они жили. Отцы Версальского договора и соглашения о Лиге Наций поэтому установили систему международных правил под опекой Лиги. Фактически предоставление международной защиты впервые появилось в договоре, заключенном союзническими и объединенными державами с Польшей, и это соглашение служило моделью для всех остальных восточноевропейских государств, которые должны были принять сходные обязательства прежде, чем они могли бы получить допуск в Лигу.

Идея защиты меньшинств отражает лучшее наследие либерализма.⁸⁴ Юридическое и политическое равенство всех граждан гарантируется «без различия по рождению, национальности, языку, расе или религии». Должны быть неограниченное использование любого языка в частной жизни и соответствующие возможности для его использования в судах. Везде, где меньшинство образует «значительную пропорцию жителей», государство обязано обеспечивать начальное образование на языке меньшинства и оплачивать стоимость образовательных, религиозных и социальных служб. За свой собственный счет меньшинства могут создавать и поддерживать свои собственные школы и другие социальные и культурные учреждения. Свобода вероисповедания должна быть неограниченной. Спорные вопросы могли бы ставиться перед Лигой, а в конечном счете перед Мировым судом в Гааге.

Соглашения о меньшинствах первоначально были нацелены на равенство и только во вторую очередь на защиту особого национального характера и культуры. Главная практическая трудность в выполнении их предписаний состояла в том, что меньшинства не имели коллективных прав и не могли действовать как защитники своих собственных интересов. Поэтому международная защита в лучшем случае была не защитой национального меньшинства как такового, но защитой каждого из его членов.⁸⁵ Более того, Лига слишком часто находила целесообразным становиться на сторону суверенных государств. Даже столь бесчеловечная акция, как польская карательная экспедиция против украинцев в Восточной Галиции, последствия которой у меня была возможность наблюдать лично, не вызвала серьезных протестов Лиги. В конечном счете правовая защита по договору была не более успешной, чем попытки меньшинств организовывать и проводить ежегодные конференции во всех европейских странах, исключая Советскую Россию. Попытки полностью прекратились с упадком

⁸⁴ *Max Hildebert Böhm*. Minorities, national // *Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. X. P. 521; and *Oscar I. Janowsky*. The Treatment of Minorities // *International Conciliation*. 1941. N 369. P. 287–294.

⁸⁵ Важный документ, подводящий итог положению меньшинств, — это меморандум, переданный палате общин лордом Крэнборном, тогда государственным секретарем, и Уильямом Стрэнгом из Лиги Наций. Он опубликован в: *The Congress of the European National Minorities*. London: H. M. Stationery Office, 1937.

Лиги, и ее основные принципы были окончательно отброшены британским правительством во время судетского кризиса в сентябре 1938 г.

Нет надобности говорить, что национал-социалистическая теория и практика использовала совершенно новый подход — закон о фолк-группах.⁸⁶ Его цели могут быть суммированы по контрасту с неудачным образцом международной защиты меньшинств.

Международная защита меньшинств	Закон о фолк-группах
Стремится к равенству всех членов меньшинств с другими гражданами	Стремится к различию политического и правового статуса каждой группы в соответствии с ее особым характером
Защищает меньшинства с международной гарантией	Закрепляет защиту исключительно за родиной
Ее особенность в том, что она не признает меньшинства как правовые единицы, но признает индивидуальные права членов группы	Признает группу юридической единицей и не признает индивидуальные права ее членов
Видит определяющий признак меньшинства в объективном факторе (раса, религия, язык) или в субъективном факторе приверженности индивидов к группе	Видит определяющий признак фолк-группы в объективном факторе расы или в субъективном факторе и в признании члена группой

⁸⁶ Идеологическая основа была впервые разработана: *Max Hildebert Böhm. Das eigenständige Volk. Göttingen, 1932.* Самым пылким защитником был *Werner Hasselblatt* (консул в Совете германских фолк-групп в Европе). Его вкладом были работы: *Die politischen Elemente eines werdenden Volksgruppenrechts // Jahrbuch der Akademie des Deutschen Rechts. 1938. Berlin and Munich, 1938. P. 13–24; Volkspolitische Wende in Europa // Europäische Revue. 1939 (XV). P. 28–34; Die sudetendeutschen Anträge über Volksgruppenrecht // Zeitschrift der Akademie für Deutsches Recht. 1937. P. 353–361.* Также: *Herbert Kier. Über die Gestaltung eines Volksgruppenrechts // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 1937 (VII). P. 497–500; Walz G. A. Grundlagen des Volksgruppenrechts / Ed. Paul Ritterbusch // Politische Wissenschaft. Berlin, 1940; and Artgleichheit gegen Gleichartigkeit. Hamburg, 1938. P. 44–45.*

Национал-социалистическое отрицание эгалитаризма — это, бесспорно, шаг назад, это отрицание того самого принципа, который отличал западную цивилизацию от предшествующих обществ. Национал-социалисты ухватились за очевидное несоответствие простого правового и конституционного равенства и указывают, что формальное равенство склонно только скрывать социально-экономические привилегии и эксплуатацию. Мы должны признать некоторую справедливость их обвинений. «Конкретная личность» фолк-группы должна быть, конечно же, принята во внимание. Законодатели и правительства должны учитывать актуальную экономическую, культурную и социальную ситуацию каждого меньшинства, не жертвуя, однако, основным принципом правового и конституционного равенства. Идея фолк-группы может, кроме этого, подразумевать право меньшинства предстать перед национальным или международным судом в качестве защитника его членов или даже от имени группы в целом. Здесь и скрывается характерная уловка любой национал-социалистической критики традиционных западных концепций, так как национал-социалисты не предпринимают попыток преобразовать социально-экономическую структуру, чтобы сделать формальное равенство реальным. Вместо этого они используют правомерную критику, чтобы отвергнуть даже правовое равенство. Эта техника характеризует всю концептуальную и интеллектуальную структуру национал-социализма. В их руках «конкретная личность» фолк-группы на самом деле означает дифференциацию среди групп с целью сталкивать их друг с другом. Завоеватель навязывает иерархию рас. Идея фолк-группы есть не что иное, как механизм, удерживающий некоторые группы внизу, приглашая другие разделить добычу завоевания.

Отказ от международных гарантий и замена защиты от родной страны были приняты лордом Рансиманом и Невиллом Чемберленом в зловещие осенние дни 1938 г.⁸⁷ Это было преступление против международного права и защиты меньшинств, хотя и неизбежное следствие краха Лиги. Будь это только временная мера, потеря прав меньшинств могла бы быть принята без больших возражений. Национал-социализм, однако, считает, что новая система будет постоянным решением. Карл Шмитт отрицает само существование международного права среди соперничающих империй. Хассельблатт, который больше всех других участвовал

⁸⁷ *Frederick L. Schuman. Europe on the Eve. New York, 1939. P. 384.*

в составлении предложений немецкой партии Судет, называет свой законопроект 27 апреля «внутренним государственным международным правом».⁸⁸ Мы явно сталкиваемся с одним из самых зловещих аспектов новой германской теории. Принятие принципа, что родная страна является политическим защитником меньшинств, означает не только отрицание рациональных международных отношений, но также и конец внутреннего единства в каждом государстве, имеющем значительные меньшинства. Это делает коренной народ арбитров в споре между государством и живущими в нем меньшинствами. Вместо вмешательства международного сообщества, основанного на рациональных нормах и процедурах национал-социалисты требуют произвольного вмешательства родного государства — расового империализма, иными словами. Предполагаемые расовые связи должны быть более сильными, чем юридическая или политическая преданность. Происхождение имеет приоритет над гражданством. Расовые германцы по всему миру остаются германцами, членами фолк-группы, подчиняющимися ее законам. Пятая колонна возвышена до учреждения (меньшинства в Германии являются, конечно же, учреждением).

Признание расовой германской группы как корпорации в соответствии с публичным правом сочетается с требованием полной автономии и равного участия в управлении. В этом было явное значение предложение немецкой партии Судет 27 апреля 1937 г.⁸⁹ Шесть законопроектов, которые она вносила, особенно проект уголовного закона против «злоупотребления национализацией», подвергали чехословацкое государство давлению со стороны немецкого меньшинства. Предложения Рансимана шли еще дальше и фактически выводили немцев из-под чехословацкого суверенитета.⁹⁰ Признание меньшинства как публичной корпорации, как ее понимают немцы и применяют в Чехословакии, Венгрии и Румынии,⁹¹ создает таким образом государство в государстве и освобождает германскую группу от суверенитета государства.

⁸⁸ Die sudetendeutschen Anträge. P. 353.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Schuman. Op. cit. P. 387.

⁹¹ О договорах о меньшинствах между Германией и Венгрией и между Германией и Румынией см: *Freiherr von Freytagh-Loringhoven*. «Politik und Recht» // Europäische Revue. 1941 (XVII). P. 7.

В Нидерландах голландский уголовный закон и администрация были заменены германским законом во всех уголовных преступлениях, совершенных немцами, бывшими германскими гражданами или гражданами протекторатов Богемии и Моравии.⁹² Германский уголовный закон применялся также к любому, кто совершил преступление против *großdeutsche Reich*, немецкого народа, национал-социалистической партии, ее группировок или филиалов, против германских граждан, против любого, нанятого на работу рейхом или находящегося на службе у германских властей; или если преступление совершено в зданиях или на заводах, служащих рейху, партии и т. д. Можно было бы утверждать, что правила для Голландии — это особые меры, вызванные суровыми условиями оккупации. К несчастью, такие же предписания существовали для протекторатов Богемии и Моравии,⁹³ а эти области не были оккупированными зонами, но, как нас призывают верить, «зависимой, своеобразной территорией внутри *großdeutsche Reich*, созданной одной лишь волей вождя.⁹⁴ Конституционная основа берет начало в указе Гитлера 16 марта 1939 г. Протекторат, таким образом, не был преемником Чехословацкой республики, а его законы до объединения были недействительны как часть чехословацкого права. Конечно, вождь оставил нетронутым тот свод законов, который «не противоречил сущности положения о защите *deutsche Reich*». Тем не менее льготы, предоставленные немцам в протекторате, значительно превосходят самые позорные капитуляции, привилегии, которыми пользуются иностранцы в Османской империи, Египте, Китае и Марокко.⁹⁵

⁹² Deutsches Recht. 1940. P. 1508.

⁹³ Обсуждение основано на следующих статьях: Bälz (Ministerialrat, Prague). Die deutsche Gerichtsbarkeit im Protektorate Böhmen-Mähren // Deutsches Recht. 1940. P. 1401–1403; Krieser (Oberregierungsrat, Prague). Die deutsche Gerichtsbarkeit im Protektorate Böhmen-Mähren: Ausübung und Umfang. Ibid. P. 1745–1754; Dr. Nüsslein (Erster Staatsanwalt, Prague). Die deutsche Gerichtsbarkeit im Protektorate Böhmen-Mähren. Strafrechtspflege. Ibid. P. 2085–2091.

⁹⁴ Bälz. Op. cit. P. 176.

⁹⁵ Указы: 1. Главный: 14 апреля 1939 г. 2. Об уголовной юстиции: 14 апреля 1939 г., 18 сентября 1939 г. 3. О военной юстиции: 18 мая 1939 г. 4. О гражданской юстиции: 14 апреля 1939 г., 3 мая 1939 г., 5 сентября 1939 г., 20 марта 1940 г. 5. О праве протектора передавать дела в германские суды: 4 апреля 1940 г. 6. Чрезвычайный приказ федерального

Указ Гитлера (статья 11, раздел 1) делает каждого коренного немецкого жителя протектората гражданином Германии и подчиняющимся исключительно судебной администрации Германии. Уголовная система была установлена рядом распоряжений, целью которых была не защита групп немецкого народа, но, скорее, предоставление немцам в протекторате тесной и прямой связи с рейхом и таким образом усиление и развитие их расовых особенностей.⁹⁶ Была создана полностью германская судебная администрация, которая была простой копией системы, преобладающей в самом рейхе.

Германское гражданское судопроизводство обладало юрисдикцией над всеми немцами, являлись ли они истцами или ответчиками. В силу юридической фикции все товарищества, компании с ограниченной ответственностью, корпорации с акционерным капиталом, фонды и учреждения классифицировались как германские граждане, если их центральный офис находился в рейхе, а иногда даже если их штаб-квартиры находились в протекторате. Суды Германии обладали юрисдикцией во всех брачных спорах, если жена принадлежала к германской расе, даже если муж являлся гражданином протектората. Только в самых исключительных случаях немец мог быть участником судопроизводства в суде протектората. Большая часть материального права Чехословацкой республики была сохранена, хотя даже здесь множество исключений делалось для расовых германцев. Самым важным было введение германского брачного права и некоторые изменения в трудовом и патентном праве.

Криминальное право в Нидерландах весьма близко к системе протектората. Это была заметная тенденция распространять германское материальное уголовное право на протектораты (список соответствующих законов мог бы занять много страниц). В конечном счете протектор имел право по своему усмотрению отложить любое решение суда протектората и передать дело в германский суд.

Что означало право фолк-группы в странах под господством Германии, совершенно ясно из следующих иллюстраций. Немец-

министра юстиции об учреждении филиалов германских судов за пределами их расположения: 7 апреля 1939 г. (Все указы за исключением № 6 опубликованы в германском «Reichsgesetzblatt»).

⁹⁶ Krieser. Op. cit. P. 1745.

кое меньшинство получало статус господствующего меньшинства, тогда как большинство, богемцы и жители Моравии, например, обретали бессилие меньшинства. Представление, что германцы в расовом отношении выше, а чехи — ниже, что каждая фолк-группа — это юридическая единица, «автономный элемент», как его называли в Германии, живущий по законам, приспособленным к его особому характеру, полностью разрушило ту незначительную защиту, которую давали международные соглашения о меньшинствах. Антирационалистическая, антиэгалитарная, антинормативная теория, которая учитывала только «конкретную личность» и отказывалась принимать универсалистский принцип равенства перед законом, сводила большинство на завоеванных территориях до статуса рабов.

Что же так или иначе определяет фолк-группу? Меньшинство было образовано расой, религией, национальностью или языком. Осознанное решение индивида было решающим, как в замечательном германско-польском договоре 1922 г. относительно Верхней Силезии, который истек в 1937 г. Национал-социалисты отвергли такой метод определения меньшинства. В последних соглашениях с Венгрией и Румынией и субъективный и объективный критерии считаются недостаточными. Последний отвергается, потому что государство, в котором проживает меньшинство, могло бы тщательно исследовать каждый случай, чтобы увидеть, были ли выполнены объективные условия, могло бы в некоторых случаях отрицать их существование и тем самым подвергать опасности права члена меньшинства. Субъективная проверка недействительна, потому что она допускает многих, кто не имеет ничего общего с фолк-группой и кто присоединяется к ней только ради материальной выгоды. Протокол германо-венгерского договора вводит сочетание двух условий для членства в германской фолк-группе в Венгрии: желание и признание.⁹⁷ Лидерство группы становится, таким образом, произвольным, а состав в конечном счете определяется родной страной, которая осуществляет полный контроль над фолк-группой через принцип лидерства, посредством денег, пропаганды и террора. Таким образом, можно при рождении задуть любое расхождение мнений внутри германских фолк-групп, а группа может быть преобразована в послушный инструмент родной страны.

⁹⁷ *Freytagh-Loringhoven. Op. cit.*

Международное фолк-право и государственный суверенитет

Эта империалистическая тенденция не связана никаким международным правом и не нуждается в оправдании. Рейх существует, и этот факт является достаточным оправданием. Это второе следствие новой доктрины международного права.

Немецкое слово для обозначения международного права — *Völkerrecht*. Новая национал-социалистическая теория принимает это слово в его буквальном значении, как «право народов». Отвергая идею, что государства — это субъекты международного права, национал-социалисты утверждают, что его субъектами являются только народы. До тех пор, пока государство рассматривается как субъект международного права, оно все еще остается частью традиции западной цивилизации.⁹⁸ Даже ограниченные квалификации, такие, как требование, чтобы жизненно важные интересы государства могли отменять международные обязательства, или чтобы безнравственные соглашения отклонялись, или чтобы *clausula rebus sic stantibus* освобождались от международных обязательств подразумевают продолжающееся признание двух фундаментальных концепций международного права — государственный суверенитет и государственное равенство.

Либеральные юристы-международники привыкли возлагать вину за существующий мировой хаос на неограниченный национальный суверенитет. Они верят, что разумный международный порядок не может быть установлен, пока не ограничен или не отменен государственный суверенитет в целом. Некоторые даже утверждают, что отдельный гражданин уже является — или может являться — субъектом международного права, и поэтому связан с двумя организациями, с государством и с международным сообществом.⁹⁹ Если международное сообщество должно, например,

⁹⁸ *Lawrence Preuss*. National Socialist Conception of International Law // *American Political Science Review*. 1935 (29). P. 594; противоположный взгляд: *Bristler*. Op. cit. P. 72.

⁹⁹ *Edwin M. Borchard*. Diplomatic Protection of Citizens Abroad. New York, 1919. P. 17; *Quincey Wright*. Fundamental Problems of International Organization // *International Conciliation*. 1941, N 369. P. 468–492, esp. p. 485.

применить санкции, то в рамках этого представления карательная акция будет направлена не против государства, но только против нарушающего закон правительства.¹⁰⁰ Граждане тогда могут восстать против правительства, не нарушая своей преданности государству. Порождая различные виды преданности, эта дихотомия обеспечивает психологическое основание международной солидарности.

Нам нет надобности останавливаться на методологических трудностях, являющихся результатом теории двойственного суверенитета. Мы можем с готовностью признать, что любой будущий международный порядок, установленный после уничтожения фашизма, обязан иметь как собственное психологическое основание, так и материальные средства сохранения и поддержания международного сообщества. Тем не менее это не проблема текущего дня. Как бы страстно мы ни желали уничтожения фашизма, мы не можем закрывать глаза на возможность, что он будет не искоренен. Поэтому крайне важно раскрыть пропагандистский характер национал-социалистических концепций международного права и опасности, свойственные доктрине двойной лояльности. Следующие страницы можно было бы озаглавить: *Защита государственного суверенитета*.

Все еще полезно — пусть это и тавтология — определять суверенитет как верховную власть. Поскольку верховная власть и верховное право несовместимы, пределы суверенитета лежат не в области закона, но в основаниях, на которые опирается суверенитет, в той области, где он действует, и в народе, от которого государство может требовать повиновения. Суверенитет — это полемическое понятие, направленное против другой такой же суверенной державы. Более полное определение могло бы быть поэтому следующим — потенциально высшая власть над особой территорией и над особой категорией народа. Представленное таким образом понятие суверенитета сегодня является прогрессивным в силу двух негативных причин: юридического равенства всех государств и являющейся следствием рациональности международных отношений. Если каждое государство суверен, то все государства равны. Как юридическая категория равенство является, конечно же, не-

¹⁰⁰ Профессор Квинси Райт, сделавший эти замечания в переписке, также указывал на опыт гражданской войны, которая является «мятежной войной», а не «войной между государствами».

полным и неудовлетворительным. Тем не менее оно предотвращает злоупотребления международным правом ради империалистической экспансии. Суверенитет, таким образом, устанавливает формальную рациональность в мире анархии, создает ясно очерченную схему сфер власти и подчиняет государственной власти только тех, кто живет внутри его территории, а также некоторых (граждан) за ее пределами. Он создает, образно выражаясь, барьер, который хотя и препятствует установлению справедливого международного порядка, но в то же время серьезно ограничивает степень государственной власти.

В международных отношениях суверенитет может быть приписан только государству как таковому, как юридическому лицу, и никогда его органам. Логически невозможно говорить о суверенитете монарха или правительства. Этот подход также является прогрессивным в силу негативных причин, более прогрессивным, чем институциональные, социологические и плюралистические теории, которые отрицают концепцию государственного суверенитета и приписывают власть только органам или социальным группам внутри государства. Правда, что разговоры о государстве как таковом имеют идеологическую функцию примирения правящей власти с особыми социальными группами. Но это не мешает нам обнаруживать реальных носителей власти за любой маской, тогда как устранение государственного суверенитета мешает. Если государство — это уже не абстрактное юридическое лицо, но простая структура народа или расы, если суверенитет коренится уже не в государстве, а в расе или в народе как в национал-социалистической теории, то очевидны два следствия. Во-первых, негативно прогрессивный характер понятия государственного суверенитета уничтожается. Суверенная раса не знает территориальных границ, и тогда нет никаких барьеров для верховной власти. Суверенитет германской расы существует везде, где есть расовые германцы. Юридический факт гражданства не может аннулировать естественный факт принадлежности к расе. Суверенитет расы — это идеологическое основание для пятой колонны и для империализма. Национал-социализм указывает на тот факт, что, когда требуют обстоятельства, другие государства также обращают больше внимания на расовое происхождение, чем на юридический факт гражданства. Они ссылаются на тот факт, что Австралия, например, в 1914 г. заключила в тюрьму 3866 австралийских граждан, родившихся в Германии и 61 немца,

родившегося в Австралии.¹⁰¹ Этот достойный сожаления факт, возможно, не был оправдан политической целесообразностью. Тем не менее это не побудило Австралию возвысить это исключение до ранга принципа.

Отбросив маску государства, мы, кроме того, не сможем обнаружить действительный фокус политической власти. Раса не управляет, конечно же, а народ не имеет никакой политической власти. Кто управляет в Германии? Где на самом деле сосредоточена политическая власть? Ответы на эти вопросы довольно трудно найти в рамках традиционной юриспруденции. Их еще труднее найти в национал-социалистической идеологии, и как раз такое затруднение и является важнейшей целью доктрины. Ее цель состоит в том, чтобы скрыть тот факт, что новое германское государство накопило огромную политическую и социальную власть, лишённую тех пределов, которые традиционно налагаются на власть государства.

Национал-социализм сходным образом отрицает государство как субъект международного права и заменяет его суверенным народом избранной расы. Это направление развития готовилось постепенно, становясь все более и более дерзким по мере того, как германская держава расширялась. В 1934 г. один из ведущих молодых теоретиков, например, объявил международное право не чем иным, как законом войны.¹⁰² Он утверждал, что поскольку война — это центральный феномен межгосударственных отношений, то все доктрины, которые рассматривают международное право как инструмент мира, являются утопией.¹⁰³ Единственная функция международного права — регулировать и дисциплинировать войну в соответствии с принципами чести и поединка.¹⁰⁴ Такой подход является робким шагом к полному отрицанию международного права, к отрицанию его главной функции — организации мира. Фактически в этом нет ничего принципиально неверного с узко «реалистической» точки зрения. Когда мы изучаем последствия основного условия — отрицание коллективной

¹⁰¹ *Hans K. E. L. Keller*. Das Recht der Völker. I. Abschied vom Völkerrecht. Berlin, 1938. P. 118.

¹⁰² *Heinrich Rogge*. Nationale Friedenspolitik. Berlin, 1934; *Hitlers Friedenspolitik und das Völkerrecht*. Berlin, 1935; *Bristler*. Op. cit. P. 110.

¹⁰³ *Nationale Friedenspolitik*. P. 657.

¹⁰⁴ *Ibid*.

безопасности, санкций, договоров о взаимной помощи, посредничества и арбитража, — становится очевидным, что теория является не более чем своеобразной формулировкой внешней политики Гитлера, направленной против Лиги и франко-русского и других пактов о ненападении.

Более узкий подход к расовой теории обнаруживается в известной книге «Die rassengesetzliche Rechtslehre» («Расовый закон теории права»), написанной теперь смещенным, но все еще не потерявшим своего значения национал-социалистическим юристом Гельмутом Николаи.¹⁰⁵ Как указывает название, Николаи стремился разработать расовую теорию права, охватывающую всю правовую область (а не только международное право). Его опыт был неудачным, потому что ему недоставало как знаний, так и воображения, и он не пошел дальше утверждения, что право приобретает свое значение из общего чувства правоты, которое в свою очередь возникает из общих расовых признаков. Возможность международного права, таким образом, все еще подтверждается, хотя его содержание сведено к минимуму.

Следующий шаг по направлению к чистой расовой доктрине был предпринят Норбертом Гурке,¹⁰⁶ самым оригинальным из национал-социалистических юристов-международников. Он также начинает с того же самого предположения, что сообщество расового происхождения порождает, как условие расовых различий, международное право. Он не полностью устраняет понятие государства, но сохраняет его как историческую форму, которую раса сообщает самой себе.¹⁰⁷ Здесь все еще остается возможность международного права между различными расовыми государствами.

Радикальные предпосылки расовой доктрины были окончательно и полностью выведены Вернером Бестом,¹⁰⁸ высшим чиновником СС, который во времена Веймарской республики отвечал за неудачный *переворот*, который привел к обнаружению

¹⁰⁵ Die rassengesetzliche Rechtslehre, Grundlinien einer nationalsozialistischen Rechtspilosophie. 2nd ed. Munich, 1933.

¹⁰⁶ Volk und Völkerrecht. Tübingen, 1935; Grundzüge des Völkerrechts. Berlin, 1936; Der Staats- und Volksbegriff im Völkerrecht // Deutsches Recht. 1934. P. 333.

¹⁰⁷ Volk und Völkerrecht. P. 99.

¹⁰⁸ Rechtsbegriff und Völkerrecht. P. 1345–1348; Rechtsbegriff und Gesetzgebung. P. 673; Rechtsbegriff und Verfassung. P. 1207 // Deutsches Recht. 1939.

так называемых документов Боксхайма. Право — это жизненный факт, говорил Бест. Поскольку жизнь органична и враждебна абстрактным нормам и поскольку она означает жизнь внутри народа, право всегда проявляется как конкретное правило, единственной целью которого является содействие жизни или, в его собственных терминах, регулирование «внутреннего процесса народной жизни». Право может быть установлено только вождем, который является конкретным главой народа. Внешняя область действия права — это не человечество (либеральная концепция), но конкретный народ. На основе расовой концепции права отношения между государствами, до сих пор называвшиеся международным правом, не могут быть названы правом.¹⁰⁹ Во внутренней области действия либерал обнаруживает огромное разнообразие форм права, основанных на предположении, что человек свободен. Для расиста, с другой стороны, внутренняя эффективность права зависит от «внеличностной и вневременной» структуры народа. Международное право поэтому в рамках этого подхода также немыслимо. Бест допускает, что время от времени в международных отношениях могут действовать некоторые правила. Тем не менее, поскольку они могут быть в любое время отброшены, то было бы простой словесной формальностью называть эти правила международным правом.

В итоге национал-социалистические теоретики соглашались, что препятствия для имперского расширения перестают существовать, когда народ этого требует. Предоставляя основание для экспансии, расовая теория фундаментальным образом отличается даже от тех консервативных и абсолютистских доктрин, которые истолковывают международное право просто как внешнее государственное право. Эти последние являются реакционными доктринами, но они все же сохраняют остатки рациональности, так как они устанавливают правовые границы суверенитету государства.

Расовая теория является динамичной, его функция может быть получена в итоге следующим образом:

1. Отрицая, что государства являются субъектами международного права, она отрицает равенство всех государств и допускает дифференциацию между ними.
2. Отрицая, что государства обладают суверенитетом, она уничтожает последний элемент рациональности в международ-

¹⁰⁹ Rechtsbegriff und Völkerrecht. P. 1347.

ных отношениях, пространственные и функциональные пределы, свойственные понятию государства, исчезают.

3. Провозглашая суверенитет расы, она подчиняет всех расовых германцев, какой бы ни была их национальность, закону германской расы.

4. Отрицая, что международное право существует среди соперничающих империй, она отрицает любое юридическое ограничение агрессии, и в то же время свою собственную империю она защищает извращенной доктриной Монро.

5. Применяя термин международное право к отношениям между фолк-группами внутри своей империи, она уничтожает последние остатки защиты меньшинств и наделяет угнетение меньшинств безгрешностью международного права.

5. Границы и характер великого немецкого рейха

Идеологию и структуру *großdeutsche Reich* относительно легко определить по планам национал-социализма, но иначе обстоит дело с границами рейха. Было бы роковой ошибкой предполагать, что национал-социалистическое руководство заранее определило окончательную границу господству Германии над Европой или возможную форму ее империи. Границы определяются политической ситуацией, военным успехом, стратегическими мотивами, экономическими условиями, которые могут совпадать или нет.

Одной иллюстрации будет достаточно — работы Вернера Дейтца.¹¹⁰ Его имя неизвестно американской публике, но он обладает большим влиянием в национал-социалистической партии, так же как в промышленности и в банковском деле. Химик и инженер по профессии, Дейтц всегда был тесно связан с частной промышленностью, а в настоящее время с объединением Поселя и с доменными печами Блуста, и то и другое в Любеке. Он один из немногих, чей портрет и биография в 1934 г. публиковались в ряду лиц, оказывавших решающее влияние в национал-со-

¹¹⁰ Das Selbstbestimmungsrecht Europas, Dresden, 1940; «Das neue Europa, seine Lebenseinheit und Rechtsordnung» // Deutsches Recht. 1940, pp. 2081–2084; Der Weg zur völkischen Wirtschaft und zur europäischen Grossraumwirtschaft. Dresden, 1938.

циалистической партии по экономическим вопросам.¹¹¹ Он работает в тесном сотрудничестве с Куртом Вайгельтом, одним из руководителей Немецкого банка, членом наблюдательного совета в Азиатском банке Германии, в Германской восточно-африканской корпорации и в других, а также членом учреждения по делам колоний национал-социалистической партии. Дейтц был членом партийного руководства с 1931 г., как представитель по экономическим вопросам, а теперь служит во внешнеполитическом отделе партии. Он, очевидно, человек, чьи теории отражают важные процессы на самой верхушке сегодняшнего режима Германии.

План организации Европы Дейтца — это синтез расизма, геополитики и крупной экономики. Он таким образом утверждает, что жизненное пространство определяется не только географическими, но также и расовыми соображениями. Он служит расширению европейской орбиты германского доминирования до крайнего предела. Ключ к его теории — определение «расового ядра» или «пространств ядра».

Мир сегодня разделен на различные расово определенные жизненные пространства. «Основной закон расового порядка жизни» в том, что «раса не может покинуть свое изначальное жизненное пространство, не отказываясь в той или иной мере от себя самой».¹¹² Это решающее изначальное пространство — расовое ядро, или пространство ядра. Колониальные и пограничные пространства никогда не смогут занять его место. Кровь, почва и закон — это элементы, образующие новый порядок, который требует уничтожения универсализма и его замены континентальным порядком. Будущее разделение мира выражается в «фанфамах расовой доктрине Монро», в лозунгах: Европа для европейцев, Америка для американцев, Индия для индийцев. Поскольку европейская, японская и индийская доктрины Монро являются биологическими, американская также является империалистической в силу ее исключительно географического характера. Почему это должно быть так, в рассуждениях Дейтца никогда не проясняется. Кажется более разумным доказывать обратное, что географические границы являются подлинными и естественными, и они нарушаются биологическими доводами.

¹¹¹ *Rolf Fritzsche. Aufbau der Wirtschaft im Dritten Reich.* Berlin, 1934. Appendix.

¹¹² Das neue Europa...

Определение пространства европейского ядра является более откровенным. Рассматриваемая как необходимое пространство ядра белой расы Европа простирается от Гибралтара до Урала и от Северного мыса до Северной Африки.¹¹³ Ее естественные дополнительные и колониальные пространства доходят до Северной Азии, до Охотского и Берингова морей и до юга Африки. Италия и Россия — привратники белой расы на юге и востоке, позиция, прежде занимаемая Италией и Англией. Такой взгляд на Европу в целом побудил вождя попытаться установить хорошие отношения с Англией.

В таком случае возникает очевидный вопрос: кто несет ответственность за это новое огромное пространство? Ответ столь же очевиден. «Германия отвечает не только за себя, но и в силу ее естественного веса за Европу и европейское сообщество народов». (Это — идея Фридриха Листа с одним важным изменением — Германия замещает собой Англию). «При Адольфе Гитлере великая империя Германии вновь возвышается вместе с ее пространственной политической основой на север Балтийского моря, с ее солдатским стилем жизни и ее внешнеполитическими обязательствами». Под политическими обязательствами Дейтц имеет в виду установление континентальной политики. Пространства Северного и Балтийского морей, пространство Средиземноморья и пространство России объединяются в единое пространство с целью «усиления Европы». Заключив германо-советский договор о ненападении, Россия вернулась в Европу.

Эта интересная теория влечет за собой три главные идеи: Европа — это единица, включающая в себя все европейское географическое пространство, соединенное с африканскими и североазиатскими регионами. Лидерство в Европе принадлежит Германии. Россия и Италия, поскольку они сотрудничают с Германией, могут разделять ее задачу. Но если ее союзники не соглашаются с Германией, тогда Германия естественным образом примет на себя исключительное попечительство над всей Европой вместе с ее дополнительными и колониальными землями.

Утверждение Дейтца — это ясное выражение границ амбиций Германии. Оно настолько конкретно, насколько это возможно для национал-социализма. Расширит ли Германия свои владения за пределы того пространства, которое он определил, будет зависеть

¹¹³ Ibid. P. 2082.

и от стратегических возможностей, и от внутренних антагонизмов внутри нового рейха.

В то же время невозможно предсказать, будут ли формы политического правления, которые национал-социалисты разработали перед войной и во время войны, сохранены впоследствии. Можно установить следующие политические модели в отношениях между Германией и остальным миром:

1. Военное правление, в частности, характерно для Северной Франции и Бельгии.¹¹⁴ Полномочиями наделяются военные власти. В Северной Франции они выстраиваются в иерархическую структуру, *Oberfeldkommandanturen*, *Feldkommandanturen* и *Ortskommandanturen*, хотя военное различие между первыми двумя было в значительной степени отменено в декабре 1940 г. Теперь каждая управляет провинцией,¹¹⁵ тогда как третья — это только местное военное учреждение. Национал-социалистическая военная администрация выходит далеко за пределы границ традиционной военной оккупации. Ее цель — в том, чтобы преобразовать структуру и политику оккупированных территорий, чтобы синхронизировать их с территориями самого рейха. Это особенно заметно в подходе к еврейскому вопросу (распоряжение от 28 августа, устанавливающее еврейскую регистрацию, требующее регистрации еврейской собственности и облагающее особым налогом еврейскую собственность), и в тесных связях между бизнесом Германии и Франции.

2. Второй тип лучше всего представлен Нидерландами и Норвегией. Высшая власть на голландской территории — специальный федеральный уполномоченный, назначенный указом вожда 18 мая 1940 г. Уполномоченный (д-р Зейсс-Инкварт в Голландии в настоящее время) осуществляет все конституционные функции короля и его правительства. Он издает законы, назначает и смещает чиновников, используя голландских служащих для выполнения его приказов. Его непосредственные подчиненные — четверо германских генеральных уполномоченных, один для администрации и судебной власти (д-р Виммер), один — отвечающий за безопасность (руководитель СС Раутер), один — за финансы и экономику (д-р Фишбек) и один — без портфеля (руководитель СС

¹¹⁴ *Gustave Dumas. Documents from Occupied France // Thought. 1941 (16). P. 133–141.*

¹¹⁵ *Deutsches Recht. 1941. P. 34.*

Фриц Шмидт), который, помимо других обязанностей, отвечает за антиеврейскую и антимасонскую политику. Генеральных уполномоченных можно сравнить с кабинетом министров. Указ вождя сохраняет голландское право в той мере, в какой оно совместимо с нуждами Германии; частично оно было заменено правом Германии, и для политических целей СС Германии может использоваться везде, где это нужно. Это политика еще более тесного включения Нидерландов в орбиту германского рейха.¹¹⁶

Администрация Норвегии отличается весьма незначительно.¹¹⁷ Когда попытка Квислинга сформировать норвежское правительство завершилась неудачей вследствие отсутствия поддержки не только со стороны норвежского народа, но и явно также со стороны военных властей Германии, Гитлер указом от 20 апреля назначил национал-социалистического окружного вождя Йозефа Тербовена федеральным уполномоченным. Он столкнулся с уже существующим и пользующимся народной поддержкой административным советом, полностью состоявшим из норвежцев, противников Квислинга. Тербовен и Квислинг вначале попытались установить своего рода косвенное правление, посредством которого немцы могли бы принять роль защитника. Они попросили, чтобы стортинг созвал собрание, чтобы свергнуть короля и избрать государственный совет. В целом попытка была неудачной. Вслед за этим Тербовен распустил все существовавшие партии (25 сентября 1940 г.) и старый совет администрации и назначил уполномоченных, избираемых исключительно из рядов партии Национального союза Квислинга в качестве руководителей тринадцати правительственных департаментов. Согласно распоряжению Тербовена от 28 сентября 1940 г. главы департаментов обладали абсолютным контролем над своими подразделениями и были ответственными только перед уполномоченным. Они могли издавать и исполнять административные решения, которые ранее могли провозглашаться королем, стортингом или государственным советом. Они были вождями своих департаментов в немецком смысле. Сам федеральный уполномоченный, разумеется, был высшим законо-

¹¹⁶ Ibid. 1940. P. 1820.

¹¹⁷ Norway Does Not Yield. Introd. by Mrs. J. Borden Harriman. Publ. by the American Friends of German Freedom. New York, 1941; *Josef Terboven. Neuordnung und Zusammenarbeit in Norwegen* // *Europäische Revue* (17). 1941. P. 13–20.

дателем и администратором. Его комиссариат был организован из трех функциональных департаментов и восьми региональных учреждений. Вдобавок была введена германская террористическая машина — не только СС, которая осуществляла политическую власть на всех оккупированных территориях, но также и народные суды.¹¹⁸ К сентябрю 1940 г. авторитарный контроль стал почти полным сверху донизу, и в Германии хвастались об этом.¹¹⁹

Различие между военным и гражданским типами администрации весьма значительно. Последний осуществляет более сильную форму авторитарного контроля и гораздо больше связан с полной синхронизацией и ассимиляцией всей политической и социальной жизни.

3. Немцы рассматривают протекторат Богемии-Моравии как модель возможной административной системы *großdeutsche Reich*. Тип, который они имеют в виду, основывается на извращении известного принципа «косвенного правления» лорда Лутарда: дать коренным жителям подобие независимости, но оставить ключевые позиции в руках белых. Этот принцип довольно плохо работает в колониальных странах, удерживает коренное население на данном социальном и экономическом уровне и препятствует ему продвигаться далее. Когда он был применен к нации, которая в Европе была второй после Германии по промышленной эффективности, результатом была глубокая трагедия. Формула Лутарда может быть применена только в том случае, если по крайней мере одна значительная часть населения готова к управлению правительством под внешней опекой. В Чехословакии ведущие промышленники и аграрии всегда были настроены антидемократично и были готовы продать себя тому, кто предложит более высокую цену. Они весьма охотно сотрудничали с национал-социалистическим режимом, и немцам повезло найти в Гахе достаточно слабого человека, чтобы решить задачу управления. Ни в какой другой стране попытка не была успешной. Даже в Польше, где немцы были способны найти политическую группу, готовую действовать как их орудие; это, между прочим, верный признак, что презируемый принцип самоопределения Вильсона глубоко укоренен в сознании народа.

¹¹⁸ Распоряжение федерального уполномоченного, 26 октября 1940 г. *Deutsches Recht*. 1940. P. 2100.

¹¹⁹ *Ibid*. P. 1819.

4. Колониальные методы в их самой худшей форме были введены в Польшу в *Generalgouvernement*, как ее называли нацисты.¹²⁰ Те части Польши, которые прежде принадлежали Германии, были включены в сам рейх (9 октября 1939 г., вступил в силу 26 октября): Западная Пруссия, Познань (позже названная Вартерланд), Верхняя Силезия и регион Зихенау в Восточной Пруссии. Остальное стало колонией Германии, охватывающей 100 000 квадратных километров и включающей 10 000 000 людей. Конституционной основой является указ вождя от 12 октября 1939 г., создающий пост *Generalgouverneur* и назначающий на эту должность д-ра Ганса Франка, министра без портфеля и лидера союза национал-социалистических юристов. Оккупированная Польша — теперь просто оккупированная территория, и в немецкой теории и на практике. Польское государство прекратило существовать, и *Generalgouvernement* является конституционной структурой, полностью отличающейся от прежнего польского государства.¹²¹ Само название территории сменилось в августе 1940 г. с «*Generalgouvernement* оккупированной польской территории» на простое *Generalgouvernement*. Территория находится под суверенитетом Германии, хотя и не является частью *großdeutsche Reich*. В противоположность Богемскому протекторату *Generalgouvernement* рассматривается как зарубежная страна и исключается из таможенной и валютной зоны Германии.

Администрация, последний раз назначенная распоряжением 16 марта 1941 г., состоит из генерал-губернатора и правительства, которое является как исполнительным, так и консультативным органом. Правительство возглавляется государственным секретарем и разделяется на два отдела, секретариат из восьми чиновников (должности генерал-губернатора, главы правительства, главы законодательной власти, чиновников, отвечающих за формирование цен, территориальный порядок, персонал, управление и архивы) и

¹²⁰ Werner Best. Die neue Gliederung und Verwaltung des emaligen polnischen Staatsgebiets // Deutsches Recht. 1939. P. 2089–2090. Julius von Medeazza (представитель генерал-губернатора в Берлине). Ibid. 1941. P. 565–566. Julius von Medeazza. Ein Jahr Generalgouvernement. Ibid. 1940. P. 1793–1807. Albert Weh (директор департамента законодательства в службе генерал-губернатора). Das Recht des Generalgouvernements. Ibid. P. 1393–1403.

¹²¹ Weh. Op. cit. P. 1394.

двенадцати департаментов: внутренних дел, финансов, юстиции, экономики, пищевой промышленности и сельского хозяйства, лесов, труда, пропаганды, строительства, железных дорог и почты.

Как совещательный орган правительство состоит из губернатора, государственного секретаря, директоров валютного банка и аудиторского учреждения, двенадцати глав департаментов, директората государственных монополий и руководителя тайной полиции.

Колония делится на четыре округа, возглавляемых главами округа (губернаторами). Каждый регион в свою очередь делится на сельские и городские единицы. Полицейская власть в руках высшего руководителя СС, непосредственно ответственного перед губернатором. Внутри административных рангов более низкого уровня была создана (6 мая 1940 г.) особая полиция из расовых германцев от восемнадцати до сорока лет.¹²² До 31 июля 1940 г. губернатор был также главой учреждения по выполнению четырехлетнего плана для области; после этого он использовал общие полномочия своей администрации, чтобы выполнять задачи четырехлетнего плана. Ему помогал в этой работе экономический совет *Generalgouvernement*, который он также возглавлял. Вдобавок он является главой совета обороны государства и лидером партии в *Generalgouvernement*. Таким образом это уже не польская администрация. Все, что остается польскому народу, — это «естественная автономия», как ее определял Франк,¹²³ лишенная правовых или конституционных прав. Администрация 1148 городов и деревень оставлена на бумаге полякам, но она подчиняется распоряжениям генерал-губернатора и на самом деле находится под контролем Германии.

Типичный пример колониального статуса территории — это распоряжение генерал-губернатора от 13 сентября 1940 г., устанавливающее систему административного уголовного закона.¹²⁴ Руководители СС и полиции имеют полномочия назначать штрафы до 1000 злотых и устанавливать сроки платежей до 3 месяцев. Обвиняемый не обязательно должен быть заслушан. Апелляция может быть подана только, если обвинение выносится самым низким руководителем администрации. Все другие чиновники явля-

¹²² Deutsches Recht. 1941. P. 913.

¹²³ Weh. Op. cit. P. 1396.

¹²⁴ Deutsches Recht. 1940. P. 1819.

ются одновременно обвинителями, судьями и исполнителями, и никакая апелляция их решений не предусматривается. Авторитарная администрация в Польше является, таким образом, всесторонней и абсолютной, статус территории — это статус простой колонии, и нет никаких признаков, что эта территория когда-либо станет новой независимой или хотя бы наполовину независимой Польшей.

Разнообразие моделей политической организации *großdeutsche Reich* не является следствием какого-либо предварительного плана, но отражает различные проблемы, с которыми сталкивались завоеватели. Каждая модель — это модель завоевания, даже в тех государствах, которые, как Словакия, Венгрия, Болгария и Румыния, сохраняют свою юридическую независимость. Пропаганда, экономическое проникновение, коррупция правящих групп, пятая колонна и военное вмешательство — все это использовалось. Грядка долгое время плодоносила острыми расовыми и социальными антагонизмами, которые препятствовали росту здорового демократического сознания в восточной и юго-восточной Европе. Малочисленные правящие клики, часто состоявшие из лишенных имущества собственников, нуждались в диктатуре и внешней помощи, и они поддерживали любого, кто мог больше платить и гарантировать их правление. Аграрные проблемы, особенно острые в этих регионах, никогда адекватным образом не решались. С меньшинствами, сохранившимися в Чехословакии, разговаривали языком штыков. Французы и британцы сделали роковую ошибку, когда не опирались в своей политике в восточной Европе на поддержку масс и меньшинств. Поэтому способ действий германской пропаганды среди угнетенных слоев населения был ясен. (Параллели с Латинской Америкой заслуживают серьезного внимания.)

Экономическая модель *großdeutsche Reich* не столь очевидна, как его политическое устройство. Именно здесь изъяны рациональной концепции новой Европы становятся наиболее явными. Одно крыло национал-социалистов настаивало, что германский рейх должен быть производительным центром Европы; что внутри этой области процесс индустриализации должен быть интенсифицирован; что становясь единственным производителем для всей Европы, рейх поднимет жизненный уровень своего собственного народа; что окружающие страны должны поставлять сырье и трудовые ресурсы и производить сельскохозяйственные

товары. Прежний югославский министр сельского хозяйства Отто фон Франгес, с другой стороны, в обстоятельной дискуссии об отношении юго-восточных стран к германскому четырехлетнему плану доказывал, что юго-восточные страны опасно перенаселены и должны быть индустриализованы.¹²⁵ Бывший румынский министр труда М. Мануилеску в своей книге «Теория протекционизма и международный обмен», настаивал на использовании протекционистских тарифов для индустриализации Румынии.

Франгес представлял целую школу юго-восточных европейских экономистов.¹²⁶ Хотя они соглашались, что посредством интенсификации сельскохозяйственной цивилизации государства Дуная смогут поставлять в Германию большую часть своей пшеницы, зерна, шерсти, рогатого скота и растительного масла, они настаивали на индустриализации региона как центральной необходимости. Уже в 1929 г. бывший румынский министр труда Мануилеску доказывал, например, что государства Дуная должны экспортировать не руды, но только полностью или наполовину освобожденные от примесей металлы. Очевидно, эти экономисты желали поднять жизненный уровень своего собственного народа, хотя в более поздние годы их требования стали более умеренными. Теперь они ограничивают свою программу учреждением тех отраслей промышленности, где может использоваться труд низкой квалификации с невысокой производительностью и не требующий обучения. Они даже признают, что хотя включение государств Дуная в большое экономическое пространство может

¹²⁵ *Europäische Revue* (15). P. 238–243. P. 337–342. См. также: *Vöwinckel K.* // *Zeitschrift für Geopolitik*. 1940 (17). P. 596.

¹²⁶ Главная германская литература по этому вопросу: *Predöhl A.* Die sogenannten Handelshemmnisse und der Neuaufbau der Weltwirtschaft // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1940 (52). P. 193; *Giselher Wirsing.* Zwischeneuropa und die deutsche Zukunft. Jena, 1932; *Ferdinand Fried.* Wende der Weltwirtschaft. Leipzig, 1939; *Ernst Wagemann.* Der neue Balkan, Altes Land — junge Wirtschaft. Hamburg, 1939; *Otto von Franges.* Jugoslawiens Interesse am Vierjahresplan // *Der Vierjahresplan*. 1937 (I). P. 18; *Der Vierjahresplan und die Industrialisierung der südosteuropäischen Agrarstaaten* // *Europäische Revue*. 1939 (15). P. 238; *Die Donaustaaten Südosteuropas und der deutsche Großwirtschaftsraum* // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1941 (53). P. 284–316; *Bella Csikos-Nagy.* Zur Neuordnung der europäischen Wirtschaft // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1941 (53). P. 126–135; об исследованиях Дайтца см. выше.

привести к дальнейшей индустриализации, «каких-либо больших ожиданий это не должно вызывать».¹²⁷

Экономист из Гейдельберга Карл Бринкман отрицает индустриализацию.¹²⁸ Он желает решения, подобного экономической теории Фридриха Листа или «американского плана» Гамильтона. Континентальная блокада Наполеона потерпела неудачу, утверждает он, потому что Россия не была к ней подключена и потому что план не возмещал потраченных усилий. Экономическая структура юго-восточной Европы основывалась на эксплуатации «крестьянства ради противоестественного экспериментирования в области индустриализации», особенно в Румынии. С другой стороны, Бринкман также отрицает понятие монокультурных государств с единственной функцией поставки сырья и продовольствия для Германии. Он требует высшего уровня «автономной индустриализации», гарантированной особым характером каждой страны. Только обмен товарами должен быть централизован внутри единого огромного пространства Срединной Европы.

Фактически есть небольшой пункт в поиске обсуждения того пути, каким *großdeutsche Reich* должен быть организован экономически. Экономическое положение завоеванных стран будет определяться не заранее установленным планом, но внутренней динамикой тоталитарного монополистического капитализма. Сегодняшняя политика Германии не дает указаний относительно будущей экономической структуры. Она обусловлена непосредственными требованиями войны и стремлением к высшей производительности всех тех отраслей промышленности, которые важны для продолжения войны, и в то же время сокращением потребления и производства предметом роскоши, если они не необходимы для экспорта.

Одной общей для всех завоеванных территорий чертой является отношение к еврейскому бизнесу. Помимо многих проблем, вызванных процессами передачи еврейской собственности арийцам, проблем, которые решаются тем же способом, что и в самой Германии, экономика *großdeutsche Reich* посвящена исключительно удовлетворению нужд самого германского рейха. Почти во всех оккупированных территориях большое число рабочих отправляет-

¹²⁷ *Franges*. Die Donaustaaten... P. 515.

¹²⁸ Die wirtschaftliche Gestaltung des europäischen Grossraumes // Bank-
Archiv. 1941. N 3. P. 29.

ся в рейх, и таким образом вводится обязательная или формально добровольная трудовая повинность. Прямая конфискация товаров и эксплуатация посредством манипуляции обменом — это также важный метод использования оккупированных территорий. Везде, где прибегают к продажам, обменный курс иностранной валюты устанавливается произвольно. Протекторат включен в валютный союз *großdeutsche Reich*, но Польша не включена (валютное распоряжение от 15 ноября 1939 г.),¹²⁹ и поэтому немецкая валюта в *Generalgouvernement* должна обмениваться через валютное учреждение в Кракове.

Остается обсудить две проблемы: контроль за бизнесом на оккупированных территориях и структурные экономические изменения. Нет ни малейшего сомнения, что бизнес Германии приобрел и расширил свой контроль над иностранными предприятиями на оккупированных территориях. Немецкие газеты и журналы добросовестно сообщают о новых приобретениях, но не указывая используемые методы. Можно выделить четыре технологии. Одна — это включение иностранного бизнеса в структуру немецкого картеля. В некоторых случаях законодательство о картелях Германии, особенно касающееся принудительной картелизации, было введено на новых территориях (протекторат, 10 января 1940 г.);¹³⁰ где-то иностранные фирмы были просто присоединены к германским картелям. Поскольку все важнейшие картели основаны на долевом участии, это означает, что производство или продажа, приходящиеся на долю иностранных заводов, определяются германским большинством. Иногда немецкие авторы даже признают, что они значительно усилили свое влияние в особых отраслях промышленности посредством такого механизма.¹³¹ Иностранное предприятие может быть уничтожено или запутано, если оно не сдастся своим немецким конкурентам. Окончательное следствие — интенсификация процесса монополизации в самой Германии.

Эта устойчивая германизация бизнеса часто упоминается как «упрощение структуры объединений». Большое и постоянно

¹²⁹ *Lepenies W.* Das Devisenrecht in den besetzten Gebieten und im Generalgouvernement // *Deutsches Recht*. 1941. P. 89–91.

¹³⁰ *Kartell-Rundschau*. 1940 (38). P. 41. См.: *Louis Domeratzky.* The German Cartel as an Instrument of Economic Control of the European Continent // *Foreign Commerce Weekly*. 1941 (3). N 10.

¹³¹ *Kartell-Rundschau*. 1939 (37). P. 309.

возрастающее число иностранных предприятий встало на путь германских объединений.¹³² Богемская угольная и железная индустрия была объединена таким способом.¹³³ Крупные вклады иностранных, особенно французских, банков в юго-восточной Европе были поглощены, часто с согласия владельцев в обмен на участие в прибылях победителя. Там, где это было невозможно, использовался весьма изобретательный механизм. (Это вторая технология.) Голландская фабрика Филипс Булб в Эйндховене, которая контролировала многие германские корпорации, оставалась недоступной немецкому бизнесу. Немцы предложили создать корпорацию с ограниченной ответственностью «Alldephi», исключительно немецкую, и затем в соответствии с законом дали ей полномочия на все доли немецких корпораций в голландской группе Филипс. В результате голландские и другие иностранные владельцы были представлены немецкой корпорацией на встречах акционеров немецких корпораций.¹³⁴ Доминирующее влияние голландской корпорации Филипс было эффективно устранено. (Одна из фирм, получающих больше всего прибыли от германизации в Австрии и протекторате, — это, конечно же, заводу Германа Геринга.) Немцы все чаще и чаще назначались опекунами над иностранной собственностью (это третья технология), над такой, как всемирно известное объединение Унилевер в Голландии¹³⁵ или сталелитейные предприятия в Лотарингии.¹³⁶ Четвертая главная технология, учреждение особых корпораций для эксплуатации завоеванных территорий, будет обсуждаться позже.

¹³² Дрезденский банк приобретает *Nordböhmisches Kohlenwerksgesellschaft* (шахты) в Brüx: *Kartell-Rundschau*, 1939 (37), p. 255. Allgemeine Deutsche Kreditanstalt (Банк), Лейпциг, вступает во владение Länderbank, Прага: *ibid.* p. 239.

¹³³ Sudetendeutsche Bergbau, A.-G. — новое объединение. *Kartell-Rundschau*, 1940 (38), p. 351. Слияние: Länderbank и Böhmisches Escompte-Bank: *ibid.* p. 61. Концентрация в Богемской черной металлургии: *ibid.* 1939 (37), p. 385.

¹³⁴ *Ibid.* 1940 (38), p. 61.

¹³⁵ Федеральный уполномоченный для объединения «Унилевер» это госсекретарь Поссе; см. *Frankfurter Zeitung*, 2 июля 1941.

¹³⁶ Тресты — это крупные германские объединения; см. с. 227 этого издания и «*Frankfurter Zeitung*» от 11 июля 1941. О германских банках при Новом Порядке, см. *Bank-Archiv*, 1941. N 10. P. 214.

Что касается государственной собственности, то ясные сообщения доступны только из Польши. Государственные монополии на алкоголь, соль, табак, спички, минеральное масло, сахар и лотереи были восстановлены и даже расширены, а прибыль отдается завоевателям.¹³⁷ *Generalgouvernement* создало свой собственный валютный банк (*Emissionsbank* в Польше), под руководством губернатора, ответственного только перед генерал-губернатором Польши. Собственность, принадлежавшая прежнему польскому государству, распределяется в качестве трофеев. Распоряжение 15 ноября 1939 г. наложило арест на всю польскую государственную собственность; а 24 сентября 1940 г. она была передана *Generalgouvernement*. Поскольку новая администрация не рассматривается как преемник польского государства, она отказывается брать на себя какую-либо ответственность за обязательства по этой собственности.¹³⁸ Чтобы управлять некоторыми частями прежней польской государственной собственности, была основана специальная корпорация («*Werke des Generalgouvernements*», A. G.), с капиталом в 1 000 000 злотых. Другие части находятся под прямым управлением генерал-губернатора, а некоторые были сданы в аренду немецкому частному бизнесу. Было объявлено, что «последующая передача того или иного предприятия в частную собственность не исключается».¹³⁹

Мы можем поэтому прийти к окончательному выводу, что бизнес на оккупированной территории был в значительной мере приобретен германскими промышленниками и что германизация, как и передача собственности арийцам, ускорила процесс концентрации капитала. Для массы народа на этих территориях крайне важна одна проблема. Будет ли Германия продолжать процесс индустриализации, ускорять его, совершенствовать, рационализировать промышленность и таким образом поднимать уровень жизни; будет ли она позволять только такие производственные усилия, которые смогут увеличить германское производство; или же она изменит тенденцию индустриализации и отбросит население назад, на уровень голодающего крестьянства, удовлетворяющего нужды хозяев? Ответ на эти вопросы не может быть основан на идеологических заявлениях национал-социализма. Кроме того,

¹³⁷ *Julius von Medeazza*. Ein Jahr... P. 1776.

¹³⁸ *Deutsches Recht*. 1940. P. 1874.

¹³⁹ *Ibid*. P. 2100.

разве национал-социалистическая идеология «крови и почвы» не предусматривает страну крестьян, хотя урбанизация немецкого населения происходила под этим лозунгом быстрее, чем когда-либо ранее?

Структура *großdeutsche Reich* будет определяться внутренними антагонизмами экономики Германии. Эти внутренние антагонизмы, свойственные любой капиталистической системе, станут еще более явными в Германии и будут далее осложняться национальными антагонизмами, вызванными политикой *großdeutsche Reich*. Германия не сможет решить огромную задачу преобразования военной экономики в экономику мира, за исключением преобразования завоеванной Европы в обширный резервуар людских ресурсов, производителей продовольствия и сырья. Уровень жизни населения будет тем самым понижаться, чтобы сохранять рабочий класс Германии удовлетворенным. Сегодняшний опыт может научить немногому. Некоторые отрасли промышленности были закрыты, главным образом находившиеся в прямой конкуренции с промышленностью Германии или производившие только потребительские товары. Другие были восстановлены и расширены. Нет сомнения, что гидроэнергетика будет создана в Норвегии,¹⁴⁰ а нефтедобыча — в Польше. Дороги уже строятся.¹⁴¹ Эти шаги необходимы для военной эффективности. У нас нет возможности узнать, предпринимали ли немцы массовое уничтожение промышленных предприятий, хотя это кажется маловероятным.

Если *großdeutsche Reich* победит, он будет основан на самой гигантской экономической и политической эксплуатации за всю историю. Будущему немецкому правительству будет невозможно по крайней мере в течение многих десятилетий оправдывать свое влияние в Срединной Европе. Германия, как самая высоко-развитая промышленная машина в Европе, обязана, конечно же, играть решающую роль в европейском экономическом устройстве. Насколько Германия будет способна обосновать такое требование после того, как национал-социализм миллионы людей довел до голода, — это вопрос, ответа на который мы не видим. Эксплуатация — и ничто иное — является общим знаменателем всех экономических, политических и социальных мер, предпринимаемых

¹⁴⁰ См. выше. Создание 23 августа 1940. Об участниках I. G. Farben см. «Frankfurter Zeitung», 20 июня 1941.

¹⁴¹ См. выше.

на завоеванных территориях. 27 января Гитлер в речи, которую он произнес в Дюссельдорфе перед западными промышленниками, собравшимися по приглашению Тиссена, сделал это совершенно прозрачным. «Белая раса, — сказал он, — может сохранить свое положение, только если различия в уровне жизни в мире будут сохранены. Дайте нашим так называемым экспортным рынкам тот же самый уровень жизни, который мы имеем, и вы обнаружите, что превосходство белой расы, которое выражается не только в политическом могуществе нации, но также и в экономическом положении индивида, уже нельзя будет сохранить.¹⁴² Обещание, взятое Гитлером перед западной промышленностью, было выполнено в такой степени, какая, вероятно, превышала ожидания самых агрессивных промышленников.

VI. ТЕОРИЯ РАСОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

До этого пункта мы просто принимали империализм за самую значительную тенденцию в политике Германии. Фактически наш анализ концентрировался на проблеме германской экспансии.

Имперский период ограничивал ее подготовку к экспансии созданием армии, флота, надежной бюрократии и слиянием интересов государственного, промышленного и аграрного руководства. Рабочий класс исключался. Какое-то время его политические и промышленные организации подавлялись, и когда эксперимент завершился неудачей, его идеологическая изоляция и его полное исключение из общественной жизни удерживали эти организации в стороне от государства и правящих групп.

1. Демократия и империализм

Мировая война 1914–1918 гг. увидела первую попытку включить рабочий класс в империалистическую систему. Социал-демократы и профсоюзы активно сотрудничали. При этом они частично

¹⁴² Vortrag Adolf Hitlers vor westdeutschen Wirtschaftlern im Industrieklub zu Düsseldorf am 27 Januar 1932, ist ed. Munich, 1932. P. 13.

изменяли принципам своей партийной программы, но некоторые из них искренне верили, что война будет оборонительной и что они будут в состоянии выполнить свою социалистическую миссию свержения царской России, высвободив таким образом силы революции. Но, несмотря на изначальный успех, попытка подключить массы в конечном счете закончилась неудачей. Независимая социал-демократическая партия и *Spartakus Bund* выросли до размеров социал-демократов и профсоюзов. Империалистические цели промышленности Германии стала настолько явной, что проблема мирных целей отошла на второй план. В конце концов огромное влияние идеологии Вильсона полностью разрушило идеологическую основу, на которую опирался германский империализм.

Веймарская демократия, то есть социал-демократы, демократы и левое крыло католиков попытались построить общество, которое не было империалистическим, но было занято внутренним переустройством Германии и ее участием в союзе западноевропейских держав. Эта попытка также закончилась неудачей, потому что эти три партнера не смогли уничтожить чудовище, обитавшее внутри германской экономической системы. Фактически вместо свержения власти промышленных монополистов они невольно ее усиливали.

Империалистические слои германского общества нашли в национал-социалистической партии союзника, необходимого, чтобы обеспечить империализму массовую основу. Это не значит, что национал-социализм просто является инструментом, подчиненным германской промышленности, это значит, что относительно империалистической экспансии промышленность и партия имеют одни и те же цели.

Но как может сегодня проводиться агрессивная империалистическая политика? Только не в рамках политической демократии. Генерал Людендорф и Дж. А. Гобсон, главный авторитет Англии в вопросах империализма, полностью согласны друг с другом в этом пункте. «Народы не понимают агрессивные войны, но у них есть очень хорошее понимание борьбы за сохранение их собственной жизни... Ни нация, ни каждый индивид в ней не поддержат войну, если не будет твердого убеждения, что война ведется за сохранение их жизней».¹ Для Гобсона выдающийся феномен нашего периода заключается в том, что империализм и

¹ *General Ludendorff. Der totale Krieg.* Munich. P. 87.

демократия стали несовместимыми. «Политическая демократия, в рамках которой интересы и воля всего народа овладевают силами всего государства, будет активно противостоять всему процессу империализма. Такая демократия теперь выучила урок, что существенное экономическое равенство в доходах и в собственности на имущество важна для ее деятельности. Защита капитализма поэтому в каждой стране связана с уничтожением или ослаблением публичного избирательного права и основанного на представительстве правительства».² История полностью подтверждает правоту взглядов Людендорфа и Гобсона. Первая мировая война, как мы уже указывали, прекрасно это иллюстрирует. Она показывает, что малая степень демократии и немногие гражданские свободы, все еще остававшиеся в Германии 1914–1918 гг., были эффективными факторами в ведении антиимпериалистической пропаганды, пропаганды, которая не навязывалась сверху, но возникала из самых сокровенных чувств масс. В Италии чаяния мира и ненависть к войне стремительно возрастали начиная с войны в Абиссинии 1896 г. История внешних отношений Америки также предоставляет достаточно материала. Первая попытка захватить Гавайи (16 февраля 1893 г.), предпринятая президентом Гаррисоном, была неудачной. Затем президент Гровер Клевеленд отказался от договора о присоединении. Вторая и успешная попытка (16 апреля 1897 г.) была осуществлена при больших затруднениях, хотя никаких жертв крови или денег не потребовалось. Опять-таки первоначальное оправдание приобретения было старым лозунгом о бремени белого человека. Приобретение Филиппин в 1898 г. было таким же рискованным. Хотя «бесчисленные голоса теперь призывали к облачению в бронированные имперские одеяния, которые европейские державы уже сделали модными»,³ оппозиция была столь сильна, что почти преобладала.

История английского империализма демонстрирует сходное развитие. Можно признать, что народные чувства, одобряющие империалистические приобретения, могут часто пробуждаться. Искусная пропаганда вроде внушения обычного страха во время войны с бурами в Англии в соединении с тем, что г-н Вейнберг называл человеколюбием и силой,⁴ а также уступки массам

² *Hobson J. A. Imperialism. London, 1938. P. XXI (introduction of 1938).*

³ *Albert K. Weinberg. Manifest Destiny. Baltimore, 1935. P. 286.*

⁴ *Ibid. P. 297.*

вроде расширения привилегий или материальных благ могут на время успешно обеспечивать массовую поддержку. Но такая массовая опора всегда неустойчива. Может возникнуть оппозиция, и она всегда возникала. Кроме того, империалистические войны XIX столетия не требовали больших жертв крови и энергии. Война Испании и Америки — это один пример, а война с бурами — другой. Никакая империалистическая война в XIX и в начале XX столетия не требовала ничего даже отдаленно похожего на тотальную мобилизацию человеческих ресурсов и производительности, которая характеризует войны после 1914 г. Ни одна из них не делала неизбежной превращение нации в вооруженный лагерь; ни одна целиком не меняла общественную жизнь; ни одна не изменяла радикальным образом обычаи и нравы. Однако даже при либеральной демократии возможно настолько усилить национализм посредством искусной пропаганды и даровать низшим классам столько материальных благ, что война действительно возникает как результат спонтанных требований масс, а не преднамеренной политики одной-единственной группы.

2. Пролетарский народ против плутократии

На протяжении всей истории современного империализма империалистическая пропаганда всегда использовала два различных подхода: во-первых, изображать любую войну как оборонительную, как борьбу за жизнь; во-вторых, идеологически и организационно подключать массы к войне.⁵ Бремя белого человека, миссия народа, явная судьба — это примеры подхода второго рода.⁶ Он никогда не был способен привести к поддержке широкомасштабной агрессивной войны. Люди добровольно не будут тотально организовывать себя для империалистической экспансии, когда требуются колоссальные жертвы крови и энергии. Их необходимо обязать делать это. Они обязаны быть организованными таким образом, чтобы они не могли сопротивляться. Они обязаны быть подвергнутыми такой пропаганде, против которой они не выражают

⁵ *William L. Langer. The Diplomacy of Imperialism, 1890–1902. 2 vols. New York, 1935. Vol. II. P. 663.*

⁶ *Mr. Weinberg's book; for England, cf. Langer. Op. cit. Vol. I. P. 67–100.*

открытого сопротивления. Их демократические убеждения должны быть искоренены, и должны быть внедрены иные идеологии.

И при этом такие войны не могут быть более организованы в старых рамках контрреволюции и абсолютизма, где только военная машина централизована и где она опирается просто на диктаторские полномочия военного командования. Война является тотальной; ни одна сфера жизни не остается незатронутой. Любая деятельность должна быть ей подчинена; индивид обязан стать полностью в нее погруженным, обязан стать ее частицей. Такая включенность особенно необходима, потому что общество, прошедшее через стадию широкомасштабной демократии, уже не может исключать массы. Организационные, идеологические и пропагандистские модели должны разрабатываться для этой цели. Новая идеология должна быть демократической, по меньшей мере по видимости. Правящие и управляемые должны изображаться как преследующие одни и те же интересы; внутренние социальные антагонизмы должны быть использованы и преобразованы во внешнюю агрессию.

Новая национал-социалистическая доктрина расового пролетарского империализма — это кульминация такого метода. Эта доктрина сплавляет в единое целое два основных элемента: ненависть к Англии и ненависть к Марксу.

Сущность теории крайне проста. Германия и Италия — это пролетарские расы, окруженные миром враждебных плутократий, капиталистических еврейских демократий. Война, таким образом, — это война пролетариата против капитализма. «Эта война является войной власти денег против труда и против созидającego человеческого существа, воплощения труда. Созидающие человеческие существа должны объединиться. Для всех пробудившихся народов, делающих труд фокусом своей жизни, лозунгом впредь должно быть: рабочие всех стран, объединяйтесь, чтобы свергнуть правление английского капитализма». Этими словами д-р Роберт Лей,⁷ глава германского трудового фронта, начал новую пропагандистскую кампанию, которая достигла кульминации в речи Гитлера в декабре 1940 г. Эта речь противопоставляла капиталистической свободе, а именно свободе «каждого присваивать, свободе от государственного контроля» власть труда. «Я создал всю свою экономику на основе труда. Наша немецкая марка, не обеспечен-

⁷ New York Times. 14 February 1940.

ная золотом, стоит дороже, чем золото». Война изображается как война за «мир совместного труда» против «эгоизма... капитализма... индивидуальных и семейных привилегий», против «проклятой плутократии, протеев тех немногих династических семей, которые управляют капиталистическим рынком ради нескольких сотен лиц, которые в конечном счете управляют этими семьями».⁸

Согласно национал-социализму капитализм — это еврейское изобретение; следовательно, противники национал-социализма должны быть евреями. *Schwarze Korps*, орган СС, отказался от всей национал-социалистической расовой теории и объявил, что англичане — это нация белых евреев.⁹ Ученые сразу принялись за работу — доказывать, что английская культура и цивилизация была главным образом еврейской. Один такой ученый¹⁰ посвятил две большие книги демонстрации того, как евреи завоевали и теперь управляют Англией. Полностью извратив тезис Макса Вебера, он изображает пуританскую революцию и подъем пуританства вообще как победу иудаизма над христианством.¹¹ С целью анти-английской пропаганды в августе 1940 г. начал издаваться специальный журнал против плутократии и подстрекательства народов, под названием «Die Aktion».¹²

Расовый пролетариат — это и есть подлинная теория национал-социализма и его самое опасное выражение. Это его самая ошибочная и все же самая привлекательная доктрина. Ее ошибочность очевидна. Если золото составляет богатство, тогда Германия на самом деле бедна. Но национал-социализм настаивает, что золото — это не богатство, что все богатства происходят от производительности человека. Если это так, то тогда Германия самая богатая страна в мире. Нет сомнений, что такая доктрина привлекательна. Она использует ненависть к Англии, могущественный мотив в Германии, во многих частях Британской империи и во многих латиноамериканских странах. Она использует ненависть к евреям, отвращение к капитализму и, наконец, эксплуатирует марксистскую фразеологию и символику во все более высокой сте-

⁸ Time Magazine. 23 December 1940.

⁹ New York Times. 4 February 1940.

¹⁰ Peter Aldag. Juden in England; Vol. I: Juden erobern England; Vol. II: Juden beherrschen England. Berlin, 1940.

¹¹ Ibid. Vol. I. P. 88–97.

¹² Nibelungen-Verlag.

пени. Ясно, что сама цель доктрины расового пролетариата заключается в обольщении рабочего класса. Этот пункт требует дальнейшего обсуждения.

Трудовая теория стоимости, классовая борьба и бесклассовое общество — это три основные категории развития марксистской теории в Германии. Хотя многие ревизионисты и ортодоксальные марксисты могли преобразовать или даже отвергнуть марксизм, нет сомнения, что из этих трех концепций возникает фундаментальный импульс социал-демократического и коммунистического движений. Марксистская теория распространяется в массы. Она образует фокус всех политических дискуссий между двумя партиями и внутри них. Любая тактическая мера аргументируется в терминах марксистской теории, и цитаты из Маркса и Энгельса используются в любой дискуссии, касающейся фундаментальных проблем. Ни один ведущий социалист не смеет отбросить теорию классово-вой борьбы; никто не смеет отрицать *ultima Thule* бесклассового общества. Даже коллективные соглашения понимались как форма классовой борьбы, и участие членов профсоюза в трудовых судах и арбитражных органах приветствовалось как признание этого принципа. Иностранцу такие дискуссии могут показаться забавными, догматическими и причиной так называемой «незрелости» трудового движения в Германии. Мы не намерены оспаривать этот пункт. Бесспорно, что марксистская теория и символика полностью пропитали собой социал-демократическое и коммунистическое трудовое движение и сформировали их характер, и именно в таком положении дел теорию пролетарского расизма и следует понимать. Эта теория является попыткой искоренить марксизм в процессе его видоизменения. Полный упадок германского трудового движения, приведший к уничтожению социал-демократической и коммунистической организаций, облегчил эту трудную задачу. Был ли также разрушен и основной импульс — это совершенно иной вопрос.

В глазах социал-демократов и коммунистов цель бесклассового общества и высшей формы жизни достигается не порабощением иных наций, но преобразованием капиталистической системы и уничтожением угнетающей бюрократии. Достижение такой цели требует высочайшей храбрости, готовности жертвовать собой, терпения и понимания. Борьба против собственного правящего класса является, как показывает история, гораздо более напряженной, чем внешние войны, и международная пролетарская со-

лидарность приобретается только в длительной и трудной политической борьбе. Национал-социализм предлагает рабочему все, что ему предлагает марксизм, и без классовой борьбы. Национал-социализм предлагает ему высшую форму жизни и власть труда над деньгами, не заставляя его бороться против собственного правящего класса. Наоборот, его приглашают присоединиться к правящим классам, разделить их власть, славу и материальные блага, став частью колоссальной машины. Ему не нужно больше быть изолированным и бороться против течения. Его не просят показать больше храбрости и принести больше жертв, чем кто-либо еще. Наоборот, победа Германии — это его победа, победа труда над деньгами, общности народа над классовым правлением, истинной свободы над свободой, которая была просто облачением эксплуатации. Эта доктрина не была отброшена даже после нападения на Россию.

Успешна ли национал-социалистическая идеология? Действительно ли теория пролетарского расизма проникла в трудовые ряды? Окончательно ли она разрушила веру в демократический социализм или коммунизм? Это решающий вопрос, поскольку от ответа на него зависит судьба Европы. От этого также зависят в значительной степени методы психологической войны, которые должны использоваться против Германии. Если каждый житель Германии, даже каждый рабочий Германии — это потенциальный Гитлер, если массы твердо выступают за вождя, если народ объединяется доктриной расового пролетарского империализма, тогда противники Германии могут иметь только одну военную цель: уничтожить Германию, разделить ее и сохранять ее поработенной. Так как если это верно, то никакая попытка вбить клин между Гитлером и народом Германии не может быть успешной.

На самом деле такой взгляд разделяется многими, особенно теми иностранными государственными деятелями, которые больше всего сделали, чтобы разрушить немецкую демократию и поддерживать национал-социализм в международном кризисе. Именно эти государственные деятели желают переложить ответственность за победу национал-социализма от их собственной внешней политики исключительно на немецкий народ. Верно, что такой аргумент не может быть легко отклонен. И гораздо труднее доказать обратную точку зрения — что немецкий народ не выступает за национал-социализм. Культура Германии сейчас есть не что иное, как пропаганда; публичное мнение в Германии контролируется, и им

манипулируют; и выразить оппозиционные взгляды значило бы смерть или концентрационный лагерь. У нас нет никаких прямых средств, чтобы выяснить реальную позицию народа Германии, и мы должны использовать косвенные методы. Мы попытаемся узнать, до какой степени национал-социализм охватывает немецкий народ, более детально анализируя функцию новой идеологии, обсуждая источник этого типа социального империализма, изучая те социальные страты, которые больше остальных ответственны за германский агрессивный империализм, и, наконец, исследуя характер национал-социалистической социальной организации, чтобы увидеть, насколько она основана на терроре, а насколько на добровольном согласии. Большая часть этого обсуждения будет находиться в последней части.

3. Псевдомарксистские элементы в теории социального империализма

Новая национал-социалистическая идеология — это явное извращение марксистской идеологии, нацеленное на обман марксистского рабочего класса. Я знаю только об одном случае, когда присоединение марксистских рабочих явно допускается как цель социальной политики, — это «Мекленбургские тезисы Союза национал-социалистических пасторов» (протестантских) 29 мая 1933 г. Первый тезис начинается: «Под влиянием марксизма и полностью принимая национал-социализм, наш народ больше не признает старые церковные формы». Именно поэтому невозможно сохранить эти старые формы; они должны быть изменены и приспособлены к этой социальной страте.¹³ Это намерение вызвало к жизни множество различных попыток, и все они закончились неудачно. Идеология пролетарского расизма — это новый ответ на эту старую задачу.

Когда мы читаем новые идеологические заявления, мы можем принять их за марксистский анализ, приукрашенный примесью Шпенглера, Мёллера Ван ден Брука и Розенберга. Например, передовица в «*Frankfurter Zeitung*»,¹⁴ озаглавленная «Тонущий мир»,

¹³ Schmidt K. D. (ed.). Die Bekenntnisse des Jahres 1933. Göttingen, 1934. P. 18.

¹⁴ Frankfurter Zeitung. 15 December 1940.

является фактически марксистской критикой Великобритании. Хотя, говорится там, в Германии и есть богатые люди, «они не имеют права что-либо решать», в противоположность Англии, которая представляет собой «обитель распадающегося буржуазного мира». Буржуазная социальная система имела важное значение для уничтожения феодализма и поэтому имела большие исторические заслуги, но она пережила свою пригодность. В этом мире можно было более столетия слышать мрачный рокот. Он становился все время громче, и чем сильнее затыкали уши, тем более громким и более угрожающим он становился. Это был рокот масс, живущих без свободного света и воздуха. Той свободы, которую эти массы имели, было «недостаточно, чтобы дать им работу и ежедневный хлеб».

«Британский высший класс гораздо более твердо и непреклонно обеспечивал свое собственное положение в этой так называемой демократии... В Англии вы не найдете и следа новых идей... Партия лейбористов не желает свергать буржуазный мир... В Англии капиталистическому миру не угрожает никакая внешняя опасность. Британцы настроены против великой и могущественной Германии вовсе не потому что они боятся, что такая Германия уменьшила бы власть Англии. Они против ... немецких идей, потому что они боятся, что их собственный мир рухнет под их воздействием».

Эта статья в традиции Маркса, Энгельса и Ленина, и она почти неотличима от хорошо известных обвинений британской социальной и политической системы. Она построена вокруг классового анализа британского общества, общества, в котором правящие классы используют внешние формы демократии ради сохранения своих привилегий, в котором партия лейбористов стала мелкобуржуазной организацией. Система в целом находится в процессе распада, и она отчаянно борется против привлекательности новой теории, новой экономики, нового общества для обманутых масс британского народа.

Роль, которую играет марксистская трудовая теория стоимости в критике английской экономической системы, прекрасно иллюстрируется речью д-ра Дитриха, главы федеральной пресс-службы, речью, озаглавленной: «Духовное основание новой Европы».¹⁵ «Национал-социализм признал, что самым лучшим основанием для любого течения является уверенность в руководстве

¹⁵ Ibid. 21 January 1941.

государством и в производительных силах нации». Германский социализм, хотя он и начинается с естественного неравенства людей, требует, чтобы каждый имел равные возможности восхождения по социальной лестнице. «В тончайшей паутине экономических процессов и за пеленой денег национал-социализм обнаруживает центр экономической власти, а именно — человеческий труд как оживляющую все вещи основу... В лабиринте экономических концепций он находит нить Ариадны, которая ведет нашу экономическую мысль по тропе ясности: производительный труд. Она низвергла либеральную догму первичности прибыли для капиталистов и заменила ее принципом национальной производительности».

Это утверждение, а также еще одно сходное, сделанное Альфредом Розенбергом на открытии партийного института еврейских исследований, эхом повторяют марксистскую теорию фетишистского характера буржуазного общества. Само собой разумеется, что этот анализ является не подлинно марксистским, но псевдомарксистским. Он направлен исключительно против денег и пренебрегает фетишистской природой товара. Но фразеология в конечном счете сформирована потребностью завоевания марксистских масс, которым эти термины могли быть знакомы.

Эти примеры могут быть достаточными. Мы можем путем противопоставления показать приспособление и преобразование марксистских лозунгов с целью удовлетворения нужд национал-социалистической политики.

Марксистская форма	Национал-социалистическая форма
Классовая борьба	Пролетарская война против капиталистических государств
Трудовая теория стоимости	Деньги как фетиш производительных сил нации
Бесклассовое общество	Народная общность
Пролетариат как носитель истины	Германская раса как пролетарская раса является воплощением нравственности

Формулировка новой доктрины находится, таким образом, в одном ряду с приспособлением марксистских символов, таких

как красный флаг (хотя и украшенный свастикой), возвеличивание марксистского майского дня до национального праздника и одобрение многих пролетарских песен, хотя и с новыми текстами. Все это служит той же самой цели: сделать теорию расового империализма идеологической основой войны германского народа против окружающего мира, войны, имеющей своей целью достижение лучшей жизни для расы господ посредством сведения побежденных государств и их сателлитов до уровня колониальных народов.

4. Националистические предшественники социального империализма

Новая доктрина была первоначально полностью изложена итальянцем Энрико Коррадини, основателем националистической партии, которая оказала огромное влияние на итальянский фашизм. Националистическая партия и ее «синие рубашки» были включены в блок с фашистской партией, которая затем сменила свое название на Национальную фашистскую партию.¹⁶ Националисты были только незначительным меньшинством, но у них было больше прекрасно обученных людей, чем у фашистов, и их теории были приняты новой партией. Луиджи Федерзони, Альфредо Россо, Сципио Сигеле, Р. Форге-Даванзати — все они пришли из националистической партии. Коррадини, учитель из средней школы, изложил первую последовательную теорию социального империализма, целиком основанную на объединении масс.¹⁷ Сама по себе теория является мешаниной различных элементов, особенно французского «интегрального национализма» и революционного синдикализма. Аргумент прост. Италия — это великая пролетарская страна. Между Италией и окружающими государствами то же самое отношение, что и между рабочим классом и пресыщенной

¹⁶ *Borgese G. A. Goliath. The March of Fascism. New York, 1937. P. 248–249.*

¹⁷ *Il Nazionalismo italiano. Milano, 1914; La Vita nazionate (collected papers written in 1903, 1904). Siena, 1924; Discorsi Politici. Firenze, 1923; Illuminating discussion: Ignazio Silone. Der Faschismus. Zürich, 1934. P. 267–272; Erwin von Beckerath. Wesen und Werden des faschistischen Staates. Berlin, 1927. P. 18, 28–34.*

буржуазией. Италия замкнута в Средиземноморье, она лишена промышленных ресурсов и колониальной империи. Ее национализм поэтому должен быть социальным, и Коррадини ввел даже термин *socialismo nazionale*.¹⁸ Он пошел дальше простой потребности в войне и героизме. Он включил в свою работу доктрины Жоржа Сореля и превратил их в средство обмана рабочего класса.¹⁹ Приспособление было не очень трудным, поскольку Сорель, самый блестящий и самый противоречивый критик марксизма и либерализма, никогда не скрывал своего сочувствия к французскому «интегральному национализму» и к *Action française*.²⁰ Сорель верил, что пролетариат может достичь своих целей только насилием, то есть посредством всеобщей забастовки, высшего проявления солидарности. Для Коррадини высшим выражением солидарности была война.²¹ Сорель утверждал, что новое бесклассовое общество может быть установлено только на основе свободного объединения всех производителей в синдикаты; для Коррадини новый порядок — это одно из таких объединений.²² Но если Сорель понимал под производителями только наемных рабочих, для Коррадини, как позже и для фашизма, и для национал-социализма, производители включали всех — работодателей и рабочих, владельцев и слуг, организованных в корпоративной системе, которая может заменить парламентскую демократию. Коррадини поэтому был первым, кто защищал союз национализма и революционного синдикализма, союз, позже осуществленный фашизмом.

Важно, что появление учения Коррадини пришлось на период между 1909 и 1912 гг., достигший своей кульминации на съезде Националистической партии во Флоренции в 1910 г.²³ Это был период высокой напряженности в отношениях между двумя соперничающими великими державами, отмеченный марокканским кризисом, алжирским инцидентом, турецко-итальянской войной 1911 г. и приобретением Триполи в 1912 г. Незадолго до мирного договора в 1912 г. Италия ввела всеобщее избирательное право для взрослых мужчин. Империалистические авантюры 1911 и 1912 гг.

¹⁸ Il nazionalismo. P. 34.

¹⁹ La vita. P. 123.

²⁰ Max Ascoli. Georges Sorel. Paris, 1921. P. 34.

²¹ La vita. P. 30.

²² Discorsi. P. 422.

²³ Gaudens Megaro. Mussolini in the Making. Boston, 1938. P. 235.

были отвергнуты населением. Характерно, что Антонио Лабриола, социалистический лидер со значительными синдикалистскими наклонностями, защищал ливийскую войну и считал аннексию Триполи хорошим бизнесом для буржуазии и, как следствие, благом для итальянского пролетариата. Но социалисты выступали против войны, хотя их оппозиция и была робкой. Спонтанная оппозиция была более сильной; сам Муссолини, тогда революционер-социалист, страстно нападал на Коррадини и Националистическую партию, осуждал национальный флаг «как тряпку, воздвигнутую на навозной куче»,²⁴ начал пропагандистскую кампанию против турецко-итальянской войны и был отправлен на год в тюрьму.

Вероятно, теория Коррадини была первой попыткой использовать силы, способствующие классовой борьбе, для развития империалистического социализма.

Мы уже упоминали сделанные Фридрихом Науманном в его книге «Срединная Европа» попытки подчеркнуть тождество интересов капиталиста и рабочего класса и воспитательное влияние социал-демократической партии и профсоюзов. Мы также упоминали о неразрывной линии от Фридриха Листа к Адольфу Вагнеру. Но самое отчетливое немецкое выражение этой теории социального империализма может быть обнаружено в работах Освальда Шпенглера и Мёллера ван ден Брука. Мы не касаемся отношения Шпенглера к национал-социализму и отношения национал-социализма к Шпенглеру. Это по большей части случайный феномен. Шпенглер оказал огромное влияние на все германские антидемократические движения и идеологии. Что бы ни говорили эксперты против его фактических заявлений, его яркость нельзя отрицать. «Закат Европы» содержит наблюдения, подобно вспышкам молнии освещающие пейзаж и выявляющие новые аспекты, которые мы склонны пропускать в массе деталей. Мы намерены обратиться не к философии истории Шпенглера, не к его морфологии, не к его теории циклов, но к двум проблемам, сформулированным в его политической философии: возникновению цезаризма в условиях политической демократии и потребности в империалистической экспансии в форме прусского социализма.

Появление Цезаря в лоне демократии неоднократно предсказывалось французскими, немецкими и испанскими контрреволюционерами. Пророчество берет начало в специфической теории

²⁴ *Megara*. Op. cit. P. 86, 160, 250.

человеческой природы, согласно которой человек является совершенно испорченным, невежественным, злым и неспособным к свободе.

«Мир с огромной скоростью движется к образованию деспотизма, самого гигантского и самого разрушительного, какой только видели люди. Подготовлена дорога для гигантского, колоссального, вселенского тирана. Все готово для этого. Заметьте, что больше нет никакого морального или материального сопротивления. Больше нет никакого материального сопротивления: государственные деятели и правители упразднили границы, а электрический телеграф упразднил расстояние. Больше нет никакого морального сопротивления: все духовные силы разделены, всякий патриотизм мертв. Речь идет о выборе между диктатурой снизу и диктатурой сверху (Богом). Я выбираю диктатуру снизу, потому что она идет из регионов, которые чисты и безмятежны. В крайнем случае речь идет о выборе между диктатурой кинжала и диктатурой сабли: я выбираю саблю, потому что она благороднее».²⁵

Это было будущее, которое Доносо Кортес, испанский католический контрреволюционер, предвидел для человечества в период либеральных революций в Европе в 1848 г. Он не испытывал никакой надежды на правление сверху, а именно на правление Бога. Вся проблема заключалась, кажется, между двумя видами диктатуры: военной, с одной стороны, и демагогической снизу — с другой. Он предпочитал военное правление. Таким образом, он примыкал к традиции Бональда и де Местра, которые в качестве протеста против французской революции также отрицали либерализм и демократию как носителей цезаризма.

Таким же является и умонастроение Шпенглера. Его философия человека глубоко пессимистична: «Человек — это хищник». Ему «известно опьянение тем ощущением, когда нож проникает в плоть врага, известны торжествующие вопли и аромат крови».²⁶ Демократия порождает партии, а партии порождают партийную машину, которая контролирует и объединяет массы и тем

²⁵ *Oeuvres de Donoso Cortès*. Marquis de Valdegamas. 3rd ed. Lyon, 1877 (*L'église et la révolution*, 1848; *Discours sur la dictature*, 1849). Vol. I. P. 352 and 337.

²⁶ *Oswald Spengler*. *Man and Technics* / Trans. C. F. Atkinson. London, 1932. P. 43. Перевод — это текст из книги: *Hans Speier*. *Germany in Danger*. Concerning Oswald Spengler // *Social Research*. 1934 (I). P. 233.

самым открывает дорогу новому цезарю. Избирательные права народа — это фальшивка; чем более они расширяются, тем меньше действительная власть избирателя. Это играет на руку цезаристским тенденциям в политических организациях.²⁷ Свобода прессы удерживает человека в повиновении. Пресса и электрические информационные службы запугивают его модными фразами и лозунгами, которые вливаются в бесконечный поток пропаганды. Шпенглер мог бы согласиться с тем описанием охотящейся за сенсациями английской прессы, которое дает лорд Сэлсбери, и расширить его на прессу вообще — что Хэрмсфорт (лорд Нортклифф) «изобрел одну газету для тех, кто мог бы читать, но не думать, а другую — для тех, кто мог бы видеть, но не читать».²⁸ Три недели работы прессы, и истина будет признана всеми. «Таков конец демократии».²⁹ В первую очередь деньги разрушили демократию, и оружием ее разрушения были политические партии и всеобщее избирательное право, те самые свободы, которые она столь высоко чтит. С разрушения демократии начинается эра соперничающих государств, ведомых и организуемых цезарями, которые полностью контролируют человека.³⁰

Каково внутреннее устройство этих конкурирующих государств, особенно Германии? Ответ дан в наиболее значительной политической работе Шпенглера «Пруссачество и социализм»,³¹ впервые опубликованной в 1920 г. Главная проблема книги — это опять-таки подключение социал-демократической партии к прусскому социализму с целью ведения империалистических войн. В первую очередь это достигается новым определением социализма. Социализм освобождается от марксизма и отождествляется с прусской традицией долга, власти и иерархии. Социализм не является международным, это германский и прусский социализм. Это не классовая борьба, но сотрудничество под руководством государства. Никаких партий, никаких профессиональных политиков, никаких периодических выборов; экономическая организация в иерархической структуре должна быть общественным

²⁷ The Decline of the West / Trans. C. F. Atkinson. New York, 1939. Vol. I. P. 452.

²⁸ William L. Langer. Op. cit. Vol. I. P. 85.

²⁹ Decline. Vol. I. P. 461.

³⁰ Ibid. P. 463.

³¹ Preussentum und Sozialismus. Munich, 1920.

строим. Рабочий класс может быть объединен только посредством дисциплины, иерархии, власти и повиновения.³² Согласно Шпенглеру картели и синдикаты предвещают грядущую структуру такого авторитарного корпоративного государства. Опять же именно антагонизм между Германией и Англией определяет политику соперничающих государств. Как следствие для Шпенглера возникал вопрос: «В будущем торговля будет управлять государством или государство торговлей?» И ответом было: «Пруссачество и социализм вместе выступают против влияния британского духа в Германии, против философии жизни, которая пронизывает всю нашу народную жизнь, парализует ее и делает ее бездушной». Такой социализм означает власть и снова власть. Планы и идеи — ничто без власти.³³

Такова программа социального империализма у Шпенглера. Тот вид социализма, который он имел в виду, ясно излагается в его многочисленных небольших эссе: «Подонки человечества, то есть трудящиеся классы, должны трудиться по меньшей мере двенадцать часов в день, как при раннем капитализме».³⁴ Рост заработной платы и налогов означает ограбление реальных производительных сил.³⁵ Рабское государство, описываемое Хилзром Беллоком, — это и есть государство, защищаемое Шпенглером.

Какие же идеалы оправдывают эту новую эру прусского государственного социализма войны и империализма? Никакие. «Век теории подходит к концу. Ее место занято второй религиозностью»,³⁶ которая является дополнением эры цезаризма и которая состоит в «несвязанной мощи колоссальных фактов».³⁷

Эта доктрина является языческим позитивизмом, и больше, чем что-либо еще в его книге, она раскрывает его полный разрыв со всей западной цивилизацией. Интересно, что протестантские критики³⁸ Шпенглера не признавали языческий характер его книги, тогда как католики ясно его видели и его осуждали.³⁹ За ис-

³² Ibid. P. 97.

³³ Ibid. P. 98.

³⁴ The Hour of Decision / Trans. C. F. Atkinson. New York, 1934. P. 145.

³⁵ Neubau des Deutschen Reiches. Munich, 1924. P. 112.

³⁶ Decline. Vol. II. P. 454.

³⁷ Ibid. P. 311.

³⁸ Д-р Шпейер обратил на это внимание. Op. cit.

³⁹ Образцовая католическая критика его социальной философии: Goetz Briefs. Untergang des Abendlandes, Christentum und Sozialismus. Frei-

ключением расовой теории, которую он расценивал как слишком сырую, книга Шпенглера содержит почти все элементы национал-социалистической философии. Презрение к человеку и к массам, к культуре и интеллекту, акцент на иерархии и лидерстве, на дисциплине и повиновении, возвеличивание «производительных сил» — все это имеется как у Шпенглера, так и у Лея или Гитлера.

То же самое стремление, идеологическая подготовка к империалистической войне характерна и для работ Мёллера Ван ден Брука.⁴⁰ Опять же мы не можем сказать с абсолютной уверенностью, был или не был Мёллер Ван ден Брук предшественником национал-социализма. Альфред Розенберг решительно отвергает такое утверждение.⁴¹ Однако Розенберг полагает, что единственными подлинными предшественниками национал-социализма были Ницше и Рихард Вагнер, Поль де Лагард и Хьюстон Стюарт Чемберлен. Он рассматривает Мёллера Ван ден Брука, несмотря на комплименты, которые он делает ему как литератору, и его теорию как обескровленную и поверхностную. Его теория отвергалась также и потому, что она была философией Черного фронта (группы Штрассера) и тех консервативных клубов, которые национал-социализм стремился изо всех сил уничтожить. То, что национал-социализм отвергал его, делает честь Мёллеру Ван ден Бруку, поскольку он действительно был выдающимся литератором, переводчиком Флобера и Достоевского, и первооткрывателем французских романистов и поэтов эпохи модерна.

Мы не можем рассматривать теорию Ван ден Брука в целом. Мы только выделим два тесно связанных ее аспекта: ненависть к Англии и социальный империализм. Лейтмотив Третьего рейха — это печально знаменитое заявление Клемансо, что 20 000 000 немцев слишком много для мира. Требования экспансии в Германии развиваются вокруг этого заявления. Есть множество геополитических формул, но они не имеют основного значения. Главный вопрос — социальный. Книга в целом — это страстная попытка

burg I. B., 1920. Обзор дискуссии о Шпенглере теологами: *Manfred Schroeter. Der Sireit um Spengler*. Munich, 1922. P. 116–141.

⁴⁰ *Das Dritte Reich*. 3rd ed. / Ed. by Hans Schwarz. Hamburg, 1931; *Das ewige Reich*. Vol. I. Die politischen Kräfte. Vol. II. Die geistigen Kräfte. Breslau, 1933 and 1934; *Sozialismus und Aussenpolitik*. Breslau, 1933.

⁴¹ *Alfred Rosenberg. Gestaltung der Idee*. Vol. I. 3rd ed. Munich, 1936. P. 15–19.

увести германского рабочего от Маркса, искоренить доктрину классовой борьбы и вытеснить ее доктриной войны. Прежде, чем социальная проблема может быть решена классами, она должна быть решена нацией. Английские и французские рабочие могут жить, тогда как немецкие и русские не могут. Ни колониальная программа, ни эмиграция, ни мальтузианство, ни классовая борьба не могут решить социальный вопрос. Колониальные программы недостаточны. Неомальтузианство противостоит естественности, потому что «природе угодно перенаселение». Марксистские партии потерпели полную неудачу, но идея социализма — это реальность. Социализм должен быть национальным, а не интернациональным, и должен мыслить в терминах внешней политики. Классовая борьба должна поэтому быть заменена «мировой политикой». Мёллер ван ден Брук делает окончательный вывод из учения о социальном империализме. Он сочувствует доктрине национал-большевизма, защищавшейся в некоторые периоды коммунистической партией и Черным фронтом Отто Штрассера. Этим консервативным революционером, создавшим термин «Третий рейх», руководила безграничная националистическая страсть. Он самый красноречивый, самый образованный и самый значительный представитель той доктрины, которая достигает кульминации в теории пролетарского расизма.

Цель доктрины ясна, но все же неясно, является ли она успешной. Действительно ли она охватила основную массу общества в Германии? Ответ будет легче получить благодаря анализу тех социальных страт, которые активно поддерживали империалистическую экспансию.

5. Германский империализм

Германский империализм использует преимущества запоздalogo и неимущего государства. Именно это обстоятельство дает германскому империализму его эффективность и жестокость. В таких странах, как Англия, Голландия или Франция, которые переросли стадию простых инвестиций и перешли к империализму колоний и протекторатов, неизбежно возникали внутренние антиимпериалистические тенденции. Крупномасштабный экспорт капитала создает капиталистическую страту, совершенно не заинтересованную в дальнейшей экспансии и даже враждебную к ней — страту

группы *рантье*.⁴² Рантье, доход которого получен не от производственных предприятий и не от деловой активности, но от ценных бумаг и обязательств, — это не агрессор. Наоборот, он миротворец, который хочет сохранить то, чем он владеет, и который отказывается быть подвергнутым новым рискам. Антагонизм между *рантье* и деятельным империалистом проник в британскую внешнюю политику во времена Джозефа Чемберлена и завершился победой *рантье* при Бальфуре, Болдуине и Невилле Чемберлене. Этот антагонизм весьма ясно показан в письмах сэра Остина Чемберлена «Политика изнутри».⁴³ Он выражается в конфликте между демократами тори и старыми консерваторами. Дизраели и Джозеф Чемберлен могут быть названы предшественниками социального империализма. Они были демократическими империалистами, основывавшими расширение империи на рабочем классе, которому были дарованы материальные блага и избирательное право; но начиная с Бальфура класс *рантье* усиливал свои позиции в Консервативной партии. Он уже не был заинтересован в экспансии; он не выносил рисков. Конфликт между Консервативной партией стал открытым с возникновением противостояния свободной торговли и протекционизма. В то время как Джозеф Чемберлен ясно видел невозможность конкуренции с расширяющей свои владения Германией на основе свободной торговли и хотел создать барьер тарифов вокруг империи, группа *рантье* отказалась принять эксперимент, который требовал полной перестройки английской индустриальной машины, предполагавшей полную концентрацию и образование трестов. Бэлфур был наконец свергнут в 1911 г., но Остин Чемберлен не последовал за ним. Бонар Лоу стал лидером партии и представителем группы *рантье*. Таким образом, империалистическая группа потеряла лидерство в Консервативной партии уже в 1911 г.; вернула его только на время Первой мировой войны при Ллоиде Джордже в рамках коалиционного правительства и окончательно потеряла его при Болдуине и Невилле Чемберлене. Германия была осведомлена об этом явном конфликте в социальной структуре Англии и в английской внешней политике. Во всех формах немецкой ненависти к Англии, берет ли она начало в геополитике или в германском империализме, Англия

⁴² О доходах с британских инвестиций за границей см.: *Hobson J. A. Op. cit.* P. 375.

⁴³ *Sir Austen Chamberlain. Politics from Inside.* New Haven, 1937.

описывается как распадающаяся страна, страна буржуазии, более не желающая расширяться и нарушающая основной закон жизни в конкурентоспособном обществе: закон, что необходимо либо расширяться, либо умереть.

Класс *рантье* Германии был разорен во время инфляции. Война уничтожила иностранные инвестиции, инфляция смыла внутренние сбережения. Уничтожение преуспевающего среднего класса обернулось самым сильным стимулом для агрессивного империализма, поскольку это был слой среднего класса, которому было мало что терять и который искренне поддерживал движение тяжелой промышленности к перевооружению и к империализму.

Проблемы, с которыми сталкивался немецкий империализм, отличались от таковых из Великобритании еще в одном отношении. Британский империализм в XIX и в начале XX века был направлен против колониальных, полуколониальных, или слабых держав; и Великобритания вела свои колониальные войны прежде всего местными армиями под британским командованием. Германия столкнулась с миром, уже разделенным среди государств, обладавших многочисленными армиями или флотами. Поскольку никакое мирное перераспределение не могло быть достигнуто, поскольку международных картелей и деления сфер экономических интересов было недостаточно, оставалась только война. Первая попытка была в 1914 г.; в 1939 — вторая. Но Германия полностью усвоила уроки 1914 г., что подготовка к войне должна начинаться в мирное время, что война и мир — это больше не две различные категории, но два выражения одного и того же феномена, феномена экспансии. Внутренняя структура общества должна быть преобразована, чтобы полностью использовать все производительные силы общества для ведения войны. В частности, труд должен быть включен в тоталитарную структуру, должен стать ее неотъемлемой частью. Материальные блага, террор и пропаганда должны искоренить любые пацифистские или социалистические убеждения. Существует два основных типа империализма, обычно известных под названиями «имущего» и «неимущего». Каждый из них должен быть подразделен на подвиды. Каждый отличается по своей идеологии, технике, и по своим целям. Следующая диаграмма облегчит понимание этих типов, которые, однако, не означают, что «имущее» государство должно вечно оставаться пресыщенным. При определенных условиях оно может превратиться в агрессора, но тогда, как сегодня, оно неизбежно станет фашистским.

Империализм пресыщенных держав

Чистый экономический империализм:

Торговый (коммерческий) империализм — свободная торговля — универсальное международное право — конкурентоспособная структура экономики — никаких изменений во внутренней политической системе — сохранение независимости объектом экспансии соединяется с определенными правами для империалистических держав, торговыми зонами, портовыми привилегиями и т. д.

Инвестиционный империализм — протекционистские тарифы — начала регионализма (сферы интересов) — монополизация и образование трестов — никаких изменений во внутренней политической системе — независимость желанной территории экономически не определена.

Политико-экономический империализм:

Колониальный империализм — попытки идеологического объединения масс («демократический» империализм: Дизраэли, Джозеф Чемберлен, Италия в 1912 г.), но никаких изменений во внутренней системе — включение необходимой территории в империалистическую державу с колониальным статусом.

Империализм протектората: попытка идеологического объединения масс (бремя белого человека и т. д.) — монополизация и образование трестов — экспорт капитала — политическая защита инвестиций посредством сокращения независимости подчиненного государства.

Империализм «неимущих»

«Социальный» империализм:

Континентальный империализм — идеологическое и организационное объединение масс — автаркия — самая высокая стадия монополизации и создания трестов — новая доктрина Монро — преобразование подчиненных (цивилизованных) государств в колонии.

Мировой империализм — идеологическое и организационное объединение масс — континент как ядро — пролетарский расизм как идеология и рычаг для мирового империализма.

Наше утверждение в том, что империализм Германии — это прежде всего политика ее индустриального лидерства, полностью поддержанная Национал-социалистической партией; что другие классы просто следуют за этим лидерством, или даже сопротивляются ему. Это утверждение должно быть доказано. Такое доказательство может быть дано, только если мы покажем исторический рост империализма в Германии посредством анализа позиций различных классов общества по отношению к агрессивной войне. Такой анализ в свою очередь усилит наше утверждение, что империалистическая война — результат внутреннего антагонизма экономики Германии.

Как ключ к позиции народа Германии по отношению к войне, мы можем использовать его отношение к Великобритании.⁴⁴ Мы уже подчеркивали тот факт, что ненависть к Англии присутствует во всех доктринах, которые входят в национал-социалистическую идеологию. Ни желание Фридриха Листа союза с Великобританией, ни надежда Адольфа Гитлера на сотрудничество с Великобританией, выраженная в его автобиографии, не изменяет наш взгляд. Это сотрудничество требовалось в первую очередь при условии, что Англия — все еще мировая держава огромной силы и что лучше совместно эксплуатировать мир, чем рискнуть войной против Англии.

Конфигурация ненависти к Англии в немецком обществе показывает любопытную картину, которая была впервые раскрыта недавно умершим чрезвычайно одаренным немецким историком Эккартом Керром. В немецком обществе Англия была объектом и почитания и ненависти. У консервативных аграриев, прежде всего озабоченных обеспечением защиты для своего производства зерна, в большинстве случаев не было никаких экономических возражений по поводу британской торговли и промышленности. Они просто стремились сохранить немецкую экономическую структуру, чтобы оставить в прежнем состоянии свое социально-экономическое и политическое влияние. Они боролись не за мировое господство, но за покровительство и безопасность. С политической точки зрения, однако, Англия представлялась консервативным аграриям воплощением зла, то есть парламентской демократии и всеобщего

⁴⁴ *Eckart Kehr. Englandhass und Weltpolitik // Zeitschrift für Politik.* 1928 (7). P. 500–526; *Deutsch-englisches Bündnisproblem der Jahrhundertwende // Die Gesellschaft.* 1928 (2). P. 24–31.

избирательного права. Англия представляла тот тип правительства, которое в наибольшей степени было настроено против консервативной формы жизни.

Отношение консервативных аграриев к России было точной противоположностью. В последней части XIX века Россия все более и более оказывалась соперником аграрного производства Германии и таким образом становилась для аграриев объектом экономической ненависти. Но с политической точки зрения Россия представлялась консерваторам в качестве идеала. Ее абсолютизм пользовался уважением и восхищением.

Отношение немецкой промышленности было диаметрально противоположным отношению консервативных аграриев. Англия была вызывающим страх и ненавистным конкурентом, пробуждающим все то негодование, которое «неимущие» испытывают к «имущим». В то же самое время немецкая промышленность восхищалась английской конституционной системой правления, которая со времен Монтескье была моделью, в соответствии с которой все либеральные движения в Европе формировали свою политику. Немецкой промышленности, с другой стороны, нравился дешевый импорт продовольствия и зерна из России, так как дешевый импорт предотвращал рост заработной платы. Она презирала российскую абсолютистскую систему. Представленная графически, картина выглядит так:

Либералы (промышленность) с политической точки зрения — против России; экономически — против Англии.

Консерваторы (аграрии) экономически — против России; с политической точки зрения — против Англии.

Но вместо «ненависти к Англии» и почитания Англии, упраздняющих друг друга, политическая антипатия аграриев и экономическое негодование промышленников слились в единую всеобъемлющую и решительную «ненависть к Англии».

Поводом для такого слияния была военно-морская программа строительства Тирпитца.

Консервативные аграрии никогда не были слишком благосклонны к военно-морской программе строительства Тирпитца. Это вполне очевидно после прочтения двух больших томов мемуаров графа Вестарпа,⁴⁵ много лет бывшего лидером Консерватив-

⁴⁵ *Graf Westarp. Konservative Politik. Vol. I. 1904–1914; Vol. II, 1914–1918. Berlin, 1935.*

ной партии. Явно это нигде не объявляется, поскольку книга была издана в 1935 г. при национал-социалистическом режиме. Напротив, часто выражается восхищение Тирпитцем. Однако граф Вестарп ясно различал политику консерваторов и политику, проводимую национал-либералами и Пангерманской Лигой. Согласно Вестарпу, Пангерманская Лига, о которой мы должны будем сказать несколько слов позже, представляет западную Германию, свободных консерваторов, и национальный либерализм, но не Консервативную политику.⁴⁶ Вестарп отвергает, например, политику Пангерманской Лиги во время кризиса Марокко 1911 г., старается изо всех сил держаться в стороне от того, что он называет «утопическими военными целями»⁴⁷ пангерманцев с 1914 до 1918 г., и постоянно подчеркивает национал-либеральное влияние на политику агрессивного империализма и аннексий.⁴⁸ Всюду в своих мемуарах этот истинный консерватор обнаруживает явную неприязнь к Национал-либеральной партии, к отъявленным аннексионистам, хотя по очевидным причинам он не смеет открыто нападать на них, особенно потому что после 1900 г. консерваторы и либералы достигли понимания.

Это действительно самый поразительный феномен истории Германии, что индустриальная буржуазия, неспособная или не желающая бороться за парламентарную демократию и подчиняющаяся наполовину абсолютистской системе империи, направила всю свою политическую энергию на агрессивный империализм. Немецкий политический либерализм никогда не был умеренным и гуманным; он был агрессивным и жестоким — даже если его форма казалась демократической. Уже в буржуазную революцию 1848 г. пангерманские и аннексионистские программы и идеи становятся вполне очевидными. Георг Хервег, подлинный демократический лидер 1848 г. и весьма известный поэт, написал в 1844 г. стихотворение, в котором он выражал мечту о немецком флоте как носителе величия Германии: «Und in die Furchen die Kolumb gezogen, geht Deutschland Zukunft auf» (будущее Германии принимает курс, начертанный Колумбом).⁴⁹ Широкая свобода, завоеванная этим флотом, освободит,

⁴⁶ Ibid. Vol. I. P. 168.

⁴⁷ Ibid. Vol. II. P. 43

⁴⁸ Ibid. Vol. II. P. 50.

⁴⁹ Die Deutsche Flotte // Gedichte. Zürich, 1844. P. 29.

как он утверждает, Германию от английского «духа лавочников».⁵⁰

Альфред Вагтс,⁵¹ с его острым чувством социальной основы внешней политики, привлек наше внимание к двум таким известным либералам. Фарнхаген фон Энзе в 1836 г. выражал свою надежду на включение Голландии в Германию, и уже в 1848 г. формулировал схему демократического или социального империализма. «Может случиться, что мы потребуем Эльзас и Лотарингию от Франции, Балтийские страны от России. Такие вещи черно-красно-золотой флаг может делать. До сих пор это было лишь началом». Вагтс также сообщает, что в 1861 г. один либерал и творец прусского общественного мнения защищал агрессивную политику по отношению к Франции и Дании: «Только в области фактов и реальных дел немецкий вопрос может быть решен, и только наша абсолютная бездеятельность и наше бесконечная болтовня [sic] помешали нам это сделать».⁵² В 1914 г. Франц фон Лист, выдающийся криминолог и юрист-международник, потребовал объединения скандинавских стран и Турции в рамках орбиты немецкого влияния.⁵³

В своем известном памфлете «Händler und Helden» (Торгаши и Герои. Мюнхен и Лейпциг, 1915), Вернер Зомбарт противопоставил коммерческий и утилитарный дух англичан немецкому героизму. Дух Англии — дух торговца, отношение которого к жизни сводится к вопросу: «Что жизнь может мне дать?» Английское общество является плутократическим; английская этика характеризуется «*hundsgemeine*» (мерзкими) принципами Бентама; английское государство — всего лишь гигантское коммерческое предприятие. Напротив, у Германии есть миссия, которую следует выполнить: она должна распространять немецкий героический дух, немецкую идею государства.

Начиная с его основания в 1866 г., немецкий национальный либерализм защищал армию и флот, экспансию и колониальные

⁵⁰ Veit Valentin. *Geschichte der Deutschen Revolution von 1848–1849*. Berlin, 1930. Vol. I. P. 268.

⁵¹ A History of Militarism. P. 208.

⁵² Ibid. P. 208; Heyderhoff-Wentzke. *Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks*. Vol. I. P. 71.

⁵³ Franz von Liszt. *Ein mitteleuropäischer Staatenverband*. Leipzig, 1914. P. 32–33. I owe this reference to Carl Becker. *The Old Disorder in Europe* // *The Vale Review*. 1941 (30). P. 433–453, esp. p. 439.

приобретения. Борьба, которую Ойген Рихтер, как представитель левых либералов, предпринял против армейской экспансии, была неудачна даже внутри его собственной партии, в том числе и потому, что враждебность Рихтера была в первую очередь основана на причинах финансового характера. С 1893 г. немецкий либерализм никогда активно не боролся против экспансии немецкой военной машины.

В области военно-морского строительства немецкий либерализм был даже инициатором. Этот аспект истории немецкого либерализма и в целом проблемы социальных оснований немецкой военно-морской политики превосходно изображен Эккартом Керром⁵⁴ в книге, которая обязательна для понимания немецкого империализма. Он убедительно доказывает, что стимул военно-морского строительства исходил от индустриальной буржуазии, а не от королевской власти, государственной службы, или Консервативной партии. Национал-либеральная партия, как партия индустриальной буржуазии, постепенно отказывалась от либерализма, который был еще вполне очевидным в программе 12 июня 1867 г., и концентрировалась прежде всего на военном и военно-морском перевооружении.⁵⁵ Но, возможно, еще более характерно это было для тех, кого считали подлинными представителями немецкого либерализма: Теодора Барта, Макса Вебера и Герхарта фон Шульце-Геверница. Они представляли демократический либерализм с его надеждами на разрушение привилегий консервативных аграриев посредством поддержки флота и защиты империалистической внешней политики. Эмиль Ратенау, отец Вальтера Ратенау, основатель Генеральной электрической корпорации, так же, как и Георг фон Симонс, его главный конкурент, — оба принадлежали к этой группе.

Эти тенденции соединились или достигли высшей точки в Пангерманской лиге,⁵⁶ основанной в 1890 г. (фактически носящей это название с 1894 г.). Эта лига была прямым результатом колониальной политики Германии и прямым идеологическим предшественником Национал-социалистической партии. Из всех патриотических ассоциаций, созданных в имперской Германии,

⁵⁴ *Eckart Kehr. Schlachtflottenbau und Parteipolitik. 1894–1901. Berlin, 1930.*

⁵⁵ *Felix Salomon / Ed. Mommsen and Franz // Die deutschen Parteiprogramme. 4th ed. Leipzig. Vol. I. P. 155–159.*

⁵⁶ *Mildred Wertheimer. The Pan-German League. New York, 1924. P. 123.*

Пангерманская лига была несомненно самой агрессивной и самой отталкивающей. Никогда не обладая большим числом сторонников, она имела экстраординарный пропагандистский аппарат, непрерывно агитирующий за перевооружение земли и моря, за колониальную экспансию и за агрессивную антианглийскую политику. Лига всегда без колебаний подвергала нападкам монархию, когда внешняя политика Вильгельма II не совпадала с ее планами. Она использовала антисемитизм всякий раз, когда и где это казалось необходимым. Во время Первой мировой войны это была, конечно, самая радикальная аннексионистская группа. Политическая принадлежность членов лиги⁵⁷ чрезвычайно интересна:

47 % членов принадлежали Национал-либеральной партии;

15 % к Консервативной партии;

15 % к *Deutsch Soziale* и к Партии реформ (яростно антисемитской);

14 % к *Reichspartei*;

9 % к *wirtschaftliche Vereinigung* (антисемитским аграриям).

Среди членов лиги были такие прославленные немецкие национальные либералы, как А. Бассерман, Хайнце, и Густав Штреземан. Два лидера лиги пришли из либерального лагеря. Лига тесно сотрудничала со всеми другими патриотическими организациями, такими как Морская лига, Колониальная лига, Общество немцев за границей, Лига национальной безопасности (*Wehrverein*), Общество немецких студентов, и так далее. Статистические данные социального состава группы не слишком откровенны. В 1914 г., например, 24 % принадлежали преподавательской профессии, 31 % были бизнесменами, 22 % — чиновниками, 8 % — врачами, и бизнесмены приходили прежде всего из небольших и среднего размера фирм. Вывод, что «перед войной, кажется, не было никакой связи между крупным бизнесом и Пангерманской лигой ни в финансовом отношении, ни в членстве»,⁵⁸ может быть правильным. Но это не вся правда, поскольку нет ни малейшего сомнения, что пропаганда лиги служила интересам большого бизнеса, какими бы ни были мотивы других членов лиги.⁵⁹

⁵⁷ Ibid. P. 133.

⁵⁸ Ibid. P. 73.

⁵⁹ *Kehr*. Op. cit. P. 307, 308.

Внутренняя связь между военно-морской пропагандой и потребностями немецкого бизнеса была ясно установлена в резолюции национал-либерального молодежного движения в 1902 г., то есть сразу же после прохождения закона о новом военно-морском строительстве. «Даже после выполнения последней военно-морской программы строительства немецкий флот не кажется соразмерным значению немецкого кораблестроительства и не представляется достаточным для сильной, независимой, внешней политики». ⁶⁰

Никогда агрессивная роль, которую играло руководство промышленности — так неохотно принимаемое аграриями — не была более ясной, чем между 1900 и 1902 гг., по случаю принятия военно-морской программы Тирпитца. Сам Тирпитц с показательной ясностью заявил о цели немецкого флота в своем известном меморандуме от 16 июня 1894 г. «Отправной точкой для развития флота должны быть»: морские интересы нации... Государство, которое... имеет... морские или мировые интересы, должно быть в состоянии... дать им выражение и должно быть способно сделать свою власть ощутимой... в своих территориальных водах. Рациональная мировая торговля, мировая промышленность, в определенной степени рыболовство в открытом море, мировые коммуникации, и колонии — все это невозможно без флота, способного принять решение о наступлении». И в своих мемуарах он добавляет: «Флот никогда не казался мне конечной целью, но всегда был функцией этих морских интересов. Без морской силы положение Германии в мире напоминает положение моллюска без раковины». ⁶¹ Здесь роль флота как защитника немецкой торговли и как инструмента наступления, то есть агрессии, ясно установлена, и характерно, что чтобы достигнуть такой цели, Тирпитц всегда поддерживал континентальный союз Вильгельма, союз с Россией, чтобы иметь восточный фронт Германии свободным против Англии. ⁶² Для достижения своей цели Тирпитц никогда не смущался использовать всю доступную пропагандистскую машину, ⁶³

⁶⁰ Printed in *Oscar Stillich. Die politischen Parteien in Deutschland. II. Der Liberalismus.* Leipzig, 1911. P. 81.

⁶¹ *William L. Langer. Op. cit. Vol. II. P. 431. Alfred von Tirpitz. My Memoirs.* 2 vols. New York, 1919. Vol. I. P. 77.

⁶² *William L. Langer. Op. cit. Vol. II. P. 436.*

⁶³ *Kehr. Op. cit. P. 194–220.*

сотрудничать со всеми существующими патриотическими организациями, и даже создать собственное пропагандистское агентство. С целью содействовать морской боеготовности, в 1898 г. было основано Военно-морское общество. Это было творение Тирпитца и двух самых влиятельных производителей оружия, фон Штумм-Хальберга, которому принадлежала газета «Die Post», и Круппа, который владел газетой «Neueste Nachrichten».⁶⁴ После некоторой пропагандистской подготовки промышленность открыла кампанию за новую военно-морскую экспансию (1899 г.), полностью поддержанную Тирпитцем. Инициаторы, кроме того, полагали, что военно-морской закон был превосходным выходом для глубокого негодования, вызванного неудачной правительственной политикой притеснения Социал-демократической партии. Эта первая пропагандистская кампания, начатая газетой Штумма «Die Post» и поддержанная патриотическими группами, была прервана. Она была предпринята во второй раз, когда в своей известной речи от 18 октября 1899 г., император публично потребовал создать сильный флот. Эти две газеты, которые мы упомянули, сразу же вновь открыли кампанию за создание сильного флота, и в конце концов первый проект нового военно-морского закона был принят. Отношения между патриотизмом и крупным бизнесом стали настолько крепкими и настолько открытыми, что многие честные националисты, особенно профессора Берлинского университета, начали нападать на это кровосмешение. Все же, несмотря на такие обвинения, промышленность быстро перешла на эту программу. На встрече центрального союза немецкой промышленности 13 февраля 1900 г. была открыто объявлена резолюция о продолжении программы, и единственное изменение было сделано с целью заменить патриотической идеологией теорию бизнеса.⁶⁵

И все же именно этот военно-морской закон угрожал ниспровергнуть политику концентрации Микеля, союз между промышленностью и аграриями. Консервативные аграрии обрушились с нападками на закон и попытались побудить католический Центр голосовать против него. Аграрная организация «Bund der Landwirte» оставалась если не открыто враждебной, то по крайней мере весьма скептически настроенной. Военно-морской законопроект был в конце концов принят в результате позорной

⁶⁴ Ibid. P. 169, 170.

⁶⁵ Ibid. P. 193.

сделки между промышленностью и аграриями. 1 мая 1900 г. военно-морской закон и закон о тарифах зерна были объединены, и политика концентрации Микеля одержала победу. «Промышленности — флот, мировая политика и экспансия; аграриям — тарифы, сохранение социального превосходства консерваторов; и как следствие этого урегулирования, партии Центра — политическая гегемония». ⁶⁶ Теодор Моммзен, великий либеральный историк, осудил эту сделку как «союз юнкерства и капелланократии» (правления католических священников), ⁶⁷ и даже Адольф Вагнер, убежденный империалист, выступил с резкой критикой слияния патриотизма и бизнеса, основанного на безграничной жажде прибыли. ⁶⁸

Именно в этот период экспансионисты признали потребность объединения масс и их участия в этом грандиозном начинании бизнеса. С этой целью экономист Эрнст фон Галле, нанятый военно-морским министерством, назначенный вести пропаганду во имя военно-морской программы, сформулировал социальную империалистическую политику в следующих словах: Германия «может успешно вступить в политическую конкуренцию с другими странами, только если она действительно имеет за собой поддержку больших масс. Такая поддержка может быть обеспечена только прогрессивной социальной политикой. Приоритеты внешней политики поэтому должна определять социальная реформа. Если мы не сможем объединить социальную политику реформ и мировую политику на более высоком уровне, народ будущей Германии больше не будет обладать правом на самоопределение в своей внутренней и внешней политике, но эта политика будет определяться другими иностранными государствами». ⁶⁹

Высшим уровнем, на котором социальная реформа и мировая политика объединялись, был национал-социализм, и ирония заключается в том, что эта решающая формула национал-социалистической идеологии идет от Эрнста фон Галле, который родился с именем Леви. ⁷⁰

⁶⁶ Ibid. P. 205.

⁶⁷ Ibid. P. 205.

⁶⁸ *Adolph Wagner. Vom Territorialstaat zur Weltmacht. Berlin, 1900.*

⁶⁹ *Ernst von Halle. Weltmachtpolitik und Sozialreform // Volks- und Weltwirtschaft. Vol. II. P. 229, 228, 204; and Kehr. Op. cit. P. 439, 440.*

⁷⁰ *Kehr. Op. cit. P. 101.*

Мы можем таким образом сказать, что в то время, как экспансия в сферу британского влияния была востребована немецкой промышленностью и Либеральной партией, консерваторы и католики, хотя вначале и отказывались, но в конечном счете подписались под этой сделкой, которая обеспечила их социальную и политическую власть.

Во время выборов 1907 г.⁷¹ то, в какой степени империалистические стремления охватили народ Германии, стало очевидным. Парламент 1906 г. был распущен канцлером фон Бюловом, потому что его колониальная политика подверглась нападкам со стороны католического Центра и Социал-демократической партии, которые резко критиковали военное правление в немецкой юго-западной Африке и коррупцию колониальной политики, особенно в монополистических контрактах. Правительство и его партия пошли на голосование с лозунгом, что эти выборы должны определить, «способна ли Германия к развитию из европейской державы в мировую державу».⁷² Евангелие империализма проповедовалось колониальным секретарем, Дербургом — довольно влиятельным банкиром и либералом, — всем либеральным движением, многими националистическими лигами, и наконец, что не менее важно, Центральной лигой немецких промышленников. Но избирательная кампания также развернулась в острую борьбу против католицизма и социализма. Эта контратака на партию Центра скоро достигла желаемого эффекта. Партия была напугана постоянными заявлениями о ее националистических, патриотических и даже империалистических целях и ограничила свою собственную критику злоупотреблениями в немецких колониальных администрациях. Выборы 1907 г. привели к поражению социализма, но не католического Центра, и к победе всех империалистических партий.⁷³ Социалисты, хотя и проиграли немного голосов, но потеряли приблизительно половину своих представителей. Либерально-консервативный блок начал править, а партия Центра, как следствие выборов, все больше и больше сдвигалась вправо и фактически сместила свое радикальное руководство.

⁷¹ *George Dunlap Crothers. The German Elections of 1907. New York, 1941.*

⁷² *Ibid. P. 105.*

⁷³ Результаты выборов: *Crothers. Op. cit. P. 166 and 175.*

Позиция буржуазных партий была поэтому очевидной: они или боролись за империалистическое лидерство промышленных групп, или по крайней мере поддерживали его.

6. Социал-демократы и империализм

Но есть еще один важный вопрос относительно мировой политики и социальной реформы, объединенных «на более высоком уровне», как этого требовал фон Галле. Как раз по проблеме империализма и существовало разногласие в рамках социалистической теории и в социалистическом движении. Именно по этой проблеме секция ревизионистов в Социал-демократической партии обрушилась с нападками на ортодоксальный марксизм; и именно в рамках споров по этой проблеме Ленин нападал на все социал-демократические движения во всем мире. Позиция рабочего класса по отношению к империализму была не только главным политическим вопросом, но и социал-демократы осознавали его как данность. Если сформулировать проблему самым грубым способом, то вопрос состоял на самом деле в том, должен ли немецкий рабочий активно поддерживать или по крайней мере терпеть экспансию Германии, чтобы разделять те материальные блага, которые могли бы быть от этой экспансии получены.

Выборы 1907 г. дали начало избыточному производству статей, брошюр, речей, и дебатов об империализме и колониализме, и все ведущие социал-демократы участвовали в дебатах. Конфликт развернулся на международной социалистической конференции в Штутгарте в 1907 г. и на конгрессе Социал-демократической партии в Эссене в том же самом году. Три тенденции возникли в этом обсуждении: ревизионистская, «антиимпериалистическая ортодоксальная» и социально-империалистическая.⁷⁴ Пар-

⁷⁴ Обзоры различных учений об империализме на английском: *Houde B. J. Socialistic Theories of Imperialism Prior to the Great War // Journal of Political Economy. 1928 (36). P. 569–691. Winslow E. M. Marxian, Liberal and Sociological Theories of Imperialism // Journal of Political Economy. 1931 (39). P. 713–758. William L. Langer. Op. cit. Vol. I. P. 96–99, содержит полную и прекрасно подобранную библиографию. Crothers. Op. cit. P. 151–154 and 211–229 — об актуальной политике социал-демократов. Следует упомянуть о двух прекрасных немецких исследованиях: *Kurt Mandelbaum. Die**

вус, ведущий ортодоксальный марксист, который стал одним из главных социальных империалистов во время Первой мировой войны, критиковал во время избирательной кампании колониализм и переиздал свою брошюру после поражения в 1907 г.⁷⁵ Его брошюра замечательна во многих отношениях: его отрицанием, что монополизация и образование картелей автоматически защищают интересы рабочего класса; его настойчивым утверждением, что колонии вовсе не поднимают уровень жизни немецкого рабочего, а напротив, уменьшают его; и его анализом немецких правящих групп, которые он даже тогда изобразил как состоящие из руководителей картелей, директоров банков и высших государственных чиновников. Он был поддержан в своей критике Рудольфом Гильфердингом, ведущим партийным теоретиком.⁷⁶ Колониализм для Гильфердинга был неизбежным следствием капитализма. Хотя норма прибыли в немецкой промышленности была тогда очень высока из-за образования картелей и протекционистских тарифов, он утверждал, что ей угрожало сверхнакопление. Впоследствии немецкая промышленность должна была расшириться за пределы границ Германии. Для Германии, как опоздавшей страны, такую экспансию было трудно завершить. Безуспешными были четыре таких предыдущих попытки: в Бразилии, Восточной Азии, Марокко, и Турции. Но немецкая промышленность без колебаний могла бы повторить попытку. С этой целью она усиливала свое внутреннее доминирование. Она уже преуспела или была намерена преуспеть в победе над консервативными аграриями, католическим Центром и всем либеральным движением, и могла бы в конце концов контролировать все общественное мнение. Если бы она преуспела в решении этой задачи, то она бы направила свои силы против пролетариата, поскольку, в отличие от Англии, немецкий империализм был реакционным, и «должен был быть реакционным, потому что сопротивление рабочего класса было уже слишком большим».

Erörterung innerhalb der Sozialdemokratie über das Problem des Imperialismus. Frankfurt a. Main, 1930 (Dissertation); *Alfred Meusel*. Der klassische Sozialismus // Die Wandlungen der Wirtschaft im kapitalistischen Zeitalter / Ed. G. Briefs. Berlin, 1932. P. 36–79.

⁷⁵ Die Kolonialpolitik und der Zusammenbruch. Leipzig, 1907.

⁷⁶ Написано под псевдонимом: *Karl Emil*. Der deutsche Imperialismus und die innere Politik // Die Neue Zeit. 1907–1908 (26). Vol. I. P. 148–163.

Это, однако, не была точка зрения всей партии.⁷⁷ В то время как партийное официальное научное издание «Die neue Zeit» выражало преимущественно точку зрения ортодоксальной секции, «Sozialistische Monatshefte», издаваемая Йозефом Блохом, была органом социальных империалистов и группы, которая требовала континентальной ориентации Германии против Англии.⁷⁸ Эта группа оставила нападки на капитализм и попыталась вместо этого добаться, насколько это было возможно, до рабочих. Но эта ревизионистская позиция раскололась на два отдельных крыла. Первое, во главе со своим теоретическим представителем Эдуардом Бернштейном,⁷⁹ стремилось изменить социальное основание социал-демократического движения путем включения в него мелкой буржуазии, представленной левыми либералами, и многое делало, чтобы содействовать союзу этих двух групп. Поэтому оно попыталось включить в социал-демократическое движение те страсти общества, которые пострадали больше всего, возможно, даже больше, чем рабочие, от монополистической структуры общества. Впоследствии Бернштейн стал лидером пацифистской группы в Социал-демократической партии, перешедшей во время войны в антивоенную независимую Социал-демократическую партию.

Другое крыло, однако, было явным сторонником социального империализма, и мы используем здесь этот термин в его изначальном значении империалистической политики, желанной и для рабочего класса. Эта группа презирала левых либералов и мелкую буржуазию⁸⁰ и искала союза с промышленными магнатами. Она полностью приняла колониальную экспансию как благо для рабочего класса, ожидая роста заработной платы и ускорения естественной жизни капитализма, который ускорит приход социализма.⁸¹

⁷⁷ Kehr. Op. cit. P. 306, 307.

⁷⁸ Calwer R. Der 25. Januar // Sozialistische Monatshefte. 1907 (II). P. 101–107, 192–200. Max Schippel. Grundzüge der Handelspolitik. Berlin; Berne, 1902. Die Handels- und Wirtschaftspolitik der Arbeiter // Sozialistische Monatshefte. 1900 (4). P. 542. Ludwig Quessel. Der Wert unserer Kolonien // Sozialistische Monatshefte. 1912 (16). P. 1124–1131.

⁷⁹ Die Voraussetzungen der Sozialdemokratie; Die heutige Sozialdemokratie in Theorie und Praxis // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1907 (25).

⁸⁰ Schippel. Grundzüge. P. 336, 337.

⁸¹ Calwer. Op. cit. P. 101–107; 192–200, esp. p. 105.

На этих двух конгрессах стало ясно, что непреклонная враждебность немецких делегаций к колониализму уменьшилась, и были выражены представления, которые различали хорошую и плохую, человеческую и бесчеловечную империалистическую политику. Ортодоксальное большинство в ярости указало на то, что было совершенно истинно, что немецкая делегация международного конгресса состояла главным образом из профсоюзных делегатов, которые были более восприимчивыми к социальным империалистическим идеям, чем партийное руководство и рядовые члены. Однако даже среди ортодоксального партийного руководства безоговорочное отклонение уступило место условному отклонению.⁸²

Именно во время Первой мировой войны социально-империалистические тенденции в Социал-демократической партии стали особенно заразными. Классическое выражение этой тенденции — книга Генриха Гунова «Является ли партия банкротом?»⁸³ Гунов, преподаватель в университете Берлина во времена Веймарской республики и выдающийся историк экономики, совершил скачок от революционной оппозиции к полному принятию империализма, утверждая, что империалистическое развитие капитализма было естественным процессом, которому теперь можно было сопротивляться только введением механизма рационализации труда. Антиимпериализм был поэтому столь же бессмыслен, как и разрушение машин в более ранние времена.⁸⁴ Пол Ленш⁸⁵ стал самым горячим пропагандистом этой группы. Ему помогал бывший революционер Парвус.

Часто утверждают, что социально-империалистическая тенденция стала мощным движением в Социал-демократической партии. Это неправильное утверждение основано на том факте, что огромное большинство в партии и профсоюзах было патриотичным и поддержало войну. Но социальный патриотизм большинства партии был направлен против России, против царского абсолютизма, в то время как враждебность социальных империалистов была прежде всего предназначена против Англии⁸⁶ Необ-

⁸² *Crothers*. Op. cit. P. 214–220.

⁸³ *Cunow*. Parteizusammenbruch? Berlin, 1915.

⁸⁴ *Ibid*. P. 14.

⁸⁵ *Lensch*. Die deutsche Sozialdemokratie und der Weltkrieg. Berlin, 1915; *Drei Jahre Weltrevolution*. Berlin, 1917.

⁸⁶ *Meusel*. Op. cit. P. 62.

ходимо строго различать эти две тенденции, несмотря на то что они пересекались и часто совпадали на практике. Нет сомнений, что огромное большинство партии оставалось незараженным социальным империализмом и никогда не допускало ошибочных доводов, что интересам класса может лучше всего служить война против империалистических конкурентов. Сколь незначительна была роль социального империализма в партии, в полной мере было доказано развитием партии при Веймарской республике. Не социально-империалистический ревизионизм одержал победу, но пацифистские и мелкобуржуазные воззрения Эдуарда Бернштейна. Именно английское фабианство при Веймарской республике одерживало победу над ортодоксией, хотя ортодоксальные формулы и лозунги и были сохранены. За всю историю Социал-демократической партии во времена Веймарской республики ни один ответственный профсоюзный лидер не пошел путем социального империализма, кроме Августа Виннига,⁸⁷ бывшего председателя профсоюза, который, как президент провинции, примкнувший к *Путчу Карра*, должен был покинуть партию. Он посвятил свои литературные способности защите евангелия социального империализма, и в конечном счете присоединился к Национал-социалистической партии.

Насколько незначительный успех был достигнут доктринами социального империализма в Социал-демократической партии, можно также отметить по ее российской политике. В Рапалло в 1922 г. под эгидой Министра иностранных дел Вальтера Ратенау Германия заключила свой первый договор о дружбе с Россией — умный укол французской дипломатии. Идея использовать российскую помощь в борьбе против Версаля принадлежала к арсеналу многих групп в Германии. Граф Брокдорф Рантзау, немецкий посол в России, который отказался подписать Версальское соглашение, был одним из первых. Союз с Россией был расценен как средство борьбы с капитализмом и империализмом, «крестными отцами Версаля». Гуго Стиннес, ведущий немецкий промышленник, в качестве протеста против оккупации Рура, нарисовал на антивоенной конференции картину пролетарской революции. Национал-большевистские группы, особенно группа *Widerstand* Эрнста Никиша, до 1935 г. защищали борьбу Востока против Запада. Немецкий рейхсвер тайно сотрудничал с Красной армией, отчасти

⁸⁷ Winnig. Vom Proletariat zum Arbeitertum. Hamburg, 1930.

чтобы приобрести опыт нового оружия, которое было запрещено Германией Версальским мирным договором, отчасти потому что бисмарковская традиция установления дружественных отношений с Россией была все еще сильна.

Социал-демократическая партия никогда не поддерживала русско-немецкую дружбу как средство разрушения власти Англии и Франции. Для нее Лига Наций олицетворяла собой самое последнее слово разумных международных отношений. Это, конечно, не подразумевало враждебности к России. Напротив, социал-демократы никогда не поддерживали внешнюю политику, которая стремилась к союзу с Советской Россией против западных держав.

В правящих классах ненависть к России была столь же сильной, как и ненависть к Англии. Необъятность советской территории, массы населения, гигантские пшеничные поля, железная руда, месторождения нефти всегда обладали большой привлекательностью для европейского капитализма. Уже в 1917 г. генерал Макс Хоффман, который подписал соглашение относительно Брест-Литовска, обдумывал идею борьбы западных держав против большевизма. В 1920 г. он предложил эту идею Социал-демократической партии в Берлине и был раскритикован. В 1922 г. он подготовил меморандум, предлагающий помощь Германии западным державам в борьбе против большевизма.⁸⁸ Во время Первой мировой войны империалисты столь же сильно жаждали российской пшеницы и нефти и «урегулирования» Балтийского пространства, как и Лонгви, Брие, Эльзас, Лотарингию, Бельгию и британские колонии. «Обзор» Фридриха Науманна уже был упомянут. Пауль Рорбах был одним из апостолов украинской автономии под немецким суверенитетом. Геополитики придерживались тех же самых взглядов. Мы уже видели, что предпосылка теории Маккиндера — это не обязательно немецко-русский союз; логически это может также быть и включением России в Германию.

И Англия, и Россия являлись объектами немецкой экспансии — против России можно было присоединиться к антибольшевистскому хору; против Англии можно было создать социальный империализм. Социал-демократы были невосприимчивы к нена-

⁸⁸ Nowack (ed.). *Die Aufzeichnungen des Generals Max Hoffmann*. Berlin, 1929. Vol. I. P. 366; and *Ernst Fraenkel*. *German—Russian Relations since 1918 // The Review of Politics*. 1940 (2). P. 34–62.

висти к Англии и ненависти к России. Хотя партия ненавидела большевизм, она никогда не предоставляла свою помощь никакому интервентскому крестовому походу против Советской России.

7. Расовый империализм и массы

Столь глубока была пропасть между национал-социализмом и старым социально-демократическим духом, что только горстка социал-демократических профсоюзных лидеров перебежала к национал-социализму — некоторые из центральной организации социал-демократических профсоюзов, где-то редактор социалистической газеты, где-то партийный и профсоюзный секретарь. Но значительное большинство всех партийных и профсоюзных функционеров оставалось или в стороне, или в оппозиции. Такая позиция — реальная прочная заслуга социал-демократического воспитания и образования. Оборонная ментальность, которую партия и профсоюзы укрепляли с 1914 до 1932 г., хотя и оказалась катастрофической для существования Веймарской республики, оберегла официальных представителей партии от фактического поддержания режима. По сравнению с французскими профсоюзами и с французской Социалистической партией немецкое движение умерло героической смертью.

Последняя фаза национал-социалистической теории, доктрина пролетарского расизма, социального империализма, была не в состоянии полностью овладеть массами. Старая партия и профсоюзная бюрократия не сотрудичали с режимом. Значительное большинство членов профсоюза и социал-демократов не были национал-социалистами. Всю свою историю они сопротивлялись обманчивой теории социального империализма; нет никакой причины полагать, что они поддерживают ее сегодня. Репрессивная социальная политика национал-социалистического режима дает дополнительное основание для нашего утверждения. Но мы не можем, конечно же, сказать, что социал-демократы и члены профсоюзов являются открыто враждебными к национал-социализму. Это требовало бы слишком многого от них. Они ждут. Были разрушены их старые организации. Их вера в полноценность их организаций прошла. Но даже молодое поколение, которое не было под воздействием идей Социал-демократической партии и профсоюзов, демонстрирует столь же немного национал-социалистических симпатий.

Когда мы будем говорить о социальной структуре национал-социализма, мы обратим внимание на один выдающийся феномен: всесторонняя идеологическая обработка масс всегда сопровождается почти полным терроризированием. Это необходимо из-за противоречия между огромными возможностями производительного аппарата и разрушительным его использованием. Даже самый неосведомленный рабочий вынужден спросить себя, возможно ли урегулировать лезть масс, кривляние марксистской идеологии, высокой производительности и терроризма. Даже самый эгоистичный рабочий будет почти каждый день наталкиваться на вопрос: почему такой столь развитый индустриальный аппарат, как немецкий, должен сопровождаться террором. Неограниченная производительная власть, террор, и пропаганда не могут породить национал-социализм среди рабочих. Напротив, рабочие, вероятнее всего, пройдут революционными синдикалистскими путями, чтобы развивать идеи саботажа и прямого действия, идеи, которые были осуждены и социал-демократами, и коммунистами, но которые могли бы рассматриваться рабочими как единственные средства утверждения достоинства человека в террористической системе.

Картина не очень сильно отличается и в отношении коммунистического рабочего. Коммунистическая партия, как мы видели, была подготовлена к социальному империализму доктриной национал-большевизма. Именно поэтому возможно, и даже вполне вероятно, что некоторые группы в коммунистическом движении, особенно самые низкооплачиваемые рабочие, были восприимчивы к социальным империалистическим теориям до внезапного начала войны Германии и России. Но национал-большевистский лозунг коммунистической партии был простой формулой коррумпированного лидерства, отчаянно ищущего пропагандистские механизмы, которые позволили бы им конкурировать с национализмом, и национал-большевизм никогда спонтанно не принимался коммунистическими массами. Он был принят лишенным социальных корней пролетариатом, *Lumpenproletariat*, особенно многочисленными группами, принадлежавшими Красной лиге борьбы, которая оказалась в значительной степени поглощенной чернорубашечниками. Кроме того, национал-большевистские лозунги были отброшены коммунистической партией, когда стало ясно, что коммунистические массы были настроены против национализма и национал-социализма, несмотря на предпринятое ком-

мунистической партией сотрудничество с реакционными группами. Последние остатки национал-большевизма, особенно среди самых низкооплачиваемых слоев коммунистических рабочих, были в конце концов вытеснены актуальной социальной политикой национал-социализма, который в наибольшей степени направлял террор именно против этих групп. Именно необученный рабочий низкой квалификации, особенно дорожный строитель, вероятно, испытывал на себе самое худшее обращение, и его права и интересы приносились в жертву почти ежедневно.

Идеология социального империализма тем не менее была полностью принята лишенными социальных корней группами среднего класса, поскольку они и были организованы в Национал-социалистическую партию. Поскольку эти слои среднего класса являются по-настоящему антикапиталистическими, для них новая теория — это на самом деле формула психологического требования большего достоинства. При Веймарской республике назвать представителя среднего класса пролетарием было, с его точки зрения, выражением презрения к нему. Но назвать его пролетарием сегодня означает наделить его положение максимально возможным достоинством, то есть назвать его борцом за великую пролетарскую Германию против окружающего капиталистического мира. Член СС является антикапиталистическим человеком, и сегодня он гордится тем, что его называют пролетарием. Прежний лавочник или ремесленник, неимущий крестьянин, безработный интеллектual, у которого никогда не было времени или денег, чтобы закончить свои исследования, учитель начальной школы, все эти группы не любят капитализм в той же мере, что и коммунисты, и социал-демократы. Для них доктрина социального империализма адекватное выражение их чаяний и адекватная формула их требований достоинства и безопасности. Для них социализм — ненадежная доктрина, так как они не видят само основание, на которое опирается социалистическая доктрина: то есть равенство людей. Кроме того, доктрина социального империализма, как это всегда было, — это лозунг правящих классов, лозунг столь же старый, как и сам империализм. Социальный империализм — самая опасная формула национал-социалистической идеологии. Она обращена ко всем тем группам во всем мире, которые подвергаются риску пролетаризации: крестьянам, лавочникам, ремесленникам, учителям и другим интеллектualам; она обращена к безработным, ко всем тем, кто в про-

цессе монополизации потерял безопасность, но не хочет быть названным пролетарием. Она становится особенно опасной, так как она содержит долю истины, что немецкая экономика чрезвычайно развита, эффективна, и содержит множество прогрессивных элементов. Удивительная эффективность технического аппарата Германии, объединенная с доктриной социального империализма, является сегодня величайшим оружием Германии. Как раз к структуре этой экономической системы мы теперь и должны обратиться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТОТАЛИТАРНАЯ МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

I. ЭКОНОМИКА БЕЗ ЭКОНОМИКИ?

1. Государственный капитализм?

Подводя итог ходу нашего исследования, необходимо отметить следующие моменты. Политическая структура национал-социализма демонстрирует множество разнородных элементов. Концепция сильного, всеобъемлющего тоталитарного государства, хотя теперь и отвергается в идеологии, является, безусловно, наиболее характерной. Правление бюрократии и вооруженных сил, представленных министерским советом по вопросам обороны государства, является абсолютным. Государство ограничено только в делах полиции и администрации по делам молодежи, где верховная роль принадлежит партии. Основная идеология — расизм, суверенитет избранной расы, воплощенный в вожде. В целом структура находится на службе двух идей, Нового Порядка и пролетарского расизма: превосходства «неимущей» нации, окруженной плутократическими и враждебными демократиями.

Все же главный вопрос, который срочно нуждается в ответе: каковы силы, которые удерживают национал-социалистическое общество вместе? Мы не можем и надеяться дать исчерпывающий ответ. Мы не можем предоставить полный анализ национал-социалистического общества и мы должны, в частности, пренебречь сферами культуры и образования. Третья часть этой книги будет касаться трех важнейших проблем: (1) новая экономика — мы попытаемся раскрыть действие материальных сил, которые поддерживают национал-социалистическое общество; (2) новое

общество — анализ социальных сил, определяющих структуру общества, прежде всего классовой стратификации и формирования элиты; (3) пропаганда и террор как два аспекта единого процесса развития: преобразование человека в пассивную жертву всеобъемлющей силы, которая обманывает и терроризирует его, которая возвышает его и посылает в концентрационные лагеря. В заключительной части этой книги мы попытаемся изобразить законченную модель национал-социалистического общества — переплетение государства, права, экономики, политики, и культуры.

Достижения немецкой экономики поразительны. Упразднение безработицы, увеличение производства, развитие синтетических отраслей промышленности, полное подчинение деловой активности потребностям войны, карточная система до войны и во время войны, успешное регулирование цен — эти достижения трудно превзойти. С такой оценкой соглашаются все наблюдатели, но на этом согласие кончается. Нет никакого согласия относительно того, как это чудо было достигнуто, потому что нет никакого согласия относительно природы экономической системы.

Имеется возрастающая тенденция отрицать капиталистический характер национал-социализма.¹ Его называют системой коричневого большевизма, государственного капитализма, бюрократического коллективизма, правления управленческой бюрократии. Эта школа мысли полагает, что в Германии нет больше предпринимателей, только менеджеры; что нет никакой свободы торговли и договора; никакой свободы инвестиций; что рынок был упразднен, а вместе с ним и законы рынка. Цены поэтому являются административными ценами, заработная плата — только административным вознаграждением. Следовательно, закон стоимости больше не действует. Стоимость — это потребительская стоимость, а не меновая стоимость. Классы, если их существование допускается, больше не являются результатом производства.

¹ *Peter Drucker*. The End of the Economic Man. New York, 1939. *Frank Munk*. The Economics of Force. New York, 1940. *James Burnham*. The Theory of the Managerial Revolution // Partisan Review. 1941 (May, June). P. 181–197. The Managerial Revolution. New York, 1941. *Dwight Macdonald*. The End of Capitalism in Germany // Partisan Review. 1941 (May, June). P. 198–220. *Bruno R.* La Bureaucratization du Monde. Le Collectivisme Bureaucratique. Quo Vadis America. Paris, 1939. Последняя из упомянутых книг написана бывшим марксистом. См. также: *Frederick Pollock*. State Capitalism // Studies in Philosophy and Social Science. 1941 (9). P. 200–226.

Власть, которой подчиняется рабочий, не является экономической властью. Его эксплуатация является политической и больше не представляет собой результат его положения в производственном процессе. Присвоение его труда — политический акт, а не экономический. Новая экономика поэтому представляет собой экономику без экономики. Экономика стала административной техникой. Экономический человек мертв. Мотив прибыли вытесняется мотивом власти. Сила, а не экономический закон, является первичным двигателем этого общества, которым управляет элита, состоящая из индустриальных менеджеров, партийных бюрократов, высокопоставленных государственных служащих, и офицеров.

Почти все эти теории основаны на представлении, что век промышленной революции закончен. То, что технический прогресс происходит, конечно, допускается. Но отрицается, что он приводит к коренным изменениям в структуре общества. Такой взгляд впервые был выдвинут еще до того, как Гитлер пришел к власти так называемой *Taikreis*, группой романтических реакционеров, которые позже превратились в самых отъявленных национал-социалистов, связанных с ежемесячным журналом, «Die Ta» («Действие»)². Их лидер, Фердинанд Фрид, объявил о конце эры изобретений и таким образом о конце капитализма. Лоуренс Деннис полагает, что «поскольку капиталистическая динамика промышленной революции преодолена, то дальнейший технический прогресс не является ни динамичным, ни конструктивным»³. Для Денниса поэтому тоталитарная политическая революция должна занять место промышленной революции.

Лучшая формулировка этого типа теории была дана немецким теоретиком Социал-демократической партии Рудольфом Гильфердингом⁴ не по отношению к Германии, а по отношению к России.

«Что правительственная экономика делает, так это упраздняет автономию экономических законов; это не рыночная экономика, а экономика потребления. То, что произведено и как произведено, определяется теперь не ценой, но государственной плановой комиссией, которая устанавливает характер и размеры производства. На взгляд извне цены и заработная плата все еще существуют, но их функция полностью изменилась. Они больше не опре-

² *Ferdinand Fried. Das Ende des Kapitalismus. Jena, 1931.*

³ *The Dynamics of War and Revolution. New York, 1940. P. 66.*

⁴ Цит. по: *Dwight Macdonald. Op. cit. P. 212, 213.*

деляют ход производства. Он направляется центральным правительством... Цены и заработная плата теперь только инструменты распределения, определяющего ту долю, которую каждый человек должен получить из общей суммы, которую центральное правительство выделяет всему населению. Цены теперь стали техническими средствами распределения, средствами более простыми, чем был бы прямой приказ, предусматривающий, какое количество различных продуктов (которые перестали быть предметами потребления) должно быть получено каждым человеком. Цены стали символами распределения, но они больше не являются регуляторами национальной экономики. В то время как форма была сохранена, функция полностью изменилась».

Те, кто полагает, что эта теория пригодна и для Германии, принимают также и фашистскую интерпретацию либерализма и демократии. Они утверждают, что капитализм характеризуется частным предприятием, отношением капиталиста и рабочего, множеством политически суверенных государств, парламентскими учреждениями, правящим классом, состоящим из капиталистов, и гражданскими или естественными правами человека. Больше ничего этого не существует.

Есть, конечно, различия в подходе к положению дел в Германии. Немецкому государству не принадлежит весь капитал в стране. Но это не имеет никакого значения для той школы мысли, которую мы только что обсуждали. В любом случае, утверждает эта школа, немецкое государство по крайней мере контролирует весь капитал. Для других авторов, однако, формулировка Гильфердинга представляет собой идеальный тип или модель, и они верят, что скоро она будет реализована.

Таков в общих чертах взгляд, которого придерживаются многие комментаторы происходящего в Германии. Это заманчивое представление, поскольку оно делает различия между национал-социализмом и демократией не только политическими и идеологическими, но также и экономическими: то есть оно рассматривает их как две экономические системы, частный капитализм и государственный капитализм, или капитализм и управленческую диктатуру.

Есть два различных способа опровергнуть такую теорию. Первый мог бы теоретически вывести невозможность такой структуры. Второй должен был бы показать в подробностях устройство и действие немецкой экономики. Этим вторым способом мы и наме-

рены воспользоваться. Следует сделать несколько предварительных замечаний.

Сам термин «государственный капитализм» является *contradictio in adiecto*. «Понятие „государственного капитализма“ не выдерживает анализа с экономической точки зрения. Как только государство стало единственным владельцем средств производства, это лишает капиталистическую экономику возможности функционировать, это разрушает тот механизм, который поддерживает активное существование процессов экономического обращения.⁵ Такое государство поэтому не будет больше капиталистическим. Его можно назвать рабовладельческим государством или управленческой диктатурой или системой бюрократического коллективизма, то есть оно должно описываться в политических, а не в экономических категориях.

Теоретики часто говорят об идеальном типе или модели, еще не полностью реализованной, но находящейся в процессе реализации. У Германии, по общему признанию, есть остатки рынков и поэтому есть и что-то вроде цен. Но государственно-капиталистическая школа утверждает, что эти остатки не имеют решающего значения и что действительность быстро приближается к модели. Такая процедура едва ли правомерна и не может быть оправдана в отношении подобных моделей, таких как сконструированные Адамом Смитом и Карлом Марксом. Смит и Маркс ограничили свои исследования преобладающими тенденциями в пределах данной системы и не выходили за их границы. Маркс даже сознательно отказался от описания системы бесклассового общества и держался строго в пределах границ одного строя: капитализма. Новая теория нарушает тот принцип, что модель или идеальный тип должны быть получены из действительности и не должны выходить за ее пределы. Поскольку ее сторонники описывают систему, которая совершенно чужда капитализму, то есть фактически его полную противоположность, которая требует скачка от одной действительности к другой. Это методологическое возражение, конечно, не делает их теорию неистинной, но оно заставляет их показывать в деталях, что немецкий капитализм прекратил свое существование. Они не могут просто указать на некоторые тенденции в рамках капитализма, чтобы показать, что эти тенденции должны обязательно породить систему власти политики без эко-

⁵ Hilferding. Op. cit. P. 212.

номики, они должны доказать свой случай для каждой из затронутых систем. Такое доказательство еще не было предоставлено. И в данном исследовании мы докажем противоположное представление.

Один последний вопрос. Что мог бы этот «бюрократический коллективизм» означать для человечества? Принесет он с собой мир и счастье или войну и угнетение?

С нашей точки зрения эти теоретики должны признать, что их система может быть прекрасным воплощением мечты о тысячелетнем царстве. Содержание общества теперь основывается исключительно на политике. Препятствия, с которыми сталкивается такое общество, являются исключительно природными, теперь уже не экономическими. Трудовые ресурсы и природные ресурсы — единственные факторы, которые могли бы, возможно, препятствовать расширению такого общества. Больше нет никакого антагонизма между производительными силами и социальными условиями производства. Мотив прибыли больше не сковывает производительность труда. Никакой завод не может отказаться от расширения, так как нет никакого мотива прибыли, чтобы удерживать его в исходном положении. Технологический прогресс, который в капиталистической системе возникает из стимула прибыли, теперь имеет источник в решении центрального правительственного органа. Принимается ли такое решение или же товары потребления производятся, это теперь определяется не законом накопления, но политической целесообразностью. Такая система может всем предоставить дом, автомобиль, шесть костюмов и десять пар обуви в год. Она могла бы непрерывно поднимать уровень жизни. Она могла бы сократить часы труда, устанавливая сберегающие труд механизмы. Она могла бы поэтому осуществить мечту человечества. Это было бы верно, если бы даже национал-социализм не смог завоевать весь мир, поскольку, согласно взглядам этой школы, каждая страна идет путем Германии. Новый курс рассматривается как предшественник бюрократического коллективизма и управленческой бюрократии. Мир будет скоро разделен на государственно-капиталистические империи, каждая из которых освобождена от экономической необходимости. Но если это верно, то нет даже мирового рынка, а если мировой рынок упразднен, то, возможно, нет и борьбы между конкурирующими империями за более высокую долю на рынке. То, что мы имеем, является единственно и исключительно правлением политиков; и

политическая целесообразность может прекрасно отодвигать войну на многие десятилетия. Следовательно, точка зрения государственного капитализма не согласна с большевистским представлением, которое Бухарин выдвинул в 1917 г.,⁶ что капиталистические государства могут сами преобразовать себя в гигантские государственные тресты и конкурировать на мировом рынке так, что их внутренние антагонизмы будут воспроизведены на более высоком уровне в международной сфере. Это не точка зрения государственного капитализма, поскольку, если весь мир движется к государственному капитализму или бюрократическому коллективизму, то мировой рынок будет упразднен, и отношения между государствами станут исключительно политическими, будут управляться исключительно политическими средствами.

Если мы разделяем это представление, мы должны также прийти к заключению, что только серия случайностей может разрушить такие системы. Если системы держатся только на политических связях, а не на какой-либо неизбежной экономической потребности, то только политические ошибки могут их разрушить. Но почему политические ошибки должны случиться? Политика, отделенная от экономики, является простой техникой, искусством. В эру государственного капитализма это техника массового господства, технология, которая действительно чрезвычайно развита. Если требования массового господства вынуждают, то уровень жизни может подниматься. Товары потребления могут быть произведены в изобилии. Если оппозиция против такой системы возникает в более низких группах, то эти более низкие группы могут быть приняты в элиту. Столь искусная система массового господства может обеспечивать стабильность системы в течение тысячи лет. Таково и на самом деле обещание, которое Гитлер дает своему народу. Искусные политические действия могут предотвратить даже войну, так как нет никаких ведущих к ней экономических потребностей.

Но государственные капиталисты — это не национал-социалисты. Напротив, чем сильнее они могут быть очарованы эффективностью немецкой системы и чем увереннее полагают, что она представляет собой необходимый результат тенденций, внутренне присущих монополистическому капитализму, тем сильнее она

⁶ *Bukharin. Imperialism and World Economy / New ed. New York, 1929; and Macdonald. Op. cit. P. 209.*

им не нравится и тем больше они стремятся открыть причины ее распада. Но в состоянии ли они обнаружить такие причины? Они говорят, что система не может позволить себе постоянно поднимать уровень жизни, поскольку, как они полагают, это неизбежно вызвало бы неудовлетворенность масс. Массы, утверждают они, тогда начали бы задумываться и подвергать сомнению совместимость высокой технической эффективности с террористической и репрессивной машиной. Верно ли, что толстые животы делают мысль свободной, я не знаю. Противоположный тезис мог бы точно так же быть верным, что материальное пресыщение приводит к политической слабости и тупоумию. Но даже если бы первая гипотеза была верна, то ничто не могло бы помешать системе умалчивать о такого рода оппозиции, включая оппонентов в правящую элиту. А если восстанут сами массы, то почему бесклассовое общество не может быть установлено, почему сегодняшние террористы не могут стать лидерами бесклассового общества завтра? Никакие экономические потребности не делают этот переход невозможным.

Сторонники государственного капитализма могут утверждать, что есть биологические, морфологические, или социологические законы, которые приводят к распаду любой социальной системы после того, как она прошла свой естественный путь. Было «открыто» много таких законов. Циклические теории истории имеются в изобилии, но их ценность никогда не была доказана; это метафизические категории.

В таком случае именно такой могла бы быть судьба человечества при правлении бюрократического коллективизма. Для интеллектуала мир мог бы и не быть приятным местом для проживания, но для огромных масс общества он мог бы оказаться небесным раем.

Но он мог бы столь же легко и быть адом. Массовое господство могло бы потребовать угнетения, расширения террористической машины, понижения уровня жизни и войны против других капиталистических держав с целью сохранить контроль над массами. Существуют обе возможности. Мы повторим, что если мы принимаем предположения теории государственного капитализма, то выбор определен исключительно политической целесообразностью. Правители абсолютно свободны определять характер своего правления: их система массового господства настолько гибка, что она кажется потенциально неуязвимой изнутри.

Автор не принимает такое глубоко пессимистическое представление. Он полагает, что антагонизмы капитализма воздействуют в Германии на более высоком и поэтому более опасном уровне, даже если эти антагонизмы скрываются бюрократическим аппаратом и идеологией народной общности.

Анализируя структуру и действие национал-социалистической экономики, мы никогда не должны останавливаться на юридических и административных формах. Они говорят нам очень немного. «Любой, кто хочет знать организацию [экономической системы], не сможет добиться этого, просто изучая законы, распоряжения и правила... некоторые предписания являются практически устаревшими, другие никогда не были действующими».⁷ Такова оценка законов об организации бизнеса официального комментатора. Мы идем дальше этого заявления. Внимательное изучение немецких газет и периодических изданий намного более важно, чем исследование юридических и административных заявлений. Наш анализ полностью основан на немецких источниках. Иностранное исследование используется только в редких случаях.

2. Национал-социалистическая экономическая теория: миф о корпоративном государстве

Совпадает ли теория национал-социализма с предшествующими доктринами «государственного капитализма»? Ответ отрицательный. Нет никакой национал-социалистической экономической теории, кроме лозунга, что всеобщее благосостояние важнее, чем личный интерес, — лозунг, повторяемый почти в каждом возможном случае и используемый, чтобы замаскировать почти любое экономическое решение. Кроме таких бессмысленных фраз, мы можем найти так много экономических теорий, сколько имеется групп в пределах национал-социалистического общества. Мы должны признать раз и навсегда, что структура национал-социалистической экономической системы не следует никакой

⁷ *Ministerialrat Dr. Eberhart Barth. Wesen und Aufgaben der Organisation der gewerblichen Wirtschaft. Hamburg, 1939. P. 9.*

программе, не основано ни на какой последовательной доктрине, будь это неомеркантилизм, какая-либо теория гильдии или сословия, или либеральная или социалистическая догма. Организация экономической системы является прагматической. Она целиком руководствуется потребностью максимально возможной эффективности и производительности, требующейся для ведения войны. Конечно, определенная модель может быть отмечена. Но эта модель соответствует не доктрине, а скорее материальной структуре экономики.

Программа партии 25 февраля 1920 г. содержала большое число программных заявлений относительно экономической реорганизации Германии. Пункты 11, 19, и 25 содержали такие требования, как разрушение процентных пут; отмена нетрудового дохода; полная конфискация военной прибыли; «национализация [уже] социализированных [в тресты] заводов; разделение прибыли на крупных предприятиях; щедрое расширение обеспечения старости; создание здорового среднего класса посредством обобществления крупных магазинов и предоставления их в аренду за небольшую плату мелким предпринимателям; больше внимания к мелким предпринимателям в публичных контрактах; аграрная реформа; «принятие закона о конфискации без возмещения в целях общего благосостояния»; отмена земельной ренты; безжалостная война с ростовщиками. Программа также содержит одно конкретное предложение об организации экономической системы: она требовала создания сословных и профессиональных палат для исполнения законов, принимаемых законодательными властями, чтобы осуществить принцип, что общественное благосостояние идет раньше личного интереса.

22 мая 1926 г. программа была объявлена неизменной, и Готтфрид Федер, автор экономических теорий во времена той стадии национал-социализма, добавляет, что Гитлер требовал, чтобы два главных постулата программы были напечатаны крупным шрифтом: первенство всеобщего благосостояния и разрушение процентных пут.⁸ Эти теории разработаны в книге Федера,⁹ которую Адольф Гитлер назвал «катехизисом нашего движения». Наконец,

⁸ *Feder*. Das Programm der NSDAP. 116th–125th ed. Munich, 1937. P. 20–21.

⁹ *Feder*. Der deutsche Staat auf nationaler und sozialer Grundlage. 13th ed. Munich, 1933.

в 1926 г. Гитлер назначил Федеру высшим арбитром всех споров, возникавших по поводу интерпретации программы партии. В течение короткого промежутка времени после прихода Гитлера к власти Федер все еще играл небольшую, но важную роль. Он был назначен государственным секретарем в федеральном министерстве экономики. Но его влияние долгое время уменьшалось, и в качестве высшего идеологического арбитра он теперь позабыт.

Снижение значимости Федеру указывает на окончательный отказ от экономических разделов программы партии, поскольку нет ни одного пункта в той неизменной программе, который был бы выполнен, и каждое явление, осужденное программой, стремительно выросло при национал-социалистическом режиме. Неизменность программы была временно отложена уже 13 апреля 1928 г., когда Гитлер, стремящийся завоевать поддержку земельной аристократии, отказался ради этого от «подлинной интерпретации» 17 пункта программы партии, который требовал конфискации земли без компенсации. Вместо этого конфискация была ограничена «еврейскими сословными спекулятивными корпорациями».¹⁰

Экономические теории, развивавшиеся во время этой стадии национал-социализма, были прежде всего направлены против превосходства денежного капитала, на защиту среднего класса и против еврейских предприятий. Предприниматель никогда не подвергался нападкам. Напротив, такие люди, как Альфред Крупп, Маннесман, Вайнер Сименс, Тиссен [отец], Борсиг, Краусс, Маффей, получали похвальные комментарии.¹¹

Вдохновленные 25 пунктом программы партии некоторые национал-социалисты разрабатывали всесторонние программы реорганизации немецкой экономической системы на корпоративной основе.¹² Даже после прихода к власти Гитлера¹³ был основан

¹⁰ *Feder. Das Programm...* P. 7.

¹¹ *Feder. Der deutsche Staat.* P. 60.

¹² Прекрасный анализ предыстории сословной идеи см.: *Taylor Cole. Corporative Organization of the Third Reich // The Review of Politics.* 1940 (2). P. 438–462. Профессор Коул осмеливается тем не менее упомянуть о влиянии Карла Марло (Винкельблеха) и дискуссии в Социал-демократической партии в 1918 и 1919 гг.

¹³ *Max Frauendorfer. Der ständische Gedanke im Nationalsozialismus.* 3rd ed. Munich, 1933.

национал-социалистический институт корпоративной организации,¹⁴ но его существование было коротким.

Многие наблюдатели придерживаются ошибочного взгляда, что экономическая организация Германии прежде всего определяется сословными или корпоративными идеями. Эти идеи тесно связаны с немецким романтическим движением, которое представляло собой первый протест против капитализма и английского парламентаризма и стремилось охранять немецкое прошлое. Адам Мюллер, экономические теории которого настолько запутаны, что почти невозможно внести в них какой-либо порядок, шел по пятам за Французской революцией и был, вероятно, первым, кто противопоставил сословную организацию классовой. Он боялся, что нация расколется на два класса и стремился предотвратить возникающий антагонизм системой сословий, которая состояла бы из аристократии, духовенства, промышленников и торговцев и которая включила бы промышленника в политическую систему.¹⁵ Гегель в его «Философии Права» (разделы 203, 205), представлял сословия как промежуточные инстанции между государством и гражданским обществом, между сферами общественного и частного права. Он полагал, что система корпораций могла бы объединить гражданское общество и государство. Вслед за революцией 1848 г. самый крупный и в то же самое время наименее известный теоретик сословий, Карл Марио (Карл Георг Винкельблех), работал над всесторонним и во многих отношениях замечательным критическим анализом либеральной экономики и постулировал сословную организацию.¹⁶ Винкельблех был встревожен радикализацией индустриального пролетариата, которую он связывал с жестокими экономическими условиями раннего индустриализма. Он был также напуган уничтожением ремесленника и кустаря и поэтому нападал на свободную конкуренцию, либерализм и отрыв

¹⁴ Institut für Ständewesen, headed by Walter Heinrich, Cf. Cole. Op. cit. P. 447.

¹⁵ Adam Müller. Staatswirtschaftliche Verlegenheiten und Reform der Geldverhältnisse in Oesterreich // Ausgewählte Abhandlungen / Ed. J. Baxa. 2nd ed. Jena, 1931. P. 200; and Cole. Op. cit. P. 439.

¹⁶ Karl Marlo. Untersuchungen über die Organisation der Arbeit. Vol. I: Historische Einleitung in die Oekonomie. 1885; Vol. II: Geschichte und Kritik der ökonomischen Systeme. 1884, 2nd ed. Tübingen. Cf. the great biography. Biermann E. Karl Georg Winkelblech (Karl Marlo), 2 vols. Leipzig, 1909.

государства от общества, который внутренне присущ любой либеральной системе. Для него примирение этих двух сфер лежит в словесной организации состояния, в которой само государство является сословием. Его теории получили практическую значимость в обращении, которое он представил Франкфуртскому парламенту в 1848 г.,¹⁷ требуя учреждения «социальной палаты [социального парламента], которая должна будет рассматривать все социальное законодательство и принимать резолюции, передаваемые ею в политическую палату [политический парламент] для решения. «Члены социальной палаты должны избираться всеми сословиями согласно закону о выборах, который полностью гарантирует представительство всех специальных профессий. В то время как обращение Марио требовало сосуществования профессиональной и политической палат и подчинения первой последней, — требование, которое было позже выполнено при Веймарской республике, — реакционное движение вскоре воспользовалось профессиональной идеей с целью подавления парламентских учреждений, как например в политической и социальной теории Бисмарка. Бисмарк изображал свою идеальную политическую схему как схему сильной монархии, ограниченной системой корпоративного представительства.¹⁸ Однако идея профессионального представительства никогда не играла важной роли во времена имперского периода, вероятно, из-за отсутствия синдикалистских теорий.

Но она появилась вновь в 1918 и 1919 гг., когда группа ревизионистов в Социал-демократической партии (Макс Коген и Юлиус Калицки) попыталась преобразовать ее в идею палаты труда, то есть в профессиональное представительство с равными правами с политическим парламентом. План был отвергнут выдающимся адвокатом Германии, специалистом по трудовому праву, Гуго Зинцхаймером,¹⁹ который в двух великолепных речах указал, что профессиональное представительство приведет к стабилизации существующих классовых отношений, разрушит ту эластичность, которую предоставляет парламентская система, установит окончательную жесткость социальной системы и таким образом закроет путь к мирным переменам. Оппозиция Зинцхаймера была успеш-

¹⁷ *Biermann*. Op. cit. Vol. II. P. 453–456.

¹⁸ Otto Fürst von Bismarck. Gedanken und Erinnerungen / Ed. Cotta. 1898. Vol. I. P. 15, 16.

¹⁹ *Hugo Sinzheimer*. Das Rätessystem. Frankfurt a. Main, 1919.

ной. Все, что осталось от корпоративной идеи в Веймарской конституции, сводилось к временному федеральному экономическому совету, состоящему из представителей промышленности, потребителей, представителей свободных профессий и экспертов, к организации, которая, обладая законодательной инициативой и некоторыми консультативными функциями, не могла похвастаться какими-либо достижениями; правительство, особенно во времена Великой депрессии, обходилось без его помощи.

Идеологически корпоративные идеи получали определенный стимул от итальянского фашизма и от католической социальной теории, как она была выражена в папской энциклике «*Quadragesimo Anno*» (1931 г.), которая была переработана в католическую доктрину солидаризма.²⁰ Немецкие католики, в противоположность их австрийским собратьям, всегда скрупулезно отстаивали совместимость своих корпоративных идей с парламентской демократией. Чрезвычайно реакционный аспект корпоративной идеи в первую очередь защищался венским социологом Отмаром Шпанном и его школой.²¹ Эта группа разработала на основе универсалистской доктрины радикальную теорию сословий, которым предназначалось вытеснить парламентские учреждения. Социальное «целое — это независимая реальность, существующая прежде индивида... Это никогда не ощущается и не созерцается извне. Необходимо глубокая духовная концентрация, чтобы воспринять ее внутренним зрением».²² Даже государство и экономика понимаются как сословия, а государство является высшим сословием, координирующим все остальные.

Хотя теории Шпанна получили немного больше внимания в 1932 г., а в 1933 г. продвигались некоторыми группами в национал-социалистических сферах — институтом сословной организации, определенными кругами в трудовом фронте и лидерами национал-социалистической торговой и ремесленной организации — они были все же отвергнуты, и согласно письмам г-на Тиссена в «Лайф» от 29 апреля 1940 г., директор института был отправлен в концентрационный лагерь.

В ранний период трудовой фронт весьма энергично настаивал на корпоративной организации немецкой экономической систе-

²⁰ *Cole*. Op. cit. P. 444.

²¹ *Othmar Spann*. Der wahre Staat. 3rd ed. Jena, 1931.

²² *Spann*. Gesellschaftslehre. Leipzig, 1930. P. 98.

мы. Во многих речах лидер фронта, доктор Роберт Лей, требовал такое обоснование: «Гражданство связано с членством в сословии» (9 мая 1933 г.). «Сословие — это то, где человек состоит как занимающийся определенной профессией, как химик, как инженер...» (12 августа 1933 г.). «Зародышем сословной структуры должен быть завод, где люди хорошо друг друга знают. Регулирование заработной платы и условий труда — прерогатива сословия». Федеру было также дозволено постулировать в его выступлении на партийном съезде 1923 г. полную реорганизацию немецкой экономики на корпоративной основе.²³

Фактически корпоративизм и национал-социализм несовместимы. Для национал-социализма первенство политики является решающим. «За годы своей борьбы партия никогда не позволяла себе ставить... экономические вопросы на передний план и провозглашать официальные всесторонние экономические программы. Она всегда настаивала на первенстве политики над экономикой и поэтому сознательно оставалась политической партией без какой-либо главной экономической ориентации». Таков был взгляд Вильгельма Кепплера, заместителя вождя по экономическим вопросам.²⁴ Покойный Бернхард Келер, ранее председатель экономического комитета партии, выражал то же самое мнение. «С самого начала национал-социализм был восстанием живых чувств народа против того факта, что вся жизнь людей определялась экономикой, материальным существованием».²⁵ Простое изменение экономической структуры не породит «социалистическое устройство жизни людей». Только политические изменения могут это сделать. Эти две речи содержат бескомпромиссную атаку на корпоративные идеи, на попытки корпоративной школы, на группы в трудовом фронте и другие. Альфред Розенберг уже критиковал философские обоснования сословных теорий Шпанна, а именно абстрактный характер универсальных концепций и отказ включить расовые идеи.²⁶ Лидер трудового

²³ *Walter Gehl* (ed.). *Der nationalsozialistische Staat*. Breslau, 1933. P. 116–127.

²⁴ *Wilhelm Keppler*. *Grundsätze nationalsozialistischer Wirtschaftspolitik // Wirtschaftspolitik im Dritten Reich*. Munich. (n.d.). P. 3.

²⁵ *Köhler*. *Politischer Sozialismus*. Op. cit. P. 7.

²⁶ *Rosenberg*. *Der Mythos des 20. Jahrhunderts*. 7th ed. Munich, 1933. P. 695–696.

фронта Роберт Лей присоединился к хору,²⁷ осуждающему его прежние ошибки.

Кроме того, за сословную идею быстро ухватились картели с целью усилить свою власть и ликвидировать посторонних и конкурентов. Сразу же после национал-социалистической революции многие картели вводили принцип лидерства в свои организации. Они назначали национал-социалистических менеджеров и, пользуясь властью партии, вынуждали посторонних либо присоединиться к организации картеля, либо ликвидировать свои фирмы. Таким образом сословная идея использовалась для принудительного образования картелей. Это, согласно национал-социалистам, одна из причин того, почему вся сословная организация была установлена в 1933 г.²⁸

В экономической организации Германии нет на самом деле ничего подобного корпоративной или сословной теориям. Даже продовольственное сословие и палата культуры, которые оба официально называются сословиями, не имеют таких признаков. Они не автономны, но являются органами государства. Они действуют не снизу доверху, но наоборот. Они не регулируют заработную плату и условия труда. Они являются организациями бизнесменов, исключая сферу труда, которой управляет государство, и сферу выполнения некоторых административных функций.

Из этого обсуждения будет ясно, что нет никакого авторитетного корпуса национал-социалистических доктрин относительно экономической организации Германии. Сам Гитлер неоднократно отклонял любые проекты, хотя в «*Mein Kampf*» он делает некоторые лестные замечания о сословной идеологии: «Мы хотим восстановить приоритет политики, которая обладает обязанностью организации и руководства сражениями нации за свою жизнь» (21 марта 1933 г.). «Безработица не может быть упразднена экономическими комитетами, организациями, конструкциями и теориями» (6 июля 1933 г.). Официальный комментатор, упомянутый выше, формулирует позицию партии следующим образом: «Свобода от доктрин и догм... следует из того факта, что экономическая политика в национал-социалистическом государстве определяется

²⁷ New York Times. 2 January 1935. *Cole*. Op. cit. P. 450.

²⁸ *Barth*. Op. cit. P. 26, и федеральный министр экономики д-р Шмит в речи перед ведущими промышленниками, опубликованной: *Axel Friedrichs* (ed.). *Die nationalsozialistische Revolution*. Berlin, 1935. P. 207.

доводами целесообразности и, без предубеждений, применением таких средств, которые необходимы в каждом данном случае для экономического благосостояния людей».²⁹

Имеются, как следствие, существенные различия во мнениях о будущей структуре национал-социалистической экономики. Многие видят в существующей регламентации экономической системы простую переходную фазу, обусловленную требованиями войны, и настаивают, чтобы после войны было установлено больше экономической свободы. Они верят в это, потому что, с их точки зрения, экономическая организация Германии определяется прежде всего особой ситуацией Германии, особенно ее нехваткой сырья.³⁰ Другие склонны полагать, что постоянный государственный контроль может быть будущим немецкой экономической системы. Но ни один ответственный национал-социалистический лидер не выступает за конфискацию частной собственности и за замену социалистической или наполовину социалистической системы контролируемого или «управляемого» капитализма. Коротче говоря, никто не придерживается теории государственного капитализма, которую мы обсуждали. Это, конечно, не означает, что фактическая экономическая система не является капиталистической или что внутренне присущие режиму тенденции не приведут в конечном счете или уже не привели к диктатуре управленческой бюрократии. Но такая цель не является явным стремлением национал-социализма.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ БИЗНЕСА

1. Политический статус бизнеса в Веймарской республике

Чрезвычайно сложная структура национал-социалистической организации бизнеса может быть гораздо легче понята, если ее поместить в соответствующий исторический контекст. Сделав это,

²⁹ Barth. Op. cit. P. 11.

³⁰ Leonhard Miksch. Brauchen wir noch Unternehmer? // WK. 1941 (20). P. 5–14, esp. p. 7.

мы в то же самое время обнаружим, что национал-социализм добавил немного нового к уже существовавшей модели организации.

Собственность на средства производства осуществляет свою функцию во многих сферах, в частности на рынке труда, на потребительском рынке, и в государстве. На рынке труда она действует в качестве враждебного или «дружелюбного партнера профсоюзных организаций либо как отдельный работодатель, либо как организация работодателей, созданная с целью ведения коллективных переговоров. На потребительском рынке она действует как отдельный предприниматель, как картель, как объединение, или как трест, для того чтобы устанавливать цены, условия купли и продажи. В сфере государства бизнес организован в торговые или сословные ассоциации для того, чтобы влиять на принципы экономической политики государства или на принципы финансовой политики. Бизнес в этом случае представляет собой политическое лобби, которое также разрабатывает механизм для консультирования и защиты членов своей организации и для того, чтобы сделать их жизнь в пределах увеличивающейся сложности государственного распределения по группам более терпимой, чем она была бы в ином случае.

Этим трем сферам власти соответствуют три различные организации, прототипами которых являются организация работодателей для рынка труда, картель для потребительского рынка, и *Pachverband* (торговая ассоциация) для политической организации бизнеса. Несмотря на довольно жесткое различие в организационном устройстве, эти три типа переплетены персонально через взаимосвязанное управление. В небольших и среднего размера организациях менеджер картеля, как правило, является в то же самое время менеджером ассоциации работодателей и местного или провинциального *Fachverband*.

Такая политическая организация бизнеса была развернута на двойной основе, территориальной и функциональной. Территориальные единицы являлись промышленными и торговыми палатами (ремесленными палатами), которые, согласно публичному праву, были организациями, в которых членство было обязательным, а взносы собирались как налоги. Они обладали значительной степенью самоуправления и контролировались, как и любая корпорация, согласно публичному праву соответствующим государственным министерством. Чиновники палат избирались участниками. Палаты представляли бизнес на отдельной территории, а их пре-

зидент обычно играл значительную роль в муниципальной жизни и в организации фондовых бирж. Палаты были объединены в региональные ассоциации, которые, однако, не имели публичного характера, но были полностью частными организациями, за исключением ассоциации палат ремесленников. Центральную организацию палат промышленности и торговли в Германии называли парламентом немецкой промышленности и торговли. Это был так называемый *Spitzenverband*,¹ то есть верховная или владеющая организация, состоящая не из отдельных участников, но из других, младших по рангу организаций.

Территориальные организации были поэтому предметом интереса для каждого бизнесмена. Каким бы ни был размер его завода, его принимали в палату по крайней мере формально, на основе равенства. Его право на участие в голосовании не было пропорциональным размеру его предприятия и он мог даже играть некоторую роль в палате, в каком-либо комитете, как публично признанный эксперт, выступая в судах или административных трибуналах.

Действительное могущество политической организации бизнеса заключалось все же не в территориальном, а скорее в функциональном подразделении. Ремесло, сельское хозяйство, промышленность, торговля, банковское дело и страхование были все организованы в так называемый *Spitzenverbänden*, составленный из множества родственных ассоциаций. Самым сильным среди них был *Reichsverband der Deutschen Industrie*, федеральный Союз немецкой промышленности, который, как большинство других *Spitzenverbände*, был основан в 1919 г. (3 февраля) как попытка защищать интересы бизнеса от того, что оказалось миром, разорванным социальной революцией. Хартия устанавливала, что федеральный Союз немецкой промышленности является «представителем немецкой промышленности во всех вопросах деловой и экономической политики, и что он тесно сотрудничает с федеральным союзом организаций немецких работодателей, который является представителем немецкой промышленности во всех социальных и социально-политических вопросах». Он возник из сплава двух промышленных организаций, Центрального союза немецкой промышленности, основанного в 1876 г., представляющего тяжелую промышленность, и очень влиятельной

¹ О «*Spitzenverbände*» см. прекрасную статью: *Robert A. Brady. Manufacturing Spitzenverbände // Political Science Quarterly. 1941 (56). P. 199–225.*

Лиги промышленников, основанной в 1895 г. и в той или иной мере отождествляемой с легкой промышленностью или с обрабатывающими отраслями. Во времена Первой мировой войны эти две организации объединились в военный комитет немецкой промышленности, который с 1918 г. утверждался немецким промышленным советом. Состав *Reichsverband* был смесью функциональных и региональных принципов, но его крупнейшими филиалами были так называемые *Fachverbände*, насчитывающие до 1500 в 1931 г., которые были включены в 28 функциональных групп. Но союз также включал и отдельных предпринимателей (1400 в 1931 г.), и очень влиятельные территориальные группы лоббирования, такие как Баварский союз промышленников, Ассоциация саксонских промышленников и прежде всего Ассоциация охраны общих экономических интересов Рейнской земли и Вестфалии, обычно известная как «ассоциация с длинным названием». *Fachverbände*, представляя собой ядро *Spitzenverbände*, была в свою очередь объединением многих более низких и более мелких единиц. Каждая из них была фактически сетью многих более низких функциональных единиц. «О размере и значении федерального Союза немецкой промышленности можно сделать вывод по разнообразию и размеру его органов. Помимо ассамблеи участников, существовали *Hauptausschuss* или главный комитет, состоящий из 200 членов, директорат из 205–220 персон с президиумом, состоявшим из 30–36 членов, и сенат. Президентами были последовательно доктор Зорге из директората Круппа, доктор Дуйсберг из треста красителей и, наконец, доктор Крупп фон Болен и Гальбах. *Reichsverband* оказывал много услуг своим участникам, имея дело с вопросами экономической политики, тарифов, импорта, экспорта, денег, финансов, и компенсаций. Одна из самых важных услуг была предоставлена *Kartellstelle*, или департаментом картеля, который функционировал как консультативное и координирующее агентство для всех картелей, снабжая их юридическими и экономическими советами, разрабатывая главные соглашения картеля и постоянно связывая пропагандистскую машину с политикой маркетинговых организаций. Политическая организация немецкого бизнеса при Веймарской республике была, следовательно, внушительной конструкцией, охватывающей почти каждый вид экономической деятельности.

Существовало весьма ясное разделение труда между политическими организациями и организациями работодателей. Ор-

ганизации работодателей были также объединены в *Spitzenverbände*, а руководство ими передавалось в промышленный *Spitzenverband* организаций работодателей, а именно в *Die Vereinigung der deutschen Arbeitgeberverbände* (союз организаций немецких работодателей). «Верховные» ассоциации работодателей не заменяли собой ассоциации как таковые, так как согласно немецкому закону только организации трудового рынка, состоящие из отдельных членов, имели право заключать коллективный договор.² Союз организаций немецких работодателей был, таким образом, координирующим учреждением для ассоциаций всех работодателей в промышленности, предоставлявшим им советы, разрабатывающим общую политику против профсоюзов и даже предлагавшим участникам финансовую защиту от забастовок в страховой корпорации. Хартия федерального Союза немецкой промышленности, которую мы уже упомянули, поясняет, что две верховные промышленные организации, одна — касающаяся рынка труда, другая — политическая, действуют в гармонии друг с другом.

Но даже такая централизация ассоциаций не заходила довольно далеко. В 1920 г. все верховные организации в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, банковском деле, страховом деле и ремеслах вместе с верховными организациями работодателей и некоторыми иными промышленными группами лоббирования основали центральный комитет предпринимательских организаций (*Zentralausschuss der Unternehmerverbände*), чтобы объединить всю промышленную деятельность перед лицом угрозы от профсоюзов. Предыдущая картина разъяснит структуру организации бизнеса в Германии.

2. Политическая организация бизнеса при национал-социализме

Национал-социалистическая структура немецкой организации бизнеса не очень сильно отличается от организации при Веймарской республике. Временный экономический совет, который на самом деле прекратил работать значительно раньше, был формально распущен 23 марта 1934 г., после того как генеральный совет

² Franz Neumann. Tarifrecht. Berlin, 1931. P. 29–30.

экономики (*Generalrat der Wirtschaft*) был создан 15 июля 1933 г. Это был маленький орган, имевший в качестве своего единственного представителя лидера немецкого трудового фронта доктора Роберта Лея. Он собирался несколько раз и выслушивал речи, но не предпринимал никакой деятельности. Совет вскоре стал устаревшим из-за новой политической организации бизнеса.

Эта новая форма придерживалась уже существующего двойного деления на территориальные и функциональные единицы, она упростила существующую организацию, расширила ее, сделала ее обязательной повсюду, и ввела принцип лидерства.³ Структура национал-социалистической экономической организации опять основывается на двух столбах: территориальном и функциональном. Территориальные единицы — это опять палаты промышленности и торговли, а также палаты ремесел с неизменным составом. Функциональные единицы — это, как и прежде, старые *Spitzenverbände*, поднятые до разряда обязательных органов. Единственное исключение — организация сельскохозяйственной и пищевой промышленности, которая теперь существует отдельно, как продовольственное сословие.

Основной закон — это закон от 27 февраля 1934 г., о «подготовке органической структуры немецкой экономики», уполномочивающий министерство экономики распускать и объединять торговые ассоциации, изменять их хартии, вводить принцип лидерства, принимать посторонних в организации и признавать ассоциации исключительными законными представителями соответствующих разделов торговли и промышленности.

Первый исполнительный декрет от 27 ноября 1934 г. создавал два новых органа. Первой была *Национальная экономическая палата*, обязанностью которой являлось координировать территориальные и функциональные учреждения. Тот же самый декрет также создавал *Рабочее сообщество палат промышленности и торговли* как верховную ассоциацию отдельных палат.

³ Лучший обзор национал-социалистических организационных форм может быть обнаружен в кн.: Robert A. Brady. *The Spirit and Structure of German Fascism*. New York, 1937. Частично он уже является устаревшим. Мое обсуждение основано прежде всего на обзоре: Barth. Op. cit. — который не включает военную организацию, вновь изменившую картину. Я использовал множество статей, законов, распоряжений и указов, и некоторые я еще буду упоминать.

Сами палаты едва ли были подвергнуты какому-либо изменению в своей структуре. Декрет от 20 августа 1934 г. просто устанавливал принцип руководства и передавал наблюдение над палатами промышленности и торговли федеральному министерству экономики.⁴ Указ федерального министра экономики о реформе от 7 июля 1936 г. упрощал политическую организацию бизнеса, которая была создана за это время, а распоряжение министерства от 20 января 1937 г. устанавливало дисциплинарные суды в этих организациях. Эти указы и декреты обеспечивают основную юридическую структуру автономной политической организации бизнеса. Организация теперь завершена.

Группы

Каждый бизнесмен должен быть членом национальной группы (функционального подразделения) и палаты промышленности (или ремесел) (территориального подразделения). Даже государственные предприятия, хотя в Пруссии они не принадлежат к палате промышленности, должны присоединиться к соответствующим группам, так, чтобы некоторые группы, такие как группы банков и корпораций государственного страхования состояли полностью из государственных предприятий. Только кооперативы являются исключением.

Мы не должны в этом пункте позабыть отметить что картели, как органы потребительского рынка, не включены в эту политическую структуру бизнеса. Отношение между картелем и политической организацией будет обсуждаться позже.

Функциональное деление опирается на семь национальных групп, которые примерно соответствуют старым *Spitzenverbände*. Эти группы: промышленность, торговля, банковское дело, страхование, власть, туристический бизнес, и ремесла. Шесть национальных транспортных групп организованы отдельно. Национальные группы разделены на экономические группы, 31 — в промышленности, 4 — в торговле, 6 — в банковском деле, 2 — в страховании, 2 — во власти, 1 — в туристическом бизнесе, тогда как группа ремесел подразделена на 50 национальных организаций в гильдии. В то время как национальные группы примерно соот-

⁴ О палатах ремесел: акт относительно структуры немецких ремесел от 29 ноября 1933 г.; первое исполнительное распоряжение 5 января 1934 г.

ветствуют *Spitzenverbände*, экономические группы соответствуют *Fachverbände* в рамках федерального Союза немецкой промышленности или в рамках иных верховных ассоциаций. Эта идентичность и преемственность никогда не скрываются; напротив, она подчеркивается в административных заявлениях. Характерен следующий образец декрета о признании, изданный федеральным министром экономики.⁵

«Декрет федерального министра экономики о признании экономической группы оптового импорта и экспортной торговли, 18 сентября 1934 г.

На основе параграфа I акта от 27 февраля 1934 г. с целью подготовки органической структуры немецкой экономики я приказываю: экономическая группа оптового импорта и экспортной торговли, Берлин, W. 30, улица Маккензен, 10 [Национальная ассоциация немецкого оптового импорта и экспортной торговли; прежде Национальная ассоциация немецкой оптовой и внешней торговли] должна быть признана единственным представителем в ее экономической отрасли».

Декрет о признании, следовательно, просто принимает существующую торговую ассоциацию и признает ее официальным представителем целой отрасли.

Экономические группы далее подразделены на группы отрасли (*Fachgruppen*), которых теперь существует 327; и в свою очередь подотраслевые группы (*Unter-Fachgruppen*).

Организационный принцип, как можно легко заметить, является горизонтальным, а не вертикальным, как в продовольственном сословии. Вертикальный принцип объединяет всех, кто активен в производстве и распределении определенных предметов потребления, до самого мелкого торговца внизу. Признанием национальной торговой группы, следовательно, подтверждается старый горизонтальный принцип. В то время как национальные и экономические группы созданы законом федерального министерства экономики, отраслевые и подотраслевые группы оставлены на усмотрение национальной группы. Однако, начиная с реформы управления 1936 г., необходимо получать разрешение от федерального министра экономики для учреждения новых отраслевых и подотраслевых групп и их провинциальных отделений.

⁵ Из книги: *Barth. Op. cit.* P. 107.

Ядром всей структуры является экономическая группа в рамках национальной группы. Экономические группы собирают вклады и доходы национальных групп, с одной стороны, и отраслевых и подотраслевых групп — с другой. Различия в размере и значении среди групп, конечно же, значительны. В то время как у экономической группы, которая охватывает горную промышленность (в рамках национальной группы, включающей промышленность), имеется только 50 участников, то объем розничной торговли (в рамках национальной группы, охватывающей торговлю), включает приблизительно 500 000 участников.

Палаты

Эта двойственная структура теперь организована в три страты: верхнюю, среднюю и низшую.

Сверху располагается национальная экономическая палата, преемник, если можно так выразиться, временного федерального экономического совета. Она состоит из 7 национальных групп, 23 экономических палат, 100 палат промышленности и торговли, и 70 палат ремесел.

Тесно связано с национальной экономической палатой «рабочее сообщество палат промышленности и торговли», преемник, как можно легко заметить, парламента немецкой промышленности и торговли. Это рабочее сообщество является фактически бездействующим, но оно обеспечивает персонал национальной экономической палаты, и руководство обеими организациями одно и то же (президент обеих палат — Пицш).

Различия между национальной экономической палатой и временным экономическим советом, однако, значительны. Рабочие и потребители, свободные профессии и независимые эксперты полностью исключены из экономической палаты, которая является теперь исключительно представителем бизнеса и ремесел и не затронута каким-либо внешним влиянием. Верно, что в соответствии с Лейпцигским соглашением⁶ 1936 г., заключенным между федеральным министром экономики, федеральным министром труда, и лидером немецкого трудового фронта, национальная экономическая палата вошла в трудовой фронт в качестве корпоративной организации, но, как мы увидим позже, это соглашение

⁶ *Brady. The Spirit...* P. 146.

было заключено просто для того, чтобы лишить трудящихся любого голоса в контроле над бизнесом и его регулировании. Кроме того, национальная экономическая палата получила то, чего никогда не имел федеральный экономический совет: исполнительный механизм в средних и низших стратах. Самыми важными членами национальных экономических палат являются семь национальных групп.

Средняя страта, которая является совершенно новой, состоит из двадцати трех экономических палат. Они составлены из палат промышленности и торговли в своей провинции, палат ремесел, и провинциальных экономических групп. Экономические палаты поэтому также сочетают функциональные и территориальные принципы. Они представляют весь бизнес в провинции, образуя объединенный фронт бизнеса, связанный с провинциальной исполнительной машиной государства. Во многих случаях экономические палаты возглавляются президентом самой большой палаты промышленности в этой провинции и становятся решающим органом промышленного самоуправления в соответствии с указом 27 октября 1936 г. Они состоят из шести отделов: (1) отдел «палат промышленности», координирующее учреждение для палат в регионе; (2) отдел «промышленности», который является координирующим учреждением экономической отрасли и подотраслевых групп в национальной группе, включающей в себя промышленность на провинциальном уровне; (3) отдел «торговли», где четыре подразделения, розничной, оптовой, импортной и экспортной торговли, мелкой торговли имеют больше значения, чем сам отдел; (4) отдел «туристического бизнеса»; (5) отдел «ремесленных палат» действующий как координирующее учреждение в этой провинции; (6) и наконец, провинциальный клиринговый офис, который приобрел главное значение и который обладает решающим влиянием на распределение общественных контрактов среди членов экономических палат. Как правило, эти клиринговые офисы управляются президентом экономической палаты и контролируются правительственными специальными уполномоченными. Над каждым из отделов осуществляет контроль директор, которому помогает совет и который действует через менеджера; этот менеджер — чаще всего промышленник, который является лидером провинциальной группы.

Бок о бок с экономическими палатами идут провинциальные организации экономических групп (220), отраслевые груп-

пы (180), подраслевые группы (270), ремесленные организации и провинциальные гильдии.

У основания находятся палаты промышленности и торговли (100), палаты ремесел (70), местные органы групп, когда таковые существуют, и ремесленные гильдии.

В целом структурой управляют в соответствии с принципом лидерства. Лидеры национальной экономической палаты, экономических палат, палат промышленности, национальных групп и экономических групп предлагаются национальными группами и назначаются федеральным министром экономики, в то время как лидеры отраслевых и подотраслевых групп предлагаются лидерами экономических групп и назначаются лидерами их национальных групп. Члены групп должны повиноваться приказам своих лидеров, а лидер экономической группы, как центрального учреждения, может назначать дисциплинарное наказание участникам, нарушающим закон.

Как в политической сфере, так и в этой сфере экономической деятельности принцип лидерства — просто эвфемистический способ описания централизованного бюрократического органа, которым управляют на основе авторитарных принципов. Лидеры, главным образом выдающиеся бизнесмены, как у нас еще будет возможность увидеть, конечно же, не управляют всем бизнесом; группами управляют менеджеры, которые часто являются фактически действительными директорами. Каждый из лидеров окружен консультативным советом, состоящим из лидеров групп, президентов палат промышленности, представителей продовольственного сословия, муниципалитетов и транспортной организации. Собрания участников больше не имеют значения, так как указ от 4 марта 1935 г. разрешил лидерам вышестоящей группы обходиться без таких собраний, если консультативный совет считает это допустимым.

Такова в общих чертах автономная политическая организация немецкого бизнеса, как она была сформирована до того, как разразилась война. С юридической точки зрения, у организаций имеется двойная задача, как и у любого самоуправляемого органа в немецком праве. Они выполняют подлинные функции самоуправления и они также выполняют государственные функции, которые делегированы им органами государственной власти. Будь это муниципалитет или палата промышленности, или отраслевая группа, каждая играет двойственную роль: как самоуправляемый орган и как орган государства.

Эта политическая организация бизнеса раскрывается в трех направлениях: к потребительскому рынку, то есть деловая активность выполняется отдельными предприятиями, картелями, концернами и трестами; к рынку труда; и к государству.

Исполнительная машина государства

Глава экономики военного времени — Геринг. Два самых важных учреждения — канцелярия Четырехлетнего плана и Главный специальный уполномоченный по экономике (Функ), который управляет всей экономической жизнью, кроме промышленности вооружений. Функ поэтому является не только министром экономики, но в то же самое время и руководителем для министров труда, финансов, продовольствия, и лесоводства. До того, как разразилась война, у министерства экономики не было никакой собственной провинциальной и местной исполнительной машины. Этот дефект был исправлен «указом об управлении экономикой» от 27 августа и 28 ноября 1939 г. Он создавал региональную и исполнительную машину министерства экономики.

Главный специальный уполномоченный по экономике создал *Führungsstäbe der Wirtschaft*, штаб руководящих сотрудников в области экономики, которые присоединились к провинциальным президентам в Пруссии и федеральным регентам и государственным министрам в других землях. Эти руководители координируют всю деятельность в сфере экономики (кроме отраслей промышленности вооружений) и стоят выше региональных организаций министерств труда, продовольствия, лесоводства, выше экономических палат, выше всех региональных органов ремесленных групп и ассоциаций и выше палат промышленности и ремесел. В то время как *Führungsstäbe* — это просто координирующее учреждение, тот же самый декрет теперь создает региональные и местные организации министерства экономики в виде 18 *Bezirkswirtschaftsämter* (региональных экономических канцелярий) и местных *Wirtschaftsämter*, прежде всего имеющих дело с нормированием потребительских товаров.

Руководство этими 18 канцеляриями было поручено различным чиновникам, таким как прусские провинциальные президенты, федеральные регенты, или президенты округов. Эти провинциальные экономические руководители, которые также возглавляют *Führungsstäbe*, являются подчиненными министра экономики,

могут издавать приказы ко всем органам государственной власти, принадлежащим средней страте, группам и палатам промышленности и ремесел. Провинциальные экономические канцелярии являются частью канцелярии, в которой они были созданы. Таким образом, не было создано никакой новой организации, но использовался старый механизм. 18 провинциальных экономических канцелярий могут направлять всю экономическую деятельность в своей провинции. Эта авторитарная тенденция была облегчена созданием федеральных специальных уполномоченных для каждой палаты промышленности и торговли, и полномочиями министра экономики делегировать палатам любой вид деятельности, какой он считает подходящим. Федеральные специальные уполномоченные подчиняются приказам провинциальных экономических руководителей. Легально, следовательно, теперь существует полная централизация всего экономического управления. Федеральный специальный уполномоченный по экономике стоит выше министров экономики, финансов, труда, продовольствия, лесоводства. Он действует в 18 округах через провинциальные экономические канцелярии, а на местном уровне через федеральных специальных уполномоченных палат промышленности и торговли.

Но указ идет еще дальше. Он вдобавок создает провинциальные продовольственные канцелярии (*Landes- или Provinznährungsämter*), образуемые в канцеляриях верховных органов различных земель (в Пруссии, в канцелярии провинциальных президентов), а также подчиняет все продовольственное сословие приказам федерального министра продовольствия и сельского хозяйства. Та же самая авторитарная организация осуществляется и в лесоводстве посредством провинциальных лесных и деревообрабатывающих канцелярий.

Внизу повторяется тот же самый процесс.

Первое исполнительное распоряжение (27 августа, 22 сентября 1939 г.) определяет и разъясняет степень полномочий, передаваемых новым организациям, восемнадцати экономическим канцеляриям. Они становятся подчиненными различным федеральным органам и могут отдавать приказы следующим организациям: государственным агентствам горной промышленности; экономическим палатам, включая их клиринговые отделы; палатам промышленности; палатам ремесел; провинциальным группам (национальным, экономическим, отраслевым и подотраслевым); федеральным канцеляриям внешней торговли и валютным

канцеляриям. Они предназначены защищать производство, покровительствовать необходимым отраслям торговли и ремесел, содействовать охране поставок электроэнергии, исполнять меры относительно потребления угля, нефти, каучука, текстильных материалов и мыла, и организовывать накопление используемых материалов. То же самое распоряжение делает президентов палат промышленности и торговли федеральными специальными уполномоченными, которые таким образом превращаются в исполнительных агентов для всей отрасли в пределах юрисдикции провинциальных экономических канцелярий.

Очевидно, что самое важное учреждение в государственной организации — федеральное министерство экономики. С февраля 1938 г. его руководителем был Функ, который также является президентом рейхсбанка. Министерство разделено на пять главных департаментов.

Механизм модернизации

Наряду с министерством и в какой-то степени еще более важной является канцелярия Четырехлетнего плана, возглавляемая маршалом *großdeutsche Reich* Германом Герингом, у которого, для этой должности имеется титул этой способности, есть титул генерального уполномоченного по Четырехлетнему плану. Канцелярия Четырехлетнего плана выполняет свои функции частично в пределах министерства экономики, частично через главных уполномоченных (*Generalbevollmächtigte*) для особых отраслей торговли и промышленности и частично через свою собственную канцелярию.

Эта канцелярия первоначально (в 1936 г.) была центральным учреждением, отвечающим за готовность экономики, своего рода планирующей организацией. Она передала большинство своих функций другим учреждениям и теперь в первую очередь имеет дело с двумя задачами: модернизацией определенных отраслей немецкой промышленности — что исполняется главным образом через главных уполномоченных — и завоевание ключевых экономических позиций для партии (таких, как предприятия Германа Геринга). Геринг назначил Функа надзирающим за всей областью модернизации.

Главные уполномоченные прежде всего должны повысить эффективность определенных видов торговли, рекомендуя меры

модернизации, стандартизации и реорганизации. Самые важные: главные уполномоченные по энергетике (в настоящее время майор Диллгардт из Эссена, который является в то же самое время лидером национальной группы энергетики № 5); по автомобилям (в настоящее время полковник фон Шелл); по машиностроению (в настоящее время Карл Ланге, менеджер V.B.M.A. при Веймарской республике, а также менеджер экономической группы); по особым функциям химической промышленности (в настоящее время профессор К. Крауч, член совета менеджеров Дие-треста); и по железу и стали (генерал-лейтенант фон Ханнекен, также руководитель главного департамента министерства экономики).

Есть также специальный уполномоченный по строительству, функции которого шире, чем функции других представителей. Уже 9 декабря 1938 г. Геринг назначил главного инспектора по дорогам Германии, доктора Ф. Тодта, «уполномоченного для регулирования строительных сооружений».⁷ (Доктор Тодт — также министр боеприпасов.) Его задача состояла в том, чтобы приспособить гражданское строительство к военным нуждам и выполнить такие меры, какие были необходимы, чтобы увеличить эффективность строительной промышленности. Он имел очень широкие полномочия, а также был вправе распределять строительные материалы (железо, древесину, цемент) и устанавливать систему приоритетов. Нормирование строительных материалов упрощалось благодаря созданию центральных канцелярий по распределению квот. Это означает, что трудовой фронт, министерство труда, министерство коммуникаций и так далее были, как канцелярии, распределяющие квоты, наделены правом получать поставки строительных материалов для своих филиалов и предприятий. Если, например, производитель стали желал начать строительство и нуждался в строительных материалах, он должен был обратиться к своей канцелярии за квотой, то есть в данном случае, в федеральное министерство экономики, в главный департамент номер 11.

Главный уполномоченный по строительной промышленности также действует через региональных представителей (которых 21), которые, согласно указу от 30 декабря 1939 г., наделены правом потребовать информацию от любых государственных

⁷ Posse. Op. cit. Vol. II, sect. IV. Allgemeines-Bauwirtschaft). P. I.

и партийных властей. Главный уполномоченный по строительной промышленности также назначает конфиденциальных чиновников в некоторых низших по рангу территориальных единицах.

Контроль за сырьем

Поставка сырья и установление приоритетов были полностью изъяты из канцелярии Четырехлетнего плана и переданы министерству экономики, которое для решения этой задачи учредило *Reichsstellen* для особых отраслей, основанные на указе о товарной бирже (*Warenverkehr*) от 18 августа 1939 г., который в свою очередь отталкивался от «наблюдательных советов» за импортом и экспортом, созданных на основе указа от 4 сентября 1934 г. *Reichsstellen* — федеральные учреждения, обладающие юридической независимостью, финансируемые взносами или постоянными вкладами, которые заинтересованные отрасли промышленности должны платить за определенные действия. Они возглавляются федеральным представителем (*Reichsbeauftragter*). Они, повторим, имеют дело только с нормированием, а поэтому также и с внешней торговлей.

Несколько примеров могут разъяснить природу их задачи.

Согласно указу от 13 августа 1934 г., была создана «контролирующая канцелярия по железу и стали», которая является теперь *Reichsstelles*,⁸ Федеральное агентство по железу и стали может издавать приказы о регистрации материалов. Оно может регулировать производство и издавать множество ограничений. Приказы *Reichsstellen* имеют свой номер. Они попадают в четыре категории, самая важная из которых — так называемые «директивы», которые устанавливают системы квот. Директива номер 25 от 25 января 1940 г. содержит кодификацию этой системы квот, создающей различные типы квот и определяющей органы, которые действуют как держатели квот. В этом случае именно экономические группы и являются держателями квот. Производитель стали, который нуждается в железе или в стали, или в каких-либо других материалах, должен представить требование своей экономической группе, которая решает, должен ли он получить поставку.

⁸ Ibid. (Auftragsregelung-Eisen- u. Stahlbewirtschaftung). P. I.

Есть сходное учреждение по бумаге,⁹ созданное в сентябре 1934 г. как контролирующее учреждение, теперь же — просто *Reichsstelle*. Это федеральное агентство начинало как канцелярия для ограничения импорта целлюлозы, но в силу необходимости это скоро стало агентством для полного контроля над импортом и над производством. Оно издает инструкции по закупкам, обработке, упаковке, а также по сбору и использованию старой бумаги и упаковочного материала. Оно с того времени, как разразилась война, описало все бумажные запасы. Оно, наконец, вынудило всю бумажную промышленность организовать в восемь картелей. С согласия федерального министра экономики были назначены два военных представителя по упаковке и бумажным материалам.

В настоящее время существует тридцать один *Reichsstellen*, двадцать пять из них — в самой промышленности.

Так как дефицит сырья был самой важной проблемой немецкой экономики до этой войны, и особенно во время самой войны, функции *Reichsstellen* приобрели ведущее значение. Они — самые влиятельные федеральные канцелярии для организации особых отраслей промышленности, и для военных нужд, особенно для нормирования сырья и для установления системы приоритетов. Но у *Reichsstellen* нет никаких собственных исполнительных органов, и они не могли бы справиться с предполагаемым огромным объемом работы. Начиная с осени 1939 г. они поэтому начали создавать так называемые *Verteilungsstellen* или агентства по распределению. Задача агентств состоит в том, чтобы установить карточную систему в пределах каждой промышленной отрасли, то есть выделять различным промышленным предприятиям такое сырье, которое может быть необходимым и доступным.

Осенью 1939 г. *Reichsstelle* по угольной промышленности создал двенадцать таких агентств по распределению, соответствующих двенадцати угольным синдикатам и имеющих тот же персонал. Угольные синдикаты, таким образом, стали канцеляриями по распределению, устанавливающими, сколько угля должно быть выделено каждому потребителю.¹⁰

В бумажной промышленности *Reichsstelle* работает, как мы видели, через двух военных представителей, но также и через мно-

⁹ Ibid. (Papier und Verpackungswesen).

¹⁰ Leonhard Miksch. Bewirtschaftungskartelle // WK. 1940 (19). P. 24–33.

гочисленные агентства по распределению, которые здесь, также тождественны с картелями.¹¹ Поэтому мы имеем полное тождество между организацией бизнеса в бумажной промышленности (картели), политической организацией бумажной промышленности (отраслевые группы), и государственным агентством, выделяющим бумагу (распределяющей канцелярией).

Положение в текстильной промышленности несколько отличается. В этой промышленности есть шесть таких *Reichsstellen*, которые, однако, координируются «специальным уполномоченным по пряже». Шесть *Reichsstellen* также создали канцелярии по распределению, но в этом случае *Reichsstellen* не смог положиться на картели, так как фактически не было никаких ценовых картелей. Из-за этого отраслевые и подотраслевые группы были сделаны агентствами по распределению.¹²

В аккумуляторной промышленности также аккумуляторный картель просто был сделан агентством по распределению.

Итог

В этом разделе мы касались исключительно автономной организации бизнеса в ее политических аспектах и структуры государственных органов, регулирующих экономическую жизнь. Мы строго исключили структуру немецкого бизнеса в его деловой активности.

Автономная организация немецкого бизнеса основывается, как мы видели, на двух столпах, территориальных и функциональных, которые объединяются наверху в национальную экономическую палату и на среднем уровне в двадцать три экономические палаты. Контролирующее влияние государства передается генеральному уполномоченному по экономике, министерству экономики, канцелярии Четырехлетнего плана, новым провинциальным и местным экономическим и продовольственным канцеляриям.

Этот структурный анализ говорит нам немного о фактическом функционировании экономической машины. Он не раскрывает, работают ли все еще рынки, насколько широким является факти-

¹¹ «Anordnung N I» of 8 January 1940 // Posse. Op. cit. Vol. II. sect. IV (Papier, etc.). P. 81.

¹² «Anordnung N 2» of 4 September 1939. Ibid. (Allgemeines-Spinnstoffwirtschaft). P. 11.

ческое влияние государства, и в чьих интересах работает машина. Все эти вопросы являются основными.

Теоретически у государства есть неограниченная власть. Оно законным образом может делать почти все; оно может конфисковать любого. Если мы примем такие юридические заявления в их номинальной стоимости, то мы действительно получим впечатление, что Германия — страна государственного капитализма, несмотря на то, что мы даже еще не упомянули о контроле над трудом, над инвестициями и над валютой. Но закон, как и язык, не всегда выражает реальность; он часто скрывает ее. Чем более очевидны противоречия в обществе, чем больше возрастает производительность труда, чем больше прогрессирует монополизация общества — тем в большей мере функция закона и заключается в том, чтобы скрывать антагонизмы до тех пор, пока не станет почти невозможным проникнуть сквозь толщу слов. И все же именно это и должно быть сделано.

III. МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

1. Собственность и договор (экономика и политика)

Чтобы понять природу национал-социалистической экономической системы, будут небесполезны некоторые соображения об отношении собственности договора. Что такое капитализм? Как мы его определяем? Многие отождествляют капитализм со свободой торговли и договора, то есть со свободной конкуренцией. Капитализм определяется как экономика, которая постоянно поддерживается свободной инициативой большого количества предпринимателей, конкурирующих на свободном рынке. Таким образом он отождествляется с одной фазой своего развития, капитализмом, основанным на конкуренции. На этой фазе свободная конкуренция считается отличительным признаком. Такая теория капитализма в определенной степени является классической, хотя она и обладает чрезвычайно существенными расхождениями с реальностью. Мы предлагаем иллюстрировать природу экономической системы посредством изучения института собственно-

сти.¹ Под этим институтом мы имеем в виду авторитарную или кооперативную устойчивую связь людей, или людей и собственности, для продолжения общественной жизни. Это определение является простым описанием. Оно не имеет никакого отношения к философии институционализма, к плюрализму, неотомизму или синдикализму. Наше определение касается всех видов институтов: семьи, собственности, устоев и так далее. Прежде всего оно определяет главный институт современного общества, частную собственность на средства производства. Собственность для юриста — это просто субъективное право, которое один человек имеет против всех других. Оно обеспечивает владельца безусловным правом на защиту. Область власти человека над вещами, которые он имеет, в принципе безгранична. Владелец — суверен.

Но социолог должен делать различие между разными типами собственности. У человека, которому принадлежит дом, в котором он живет, мебель, которую он использует, одежда, которую он носит, еда, которую он ест, автомобиль, на котором он ездит, нет никакой другой власти, кроме прямого владения вещами, которые он имеет. В силу своего контроля над собственностью он не осуществляет контроля над другими человеческими жизнями. Здания, еда, одежда и автомобили не являются институтами, им не суждено длительное существование. Они исчезают или становятся бесполезными, поскольку они потребляются или изнашиваются.

Есть, однако, второй тип собственности, которая является институтом, потому что это устойчивая и авторитарная организация для сохранения и воспроизводства общества: собственность на средства производства. На нашем языке господство над средствами потребления и средствами производства называют одним и тем же именем: «собственность»; термин, таким образом, стал юридической маской, за которой владелец средств производства осуществляет власть над другими людьми. Термин собственность (и владение)

¹ Наиболее значительный вклад в этой области — *Karl Renner. Die Rechtsinstitute des Privatrechts und ihre soziale Funktion*. Tübingen, 1929 (первое издание было опубликовано под псевдонимом Йозефа Карнера в первом томе «*Marx-Studien*»). Я приспособил эти идеи к ситуации в Германии 1920–1932 в моей книге «*Koalitionsfreiheit und Reichsverfassung*». Berlin, 1932, и к национал-социализму в моей статье: *Der Funktionswandel des Gesetzes im Recht der bürgerlichen Gesellschaft* // *Zeitschrift für Sozialforschung*. 1937 (VI). P. 542–596 / Trans. by the University of Chicago // *Second Year Course in the Study of Contemporary Societies*. 8th ed. Chicago, 1939.

никогда не указывает, какой объект и какая сила находятся позади него, ограничивается ли он контролем над вещами или дает также и контроль над судьбами людей. Собственность на средства производства дает власть: власть над рабочими, власть над потребителями, власть над государством. Собственность на средства производства устойчива, она способствует непрерывному воспроизводству общества, это — основной институт современного общества.

Согласно либеральным идеям, если общество должно непрерывно воспроизводиться, должен быть свободный рынок. Главные необходимые элементы свободного рынка — свободные предприниматели, свобода договора и свобода торговли. Собственник должен быть в состоянии продавать и покупать, одалживать и занимать, нанимать и увольнять. Свобода контракта является поэтому дополнительной или вспомогательной гарантией частной собственности. Она позволяет владельцу средств производства производить и распределять. Общество, основанное на конкуренции, должно также быть основано и на свободе торговли, на праве вести бизнес без вмешательств извне и создавать конкурентоспособный бизнес. Свобода торговли является поэтому другой дополнительной или вспомогательной гарантией собственности во времена эры свободной конкуренции. Она также помогает воспроизводству общества. В процессе конкуренции отпадают неумелые конкуренты, возникают новые организации. Нарушения равновесия устраняют предпринимателей, которые недостаточно рациональны в ведении своего бизнеса; более высокая прибыль в одной отрасли привлекает капитал от других отраслей, сохраняя таким образом динамические качества общества, основанного на конкуренции. Свобода торговли и свобода договора представляют собой важнейшие составные элементы в обществе, основанном на конкуренции.

Таким образом, собственность окружена дополнительными и вспомогательными гарантиями и дополнительными и вспомогательными институтами, которые обеспечивают возможность деятельности этого главного института. Они находятся на службе этого главного института, собственности и, как следствие, изменяются, когда институт меняет свою функцию. Поэтому это не просто юридические категории, какими их представляют сегодня. Сторонники естественного права в XVII столетии и классические экономисты XVIII века ясно понимали, что свобода договора и свобода торговли не просто юридические категории, но выполняют определенные социальные функции. Современные апологеты

экономического либерализма утверждают, что свобода договора подразумевает право создавать промышленные объединения, образовывать картели, концерны и тресты. Они полагают, что свобода торговли существует, даже когда отрасль промышленности настолько полно монополизирована, что свобода торговли становится простым формальным правом. Они утверждают, что конкуренция подразумевает право устранять конкурирующие фирмы и устанавливать прерогативу монополистической группы.

Это не тот взгляд, которого придерживались классические экономисты. «Один индивид никогда не должен предпочитать себя любому другому индивиду настолько, чтобы причинять этому другому вред или ущерб с целью принести себе выгоду, хотя выгода одного может быть намного больше, чем вред или ущерб другого. В погоне за богатством, почестями и повышением по службе каждый может бежать настолько быстро, насколько он может напрягать каждый нерв и каждый мускул, чтобы опередить всех своих конкурентов, но если приходится отталкивать кого-нибудь из них или сбивать с ног, снисходительности зрителей приходит конец».² В этих суждениях Адам Смит вводит различие между двумя видами конкуренции, одной, основанной на эффективности, а другой, основанной на уничтожении конкурента. Он не терпит конкуренции без ограничений, поскольку в теории Адама Смита конкуренция — это нечто большее, право предпринимателя: это основной механизм непрерывного воспроизводства общества на еще более высоком уровне. Но это обязательно предполагает отсутствие монополий. Свобода договора не подразумевает права создавать промышленные объединения, свобода договора — это форма свободного товара. Где предметы потребления не свободны, где они монополизированы, должно иметь место вмешательство правительства. «Для свободного товара... нет повода для этого [вмешательства правительства], но оно необходимо для булочников, которые могут договориться между собой и выпечь такое количество хлеба и по таким ценам, какие им нравятся».³

И все же допущения, при которых классические экономисты готовы гарантировать свободу, имеют еще более широкий харак-

² *Adam Smith. A Tlieory of Moral Sentiments. 6th ed. 1790. Vol. I, Part III, Ch. 3. P. 339; and Vol. I. Part II, sec. ii. Ch. 2.*

³ *Adam Smith. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms / Ed. Cannan. Oxford, 1890. P. 177.*

тер. Они обращаются к основному институту общества, к частной собственности. Монополии отвергаются как несовместимые с экономической и социальной системой, исключения допускаются только для колоний, и даже здесь только на переходный период. Что касается законов, принятых во время периода меркантилизма для того, чтобы защитить монополии — «то это законы Дракона, эти законы, можно сказать, написаны кровью».⁴ Даже корпорация акционерного капитала отвергается в принципе и разрешается только для четырех видов экономической деятельности: банковского дела, страхования, строительства и навигации каналов и водоснабжение крупных городов.⁵ Для глубокой социологической проницательности Адама Смита характерно, что он считает корпорации акционерного капитала законными только потому, что в их действиях инициатива предпринимателя становится ненужной, как только экономическая деятельность сводится к простой рутине.

Механизм классической системы основан поэтому на предположении о большом количестве предпринимателей приблизительно равной силы, свободно конкурирующих друг с другом на основе свободы договора и свободы торговли, предпринимателей, инвестирующих свой капитал и свой труд с целью получения экономических результатов и имеющих предполагаемые экономические риски.

На этой стадии общества свобода договора была на самом деле средством, которое удерживало общество вместе. Договор был тогда формой, через которую собственник осуществлял свою свободу, и это было в то же самое время средство покончить с изоляцией, в которой каждый собственник себя обнаруживал. «Это опосредование, заключающееся в том, что я обладаю собственностью уже не только посредством вещи и моей субъективной воли, а также посредством другой воли и, следовательно, в некоей общей воле, составляет сферу договора».⁶ По словам Гегеля, поэтому договор — это форма, в которой общество признает собственность и посредством которого собственники образуют общество.

Для более позднего развития капитализма характерно, что юридические категории свободы договора и свободы торговли полностью оторвались от своего социально-экономического основания, и таким образом юридические категории сделались абсо-

⁴ *Adam Smith. Wealth. Book IV. Ch. 8.*

⁵ *Ibid. Book V. Ch. I. P. iii. Art. I.*

⁶ *Hegel. Philosophy of Right / Trans. by Dyde. Sec. 71.*

лютными. Свобода договора, посредством которой обеспечивалась свободная конкуренция, стала механизмом, который эту конкуренцию уничтожал. Правовая теория и практика, даже еще больше в Европе, чем в Соединенных Штатах, отделяла юридическое понятие «свободы торговли» от социально-экономических требований. Свобода договора стала средством и обоснованием формирования промышленных объединений, предвещавшим конец свободной конкуренции. Таким же образом свобода торговли выродилась в механизм сохранения экономических привилегий и прерогатив. Ее существование утверждалось даже в тех отраслях промышленности, в которых из-за огромного капитала, вкладываемого в один завод, никто посторонний не мог и надеяться создать конкурирующий бизнес, так как он не мог собрать необходимый капитал. Свобода торговли была извращена до лозунга о защите экономических прерогатив и против государственного вмешательства.

Это — одна сторона развития, но есть и вторая, которая, возможно, еще более характерна. Свобода договора, хотя долгое время оспариваемая, подразумевала право сформировать профсоюзы и противопоставлять власти монополиста коллективную власть труда. Свобода торговли также подразумевает право любого предпринимателя покинуть объединение и восстановить свою экономическую свободу, так или иначе подвергающую опасности монополистические владения. Хотя это право утратило большую часть своего фактического содержания, оно все еще допускает образование конкурирующего бизнеса, еще раз подвергающего опасности монополистические привилегии. Эти права принимают особенно опасную форму монополистических привилегий в периоды спада и депрессии. Чем более совершенной и жесткой становится структура экономики, тем более чувствительна она к циклическим изменениям. Тяжелая депрессия неизбежно разрушает монополистические позиции. Картели будут распущены, аутсайдеры останутся в стороне, профсоюзы предотвратят сокращения заработной платы, защищенной неприкосновенностью договоров. В такие периоды свободный договор, свобода держаться в стороне от монополистов превращается в главное оружие против них.

Кроме того, новые технологии требуют огромных инвестиций, которые предполагают риски и могут и не принести доход. Только богатые и влиятельные корпорации будут в состоянии сделать такие инвестиции, и их готовность сделать их будет зависеть от того, какую защиту они получают — от беспощадной конкуренции и

неблагонадежности, даже от конкуренции как таковой. Они могут даже потребовать — и так это и происходит — определенных гарантий от государства в виде гарантий прибыли или товарооборота, разрешения списать инвестиции за короткое время, даже в виде прямых субсидий. Посторонние, новые конкуренты, профсоюзы — все эти проявления свободы торговли и договора являются тогда помехой. Они должны быть устранены.

Для обеих сторон поэтому — для широких масс и мелкого бизнеса, с одной стороны, и монополистических сил — с другой — вмешательство государства в экономическую жизнь становится главной проблемой. Широкие массы и мелкий бизнесмен будут обращаться к государственной машине за защитой. Они будут требовать вмешательства в свободу договора и свободу торговли, чтобы остановить монополизацию или даже распустить существующие промышленные объединения. Этим требованием они просто следуют воззрениям классических экономистов. Но в такой ситуации монополисты потребуют отмены свободы договора и свободы торговли. Они будут настаивать, что право промышленных предприятий выходить из картелей или оставаться в стороне от них означает крах экономической системы. Они будут указывать, что свобода организованного труда увеличивает затраты производства и таким образом цены на предметы потребления. Они поэтому потребуют полной отмены экономической свободы.

В период монополизации новой вспомогательной гарантией собственности является уже не договор, но административный акт, форма, в которой осуществляется государственное вмешательство. Но поскольку это так, то именно форма и содержание мер государственного вмешательства приобретает теперь высшее значение. Кто должен вмешиваться и от чьего имени — теперь становится самым важным вопросом для современного общества. Владение государственной машиной — это, таким образом, кардинальная позиция, вокруг которой вращается все остальное. Это единственно возможное значение первенства политики над экономикой. Должно ли государство сокрушить монополистические владения, должно ли оно ограничивать их ради масс, или же вмешательство должно использоваться для того, чтобы усиливать монополистические позиции, помогать окончательному объединению всего бизнеса, деятельности в сети промышленных организаций? Должно ли государство стать оружием, посредством которого массы станут абсолютно зависимыми от политики его промышленных империй?

Цели монополистических сил не могли быть достигнуты в системе политической демократии, по крайней мере в Германии. Социал-демократическая партия и профсоюзы, хотя они и потеряли свою агрессивную воинственность, были все еще достаточно влиятельны, чтобы защитить свои завоевания. Их способность защищаться сделала невозможной поставить всю государственную машину на службу одной частной группе общества. Точно так же национал-социалистическая партия не могла, возможно, проводить свою экономическую политику на демократической основе. Ее пропаганда и программа были якобы нацелены на защиту предпринимателя малого и среднего масштаба, ремесленников и торговцев, то есть тех самых групп, которые пострадали больше всего при национал-социалистическом режиме. Полное подчинение государства промышленным правителям могло быть осуществлено только в такой политической организации, в которой не было бы никакого контроля снизу, которая испытывала бы недостаток в автономных массовых организациях и свободе критики. Одной из функций национал-социализма и было подавить и устранить политическую и экономическую свободу посредством новых вспомогательных гарантий собственности, посредством команд, административных актов, опутывая таким образом всю экономическую деятельность Германии сетью промышленных объединений, которыми управляют индустриальные магнаты.

Экономика Германии сегодня имеет две главные поразительные особенности. Это — монополистическая экономика и командная экономика. Это — частная капиталистическая экономика, регламентируемая тоталитарным государством. Мы полагаем, что лучше всего ее описывать под названием «тоталитарный монополистический капитализм».

2. Политика картелей при национал-социализме

Диктатура Брюнинга и картели

Первая стадия национал-социалистической политики картелей — прямая проверка нашего тезиса. Система картелей, подвергаемая серьезной опасности во время Великой депрессии, была

спасена национал-социализмом. Прежде чем проанализировать национал-социалистическую политику картелей, будет полезно сделать несколько предварительных замечаний о политике Брюнинга, Папена и правительства Шлейхера во времена депрессии.

В 1930 г. правительство столкнулось с одной дилеммой. Оно могло обрушиться с нападками на существующую систему картелей, распустить картели и снизить цены до уровня мирового рынка, или оно могло поддерживать существующую систему за счет больших масс потребителей. Эта дилемма не могла быть решена сменяющими друг друга правительствами с 1930 по 1933 г., потому что ни у одного из них не было парламентского большинства. Политика картелей периода 1930–1933 гг. поэтому характеризовалась самыми противоречивыми чертами. Она началась с указа президента от 26 июля 1930 г., который был направлен против системы ограниченных или фиксированных цен. Этот указ давал кабинету полномочия аннулировать существующие соглашения картеля или их часть и предписывать картелям выполнение определенных действий. Это включало в себя не только собственные соглашения картеля, но также впервые и вертикальные соглашения, то есть отдельные договора между производителями, оптовыми торговцами, и продавцами, заключенные с целью установления и поддержания ценовой структуры. Далее все соглашения и механизмы со сходными экономическими следствиями, даже если они не попадали строго в границы зоны действия указа, были фактически им охвачены, и поэтому он включал и соглашения между независимыми производителями, или ассоциациями предпринимателей. Наконец, кабинет был уполномочен понижать или отменять тарифы, чтобы облегчить роспуск картелей или снижение цен. Официальный пресс-релиз, который сопровождал указ, заявлял: «Все соглашаются, что реальное регулирование искусственно установленных цен в меняющейся экономической ситуации и при снижении покупательной способности, так же как и при ухудшении положения тех деловых кругов, которые испытывают на себе бремя неограниченной конкуренции, происходит в слишком медленном темпе и в слишком ограниченной степени». Релиз, помимо этого, упрекал картели за искажение отношений между ценами и услугами и утверждал, что восстановление нормального положения дел сдерживается картелями и системой цен. Этот чрезвычайный указ, принятый за чистую монету, представлял собой значительный шаг к активной экономической политике. Он освобождал федеральное

правительство от любого контроля со стороны трибунала картелей, и правительство могло теперь действовать, не уведомляя об этом этот трибунал. Таким образом, политика картеля могла быть полностью скоординирована с общей экономической политикой правительства. И все же последствия указа были чрезвычайно скудными. Только один картель был распущен, картель по добыче бурого угля, и это произошло потому, что он много лет подвергался критике, и его деятельность расследовалась специальной комиссией профессионалов, которая обвинила его в совершенно неблагоразумных методах. Решающие полномочия, которые чрезвычайный указ давал федеральному правительству, — отменять или понижать тарифы с целью разрушить систему цен картелей — никогда не использовалась. Неудачность чрезвычайного указа вскоре заставила правительство искать иные способы разрушить структуру цен картелей. На основе президентского чрезвычайного акта кабинет издал 16 января 1931 г. распоряжение, нацеленное против ценовой структуры торговых артикулов. Все ценовые соглашения по торговым артикулам аннулировались до тех пор, пока цены не будут снижены на 10 % ниже уровня 1 июля 1930 г. Они также аннулировались, если ценовые соглашения препятствовали тому, чтобы оптовые торговцы и продавцы предоставляли своим клиентам такие дополнительные скидки, какие они могли им предоставлять 1 июля 1930 г. Некоторые товары были исключены из распоряжения, которое также запрещало карательные меры против организаций, особенно кооперативов, предоставлявшим своим участникам определенные скидки. Поскольку это распоряжение ограничивалось торговыми артикулами, оно, конечно же, не затрагивало ценовую структуру в целом.

По этой причине 8 декабря 1931 г. президент выпустил четыре чрезвычайных указа, снижающих все зафиксированные цены на 10 % ниже их уровня 30 июня 1931 г.; в то же самое время и заработная плата, установленная коллективными договорами, была пропорционально снижена. Зловещая политика дефляции Брюнинга шла теперь полным ходом. Эти четыре чрезвычайных указа также назначали специального уполномоченного по ценам, чтобы контролировать цены тех предметов потребления и услуг, которые были важны для повседневных потребностей. Исполнительное распоряжение от той же самой даты определяло точные полномочия специального уполномоченного. Если цены были слишком высоки, то он мог их снизить. Нарушители могли быть наказаны

тюремным заключением и штрафами. Специальный уполномоченный мог закрыть завод, если владелец был неблагонадежен. Он мог приказывать, чтобы о ценах на заводах и в магазинах сообщала почта или чтобы ярлыки с указанием цены были прикреплены к товарам. В очень незначительной области товаров и услуг специальный уполномоченный, таким образом, имел право делать то, что считал наилучшим. Но эта система также продемонстрировала полный провал. Торговые ассоциации отказывались сотрудничать, хотя они и не предпринимали открытых атак. Анализ постановлений специального уполномоченного показывает, например, что он установил максимальную плату за услуги трубочистов, уступка домовладельцам, в поддержке которых нуждался кабинет. Он понизил цену на бутылочное и бочковое пиво — уступка баварским сепаратистам, для которых пиво — обязательный элемент в меню. Он понизил цену на обои, минеральную воду и морепродукты. Он выпустил большое количество постановлений, упорядочивающих публикацию законов о ценах и ярлыках. Но это все, что он сделал.

За исключением снижения уровня цен на 10 % никакие эффективные меры не были приняты или не могли быть приняты тремя донацистскими полудиктаторскими правительствами Брюнинга, фон Папена и фон Шлейхера. Их политика была политикой канатоходца над глубокой пропастью.

Чистка неблагонадежных

Национал-социалистический режим пришел к власти 30 января 1933 г. и сразу начал проводить такую политику в отношении картелей, которая удовлетворяла все требования промышленных объединений. 15 июля 1933 г. был выпущен первый указ о картелях. Поскольку чрезвычайный указ о картелях от 26 июля 1930 г. были просто чрезвычайным указом, закон 15 июля 1933 г. изменял указ о картелях 1923 г. Он отстранил трибунал картелей от всех действий, которые правительство намеревалось предпринимать против картелей, ограничивая его сферу спорами между участниками, и участниками и посторонними. Немецкая промышленность всегда нападала на раздел 9 указа о картелях, на так называемую профилактическую цензуру на бойкоты и сходные меры. Закон 1933 г. изменил раздел 9, добавив новый параграф:

«Не существует никаких неоправданных ограничений экономической свободы [фирмы, которой угрожает бойкот], если биз-

несом заинтересованной стороны управляют люди, которые не обладают благонадежностью, необходимой в бизнесе. Неблагонадежность имеет место, если в бизнесе заинтересованной стороны товары и услуги... предлагаются или продаются по ценам, которые следуют считать экономически необоснованными с точки зрения как интересов самого бизнеса, так и интересов национальной экономики или общественного благосостояния, и если следует ожидать продолжения такой ценовой практики».

Новый закон, таким образом, позволял картелям уничтожать неблагонадежных конкурентов посредством бойкотов или сходных мер. Он был нацелен на исключение всех неблагонадежных бизнесменов из экономической системы, и он обнаруживает неблагонадежность везде, где конкурент продает ниже оправданных цен, даже если он не связан никаким ценовым соглашением. Торговец, снижающий цены, может быть, таким образом, искоренен частной силой с санкции государства. Однако искоренение торговцев, снижающих цены, не предусматривается и не планируется непосредственно. Не само государство очищает экономическую систему. Смертный приговор выносится частной организацией, хотя председатель трибунала картелей должен дать свое согласие.

Эта чистка направлена исключительно против мелкого продавца, оптового торговца и ремесленника. Это — характерная особенность национал-социалистической политики устранения неэффективного бизнесмена, то есть бизнесмена, завод которого не является достаточно крупным, чтобы обеспечить ему приличное существование или материально содействовать общей готовности к войне. На данном этапе мы ограничимся тем, что обратим внимание на чистку, выполняемую не самим государством, а картелями с санкции государства; двух примеров должно быть достаточно. Соглашение о картеле в немецкой радиопромышленности в августе 1934 г. и феврале 1936 г.⁷ предусматривает, что только признанные оптовые торговцы и продавцы могут снабжаться, получая наборы товаров, и что никакие новые торговцы не могут быть допущены. Как следствие, число оптовых торговцев уменьшилось от приблизительно 800–900 в 1933 г. до 598 в 1939 г., в то время как в 1938 г. число продавцов уменьшилось

⁷ Reichswirtschaftsgerichtsrat Dr. W. Rittgen. Berufsanforderungen im Rundfunkgrosshandel // KR. 1940 (38). P. 321–333.

с 31 800 до 27 590.⁸ Признание предоставлялось только благонадежному торговцу, то есть тому, кто в личном, экономическом и финансовом отношении был благонадежен. Чтобы быть финансово благонадежным, оптовый торговец должен иметь капитал по меньшей мере 30 000 марок, и он должен обеспечить его из своих собственных средств, и не может его поэтому взять взаймы. Решение в сигаретной промышленности является столь же исключительным. Согласно хартии картеля от 31 декабря 1938 г.⁹ только продавцы, у которых среднегодовой товарооборот табака оценивается не менее чем в 5000 марок, наделены правом снабжаться непосредственно изготовителем. В рассматриваемом деле федеральный экономический трибунал (тот, который пришел на смену трибуналу картеля, теперь распущенному) отрицал, что это право принадлежит бакалейщику и владельцу гостиницы, хотя был единственный табачный магазин в городе и хотя обращение было поддержано местным национал-социалистическим лидером. Эти два примера указывают ясно, что недавно завоеванная организационная власть картеля используется для «проведения чистки» мелкого бизнесмена.

Положение «неблагонадежного бизнесмена» подвергалось опасности еще и ослаблением профилактической цензуры. Исполнительное распоряжение от 5 сентября 1934 г. объявляло, что регистрация заявления в трибунал картеля от участника или постороннего против намечаемых мер по бойкоту не имеет больше приостанавливающих последствий. Организационная власть картеля согласно закону от 15 июля 1933 г. была чрезвычайно усилена.

Принудительное объединение в картели

В ту же самую дату был издан и второй закон о картелях, вводивший принудительное объединение в картели. Федеральному министру экономики были даны полномочия создавать принудительные картели, заставлять посторонних присоединяться к существующим картелям, запрещать создание новых предприятий и расширение существующих предприятий как по размерам, так и

⁸ *Kaumann A. Auswirkungen der An- und Aberkennungsrichtlinien // Rundfunkhändler. 12 April 1939. P. 297.*

⁹ Решение федерального экономического трибунала от 12 июля 1939 // KR. 1940 (38). P. 13.

по видам деятельности, и регулировать деятельность существующих заводов. Не допускалась никакая компенсация убытков, возникающих от таких действий.

Принудительное объединение в картели не является чем-то новым в истории Германии. Мы упоминаем только об угольных и калийных картелях, а также о принудительных картелях по крахмалу, спичкам, молоку, сахарной свекле, речному судоходству и зерну.

Но предыдущие принудительные картели всегда были основаны на специальных законах и таким образом были подотчетны парламентским дебатам и парламентскому контролю, тогда как закон от 15 июля 1933 г. давал министру экономики неограниченную и произвольную власть принудительного объединения в картели. Неудивительно, что мы обнаруживаем идентичные законы в Италии (июнь 1932 г.) и в Японии (апрель 1931 г.).

Каковы цели этого закона? Официальный пресс-релиз подтверждает наш взгляд, что картели являются организованной формой растрат. Он сообщает: «Тяжелая депрессия, нависающая над немецкой экономикой, нанесла наиболее сильный удар в тех отраслях промышленности, в которых производительная способность далеко превышала маркетинговые возможности. Сильная конкуренция и низкий уровень цен... привели нас ближе к той точке, где предприятиям, важным для нашей национальной экономике, грозит крах». Как следствие, необходимо принудительное объединение в картели. Государство должно получить больше полномочий, чтобы предотвратить закрытие заводов и резкий рост цен, чтобы сохранить такие предприятия и такие отрасли промышленности, которые подвергаются опасности при конкуренции, потому что они чрезмерно капитализированы и имеют избыточную мощность. Три различных вида полномочий передаются министру экономики — создание новых принудительных картелей, присоединение посторонних к существующим картелям, и запрет как на создание новых учреждений, так и на расширение существующей мощности предприятия. Частные организации, таким образом, получали санкцию на ограничение мощности целых отраслей промышленности и на их подчинение желаниям и командам монополистических правителей. Национал-социалистическое государство довело до своего логического завершения довод, выдвинутый много десятилетий тому назад, а именно, что организация промышленности в картели — лучшая и высшая форма промышленной

организации. Сообразительный национал-социалистический экономист подвел итог: «Принудительный порядок с помощью государственного суверенитета дает картелю власть, которой он не мог бы достичь на добровольной основе».¹⁰

Закон о принудительном образовании картелей опять же направлен прежде всего против бизнесменов малого и среднего масштаба, которые часто отказываются добровольно присоединяться к картелю и таким образом теперь полностью подчинены требованиям могущественных концернов. Сопротивление принудительному образованию картелей также берет начало в антагонизме между чистыми и смешанными предприятиями, то есть между предприятиями, производящими единственный тип товара, и вертикальными концернами, имеющими дело с целым рядом сырьевых материалов, производственных товаров и предметов потребления. Применяются новые полномочия государства опять же против независимого бизнесмена. Это прямое отклонение от официальной идеологии картеля, которая рассматривает картели как организации для защиты бизнесменов малого и среднего масштаба.

Исследование применения национал-социалистами закона о принудительном образовании картелей до 1937 г. подтверждает нашу точку зрения. Имеются десятки, даже сотни таких распоряжений, запрещающих создание новых заводов или расширение существующих или принудительно созданных картелей. В цементной промышленности, например, наконец осуществилась старая мечта цементных магнатов. В течение многих лет цементные картели в жестоких и дорогостоящих поединках сражались против посторонних фирм, которые, привлеченные высокой прибылью, которую структура картеля сделала возможной, создавали новые заводы или просто угрожали их создать, что они могли легко сделать, так как сырье имелось в изобилии, а требования к капиталу были низкими. Картелям пришлось пожертвовать миллионами, чтобы подкупить таких фактических или потенциальных конкурентов. 12 декабря 1940 г.¹¹ четыре региональных цементных картеля были принудительно объединены с немецким цементным союзом, охватывающим всю территорию и включающим каждого

¹⁰ Claire Russell. Die Praxis des Zwangskartellgesetzes // ZS. 1937 (97). P. 499–548, esp. p. 500.

¹¹ KR. 1940 (38). P. 335.

производителя. Бумажная промышленность была защищена распоряжением, запрещавшим создание новых или расширение существующих заводов.¹² Полиграфическая промышленность, которая сильно пострадала после того, как доктор Геббельс монополизировал печать, была защищена принудительным образованием картелей, мешавшим посторонним фирмам сбивать цены.¹³ В ходе чистки розничной и оптовой торговли, которую мы обсудим позже, приказ от 15 января 1940 г., запрещал с незначительными исключениями создание или поглощение торговых предприятий и делал такие действия зависящими от предыдущего разрешения.¹⁴ Почти в каждой отрасли торговли и промышленности существовали бесчисленные ограничения такого же рода, о которых должным образом сообщает *Kartell-Rundschau*.

Мы видим теперь, что закон о принудительном образовании картелей поддерживает и укрепляет существующие организационные модели. На первой стадии национал-социалистической экономической политики цель заключалась в том, чтобы обеспечить прибыль промышленных объединений даже при уменьшенном объеме производства. В этом отношении поэтому национал-социалистическая политика не отличалась от политики догитлеровских кабинетов времен кризиса. Она просто довела их политику до радикальных последствий.

Готовность к войне и картели

Вместе с принятием Четырехлетнего плана 18 октября 1936 г., экономическая политика национал-социализма изменилась и теперь была нацелена на полную занятость и использование всех ресурсов для подготовки к войне. Место картелей в этой подготовке и в экономике военного времени, следовательно, также изменилось. Указ о Четырехлетнем плане очень краток и не дает конкретного указания о курсе политики картелей. Он гласит:

«Реализация Четырехлетнего плана, о котором я имел честь объявить на партийном съезде, требует единого направления всех сил немцев и твердой концентрации всех способностей партии и государства.

¹² KR. 1940 (38). P. 337 (Decree of 28 September 1940).

¹³ KR. 1940 (38). P. 82 (Decree of 27 January 1940).

¹⁴ KR. 1940 (38). P. 42.

Я поручаю выполнение Четырехлетнего плана премьер-министру генерал-полковнику Герингу.

Премьер-министр, генерал-полковник Геринг примет все меры, необходимые для решения возложенной на него задачи, и для этого он имеет право издавать исполнительные распоряжения и общие административные постановления. Он наделен правом отдавать приказы всем властям, включая высшие федеральные власти, всем канцеляриям партии, ее органам и филиалам».

Цель Четырехлетнего плана неизбежно оказывается в противоречии к традиционному характеру картелей. Для сущности экономики картеля сама причина принудительного образования картелей является ограничением производительной способности. Поэтому организация картеля была отклонена многими ведущими немецкими промышленниками. Уже в 1903 г. доктор Шахт, например, заявил, что «картель означает стагнацию. Трест означает прогресс и производство. Картели не представляют собой ничего иного, кроме взаимных объединений ради гарантированной прибыли».¹⁵ Шахт считал, что картели — это органы экономики, находящейся в состоянии упадка, и они несовместимы с расширяющейся экономической системой. Целью Четырехлетнего плана, напротив, является увеличение продукции и производительной способности и полная модернизация немецкой промышленности.

Сам этот антагонизм между официальной целью экономической политики и традиционной политикой картелей вновь и вновь находил выражение во вспышках недовольства у национал-социалистических лидеров. На собрании федеральной крестьянской организации 27 ноября 1938 г., министр сельского хозяйства Баке выразил предпочтение вертикальным формам организации, иными словами, полному поглощению всей экономической деятельности трестами. Только такие формы, сказал он, могут решить экономические проблемы Германии.¹⁶ Еще более важное заявление было сделано доктором Рудольфом Бринкманом, государственным секретарем в министерстве экономики, 21 октября 1938 г.¹⁷ Его программная речь была обзором всей экономической политики, отношения между государством и экономикой, и отличалась беспрецедентной ясностью. Бринкман начал с утвержде-

¹⁵ Preussische Jahrbücher. 1903 (110). P. 7.

¹⁶ DAZ. 27 November 1938.

¹⁷ DAZ. 2 November 1938.

ния, характерного для всей либеральной теории, что государство и экономика — две различные системы с двумя различными сферами влияния, двумя различными видами задач и двумя различными организациями. Экономическая политика Германии не была экономической политикой меркантилизма, хотя он допустил сходство в применяемых методах и в объеме деятельности правительства в экономической сфере. Национал-социализм, продолжал Бринкман, верит в свободную личность, работающую в рамках такого порядка, который не является и не должен быть бюрократическим. Однако, он признал, что государство было вынуждено создать пугающее изобилие административных органов. Но и картели, на его взгляд, были в равной мере подвержены этому злу. «Самый подлинный экономический дух национал-социализма завоевывает превосходство — и все увидят, что он действительно завоевывает превосходство, — будет больше готовности к свободному подчинению... подлинным экономическим потребностям, и множество бюрократических учреждений будет заменено ответственностью самой экономики [выделено курсивом в оригинале]. Истинный социализм, должно быть установлено, является борьбой против произвола и за истинную эффективность». Мотив получения прибыли все еще является сильным и решающим. Свободная инициатива, на взгляд Бринкмана, скована существованием мелких и средних бизнесменов. Но он вынужден признать, что бизнес малого и среднего масштаба находится в состоянии упадка. Влиятельные частные организации продолжают существовать и использовать государственный суверенитет, чтобы укрепить свою власть. Монополистические организации, диктующие цены, фактически живут на субсидии, выплачиваемые из кармана народных масс.

От этого пункта Бринкман продолжает двигаться к серьезному обвинению системы картелей. Стабилизация цен картеля ведет, считает он, к гораздо большей уязвимости свободных цен. Тогда становится невозможным обеспечить устойчивое отношение между обязательными и свободными ценами. Высокие цены картеля не способствуют продвижению модернизации. В частности, квоты картелей, твердо фиксирующие выпуск продукции членов картеля, заставляют своих более продвинувшихся в модернизации участников работать на не модернизированных линиях. Самым худшим, на его взгляд, является тот факт, что в период полной занятости система картелей препятствует автоматическому и пол-

ному сокращению затрат производства, сдерживает более высокий стандарт жизни народных масс и предотвращает появление нового поколения предпринимателей. Если система картеля будет продолжать терпеть неудачи, государство должно будет обратиться к более строгим мерам. Оно не будет национализировать промышленность, потому что национал-социализм верит в «духовную», а не в «материалистическую» национализацию экономики. Именно поэтому государство повторно передало частным корпорациям свои авуары в частных банках и в Объединенном стальном тресте. Но государство должно принять на себя дополнительную ответственность, если движение к высокой производительности и к полному использованию всех доступных ресурсов не должно сдерживаться системой картелей.

Картели и группы

Картели действительно стали органами достижения полной занятости в результате сотрудничества с государством и под его давлением. Они стали таковыми, потому что теперь более, чем когда-либо ранее, они являются просто маской, скрывающей власть промышленных империй, которые, таким образом, обеспечили себе контроль над политической структурой бизнеса.

Мы уже упоминали, что корпоративная организация бизнеса была приостановлена, потому что картели использовали новую идеологию для устранения посторонних и расширения своей сети на целые отрасли промышленности и торговли. Некоторые национал-социалистические комментаторы выражали свою ненависть к «процессу вырождения и фальсификации, вызванному подкупом государства картелями».¹⁸ Хотя корпоративная организация была приостановлена, передача политических полномочий картелям все еще продолжается. Следует напомнить обо одном весьма значительном пункте при обсуждении отношений между бизнесом и политической организацией. В организациях картелей, в трестах, в объединениях и в корпорациях акционерного капитала принцип лидерства не преобладает. Во всех этих организациях решает большинство. Но в картелях большинство — это не большинство участников, но большинство квот либо на производство, либо на

¹⁸ Franz Böhm. Wettbewerb und Monopolkampf. Berlin, 1933. P. X and 358.

продажи. Чем больше квота, тем больше право на участие в голо-
совании. В силу логической необходимости картели поэтому нахо-
дятся во власти крупнейших участников. Именно они используют
полудемократическую форму картелей для того, чтобы захватить
контроль над политической организацией бизнеса.

Эта ситуация часто была объектом критики. Фактически
никакой аспект экономической организации не получал такого
большого внимания, как власть, которую картели осуществляют
над публичными, политическими, сословными, корпоративными,
самоуправляющимися или автономными органами бизнеса.
«Верно, что в торговых ассоциациях [группах] известная идентич-
ность персонала торговых ассоциаций и картелей играла исклю-
чительно важную роль и на практике привела к тому результату,
что влияние и власть публичных организаций, которым не прихо-
дилось регулировать рынок, использовались, чтобы усилить част-
ную власть картелей — так пишет «Frankfurter Zeitung».¹⁹ Один
из лучших наблюдателей структурных изменений в национал-
социалистической экономике приходит к выводу:

«Оказывается, есть союз между торговыми ассоциациями и
картелями, который подразумевает, что организация на ее низ-
шей и поэтому решающей стадии с самого начала ограничена со-
действием существующих картелей. Сегодня государство серьезно
ослабило положение аутсайдеров, так как руководитель торговой
ассоциации обладает властью как представитель принудительной
организации и таким образом способствует укреплению и доми-
нированию картеля. Картели иногда прямо организовывались
группами [электротехническая промышленность и автомобильная
торговля], чтобы быть способными провести меры по принуди-
тельному объединению. Эта процедура, кажется, началась и в раз-
личных областях торговли, которые не были ранее объединены
в картели».²⁰

Вновь и вновь появляются жалобы, что картели доминируют
над группами, а не наоборот.

Группы получили много прав, ставящих их выше картелей —
и в первую очередь то, что немцы понимают под «упорядочива-
нием рынка». Группы наделены правом получить информацию
из картелей, изучать их цены, квоты, и условия продаж, а также

¹⁹ FZ. 18 November 1938.

²⁰ Leonard Miksch. WK. 1936 (15). N 4.

правом накладывать вето на все решения картеля, которые противоречат экономическим принципам, которым следуют группы или федеральное правительство.²¹

Но различие между регулированием и упорядочиванием рынка становится все менее и менее надежным, так как группы «могут почти ежедневно»²² приступать к маркетинговой деятельности с согласия министра экономики, и они, кроме того, имеют дело с вопросами внешней торговли, которая, конечно же, осуществляется в форме регулирования рынка.

Таким образом, группы действительно стали органами, контролирующими картели, но в то же самое время некоторые из них сами превратились в картели: поэтому почти невозможно установить, где начинаются задачи одного и где заканчиваются другие. Один факт тем не менее остается решающим: именно картель, через взаимосвязанный персонал, управляет группой.

Как следствие такого направления развития федеральный министр экономики обнаруживает себя вынужденным издать постановление, требующее «в максимально возможной степени» разделения функций группы и картеля. Закон 27 февраля 1934 г. запретил группам участвовать в маркетинговой деятельности, а постановление от 2 июля 1936 г. обязывало устранить путаницу между картелями и группами. Известный указ о реформе от 12 ноября 1936 г. требовал, чтобы канцелярии руководителей и менеджеров групп и картелей не оставались в одних и тех же руках, «чтобы обеспечить их беспристрастность». Министр приказал, чтобы национальная экономическая палата сообщила ему до 1 апреля 1937 г., в какой мере один и тот же персонал занимал ведущие позиции и в группах и картелях, и была ли такая идентичность персонала необходима. Характерно, что в дальнейшем никто ничего не слышал о докладах федеральной экономической палаты. Постановление министра добавляет, что группы, «созданные по принципу принудительного участия и руководства, с общими экономическими задачами, стоят выше маркетинговых организаций а не рядом с ними. Я поэтому намерен заручиться поддержкой организаций промышленности, чтобы контроля за маркетинговые организации, который до настоящего времени осуществлялся только мной. Это относится и к группам, и к палатам. Самоуправ-

²¹ *Barth. Op. cit.* P. 82.

²² *Ibid.* P. 75.

ляемая промышленность должна чувствовать себя ответственной за то, чтобы маркетинговые организации во всех своих мероприятиях действовали в соответствии с экономической политикой федерального правительства».²³ Группы и палаты действительно все более и более становились контролирующими органами государства, но контроль за ними со стороны картелей и трестов не был уменьшен — напротив, он был усилен. Железный закон капиталистической концентрации и военные нужды были гораздо более сильными, чем благочестивые надежды министра экономики. Поэтому во время самой войны переплетение картелей и политической власти стало еще более сильным и широко распространенным, чем когда-либо прежде. Мы уже обсуждали состав и задачи распределительных органов, которые выделяли сырье и полуфабрикаты потребителям. Хотя распределительные учреждения юридически были органами публичного права и учреждениями *Reichsstellen*, они и по закону, и фактически были идентичны картелям. Желание, высказанное министром экономики и многими благонамеренными критиками, было невозможно исполнить вопреки системе картелей. Сегодня самая важная политическая и экономическая деятельность в Германии — распределение сырья — поручена частным организациям, которыми управляют влиятельные монополисты.

Это еще не все. Немецкая промышленность стремилась усилить организационные связи между картелями и группами. Два примера обозначают тенденцию. Один из самых недавних и объемных картелей — немецкий союз соли.²⁴ Заявление, объявляющее об его учреждении, гласит, что хартия картеля вводит принцип руководства, добавляя, однако, что руководитель избирается, а не назначается сверху. Хартия предусматривает, что руководитель отраслевой группы, включающей солевую промышленность, автоматически становится заместителем руководителя картеля. В этом случае тесная связь картеля и группы допускается даже в хартии картеля. Только один случай, известный автору, явно демонстрирует подлинную субординацию картелей и групп: стекольная промышленность, которая, вследствие объединения самых передовых европейских стекольных предприятий Судетской области, стол-

²³ Постановление от 12 ноября 1936. KR. 1936 (34). P. 753–760, и *Barth*. Op. cit. P. 75.

²⁴ DV. 1941, N 22. P. 825.

кнулась с полным крахом. Чтобы упорядочить хаос, федеральный представитель по стекольной промышленности организовал стекольный трест, который принял руководство над всеми картелями и всей стекольной промышленностью.²⁵

Неудивительно, что вследствие подчинения политической структуры бизнеса картелям последние получили новое название. «Они, как предполагается, представляют абсолютно новый тип организации».²⁶

Принудительное объединение немецкого бизнеса в картели почти завершено. Картели полностью признаны. Они осуществляют публичные политические функции, но однако освобождены от принципа политического руководства и остаются под контролем своих собственных участников. Статистические данные роста числа картелей ничего не означают. Между началом войны «и декабрем 1940 г. было создано двадцать новых картелей, и от двадцати до тридцати было распущено».²⁷ Эти данные бессмысленны, потому что они не принимают во внимание модернизацию системы картелей, включение более мелких картелей в более крупные, увеличение размеров из-за включения Судетской области, Австрии, и Протектората. Хотя число картелей не очень увеличилось, масштабы деятельности этих картелей стали более грандиозными.

3. Рост монополий

Кто же все-таки управляет картелями? Являются ли картели демократическими организациями в одинаковой мере влиятельных бизнесменов? Конечно же нет. Они в большей мере являются демократической маской, которую индустриальные магнаты используют, чтобы скрыть свои деспотичные полномочия. За могущественным движением картелей имеется еще более могущественная тенденция к централизации, которая достигла такого масштаба, о котором раньше и не мечтали. Структура картеля является не демократической, но деспотической. Решения картеля принимаются большинством квот, а не голосов. В угольном синди-

²⁵ Otto Suhr. Umwälzungen in der Glasindustrie // WK. 1940 (19). P. 83–92.

²⁶ Leonard Miksch. Bewirtschaftungskartelle // WK. 1940 (19). P. 24–32.

²⁷ KR. 1940 (38). P. 95.

кате Верхней Силезии, например,²⁸ 100 000 тонн продукции дают один голос. Производство в 1928 г. составляло 26 000 000 тонн, разделенных между четырьмя заводами, каждый из которых производил от четырех до пяти миллионов тонн, пятью заводами, каждый из которых производил от одного до двух миллионов, и одним предприятием, производившим 200 000 тонн. Из 260 голосов поэтому только четыре крупных завода располагали приблизительно 180 голосами. И это ни в коей мере не чрезвычайный случай.²⁹

Процесс монополизации стимулировался большим количеством факторов. Исследование структурных изменений, кажется, показывает, что едва ли есть такая экономическая мера, которая в конечном счете не способствует концентрации и централизации.

В частности, следующие факторы совершенно необходимы в этом гигантском процессе: отчуждение еврейской собственности в пользу арийцев; германизация; технический прогресс; искоренение бизнесменов малого и среднего масштаба; и корпоративная структура. Кроме этих факторов, каждый из которых будет обсуждаться, бюрократической структуре государства и бизнеса при недостатке ресурсов внутренне присуща тенденция к поддержке крупного бизнеса и разрушению мелкого. Государственная бюрократия предпочитает иметь дело с одним большим бизнесом или с несколькими крупными корпорациями вместо сотен мелких и средних фирм, которые имеют множество расходящихся интересов. Если должна быть установлена система приоритетов, если сырье должно выделяться, то крупные корпорации будут неизбежно жить лучше, чем мелкие предприятия, а «смешанные» объединения, у которых есть их собственная сырьевая база, лучше, чем «чистые». Очевидно, более важно обеспечить поставки крупной корпорации, нанимающей тысячи рабочих, чем сохранять небольшое фабричное управление.

Эта тенденция будет характеризоваться еще более тесными отношениями между бизнесом и государством при условии, что, как в случае Германии, крупный бизнес управляет картелями и группами.

²⁸ *Karl Euling. Die Kartelle im oberschlesischen Steinkohlenbergbau. Jena, 1939.*

²⁹ В угольном синдикате Рура продажа 100 000 тонн и потребление 150 000 тонн обеспечивают один голос.

Отчуждение еврейской собственности в пользу арийцев

Роль отчуждения еврейской собственности в пользу арийцев уже была упомянута. Национал-социалистические наблюдатели признают, что приобретение еврейской собственности играло значительную роль в расширении промышленных объединений, и что в текстильной промышленности, например, оно даже дало начало новым промышленным объединениям.³⁰ Бенефициариями еврейских отраслей промышленности были, без исключения, самые влиятельные промышленники: Отто Вольф,³¹ Фридрих Флик,³² и Маннесман.³³ Прибыль, которая таким образом накапливалась новыми владельцами, явно доходила до небес. Пришлось даже издать специальное распоряжение о налогообложении прибыли, полученной в результате отчуждения еврейской собственности в пользу арийцев. Но это распоряжение, кажется, не имело серьезных последствий. Специальное постановление министра финансов от 6 февраля 1941 г. требовало имеющего обратную силу налогообложения для «особых случаев, чрезвычайно ухудшающих положение дел».³⁴ Конкретные случаи, в которых прибыль считалась чрезмерной, должны были вновь обнаруживаться налоговыми властями, но постановление явным образом запрещало повторное обращение к общей проблеме прибыли, полученной от отчуждения еврейской собственности в пользу арийцев.

Германизация

Еще более важным является то увеличение власти промышленных объединений, которое накапливается благодаря включению в орбиту их влияния всего бизнеса на завоеванных территориях. Полный обзор был бы наверняка скучен читателю. Некоторые из методов были уже упомянуты, самым важным было использо-

³⁰ *Günter Keiser*. Der jüngste Konzentrationsprozess // WK. 1939 (18). P. 136–156, 214–234; esp. p. 150.

³¹ Приобрел предприятия железа и стали Тале; см.: KR. 1939 (37). P. 514.

³² Приобрел Равак и Грюнфельд, теперь называющийся A.-G. für Montaninteressen; см.: KR. 1939 (37). P. 514.

³³ Приобрел Wolff-Netter-Jacobi, см.: KR. 1938 (36). P. 179, и Hahnsche Werke (капитал 9 900 000 марок) // KR. 1938 (36). P. 318.

³⁴ DV. 1941 (15), N 22. P. 820.

вание картелей. Процесс ни в коем случае не завершен. Пока была затронута только поверхность бизнеса на завоеванных территориях... Не только предприятия Германа Геринга извлекают выгоду из завоеваний, но также и другие индустриальные магнаты. Два примера покажут, до какой степени частная собственность обеспечивает прибыль от завоеваний и господство немецкого капитала во всей Европе. Один — это учреждение Континентальной Нефтяной корпорации в Берлине,³⁵ которую называли «моделью будущей организации предприятия». Корпорация владеет всеми теми нефтяными капиталовложениями за пределами территории Германии, которые Германия уже приобрела или сможет приобрести в будущем. Официальное сообщение отмечает, что скоро следует ожидать приобретения румынских нефтяных владений у французских и бельгийских владельцев. Учредителями³⁶ являются самые главные немецкие банки и нефтяные корпорации. Две из них — это корпорации, принадлежащие государству. Начальный капитал корпорации составляет 80 000 000 марок, и он может быть увеличен до 120 000 000 марок; 50 000 000 марок разделены на личные доли, дающие множество голосов, 30 000 000 — это акции на предъявителя, которые будут проданы публике. Личные доли, которые должны храниться у учредителей, предоставляют в пятьдесят раз больше прав голоса, чем предъявительские акции, и поэтому доминирование учредителей в корпорации не может быть устранено, даже если капитал вырастет до невообразимой степени. Наблюдательный совет этой новой корпорации читается как список новой немецкой элиты. Его участники — представители партии, государственные секретари Кепплер и Нойман; из военной бюрократии — генералы Томас и фон Хеемскерк; представители государственной службы, нефтедобытчики и производители синтетических нефтяных продуктов, представители угольной промышленности, банков и промышленных групп. Он возглавляется министром экономики Вальтером Функом. Наблюдательный совет — это сплав руководителей промышленных предприятий, выс-

³⁵ Отчет основан на следующих источниках: FZ. 30 March 1941. P. 15; FZ. 19 April 1941. P. 2; BA. 1941. N 7. P. 151.

³⁶ Borussia limited liability corp.; Deutsche Erdöl, A.-G.; Gewerkschaft Elwerath; Wintershall A.-G.; Preussische Bergwerks- und Hütten A.-G.; I. G. Farbenindustrie A.-G.; Braunkohle-Benzin A.-G.; Deutsche Bank; Dresdner Bank; Reichskreditgesellschaft; Berliner Handelsgesellschaft.

шего партийного руководства, представителей вооруженных сил и министерской бюрократии. Задача новой корпорации состоит в том, чтобы «управлять производством, использованием, и транспортировкой нефтяных потребностей [Германии]» («Frankfurter Zeitung»). Национал-социалистические комментаторы переполнены похвалами этому новому органу, особенно за сотрудничество между правительством и бизнесом. Они предпочитают его старой форме смешанной корпорации, в которой общественный и частный капитал совместно вступали в определенные экономические обязательства. Они полагают, что, отдав правительству влияние в наблюдательном совете, эта организация сможет лучше служить интересам Германии, чем посредством процентов правительства в капитале. Они забывают, что эта корпорация, которая, согласно ее хартии, не занимается и не будет заниматься бурением нефтяных скважин в самой Германии, и не производит и не будет производить в Германии синтетический бензин, чтобы не конкурировать с немецкими поставщиками нефти, эта корпорация имеет дело только с эксплуатацией нефти на завоеванных территориях, приобретенных трудом немецких рабочих и кровью немецкого народа. Прибыль накапливается только в этой гигантской корпорации, в которой большинство голосов — это абсолютная гарантия власти капиталистических учредителей.

Характерно и распределение французской тяжелой промышленности в Лотарингии. Пять блоков: Гекинген, Ромбах, Карлсшутте, Кнеуттинген и Хагендинген, были равномерно распределены среди пяти немецких объединений: предприятиями Штумма, Флика, Рехлинга, Клекнера и Геринга. Эти пять промышленников, правда, в настоящее время просто опекуны. Но официальное объявление добавляет, что у опекунов будет возможность приобрести их тресты после того, как будет установлен мир.³⁷

Технический прогресс и монополизация

Германизация и отчуждение еврейской собственности в пользу арийцев открыли новые области для тенденций централизации немецкого бизнеса, но не они являются реальным источником.

³⁷ Der Montanblock im Westen // FZ. 11 July 1941. О проникновении немецких банков на завоеванные территории см.: Die deutschen Banken in Kontinentaleuropa // BA. 1941, N 10. P. 214.

Монополизация — это прежде всего результат глубокого технического прогресса, начавшегося приблизительно с 1930 г.³⁸ Мы можем даже утверждать, что технический прогресс в течение прошлых десяти лет обладал такой степенью и такой глубиной, что он заслуживает названия промышленной революции. Основа этой промышленной революции — новые химические технологии. В немецкой промышленности смешанные заводы, то есть объединения железа и угля, горной промышленности, металлургии и инженерии всегда играли решающую роль.³⁹ Целью была и остается основа промышленного производства, и каждый сталелитейный завод, каждый крупный машиностроительный завод боролся за угольный базис. Очень скоро новые методы обработки угля сделали приобретение угольного базиса жизненно важной необходимостью для химической промышленности.⁴⁰ Отрасли тяжелой промышленности были сверхкапитализированы — мы постоянно подчеркивали этот факт. Их расширение, даже их дальнейшее существование было обусловлено государственной помощью и введением новых технологических процессов. Государственная помощь с готовностью предоставлялась с 1930 по 1933 г. Мы показали, что поддержание картелей и тарифной структуры в этот период и сразу же после него субсидиями было равнозначно спасению промышленной структуры. Новые технологии предоставили второе направление прогресса. Но он начинался не в государственной бюрократии; он брал начало в самом механизме капиталистического производства, опровергая веру тех, кто считает, что капитализм потерял свою динамику. Однако если новые технологии брали свое начало в пределах этого механизма, они тем менее не могли быть использованы в его рамках. Предполагаемые начальные затраты были огромны. Финансовые риски, ложившиеся на плечи предприятия, когда, например, оно предпринимало строительство нового предприятия

³⁸ См. прекрасную статью *Technological Trends and Economic Structure under National Socialism* // *Studies in Philosophy and Social Science*. 1941 (7). P. 226–264, by Dr. A. R. L. Gurland, с которым я обсуждал проблемы этой части своей книги.

³⁹ Такие, как: Krupp, Hoesch, Mannesmann, United Steel Trust, Flick, etc. cf.: *Deutsche Montankonzerne*. 1929 (*Spezialarchiv der deutschen Wirtschaft*). Berlin, 1929.

⁴⁰ Связь между химической и угольной промышленностью подробно обсуждается в: *Die grossen Chemie-Konzerne Deutschlands* (*Spezialarchiv der deutschen Wirtschaft*). Berlin, 1929.

по переработке угля, были весьма значительны. Инвестиции могли быть полностью потеряны, или же в течение многих лет нельзя было ожидать каких-либо доходов. Из этого следует, что только богатые предприятия, предпочтительно те, которые участвуют в различных видах экономической деятельности, могли рисковать такими новыми инвестициями и участвовать в новых и неиспробованных процессах. Но как только процесс стартовал в одном объединении, другие вынуждены за ним следовать. Один случай может разъяснить ситуацию. Ведущее калийное объединение, *Wintershall*, влиятельное и богатое предприятие, предприняло строительство угольного гидрогенизационного завода в то время, когда предполагаемые риски были чрезвычайно тяжелы. Оно могло позволить себе сделать это, потому что его деятельность была чрезвычайно разносторонней (калий, уголь, нефть, бурый уголь и боеприпасы). Объединение Тиссена, однако, прежде всего металлургический концерн с угольным базисом, «было близко к финансовому краху, когда ему пришлось начать строительство собственного гидрогенизационного завода (*Gelsenberg-Benzin*). Его финансовое положение стало настолько трудным, что ему пришлось отдать свои австрийские владения предприятиям Германа Геринга, таким образом готовившегося к конфискации всех владений Тиссена после его бегства из Германии. Этот пример может прояснить, почему на основе настолько монополизированной экономической системы крупные новые инвестиции часто не могут производиться без государственной помощи. По этой причине государственная помощь была востребована немецкой промышленностью, и это требование было выполнено национал-социалистическим государством. Правда, государство делало это без особого желания: «Бесконечные требования гарантий рейха — прямое *testimonium paupertatis* частной инициативы и нежелания частного предпринимательства брать на себя ответственность. Разумеется, остаются сегодня и будут оставаться и в будущем такие задачи, которые могут быть решены только как коллективные задачи. В решении таких задач частному бизнесу должно быть предоставлено широкое участие. Помимо этого та область, в которой частное предпринимательство и частные бизнесмены могут проявлять свои силы, после войны не только сохранится, но и в значительной степени расширится». Такова точка зрения министра экономики Вальтера Функа.⁴¹

⁴¹ FZ. 13 March 1941.

Новые методы обработки угля, древесины, соломы, азота, нефти и металлов, являются центральными особенностями новых технологий, и все они требуют значительных инвестиций. Кроме того, результаты новых технологий часто непредсказуемы. Химический синтез — преобразование структуры высоких молекулярных комбинаций с целью создать новые вещества, в которых молекулы, хотя и состоящие из тех же самых атомов, содержат иначе построенные группы (полимеры), то есть различные химические организации с различными химическими свойствами, которые будут использоваться в различных производственных целях. Полимеризация выполняется под давлением в сотни атмосфер, посредством чрезвычайно дорогостоящего механизма, и с неопределенными результатами. Предполагаемые финансовые расходы приводят, во-первых, к полной концентрации всех химических производств во всем мире. В качестве второго следствия, объединения, вступающие в эти новые области, требуют и получают правительственную поддержку, наращивая, таким образом, свою силу и увеличивая свою власть.

Но этот же самый процесс увеличивает также и власть всех тех объединений, которые контролируют уголь. Уголь используется для производства бензина и нефтяной продукции,⁴² для производства синтетического каучука (Буна)⁴³ и для производства пластмасс, и он также необходим при создании любого другого синтетического материала. Уголь, когда-то имевшийся в изобилии, стал дефицитом.

Новые химические технологии сделали возможной моторизацию транспортной системы и обеспечили, таким образом, все необходимое для молниеносной войны. Они потребовали огромного расширения машиностроительной промышленности,⁴⁴ и в то же самое время в значительной мере способствовали дальнейшему техническому прогрессу, например замене тяжелой стали новыми легкими металлами. В результате, если ограничиться

⁴² Gurland. Op. cit.; General Loeb // VP. 1938, N 2, and FZ. 18 April 1939.

⁴³ Согласно Gurland. Op. cit., объем производства должен быть около одной четвертой или одной трети всей потребности Германии в каучуке. См.: Chemie-Bilanz 1938 // DZ. 1 January 1939.

⁴⁴ О производстве машин см.: Hans Ilau. Der Maschinenhunger // WK. 1939 (18). P. 19–29.

только одним примером, вес дизельного двигателя в 50 лошадиных сил мог быть уменьшен со 175 кг на лошадиную силу до 60 кг.⁴⁵

Есть, кроме этого, многие технологические изменения, которые хотя и не являются новыми, но теперь выросли до значительных пропорций. Мы уже упоминали о стекольной промышленности, в которой, по оценке очень осторожного наблюдателя,⁴⁶ происходит вторая промышленная революция. Вся текстильная промышленность была реконструирована. Вискоза и целлюлоза приобрели значительный удельный вес. Теперь в больших количествах начинают производиться нити из соломы и картофельных стеблей.⁴⁷ Все это в свою очередь увеличило требования к электрической, железной, стальной и машиностроительной отраслям промышленности, которые снова расширились.⁴⁸ Этот спрос на все большее количество железа привел к образованию предприятий Германа Геринга, с которыми мы будем иметь дело позже. Но частная промышленность шла следом и также обратилась к эксплуатации низкосортных руд, таким образом еще раз изменяя металлургические процессы.

Мы не можем и надеяться дать адекватную картину технических перемен и технологического прогресса. Капитализм, конечно, не потерял своей динамики. Эра изобретений не подошла к концу. Верно, что изобретения больше не являются индивидуальными, и что изобретатель уже, как правило, — это не единственный человек, но команда тружеников, которые приняты за работу ради самого изобретения. Теперь одно-единственное изобретение не изменяет больше и технологическую модель; чаще уже целый ряд взаимосвязанных изобретений перестраи-

⁴⁵ Ibid. P. 24.

⁴⁶ *Otto Suhr*. *Umwälzungen in der Glasindustrie* // WK. 1940 (19). P. 83.

⁴⁷ О производстве целлюлозы и вискозы см.: *Friedrich Sarow*. *Zellwolle* // WK. 1938 (17). P. 263–276; и *Wochenbericht, Institut für Konjunkturforschung*. 9 March 1939 and 15 March 1939. Производство целлюлозы должно было вырасти к 1939 г. до 200 000, а к 1940 г. до 275 000 тонн. См.: *FZ*. 4 June 1939. Также: *Friedrich Dorn*. *Die Zellstoff- und Papierwirtschaft in und nach dem Kriege* // VP. 1940. N 23. P. 1033.

⁴⁸ О производстве железа, стали и алюминия см.: *Horst Wagenführ*. *Kontrollierte N. E.-[non-ferrous] Metalle auf dem Weltmarkt* // KR. 1939 (37). P. 211.

вает технологию. Технический прогресс несомненно берет начало в капиталистическом соревновании, в потребности каждого конкурента постоянно расширяться, чтобы не оказаться в состоянии застоя или не погибнуть. Капиталистическая экономика поэтому не является простой рутинной, простой административной техникой; ее изначальные движущие силы все еще работают.

Но решающее различие заключается в том, что сам процесс монополизации, дороговизна и неуверенность в техническом прогрессе сделали помощь государства обязательной. Конечно, верно, что государство может, если захочет, использовать эту ситуацию для того, чтобы национализировать по крайней мере новые отрасли промышленности. Но национал-социализм не сделал этого. Напротив, финансовая помощь, выделенная для создания новых предприятий, способствовала прежде всего прибыли давно уже занимавших прочные позиции монополистов.

Финансирование новых отраслей промышленности

Государственная финансовая помощь принимала различные формы, такие как гарантии прибыли или товарооборота, или разрешение списать инвестиции за короткий период. Эти механизмы не очень отличаются от методов, которые использует каждая современная капиталистическая система, чтобы преодолеть нежелание бизнесменов предпринимать неизвестные риски. Но Германия также развивала новые методы финансирования новых технологических процессов, которые привели к так называемому «финансированию сообществ». Его сущность — принуждение мелкого и среднего предпринимателя финансировать расширение крупного.

Новые технологии, таким образом, привели к созданию новых типов предприятий, самым поразительным примером которых является корпоративная структура новой целлюлозной промышленности. Первоначально существовали только два таких завода, один под управлением треста красителей, другой — объединения вискозы Глэнзстоффа Бемберга. Новые предприятия казались образцовыми, и их распределение по регионам было необходимо, так как потребители целлюлозы в равной мере были расселены на федеральной территории. Капитал для учреждения новых

предприятий был собран под давлением местных текстильных фабрик. Государство тогда назначило экспертов для управления новыми корпорациями, и иногда резервировало за собой небольшую долю первоначального капитала. Доли, взятые при нежелании учредителей, вскоре обернулись большой выгодой, так как они несли с собой квоту на целлюлозу и таким образом обеспечивали сырьем производителей текстиля. Поскольку многие мелкие производители текстиля приобрели акции, они были распределены справедливо и в равных долях, а совет директоров очень скоро стал действительной силой, тем более что приобретение новых акций зависело от согласия министра экономики, который использовал свои полномочия, чтобы усилить влияние объединений. В середине 1939 г. существовало одиннадцать заводов по производству целлюлозы. Очень скоро они слились сначала в картели, затем в объединения, и в течение года после основания осталось только четыре таких объединения. Помимо треста красителей и объединения Гланзстоффа Бемберга, была еще группа Фрикса, управляемая текстильным объединением Кристиана Дирича, в то время как четвертая группа все еще оставалась под властью мелких и средних текстильных фабрик.

Финансирование промышленности гидрирования бурого угля еще более поразительно. Потребность в капитале была огромной, и только богатый трест красителей мог рискнуть строительством такого завода (Леуна). Согласно указу от 28 сентября 1934 г., «было создано обязательное сообщество промышленников бурого угля, состоящее из всех шахт, где добывался бурый уголь, с ежегодным производством в 400 000 тонн или более. Сообщество тогда создало корпорацию с акционерным капиталом для производства синтетического бензина из бурого угля, так называемый *Braunkohlen-Benzin* (Брабар). К нему прикреплялось десять предприятий, в отличие от организации целлюлозной промышленности, в которой координировалась деятельность сотен фабрик. Большая десятка управляла всем производством синтетического бензина из бурого угля. За исключением двух принадлежащих государству предприятий, были представлены только сильные объединения — Wintershall, Schaffgotsch, Flick, стальные тресты и трест красителей. Наблюдательный совет Брабага также читается как список новой элиты. Партийный иерарх, государственный секретарь Кеплер был окружен представителями объединений, которые часто являлись также руководителями своих экономиче-

ских групп, банкирами, такими как Курт фон Шредер, брокер Папена и Гитлера, догадавшийся о январе 1933 г., и министерскими бюрократами — но только четыре члена наблюдательного совета являлись государственными служащими или представителями государства.

Новая технология и новые методы финансирования несомненно усугубили процесс монополизации.

Устранение мелкого бизнеса

В то время как система картелей уже устранила неэффективных и неблагонадежных бизнесменов, законодательные меры открывали фронтową атаку на неэффективных ремесленников и торговцев. Были подписаны два таких указа, один об «очищении розничной торговли» 16 марта 1939 г.,⁴⁹ другой — о выполнении Четырехлетнего плана в сфере ремесел, 22 февраля 1939 г.⁵⁰ Цели обоих указов были двойственными: укрепить позиции здорового предпринимателя и завоевать власть над трудом. Неэффективные торговцы и ремесленники могут быть принудительно ликвидированы без компенсации. Что касается торговцев, то ликвидацию осуществляла экономическая группа вместе с руководителем местной партийной организации, местная биржа труда и трудовой трест. Ремесленники «очищались» палатами ремесел. «Очищенный» торговец и ремесленник становились чернорабочими, понижаясь таким образом с уровня независимости до самой низкой ступеньки пролетариата. На съезде ремесленников 7 мая 1938 г. министр экономики Функ сообщил, что 90 448 из 600 000 индивидуальных предприятий было закрыто в 1936 и 1937 гг., и что этот процесс еще ни в коей мере не закончен («Frankfurter Zeitung», 9 мая 1938 г.). В феврале 1939 г. министерский советник д-р Мюнц упомянул о 104 000 закрытых индивидуальных мастерских и также добавил, что тенденция будет продолжаться («Rheinisch-Westphälische Zeitung», 7 февраля 1939 г.). Эти числа относятся к ситуации до принятия указов об очищении. Функ искренно заявлял, что ремесленники должны были увеличить стоимость производства путем уменьшения прибыли. Абсолютное число ремесленных предприятий снизилось

⁴⁹ SP. 1939 (48). P. 403.

⁵⁰ VP. 1939 (3).

с 1 734 000 в 1934 г. до 1 471 000⁵¹ на 1 апреля 1939 г. Иллюстрации снижения розничной торговли трудно подобрать. Но федеральный уполномоченный по углю, назначенный Герингом, чтобы повысить эффективность, заявлял, что количество мелких торговцев углем (70 000) должно быть сокращено наполовину, чтобы поднять доходность оставшихся участников торговли.⁵²

Этот процесс усугубляется мерами по регулированию цен, которые часто переносят трудности, являющиеся следствием снижения цен или ценовой стабилизации на оптового и розничного торговца, также сокращающего или замораживающего торговую наценку.⁵³

Тенденция двигалась резко вверх во время сегодняшней войны. Многие заводы в потребительских отраслях промышленности товаров (текстиль, кожа, мыло, шоколад и так далее) были закрыты. С весны 1940 г. сотни тысячи рабочих, занятых в отраслях промышленности товаров потребления, были «отчислены» и переведены в отрасли промышленных товаров и во вспомогательную армию (организацию Тодта и трудовую службу). В одном только 1940 г. 480 000 людей были таким образом освобождены.⁵⁴ Не-

⁵¹ Статистика ремесленных производств:

По годам	Регистрация новых производствен- ных предприятий	Исчезновение производствен- ных предприятий	Снижение
1936	104 234	132 109	27 875
1937	75 153	137 726	62 573
1938	59 700	122 642	62 942
Итого:	239 087	392 477	153 390

Источник: VP. 1939 (3). P. 1029.

⁵² FZ. 9 January 1941.

⁵³ Mölders. Vol. II, group 6. P. 69. Указ о ценах и торговых надбавках в торговле автомобилями и запасными частями от 18 февраля, 17 апреля, 17 ноября 1937 г.

⁵⁴ Erich Käsler. Stillegung und Wiederaufleben // DV. 1941 (15), N 35/36. P. 1254–1259. О производстве мыла см.: Указ от 6 октября 1939 г. (Mölders. Vol. II, group 6. P. 413) и постановление уполномоченного по ценам N 115/39 от 28 октября 1939 г. (Mölders. Vol. II, group 6, pl 414a), где регу-

которые из закрытых заводов получают общественную помощь на основе указа 19 февраля 1940 г., финансовую помощь, собранную экономическими группам. Другим разрешили продолжать как простым распределительным учреждениям. Они должны были оставить производство, но им разрешалось продавать товары, произведенные более эффективными заводами. Тенденция в отраслях потребительских товаров, произведенных по нормам, соответствовала таким образом тенденции в отраслях промышленных товаров, а именно устранению малого и среднего бизнеса.

Такой процесс частично желателен, если он выполняется с достаточными гарантиями. Экономическое положение непомерно раздутых распределительных агентств и мелких ремесленников действительно стало ненадежным и неизлечимым. В своей книге по социальной стратификации немецкого народа немецкий социолог Теодор Гейгер различал три социальных типа ремесел и розничной торговли: капиталистический, средний и близкий к пролетарскому. И на основе индустриальной переписи 1925 г. он обнаружил следующее соотношение между ними:⁵⁵

Ремесла: 4.5–65.5–30.0.

Розничная торговля: 2.4–65.0–30.5.

Согласно этим статистическим данным, приблизительно одна треть всех розничных торговцев и ремесленников — экономические пролетарии, хотя они все еще остаются независимыми бизнесменами. Этот антагонизм между экономической реальностью и требованием социального престижа не мог и не был решен при Веймарской республике. Национал-социализм руководствовался потребностью обеспечения согласия, по крайней мере некоторых слоев среднего класса, чтобы вернуть им прочное экономическое положение, уничтожая самые мелкие и наиболее обедневшие группы среднего класса. Каким бы горьким не было падение в страту пролетариата, и каким бы жестоким не был весь происходящий процесс, любой другой путь был невыносим. Но прибыль накапливалась не только у оставшихся слоев среднего класса, но также и у крупного бизнеса, который, замораживая или даже сокращая торговые наценки для торговцев, смог переложить неко-

лируется закрытие заводов и их преобразование в простые агентства по продажам.

⁵⁵ Geiger. Die soziale Schichtung des deutschen Volkes. Stuttgart, 1932. P. 74.

торые трудности, являющиеся следствием ценовой политики, на самые слабые группы в обществе. Весь этот процесс еще не завершен. Фактически, кажется, идет острая дискуссия относительно будущего розничной и оптовой торговли, как может быть замечено по страстной защите функции торговли генеральным директором национальной группы, которая включает в себя торговлю.⁵⁶

Структура корпорации

Правовая форма, в которой происходит процесс монополизации, — это акционерная корпорация.

Американские ученые Берль и Минс⁵⁷ показали в подробностях методы, посредством которых небольшие капиталы в состоянии господствовать над крупными объединениями. Эти механизмы были известны и практиковались в Германии с тех пор, как акционерные корпорации начали играть главную роль. Даже форма акционерной корпорации является отклонением от принципа свободного предпринимательства, и это было признано Адамом Смитом. Современная корпорация, монополистическая или нет, уже изменила функцию собственности.⁵⁸ Благодаря самой форме акционерной корпорации функция капитала отделяется от административной и таким образом создает зародыш для развития управленческой бюрократии, разрушающей сам краеугольный камень свободной конкуренции, свободного предпринимателя, который рискует своим капиталом и трудом, чтобы достичь определенных экономических целей. Однако это разделение не должно быть пагубным, пока капиталисты, акционеры, получают контроль над управлением, то есть пока корпорации являются демократическими органами. Но это не так и не может быть так. Вальтер Ратенау в небольшой брошюре под названием «Vom Aktienwesen» привлек внимание к тому факту, что демократическая структура акционерной корпорации неизбежно уступает место авторитарной.⁵⁹ В акционерных корпорациях происходят те же самые перемены, что и

⁵⁶ *Otto Ohlendorf. Kriegswirtschaftliche Gegenwartsfragen in Handel // VP. 1941 (5). P. 513–515.*

⁵⁷ *A'Berle A. and Means G. C. The Modern Corporation and Private Property. New York, 1935.*

⁵⁸ *Rudolf Hilferding. Das Finanzkapital. Vienna, 1923. P. 112.*

⁵⁹ *Rathenau. Vom Aktienwesen. Berlin, 1918.*

в политической демократии. Так же, как кабинет становится независимым от парламента, так и совет директоров устанавливает свой суверенитет над акционерами. Льготные акции, голосование по доверенности (когда доверенность уже содержится в условиях банков, в которые акционер вносит свой вклад), сам размер корпорации, который делает невозможным созыв собрания из нескольких тысяч акционеров и делает невозможным их присутствие и множество других механизмов — все это сделало акционера бессильным. Так же, как в парламенте власть отдельного депутата сменяется властью политических партий, связанных строгой дисциплиной, так и собрание акционеров уже является не дискуссией между промышленными капиталистами, а борьбой между влиятельными монополистическими группами, которые заключают сделку с управлением и поддерживают его, когда их собственные цели достигнуты.

Власть управленцев при Веймарской республике во многих случаях использовалась в совершенно эгоистичных целях, принося в жертву даже благосостояние своей корпорации и приводя к огромному уничтожению капитала. Можно дать только один намек на злоупотребления авторитарной властью управленцев. Известный пивоваренный завод *Schultheiss* в Берлине был в финансовом отношении разрушен его председателем (*Vorstand*), который с помощью банков приобретал акции своей собственной корпорации, чтобы облегчить слияние с владеющим огромным капиталом концерном, объединением фабрик, заводов, цементных предприятий и машиностроительных заводов. Пивоваренный завод должен был перенести потерю 70 000 000 марок, хотя акционеры и даже члены наблюдательного совета ничего не знали о сделке. Известная страховая корпорация Франкфурта-на-Майне была доведена до банкротства ее директорами, которые считали корпорацию простой корзиной, из которой можно брать денег столько, сколько захочется. Известный шерстяной концерн (*Nordwolle*) был также разрушен преступной деятельностью своих президентов, обошедшихся ему в более чем 200 000 000 марок. Директорат северогерманского Ллойда скупал акции в своей собственной корпорации вместе с членами его наблюдательного совета, что в дальнейшем привело к большим потерям, когда акции упали на фондовой бирже. Известный промышленник Отто Вольф продал акции своей собственной корпорации другой корпорации, за которой он осуществлял ценовой контроль, продал по завышенной стоимости, заработав сумму в 10 000 000 марок. Управ-

ляющие одного из крупнейших магазинов «Karstadt» погрязли в спекуляциях. И это только несколько примеров злоупотреблений независимостью управления от контроля в эгоистических целях.

Этот феномен также имеет глубокое политическое значение. Именно в этот период национал-социалистическая партия начала мощную пропаганду против коррупции в Социал-демократической партии, потому что некоторые из ее лидеров были, или утверждалось, что были, связаны с такими спекулянтами, как Барматц, Кутискер и т. д. Но в то время как преступная деятельность мелкой рыбешки получала огромное внимание в немецкой прессе и приводила к серьезным политическим потрясениям, действительно крупные дела о злоупотреблениях корпоративной структурой для содействия эгоистическим целям управленцев фактически не имели таких политических последствий. Кампания по борьбе с коррупцией национал-социалистической партии была направлена исключительно против еврейской и Социал-демократической коррупции.

Правление совета, под которым мы понимаем совет руководящих чиновников и наблюдательный совет, было освящено теорией «предприятия как такового»,⁶⁰ то есть проникновением индивидуалистической теории права в доктрину институционализма. Эта теория утверждает, что корпорация, если она является сильной в экономическом и социальном отношении, отличается от ее акционеров и руководящего совета, и что она представляет собой учреждение, судьба которого не должна отождествляться с судьбой людей, которые ею владеют и управляют. Ратенау, указывал, что такому, например, банку, как *Deutsche Bank*, из-за его размера и национального значения, нельзя позволить добровольную ликвидацию, так как общественный интерес требует его дальнейшей деятельности.

С точки зрения этого институционализма, право отдельного акционера было просто помехой, и впоследствии теория стала теорией отождествления предприятия с его правлением, которое было таким образом освобождено от любого контроля со стороны акционеров.⁶¹ Немецкие суды медленно принимали эту доктрину,

⁶⁰ Прекрасные замечания о немецком законе о корпорации: *Mann F. A. The New German Company Law and its Background // Journal of Comparative Legislation and International Law. November 1937.*

⁶¹ Прекрасная критика: *Arthur Nussbaum // Juristische Wochenschrift. 1932. P. 2585.*

и демократическое министерство юстиции, в своем проекте закона о новой кампании, присоединилось к представлению, что «интересы предприятия как такового столь же достойны защиты как и личные интересы акционеров». Стоит упомянуть о критике одним из выдающихся юристов Германии этого проекта и лежащей в его основе институционалистской философии.

«Удивительно видеть, как в век демократии и суверенитета народа олигархическая трактовка сущности компании нацелена на вырождение акционеров в простых *mnisera contribuensplebs*. Даже затасканная фраза о едином организме компании используется для прославления фашистской тирании правления, не говоря уже о меньшинствах, о выгоде которых — в Женеве и где-либо еще — сегодня произносятся такие благонамеренные речи. Этим бюрократическим тенденциям не может быть оказано достаточно сильное сопротивление. Они берут начало в полностью неверном принципе. Как государство, так и компания служит не своим собственным целям, но целям ее участников, а господа из правления, это не владельцы, но слуги. *L'état, ce sont nous*».⁶²

Указом президента рейха от 19 сентября 1931 г. немецкий закон о компаниях был изменен под воздействием финансовых скандалов, которые мы только что упомянули. Но указ не уничтожал власть правления. Он просто требовал больше гласности (в бухгалтерских балансах, отчетах о прибылях и убытках, и отчетах директоров). Он устанавливал обязательную ревизию имевшими специальный сертификат бухгалтерами, делал приобретение собственных акций компании более трудным и допускал обращение капитала в более легкой форме.

Национал-социалистический закон о компании 1937 г. продвигает эти принципы еще дальше. Идеология среднего класса национал-социализма осудила акционерную корпорацию и ее анонимный характер. Закон 1934 г. поэтому разрешал преобразование корпораций акционерного капитала в товарищества или в компании с ограниченной ответственностью. Закон 1937 г. предусматривал, что минимальный капитал акционерных обществ составляет 500 000 марок и что номинальная ценность акции должна составить по меньшей мере 1 000 марок. Исключения, однако,

⁶² Hans Reichel // Juristische Wochenschrift. 1930. P. 1459. Перевод из статьи Манна. О реакционном характере институционалистской теории см.: Neumann. Op. cit. P. 587–595.

допускались. Закон далее разрешал роспуск компании, правление которой «грубо нарушает закон или принципы ответственного ведения дела». «Главной особенностью нового закона, однако, было новое определение отношений между правлением и акционерами. В то время как Академия немецкого права желала ввести принцип руководства, однако, не назначаемого, но избираемого руководителя, сам закон не заходил так далеко, хотя и усиливал положение правления против «массы безответственных акционеров, которым в значительной степени не хватает необходимого понимания положения дел в бизнесе». Акционеры впоследствии потеряли большинство своих прав. Теперь отчеты обычно утверждались наблюдательным советом, если он их принимал, так как готовились они советом директоров. Собрания акционеров, таким образом, были лишены права принимать или отклонять ежегодные отчеты, если совет менеджеров и наблюдательный совет не предоставят их собранию, или если наблюдательный совет не отклонит предложение совета менеджеров. Это изменение, конечно, просто освещает практику *de facto*, так как в действительности собрания акционеров обычно были простой формальностью. Кроме того, собранию акционеров формально запрещалось решать вопросы управления. Акции большинства допускались только с разрешения федерального министра экономики.

Национал-социалистический закон, таким образом, давал юридические санкции тенденции, очевидной во всех современных корпорациях. Теперь он закладывает принесение в жертву прав акционеров в сам принцип закона о компаниях.

При национал-социализме уменьшилось число акционерных корпораций, но средний капитал, инвестируемый в каждую корпорацию, увеличился.⁶³

Нет сомнения поэтому, что новый закон о корпорациях и закон, разрешающий преобразование корпораций акционерного ка-

⁶³ Сосредоточение капитала в акционерных сообществах:

Год	Количество	Общая составляющая капитала (в миллиардах марок)	Средняя составляющая капитала (в миллионах марок)
1931	10 437	24.6	2.25
1938	5 518	18.7	3.39

Источник: WS. 1939. P. 237.

питала в товарищества существенно способствовал процессу монополизации.⁶⁴ Акционеры — это простые *рантье*. Взаимосвязанные директораты, голосование по доверенности, голоса большинства, обмен акциями, объединение прибыли, — все эти известные механизмы сделали возможным создание системы объединений, непревзойденной ни в одной стране, даже в Соединенных Штатах.

Кто такие монополисты?

Являются ли монополисты простыми менеджерами, или же они и есть настоящие частные капиталисты? Выдающимся достижением в создании индустриальной империи является достижение Фридриха Флика, индустриального *наемника*, который превзошел любого индустриального конкурента, прежде всего Фрица Тиссена. Его карьера ослепительна. Из средней немецкой сталелитейной промышленности он вскоре получил Объединенный стальной трест, Северную германскую сталелитейную промышленность (доменные печи, Любек). Он приобрел угольный базис (Харпен и Эссен), он получил контроль над базисом бурого угля (прежде Пецшек) и он, наконец, снова зарегистрировал завод.⁶⁵ Этот процесс начался в 1936 г. и достиг своей вершины в 1937 г.

Возможно, еще более удивительным является возвышение объединения Квандта, хотя его размер нельзя сравнивать с крупными объединениями. Семья Квандта, первоначально мелкие текстильные производители, вскоре пришли в машиностроение (фабрика аккумуляторов, Хаген), в вооружение и боеприпасы, а оттуда в металлургию (Dürener Metall), затем в электроэнергию, в транспорт, строительство, бурый уголь и калий. В 1939 г. его генеральный директор принял управление частью предприятий Германа Геринга.⁶⁶ Объединение являлось семейным делом, как и объединение Флика. Как это феноменальное возвышение можно объяснить, мы не знаем. Возможно, тот факт, что руководитель объединения был первым мужем г-жи Геббельс, может помочь объяснить это.

Быстрое восхождение на первый план характерно и для объединения Отто Вольфа. Вольф начал в торговле и затем приобрел миноритарные акции в Объединенном стальном тресте и в Медном

⁶⁴ *Keiser*. Op. cit. P. 154.

⁶⁵ *Ibid*. P. 137.

⁶⁶ *Freies Deutschland*. 1939 (3). 27 July.

объединении Мансфельда. Но он скоро обменял свои миноритарные акции на приобретения, за которыми он осуществлял исключительный контроль, и быстро создал королевство, если не империю. Из рук евреев он приобрел сталелитейные заводы Тале. Он тогда получил контроль над железными предприятиями Везера и над железом Бохума и сталелитейными заводами. *Аншлюс* с Австрией завершил его королевство после того, как он уже продвинулся на территорию Саара.⁶⁷ Отто Вольфф играл значительную роль уже при Веймарской республике, тесно сотрудничал с правым крылом Центристской партии, разыгрывал воспитанного и даже сочинил биографический роман об *Увре*, финансовом наемнике Наполеона. В 1937 г. его объединение достигло своей высоты.

Объединение Маннесмана известно всем, кто изучает международные отношения. При национал-социализме оно реализовывало старую мечту о своем расширении от специализированного до всеобъемлющего объединения. Оно является самым выдающимся бенефициарием от отчуждения еврейской собственности в пользу арийцев, но оно пошло гораздо дальше простого поглощения еврейской собственности. В 1935 г. его известные предприятия стальных трубопроводов приобрели металлопрокатный завод в Сааре. В 1936 г. оно завершило свои вложения в корпорацию кронпринца. В 1938 г. оно приобрело добавочные прокатные заводы.⁶⁸ Неслучайно, что его генеральный директор В. Занген является также лидером национальной промышленной группы.

Объединение графа Баллестрема⁶⁹ известно как установившее свой неограниченный контроль в железной промышленности Верхней Силезии и продвигавшееся оттуда в нижнюю Силезию и нижнюю Австрию. Из прусской земли оно приобрело оставшийся капитал заводов Верхней Силезии. Эта экспансия не давала покоя другому силезцу, графу фон Шаффгоццу, объединение которого расширило свои владения в угольной и горнодобывающей промышленности Верхней Силезии, получая прибыль в большой степени от отчуждения еврейской собственности в пользу арийцев.

Возможно, самое поразительное явление — это возвышение калийного объединения Винтершелл. Оно предоставляет убедительное доказательство, что система картелей, гарантируя различ-

⁶⁷ Keiser. Op. cit. P. 215.

⁶⁸ KR. 1939 (37). P. 448.

⁶⁹ KR. 1938 (36). P. 116.

ные виды прибыли, дала начало объединению, которое инвестировало свои сбережения в большое количество других отраслей. Даже при Веймарской республике объединение Винтершелл составляло приблизительно 50 % всего калия, произведенного в Германии. В 1936 г. оно поглотило конкурента, объединение Бурбаха, и начало проникать в нефтедобычу, очистку нефти, угольную и горную промышленность, добычу бурого угля,⁷⁰ а затем и в производство синтетического бензина. Единственный остающийся конкурент в производстве калия, объединение «Salziethfurth» пошло следом.⁷¹ Оно усилило свое положение в производстве калия, приобрело вложения Отто Вольфа в медные акции и, наконец, приступило к добыче бурого угля, опять же получая прибыль от отчуждения еврейской собственности в пользу арийцев.

Мы не можем продолжать этот рассказ. Мы даже не упомянули старые объединения Круппа, Ханиэля, Клекнера, не упомянули о концентрации промышленности в текстильной, электрической, стекольной, цементной и керамической отраслях промышленности. Неоднократно повторяется одна и та же история. Она не ограничивается производством промышленных товаров, но одинаково верна и для отраслей производства товаров потребления. В сигаретной промышленности есть одно объединение «Reemstma», которое всегда поддерживало национал-социализм и находило финансовую поддержку у Веймарской республики, которая предоставляла отсрочки от оплаты налогов на сигареты и в конечном счете отказалась от значительной суммы. Это объединение теперь производит 95 % всех сигарет.⁷² Тот же самый процесс характерен и для банковского дела, где он приобретает огромные размеры. Частные банки быстро сокращаются.⁷³ Крупные банки опять же расширяются и вскоре приходят в промышленность, разрушая таким образом национал-социалистическую теорию, что созидательный капитал не должен быть во власти финансовых компаний. Согласно оценке немецкого института

⁷⁰ KR. 1938 (36). P. 115, 234.

⁷¹ *Keiser*. Op. cit. P. 142, and KR. 1938 (36). P. 114.

⁷² *Keiser*. Op. cit. P. 147. Три завода в 1934 г. производили 83,3 % всех сигарет. См.: KR. 1938 (36). P. 235. Сигаретная промышленность защищалась указом министра экономики, запрещающим создание новых заводов, от 11 марта 1938 г. См.: KR. 1938 (36). P. 285.

⁷³ О банковской статистике см.: BA. 1941. N 4. P. 90.

делового цикла,⁷⁴ все сырье и полуфабрикаты, произведенные в Германии, и приблизительно половина всех конечных промышленных товаров, были связаны с монопольными или картельными соглашениями.

Эта монополистическая структура поддерживается не только одними генеральными директорами (*Generaldirektoren*), но также и капиталистами. Отто Вольф, Фридрих Флик и Гюнтер Квандт не менеджеры, но могущественные капиталисты. Они не *рантье*, которые в конце года сокращают дивиденды своих акций и обменивают свои дивиденды на деньги. Но и директора — это не просто менеджеры, то есть оплачиваемые служащие. Они давно приняли на себя роль самих капиталистов, инвестируя свои сбережения в акции и часто спекулируя фондами своих собственных корпораций, усиливая таким образом свою личную финансовую власть в них. Кроме того, должности директоров являются часто такими же наследственными, как и у самих капиталистов.

На данном этапе мы должны только показать, что рынки и конкуренция ни в коем случае не были упразднены. Конфликты воспроизводятся на более высоком уровне, и стимулы конкуренции остаются действующими. Поражение Тиссена — главный пример. Его экономическое падение было свершившимся фактом задолго до его бегства из Германии, которое на самом деле было, возможно, просто последствием его поражения от конкурентов, от объединения Фридриха Флика и Геринга.

Конкуренция даже усилилась из-за дефицита сырья, и само государство было вовлечено в борьбу между конкурирующими объединениями. Объединение в картели и монополизация являются не отрицанием конкуренции, но только его другой формой. Вслед за некоторыми национал-социалистическими экономистами мы можем отличить три типа экономических систем, существующих в Германии: конкурентную экономику, монополистическую экономику и административно-командную экономику;⁷⁵ и на основе нашего материала мы можем согласиться с их заключением, что монополистическая экономика — это по крайней мере столь же сильный элемент, как и административно-командная экономика. Мы можем даже пойти дальше этого заявления

⁷⁴ *Wochenbericht*, Institut für Konjunkturforschung. 1936 (9), P. 198.

⁷⁵ *Willy Neuling*. Wettbewerb, Monopol und Befehl in der heutigen Wirtschaft // *ZS*. 1939 (99). P. 279–318.

и утверждать, что картели вовсе не отрицают конкуренции, но утверждают ее. Борьба за производство или доли продаж в картеле — за сырье, за капитал, за потребителей — определяет характер, стабильность и длительность существования картеля. Верно, что чем более монополистической является система, тем менее она открыта для исследования. Завесы становятся более массивными, анонимность принимает еще более сложные формы, чем когда-либо. Но конкуренция, даже жесткая конкуренция, продолжается. Противники вынуждены сдаваться не в силу снижения цен или их губительного повышения, а в силу прекращения поставок сырья и капитала.

Предпринимательская инициатива не умерла; она столь же необходима, как и прежде, а возможно, даже еще в большей мере. Карл Ланге, главный уполномоченный по машиностроению и генеральный директор экономической группы, включающей в себя машиностроительную индустрию, при обсуждении производительности немецкого машиностроения в сравнении с Англией и Америкой,⁷⁶ снова подчеркнул тот факт, что без энергичного сотрудничества частной промышленности успех не может быть достигнут. Сила экспансионистской структуры экономики Германии — это сила экономики, полностью объединившейся в картели.

IV. КОМАНДНАЯ ЭКОНОМИКА

Однако вышеизложенная картина немецкой экономики односторонняя и поэтому неполная. Еще не была принята в расчет командная система экономики — вмешательство и власть государства. Вероятно, степень и глубина вмешательства государства в экономику могут кардинально изменить сложившуюся картину. Пять таких видов вмешательства могут разрушить наши построения: (1) непосредственная экономическая деятельность государства; (2) партии; (3) контроль цен; (4) инвестиций и прибылей; (5) внешней торговли; (6) и труда. Несмотря на то что распределение сырья, нормирование товаров народного потребления, совершенствование основ управления были уже описаны, каждое

⁷⁶ *Maschinenindustrie und Kriegspotential* // VP. 1941 (9). P. 512.

из этих шести действий заслуживает отдельного исследования для того, чтобы определить, достигла ли Германия стадии административной диктатуры или государственного капитализма; или государственная диктатура прежде всего предназначена для того, чтобы укрепить уже существующий капитализм, несмотря на фундаментальные изменения, которые являются неизбежным следствием установления диктатуры.

Экономическая политика национал-социализма может быть разделена на четыре стадии: начальная фаза, новый план Я. Шахта, Четырехлетний план и война.

В начальной стадии данная экономическая политика не очень отличалась от любой другой политики кризисного периода. Осуществлялись попытки преодолеть безработицу, стимулируя частное предпринимательство и расширяя политику создания рабочих мест предшествующих режимов.

Ряд подобных программ создания рабочих мест были начаты и в основном закончены, когда Гитлер пришел к власти: программа Брюнинга — июнь 1932 г. (165 000 000 марок), программа Франца фон Папена — июнь и сентябрь 1932 г. (280 000 000 марок), 600 000 000 марок экстренной программы Герике в январе 1933 г., которая была заменена национал-социалистической программой Рейнгардта общей стоимостью 1 070 000 000 марок.¹ Целью всех этих программ было преодоление безработицы путем стимулирования восходящей тенденции предпринимательского цикла, «зажечь первую искру», то есть вложить деньги, — после чего частное предпринимательство будет в состоянии продолжить эту тенденцию. Общественные работы, государственные субсидии, налоговые льготы и трудоустройство рабочих за пределами частной промышленности были средствами, которые применялись. Основная часть денег была вложена в градостроительство. Были созданы новые государственные финансовые учреждения, что дало возможность финансирования путем выдачи кредитов, налогообложения и увеличения объемов кредитования. Нет сомнения во временном успехе этих мер. Государственные инвестиции, несомненно, стимулировали производство промышленной продукции, а с ним экономику в целом.

¹ Прекрасный обзор программ: *Leo Grebler. Work Creation Policy in Germany 1932–1935* // *International Labour Review*. 1937 (35). P. 331–351 и 505–527.

Но, возможно, столь же важным, как и политика создания рабочих мест в узком смысле этого слова, было укрепление монополистических позиций, которые мы уже рассмотрели, и открытые или скрытые субсидии, вложенные в промышленность,² которые были нацелены на подъем промышленных доходов. Инвестиции для замены старого промышленного и сельскохозяйственного оборудования были освобождены от налогов (акт от 1 июня 1933 г.), поэтому предприниматель мог сразу же сократить налогооблагаемые доходы на величину новых инвестиций. Неуплаченные налоги могли быть списаны, если новые инвестиции были сделаны, и новые индустриальные единицы получили налоговые привилегии для развития новых методов производства (15 июля 1933 г.). Владельцы домов получили субсидии и были освобождены от налогов для ремонта, в то время как промышленность в целом получила более доступные кредиты. Чтобы поднять покупательную способность и стимулировать производство, недавно зарегистрированные автомобили и мотоциклы были освобождены от транспортного налога (10 апреля 1933 г.), в то время как владельцы старых автомобилей могли погасить налоговые обязательства единовременным платежом. Брачные кредиты, которые мы уже обсудили, попали в эту категорию, и целый политический картель (обсужденный ранее) обслуживал эту цель. Все эти усилия были, несомненно, успешны, как и в почти каждой стране, где они были применены. Национальный доход повысился с 45 175 000 000 марок в 1932 г. до 58 660 000 000 марок в 1935 г., то есть на 24.7 % (см. примечание 113 на с. 435). Стоимость производства повысилась на 63.2 %, в то время как товарооборот в розничной продаже увеличился только на 11 %.³ Безработица была уменьшена поглощением труда промышленностью, в программах общественных работ, в трудовом обслуживании, и в обслуживании земли, но цены начали расти, таким образом, подвергая опасности успех всего плана.

Созрел ли бы этот начальный успех в настоящий бум, невозможно сказать; к концу 1934 г. политика создания рабочих мест была затенена новой фазой немецкой экономики, начало экономики боевой готовности.

² Хороший обзор: *Gerhard Mackenroth. Deutsche Industriepolitik 1933 // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1934 (140). P. 54–70 и 204–224.*

³ *Grebler. Op. cit. P. 518.*

24 сентября 1934 г. пошел в ход план Шахта по управлению импортом. 5 ноября 1934 г. был создан главный офис комиссара рейха по регулированию цен. Ведомство существовало до 1 июля 1935 г. 30 января 1935 г. Шахт следовал за Шмидтом как министр экономики, и 16 марта 1935 г. была введена воинская повинность. 21 октября 1935 г. Германия покинула Лигу Наций, таким образом заявив о своем намерении восстановить свое довоенное положение или с помощью, или перед лицом оппозиции со стороны крупных держав, а на партийной конференции в сентябре 1936 г. был провозглашен Четырехлетний план.

1. Национализированный сектор⁴

Действительно ли административно-командная экономика заменила конкуренцию и монополию? Главный среди этих вопросов — предпринял ли фактически национал-социализм национализацию бизнеса. Была ли прямая экономическая деятельность государства увеличена до такой степени, чтобы сделать его решающим фактором? Если бы это было так, то государственный капитализм действительно бы действовал в Германии. Но это, конечно, не так. Государственная доля в предприятиях коммунального обслуживания, промышленном производстве, транспортировке и страховании всегда была большой — тогда больше чем в любой другой стране. Организационные формы отличаются — мы не касаемся их здесь. Государство реализовывало свою экономическую деятельность в соответствии с публичным правом или в соответствии с частным правом, как государственное учреждение или как частная корпорация, или иногда в форме смешанной корпорации, в которой участвовал государственный и частный капитал. Федеральное правительство, земли, области, муниципалитеты и ассо-

⁴ Две главные работы на тему общественных предприятий в республиканской Германии: *Walter Pahl and Kurt Mendelsohn* (eds). *Handbuch der öffentlichen Wirtschaft*. Berlin, 1930 (публикации социал-демократического союза транспортных и муниципальных рабочих); and *Julius Landmann* (ed.). *Moderne Organisationsformen der öffentlichen Unternehmung*. Part II. Deutsches Reich. Munich and Leipzig, 1931 (*Schriften des Vereins für Sozialpolitik*. Vol. 176). Мое мнение основано в первую очередь на первой публикации, потому что она является более всесторонней и потому, что я участвовал в ее подготовке.

циации муниципалитетов были и все еще являются субъектами, которые продолжают эту экономическую деятельность.

Железные дороги являлись федеральной монополией с капитальным оборудованием, оцениваемым в 25 780 000 000 марок, и обеспечивали рабочими местами 713 119 человек в 1929 г. Почта и телеграфные услуги — также федеральные монополии стоимостью в 2 334 000 000 марок и создавали рабочие места для 331 766 человек. Федеральное правительство управляет каналами и воздушными перевозками. Федеральная монополия железных дорог, почты и телеграфа — традиционная немецкая политика, которой не препятствует какая-либо социальная группа, будь то промышленники, или средний класс, или трудящиеся. Подобное государственное управление не являлось второстепенным по отношению к предпринимательскому владению, а по крайней мере в одном отношении было намного лучше, так как оно могло и действительно учитывало интерес общества в целом. Поэтому в сфере железных дорог и почтовой службы позиции федерального правительства всегда были вне конкуренции.

Но вскоре федеральное правительство проявило активность в сфере промышленности, отчасти по необходимости, отчасти случайно. Например, до 1914 г. Германия не имела собственного производства алюминия, импортируя его из Швейцарии и Франции. Первая мировая война помогла появиться мощной немецкой алюминиевой промышленности. При помощи нескольких частных промышленных предприятий, которые осуществили обеспечение финансами и электроэнергией, в 1917 г. было основано Объединение алюминиевых заводов с капиталом 50 000 000 марок, наполовину профинансированных рейхом, наполовину — частными инвесторами. Мировая война закончилась прежде, чем все заводы полностью заработали, а международная конкуренция угрожала доходности новых алюминиевых заводов. Частные промышленники испугались и продали свои акции рейху, так что в итоге в период Веймарской республики фактически целиком производство алюминия в Германии осуществлялось одной правительственной корпорацией. Несомненно, что эта корпорация управлялась с отмеченной эффективностью. Будучи производителем алюминия, федеральное правительство вскоре было вынуждено войти и в область электроэнергии.

Во время Первой мировой войны были построены заводы по синтезированию азота. Здесь также промышленники не хотели и

не были способны рисковать такими огромными инвестициями и отказались от расширения. Поэтому федеральное правительство построило собственные заводы, но предоставило управление ими в частные руки (соглашение от 31 марта 1915 г.).

Наконец, после Первой мировой войны существовали остатки производства вооружения военных служб. Они были скоординированы в *Deutsche Werke, A. G.* (акционерное общество) (1920 г.). Федеральное правительство также приобрело ряд промышленных холдингов и кроме того создало собственный банк — правительственный промышленный банк (*Reichs-Kreditgesellschaft*). Все эти холдинги были в конце концов соединены в одной холдинговой корпорации, известной под кратким наименованием *Viag* (Объединение промышленных заводов).

Но это — только небольшая часть всей сферы государственного предпринимательства. Земли и муниципалитеты шли следом. В то время как федеральная правительственная империя была построена прежде всего на электроэнергии, Прусское объединение строилось прежде всего на угле, сконцентрированном в одной холдинговой корпорации, *United Electricity and Mining Corporation* (сокращенное имя *Vebag*), с капиталом 250 000 000 марок в 1929 г. Четыре промышленные группы были присоединены к *Vebag*, все они соприкасались с другими промышленными областями. Другие земли расширялись похожим образом, особенно Саксония. Как правило, муниципалитеты владели предприятиями коммунального обслуживания, газом, водой, часто электроэнергией, автобусами, трамваями и услугами метро.

Широко распространенная система государственного страхования, земельные и лесные холдинги, оздоровительные и спортивные организации, молочная розничная торговля и так далее иллюстрируют степень, до которой государственный сектор расширился при Веймарской республике. Нет ни малейшего сомнения, что эти предприятия были успешны. Их успех восходит к эффективности министерской бюрократии и к тому пылу, с которым профсоюзные работники посвятили себя муниципальным предприятиям, близким их сердцам.

Что произошло с национализированным сектором при национал-социализме?

Изменения не были фундаментальными. Но во многих случаях национализированный сектор был ограничен. Холдинги рейха вернулись к своим предыдущим владельцам. В течение последних

лет существования Веймарской республики *Viag* приобрел акции *Steel Trust* и *Dresdner Bank*, чтобы спасти акционеров от крушения. Несмотря на то что эти акции были выкуплены по цене много выше рыночных котировок, они были проданы первоначальным владельцам с убытком для государства. *Viag* также продал корпорацию *Rheinmetall-Borsig* в распоряжение Германа Геринга. «Frankfurter Zeitung» от 1 января 1941 г. объявила, что полное восстановление морских судоходных линий частными владельцами является объектом серьезного внимания. Их акции были приобретены федеральным правительством, чтобы спасти их от банкротства. Кроме этой тенденции, которая просто указывает, что национализация никогда не была целью национал-социализма, несмотря на программу партии, национализированный сектор не претерпел никаких изменений. 31 марта 1937 г.⁵ уставный капитал немецких акционерных обществ и объединений с ограниченной ответственностью составлял 23 300 000 000 марок, в то время как корпорации, принадлежащие государству и управляемые федеральным правительством обладали уставным капиталом 1 774 000 000 марок, то есть приблизительно 7 % указанной суммы (без учета железных дорог, почтовой службы, телеграфа и дорог). Но еще более важным является распределение капитала, инвестируемого в принадлежащие государству корпорации, среди различных отраслей экономики. Только 345 000 000 марок было инвестировано в холдинговые корпорации, 509 600 000 в тяжелую промышленность (299.8 миллионов в шахты, 79 в гидроэнергетику, 75 в машины и вооружения), в то время как 611 000 000 были инвестированы в предприятия коммунального обслуживания. Совокупный капитал всех муниципальных предприятий Германии составил в 1936 г. всего 1 553 000 000 марок.

В то время как национализированный сектор, конечно, не вырос за счет частного, то, чем ранее управляли государственные органы, теперь находилось под объединенным контролем государственных и частных управленцев. Кажется, нет причины для изменения; оно происходит исключительно от более, чем когда-либо, близкой связи между частными капиталистами и государством. В наблюдательном совете *Viag*, например, мы находим Круппа, представителей *Aryanized Berliner-Handelsgesellschaft* (банк) и других банкиров. В *Reichs-Kreditgesellschaft* наблюдательный совет

⁵ SJ. 1938. P. 525.

входят только два чиновника; остальные — представители частной промышленности и банков. В некоторых управленческих объединениях прусской холдинговой корпорации мы находим подобные примеры.

Мы можем подвести итог, сказав, что нет причин говорить о национализации в Германии — напротив, есть определенная тенденция, далекая от национализации. Все позиции в промышленной сфере, удерживаемые государственными органами, были закреплены до национал-социализма. Везде, где они расширились, они сделали это под давлением экономической необходимости. Частный капитал, конечно, не угрожал и не уничтожал государственный — напротив, в контроле государственных корпораций он играл решающую роль.

2. Партийный сектор⁶ (объединение Геринга)

Рядом с национализированным сектором с 1937 г. с удивительной скоростью возникает партийный сектор, включающий: (1) объединение Германа Геринга; (2) фонд Густлоффа; (3) торгово-промышленные объединения трудового фронта; (4) предпринимательскую деятельность партии (издательская, печатная, с недвижимостью).

Создание партийной экономики следует по знакомым образцам американских бандитов, которые, накопив деньги путем шантажа и «защиты», реализовывают свои стремления стать честными, вступая в законный бизнес. В июне 1937 г. было основано гигантское промышленное предприятие, которое теперь занимает первое место в немецкой промышленной структуре. Сначала оно назвалось *Reichswerke, A. G. für Erzbergbau und Eisenhütten, Hermann Göring*, с капиталом 75 000 000 марок.⁷ Когда были основаны предприятия Германа Геринга, это событие сразу проинтерпретировали как шаг к национализации немецкой железной

⁶ О предприятиях Германа Геринга есть две отличные статьи: A. R. L. Gurland (написанная под псевдонимом R. Lang) // *Freies Deutschland*. 30 March and 6 April 1939. На английском: Kurt Lachmann. *The Hermann Göring Works* // *Social Research*. 1941 (8). P. 24–40.

⁷ KR. 1939 (37). P. 513.

промышленности, но немецкие чиновники сразу выступили резко против такой интерпретации, и генерал-майор фон Ханнекен, директор главного отдела II в министерстве экономики и главный делегат от черной металлургии, объявил 10 января 1938 г. перед избранным собранием производителей железа, что «работы будут начаты как можно скорее» частными промышленниками,⁸ хотя пять дней спустя это заявление было опровергнуто. То, что это не отрицалось, было подтверждением того, что у федерального правительства никогда не было намерения «вступления в невыносимое соревнование» с частной промышленностью. Учредители первоначально намеревались использовать низкосортную железную руду, которой частная промышленность предположительно не хотела касаться, но которая ввиду четырехлетнего министерского плана была необходима для того, чтобы заполнить пробел в поставке. Согласно декрету от 23 июля 1937 г. в Зальцгиттере (около Брауншвейга) права на добычу полезных ископаемых составили единый комплекс и был создан государственный концерн имени Германа Геринга для добычи руды, строительства коксовых печей и комплексных сталеплавильных заводов. В ходе реализации этой программы предприятия Геринга, несомненно, создавали что-то новое, даже если эта инициатива была просто временной мерой на период милитаризации и войны.

Однако предприятия Геринга не остались в рамках начальной программы; фактически, они вскоре отошли от нее и превратились в бандитскую организацию, целью которой было обокрасть и ограбить столько организаций, сколько было возможно в каждой отрасли промышленности. Правда то, что предприятия Геринга действительно открыли новый железо- и сталеплавильный завод в Брауншвейге. Производство руды в 1938 г. составило 413 000 тонн, а к концу 1939 г. были открыты две первые доменные печи, использующие новую технологию плавления.

Но наибольшее расширение было осуществлено после завоевания Австрии. В июне 1938 г. предприятия (Геринга) приобрели огромные склады станков, вооружения, автомобилей, а также заводы по производству железнодорожных вагонов и шахты. В марте 1939 г. крупнейшее промышленное предприятие Австрии *Alpine Montan* было изъято у Ф. Тиссена. Расширение предприятий Германа Геринга до их существующих границ было фактически вы-

⁸ DZ. 12 June 1938.

полнено за счет Тиссена, так же как и империя Ф. Флика едва ли была бы мыслима без падения Тиссена. Грабеж имущества *Alpine Montan* — в целом нелепый эпизод, начиная с объединения, которое никогда не приносило высоких прибылей — был поддержан Тиссеном по патриотическим соображениям при больших убытках и всегда оставался острием антипрофсоюзного движения и национал-социализма в Австрии. Ряд австрийских предприятий был конфискован у государства, в то время как *Viag* с железными месторождениями и уже упомянутым *Rheinmetall-Borsig* достался предприятиям Германа Геринга. Так предприятия Геринга вошли в прямую конкуренцию с Крупном в производстве вооружения. Прусское государственное объединение снабдило предприятия Геринга угольными шахтами, и, наконец, что не менее важно, экспроприация Тиссена предоставила изумительную возможность для присвоения угольных объединений Тиссена и других холдингов, которыми поначалу управлял глава округа Й. Тербовен, ставленник Геринга, который был позже назначен федеральным комиссаром Норвегии.

Австрийские трофеи были моментально освоены, начальная цель предприятий Германа Геринга была опущена. Ведущая газета⁹ объявила, что неправильно было полагать, что предприятия Геринга намеревались построить новый центр горной промышленности. Национальная задача была оставлена, как только трофеи были собраны. Проводить расширение предприятий было бы трудно. Судетская область, территории, находящиеся под протекторатом, Норвегия и Румыния предоставляли новые возможности.

Прогресс объединения удивителен. Ведущий немецкий экономический журнал¹⁰ писал: «Предприятия Германа Геринга в короткие сроки прошли все те стадии, которые частной железной промышленности пришлось преодолевать несколько десятилетий. Сегодня все еще остается только одно существенное различие: в то время как частные железные объединения избавляются от собственных угольных и коксовых баз, предприятия Геринга, за исключением буроугольных шахт *Alpine Montan* и своего старого юго-восточного партнера Дунайского пароходного объединения, получают свой уголь извне». Начиная с экспроприации Тиссена это «существенное различие» прекратило свое существование.

⁹ DAZ. 2 March 1939.

¹⁰ DV. 1939, N 23.

Структура объединения не определена никакой экономической необходимостью. То, что разработка железной руды требует владения доменными печами, сталелитейными заводами, и угольными базами, понятно. Но предприятия Геринга включают машиностроение, снаряжение, транспортировку, отгрузку, финансы, автомобили, поташ (углекислый калий), нефть, строительство — короче, они проникают почти во все сферы экономики. Снова верно, что почти каждое немецкое объединение расширилось в этих направлениях. Но частные объединения обычно делают так, потому что они становятся сверхобеспеченными, как предприятия Гуго Стиннеса во время инфляции 1923 г. Но предприятия Германа Геринга расширились сразу после их возникновения — не накапливая никаких сбережений.

Как тогда были профинансированы эти приобретения? Очень мало известно о методе, но немного мы знаем: частично это был простой грабеж в форме конфискации (особенно в отношении Тиссена), а частично обмен акциями или имуществом. Кто дал деньги? Налогоплательщик и частная промышленность. Из 400 000 000 марок капитала, который предприятия Германа Геринга имели в 1939 г., 245 000 000 марок были выделены рейхом, а 155 000 000 должна была выписать частная промышленность, особенно железообрабатывающие заводы, которые были вынуждены приобрести акции на сумму 50 марок на каждого сотрудника.

Эти акции не получают каких-либо дивидендов, пока сталелитейные заводы в Зальцгиттере полностью не закончены и у их обладателей нет права на участие в голосовании до 1943 г. В 1948 г. правление предприятий Геринга может выкупить эти акции. Таким образом, финансирование было типичным случаем бандитизма. Железная промышленность должна была платить деньги за защиту и финансировать своего собственного конкурента.

То, что частная промышленность и Шахт не были в восторге от нового предприятия, хорошо известно.¹¹ Но угроза конфискации слишком велика, чтобы быть проигнорированной. Кроме того, неизвестно, сколько большие объединения — Флик, Вольф, Маннесман, красивый трест, трест Wintershall — получили прибыли от сотрудничества с предприятиями Германа Геринга.

Объединение Германа Геринга сейчас имеет следующую структуру. Оно состоит из трех действующих объединений, кото-

¹¹ FZ. 31 October 1937.

рые управляются холдинговой корпорацией. Надо понимать, однако, что три эти действующие корпорации представляют в свою очередь сеть из многих дочерних предприятий. Самая важная действующая корпорация — уже упомянутая *Reichswerke A. G. für Bergbau und Hüttenbetrieb, Hermann Göring*, с капиталом 560 000 000 марок и запасом в 118 000 000 марок. Она включает в себя главным образом шахты и литейные заводы. Вторая действующая корпорация называется *Reichswerke A. G. für Waffen und Maschinenbau, Hermann Göring* (оружие, боеприпасы, машины), с капиталом 80 000 000 марок и 13 500 000 резерва. Самой маленькой является *Reichswerke A. G. für Binnenschifffahrt, Hermann Göring* (каналы и суда), с капиталом 12 500 000 марок и запасом в 11 500 000 марок.¹² Холдинговая корпорация называется *A. G. Reichswerke, Hermann Göring*, была оснащена начальным капиталом в 100 000 000 марок, теперь выросла до 250 000 000 марок.

Каковы же основания этого гигантского предприятия? Сравнение с бандитскими организациями проясняет проблему. Национал-социалистический бюрократический аппарат был не в состоянии проникнуть в укрепления, отстаиваемые министерской и промышленной бюрократией в национализированном секторе. Колоссальное влияние этих двух групп все еще так же прочно, каковым оно было в период Веймарской республики. Партия не в состоянии проникнуть в частный сектор, которым, в целом, управляет та же самая группа людей. Партия не преуспела в вытеснении власти бюрократии в армии и во флоте, в судебной системе и в правительстве. Партия управляет только полицией, молодежью и пропагандой.

Но этого недостаточно. Бандит может выжить, только если он станет благородным. Один только террор может не дать ему достаточной безопасности. Только экономическая основа, обеспечивающая его устойчивым доходом и предоставляющая ему прочное социальное положение, откроет для него путь в общество. Предприятия Германа Геринга составляют попытку партии обеспечить экономические основы для государственного управления. Учреждение предприятий было экономически ненужным с самого начала. Использование низкосортной железной руды не привилегия предприятий Германа Геринга.

Два других объединения, профинансированные и организованные частными промышленниками, делают то же самое. Наше-

¹² FZ. 18 January 1941.

ствие Германа Геринга на частный промышленный сектор — политическое, не экономическое явление. Это намерение обеспечить и укрепить политическую власть партийной бюрократии. Оно открывает новые карьерные пути для партийных деятелей. Оно создает новые доходные статьи для партийной иерархии, и это позволяет им удерживать лидирующие позиции как в промышленности, так и в госаппарате. Более конкретно, в партии это крыло Геринга пытается проложить путь в высшее общество, и для достижения этого оно ни перед чем не остановится. Это станет ясно, когда мы изучим персонал корпораций.

Кто их руководители? Наблюдательный совет холдинговой корпорации возглавляется госсекретарем Паулем Кернером. Родившийся в 1893 г., он изучал право, не закончив его изучение, является членом партии с 1926 г. и поднялся до положения высокого начальника СС, член герингова прусского государственного совета, член рейхстага и постоянный заместитель Геринга как уполномоченного по Четырехлетнему плану. Другие участники — госсекретарь доктор Лэндфрид, имя которого встречается снова и снова во многих объединениях и ведомствах: родившийся в 1884 г., сын богатого торговца и изготовителя, он, адвокат по профессии, который служил в армии, вошел в прусскую администрацию в 1920 г. и быстро поднялся. Он — абсолютно надежный член партии. Мы находим министерского советника Биркенфельда из министерства финансов; Ганс Керль, родился в 1900 г., текстильный изготовитель, президент экономической палаты, лидер текстильной промышленной группы и окружной экономический советник партии; Карл Ланге, немецкий машинный диктатор; и Томас, один из руководителей военного сектора экономики. Два руководителя холдинговой корпорации — Ренерт, прежде с объединением *Quandt*, и доктор Гвидо Шмидт, бывший австрийский министр иностранных дел, поспособствовавший переходу Австрии к национал-социализму. В действующей корпорации № 1 мы имеем еще более высокий коэффициент партийных иерархов; помимо Кернера и Кепплера, есть премьер-министр Браншвейга, Дитрих Клаггес, родившийся в 1891 г., учитель начальной школы и старый партийный функционер. Руководители — Пауль Плейгер, мелкий производитель железа, окружной экономический советник партии; и член государственного совета Вильгельм Майнберг, родившийся в 1898 г., член партии и «коричневая рубашка» с 1929 г., руководитель национал-социалистической крестьянской органи-

зации. В действующей корпорации № 2 руководитель — доктор Вильгельм Фосс, дипломированный бухгалтер и старый партийный функционер. В *Alpine Montan*, связанной с действующей компанией № 1, мы имеем в наблюдательном совете Кернера, братьев Эйгрубер (австрийские национал-социалисты), Керля, Кепплера и Ренерта, баварского премьер-министра Людвига Зиберта (адвокат по профессии, старый национал-социалист) и некоторых других бюрократов. Влияние представителей партии, таким образом, подавляющее.

В то время как правовой статус объединения Геринга — корпорация, управляемая государством, существует другое промышленное объединение, которым даже по закону полностью управляет партия, а именно предприятие Густлоффа, основанное на ариизированной собственности — оружейном заводе в Зуле. В честь Вильгельма Густлоффа, агента национал-социализма в Швейцарии, который был застрелен в 1934 г., партия основала фонд Вильгельма Густлоффа, который скоро превратился в весьма немаловажное промышленное объединение, состоящее из шести корпораций — среди них известный австрийский завод по производству боеприпасов *Hirtenberg*. Этим объединением управляет исключительно партия, а конкретно глава Тюрингии Фриц Заукель, который был связан с расистскими организациями с 1919 г. Средства этого фонда в тени, так как он не афишировал свои балансовые ведомости или отчеты прибылей и убытков. Это предмет исключительно подконтрольный партийной иерархии.

Одинаково удивителен рост предпринимательской деятельности немецкого трудового фронта. Немецкий трудовой фронт теперь управляет следующими предприятиями:

1. *The Bank of German Labour* (Банк немецкой Лейбористской партии), с балансом в 513 000 000 марок и 34 отделениями в 1938 г.; теперь занимает место среди четырех крупнейших немецких банков.

2. *The German Ring* — страхование жизни и здоровья.

3. *Volksfürsorge* — популярное страхование жизни.

4. *The German Ring* — австрийская страховая компания.

5. *Gehag* и *Einfa* — строительная и обслуживающая корпорации.

6. 26 строительных и обслуживающих корпораций под именем *Neue Heimat*.

7. *German Building Corporation* (Немецкая строительная компания) — строительная фирма.

8. 16 печатных и издательских домов, среди них известные профсоюзные книжные гильдии.

9. *The People's Car Works* (Народные автомобильные заводы);

10. *The People's Tractor Works* (Народные тракторные заводы) — только на предварительной стадии.

11. *German National Theatre Corporation* (Немецкое национальное театральное объединение).

В 1938 г. он управлял 65 корпорациями¹³ — большинство из них (за исключением № 9 и 10) украдены у профсоюзов. В 1941 г. трудовой фронт, наконец, забрал потребительские кооперативы, оба оставшихся на своей территории и в Австрии.¹⁴

Расширение страхования трудового фронта получило огромный стимул согласно декрету, предписывающему всем профессиям, не покрытым федеральным социальным страхованием, быть застрахованными. Львиная доля пошла в *German Ring* трудового фронта.

Такое ли развитие есть отрицание капитализма? Я не верю в это. Напротив, это выглядит как подтверждение живой мощи капиталистического общества. Поскольку оказывается, что даже в однопартийном государстве, которое позиционирует себя доминирующим в экономической сфере, политическая власть без экономической мощи, без твердого места в промышленном секторе, сомнительна. Нет сомнения, что немецкому капитализму не нравится такое развитие. Нет сомнения, что этот процесс усилил недоверие, при котором старая бюрократия и промышленные лидеры поддерживают национал-социалистический бандитизм, который меньше, чем за четыре года, создал самую большую промышленную империю Европы путем конфискаций, прямого воровства и шантажа.

3. Регулирование цен и рынок

Утверждение, что рынок был заменен административным регулированием, в большой степени основано на существовании регулирования цен. Утверждается, что есть система административных цен, которые определяются сверху, а не механизмом рынка.

¹³ SP. 1939 (48). P. 1070.

¹⁴ SP. 1941 (50). P. 215.

Бесспорно, что потенциальная и фактическая власть государства над ценами возросла. Регулирование цен существует и в целом является эффективным. Но отменяет ли модель контроля деятельность рынка или вновь возникают механизмы рынка в другой форме в системе регулирования цен — это более важная проблема. Мы не можем в этой книге надеяться представить всесторонний анализ мер регулирования цен, их действие и экономические следствия. Постановлений, распоряжений, инструкций и решений насчитываются тысячи. Все, что мы можем сделать, так это дать краткий очерк организационной структуры и представить сжатый обзор принципов и действующих механизмов.

Правовая основа регулирования цен — исполнительный акт Четырехлетнего плана от 29 октября 1936 г., создающий канцелярию федерального специального уполномоченного по формированию цен. «Для контроля над образованием цен на товары и услуги любого вида, особенно для нужд повседневной жизни, для всего сельскохозяйственного и промышленного производства, и для транспортировки товаров и предметов потребления любого вида и для других компенсаций, назначается федеральный специальный уполномоченный». Предметом его власти являются: цены за предметы потребления и услуги любого вида; арендная плата; транспортные тарифы; гонорары докторов, дантистов, и адвокатов; входные билеты в театры, кино и концертные залы, взносы организаций; почтовые взносы и плата за проезд по железной дороге; комиссии и плата за обучение в школе; весь сектор сельскохозяйственных цен за исключением оплаты труда, которая подвергается особому регулированию. 3 июня 1939 г. был издан уголовный указ, который требовал тюремного заключения (до пяти лет) и штрафов без ограничения за умышленное, намеренное или халатное нарушение закона и постановлений специального уполномоченного по ценам.

Специальный уполномоченный по ценам Йозеф Вагнер (смещенный и замененный д-ром Фишбеком, ранее президентом Австрийского кредитного банка, затем главой экономического отделения в Голландии), национал-социалистический окружной лидер и провинциальный президент, объяснил свои функции в речи,¹⁵ которая интересна его обещанием не применять насилие в экономике; его взглядом, что спрос и предложение больше не регулируют цены, его желанием тесного сотрудничества с группами и

¹⁵ Mölders. Vol. II. P. 5–12.

палатами и его настойчивым утверждением, что ценовая политика должна обеспечить жизненный уровень больших масс.

Специальный уполномоченный по ценам выполняет свои функции либо непосредственно, либо через две различные региональные организации: учреждения формирования цен и контроля за ценами. Первое прикреплялось к прусским провинциальным президентам, федеральным регентам или к другим высшим административным учреждениям; последнее прикреплялось к главам районов и другим административным органам. Грубо говоря, первое устанавливало цены, последнее следило, чтобы постановления специального уполномоченного по ценам и учреждений, формирующих цены, были выполнены.

Основной целью любой такой ценовой политики должно быть, конечно же, предотвращение инфляции и обеспечение жизненного уровня больших масс людей. Инфляция в Германии — в отличие от Соединенных Штатов — возможно, была следствием экономики военного времени, поскольку достаточного уровня снабжения жизненно необходимыми потребительскими товарами не было и нет. В силу того, что действительные потребности далеко превосходят доступное снабжение, всестороннее регулирование цен кажется неизбежным. С этой целью первым решающим указом специального уполномоченного по ценам была так называемая «заморозка цен» (остановка роста цен), устанавливаемая 26 ноября 1936 г.¹⁶ Рост цен на товары и услуги выше уровня 18 октября 1936 г. был запрещен. Цены, какими они были на эту дату, замораживались. Тем не менее указ уполномочил канцелярии по ценам делать исключения, которые вскоре стали правилом. Обычно специальный уполномоченный по ценам принимал решения об исключениях на тарифы коммунальных предприятий, если они действовали на всей федеральной территории, на изменения цен организаций, включая продовольственное сословие, на все цены картелей и на особые случаи важного значения. Все другие исключения должны предоставляться формирующими цены канцеляриями.¹⁷

Мы не сможем проследить развитие ценовой политики в соответствии с Четырехлетним планом и сконцентрируемся полностью на ценовой политике, осуществляемой во время войны.

¹⁶ Ibid. P. 17–17a.

¹⁷ Постановление № 60/39 от 29 июня 1939 г. // Mölders. Vol. II, group 6. P. 20c–20f.

Основное постановление, которое многого не объясняет, — это указ о военной экономике от 4 сентября 1939 г. (разделы 22–28). «Цены и компенсации за товары и предметы потребления любого вида должны рассчитываться согласно принципам экономики, ведущей войну».¹⁸

Чтобы понять действие мер по регулированию цен, должны быть сделаны следующие различия, поскольку, несмотря на указ о замораживании цен, существовало несколько типов цен, по-другому вычисляемых и по-другому контролируемых. Мы можем различать так называемые «связанные» цены, то есть согласованные цены (картелями или аналогичными соглашениями), нерасчетные цены, расчетные цены и цены за правительственные заказы.

Связанные цены, которые устанавливались картелями или сходными соглашениями, были предметом особого обращения с 1934 г. Указ от 12 ноября 1934 г. (исправлен 11 декабря 1934 г.) уже требовал согласия специального уполномоченного по ценам для новых ценовых соглашений и для изменений в существующих соглашениях. Дополнительный указ от 29 марта 1935 г. требовал предварительного согласия для любой договоренности среди претендентов на общественные работы. Все это законодательство было заменено и кодифицировано в указе от 23 ноября 1940 г., вступившем в силу с 12 марта 1941 г.¹⁹ Указ признавал деятельность картелей по регулированию цен и намеревался только предотвращать злоупотребления, те, которые будут противоречить национал-социалистическим нравам. Принципы этого указа заключаются в том, что частные ценовые соглашения должны обеспечить достаточную прибыль экономически необходимым заводам. Они должны поэтому сделать возможным существование хороших, среднего размера предприятий, давая им адекватную прибыль и предотвращая безграничную конкуренцию; кроме того, они должны обеспечивать хорошему предприятию «премию за эффективность». Характерная прибыль, присущая каждой структуре картеля, так называемая рента картеля поэтому признается, но она, как предполагается, используется, чтобы улучшить эффективность

¹⁸ Posse. Vol. I. Kriegswirtschaftsverordnung. P. I.

¹⁹ Mölders. P. 451. Весьма полный обзор в статье: W. Schutz (занимавшего должность федерального уполномоченного по ценам). Neuregelung der Preisbindungen // DV. 1941 (15), N 17. P. 656–660.

завода и таким образом подготовиться к будущему снижению цен. Будущие ценовые соглашения будут изучаться согласно этим стандартам. Спустя три года после того, как это постановление вошло в силу (то есть 12 марта 1944 г.), все ценовые соглашения, уже существовавшие 12 марта 1941 г., прекращаются, если они не были вновь одобрены к тому времени. Каждое изменение в согласованной ценовой структуре нуждается в согласии федерального специального уполномоченного по ценам.

Указ применяется ко всем картелям, к продовольственному словию, к так называемым вертикальным ценовым соглашениям между производителями и оптовыми торговцами или оптовыми торговцами и розничными продавцами. Он применяется не только к ценам, но также и к условиям продаж. Указ также увеличивает власть специального уполномоченного по ценам. Он может сделать свое согласие на изменение цен зависящим от выполнения определенных условий, прежде всего тех, что нацелены на рационализацию и модернизацию заводов.

Очевидно — и комментаторы этого указа подчеркивают этот пункт — что тресты и объединения освобождены от его действия. Они появляются на товарном рынке как отдельные предприятия, и они не согласуют цены, но устанавливают их для своих заводов. Исключение в будущем может иметь решающие последствия. Если власть специального уполномоченного по ценам действительно используется для того, чтобы сократить связанные цены, то процесс концентрации и централизации в пределах экономической системы будет вновь одобряться. Снижение связанных цен при необходимости направлено против крайне убыточных заводов, то есть против наименее рационально работающих членов картеля. Чем ниже цена картеля, тем менее надежным становится конкурентное положение слабого члена картеля, который в конечном счете будет отдан в руки его более крупного и более эффективного собрата. Тем не менее сдерживание дифференциальной ренты не подвергается нападкам; оно скорее одобряется. Мы уже упоминали о точке зрения официального комментатора;²⁰ другие постоянно подчеркивают этот пункт. Периодическое издание Геринга²¹ напоминает промышленности, «что заводы с высокой стоимостью дали более низкую прибыль».

²⁰ Op. cit. P. 658, 659.

²¹ VP. 1941 (5), N 9. P. 527.

Все же мы не должны упускать тот факт, что посредством вмешательства в дифференциальную ренту может быть серьезно затронута структура немецкого бизнеса. Один официальный комментатор²² говорит, что основная цель указов — упразднение необоснованной дифференциальной ренты путем понижения ценовой структуры всех картелей, если эта ценовая структура слишком высока, потому что она основана на издержках производства убыточных участников. Если бы такая политика проводилась, модернизация и монополизация усиливались бы.

Таким образом, экономические следствия контроля за связанными ценами относительно просты. Если уровень высоких цен сохраняется, то эффективные члены картеля получают высокую дифференциальную ренту, которая будет использоваться для самофинансирования и, как следствие, усилит монополистическое влияние. Если ценовая структура будет понижена, то неэкономные участники будут вынуждены войти в объединения. Один пример может разъяснить наше утверждение. Указ специального уполномоченного по ценам от 23 марта 1937 г. понизил цены калийного синдиката на 30 %. Этот указ был провозглашен как проявление истинного социалистического духа. Сельское хозяйство субсидировалось не государством и налогоплательщиками, а одной промышленной группой, которая была готова принести такие жертвы. Но это, конечно, не совпадение, что беспрецедентный рост двух калийных объединений, «Винтершелл» и «Саладетфурт» произошел именно в этот период.

Таким образом, в указе очень немного заставляет предполагать, что цены картеля — это административные цены. Они согласованы картелями, и в целом они сохранены. Верно, конечно, что вместе с ценами групп цены торговых артикулов были также понижены.²³ Но издержки производства, затраты продаж, традиция и политическое влияние канцелярий ценового контроля определяют конкурентную силу каждого члена картеля, и поэтому определяют цены.

Указ о замораживании цен, таким образом, применяется только к так называемым свободным ценам, ценам, не согласованным

²² Министерский управляющий Флотманн, согласно: FZ. 17 January 1941.

²³ Mölders. Vol. II, group 6. P. 179, 180. Anordnungen. Vol. I, Sect. D. P. 10. Главный указ — 27 октября 1937 г.

организациями, а на деле он не относится даже ко всем этим ценам. Он логически может применяться только к таким ценам, где замороженная цена может быть установлена, что может быть и невозможным. Текстильная фабрика, возможно, например, не имела никаких цен на 18 октября 1936 г. на некоторые или даже на все товары. Кроме того, возможно, были произведены новые товары, которые еще производились 18 октября 1936 г. Везде, где такие замороженные цены не могут быть обнаружены, указ о замораживании цен не применяется.²⁴ Его сфера таким образом сужена. Кроме того, на эту сферу постоянно покушаются законодательные постановления специального уполномоченного по ценам. Имеется множество инструкций по ценам для определенных отраслей, таких как текстильная²⁵ и кожевенная²⁶ отрасли промышленности. Есть максимальные, минимальные и стандартные цены (в тех случаях, когда изготовитель может двигаться в пределах максимальной и минимальной цены), и каждый из этих типов допускает дальнейшую дифференциацию. Но даже в очень ограниченной торговой наценке, оставленной для действия указа о замораживании цен, могут быть сделаны исключения, если они «экономически необходимы или срочно требуются для того, чтобы избежать особенно резкого отклонения».²⁷ Такие обращения должны пройти через экономические группы, которые проверяют как формальную правильность, так и материальную обоснованность заявления о предоставлении исключения. Федеральный специальный уполномоченный по ценам может предоставить общую льготу на все товары одного завода, или он может сделать исключение только по одному товару, произведенному на отдельном заводе.

Везде, где указ о замораживании цен и специальные постановления не применяются, цены должны считаться ценами 18 октября 1936 г. Завод должен тогда рассчитать цены при тех условиях,

²⁴ Постановления уполномоченного по ценам: N 1/37 от 30 января 1937 г., Mölders. Vol. II, group 6. P. 19. N 37/40 от 3 апреля 1940 г. Ibid. P. 431.

²⁵ Указ 9 декабря 1937 г. Ibid. P. 78a, и многое другое практически для льного волокна.

²⁶ Указ от 29 апреля 1937 г., исправленный 18 августа 1937 г., 25 августа 1938 г. и 4 июля 1939 г. Ibid. P. 119, вместе со многими исполнительными распоряжениями.

²⁷ О процедуре и принципах ср. постановление N 60/39 от 29 июня 1939 г. Ibid. P. 30с.

которые существовали 18 октября 1936 г., даже если основание для расчетов должно было полностью измениться.²⁸ Если обнаруживается, что цена слишком тяжела для производителя, он может просить об исключении. Если основание для расчета цен недоступно, цены должны быть установлены в соответствии с принципами, установленными федеральным специальным уполномоченным по ценам.

Эти принципы являются обычными принципами бизнеса; они не требуют жертв от изготовителя. Сырье может быть включено в смету по себестоимости; заработная плата только в легально допустимом количестве. Есть предписание о накладных расходах, о специальных затратах, даже о взносах в партию и другие организации и об «адекватной прибыли». Также важно настойчивое подчеркивание специальным уполномоченным по ценам следующих доводов: «Если завод работает с затратами, которые являются гораздо выше средних, если он плохо организован или плохо управляется, ему может быть предоставлена только адекватная низкая прибыль, и в этом случае следует ожидать, что он понесет убытки».²⁹ Везде, где постановления допускают адекватную прибыль или среднюю прибыль по отрасли, точка зрения экономических групп является решающей.

Ценовая политика поэтому имеет явные модернизационные и монополизирующие функции; она вынуждает нерационально работающие заводы модернизироваться или погибать, и если модернизация невозможна (например, из-за нехватки капитала), убыточный завод поглощается монополистическим конкурентом.

Что касается правительственных заказов, различие устанавливается между такими предметами потребления, где правительство конкурирует с частными предпринимателями в области спроса (например, продовольствие и одежда для вооруженных сил) и где спрос монополизирован правительством. В первом случае все регулировки цен действительны; в последнем высокие издержки себестоимости становятся правилом. Принципы установлены в двух указах,³⁰ которые в целом следуют обычным правилам бизнеса.

²⁸ Постановление о «расчетных» ценах: N 137/40 от 8 ноября 1940 г. Ibid. P. 20g.

²⁹ Ibid. P. 20n.

³⁰ 1. Указ об установлении цен на правительственные заказы на основе стоимости продукции. 15 ноября 1938 (LSO); Anordnungen. Vol. I,

Указы не нарушают принципы конкурентных цен и даже делают исключение для цен картеля,³¹ но так как большая часть общественных заказов по своей природе не конкурентоспособна (нет никаких конкурирующих покупателей для оружия, танков и боеприпасов), то преобладающим стандартом измерения становится стоимость производства плюс адекватная прибыль. Но на каком основании следует определять стоимость? Если выбран более современный завод, все другие должны обанкротиться; если выбран убыточный завод, другие должны получить такую же высокую прибыль; поэтому, как в таких ситуациях обычно и происходит, практика следует средним курсом по американскому методу оптовой линии.

В целом политика устойчивых цен была успешной, хотя стабилизация цен и не была достигнута, а возможно, даже не была желанной. Индекс оптовых цен повысился от 90.7 в 1933 г. до 110.9 в декабре 1940 г. и 111.9 в апреле 1941 г. (1913 = 100).³² Это не окончательное повышение оптовых цен, и если мы анализируем оптовый индекс, то мы обнаруживаем, что в то время, как цены

groups A and B. P. 36. Новая кодификация: 11 марта 1941. Mölders. Vol. II. P. 384a–f. 2. Указ об образовании цен на правительственные заказы. 15 ноября 1938 (RPÖ). Ibid. P. 52.

³¹ *Theodor Kuhr*. Der volkswirtschaftlich richtige Preis und die öffentlichen Aufträge // Finanzarchiv. 1940 (8). P. 70–94; cf. p. 88.

³² Индексы оптовых цен, апрель 1933 – апрель 1941:

	Апрель 1933	Апрель 1941
<i>Всех товаров</i>	90.7	111.0
<i>Сельскохозяйственная продукция</i>	87.8	111.8
<i>Промышленное сырье и полуфабрикаты</i>	87.0	100.1
Уголь	114.8	—
Металлы и руды	101.3	—
Текстиль	61.1	—
Химические удобрения	71.9	—
<i>Промышленная продукция</i>	111.3	132.7
Производители	114.1	113.3
Потребители	109.2	147.3

Источник: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1934. P. 259; WS. 1941 (21). P. 182.

на промышленные товары оставались относительно устойчивыми, цены на потребительские товары повысились от 109.2 в 1933 г. до 145.0 в декабре 1940 г. и до 147.3 в апреле 1941 г., так, чтобы повышение цен в основном касалось каждого потребителя. Это, конечно, было преднамеренной политикой сокращения потребления. Оптовый индекс совпадает с индексом прожиточного минимума. Он повысился (без арендных плат) от 115.9 до 134.7 в апреле 1941 г. (1913/14 = 100). Индекс цен на одежду повысился от 105.6 до 153.1 в тот же самый период.³³ Цифры, конечно же, не имеют большого значения. Ухудшение качества предметов потребления не принимается и не может быть принято во внимание. Кроме того, в нормированной экономике цены не указывают, доступны ли товары.

Какова функция регулирования цен?

В чисто конкурентной экономике цены кристаллизуются как результат спроса и предложения. На каком-то предполагаемом уровне цен произвольное увеличение цены любого отдельного товара сократило бы спрос, и произвольное снижение цен этот спрос увеличило бы. Если сокращение спроса не сопровождается сокращением предложения, то излишек предметов потребления вызывает тенденцию к осуществлению давления на цену и к восстановлению прежнего соотношения цен. Сохранение роста цен предполагает сокращение объема предложения и поэтому изменяет пропорции производства. Наоборот, спрос, возрастающий вместе со снижением цен, может быть удовлетворен только через увеличение производства; если может быть произведено больше более дешевого товара, то пропорции производства снова меняются;

³³ Индексы прожиточного минимума, апрель 1933–апрель 1941:

	Апрель 1933	Апрель 1941
Все показатели (питание, жилье, отопление, электричество, одежда, прочие затраты без налогов и социальных страховок)	115.9	132.4
Все показатели без жилья	114.9	134.7
Питание	109.5	128.6
Жилье	121.3	121.2
Одежда	105.6	153.1

Источник: SJ. 1938. P. 331–332. WS. 1941 (21). P. 18a.

когда производство не может расширяться, избыток покупательной способности вызывает тенденцию к восстановлению прежнего соотношения цен или к перемещению капиталов в другие сферы, что разрушает данную цепочку ценовых отношений.

Очевидно, что этот механизм цен может функционировать без нарушений только в экономической системе без каких-либо ограничений и преград для конкуренции. Малейшее препятствие конкуренции — либо в результате естественной нехватки предложения элементов производства, либо вследствие искусственного регулирования предложения или спроса в любой особой сфере — должно разрушить систему функциональных уравнений, которая составляет «уровень цен», и должна помешать пропорциям производства прямо следовать из ценовых равенств, а также помешать ценовым равенствам быть точным отражением пропорций производства. Так обстоит дело и тогда, когда монополии создают преграды конкуренции в отдельных областях, и когда устанавливается централизованный контроль, чтобы «стабилизировать» какой-либо ряд данных соотношений нескольких элементов производства или даже всех из них.

И все же нарушение «автоматизма» рыночных реакций не отменяет рынок. Тот факт, что склонности производителей к соответствующей реакции контролируются и подвергаются ограничениям, не уничтожает их. Когда индивидуальный производитель встречает в лице монополии или административного регулирования препятствие для получения прибыли путем повышения цен, он пытается увеличить свои продажи или сократить свои затраты, или и то и другое, чтобы достигнуть своей цели в качестве производителя предметов потребления для продажи. Когда ему не разрешают продавать больше определенной доли товаров, он должен будет поднять цены, а когда цены и доли продаж устанавливаются или путем регламентации или монополией, ему приходится вернуться к изменению стоимости элементов производственного процесса посредством сокращения стоимости затрат на сырье, на производственное оборудование, на используемые труд и капитал, а также к изменениям в самом производственном процессе, как организационным, так и технологическим.

При этом он снова изменит данные соотношения элементов производства на всех стадиях изготовления и сбыта, на которых могут быть выполнены изменения в предшествующей структуре. Система равенств, которая возникает на поверхности производ-

ственных отношений как «рынок», будет претерпевать изменения вместе с любым движением, которое производитель будет волен сделать. Таким образом, экономическая деятельность будет создавать рыночную деятельность и вызывать «движение на рынке» до тех, пока существует какая-либо деятельность вообще, которую производители могут предпринимать самостоятельно и на основе своего собственного решения.

При тоталитарном правлении, разумеется, автоматизм рыночных отношений нарушается во многих областях. Это не означает, однако, что рыночные отношения перестали существовать. Даже если бы было верно, что цены установлены и остаются устойчивыми на определенном уровне (чего на самом деле нет), то все еще оставалось бы стремление производителей найти компенсацию через изменения в возможностях сбыта, в затратах производства, в производственном процессе. Любое такое изменение изменило бы систему уравнений, которая лежит в основе установления «стабилизированных цен», и изменило бы экономическое значение рыночных отношений, которые, таким образом, оказались бы только поверхностно стабилизированными.

В действительности централизованное управление ценами, так же как и другими компонентами экономического процесса, скрывает экономические факты, которые коренным образом ломают «автоматическую» взаимозависимость спроса и предложения. Система тоталитарного контроля маскирует экономику, которая постоянно расширяется на основе полной занятости. Это означает, что есть постоянно увеличивающийся спрос на предметы потребления, в то время как предложение ограничено производительной способностью экономического аппарата, определяемой общей экономической ситуацией в любой данный момент. Поэтому все цены показывают тенденцию к повышению. Общая нехватка производит общее увеличение уровня цен.

В конкурентной экономике это привело бы к окончательному сокращению спроса, который будет не в состоянии следовать за прогрессивным увеличением цен, и к более или менее общему снижению цен. Расширение было бы временно остановлено, и поскольку ни увеличение, ни уменьшение цен не будут однородными, новое расширение началось бы с изменения соотношения отдельных цен.

Основная цель контроля и ограничений при тоталитарном правлении состоит в том, чтобы предотвратить любые такие вре-

менные останки расширения. Препятствуя одновременному повышению всех цен, система регламентации цен достигает высшей точки в замораживающем ценовом законодательстве, в равной мере предотвращающем и общий резкий спад, который был бы неизбежен, когда покупательная способность была далека от непомерно переоцененного предложения. И все же заморозка цен не препятствует и не может препятствовать внутренним изменениям в соотношении цен. Напротив, ограничения, введенные на произвольный подъем цен, заставляют производителей охотиться за компенсациями как в производственном процессе, так и в элементах себестоимости производства. Таким образом, основные соотношения цен претерпевают постоянные изменения и постоянно приспосабливаются к постоянно изменяющимся условиям производства и сбыта. Очевидная общая реорганизация, имеющая место на рынке после общего резкого спада в системе, основанной на конкуренции, заменяется при тоталитарном режиме устойчивым подземным потоком реорганизаций, каждый час и каждую минуту изменяющих систему ценовых уравнений через едва видимые конвульсии. Рынок, вместо того чтобы быть упраздненным регламентацией, функционирует в невидимом подполье и поддерживает, в рамках регламентации, легионы нескоординированных экономических решений, отвергающих планирование и контроль.

Цены все еще играют решающую роль в определении, кто должен производить, или, лучше, кто должен производить больше всего. Расширение завода улучшает его конкурентное положение и таким образом увеличивает его прибыль, в свою очередь стимулирующую расширение. Безусловно, предприниматель не может произвольно расширять или ограничивать производство. Ограничивать производство при условиях полной занятости нет необходимости. Но как раз постоянное превышение спроса над предложением и обеспечивает мощный стимул для расширения и более высокой прибыли. Такова сила мотивации национал-социалистической экономики:

«Еще более крупные задачи, нежели те, что он должен решать в мирное время, встают перед главой предприятия в экономике военного времени. Подразумевается, что война требует полного планирования в использовании трудовых ресурсов, сырья, и производительной способности и таким образом вводит определенные плановые ограничения на бизнес. Однако этот вид плановой экономики никогда не должен приводить к ситуации, в которой

инициативе и рабочему импульсу промышленников препятствуют исполнительные учреждения властей. Широкое ограничение свободного рыночного производства не означает преграды для предпринимательской инициативы; *напротив, активность, находчивость и смелость главы предприятия будет способствовать выполнению им его военной задачи*».

Таковыми словами генерал-майор Георг Томас, глава подразделения оборонной экономики в Высшем армейском командовании, обрисовал в общих чертах задачи предпринимателя.³⁴ Побеждает и должен побеждать самый смелый и самый безжалостный конкурент. Регулирование цен организует и ускоряет процесс отбора, имеющего место в конкурентной экономике.

Регулирование цен не отрицает мотива прибыли, а скорее усиливает его. Даже если бы объем и вид производства были бы полностью регламентированы, то у предпринимателя не было бы никакой другой цели, кроме приносящего прибыль производства, и ни один указ о ценах не отрицает этот принцип.³⁵ В любой экономике, в которой поток товаров прерывается денежными сделками, невозможность получения прибыли была бы эквивалентна запрету производства. Поскольку, помимо этого, подъем или даже поддержание уровня производства зависит от предложения сырья и рабочей силы, и этого в свою очередь легче добиться более эффективному заводу, то рентабельность и накопление становятся фактически более необходимыми, чем когда-либо. Каждое ограничение, накладываемое на предпринимателя, обостряет жало мотива прибыли. Каждая регламентация усиливает потребность бизнеса иметь связь с властями. Надежная связь с учреждениями, распределяющими сырье, с биржами труда, с учреждениями, регулирующими цены, становится фактически бесценным товаром — как откровенно признает один национал-социалистический экономист.³⁶ Даже допуская, что национал-социализм преуспел в стабилизации цен — чего на самом деле нет — никакого регулирования цен для переменного или для основного капитала не существует. Даже если бы цены на предметы потребления были бы полностью освобождены от давления спроса и предложения, то цены на капитал, на квоты, на разрешения, на акции, на обязательства, на

³⁴ VP. 1939, N 20. P. 1178.

³⁵ См. блестящее обсуждение: *Gurland. Op. cit.*

³⁶ *Kuhr. Op. cit.*

патенты, на лицензии все еще полностью этому давлению подчинены. Именно этим обходным путем, если можно так выразиться, законы рынка все еще работают.

Дело не в том, что правительство — главный покупатель, изменяющий модель отношений. Опять же верно, что правительство как главный покупатель и распределитель получает огромную часть общего спроса и может, таким образом, направлять, сокращать или расширять его. Все же даже здесь существуют экономические границы, которые не могут быть преодолены. Если мы допускаем — мы должны будем доказать это в следующей главе — что социальная система национал-социализма основана на полной занятости, чтобы сдерживать оппозицию рабочего класса, то тогда сокращение правительственного спроса должно компенсироваться расширением частной промышленности; кроме того покупательная способность государства ограничена объемом производства и скоростью обращения товаров. В экономике полной занятости печатание денег не будет увеличивать производство; оно может изменить только распределение.

4. Прибыль, инвестиции и «конец финансового капитализма»

Изменяет ли эту картину контроль за прибылью и инвестициями? Если бы они жестко контролировались, если бы механизм планирования направлял поток инвестиций в соответствии с социальными принципами, если бы прибыль сразу облагалась налогами, то, возможно, система уже не была бы капиталистической.

Но контроль над прибылью никогда не существовал, и его не существует и сегодня. Даже знаменитый закон об Ограничении дивидендов 1934 г. не предполагает контроля за прибылью.³⁷ Согласно акту, который на немецком называется *Anleihestockgesetz*, акционерная корпорация не должна распределять более чем 6 % (в некоторых случаях 8 %) среди своих акционеров. Дивиденды свыше 6 или 8 % должны были выплачиваться в Золотой дисконтный банк, который инвестировал их от имени акционеров в государственные облигации. Облигации должны были быть по-

³⁷ Краткий обзор этого акта: *Guillebaud C. W. The Economic Recovery of Germany. London, 1939. P. 77, 78, 252–253.*

гашены в 1938 г. и могли использоваться для того, чтобы выплачивать налоги в 1941 г. и в последующие годы. Поэтому акт был нацелен не на сокращение прибыли, но на простое ограничение распределения дивидендов среди акционеров, которые, по представлениям немецких экономистов и юристов, являются простой помехой. Акт, таким образом, стремился сделать рынок акций менее привлекательным с целью перенаправить поток капитала на рынок государственных облигаций. Акт, таким образом, относится к политике управления инвестициями. До 1936 г. рынок капитала был почти закрыт для частной промышленности и сохранен для правительства, но в 1936 г. этот запрет был смягчен, а в 1939 г. фактически отменен. Последствия акта были незначительными. К концу 1940 г. накопленные дивиденды составляли только 108 000 000 марок.³⁸ Кроме регулирования цен и налогообложения, не было никакого контроля за прибылью.

Ситуация изменилась весной 1941 г. 5 и 11 марта 1941 г. канцелярия Четырехлетнего плана и специальный уполномоченный по ценам совместно выпустили два указа. Я цитирую указ от 11 марта 1941 г.:

«Наблюдающие за ценами учреждения уполномочены приказывать, чтобы прибыль, которая была получена вопреки предписаниям указа об экономике военного времени от 4 сентября 1939 г., была передана федеральному правительству, даже если никакое нарушения закона не было совершено. Апелляция против приказа наблюдающих за ценами учреждений может быть подана в течение недели в формирующие цены учреждения.

Федеральный специальный уполномоченный по ценам и формирующие цены учреждения могут изменять приказы, когда такое действие оправдано в соответствии с принципами национальной экономики».³⁹

Два постановления конкретизировали эти меры, одно для промышленности, другое для торговли.⁴⁰ Подробности нас здесь не интересуют. Основной принцип в том, что везде, где сверхприбыли были получены в прошлом, их нужно выплатить федеральному правительству, в то время как в будущем цены должны быть

³⁸ Ibid. P. 77.

³⁹ DR. 1941. P. 917.

⁴⁰ Для промышленности: 1 марта 1941; Mölders. Vol. II, group 6. P. 51v; и FZ. 15 March 1941. Для торговли: April 1941. FZ. 19 April 1941.

понижены. В обоих случаях только более низкая прибыль подвергается корпоративному и подоходному налогу. Под прибылью специальный уполномоченный по ценам понимает прибыль всего предприятия, а не прибыль, полученную от особых товаров, и поэтому убытки и прибыль в различных отделах или от разных товаров могут быть уравнены. Расходы на инвестиции не вычитаются из прибыли, за исключением специального разрешения уполномоченного по ценам. У заводов с более высокими издержками производства должна быть меньшая прибыль, чем у заводов с более низкими затратами. «Дифференциальная рента поэтому допускается».⁴¹ Все меры должны осуществляться в согласии с компетентными экономическими группами.

Новые постановления поэтому не отменяют предыдущие меры по регулированию цен, они просто дополняют их. Их основная цель, несомненно, — это снижение ценовой структуры. Социальные цели стоят на переднем плане; именно цены на потребительские товары должны быть снижены в первую очередь. Но указы не требуют «экономического самоубийства»,⁴² они не стремятся уничтожить прибыль предприятия, они направлены только против сверхприбылей, полученных от сверхцен. Тем не менее есть большие сомнения, будут ли действовать эти постановления и каким образом.

Речь министра экономики Функа указывает на тенденцию новых законодательных актов.⁴³ Функ критикует самофинансирование немецкой промышленности, а также заявляет о намерении ограничить распределение дивидендов 6 %, но в то же самое время возможность, что номинальная ценность акций могла быть повышена, допускается. Указ о министерском совете защиты государства от 12 июня 1941 г. перевел заявление Функа в практическую область.⁴⁴ На время продолжения войны дивиденды ограничива-

⁴¹ Mölders. Op. cit. P. 52w.

⁴² VP. 1941 (5). P. 527.

⁴³ FZ. 13 March 1941.

⁴⁴ Суждение основано на следующих публикациях: 1. *Schmitt E. W.* Das Gesicht der Aktie // SP. 1941 (50). P. 501. 2. *Selbstfinanzierung und Kapitalmarkt* // BA. 1941. P. 174. 3. FZ от 28, 29 июня; 5, 6, 13 июля. 4. *Dividendenbegrenzung mit oder ohne Kapitalaufwertung* // BA. 1941. P. 149. 5. *Der Gewinn privat- und volkswirtschaftlich betrachtet?* // SP. 1941 (50). P. 32. 6. *Germany's Limitation on Dividends* // Foreign Commerce Weekly. 1941 (4). 16 August, 1941.

ются 6 %, за исключением тех случаев, когда корпорации уже выплачивали более 6 %. Ограничение до 8 % вводится в отношении дивидендов, выплачиваемых наличными, но избыточные доходы должны инвестироваться корпорациями в государственные облигации, которые выпускает министерство экономики. Указ, наконец, облагает тяжелыми налогами излишние дивиденды. Но — и это большой пробел — указ позволяет переоценку капитала, и сообщения «Frankfurter Zeitung» показывают, что большое количество корпораций уже воспользовалось этой возможностью. Лидер национальной промышленной группы В. Занген объяснил, что ограничение дивидендов и замораживание прибыли — это просто военные меры, которые будут отменены после войны («Frankfurter Zeitung», 6 июля 1941 г.), а официальный пресс-релиз подчеркивает, что «не в интересах экономики в целом или отдельного завода... раскрывать слишком многое из скрытых резервов предприятия — самофинансирование поэтому не будет наносить ущерб».

Интерпретации в немецкой периодике и прессе являются весьма противоречивыми. Некоторые принимают точку зрения, что было бы достаточно поднять номинальный капитал акций. Это привело бы к более высокому количеству распределяемых дивидендов,⁴⁵ повысило бы подоходный налог и, таким образом, в конечном счете увеличило бы сбережения. Другие обращают внимание на самофинансирование, которое лишает налоговые канцелярии налогов и делает всесторонний контроль за инвестициями невозможным.

Как мы уже упомянули, новые указы могут быть направлены против внутреннего финансирования (действующего поэтому в качестве своего рода нераспределенного налога на прибыль), и именно этот феномен мы и должны будем обсудить, потому что он образует один из решающих аспектов немецкой экономической жизни. Мы видели, что рынок капитала был закрыт для частного предпринимательства до 1939 г., и поэтому расширение могло финансироваться только изнутри, из нераспределенной прибыли. Законодательство 1933 года, как мы уже видели, поощряло внутреннее финансирование налоговыми привилегиями и освобождениями от налогов. Как следствие, нераспределенная прибыль повысилась на старой территории со 175 000 000 марок в 1933 г.

⁴⁵ См. широкое обсуждение: Dividendenbegrenzung mit oder ohne Kapitalaufwertung? // BA. 1941, N 7. P. 149–151.

до 1 200 000 000 в 1935 г., и 3 420 000 000 в 1938 г., и с тех пор повысилась еще более.⁴⁶ Мы должны добавить к этой цифре внутренние инвестиции отдельных фирм и товариществ, оцениваемые более чем в 1 000 000 000 марок, так что в 1938 г. мы достигаем количества нераспределенной прибыли в размере почти 5 000 000 000 марок, в то время как общее количество сбережений, накопленных в сберегательных банках в 1938 г., составило только 2 000 000 000 марок, а распределенных дивидендов в течение того года было приблизительно 1 200 000 000 марок. Эти цифры заставляют нас понять, что имело место решающее изменение, изменение даже еще более крупное, чем изменение в Соединенных Штатах, обнаруженное на слушаниях во Временном национальном экономическом комитете.⁴⁷ «Frankfurter Zeitung» от 14 марта 1941 г. говорит об этой ситуации, что в то время как бухгалтерские балансы корпораций стали «неправдивыми» из-за самофинансирования, «многие дивиденды стали „неестественными“ еще в более высокой степени — разумеется, „неестественно“ низкими». Нельзя упустить, говорит эта газета 10 января 1941 г., «что только заводы, необходимые для войны, во многих случаях обладают значительным состоянием для инвестиций своими собственными силами, и высокой, даже постоянно увеличивающей ликвидностью. Промышленность больше не должна банкам. Номинальный капитал корпораций низок, резервы высоки и постоянно увеличиваются.

И все же даже акционеры не могут жаловаться; не только индекс курса акций «Frankfurter Zeitung» (согласно его выпуску от 10 января 1941 г.) повысился с 128.22 в сентябре 1935 г. до 180.97 в ноябре 1940 г., но даже и средние дивиденды повысились с 4.20 % в 1935 г. до 6.49 % в 1939 г., в то время как средний доход увеличился с 3.91 % в 1935 г. до 5.19 % в 1939 г.⁴⁸

Победа внутреннего финансирования над заимствованиями из банков, сберегательных банков, и страховых учреждений указывает на упадок инвестиционных банков, и на снижение роли

⁴⁶ Selbstfinanzierung und Kapitalmarkt // BA. 1941, N 8. P. 174.

⁴⁷ Investigation of Concentration of Economic Power. Hearings. Part 9 (Savings and Investments). Washington, 1940.

⁴⁸ WK. 1940 (19). P. 219–222. Статья в «ВА» (примеч. 44) упоминает следующие цифры: из 852 акций, выделенных для обмена, 336, то есть около 40 %, распределяют более чем 6 % дивидендов.

банковского капитала. Это снижение — универсальная тенденция и является одинаково действующей как в Соединенных Штатах, так и в Германии. Эта тенденция, кажется, определяется снижением темпов подъема экономики; монополистической структурой и структурой картеля, которая, предоставляя дифференциальную ренту, облегчает внутреннее накопление капитала; ростом институциональных инвестиций, правительственных расходов и финансирования.

Приоритет самофинансирования над заимствованиями — это не конец капитализма и даже не конец финансового капитализма. Он просто указывает, что место финансового капитализма перешло от банков к промышленности, или, скорее, к согласованности банков и промышленности. *Bank-Archiv*,⁴⁹ периодическое издание, выпускаемое экономической группой «частных банков», вполне открыто высмеивает попытку тяжелой промышленности представить внутреннее финансирование как своего рода социализм, как борьбу против капитализма и капиталистических принципов финансирования. То, на что нападает *Bank-Archiv*, является самым основанием национал-социалистической идеологии, и эти нападки показывают притворный характер национал-социалистического антикапитализма.

Национал-социалистический антикапитализм всегда исключал производительный капитал, то есть промышленный капитал, из своих обвинений и концентрировался исключительно на «хищном» (то есть банковском) капитале. Мы уже указывали на программу партии 1920 г. Но даже борьба против банковского капитала была только обманом. 14 октября 1930 г. национал-социалистическая парламентская группа внесла в демократический парламент законопроект, требующий конфискации без компенсаций «всей собственности банковских и биржевых баронов, восточных евреев и других иностранцев, которые зарегистрировали ее после 1 августа 1914 г., и всей дополнительной собственности, приобретенной посредством войны, революции, инфляции или дефляции после той даты». Когда коммунисты и социал-демократы объявили свое намерение голосовать за законопроект, национал-социалисты быстро пошли на попятную. Тем не менее нападки на «хищный» капитал, противопоставляемый «производительному» капиталу, не прекращались; напротив, они стремительно уве-

⁴⁹ Op. cit. (примеч. 46).

личивались. Лозунг был, несомненно, популярным — банк всегда является кредитором мелкого бизнесмена, и поэтому, как и всякий кредитор, испытывает на себе его ненависть. Проценты по ссудам, без сомнения, не являются результатом производительного труда, хотя они необходимы в капиталистической системе. Финансовый капитал, отождествляемый с банковским капиталом, всегда был мишенью всех псевдосоциалистических движений, движений, которые никогда не смели прикасаться к основам капиталистического общества, а скорее стремились к реформе, которая сломает ядовитые зубы капиталистической системы и направит глубокое негодование масс против эксплуатации на определенные конкретные символы. Избирается таким символом Морган или еврейский банкир, — это несущественно.

Избирая хищный капитал, национал-социализм шагает вслед за Прудоном, который в своей книге «Общая идея революции в XIX веке» потребовал ликвидации Банка Франции и его преобразования в учреждение «общего пользования» вместе с понижением процентной ставки до половины или четверти процента. *Коммунистический манифест* уже осудил этот тип социализма, так называемый «истинный социализм», как специфически немецкий. Маркс в письме Энгельсу 8 августа 1851 г.⁵⁰ с высочайшим остроумием разоблачил борьбу Прудона против банковского капитала и процента как обман. Он уже указал, что так называемая «социальная ликвидация» является «просто средством начать заново развитие здорового буржуазного общества». Теория выражает жажду каждого не имеющего отношения к промышленности капиталиста стать промышленным капиталистом — совершенно понятное желание. В антифинансистской капиталистической пропаганде, возможно, была даже определенная доля правды, когда банковский капитал действительно играл решающую роль, когда банки могли управлять, объединять и приобретать отрасли промышленности, когда одни только деньги действительно представляли собой экономическую силу. Но, как мы увидим, этот период далеко позади, и важно понять, что национал-социалистический антикапитализм и его борьба против хищного капитала были возведены в ранг высшего экономического принципа в период, когда

⁵⁰ *Marx-Engels. Gesamtausgabe. Abt. III, vol. I. P. 239. См. заметку: Hans Speier. Marx und Engels über die Brechung der Zinsknechtschaft // Die Gesellschaft. 1931. Vol. I. P. 117–119.*

банковский капитал потерял свое значение, когда инвестирующий банкир потерял свою власть, когда одни только деньги не могут основать экономические империи, когда, короче говоря, промышленность стала в финансовом отношении почти самостоятельной, когда она не только финансирует свое собственное расширение из своих средств, но даже проникает в банки и страховые учреждения и подчиняет их нуждам промышленных капиталистов.

Ирония в том, что концентрации национал-социалистического антикапитализма исключительно на банковском капитале предшествовала экономическая доктрина ведущего социал-демократического теоретика Рудольфа Гильфердинга, который посвятил целую книгу, заслуженно пользующуюся славой, демонстрации того, как банковский капитал стал покровителем «и в конечном счете правителем в промышленности».⁵¹ На заключительном этапе, продолжает он, «эта тенденция привела бы к тому, что один банк или одна группа банков получают контроль над всем денежным капиталом. Такой центральный банк поэтому мог бы управлять всем общественным производством». Столь же важны, как и его теоретическая основа, политические выводы, которые он делает. «Как только финансовый капитал достиг контроля над самыми важными отраслями производства, конфискации финансового капитала обществом через... его исполнительный орган, а именно государство, которое было завоевано пролетариатом, достаточно, чтобы достичь непосредственного контроля над главными отраслями производства». И уже в 1910 г. он утверждал, что «конфискация шести крупных берлинских банков будет уже сегодня означать конфискацию самых важных сфер крупных отраслей промышленности».

Экономическая теория Социал-демократической партии, однако, отставала от действительности даже перед Первой мировой войной. В 1910 г., когда книга Гильфердинга была издана, теория верховенства банков над промышленностью уже не была абсолютно верной. Эмиль Кирдорф, один из лидеров тяжелой промышленности, представитель самых твердолобых промышленников в Германии и близкий друг Гитлера, который навестил его в его 80-й день рождения и вручил ему значок с орлом Третьего рейха, заявил уже в 1905 г.: «Никогда не была власть банков над нами

⁵¹ Das Finanzkapital (Marx-Studien). Reprint. Vienna, 1923, 1st ed. 1910. P. 282.

столь же слабой, как сегодня».⁵² Многие компетентные экономические наблюдатели в Германии разделяли взгляд Кирдорфа.

Отношение между индустриальным и банковским капиталом проходит три стадии;⁵³ на ранней стадии крупномасштабной промышленности образования капитала в индустрии недостаточно для экспансии. Промышленность нуждается в больших объемах капитала одним большим куском. Банки организуют систему кредитов, направляя по одному руслу сбережения масс, особенно в строительство железных дорог. В этот период спрос на денежный капитал действительно высок, и соответственно власть банков либо в форме частного банкира, как в Соединенных Штатах, либо в форме акционерного банка, как в Германии, также велика. На второй стадии, однако, накопление капитала в промышленности увеличивается до такой степени, что промышленность становится почти независимой от банков, и она в состоянии финансировать расширение из своей нераспределенной прибыли. На заключительной стадии, стадии национал-социалистической монополистической экономики, промышленность часто неспособна инвестировать все свои сбережения в свои заводы. Она начинает расширяться в сферы почти любой иной экономической деятельности, и даже начинает завоевывать банки и страховые учреждения — и таким образом принимает на себя роль финансового капитала.

Борьба против банковского капитала — это не антикапитализм; это, напротив, капитализм, и на самом деле часто фашистский капитализм не только в Германии, но и в почти любой стране. Те, кто без устали нападает на верховенство финансового капитала (под которым они всегда понимают банковский капитал), таким образом, играет на руку самым влиятельным и самым агрессивным группам в современном обществе, индустриальным монополистам. Всякий раз, когда протест против суверенитета банковского капитала внедряется в народное движение, это — самый верный признак, что фашизм приближается. *Bank-Archiv*, который тесно связан с экономической группой «частных банков», вполне обоснованно высмеивает так называемый социалистический характер внутреннего финансирования, каким оно утверждается в тяжелой

⁵² Цит. в: *Adolf Weber*. *Depositenbanken und Spekulationsbanken*. Munich and Leipzig, 1915. P. 81.

⁵³ *Henryk Grossmann*. *Das Akkumulations- und Zusammenbruchsgezet des kapitalistischen Systems*. Leipzig, 1929. P. 574–579.

промышленности. К сожалению, *Bank-Archiv* на этом останавливается. Еще один шаг, и он мог бы признать лживость всей национал-социалистической экономической философии.

Финансовый капитализм не мертв; он — реальность, и к тому же очень могущественная реальность. Накопление нераспределенной прибыли корпорациями не только использовалось для расширения заводов и для роста основного капитала, но оно использовалось также и для расширения власти монополий над другими предприятиями. Это мы уже показали в деталях. Но мы должны еще доказать согласованность индустриального и банковского капитала и степень, до которой индустриальный капитал проник в банки. У нас нет никаких других средств установить это, кроме анализа состава наблюдательных советов. Мы выбираем два банка, *Deutsche Bank* и *Dresdner Bank*.

В *Deutsche Bank* наблюдательный совет состоит из двух председателей и тридцати участников. Только трое из них принадлежат к администрации банка, среди них вице-президент рейхстага, доктор Э. Г. фон Штаусс; четверо связаны с другими банками; одного можно рассматривать как в какой-то мере представителя общественных интересов; те, что остаются, являются делегатами индустриальных объединений, объединения Ханиэль (тяжелая промышленность), Объединенного Стального треста, объединения Хош (тяжелая промышленность), объединения Меннесмана (представленного руководителем национальной промышленной группы В. Зангеном), химической промышленности (Хенкель и Пицш, который является также президентом национальной экономической палаты), объединения Квандта, треста красителей, сигаретной промышленности (*Reemtsma*), калийной промышленности (Зальдецфурц), и автомобильной промышленности (герцог Саксен-Кобург-Гота). Не очень отличается и правление *Dresdner Bank*, который прежде принадлежал федеральному правительству. В его наблюдательном совете есть один председатель, три заместителя и двадцать семь участников. Только председатель принадлежит самому *Dresdner Bank*; один — член *Reichsbank*, пятеро принадлежат другим банкам, трое — к страховым учреждениям, трое — к объединению Геринга, а остальные — к частным объединениям, таким как объединения Круппа, Юнкерса, Флика, северо-германского Ллойда, автомобильной промышленности, Винтершелла и Боша.

Индустриальный капитал также продвигается и в страховые корпорации; Круп, Рехлинг и Маннесман — в известный Альянс;

стальной трест, Квандт и Хош — в объединение Герлинга, если назвать лишь некоторые. Они, таким образом, также пытаются управлять институциональными инвестициями. Но это не все. Частная промышленность и родственные крупные банки также проникли в ипотечные банки, которые финансируют сельское хозяйство выпуском закладных. В Рейнском Банке ипотечного кредита мы находим представителей Рехлинга, Dresdner Bank и многих частных банков. Автомобильная промышленность, Крупп, Dresdner Bank и многие частные банки вступили в немецкий Центральный кредитный банк недвижимости. Химическая промышленность, Deutsche Bank, Dresdner Bank и частные банки вступили в Кредитный банк недвижимости Вестфалии. Я считаю, что нет ни одного полностью автономного банка в Германии. Никакие независимые финансовые объединения, которые существуют в Соединенных Штатах — даже если их власть уменьшена — нельзя обнаружить в Германии — в отличие от Австрии 1931 г., где австрийский Кредитный банк доминировал над промышленностью, а его крах серьезно угрожал всей индустриальной структуре Австрии.

Но даже если сами банки в этом и заинтересованы, они никогда не становятся простыми правительственными канцеляриями. Они в свою очередь расширяются не только при включении частных банков, особенно еврейского банковского бизнеса, но и при приобретении многих торговых и промышленных владений, частично в процессе отчуждения еврейской собственности в пользу арийцев, частично в процессе германизации. Deutsche Bank, например, приобрел 90 % капитала Румынского коммерческого банка в Бухаресте — французским и бельгийским интересам пришлось уступить. Два чешских банка стали жертвой Deutsche Bank и Dresdner Bank, другие румынские и югославские банки были поглощены другими немецкими банками, о чем с гордостью сообщает «Frankfurter Zeitung» 4 июня 1941 г.

Тем не менее именно в контроле над банками влияние государства является особенно большим, настолько большим, что следует допустить перемены в социально-политической структуре. Специальный закон 1934 г. создал наблюдательный совет за кредитами,⁵⁴ состоящий из президента и вице-президента прав-

⁵⁴ Краткий обзор: Guillebaud. Op. cit. P. 94. Otto Christian Fischer. Die Ausübung des Staatseinflusses im deutschen Kreditwesen // ZA. 1938 (5). P. 408–410.

ления Reichsbank, участника, назначенного Гитлером, и государственных секретарей в министерствах финансов, экономики, продовольствия и сельского хозяйства и внутренних дел. Ведущая роль принадлежит Reichsbank. Правление издает постановления, которые служат двойной цели. Они стремятся предотвратить все те злоупотребления в банковской системе, которые стали очевидными и оказались отчасти причиной банковского кризиса 1931 г. Правление может поэтому издавать правила, устанавливающие размер запасов, регулирующие ликвидность банков, контролирующее предоставление кредитов служащим банка. Но правление осуществляет также и контроль за инвестициями. Фактическое наблюдение за структурой кредита выполняется федеральным специальным уполномоченным по кредиту, которому поручено фактическое наблюдение в рамках постановлений наблюдательного совета. Статья О. С. Фишера подчеркивает важное значение осуществления контроля за кредитами. Власть частных банков не только уменьшилась ввиду значения внутреннего финансирования, но банки также в значительной степени были заменены общественными финансовыми учреждениями и институциональным финансированием (сберегательными банками и страховыми учреждениями).

Центром кредитной структуры является, конечно же, Reichsbank, уже не автономный орган, управляемый акционерами, но с 30 августа 1934 г. просто исполнительное учреждение федерального правительства.⁵⁵ Раздел 6 нового закона гласит, что «банком управляет директорат Reichsbank, который стоит непосредственно при вожде и канцлере; он состоит из президента, исполняющего обязанности председателя, и необходимого числа членов. Директорат Reichsbank определяет валютный курс, скидки и кредитную политику банка». Благодаря своей власти учитывать векселя по заниженной стоимости Reichsbank оказывает значительное влияние на частные банки. Закрыв рынок капитала для частной промышленности, он заставил банки вкладывать капитал прежде всего в государственные облигации — что банки делали без особого сопротивления из-за высокой ликвидности этих облигаций.⁵⁶ Поэтому верно, что контроль за кредитами больше не лежит на банках.

⁵⁵ Koch A., Roeder W. (ed.). Das Recht der deutschen Bankwirtschaft. Berlin, 1938. P. 14–28.

⁵⁶ Прекрасное обсуждение: Poole. Op. cit. P. 129–138.

Но это не означает, что он лежит исключительно на федеральном правительстве, так как внутреннее финансирование устанавливает определенный предел и перед правительством, направляющим потоки капиталов в большой степени в частную промышленность.

Кредитный контроль тем не менее указывает на новую фазу в развитии политической структуры общества. При условиях либеральной демократии контроль за механизмом кредита давал банкам господство над политическим аппаратом, в то время как независимость центральных банков не раз использовалась сильными финансовыми и индустриальными кругами, чтобы сломать шею любому правительству, которое угрожало их привилегиям. История Франции, Великобритании, и особенно Германии в 1923 и 1924 гг. предоставляет большое количество примеров.

Этого частный денежный капитал больше не может делать. Банки, страховые учреждения, и сберегательные банки не могут вкладывать капитал туда, куда им нравится. Они больше не могут организовывать забастовки инвесторов. Центральный банк больше не может саботировать финансовую машину или парализовать политическую систему. В этой области у государства имеется действительно абсолютное превосходство. Но это превосходство не означает, что поток инвестиций планируется. Действительно, нельзя утверждать, что планирование инвестиций существует в Германии. Слишком большой сектор, основанный на самофинансировании, абсолютно свободен от регламентации. Но суверенитет государства над кредитной системой не означает, что такой контроль осуществляется ради всеобщих интересов. И это не означает, что банки сопротивляются кредитному контролю. Для банкира нет никакой необходимости бастовать против правительства, так как краткосрочные интересы банков и правительства стали почти идентичными. Режим исполняет их ожидания.

Верховенство политики в системе кредита, несмотря на уменьшившееся значение этой системы кредита для индустриального капитализма, делает снова жизненно важным подчинение политического аппарата нуждам капитала. Чем сильнее государственные полки, тем сильнее необходимость устранить «случайности», присущие любой демократии, то есть сделать политическую систему безопасной и для банковского капитала также. Важно, что некоторые из наиболее влиятельных фигур в национал-социалистической иерархии являются выдающимися банкирами. Доктор Э. Г. фон Штаусс из Deutsche Bank — вице-президент рейхс-

тага; О. Г. Фишер, первоначально *Reichskreditgesellschaft*, теперь партнер во влиятельном частном банке, который извлек большую выгоду из отчуждения еврейской собственности в пользу арийцев, является лидером национальной банковской группы; Фридрих Райнхарт, из *Commerzbank*, является президентом Берлинской фондовой биржи, руководителем экономической палаты Берлина-Бранденбурга, членом центрального комитета *Reichsbank* и консультативного комитета железных дорог; Курт фон Шредер из Кельна, известный посредник между Гитлером, Папеном и Гинденбургом в январе 1933 г., заседает почти в каждом важном наблюдательном совете. Мы можем также опять упомянуть Курта Вайгельта, члена правления *Deutsche Bank*, члена министерства по делам колоний национал-социалистической партии и завершить сотрудником этого архимпериалиста Вернером Дейтцом. Они — представители могущественных банковских кругов и в то же самое время откровенные приверженцы национал-социализма.

Контроля над прибылью никогда не существовало и не существует сегодня. Распределение дивидендов теперь ограничено 6 % — даже возможно, что какой-нибудь налог на нераспределенную прибыль может быть установлен на основе так называемых указов о замораживании прибыли специального уполномоченного по ценам. Он не изменил бы картину.

Есть контроль над кредитами, который, однако, останавливается перед одним из важнейших источников, самофинансированием, где механизм капиталистического общества полностью себя подтверждает. Существующий кредитный контроль усиливает потребность бизнеса получить власть над государственной машиной.

5. Внешняя торговля, автаркия и империализм

Внешняя торговля может быть средством обогащения более высокоорганизованной нации за счет менее индустриализированной. Такова сущность внешней торговли даже при условии конкуренции. Точка зрения Риккардо не была столь свободной. В седьмой главе «Принципов» он пытается доказать, что норма прибыли может быть поднята только за счет снижения заработной платы, тогда как внешняя торговля, даже выгодная для страны, никогда

не увеличивает прибыль. Мы верим, что на мировом рынке товары обмениваются не по их стоимости, но, наоборот, более индустриальные страны обменивают меньший труд на больший. Внешняя торговля при условии свободной конкуренции — это средство перемещения прибыли. По этой причине внешняя торговля — это одно из решающих средств противодействия опасностям, возникающим из внутреннего сверхнакопления и перенасыщения внутреннего рынка. Борьба за увеличение доли во внешней торговле приобретает, таким образом, первостепенное значение для каждой промышленной нации. Вдобавок она приносит излишек прибыли и поэтому может быть на какое-то время даже единственным источником прибыли. Фундаментальная движущая сила не меняется. Мы изменяем только методы.

Как только Германия начала угрожать торговой монополии Англии, вся ситуация на мировом рынке подверглась радикальным изменениям, достигшим кульминации в том, что равнозначно государственному регулированию внешней торговли.

Верховенство Англии оказалось под угрозой, когда Германия достигла монополистической структуры, защищаемой тарифами. Монополия и тарифы глубоко воздействуют на характер внешней торговли; они порождают демпинг, то есть различие между внутренними и экспортными ценами, а также сокращение экспортных цен на основе более высокой внутренней структуры цен. «Как только монопольный контроль достигнут на внутреннем рынке, то можно, если внутренние заказы не полностью занимают производительные способности, бороться за заказы на других рынках по ценам более низким, чем достигнуты дома»,⁵⁷ говорит один из самых известных экспертов Америки по вопросам демпинга.

Такова на самом деле была ситуация в Германии уже на рубеже XIX и XX столетий. Англия, «имущая» нация, была страной свободной торговли; Германия, «неимущая» нация, была страной монополий и протекционизма. Система картелей давала возможность какое-то время торговать на мировом рынке без прибыли, даже с убытками, поскольку рента картеля и протекционистские тарифы действовали как косвенный налог, взимаемый с внутренних потребителей и выплачиваемый картелям, и таким образом

⁵⁷ *Jacob Viner. Dumping: A Problem in International Trade. Chicago, 1923. P. 94; и прекрасное обсуждение: Gilbert M. and Dickens P. D. Export Prices and Export Cartels (TNEC Monograph N 6). Washington, D.C., 1940.*

компенсирующий внутренним отраслям промышленности временные потери на международном рынке. Картели и протекционистские тарифы, таким образом, из механизма защиты внутреннего рынка превратились в механизм завоевания иностранных рынков.

Демпинг как практика немецких монополий был предметом федерального расследования уже в 1902 г., то есть во время первого федерального расследования деятельности картелей, и стал общепринятой практикой немецкой промышленности, когда промышленность стала открыто империалистической. Но сам этот процесс порождает противоположные тенденции, прежде всего монополизацию сырья в «имущих» странах. Резина и олово, нефть и медь, как и любое сырье, способствуют монополизации. Международные картели и объединения поднимают цены, сокращают производство и таким образом налагают налоги на неимущих, которые в большой степени уменьшают свою прибыль. Монополизация рынка сырья часто обсуждалась, а сверхприбыли, накапливаемые монополистами, часто подвергались нападкам. Нет сомнения, что господство над рынком сырья имеет тенденцию уменьшать прибыль, которая получена из промышленного производства.

Но у монополизации сырья есть и вторая, политическая функция. Если такая страна, как Германия, привержена экспансии, контроль сырья становится как политической, так и экономической необходимостью. Международных соглашений картелей, даже если Германия в них участвует, будет недостаточно, чтобы защитить ее интересы. Поставки сырья могут быть сокращены, и ее промышленное производство может быть подвергнуто опасности в любой момент. Безопасность поставок сырья, таким образом, становится проблемой, которая должна быть решена государством. Политическая власть государства должна получить контроль над территориями, где такое сырье найдено. Кроме того, во время Веймарской республики золотые запасы правительства оказались исчерпанными, и за импорт сырья можно было расплачиваться только экспортом готовых изделий. Но поскольку распространение протекционизма сделало экспорт готовых изделий более трудным, политический контроль над территориями, производящими сырье, казался неизбежным для Германии, взявшей курс на внешнюю экспансию.

Не только поставки сырья, но также и сама экспортная торговля должны в конечном счете основываться на политической защи-

те. Монополии и тарифы в одной стране порождают монополии и тарифы в конкурирующей стране. Демпинг одним государством порождает демпинг других, пока не приходит время, когда политическая власть должна решить, какой конкурент будет эксплуатировать рынок.

Это соединение внешней торговли и политики получает новый стимул при экспорте капитала. Экспорт капитала — это не только один из многих феноменов капитализма, это феномен, имеющий решающее значение на стадии современного капитализма. Если внутренний рынок сверхкапитализирован, если внутренние инвестиции не приводят к возврату доходов, если темп подъема экономики замедляется, если внутренняя депрессия разрушает экономические механизмы, если трудности не могут быть полностью переложены на плечи народных масс, потому что функции парламентарной демократии и профсоюзы работают, то потребность в экспорте капитала становится более острой. Экспорт капитала — это не просто экспорт денег, это экспорт и промышленного оборудования. Чтобы обеспечить достаточный и устойчивый возврат инвестиций, вновь необходимы политические средства.

Это — вековая тенденция внешней торговли: внутренние монополии и защитные тарифы — демпинг — монополистическая эксплуатация стран, производящих сырье — контроль над внешней торговлей, чтобы сохранить золото для оплаты импорта — экспорт капитала — требование политических гарантий инвестиций.

Именно на этом фоне внешняя торговля Германии и должна быть понята. Это внешняя торговля только по названию. Внешняя торговля и валютные манипуляции теперь становятся преобладающими средствами порабощения зарубежных стран.

Именно поэтому бессмысленно утверждать, что Германия стремится к автаркии или к самодостаточности.⁵⁸ Автаркия является не долгосрочной целью Германии, но политической не-

⁵⁸ Самый яростный защитник автаркии как новой философии — это кружок «Tat», особенно его лидер, Фердинанд Фрид (*Ferdinand Fried. Autarkie. Jena, 1932*), который уже предсказывал конец капитализма. Также Вернер Зомбарт (*Werner Sombart. Die Zukunft des Kapitalismus. Berlin, 1932*), который верил, что будущее Германии лежит в возвращении к аграрному строю. Против этих искажений — *Herbert von Beckerath and Fritz Kern. Autarkie oder internationale Zusammenarbeit. Berlin, 1932*. О вкладе национал-социалистической партии не стоит упоминать.

обходимостью страны, ведущей войну против мира, который контролирует большую часть жизненно необходимого сырья. Автаркия — философия крепости, которая готовится к осаде. Даже во времена Веймарской республики среди экономистов и широкой публики бушевали споры об автаркии. Дискуссии, когда мы перечитываем их сегодня, выдают полную оторванность от реальности. Те, кто защищал самодостаточность как «новую философию жизни», как «платоновскую идею»⁵⁹ (как Зомбарт и Фрид), хотели, чтобы Германия посвятила свои энергии внутренней реконструкции и даже отошла бы от своего промышленного развития и вернулась к сельскому хозяйству. Статистика, которую защитники автаркии добавляли к своим книгам, должна была служить доказательством, что как только внутренние ресурсы Германии будут полностью истрачены (такие, как низкосортная железная руда и синтетические отрасли промышленности), Германия станет почти независимой от внешнего мира, и понадобится только минимум импорта, за который можно будет заплатить экспортом готовых изделий. Защитники автаркии, таким образом, потребовали «сознательного выхода из мировой экономики». Очевидно, они не ожидали, что уже через год Германия займется программой перевооружения, какой мир никогда не видел ранее, что индустриальная мощь будет увеличена до огромных пропорций, и что огромные количества сырья придется импортировать в дополнение к полному использованию внутренних ресурсов в то время, как возвращение к сельскому хозяйству останется благочестивой мечтой, которая, конечно же, даже не снилась национал-социалистическим лидерам, кроме, возможно, доктора Дарре.

Автаркия в Германии — это не новая философия жизни, она не выражает желания руководства, она не подразумевает уничтожения индустриализации, это — просто военная мера, нацеленная на то, чтобы сделать Германию, насколько это возможно, независимой в продовольствии, кормах, жирах и в сырьевых материалах. Ее окончательная цель — завоевание сырьевых баз и рынков для экспортных товаров. Свободная торговля уже не открывает такие перспективы. Мир разделен среди сильных государств, и каждое из них обязано защищать свою собственную экономику. Чем выше производственная мощь Германии, тем больше будут необходимы внешние рынки, чтобы поглощать продукцию. Даже

⁵⁹ *Fried. Op. cit.* P. 41.

полностью перешедшей под власть нацизма Европы будет недостаточно. *Grossdeutsche Reich* будет не в состоянии поглощать товары, пока процесс индустриализации на завоеванных территориях и, возможно, даже на старой федеральной территории не будет сознательно повернут вспять. Даже предполагая, что Германия сохранит контроль над всей Европой (за исключением России), новый порядок должен будет все еще полагаться на импорт продовольствия, кормов и сырья — как это убедительно показало исследование института Брукинга.⁶⁰ Хотя даже те цифры, которые это исследование упоминает, могут быть в той или иной мере бессмысленными, как признает автор. Они не учитывают размеры разрушений, обрушившихся на Европу. Они не могут предвидеть, встретит ли нацистская Европа сотрудничество или враждебность в остальной части мира. Один фактор, однако, будет оставаться всегда. Германия будет нуждаться в огромном количестве сырья, чтобы поддерживать движение своей индустриальной машины, и чем мощнее будет эта индустриальная машина, тем больше Германия будет нуждаться в сырье и тем более острой будет потребность во внешней торговле с остальной частью мира.

Это подразумевается в речи министра Функа 12 июня 1941 г., произнесенной в Вене перед Юго-восточным европейским обществом, возглавляемым Бальдуром фон Ширахом; министр утверждал, что чрезмерная автаркия приведет к обнищанию Германии и должна поэтому быть отвергнута как крайность в международном

⁶⁰ *Cleona Lewis* / Assisted by John C. McClelland. *Nazi Europe and World Trade*. Washington, 1941. Важная таблица на стр. 178:

1937 г.	Старая территория (в миллиардах долларов)	Нацистская Европа включая Германию, но без России
Продукты питания, импорт		
Импорт сырья	607.4	648.2
Итого:	931.4	2 594.7
Экспорт промышленных товаров	1 538.8	3 242.9
	1 716.7	1 941.0
Общий экспорт	177.9	—
Общий импорт	—	1 301.9

разделении труда. Экономика «большого пространства» и мировая торговля, с его точки зрения, несовместимы, и Германия требует «свободного доступа к рынкам всех стран» — что, с его точки зрения, не предполагает, что другие конкуренты должны быть произвольно исключены.⁶¹ Самый всесторонний анализ внешнеторговой политики Германии из всех до сих пор предпринятых⁶² приводит на самом деле к полному опровержению философии автаркии.

Автаркия действительно несовместима с империалистической демографической политикой Германии. Автаркия подразумевала бы сокращение жизненных стандартов до самого низкого уровня и «была бы, таким образом, средством, делающим невозможной активную демографическую политику».⁶³ Автаркия несовместима с доктриной социального империализма, которая, как мы попытались показать, была направлена против англо-американских «имущих». Поэтому, это просто переходное явление и даже незавершенное — будь это «малая» автаркия или автаркия «больших пространств».

В результате Германию будут вести к завоеванию мирового рынка, поскольку бесспорно, что большая часть избыточных товаров поглощается не торговлей с колониальными, полуколониальными, и неиндустриальными государствами, но торговлей с промышленными странами. Торговать с ними успешно, то есть получать от них больший труд в обмен на меньший, — этого теперь можно добиться уже не простым экономическим обменом, но только с помощью политического господства, которое включает государства в валютную систему Германии.

Национал-социализм всегда признавал высокое значение внешней торговли.⁶⁴ «Мы знаем, что географическое расположение Германии, бедное сырьем, не допускает полной автаркии для нашего рейха. Необходимо вновь и вновь подчеркивать, что федеральное правительство вовсе не враждебно к экспорту. Мы знаем,

⁶¹ См.: FZ. 13 June 1941, and Neue Züricher Zeitung (Handelsteil). 14 June 1941.

⁶² Albrecht Forstmann. Der Kampf um den Aussenhandel. Berlin, 1935.

⁶³ Op. cit. P. 178.

⁶⁴ Хороший обзор: Charles Thomas Bonnell. German Control over International Economic Relations, 1930–1940. Urbana (Ill.), 1940. P. 93–114. См. также: Howard S. Ellis. Exchange Control in Central Europe. Cambridge (Mass.), 1941. P. 191–269.

что нуждаемся в связях с миром и что продажа немецких товаров кормит многие, миллионы немцев». Таков был взгляд Адольфа Гитлера 23 марта 1933 г.⁶⁵

Торговая политика Германии поощряла экспортную торговлю везде, где это было возможно. Федеральный внешнеторговый комитет был создан (в октябре 1933 г.) как учреждение, связанное с министерствами экономики и иностранных дел. Ему помог совет внешней торговли, состоящий из самых влиятельных представителей внешней торговли. Федеральное экспортное страхование, прежде бизнес частных страховых компаний, теперь осуществляется государством. Торговля с Россией всегда получала благоприятный режим, и Германия часто вкладывала деньги в Россию. Подобные соглашения были заключены на Балканах. Сокращение транспортных тарифов, налоговые привилегии, прямые субсидии в устойчивой валюте Германии и коллективные налоги, взимаемые в экономических группах (28 июня 1935 г.) давали дополнительные стимулы.

Политика была в целом успешной, хотя аннексия Австрии ухудшила условия внешней торговли.⁶⁶ Использовалось множество методов с целью обеспечения сырья и завоевания иностранных рынков, в частности контроль за иностранными валютами, манипуляция клиринговыми соглашениями и методы бартерных сделок. Именно эти аспекты нацистской политики являются самыми известными внешнему миру.⁶⁷ Контроль за иностранной валютой оказался превосходным средством избавления от внешних долгов. Хорошо известен тот факт, что чем больше долг, тем более сильным является положение должника. Иметь огромные долги

⁶⁵ Die Reden Hitlers als Kanzler. 3rd ed. Munich, 1934. P. 21.

⁶⁶ О статистике внешней торговли Германии с 1929 по май 1939 г. см.: *Wochenberickt, Institut für Konjunkturforschung*. 27 July 1939. P. 76; *Bonnell*. Op. cit. P. 120, and *Ellis*. P. 380–387.

⁶⁷ См. литературу в примеч. ⁹⁵ на с. 428, а также: *Douglas Miller*. *You Can't Do Business with Hitler*. Boston, 1941, esp. Chs. 4, 5, 6, 7. Также: *Hans Staudinger*. *The Future of the Totalitarian Barter Trade* // *Social Research*, 1940 (7). P. 410–433. *Thomas Balogh*. *Foreign Exchange and Export Trade Policy* // *Economic Journal*. 1940 (50). P. 15. *John C. de Wilde*. *Germany's Controlled Economy* // *Foreign Policy Reports*. 1939 (14), 1 March 1939, esp. p. 294–301. *Melchior Palyi*. *Economic Foundations of the German Totalitarian State* // *American Journal of Sociology*. 1941 (46). P. 469–486. Текст отчета комитета Виггина: *International Conciliation*, Pamphlet N 280. May 1932.

значит иметь власть; такова одна из аномалий любой кредитной системы. Для кредитора рискованно настаивать на выплате огромного долга, если такая настойчивость может привести к уничтожению самого существования должника. Крупные должники должны быть поэтому окружены заботой, к ним нужно относиться как к курицам, которые могут нести золотые яйца — в будущем. К этому общему наблюдению следует добавить солидарность международного капитализма. Настойчивое требование немецких платежей могло бы, по представлению кредиторов, привести национал-социализм к большевизму. Именно такую музыку Шахт на самом деле успешно исполнял.

Немецкая задолженность иностранным кредиторам была высока. Комитет Лейтона-Виггина, назначенный по рекомендации лондонской конференции 1931 г., установил этот долг в размере 23 000 000 000 марок — 8 000 000 000 в долгосрочной ссуде, 9 000 000 000 в краткосрочных ссудах и 6 000 000 000 в других инвестициях.⁶⁸ Депрессия и крах международной торговли сделали поток золота из Германии и выплату репараций чрезвычайно затруднительными. Эта трудность тем не менее была преодолена мораторием Гувера, который Конгресс ратифицировал 22 декабря 1931 г. Выплата репараций закончилась к середине 1931 г. Но эти выплаты никогда не были значительной утечкой для немецких ресурсов. С 1924 г. по июль 1933 г. было выплачено 11 400 000 000 марок,⁶⁹ хотя это число оспаривается как слишком высокое. Насколько значителен был размер репараций, можно понять из того факта, что внутренние сбережения с 1925 г. до 1928 г. составляли 25 000 000 000 марок, а с 1925 г. по 1930 г. приблизительно 45 000 000 000 марок.⁷⁰

В то время как выплаты репараций были закончены, оплата частных долгов все еще оставалась проблемой. Юридическим средством приостановить их был указ о контроле за иностранной валютой, подписанный президентом фон Гинденбургом на основе статьи 48 Конституции 15 июля 1931 г.; этот указ послужил в свою

⁶⁸ *Carl T. Schmidt. German Business Cycles, 1924–1933. New York, 1934. P. 87; Bonnell. Op. cit. P. 19.*

⁶⁹ Выплаты репараций с 1924 по 1932 = 11 464 миллионов марок // *SJ. 1931. P. 534–535; 1933. P. 498–499.*

⁷⁰ *James W. Angell. The Recovery of Germany. New Haven, 1929. P. 326; WK. 1938 (7). P. 301–305; Schmidt. Op. cit. P. 78.*

очередь основанием для многих других указов, которые в конечном счете были кодифицированы в один общий регламент.⁷¹ Контроль за иностранной валютой передавался *Reichsbank*, который вместе с Золотым дисконтным банком был освобожден от контроля. У всех других должно было быть разрешение приобретать, продавать или иным образом избавляться от вкладов в иностранной валюте и ценных бумаг сверх определенного количества. Исключения должен был предоставлять *Reichsbank*. Будущая торговля в иностранной валюте была запрещена, а о ценных бумагах, приобретенных после определенной даты, следовало сообщать *Reichsbank*. Законодательство оказалось эффективным лишь частично. Утечка золота и иностранной валюты продолжалась, и золотые запасы *Reichsbank* упали приблизительно с 3 000 000 000 марок в середине 1930 г. до 991 000 000 в декабре 1932 г., и наконец до приблизительно 78 000 000 в 1939 г. И это несмотря на различные приостанавливающие соглашения, заключенные между немецкими должниками и иностранными кредиторами, сначала в августе 1931 г., и измененные и возобновленные в различные иные даты.

Демократическое правительство Германии отказалось вновь пойти путем обесценивания марки, как это сделала Великобритания в 1931 г. со своей собственной валютой. Этот отказ был, возможно, результатом не столько экономических причин, сколько психологических. Террор, рожденный инфляцией 1923 г., еще не был забыт. Существовали даже политические группы, процветавшие на инфляции и боровшиеся за ревальвацию. Правительство попыталось остановить утечку валюты, ужесточив законодательство о контроле за иностранной валютой.⁷² Теперь требовалось разрешение на оплату импорта, иностранных услуг, амортизации и процента по внешним долгам.

Новое валютное законодательство, конечно же, касалось и внешней торговли. Органы, контролирующие валюту, уже имели полномочия контролировать поток импорта, а таким образом и распределение сырья.

Это была ситуация, когда национал-социализм пришел к власти. Проблема репараций исчезла, но дефицит в главных платежах был все еще тяжелым. Ему еще могли противостоять излишки экспорта Германии приблизительно в 1 000 000 000 марок, но было

⁷¹ Указ 1 августа 1931 г., вступил в силу 4 августа 1931.

⁷² *Bonnell. Op. cit.* P. 42–44.

сомнительно, будут ли эти излишки экспорта сохранены. Девальвация марки национал-социализмом исключалась еще в большей степени, так как национал-социалистическая пропаганда жила в течение многих лет обвинением демократических партий как ответственных за инфляцию 1923 года. Новый режим начался с моратория на перечисление платежей, за которым последовал полный мораторий в 1934 г. Немецкие должники должны были выплатить свои международные обязательства в обменную канцелярию по внешним долгам, которая по своему усмотрению могла уже делать платежи иностранным кредиторам. Только *Reichsbank* и обязательства, являвшиеся результатом приостанавливающих выплаты соглашений, были исключением, хотя определенные уступки время от времени оказывались той или другой стране-кредитору. В то же самое время контроль за иностранной валютой был передан специальному учреждению до тех пор, пока 24 сентября 1934 г. новый план Шахта не вошел в действие, и манипуляции иностранной валютой не стали полностью функцией внешней торговли. Наблюдательные советы, а позже *Reichssiellen* контролировали поток импорта. Была создана клиринговая канцелярия, многие обязательства были отменены. Посредством ловкой манипуляции акциями и облигациями приостановленные долги были в значительной степени сокращены (до 4 100 000 000 марок в феврале 1933 г.), в то время как последующие приостанавливающие выплаты соглашения и законодательство о валюте ужесточили контроль и закрыли существующие утечки.

Контроль за иностранной валютой из средства поддержки довольно шаткой немецкой валюты превратился в мощный механизм управления внешней торговлей и, как следствие, порабощения зарубежных стран. Учреждения, контролирующие валюту, и *Reichstellen* могли по желанию как остановить любой импорт из любой страны, так и снизить его. Закон о защите экспорта немецких товаров от 22 сентября 1933 г. сделал возможным установление импортных квот, квот, регулярно определяемых в зависимости от режима, предоставляемого немецкому экспорту.

За очень короткое время двусторонние торговые соглашения стали правилом. Цены на экспорт и на импорт часто определялись произвольно.⁷³ Цены за продовольствие, которое импортирова-

⁷³ Paul Einzig. Why Defend Nazi Trade Methods? The Banker. 1941. N 184, May 1941.

лось, особенно цены, выплачиваемые балканским крестьянам, были, конечно, высокими с точки зрения местной валюты, но целью, конечно же полностью пропагандистской, было стремление Германии заручиться поддержкой крестьянских масс. Власть, которую контроль за валютой и импортом давал Германии над почти всеми экспортирующими свои товары европейскими странами, усиливалась клиринговыми соглашениями и договорами о бартере.

Сущность клиринговых соглашений, вскоре ставших условием, без которого не могли заключаться торговые соглашения, в следующем: немецкие должники платят в *Reichsbank* или на клиринговые счета, в то время как иностранные импортеры платят в их центральные канцелярии. Балансы в таком случае уравнивались. Если у Германии был излишек относительно другой страны, этот излишек валюты использовался, чтобы заплатить ее долги третьей заграничной стране за сырье. Соглашения заключались частично с центральными правительствами, частично с центральными банками. Функция клиринговых соглашений была превосходно описана Дугласом Миллером.⁷⁴

«Экспортеры Германии отправляли товары, например в Югославию, и брали кредит на эту отправку в марках в немецком *Reichsbank*. Югославские экспортеры в Германию брали кредит в динарах в центральном банке в Белграде. Счета этих двух банков были сбалансированы. Кредит на оплату выдавался экспортерам в каждой стране в ее местной валюте, и в течение года баланс мог быть изменен в пользу той или иной страны, чтобы затем его можно было применять к сделкам следующего года».

Цель торговой политики Германии стала, таким образом, чрезвычайно простой: купить у страны столько, сколько можно; приобрести, например, весь урожай страны — но без оплаты. Увеличение импорта даже привело к конкуренции с немецкой промышленностью в импорте готовых изделий.⁷⁵ В результате этой политики, Германия становилась страной с огромным долгом — на клиринговых счетах. Мы уже упоминали о случае с Данией при немецкой оккупации. Сегодня накопление долгов в подчиненной нацистам Европе — это простое дело. Но и раньше экономическое положение некоторых стран, особенно стран Балканского полуострова и некоторых стран Центральной и Южной Америки, играло на руку

⁷⁴ Miller. Op. cit. P. 73.

⁷⁵ Staudinger. Op. cit. P. 415.

Германии.⁷⁶ Не было никаких потребителей их сельскохозяйственной продукции, кроме Германии. Западные демократические государства, которые все еще проводили политику умиротворения, были неспособны или не желали видеть, что борьба против национал-социализма должна вестись на всех фронтах, в том числе и на экономическом, и что экономическая война могла вестись только путем приобретения излишков продукции в тех странах, которым угрожали.

Германия не только добилась благодаря клиринговой системе поставок сырья и продовольствия, но также преуспела и в экономическом порабощении тех стран, с которыми она торговала. Национал-социалистические экономисты поэтому описывали клиринговую систему как самое могущественное средство валютной и торговой политики.⁷⁷ Берлин стал клиринговым центром, а Reichsbank был сознательно переоценен в сравнении с валютами Голландии, Чехословакии, Югославии. Клиринг таким образом стало основой того, что называют «запланированным обменом товарами».⁷⁸

Бартер и клиринг также предоставил превосходное средство утопить в долгах страну, которая выдвигала требования против Германии относительно клирингового счета за переоцененные или недооцененные экспортные товары. Страна-кредитор часто была рада получить хотя бы немногое.

Таким в самых общих чертах был курс торговой политики Германии. Здесь империалистический характер Германии наиболее очевиден. Здесь изменение в методах немецкого капитализма является наиболее явным. Здесь согласованность экономики и политики становится полной тождеством интересов и целей.

Повторим, что было бы бессмысленно думать, что целью Германии является автаркия и отказ от иностранных рынков. Автаркия, наоборот, — это просто подготовка к завоеванию мировых рынков. Поскольку мировой рынок разделен среди сильных конкурирующих государств, он теперь может быть завоеван не торговлей и инвестициями, но только политическими средствами. И поскольку торговля между индустриальными государствами — это сущность внешней торговли, политическое завоевание мира и должно быть целью национал-социалистической Германии, если она хочет вы-

⁷⁶ Balogh. Op. cit. P. 15.

⁷⁷ Friedrich Sarow. Verrechnungszentrum Berlin // WK. 1940 (19). P. 181–190.

⁷⁸ Ibid. P. 188.

жить как высокоразвитая промышленная страна. Если Германия желает превратить Европу в сельскохозяйственное государство, если она готова понизить уровень жизни масс в Европе, она действительно может отказаться от завоевания мира. Но возможно ли, чтобы высокоразвитое индустриальное государство добровольно отказалось от экономического прогресса? По нашему мнению, нет. Германия побежденная, может быть, вынуждена уйти из сообщества высокоразвитых промышленных государств, но не в этом, конечно же, заключается политика ее правительства. Это было бы полным отрицанием всей истории немецкого индустриального капитализма. Наоборот, именно высокая производительность промышленного аппарата, давление на иностранные рынки и потребности в удовлетворении жизненно важных материальных интересов масс привели Германию к политике завоеваний и будут вести ее к дальнейшей экспансии, пока она не достигнет своей цели или не будет побеждена. Эта динамичность довольно молодой, агрессивной, монополизированной страны и есть перводвигатель экспансии Германии.

6. Контроль над трудом

Контроль над рынком труда — это самое резкое отличие национал-социализма от демократического общества. Рабочий не имеет никаких прав. Потенциальная и фактическая власть государства над рынком труда является настолько всесторонней, насколько это возможно. Государство уже достигло окончательного предела в контроле над рынком труда.

Можно было бы поэтому утверждать, что, так как свобода трудового договора перестала существовать, капитализм прекратил свое существование в Германии. Так как капитализм, можно сказать, построен на свободном труде, и свободный труд отличает капитализм от любой предшествующей экономической системы. Таково представление всех экономистов от Карла Маркса до Макса Вебера. Представление, конечно же, верное. Но мы должны определить то, что мы понимаем под свободным трудом и свободой трудового договора. Есть три различных понятия свободы труда, выражающие различные стадии в развитии капитализма.

Свобода может означать индивидуальное право рабочего заключить сделку со своим работодателем на основе юридического равенства. Такая свобода характеризовала либеральный капита-

лизм и была основанием его самого лучшего выражения в законе *Ле Шапелье* Французской революции. Есть, как сказал Ле Шапелье 14 июня 1791 г., «только интерес человека и интерес здравого смысла, и никто не наделен правом заставлять граждан преследовать любые интересы, которые им противоречат и которые отчуждают их от служения государству посредством корпоративных интересов». Такая свобода, враждебная профсоюзам и коллективным договорам, характеризовала европейскую политику труда в течение многих десятилетий — во Франции до 1864 г., в Германии до 1869 г., в Англии до 1871 г. Она означала или прямой запрет на профсоюзы, или простую терпимость к ним. Такой закон дал рабочему полномочия формально определять стоимость его рабочей силы, но он был не в состоянии принять во внимание, что по отношению к нему работодатель всегда является монополистом и что, как следствие, свобода также скрывает эксплуатацию.

Свобода трудового договора может также означать материальное право рабочего определять стоимость его рабочей силы посредством коллективной организации и торговли. Эта материальная свобода не отрицает формальную свободу, она просто воплощает ее; формальная и материальная свобода не противоречат, но дополняют друг друга. Материальная свобода труда — заключать сделку с работодателем на основе фактического равенства — была достигнута победой профсоюзного движения после Первой мировой войны. Ни один из этих двух типов свободы не существует при национал-социализме.

Но есть третий тип свободы, на котором другие два типа основываются, — свобода, состоящая в простом отказе от рабства и служения. Это понятие свободного труда является полемическим, и оно направлено против любого вида рабства. Феодальный договор был договором веры, охватывающим всю личность рабочего, без различия между трудом и отдыхом. Такой договор не основан на расчете, он непредсказуем, он контролирует человека во всех его аспектах, он требует полной зависимости. При таком договоре рабочий продает себя не для особых услуг и не на особое время, но для любых услуг, которые могли бы потребоваться, и на все время. В Пруссии остатки таких феодальных трудовых отношений существовали до конца 1918 г. Известный *Gesindeordnungen* предоставлял полиции полномочия насильно возвращать рабочих их работодателям, если они оставляли свою службу в нарушение своих договорных обязательств.

Свобода трудового договора означает в таком случае прежде всего ясное различие между временем труда и временем отдыха, которое вводит элемент расчета и предсказуемости в трудовые отношения. Это означает, что рабочий продает свою рабочую силу только на какое-то время, которое либо согласовано договором, либо установлено законодательными актами. Это также означает, хотя и не в первую очередь, что труженики продают свое время только для особой деятельности, которая определяется соглашением, законом или обычаем, и что они не обязаны делать любую работу, которую их работодатель мог бы произвольно назначить. Этот тип свободы преобладает в период первичного накопления.

Такая свобода трудового договора все еще существует в Германии. Трудовой договор — все еще форма, управляющая трудовыми отношениями. Различие между трудом и отдыхом является таким же острым в Германии, как и при любой демократии, даже при том, что режим и пытается контролировать свободное время рабочего. В следующей главе у нас будет возможность обратиться к развитию трудового права, и мы попытаемся доказать, что любая попытка национал-социалистических юристов заменить трудовой договор каким-либо правовым инструментом (таким, как общинные отношения) потерпела неудачу, и что все отношения между работодателем и служащим — все еще договорные.

Безусловно, идентичность базовой модели говорит немного о фактической работе рынка труда, а именно здесь, возможно, и существует самое острое различие между демократическими государствами и тоталитаризмом.

Свободного рынка труда, конечно же, не существует, когда профсоюзы заключают коллективный договор. Цена рабочей силы — это не просто результат спроса и предложения, и давление промышленной резервной армии частично преодолевается. Заработная плата также определяется общественной силой профсоюзов. Организации рабочих пытаются преобразовать простой юридический факт свободного договора в подлинную материальную свободу. И все же мы не должны слишком высоко оценивать власть профсоюзов. Если вся их деятельность не подчинена интересам малочисленных аристократических групп в рабочем движении, и если они действительно стремятся улучшить заработную плату и условия труда рабочего класса, то их власть чрезвычайно ограничена. Мы утверждаем, что их власть имеет прежде всего оборонительный характер. Это утверждение не может быть здесь доказано.

Мне приходится довольствоваться голым утверждением, которое я считаю истинным и которое может быть доказано специальным исследованием. При восходящем цикле бизнеса заработная плата обычно увеличивается. Но увеличение в целом является естественным результатом улучшения экономических условий. Скорее как раз в период сокращения заработной платы власть профсоюзов и становится явной, а их влияние ощутимым. Всегда легче защитить какую-либо позицию, чем завоевать новую. Политика немецких профсоюзов во время депрессии 1931–1932 гг. доказывает мое утверждение. Хотя они не могли предотвратить сокращение заработной платы, они могли и на самом деле предотвращали полное согласование заработной платы с нижним уровнем цикла бизнеса, и именно их оборонительная сила сделала их мишенью промышленности. Именно этот аспект автономного контроля за рынком труда национал-социализм и уничтожил. И он больше не является необходимым при условии полной занятости. Если действительный спрос на труд далеко превышает предложение, то никакие защитные организации не нужны, чтобы предотвратить падение заработной платы; необходимы, скорее, агрессивные наступательные союзы, борющиеся за то, чтобы приспособить шкалу заработной платы к полной занятости. А функция национал-социалистической политики — предотвратить такое приспособление.

Поскольку в отличие бизнеса труд не имеет собственной организации, нет никакой автономной организации рабочего класса, которая соответствовала бы организации бизнеса. Нет никакой организации труда для контроля за рынком труда, соответствующей картелям. Трудовой фронт Германии — это не автономная организация труда, поскольку она не состоит исключительно из рабочих и служащих, и при этом это не маркетинговая организация. Мы обратимся к ее функциям позже.

Цели национал-социалистической политики в отношении рынка труда ясны и прямо выражены. Поскольку два описания такого рода существуют,⁷⁹ нет необходимости добавлять третье. Нас в первую очередь интересуют функции, выполняемые такой политикой, и ее принципы. Они могут быть определены как: во-первых, полное использование трудовых ресурсов в производи-

⁷⁹ *Hamburger L.* How Nazi Germany Has Mobilized and Controlled Labor. Washington, 1940 (Brookings Institution); *Guillebaud C. W.* The Social Policy of Nazi Germany. Cambridge (England), 1941.

тельных целях (*Arbeitseinsatz*); (2) подъем производительности труда каждого отдельного рабочего и одновременная стабилизация уровня заработной платы.

Использование трудовых ресурсов

Использование трудовых ресурсов означает две разные вещи: выгодное использование как можно большего количества людей, до сих пор с такой выгодой не использовавшихся; и перемещение выгодно используемых людей из промышленности и торговли, где в их труде нет необходимости, в другие отрасли, страдающие от его нехватки.

Число выгодно используемых людей, конечно же, повысилось с 17 817 000 в 1929 г. до 22 617 000 в январе 1941 г.⁸⁰ Подготовка к войне и сама война также привели к увеличению занятости жен-

⁸⁰ Статистика занятости:

I. Рабочие и служащие

1929	17 870 000
1932	12 580 000
1936	18 370 000
1938 (август)	19 518 000
1939 (май)	22 670 000

II. Почасовые рабочие в промышленности (в %)

	В целом	В производстве промышленных товаров	В производстве потребительских товаров
1929	103.6	94.9	117.0
1932	54.8	42.6	74.7
1936	100.0	100.0	100.0
1938 (август)	116.7	123.8	105.8
1939 (май)	128.2	131.4	124.0

Источники: Halbjahrsberichte zur Wirtschaftslage (Institut für Konjunkturforschung), 1938/39 (13). P. 119.

Для 1941 г.: WS. 1941 (21). P. 100; и Statistik des In- und Auslandes (Institut für Konjunkturforschung), 1939/40 (14). P. 39.

щин, особенно в транспорте и промышленности. В то время как в 1933 г. женщины составляли 37,3 % всех рабочих, занятых в промышленности, а в 1936 г. их доля уменьшилась до 31,8 %, в октябре 1940 г. она достигла уже 37,1 %. В абсолютных цифрах число занятых женщин повысилось от 4 700 000 в 1933 г. до 6 300 000 в 1938 г. и 8 420 000 в январе 1941 г.⁸¹ Трудовой резерв, представленный женщинами, еще не исчерпан, поскольку общее количество женщин, способных к работе, оценивается от 10 000 000 до 12 000 000, и по этой причине пути и средства мобилизации женского резерва постоянно обсуждаются.⁸²

Предложение труда было увеличено уже описанной нами чисткой ремесел и розничной торговли, и закрытием заводов, производящих товары потребления. К этим цифрам должны быть добавлены иностранные рабочие, частично состоящие из рабочих, привезенных в Германию на основе международных соглашений (1 100 000 в октябре 1940 г.)⁸³ и частично из военнопленных.⁸⁴

Нет сомнения, что, хотя трудовой резерв недостаточен, он еще не исчерпан, и еще три миллиона женщин могут быть включены в производственный процесс. Может быть закрыто еще больше заводов, производящих товары потребления, и еще большее число рабочих из оккупированных территорий может быть перемещено в саму Германию.

⁸¹ WS. 1941 (21). P. 101.

⁸² Die Reserve an weiblicher Arbeitskraft // WK. 1941 (20). P. 148–150.

⁸³ Государственный секретарь д-р Зируп, согласно: WK. 1940 (19). P. 209–211. WS. 1941 (20). P. 101, упоминает о 820 000 иностранных рабочих, используемых вне сельского хозяйства, из них 300 000 в одном только строительстве.

⁸⁴ Гражданский принудительный труд в Германии (состояние на сентябрь 1941).

Из Польши	1 007 531	Из Франции	48 567
Из Италии	271 667	Из Венгрии	34 990
Из Протектората	140 052	Из Дании	28 895
Из Бельгии	121 791	Из Болгарии	14 578
Из Югославии	108 791	Из других	189 919
Из Голландии	92 995	Итого:	2 139 553
Из Словакии	80 037		

Но политика использования доступных трудовых ресурсов в полной степени подразумевала также и увеличение предложения квалифицированного труда, а это в свою очередь означало репатриацию квалифицированного труда из других отделений в торговлю и промышленность, обязательное обучение и сокращение периода ученичества.

Политика перевода народа к производительному труду выполнялась грубо, без оглядки на гуманитарные доводы. Юридические акты, на которых эта власть основывалась, становились все более суровыми. Они начали с изданного канцелярией Четырехлетнего плана указа об обеспечении рабочей силой от 22 июня 1938 г., который обязал каждого немецкого гражданина работать на постоянном месте в течение установленного срока или пройти обязательное профессиональное обучение. Указ не имел далеких последствий. Он вскоре был заменен указом от 13 февраля 1939 г.,⁸⁵ распространявшим эту обязанность на всех жителей федеральной территории и вводившим принудительные работы на неопределенный период времени. Каждый житель территории, иностранец или гражданин, уже работающий или не работающий, мужчина или женщина, подросток или взрослый, могут быть призваны для выполнения любого вида производственной деятельности на постоянный или неопределенный период. Если он призывался на определенный период и уже был занят, трудовой договор оставался в силе; если он призывался на неопределенный период, трудовой договор прекращался, принудительные работы исполнялись согласно трудовому договору. В тот момент, когда человек получал приказ, призывавший его трудиться на определенного работодателя, трудовой договор между ним и работодателем считался заключенным. Этот договор регулировался всеми законодательными и административными предписаниями, при которых заключался и свободный трудовой договор. Он мог быть завершен тем не менее только с согласия биржи труда.

Тот же самый указ также значительно укрепил законодательство, предназначенное воспрепятствовать тому, чтобы рабочие изменяли место своей занятости, и дал министру труда полномочия прекращать трудовой договор, зависящий от согласия биржи труда.⁸⁶ Более поздний указ запретил расторжение трудового до-

⁸⁵ *Posse*. Vol. I, Part 11, Dienstpflicht. P. 3–66.

⁸⁶ 1 сентября 1939 г.; см.: *Posse*. Vol. I. Arbeitsplatzwechsel. P. 1–4e.

говора обеими сторонами без согласия биржи труда; это согласие также требовалось и при найме рабочих, кроме шахтеров и рабочих, занятых в домашнем хозяйстве с детьми младше 14-летнего возраста.⁸⁷

Это всестороннее регулирование, однако, дополнялось, одинаково далеко идущими. В то время как этот акт стремился увеличить рабочую силу в экономической сфере, акт службы чрезвычайных ситуаций от 15 октября 1938 г.⁸⁸ давал властям право призывать «жителей федеральной территории в случаях чрезвычайных ситуаций в обществе или в учебных целях на ограниченный срок». Согласно постановлению представителя Четырехлетнего плана в первую очередь такие полномочия получала полиция. Служба чрезвычайных ситуаций, выполняя политические функции, не основывалась на трудовом договоре. Указ, между прочим, показывает, что режим ставит рабочих выше национал-социалистических чиновников, государственных служащих, или представителей свободных профессий. Если работающего по найму призывают в службу чрезвычайных ситуаций свыше чем на три дня, биржа труда имеет право заявить протест. Но если призываются государственные служащие, политические лидеры партии, ее клерки и простые работники, работники медицинских служб или юристы, никакого уведомления бирже труда не требуется. Только личности младше 15 лет и старше 70, матери несовершеннолетних при определенных условиях, беременные женщины и инвалиды были освобождены. В протекторате только президент протектората, председатель и члены правительства были избавлены от службы чрезвычайных ситуаций. Армия, войска СС и рабочие подразделений защиты от воздушного налета освобождались в силу самой природы их занятий.⁸⁹ Работники службы чрезвычайных ситуаций получали определенный заработок и поддержку семьи, которая дифференцировалась в соответствии с предыдущим доходом рабочего, призванного службой.

Мы можем, таким образом, сказать кратко, что рабочий не пользовался никакой свободой. Он не мог выбрать свое место работы или вид работы, он не мог уйти по своему желанию, но, как правило, он не мог быть и уволен без согласия биржи труда — защита, совершенно ненужная сегодня.

⁸⁷ Первое исполнительное распоряжение, см.: Ibid. P. 14.

⁸⁸ Posse. Vol. 1. Notdienst.

⁸⁹ Ibid. P. 5.

Исполнительным агентством полной занятости трудовых ресурсов была биржа труда, работа которой координировалась с работой других агентств специальным уполномоченным по обороне. Биржи труда имели с 28 июня 1935 г. абсолютную монополию в вопросах занятости, завершая тем самым тот ход развития, который начался при Веймарской республике.

Первоначально федеральный институт биржи труда и страхования по безработице был полуавтономным органом (закон от 16 июля 1927 г.), управляемым профсоюзами, организациями работодателей и представителями органов государственной власти под контролем министра труда. У него были региональные и местные структуры. Национал-социализм изменил эти структуры сверху донизу. Провинциальные и местные биржи труда были теперь просто исполнительными учреждениями министерства труда (25 марта 1939 г.), в то время как главная канцелярия была включена в министерство труда. Ее президент (неизменный доктор Зируп) был назначен государственным секретарем в министерстве труда. Только финансовое управление представляло собой отдельный орган, служивший только бухгалтерским целям.

Механизм, посредством которого осуществлялся контроль, — это трудовая книжка, которая постепенно расширялась и включала в себя каждый раздел торговли и промышленности. Каждый работающий по найму должен обладать трудовой книжкой, в которую заносились все данные, относящиеся к его занятиям, такие, как период обучения, прежняя занятость и т. д. Она должна была указывать, например, количество воздушных перелетов, профессиональную подготовку, опыт работы в сельском хозяйстве. Трудовая книжка, конечно, потеряла свое значение в качестве условия, необходимого для обеспечения занятости, но она является вполне развитым методом для террора рабочего; в то же самое время она представляет собой средство статистического контроля за предложением труда.

Режим также усиливал власть распорядителя труда, и в том, что касалось его полномочий регулировать заработную плату,⁹⁰ и относительно его права назначать штрафы за нарушение любого из его постановлений и приказов.⁹¹

⁹⁰ Указ от 1 сентября 1939 г., *Posse*. Vol. I, *Arbeitsrecht*. II. P. 1, 2.

⁹¹ Третье исполнительное распоряжение к указу о заработной плате военного времени, 2 декабря 1939 г.; *Posse*. Vol. I, *Kriegslöhne*. II. P. 23–30.

Борьба за более высокую производительность

В то время как мобилизация доступного предложения рабочей силой была успешно выполнена, сомнительно и совершенно неясно, был ли таким же успешным и подъем производительности труда. Поскольку этот подъем относился к той сфере, где все еще действовали последние остатки рыночного механизма, режим не мог поставить позади каждого рабочего члена СС, который своим оружием заставлял бы рабочего трудиться лучше и быстрее. Следовательно, возникли новые методы промышленной войны, до того времени неизвестные немецким рабочим, методы, более родственные революционному синдикализму, чем немецкому профсоюзному движению. Пассивное сопротивление, *Са' саппу*, или замедление, — один из решающих методов синдикалистской войны, принятый в крупных масштабах сначала в 1895 г. итальянскими железнодорожными рабочими, которых защищали Эмиль Пуже и Фернан Пеллутье из французского синдикалистского движения, успешно примененный австрийскими железнодорожными рабочими в 1905, 1906 и 1907 гг. в форме скрупулезного согласования всего движения и инструкций безопасности, по-видимому, вышло на первый план и в Германии. Замедление, организуемое немецкими рабочими, не является, конечно же, открытой или весьма заметной отмеченной политикой, которая приговорила бы к смерти ее лидеров и к концентрационным лагерям их последователей. Оно заключается в отказе посвящать всю энергию работе, а иногда в решении давать значительно меньше нормы.

Конечно, трудно доказать наше утверждение, так как почти невозможно оценить статистически среднюю продукцию на человека; и кроме того нет ничего настолько закрытого и настолько туманного среди секретов режима, чем отклик, вызываемый режимом в среде рабочего класса. У нас есть, однако, одно доказательство: тактика «замедления» у шахтеров в 1938 и 1939 гг. и последовавшие изменения в политике заработной платы режима. Средняя производительность шахтеров упала в Рурском районе с 2199 килограммов в 1936 г. до 1964 килограммов в 1939 г.,⁹² а вместе с ним и во всей угольной промышленности. В результат был назначен специальный уполномоченный, чтобы поднять производительность в угольной промышленности. Трудовое время под

⁹² Die Bergarbeiterfrage // WK. 1939 (18). P. 303–309.

землей было увеличено с 8 часов до 8 часов 45 минут, но оплату за сдельную работу и сверхурочную плату пришлось увеличить специальным указом от 2 марта 1939 г.,⁹³ Указ предоставил шахтерам не только 25 % заработной платы в качестве сверхурочной оплаты, но дал им добавочные 200 % премии за дополнительное увеличение производительности.

Но очевидно, что новая и гораздо более значительная победа была одержана рабочими массами во время войны.

Указ об экономике военного времени 4 сентября 1939 г. предусматривал не только замораживание цен, но также и заработной платы.⁹⁴ Чтобы понять указ о замораживании заработной платы, необходимо несколько вводных слов. Акт о регулировании национального труда от 20 января 1934 г.,⁹⁵ немецкая хартия труда создали должность распорядителя труда, назначаемого федеральными властями государственного служащего, который заменял коллективные соглашения между организациями работодателей и профсоюзами. Распорядители труда получили право назначать тарифы, то есть правила, содержащие шкалу заработной платы и условия труда для всей промышленности на их территории. Новые тарифы были в целом идентичны коллективным договорам с тем отличием, однако, который они применяли не только к организованным членам договаривающихся сторон, но и к каждому работодателю и служащему, работающему в этой определенной отрасли торговли или промышленности. Тарифы стали впоследствии минимальными инструкциями, оставлявшими отдельному соглашению между работодателем и рабочим или соглашению между заводом и его рабочими возможность улучшить условия труда.

Уже указ уполномоченного по Четырехлетнему плану от 25 июня 1938 г. разрешал распорядителям устанавливать в определенных отраслях (строительстве и металлургии) не только минимальную, но и максимальную заработную плату, чтобы помешать использованию нехватки рабочей силы и работодателями, и рабочим. Предписание о замораживании в указе о военной экономике теперь давало распорядителям полномочия сразу же, согласно приказам министра труда, привести трудовые доходы в соответ-

⁹³ Mölders. Op. cit. Vol. I. Group 4. P. 31, 32.

⁹⁴ Posse. Vol. I, Kriegslöhne. P. I.

⁹⁵ Franz Neumann. European Trade Unionism and Politics / Preface by H. J. Laski. New York, 1936. P. 43-49.

ствие с условиями, созданными войной, и закрепить максимальную заработную плату, вознаграждения и другие условия труда. Указ, таким образом, уполномочивал распорядителей произвольно вмешиваться в существующую структуру заработной платы и условий труда, без оглядки на существующие обязательства.

С этого времени не минимальная, а максимальная заработная плата стала правилом.

Скоро, однако, эту новую власть, передаваемую распорядителям, посчитали недостаточной. Большое количество актов постепенно ограничивали труд требованиями военного времени. Если, например, в процессе сокращения завода увольнения кажутся необходимыми, распорядители могут (и они это регулярно делают) сократить сроки увольнения, предписанные законом, тарифным регулированием, индивидуальным договором.⁹⁶ Был явный запрет работодателям выплачивать обычную заработную плату за сверхурочную работу, за работу в воскресенье, в праздничные дни, за ночную работу, и он лишал законной силы все предписания, содержащиеся в законах, тарифных регулирований или отдельных соглашениях, устанавливающих оплачиваемые и неоплачиваемые праздники, уничтожая, таким образом, те достижения, которыми национал-социализм так часто хвалился. Кроме того, министр труда был уполномочен изменять любые условия, касающиеся трудового времени.

Однако была предпринята по крайней мере одна попытка, чтобы помешать работодателям собирать урожай прибыли с отказа от оплаты сверхурочных и от других правил. Они были вынуждены передавать такую дополнительную прибыль в федеральные налоговые службы, хотя позже эта обязанность была в значительной мере аннулирована.⁹⁷

Все это, однако, считалось недостаточным, и другое исполнительное распоряжение наконец установило потолок, запрещающий повышение заработной платы, вознаграждения и другие компенсации и изменения в условиях сдельного труда.⁹⁸ Насколько жестко указ о замораживании заработной платы исполнялся,

⁹⁶ Первое исполнительное распоряжение к указу о заработной плате военного времени, 16 сентября 1939 г.; *Posse. Op. cit.* P. 6–11.

⁹⁷ Указ от 4 сентября 1939 г.; *Ibid.* P. 12–14.

⁹⁸ Второе исполнительное распоряжение к указу о заработной плате военного времени, 12 октября 1939 г.; *Ibid.* P. 14–18a.

можно узнать из тарифного регулирования трудового распорядителя в Берлине, который установил размер вознаграждений берлинских коммерческих служащих.⁹⁹ Было не только запрещено увеличивать вознаграждения, но даже и приведение самых низких вознаграждений в соответствие с новой шкалой явно запрещалось. Даже рождественские премии не должны были превышать размеры премий, выплаченных в предыдущем году.¹⁰⁰

Военное законодательство не остановилось на заработной плате. Оно было намерено уничтожить все законодательство, защищающее труд, которым Германия по праву гордилась. Законы и инструкции, устанавливающие максимальное рабочее время для рабочих мужского пола и оплачиваемых служащих свыше 18-летнего возраста, было аннулировано указом министерского совета государственной защиты,¹⁰¹ а административные учреждения были наделены правом отклоняться от всего существующего законодательства о трудовом времени относительно подростков от 16 до 18 лет. Они в экстренных случаях могли ежедневно наниматься на работу до 10 часов в день, не превышая 50 часов в неделю.¹⁰² Подростки младше 16 лет могли быть наняты в экстренных случаях, если они посещали школу или профессиональные училища, до 10 часов в день, если же они не учились, то до 48 часов в неделю; фактически все инструкции, запрещавшие воскресную и праздничную работу для подростков, были отменены.

Рука об руку с этим ухудшающим положение дел пересмотром заработной платы, вознаграждений и условий труда, шло уничтожение страхования от безработицы, которое, хотя и не имело большого практического значения в период полной занятости, могло в любой момент начать играть главную роль. Новый указ министерского совета государственной защиты¹⁰³ уже рассматривает поддержку безработных не как страхование, но как помощь, и соответственно делает ее зависимой от строгой проверки материального положения. Верно, что новый указ содержит некоторые

⁹⁹ 4 февраля 1941 г.; см.: DV. 1941 (15). N 22. P. 822.

¹⁰⁰ Постановление министра труда, 16 ноября 1939 г.; *Posse*. Op. cit. P. 21.

¹⁰¹ Указ 1 сентября 1939 г. министерского совета государственной защиты; *Posse*. Vol. I. Arbeitsschutz. P. 1–13.

¹⁰² 11 сентября 1939 г.; *Ibid*. P. 12–13.

¹⁰³ 1 сентября 1939 г.; *Posse*. Vol. I. Arbeitslosenhilfe. II. P. 1–74.

улучшения предшествующего законодательства; время ожидания и предельный срок отменены. Но поскольку пособие значительно уменьшено, поскольку проверка материального положения выполняется очень строго и поскольку в помощи может быть отказано, если безработный отклонит предложенную работу, то финансовые обязательства по отношению к безработным оказываются небольшими.¹⁰⁴ Тем не менее прибыль, которая накапливается у правительства от вкладов в такую схему помощи безработным, огромна. Объединенные вклады работодателей и служащих, выросшие в 1930 г. от 3 до 6 % от номинальной заработной платы, сохраняются. Общие расходы в 1937 г., когда полная занятость еще не была достигнута, уже составляли 1 058 000 000 марок, из которых 9 600 000 марок были потрачены на страхование от потери способности к труду, 674 300 000 — на политику создания рабочих мест, 6 200 000 — на субсидии региона Саара, в то время как 368 800 000 были выплачены федеральному правительству.¹⁰⁵ В последние годы весь доход фактически шел непосредственно в казначейство федерального правительства.

Таким образом, ясно, что намерение режима при начале войны было не только в том, чтобы установить потолок заработной платы, но и в том, чтобы отменить все социальные завоевания, полученные за десятилетия общественной борьбы.

Но именно в этот момент пассивное сопротивление, кажется, и началось в крупном масштабе. Режиму пришлось уступить и капитулировать почти на каждом участке фронта. 16 ноября 1939 г.¹⁰⁶ он вновь ввел дополнительные выплаты за праздничные дни, за воскресные дни, за ночную и сверхурочную работу. 17 ноября 1939 г.¹⁰⁷ он повторно ввел оплачиваемые выходные и даже издал приказ о компенсации рабочим за предыдущие потери. 12 декабря 1939 г.¹⁰⁸ режиму пришлось наконец принять новое законодательство о трудовом времени, и усилить защиту женщин, подростков, и рабочих в целом. Регулярное рабочее время — теперь 10 часов в день, или 60 часов в неделю, хотя расширение трудового време-

¹⁰⁴ Система была упрощена и изменена 16 декабря 1940 г.; см.: *International Labour Review*. 1941 (43). P. 586.

¹⁰⁵ *WK*. 1938 (17). P. 292.

¹⁰⁶ *Posse*. Vol. I. *Kriegslöhne*. P. 20.

¹⁰⁷ *Ibid*. P. 21, 22.

¹⁰⁸ *Posse*. Vol. I. *Arbeitsschutz*. P. 15–25.

ни разрешено во многих случаях. Занятость женщин и подростков вне пределов, предписанных в законе о защите молодежи от 30 апреля 1938 г., запрещена. Ночная работа теперь возможна только в чрезвычайных случаях и только при специальном разрешении. Сверхурочная оплата составляет 25 %. Мы не можем здесь вникать в детали новых инструкций, которые время от времени изменялись.¹⁰⁹ Они, по моему мнению, показывают поражение режима и победу рабочего класса. Это может быть замечено по формулировке указа, повторно вводящего оплату за сверхурочное время. Он оправдывает повторное введение премий за работу при полном затемнении; это утверждает, что воскресные работы приносят особые затруднения рабочим; и что отмена дополнительных выплат была только временной мерой. Если бы затемнение не было только предлогом, оно не было бы необходимым для повторного введения сверхурочной оплаты на всей территории. Формулировка указа нацелена на то, чтобы скрыть поражение режима.

Может быть правдой, что частичное восстановление прав рабочих было в первую очередь следствием «фиктивной» войны 1939 г., которая сделала требование высоких жертв необязательным. Издание указа о помощи частично занятым рабочим, кажется, подтверждает такое представление.¹¹⁰ Режим явно ожидал, что война на западном фронте сделает неизбежным закрытие множества заводов на западе; в результате производство на других заводах должно было бы увеличиться, трудовое время расширится до крайнего предела, и предписания были сделаны для тех, кто стал бы полностью или частично безработным из-за закрытия. Этого не случилось. Заводы, расположенные в Западной Германии, работали на полную мощность, и суровое законодательство могло быть смягчено.

Чтобы поднять производительность труда, режим использовал не только террор и пропаганду, но также и обычное стимулирование заработной платы.

¹⁰⁹ То есть для рабочих-металлургов, где условия опять были ухудшены. Если завод работал непрерывно 24 часа, трехсменная система заменялась двухсменной системой, то есть 12 часов в день и 72 часа в неделю. См.: *International Labour Review*. 1941 (43), N 5. P. 585.

¹¹⁰ Указ 18 сентября 1939 г.; *Posse*. Vol. I. *Kurzarbeiterunterstützung*. P. 1–29.

Он также использовал и другие методы. Сдвиг от потребления к производству товаров¹¹¹ и увеличение объема производства требовали изменений в профессиональной подготовке рабочего класса. Ученики должны были обучаться, и, как следствие, профессиональное обучение было сделано обязательным. Некоторые отрасли, такие, как строительство и машиностроение, были вынуждены нанимать учеников в соответствии с зафиксированным соотношением между профессиональными рабочими и учениками. Квалифицированные рабочие, которые, во время депрессии, перешли в другие профессии, должны были возвратиться к их старым. В результате было значительное снижения числа сельскохозяйственных рабочих. Перепись 1939 г. показала, что труд, используемый в сельском хозяйстве и лесоводстве, снизился больше чем на 10 %.¹¹² Пробел пришлось восполнять за счет военнопленных и иностранных гражданских рабочих.

¹¹¹ См. примеч. ⁸⁰, количество отработанных часов в промышленности.

I. Объем промышленного производства, 1928 = 100 %

	1933	1936	1938	Май, 1939
Общий объем	65.5	106.7	124.7	130.1
Без пищевой промышленности	61.5	107.8	128.0	132.6
Производственных товаров	53.7	112.9	135.9	148.9
Капиталовложения	44.9	116.6	140.3	152.8
Потребительские товары	82.9	97.5	107.8	116.1

Источники: *Institut für Konjunkturforschung, Wochenbericht*. 1939. N 8. 22 февраля; и *Statistik des In- und Auslandes*. 1939/40 (14). N 2.

II. Доля товаров промышленного производства, в ценах 1928 года

	В процентах (%)		В процентах (%)
1929	61	1936	63
1932	47	1938	65

Источник: *Institut für Konjunkturforschung, Vierteljahrshefte zur Wirtschaftsforschung*. 1939/40. N 1.

¹¹² Europas Menschenmagnet // WK. 1940 (19). P. 209–211. Более детальный анализ этого законодательства см.: *Hamburger*. Op. cit. P. 14–31.

Тем не менее решающий вопрос о том, выросла ли средняя производительность труда, оставался без ответа. Мы полагаем, что из-за изможденности рабочих, использования слишком молодых или слишком пожилых людей, недостаточно обученных рабочих, средняя производительность труда будет ниже, чем в 1929 г., несмотря на модернизацию и увеличившийся объем производства.

Труд был поставлен под авторитарный контроль настолько полный, насколько это возможно. Рынок труда регламентировался.

7. Заключение

Мы подошли к концу нашего утомительного путешествия по национал-социалистической экономике. Мы не исследовали все обходные тропы. Мы не касались субъектов аграрного рынка и продовольственного сословия. Обсуждение последнего не является необходимым, так как теперь это простое правительственное учреждение без какой-либо независимости; к социальному положению крестьянина мы обратимся в следующей части. Мы не обсудили военное финансирование. Достаточно сказать, что проблемы хотя и были огромными, но они были преодолены. Военное финансирование образовано доходом, состоящим прежде всего из подоходного налога плюс дополнительный военный налог в размере 50 % на провизию, при этом, однако, этот налог и дополнительный налог вместе не должны превышать 65 % дохода; военных дополнительных налогов на товары потребления (пиво, шампанское, алкогольные напитки, табак); увеличенных взносов земель и муниципалитетов федеральному правительству; налога на корпорации, который был уже увеличен перед войной; выпуска государственных облигаций; зачетов будущих налоговых поступлений; краткосрочных заимствований. Все они обеспечивают финансовое основание для ведения войны. Полная занятость и низкие льготы на подоходный налог, высокая ликвидность банков, ипотечных организаций, частных и социальных страховых учреждений, и скупость правительства, держащего в своих руках структуру кредита, сделали финансирование войны не слишком трудной задачей. Благодаря полной занятости национальный доход значительно вы-

рос.¹¹³ Следует упомянуть, что дополнительный налог в размере 50 % не затрагивал получателей заработной платы, зарабатывавших менее 234 марок в месяц или 54 марок в неделю или 9 марок в день, и это — огромная часть наемных работников. Другими словами, налоговая политика не переложила бремя военного финансирования на большие массы, заработную плату — и добытки зарплаты. Действительно, налог на заработную плату и вознаграждения, введенный с 1919 г., не был увеличен национал-социалистами. Взносы в учреждения социального страхования не повышались с 1930 г. Только взносы в партию и ее вспомогательные организации составляли нелегкое бремя, как будет позже отмечено. Во всяком случае сокращение потребления не было следствием налогообложения.

Хотя мы не стремимся к полноте, мы полагаем, что мы описали главные явления экономики Германии и теперь способны соединить множество частей в единое целое. Три проблемы встают перед нами снова и снова.

Как работает организация?

Какова движущая сила экономической системы?

Какова ее структура?

¹¹³ Национальный доход в марках:

1929	75 449 000	1935*	58 662 000
1932	45 175 000	1936	64 884 000
1933	46 514 000	1937	72 590 000
1934	52 710 000	1938	79 722 000

* С 1935 года: включая Саар. Показатели 1939 г. составляют около 90 млрд марок.

Источник: WS. 1939. N 21/22. P. 705. Согласно речи бывшего государственного секретаря Бринкмана (DAZ. 2 ноября 1938 г.), доля налогов, тарифов и взносов в социальное страхование в национальном доходе выросла с 11.3 % в 1913 г. до 22.2 % в 1925 г., до 30.6 % в 1932 г. и до 33.5 % в 1937 г. См. также обзор финансовой структуры к середине 1939 г.: *Economic Conditions in Germany in the Middle of the Year 1939*, представленный в: Reichskreditgesellschaft. Berlin, 1939. P. 42–59; а также: *de Wilde*. Op. cit. P. 301–303, и *Thomas Balogh*. *The Economic Background in Germany* // *International Affairs*. 1939 (18). P. 231.

Эффективность

Существующая эффективность организации была бы невозможна без эластичности и завершенности организационной структуры бизнеса, уже достигнутой при Веймарской республике. Группы и палаты здесь в течение многих десятилетий действовали как центры, в которых промышленное, коммерческое, финансовое и техническое знание накапливалось, углублялось и систематизировалось. Группы и палаты были посредниками между государственной бюрократией и отдельным предприятием. При нормировании сырья и потребительских товаров, при модернизации, при распределении общественных заказов среди бизнесменов, при регулировании цен, кредитном контроле и внешней торговле группы и палаты действуют частично как консультативные органы, частично — как исполнительные учреждения, которым государство делегировало принудительную власть.

Завершенность организации картеля, также достигнутая при Веймарской республике, — это другой содействующий фактор. Как маркетинговые организации, картели многие десятилетия изучали рынок, следили за каждым колебанием, и таким образом смогли предоставить свой большой опыт в распоряжение правительства. Впоследствии, во время войны, картели стали публичными органами с частным контролем, особенно при распределении сырья.

Эффективность организации также многим обязана министерской бюрократии и полному отсутствию «тяжелой руки казначейства». Немецкая министерская бюрократия всегда была очень компетентна, и опыт, который она получила на железной дороге и почтовых службах, в *Reichsbank* и других публичных финансовых учреждениях, в учреждениях валютного контроля, в федеральных и принадлежащих государству промышленных организациях подготовил ее к гигантской задаче управления экономикой военного времени такого размера. Воздать должное следует — возможно, даже больше, чем любому другому фактору — высокообученному и умелому немецкому рабочему и системе профессионального обучения, ремесленным и техническим школам, которые все были созданы еще при Веймарской республике землями, муниципалитетами, профсоюзами и в меньшей мере — промышленностью.

Вклад национал-социалистической партии в успех военной экономики нулевой. Она не предоставила ни одного человека

с выдающимися заслугами, не внесла ни одной теоретической или организационной идеи, которая не была бы полностью развита при Веймарской республике.

Показать подробно, как работает машина, однако, гораздо труднее. Я попытаюсь проанализировать несколько типичных случаев. Возьмем предпринимателя средних размеров. Он должен быть членом своей группы и своей местной палаты промышленности и торговли и он может быть членом картеля, а может и не быть. Если он работает нерационально, то есть «его издержки производства слишком высоки», может произойти многое. Главный уполномоченный по Четырехлетнему плану может попросить, чтобы его группа провела расследование. Группа отчитывается и представит свою рекомендацию, следует ли закрыть завод или модернизировать его, или позволит оставить ему все как есть. Если отчет осуждает завод, главный уполномоченный может исполнить приговор прямо или косвенно. Если предпринимателю потребуется сырье, *Reichsstelle* или агентство по распределению сырья (картель или группа), или канцелярия по вопросам предоставления квот (которой, как правило, и является группа) откажет ему в этом. Или же главный уполномоченный может выполнить это сам. Он или группа могут обратиться к министру экономики, а министр экономики может использовать полномочия, которыми его наделил указ о картеле. Если предприниматель не член картеля, его могут заставить присоединиться к нему, и картель может тогда не дать ему квоту, или дать недостаточную квоту; или же министр экономики может закрыть завод.

Если отчет группы рекомендует модернизацию завода, то будут иметь место переговоры с банком, чтобы получить необходимый капитал, который может быть найден, а может и нет. Тот же самый результат может быть достигнут понижением ценовой структуры специальным уполномоченным по ценам или учреждениями, формирующими цены. Если предприниматель пожелает, и если он зависит от правительственных заказов, он может получить долю в публичных заказах через клиринговые учреждения провинциальных экономических палат. Но даже если клиринговое учреждение готово выделить ему правительственные заказы, он может быть и не в состоянии их принять, потому что он не может производить с прибылью по ценам, разрешенным правительственными указами.

Если предприниматель управляет заводом по производству потребительских товаров (скажем, обувной фабрикой), то

его запасы кожи могут быть переданы кожевенному *Reichsstelle*.¹¹⁴ Если он хочет продолжить производство, он должен обратиться к своему агентству по квотам, то есть к своему *Reichsstelle* или к своей отраслевой группе за чеком на кожу.¹¹⁵ Если завод является достаточно крупным и работает эффективно, ходатайство может быть удовлетворено. Если ему отказывают, он должен закрыться, и он может получать помощь сообщества. Если он изготовитель мыла, он должен производить один из четырех сортов мыла или «федеральное стандартное мыло» для ухода за телом, или мыло для бритья, или один из двух существующих типов хозяйственного мыла.¹¹⁶ Если *Reichsstelle* отказывает ему в сырье, потому что его группа считает, что он неэффективен, но ему может быть позволено продолжать как торговцу, живущему практически на основе комиссии.¹¹⁷

Но есть другие способы, которыми машина может быть приведена в действие. Если новая фабрика, необходимая для экономической войны, должна быть создана, или если существующая должна быть расширена, то биржа труда сделает обзор на своей территории с целью обнаружить, какие другие заводы могут быть «причесаны». Она попросит группу об отчете, специальный уполномоченный по обороне будет координировать действия, и однажды биржа труда прикажет, чтобы рабочие на ненужных заводах бросили там работу и начали трудиться на другой фабрике.

Если предприниматель — розничный торговец обувью и нуждается в обуви для поставки его клиентам, он должен будет обратиться к своему *Reichsstelle* за нормированными карточками, которые будут даны только при согласовании с провинциальным экономическим учреждением. Он может столкнуться с отказом и будет «причесан» палатой промышленности. Если он — сапожник и нуждается в коже для ремонта, он должен обратиться за карточками заказа к президенту своей ремесленной гильдии, который может их ему дать, а может и не дать.¹¹⁸ Он может тогда быть «причесан» палатой ремесел, а затем переведен в пролетариат.

¹¹⁴ Posse. Vol. II. Lederwirtschaft. IV. P. 3.

¹¹⁵ Ibid. P. 11–13.

¹¹⁶ Posse. Vol. II. Seife und Waschmittel. P. I.

¹¹⁷ Posse. Vol. II. Schuhhandel, Lederwirtschaft. IV. P. 4.

¹¹⁸ Posse. Vol. II. Schuhhausbesserung. P. 5.

Если возникает потребность в новых промышленных предприятиях, то главный уполномоченный по Четырехлетнему плану будет исследовать ситуацию в этой особой отрасли промышленности вместе с министерством экономики и, возможно, в сотрудничестве с федеральным бюро территориальных исследований. Технические проблемы будут обсуждаться с группой. Обсуждение будет продолжено с ведущим объединением. Объединение может пожелать начать строительство этого нового завода, а может и не пожелать. Если оно выразит такое желание, то будет обсуждаться проблема финансирования. *Reichsbank* и частные банки вместе с объединением решат, должен ли завод финансироваться из нераспределенной прибыли или же банки должны предоставить деньги, или же нужно обратиться на рынок капиталов, или, наконец, следует ли издать указ для финансового сообщества о новом предприятии. Проблемы технического оборудования, местоположения и финансирования будут обсуждаться и группами, и картелями, и объединениями, и федеральными чиновниками. Соответствующий *Reichsstelle* попросят разъяснить проблему с поставками сырья, и соответствующую биржу труда — проблемы обеспеченности рабочей силой. Как только решение будет достигнуто, машина будет приведена в движение.

Из этого краткого описания ясно, что переплетение бизнеса, самоуправляемых учреждений и правительственных органов достигнуто, что внешне проявляется как высший уровень организационной эффективности, хотя, конечно же, под этой поверхностью будут давать о себе знать антагонизмы и конфликты.

Мотив прибыли

Что же является генерирующей силой этой экономики: патриотизм, власть или прибыль? Мы полагаем, что показали, что именно мотив прибыли удерживает эту машину. Но в монополистической системе прибыль не может быть создана и сохранена без тоталитарной политической власти, и это и есть отличительная черта национал-социализма. Если бы тоталитарная политическая власть не отменила бы свободу договора, то система картелей была бы разрушена. Если бы рынок труда не контролировался авторитарными средствами, монополистическая система была бы подвернута опасности. Если бы сырье, поставки, учреждения, контролирующие цены и модернизацию, учреждения, контроли-

рующие кредиты и валютный обмен были бы в руках сил, враждебных монополиям, система прибыли рухнула бы. Система стала настолько монополизированной, что она по своей природе стала сверхчувствительной к циклическим переменам, и таких волнений ей следует избегать. Чтобы достичь этого, необходима политическая власть над деньгами, кредитом, трудом и ценами.

Короче говоря, демократия подвергла бы опасности полностью монополизированную систему. Сущность тоталитаризма — в том, чтобы стабилизировать и укрепить ее. Это, конечно, не единственная функция системы. Национал-социалистическая партия обеспокоена исключительно установлением тысячелетнего правления, но достичь этой цели она может, только защищая монополистическую систему, которая предоставляет ей экономическую основу для политической экспансии, Таково положение дел сегодня.

Агрессивный, империалистический, экспансионистский дух немецкого крупного бизнеса, глухой к доводам мелких конкурентов, среднего класса, свободный от контроля банков, избавленный от давления профсоюзов, и является движущей силой экономической системы. Прибыль, еще больше прибыли — мотив власти. Это слова генерал-майора Томаса, одного из самых смелых и предприимчивых промышленников, которые побеждали и будут побеждать. Хотя сегодня убеждение Мандевилля, что частные пороки являются публичными добродетелями, и выдвинуто в ранг высшего принципа — но не для масс, не для розничных продавцов, не для оптовых торговцев, не для ремесленников, не для мелких и средних бизнесменов, а для крупных промышленных объединений. Поскольку регламентация расширяется, поскольку контроль за ценами становится более эффективным, поскольку регулирование кредитного и денежного рынков становится более строгим, поскольку правительство укрепляет монополию на рынке капиталов и поскольку внешняя торговля переплетается с политической деятельностью, потребность получать прибыль становится крайне необходимой, прибыль не тождественна дивидендам. Прибыль выше всего, выше вознаграждений, премий, комиссий за особые услуги, патентов, лицензий, связей и доброй воли. Прибыль — это особая нераспределенная прибыль.

Любая из мер по регламентации прибыли играет на руку монополистам. Любой технологический процесс, любое изобретение, любая мера по модернизации усиливает их власть. Немецкая

угольная промышленность, например, стоит сегодня перед промышленной революцией, перед введением так называемого «железного шахтера», но немецкая периодика настаивает,¹¹⁹ что только крупные заводы будут способны выполнить полную механизацию.

Во все это партия не вмешивается. Период партийного вмешательства в экономику давно закончился.

«Организация экономики — это низший по отношению к государству институт. Это не группа и не вспомогательная организация партии. Это не означает отсутствия интереса со стороны партии. Такой интерес следует главным образом из того факта, что экономика в целом также должна следовать за национал-социалистической философией жизни. Но это означает, что партия ограничивает себя вопросами философии жизни и отбором руководящих лиц для организации экономики, и что она оставляет все технические вопросы деталей экономической политики государству. Получает ли кто-то иностранную валюту, предъявляет ли требования к международному клирингу, будет ли торговая компенсация или обычный экспортный бизнес, как и кто занимается экспортом... следует ли предложить заем или самофинансирование — все эти и многие другие вопросы технической и организационной целесообразности должны решаться государством».¹²⁰

Такова точка зрения официального комментатора национал-социалистической экономической организации. Партия получает комплименты, но она не должна вмешиваться в экономику. Отношение между партией и экономикой идентично отношению между партией и внутренней администрацией, которое лучше всего выражено в указе, который оставляет нравственное руководство народом партии, а принудительные механизмы — государственной службе. Поэтому было бы неправильно предполагать, что в экономике существует двойное правление, правление партии и правление государства. По нашему мнению, сам факт, что партия настолько полно исключена из контроля за положением в экономике, привел к основанию предприятий Геринга.

¹¹⁹ FZ. 12 июня 1941 г. Средняя производительность полностью автоматизированной шахты должна быть, как утверждается, 8.93 тонны на человека против 2 тонн в Рурской области и 2.4 в верхней Силезии, где шахты не механизированы.

¹²⁰ Barth. Op. cit. P. 12.

Структура

Какова структура экономической системы? Могло бы быть поучительным перевести передовицу «Deutsche Volkswirt»,¹²¹ написанную по случаю основания Континентальной нефтяной корпорации:

«Большинство компетентных представителей нового немецкого государства и самые преданные хранители национал-социалистических идеалов с самого начала подчеркивали тот принцип, что государство должно просто дать экономике общее направление, но саму экономику предоставить частной инициативе предпринимателя, основывающегося на частной собственности и принципе эффективности. Напоминать о таких заявлениях было бы утомительно, если бы недвусмысленная ясность принципа не вступала в противоречие с постоянно возникающими сомнениями относительно фактической судьбы частной экономики.

Реалистическое исследование ситуации подтверждает, что малый бизнес и фактически вся торговля (возможно, за исключением специальных задач во внешней торговле) и ремесла являются областью исключительно частной деятельности. Но даже в промышленном секторе положение частного предпринимателя, включая крупные и средние заводы, на практике не оспаривается и не подвергается опасности; с самого начала отдельные проявления деятельности органов государственной власти в этой области были всегда исключением, которое подтверждает правило. Только в сфере крупного предпринимательства и гигантских заводов возникают феномены, которые могли бы побудить нас выразить фундаментальное беспокойство о судьбе частной экономики.

Две тенденции развития вызывают во многих местах скептицизм относительно устойчивости принципа частной экономики в крупной промышленности. Первая идет сверху и касается ее прямой связи с государством. Чтобы выполнить... свою программу *großdeutsche Reich* должен был потребовать от экономики таких действий, которые... превышали возможности даже крупных частных предприятий.... Предприятия Германа Геринга, предприятия народного автомобиля, а теперь и предприятия народного трактора могут быть указаны в качестве примеров. Именно об этом ча-

¹²¹ DV. 1941 (15). N 27. P. 995–996.

ще всего говорят как о решении новых экономических проблем... которые образуют саму область деятельности частной предпринимательской инициативы.... Если требования, которые государство должно предъявить гигантскому промышленному сектору, превышают возможности частной деятельности, то разве это не приговор крупной частной промышленности? Возможно, что промышленные предприятия государства, несмотря на их ограниченное число, являются не простыми исключениями из правила, но первыми признаками фундаментально нового развития.

Вторая тенденция развития ... идет снизу. Она касается отношений между предприятием и акционером.... Фактически живые связи между... корпорацией акционерного капитала и широкой стратой мелких и свободных акционеров постепенно ослабли. Единственная остающаяся связь — ежегодное распределение прибыли; но политика дивидендов становится все более и более независимой от фактической экономической политики. Новая кровь и новые акции едва ли могут влиться в корпорации. Интерес акционеров к предприятиям был лишен своего живого характера и уменьшен до простого фантома юридической конструкции...

Таким образом, сверху мы наблюдаем, что государство принимает на себя предпринимательские задачи, а снизу — что между крупной промышленностью и обществом распадаются связи, которые основаны на понятии собственности.

Однако заявление федерального министра экономики на собрании акционеров *Reichsbank* указывает на разрыв в развитии, угрожающий существованию крупной частной промышленности. Разъяснение структуры капитала акционерных корпораций разрушит неясные представления широкой публики... и таким образом увеличит ее интерес к корпорациям, *Этот разрыв будет усилен и расширен* замечательным позитивным мероприятием, которое теперь осуществляет национал-социалистическая экономическая политика, учреждая гигантскую корпорацию, а именно *Континентальную нефтяную корпорацию*, в которой руководством наблюдательным советом было принято министром экономики, и в которой крупная частная промышленность и владельцы мелкого капитала образуют *объединенный фронт*.

Представление, что основание Континентальной нефтяной корпорации усилило частную экономику в секторе крупной промышленности, не противоречит тому факту, что само государство

активно участвовало в этом основании в силу двух обстоятельств. Континентальная нефтяная корпорация не будет заниматься производством топлива на старой федеральной территории, находящимся в руках частной промышленности. Задачи новой корпорации лежат за пределами границ рейха.... Эти задачи требуют урегулирования частных... и политических интересов... Кроме того, политическое значение нефти и геологические... факторы создают *риски*, которые не сможет выдержать одна лишь частная экономика....

Те же самые причины, которые оправдывают активное участие государства в Континентальной нефтяной корпорации, вносят дополнительную ясность в фундаментальное значение решающего участия немецких крупных предприятий в нефтедобывающей и угольной промышленности.... Ибо теперь очевидно, что будущий *политический* новый порядок... даст [частной промышленности] возможности и задачи для долгосрочного сотрудничества...»

Мы приносим извинения за такую длинную цитату. Зато она столь ясно указывает на тенденцию, что никакие комментарии уже не нужны.

Неудачи демократического планирования

Возникает вопрос, почему такая направляемая или контролируемая экономика, почему такое «планирование», если мы можем использовать это слово, не выполнялось при демократических условиях и демократическими методами. Причины отказа от демократического планирования и коллективизма в Германии, кажется, являются и экономическими, и политическими. «Планирование» становится необходимым (это также указано в цитате выше), потому что промышленность отказывается делать новые инвестиции, которые требуют огромного капитала и которые, кроме того, чрезвычайно рискованны. Предполагаемые риски являются двоякими: политическая неопределенность, которая приводит к экономической неопределенности, и экономическая депрессия, которая ведет к распаду политической демократии.

Парламентская система может в любое время породить силы, враждебные монополистам, которые постоянно находятся под угрозой тяжелых налогов, прежде всего налогов на нераспределенную прибыль, утраты системы покровительства, «по-

тери доверия», возможности трудовых споров. Все это приводит к хорошо известной «забастовке инвесторов», к отказу расширять предприятие, потому что политическая неопределенность может подвергнуть опасности возврат инвестиций. Политическая неопределенность порождает экономическую нестабильность. Если государство не имеет полного контроля над деньгами, кредитом и внешней торговлей, то деловой цикл не может быть стабилизирован. Спад привел бы к краху переполненной капиталом монополистической структуры. В этих условиях координация государством всех мер регламентации кажется неизбежной и необходимой.

Здесь существовала, конечно, абстрактная возможность поручить такую координацию парламенту. Немецкие профсоюзы предлагали много таких планов; французский Народный фронт и бельгийская трудовая партия разрабатывали сходные планы, а Новый курс Рузвельта частично их выполнил. Все европейские попытки завершились неудачей, а Новый курс Рузвельта частично преуспел, потому что страна была богатой, и ее резервы, выявленные лишь частично, были неисчерпаемы.

Демократическое планирование потерпело неудачу, потому что демократическое планирование должно удовлетворять потребности широких масс, и именно по этой причине демократия обязана заниматься планированием. Удовлетворить требования широких масс означает, однако, расширить или по крайней мере сохранить промышленность потребительских товаров; это неизбежно ограничивает прибыль тяжелой промышленности. Кроме того, динамика демократии такова, что одно достижение масс приводит к дальнейшим требованиям. Один пример: при демократических условиях такой сверхреакционный промышленный консерватор, как Крупп, никогда не предоставлял бы своим рабочим те уступки, которых они требовали. Они покушались бы на само его право быть хозяином в собственном доме. Таким образом, они, поскольку он боялся, переходили бы ко все более и более опасным требованиям. При тоталитарных условиях он без колебаний будет выполнять некоторые требования, потому что демократический механизм перестал функционировать.

Демократическое планирование должно координировать множество частных интересов, торговлю и ремесло, интересы мелких, средних и крупных бизнесменов, интересы крестьян, государственных служащих, рабочих. Демократия не может просто

уничтожить, «причесать» неэффективного производителя и торговца. Она не может поработать рабочих. Она не может просто перевести средний класс в пролетариат; это просто усилило бы антидемократические тенденции и способствовало бы подъему фашизма.

Демократическое планирование также расширяет власть государства; она добавляет монополию экономического принуждения к монополии политического принуждения. Чем более сильным становится инструмент, тем более он драгоценен. Монополисты могли опасаться, что, если бы демократические группы управляли государством, они стремились бы увеличить благосостояние масс и сократить прибыль монополий.

В случае Германии были и дополнительные причины: банкротство ведущих политических партий, социал-демократов и профсоюзов, которые отличались трусостью, их возглавляли некомпетентные лидеры, и они предпочли сложить полномочия, а не бороться. Мы должны помнить, что партия католического центра, никогда не являвшаяся однородной, обнаружила в 1930 г., что у нее было как реакционное крыло, так и демократическое; что политический либерализм в Германии умер много лет назад; что коммунистическая партия, со своим некомпетентным руководством, колебалась между диктатурой пролетариата, революционным синдикализмом и национал-большевизмом, и таким образом ослабляла рабочий класс. Также важно, что армия, судебная власть и чиновничество организовали контрреволюцию в тот самый день, в который вспыхнула революция 1918 г.

Правящие классы отказались отдать власть над экономикой демократии. Им демократия представлялась «разновидностью социальной роскоши», если использовать слова Карла Беккера¹²² — но они без колебаний отдали всю экономическую власть тоталитарному режиму. Тиссен,¹²³ Кирддорф и другие оплатили долги национал-социалистической партии в 1932 г., и сегодня не секрет, что промышленность финансировала партию в прошлом; это открыто допускает «Deutsche Volkswirt».¹²⁴ Дома руководителей промышленности были открыты для Гитлера и Лея, для Геринга и Тербовена. Барон фон Шредер, владелец банковского дома

¹²² Modern Democracy. New Haven, 1941. P. 11.

¹²³ Life. 29 April 1940.

¹²⁴ DV. 1940 (14). P. 1712, 1713.

в Кельне Й. Х. Штейн устроили переговоры между Гитлером, Папенom и Гинденбургom 4 января 1933 г. Конечно, будет правдой сказать, что национал-социализм был не в состоянии сдержать многие из своих обещаний промышленным руководителям. Так по крайней мере казалось Тиссену, который, никогда не отличаясь проницательностью, принял за чистую монету такую ерунду, как государственные гильдии и социальную монархию. Национал-социализм скоординировал разнообразные и противоречащие друг другу виды государственного вмешательства в одну систему, имеющую только одну цель: подготовку к империалистической войне. Теперь это может казаться очевидным. В течение многих лет это не казалось столь очевидным внешнему миру, и автор испытывает некоторое удовлетворение, что уже в 1935 г. он сформулировал цель национал-социализма в следующих терминах: «Фашизм — диктатура фашистской [национал-социалистической] партии, бюрократии, армии и крупного бизнеса, диктатура над всем народом ради полной организации нации для ведения империалистической войны».¹²⁵ Как только эта цель признается, экономическая структура становится ясной. Подготовка к тоталитарной войне требует огромного расширения производства промышленных товаров, особенно промышленности средств производства, и вынуждает принести в жертву любой частный экономический интерес, который противоречит этой цели. Это предполагает организацию экономической системы, объединение всей экономики в монополистическую структуру, и, хотя мы и используем это слово неохотно, планирования. Это означает, что механизмы свободного капитализма, сомнительные даже при демократическом монополистическом капитализме, были строго ограничены. Но капитализм остается.

Национал-социализм мог бы, конечно же, национализировать частную промышленность. Но он не сделал этого и не желал сделать. Почему? Относительно империалистической экспансии у национал-социализма и у крупного бизнеса имеются тождественные интересы. Национал-социализм стремится к славе и стабильности своего правления, промышленность — к полному использованию своих возможностей и к завоеванию иностранных рынков. Немецкая промышленность была готова сотрудничать в самой полной мере. Ей никогда не нравились демократия, гражданские права,

¹²⁵ *Neumann. Op. cit. P. 35.*

профсоюзы и публичные дискуссии. Национал-социализм использовал смелость, знание, агрессивность промышленного руководства, в то время как промышленное руководство использовало антидемократическое, антилиберальное и антипрофсоюзное движение национал-социалистической партии, которая в полной мере развила те методы, какими можно контролировать массы и господствовать над ними. Бюрократия как всегда, шла за победившими силами, и впервые в истории Германии армия получила все, что хотела.

Таким образом в немецком правящем классе представлены четыре различные группы: крупная промышленность, партия, бюрократия, и вооруженные силы. Силились ли они в нечто единое? Является ли правящий класс одним сложным органом? Одобряется ли их правление массами? Каковы их методы массового господства? Таковы заключительные проблемы, которые мы должны рассмотреть.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НОВОЕ ОБЩЕСТВО

I. ПРАВЯЩИЙ КЛАСС

Если кто-то считает, что экономика Германии больше не является капиталистической при национал-социализме, то дальнейший вывод, что ее общество стало бесклассовым, напрашивается сам собой. Это утверждение покойного Эмиля Ледерера.¹ Краткий анализ его книги послужит введением к нашему обсуждению нового немецкого общества.

Ледерер отвергает попытки определять национал-социализм как последний оборонительный рубеж капитализма, как правление сильного человека, как восстание среднего класса, как господство армии или как господство бездарностей. Для него это — «современная политическая система, которая опирается на аморфные массы». Именно массы «выталкивают диктатора во власть и удерживают его там». Массы поэтому — деятели, а не инструменты правящего класса.

Но что такое массы? Они — противоположность классов. Они могут быть объединены исключительно эмоциями; они имеют склонность «взрываться внезапными действиями» и быть аморфными, они должны быть сплочены лидером, который может ясно сформулировать их эмоции. Как полная противоположность классов, массы образуют бесклассовое общество. Политика национал-социализма состоит в том, чтобы перевести стратифицированное классовое общество в массу, удерживая эту последнюю в состоянии бесконечной напряженности. Поскольку режим должен также

¹ *Lederer. State of the Masses. The Threat of the Classless Society.* New York, 1940.

удовлетворять материальные потребности масс, он осуществляет широкие публичные расходы и таким образом достигает полной занятости. Национал-социализм понимает, что «люди переполнены завистью, ненавистью к богатым и успешным». Эмоции лучше всего сохраняют свою живую силу в области внешней политики; поскольку агрессивная внешняя политика и подготовка к внешней войне предотвращают «пробуждение мышления и образование социальных групп».

Национал-социалистическое общество, таким образом, состоит из правящей партии и аморфных масс. Все другие различия устранены. «Именно на этом психологическом основании фашистская партия и была создана. Своим успехом она привлекла активные массы людей, которые находились в эмоциональном состоянии и не могли вернуться к своему прежнему образу жизни. Даже семейные связи разрушены, распыление общества является полным. Массы создают диктаторов, а диктаторы делают массы постоянной основой своего государства». Именно поэтому социальная стратификация общества имеет предельно важное значение и именно поэтому марксистская теория бесклассового общества становится настолько опасной. Национал-социализм полностью разрушил власть социальных групп и установил бесклассовое общество.

Будь анализ Ледерера верным, наше более раннее обсуждение было бы полностью ложным. Социальный империализм был бы тогда не лозунгом, заманивающим массы в ловушку, а выражением их непосредственных чаяний. Расизм не был бы заботой одних только небольших групп, но был бы глубоко укоренен в массах. Обоожествление лидерства было бы неподдельным феноменом, наполовину религиозным, а не простым способом предотвращения понимания деятельности социально-экономического механизма. Капитализм, наконец, был бы мертв, так как все частные группы были бы уничтожены, а оставались бы только лидеры и массы.

Ледерер тем не менее неправ, хотя некоторые истины и могут быть отсеяны из его формулировок. Иногда чувствуется, что даже он понимает что так называемая спонтанность масс и их активная причастность к национал-социализму есть обман и что роль народа сводится к тому, чтобы служить инструментом правящей группы. Эта проблема, возможно, самая трудная из всех при анализе национал-социализма. Трудности заключаются не только в недостатке информации и непригодности социологических категорий,

но также и в необычно сложном характере самих общественных отношений. Классовая структура и социальное дифференцирование не идентичны — отказ признать эту точку зрения является основной ошибкой, лежащей в основе анализа Ледерера. Общество может быть разделено на классы и в то же время не являться социально дифференцированным каким-либо иным способом. С другой стороны, бесклассовое общество может иметь острые различия.²

Сущность национал-социалистической социальной политики состоит в одобрении и укреплении преобладающего классового характера немецкого общества, в стремлении к консолидации его правящего класса, в атомизации подчиненных страт посредством разрушения любой автономной группы, промежуточной между ними и государством, в создании системы деспотичной бюрократии, вмешивающейся в любые человеческие отношения. Процесс атомизации распространяется частично даже на правящий класс. Он идет рука об руку с процессом дифференцирования внутри масс и внутри общества, создающего заслуживающие доверия элиты в каждом секторе. Через эти элиты режим натравливает одну группу против другой и позволяет меньшинству терроризировать большинство.³

Национал-социализм не создал массового человека; он завершил этот процесс и уничтожил все институты, которые могли бы ему помешать. В основном превращение человека в массового человека — результат современного индустриального капитализма и массовой демократии. Более столетия назад французские контрреволюционеры де Местр и Бональд и испанец Доносо Кортес утверждали что либерализм, протестантизм и демократия, которую они ненавидели, принесли с собой семена руководствующегося эмоциями массового человека и в конечном счете породили диктатуру меча. Массовая демократия и монополистический капитализм позволили этим семенам прорасти. Они заключили человека в тюрьму, опутав его сетью полуавторитарных организаций, управляющих его жизнью с рождения до смерти, и они начали

² На это было указано Гетцем Брифсом в его критике книги Ледерера; см. его книгу: Интеллектуальная трагедия // *Commonweal*. 25 oktober 1940.

³ *Franz Neumann. European Trade Unionism and Politics / Preface by H. J. Laski. New York, 1936 (British ed. London, 1935).*

превращать культуру в пропаганду и в совокупность выставляемых на продажу товаров.

Национал-социализм утверждает, что остановил эту тенденцию и что создал общество, различающееся не классами, а в соответствии с занятиями и образованием. Это абсолютно неверно. Фактически национал-социализм довел до высшего совершенства тот ход развития, на который он был намерен нападать. Он уничтожил все институты, которые при демократических условиях сохраняли остатки человеческой спонтанности: частную жизнь индивида и семьи, профсоюзы, политические партии, церковь, свободную организацию досуга. Распылив подчиненное население (а до некоторой степени также и правящий класс), национал-социализм не устранил классовые отношения; напротив, он сделал классовые антагонизмы более глубокими и прочными.

Национал-социализм неизбежно должен довести до крайности процесс бюрократизации, характеризующий структуру современного общества. В современной антибюрократической литературе этот термин означает нечто большее, чем численный рост государственных служащих, и особенно чиновников. Общество изображается как состоящее из свободных людей и автономных организаций, с одной стороны, и из бюрократической касты — с другой, которая получает все больше и больше политической власти. Картина неточна, поскольку общество не является совершенно свободным и небюрократическим, и при этом и общественная бюрократия — не единственный носитель политической и социальной власти.

Бюрократизация, правильно понятая, является процессом, действующим и в публичной, и в частной сферах, как в государстве, так и в обществе. Это означает, что человеческие отношения утрачивают свою непосредственность и становятся опосредствованными отношениями, в которых третьи лица, публичные или частные функционеры, более или менее надежно укрепившиеся у власти, авторитетно предписывают человеку нормы поведения. Это весьма двойственный процесс, как прогрессивный, так и реакционный. Рост бюрократии в общественной жизни не обязательно несовместим с демократией, если цели демократии не ограничиваются сохранением индивидуальных прав, но включают также и содействие определенным социальным целям. Даже в социальной сфере рост частных организаций не является полностью регрессивным. Он приносит некоторый порядок в анархи-

ческое общество и таким образом рационализирует человеческие отношения, которые иначе были бы иррациональными и случайными.

Если члены профсоюза решают изменить свои условия труда, они делают это, принимая рекомендацию своих чиновников, которым предоставляется право решать. Когда политическая партия формулирует какую-либо политику, то это делает именно партийная иерархия. В спортивных организациях машина президентов, вице-президентов, секретарей и казначеев приводит в действие подготовку к матчам и продолжение иных групповых действий. Этот процесс посредничества и деперсонализации распространяется также и на культуру. Музыка становится организованной в руках профессиональных секретарей, которым не обязательно быть музыкантами. Радио устанавливает ту точную долю культуры, которая будет переварена публикой, долю классической и долю легкой музыки, долю разговоров и долю новостей. Власть распространяет свое влияние на самые интимные отношения, на его семью. Есть организации для больших семей и для холостяков, ассоциации регулирования рождаемости, консультативные советы обеспечения семейного счастья, кооперативы потребителей, — гигантская мясорубка, изготавливающая фарш из потребителей, полагающих, что они имеют свободу выбора.

Есть, короче говоря, огромная сеть организаций, охватывающих почти каждый аспект человеческой жизни, и каждой такой организацией управляют президенты и вице-президенты, секретари и казначеи, каждая использует рекламные и информационные агентства, каждая вмешивается в отношения между одним человеком и другим, выступая как посредник. Гражданские свободы теряют многие функции, которые они имели в либеральном обществе. Даже реализация гражданских прав все чаще осуществляется частными организациями. Будь это проблема защиты в политическом процессе или защита права на труд, или борьба против несправедливого налогообложения, у среднего человека, которому не хватает достаточных средств, нет никакого выбора, кроме как доверить свои права некоторой организации. При демократических условиях такое посредничество, как правило, не нарушает его прав, так как у человека еще есть выбор между конкурирующими организациями. В тоталитарном обществе, однако, даже если его права все еще признаются на бумаге, они полностью находятся во власти частных бюрократов.

Что сделал национал-социализм, так это превратил в авторитарные органы те частные организации, которые при демократии все еще дают человеку возможность для спонтанной деятельности. Бюрократизация — это полная деперсонализация человеческих отношений. Они становятся абстрактными и анонимными. На эту структуру общества национал-социализм налагает две идеологии, которые являются абсолютно антагонистическими: идеологию общности и принцип лидерства.

1. Министерская бюрократия

Общее количество чиновников при национал-социалистическом режиме значительно увеличилось.⁴ Включены в разряд государственных служащих офицеры, и рядовые кадровые военнослужащие новой постоянной армии включены в государственную службу, так же как и расширявшаяся полиция (включая два вооруженных формирования СС), лидеры трудовой службы и чиновники новых экономических организаций. Кроме того, увеличивается и то, что традиционно было известно в качестве государственной службы.

Бюрократия не образует единого целостного органа. Она никогда им не была, и попытки национал-социалистов разрушить стратификацию серьезного значения не имели. Есть основное различие между чиновниками, которые осуществляют политические функции, и теми, кто этого не делает. В политической государственной службе дальнейшее различие должно быть проведено между теми, кто готовит политические решения, и теми, кто просто их исполняет. Первый тип лучше всего иллюстрируется министерской бюрократией, последний — полицией и низшими административными органами. Неполитическое чиновничество включает большой слой, в основных чертах неотличимый от работающих по найму. Железнодорожные и почтовые чиновники, например, классифицируются в немецком законодательстве как государственные служащие, но они не осуществляют политическую власть и не выполняют задачи, которые не могли быть с равным успехом выполнены и по трудовому договору. Они прямо служат

⁴ О населении и оккупационной статистике за 1933 и 1939 гг. см.: WS. 1940 (20). P. 336.

обществу, решая его жизненно важные экономические и социальные задачи, и поэтому не принадлежат бюрократии в прямом смысле слова.

Если сделать разрез всей структуры государственной службы, то обнаружится социальный антагонизм между так называемым академическим слоем (университетскими преподавателями и государственными экспертами) и неакадемическим. Это различие является, возможно, самым сильным из всех, порождающих глубокие расхождения между стратами внутри бюрократии. Новый режим этого различия не касался, хотя трудно сказать, означает ли это искреннее одобрение или капитуляцию. В 1933 г. правительство сделало революционный шаг, предоставив прусское министерство юстиции Гансу Керрлу, неакадемическому чиновнику среднего ранга из числа служащих в судебной администрации. Керрлу вскоре пришлось оставить свою должность, и академическая монополия судебной иерархии с тех пор не была потревожена.

Ключевые позиции в академической государственной службе удерживаются министерской бюрократией: эксперты, правительственные советники, министерские советники, министерские управляющие, государственные секретари. Их власть выросла за последние годы Веймара, поскольку упадок парламентарной демократии принес в практику депутатского законодательства методы чрезвычайного законодательства, а также фактическую неприкосновенность бюджета и администрации от парламентского контроля.

Министерская бюрократия — это закрытая каста. В республике ее личный состав не был ни антидемократическим, ни продемократическим, и мало заботился о формах государства и правительства. Старший чиновник рассматривает государство как что-то вроде бизнеса, которые следует вести эффективно. У него есть цинизм успешного бизнесмена с тем различием, что административная эффективность занимает место прибыли в качестве его высшей цели. Политические проблемы сведены к техническим административным проблемам. Неэффективность парламентского контроля и слабость или неопытность министерских руководителей усиливала это технократическое и несколько нигилистическое мировоззрение. По существу, конечно, это антидемократическое и авторитарное мировоззрение. Оно ценит успех больше, чем право или социальную справедливость. Власть поль-

зуется уважением, потому что она гарантирует эффективность. Эффективная и чаще всего неподкупная министерская бюрократия была центром любого антидемократического движения в Веймарской республике.

Число чиновников-социалистов в федеральном правительстве было небольшим. Только социалистические министры могли бы делать такие назначения, а они чрезмерно робки в своей политике назначения персонала. Они не видели причин уволить занимающего место функционера, если он не сотрудничал с реакцией открыто. В существующих национал-социалистических министерствах бюрократия состоит из поразительного числа чиновников, занимающих если не более высокие, то те же самые должности, которые они занимали и во время республики. Есть, разумеется, и изменения — министерства пропаганды и авиации, например, совершенно новые. Там, где изменений было меньше всего, мы можем уверенно предположить, что реакционный характер министерства был самым сильным при республике. Самое реакционное из всех федеральное министерство юстиции абсолютно неизменно по личному составу в персонале, несмотря на его объединение с прусской канцелярией. Ни один из семи начальников отделов и трех начальников подотделов не является новичком на службе. Только один из двух государственных секретарей новый — доктор Фрейслер.⁵ То же самое верно и для должности президента республики.⁶ Доктор Мейсснер служил Эберту так же верно, как он служил Гинденбургу, а теперь Гитлеру. Только два члена его штата являются новыми. Даже в канцелярии, где ситуация отличается, глава — Ганс Генрих Ламмерс, старый чиновник, ранее служивший в министерстве внутренних дел (с 1922 г.). Много перемен было совершено в министерстве иностранных дел, но это были главным образом переходы с одного поста на другой, что характерно для любого министерства иностранных дел. Одно из важных политических изменений — назначение Эрнста Вильгельма Боле, возглавившего отдел немцев за границей. Боле, который родился в Брэдфорде, в Англии, и чей отец был преподавателем в универ-

⁵ *Ministerialrat Franz Sommer*. Das Reichsjustizministerium. Berlin, 1939. P. 54–60.

⁶ На основе сравнения между «Handbuch für das Deutsche Reich» для 1931 и 1936 гг. (Берлин). Более поздние издания, если они существуют, мне недоступны.

ситете Кейптауна, является также директором партийной канцелярии по делам немцев за границей.

История может быть повторена и для министерства внутренних дел и для прикрепленного к нему *Kaiser Wilhelm Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften* (Ассоциации развития науки кайзера Вильгельма), для министерства финансов, для федеральной статистической службы и даже для министерства труда, у которого всегда была репутация, что оно укомплектовано многими стойкими демократами.

Полный переворот имел место на верхушке министерства экономики, которое также подверглось основной структурной реорганизации. Согласно последним сообщениям оно теперь разделено на пять главных отделов:⁷ 1) персонала и администрации, возглавляемый Гансом Ильгнером; 2) промышленности при генерал-лейтенанте Германе фон Ханнекене; 3) организации экономики под управлением Шмеера; 4) финансов при министерском управляющем Клуки; и 5) торговли валютой, возглавляемый заместителем государственного секретаря Герхардом фон Ягвицем. Государственным секретарем министерства является Фридрих В. Ландфрид. Руководители отделов — все новые люди. Остальная часть персонала фактически неизменна.

Изменения, которые были произведены, не лишены значения. Большинство государственных секретарей новые, как Ландфрид в министерстве экономики, Фрейслер в министерстве юстиции, Баке в министерстве продовольствия и сельского хозяйства, Фриц Рейнхардт в министерстве финансов. Они назначены национал-социалистических министров. В министерстве труда выдающаяся новая фигура — доктор Вернер Мансфельд, бывший советник организаций работодателей Рура и член организации *Стальные шлемы*, которая была возглавлена и затем и передана национал-социалистам министром труда Зельдтом. Мансфельд — прекрасный экземпляр послевоенного нигилистического поколения. Как руководитель подразделения трудового законодательства, он никогда не предавал своих промышленных хозяев.

В министерстве экономики следующий в команде за Ландфридом Ханнекен — организатор стальной промышленности и типичный экономический генерал. Ханнекен — шурин немецкого машиностроительного диктатора Карла Ланге, менеджера эконо-

⁷ FZ. 5 January 1941.

мической группы машиностроения.⁸ Он также искренне преследовал политику полной поддержки интересов частной промышленности и был против партийного вмешательства. Единственный посторонний и единственный подлинный национал-социалист в министерстве — член государственного совета, Рудольф Шмеер, который отвечает за экономическую организацию. После работы учеником в электротехнической промышленности Шмеер стал партийным активистом в 1922 г. Он был признан бельгийской армией виновным в саботаже в Рурском районе в 1923 г., но никогда не отбывал свое наказание. В 1930 г. он был избран в рейхстаг и впоследствии стал заместителем лидера трудового фронта. Но даже Шмеер следует традиционной политике министерства. В предисловии к книге Барта об экономической организации он указывает на свое полное согласие с утверждением Барта, что у партии нет никакого места в экономической жизни.⁹

Подробное сравнение состава бюрократии в 1931 и в 1936 гг. (в некоторых случаях даже в 1939 г.) показывает, что стабильность академической бюрократии распространяется вниз на глав провинциальных и местных финансовых организаций, членов федеральных и провинциальных финансовых трибуналов, на гражданские и уголовные суды и на большой процент местного административного штата (за исключением Пруссии).

Министерская бюрократия — закрытая каста, которая не допускает посторонних. Ее члены — это чрезмерно амбициозный и в целом эффективный технический персонал, который мало заботится о политических и социальных ценностях. Их самое большое желание — оставаться там, где они есть, или, вернее, продвигаться вперед так быстро, как это возможно. Они не являются сторонниками ни национал-социализма, ни министерской бюрократии. Как и в прошлом, они идут вместе с самой сильной армией — от монархии и республики к национал-социализму. И при этом они без колебаний бросят вождя, если когда-то существующий режим продемонстрирует реальные признаки слабости.

Министерская бюрократия никогда не изменяла промышленному капитализму. Некоторые честные борцы с трестами (как, например, Йостен в министерстве экономики) не играли

⁸ См. примеч. ²³ на с. 476.

⁹ *Eberhard Barth. Wesen und Aufgaben der Organisation der gewerblichen Wirtschaft. Hamburg, 1939. P. 7, 8.*

большой роли при республике и никакой роли не играют сейчас. Искреннее служение промышленным интересам может однажды, возможно после отставки, дать назначение в крупное индустриальное объединение, с более высокой оплатой и лучшим социальным положением. Промышленные наблюдательные советы переполнены бывшими государственными секретарями и министерскими управляющими. Бюрократия теперь единственное важное учреждение, формирующее политику, особенно в экономической, финансовой, социальной и сельскохозяйственной областях. Обычно законодатель — это министерский совет государственной защиты, и совет полагается на проекты указов и исполнительных учреждений, подготовленные министерской бюрократией. Власть этой бюрократии является неограниченной еще больше, чем когда-либо ранее, поскольку она вынуждена конкурировать с другой бюрократией — партийной, военной и промышленной.

2. Партийная иерархия

Национал-социалистическая партия — прежде всего огромная бюрократическая машина. Ее правящая группа состоит из Гитлера, его заместителя (теперь Бормана), *рейхслайтеров* во главе различных отделов в центральной партийной администрации, наследника вождя, Германа Геринга, адъютанта Гитлера, *гауляйтеров* (окружных лидеров) и тех национал-социалистических членов кабинета министров и государственных секретарей, у которых нет определенных должностей внутри партийной иерархии.

Влияние *рейхслайтеров* является решающим. Некоторые являются членами кабинета министров, другие занимают высокие должности в министерствах, третьи — ведущие административные должности. Одни контролируют прессу, другие молодежь, третьи — труд. Некоторые, как Франц Шварц, имеют дело главным образом с внутренней партийной администрацией.¹⁰

Сорок три окружных лидера партии начинают приобретать все большее значение.¹¹ Многие из новых правительственных должностей заполняются из их рангов. Их посылают на завоеванные тер-

¹⁰ Nationalsozialistisches Jahrbuch. 1939.

¹¹ В соответствии с op. cit. 1938 and 1939.

ритории, и они служат губернаторами, федеральными регентами, провинциальными президентами и министрами земель. Сегодня самые важные из окружных лидеров — Юлиус Штрейхер, самый крайний антисемит, Роберт Вагнер из Бадена, Иосиф Бюркель из Саара и Лотарингии, Фриц Заукель из Тюрингии, федеральный специальный уполномоченный по ценам Йозеф Вагнер, Тербовен в Норвегии, Х. Лозе, губернатор стран Балтии, Бальдур фон Ширах, прежний молодежный лидер, теперь федеральный регент в Вене. Общий портрет окружного лидера показывает, что он родился приблизительно в 1890 г., учился в начальной школе, служил чиновником во время Первой мировой войны, был школьным учителем — если он имел какую-либо постоянную профессию — и вступил в партию в ее первые годы. Число учителей начальной школы в партийной иерархии удивительно высоко: Руст, Штрейхер, два Вагнера, Бюркель, окружные лидеры Силезии, и Гиммлер.¹² Руководство трудового фронта и национал-социалистического продовольственного сословия, провинциальные крестьянские лидеры и четырнадцать распорядителей труда доводят общее количество учителей в партийной иерархии приблизительно до 120. Как группа, они имеют одно и то же происхождение и те же самые характеристики, что и окружные лидеры. В целом они — профессиональные политические деятели, искусные и обученные массовому господству.

Хотя партийная администрация централизованно располагается в Мюнхене, есть специальный центр в Берлине при заместителе вождя. К берлинской организации прикреплены все те партийные канцелярии, которые устанавливают прямой контакт с министерствами и которые часто возглавляются или министерским бюрократом, или другим высокопоставленным чиновником. Типичен отдел внешней политики. Он возглавляется Э. Боле, государственным секретарем в министерстве иностранных дел. Другой отдел — отдел технологии при Ф. Тодте, одном из самых влиятельных национал-социалистов. Есть отделы по расовым вопросам, университетам, финансам и налогообложению (возглавляемый Фрицом Рейнхардтом, который является в то же самое время государственным секретарем в министерстве финансов),

¹² Согласно: *Das Deutsche Führerlexikon, 1933–1934*. Berlin, 1934; и *Hans Gerth. The Nazi Party: Its Leadership and Composition* // *The American Journal of Sociology*. 1940 (45). P. 517–41, esp. p. 525.

и партийной литературе (под руководством верховного цензора Боулера).

Дуализм партийной и правительственной бюрократии служит двойной цели. Спокойное функционирование бюрократии никто не нарушает, и она сохраняет полную ответственность за административные и политические решения. В то же самое время влияние партии обеспечивается через чиновников-посредников.

Партийную иерархию едва ли можно считать закрытой, сильно сплоченной группой. Есть различные течения, влияние которых меняется в различных случаях. Нехватка последовательной теории позволяет партии в любой данный момент выдвигать на первый план «радикальных» или «умеренных» лидеров, «социалистические» или «капиталистические» элементы, «террористов» или «влюбленных в человечество». Заговоры и интриги, неизбежно возникающие в закрытой, иерархической группе, сосредоточенной вокруг лидера, предотвращают ту однородность, которая является предпосылкой популистского правления.

3. Чиновники и партия

Государственные служащие никогда не были восторженными сторонниками Веймарской демократии. Они рассматривали Социал-демократическую партию и профсоюзы как коррумпированных «преступников», которые предали монархию в 1918 г. по чисто эгоистическим причинам. Хотя и не открыто национал-социалистический, их собственный союз, DBB, стал более реакционным, поскольку престиж демократии уменьшился.

Сегодняшняя позиция чиновничества не вполне ясна. Национал-социалистическая партия явно контролирует организацию учителей начальной школы. В 1936 и 1937 гг. 160 000 партийных функционеров пришли из учительской профессии, прежде всего из начальных школ (22.9 % из 700 000 политических лидеров в целом).¹³ Многие из этих учителей преподавали во времена имперского периода, и их причастность к национал-социалистическому режиму демонстрирует полный упадок немецкого философского идеализма, каким он официально преподавался. Отрыв юридической и политической философии Канта

¹³ Gerth. Op. cit. P. 525.

Партийная иерархия:

Имя	Год рождения	Образование	1914–1918
Макс Амман	1891	Начальная и профессиональная школа	Сержант
А. Аксман	1912	?	—
Филипп Бублер	1899	Высшая школа, Кадетский корпус	Лейтенант
Вальтер Буш	1883	Высшая школа	Лейтенант
Отто Дитрих	1897	Университет, доктор экономики	Лейтенант
Франс фон Эпп	1868	Высшая школа	Лейтенант-генерал
Карл Фихлер	1895	Средняя школа	Лейтенант
Ганс Франк	1900	Университет, JD	Добровольческий корпус
Вильгельм Фрик	1877	Университет, JD	
Йозеф Геббельс	1897	Университет, Ph.D	
Вильгельм Гримм	1889	Начальная и профессиональная школа	Сержант
Генрих Гиммлер	1900	Технический колледж	Несколько месяцев в «Fahnenjunker»
Константин Гирль	1875	Высшая школа	Полковник; командир добровольческого корпуса
Адольф Гюнлейн	1881	?	Офицер
Роберт Лей	1890	Университет, Ph.D	Лейтенант
Виктор Лутце	1890	Высшая школа	Сержант добровольческого корпуса
Альфред Розенберг	1893	Технический колледж	
Франц Шварц	1875	Начальная и профессиональная школа	Сержант

НАСЛЕДНИК ВОЖДЯ

Герман Геринг	1893	Кадетская школа	Капитан
---------------	------	-----------------	---------

Рейхсляйтер

Вступление в партию	Профессия или род занятий	Занимаемая должность
1921	Нет	Печать; президент палаты печати
?	?	Молодежная организация
1921	Ученик в издательствах	Депутат, глава канцелярии вождя партии
1922	Секретарь в военной организации	Глава высшего партийного суда
?	Секретарь торговой палаты	Федеральный глава печати
1928	Профессиональный офицер, командир добровольческого корпуса	Колониальный служащий; регент в Баварии
1923	Клерк	Муниципалитеты
1920	Адвокат	Право; министр без портфеля; генерал-губернатор Польши
1923	Высокопоставленный чиновник	Председатель парламентской группы; министр внутренних дел
1922	Партийный журналист	Министр пропаганды
1920	Сержант, позже чиновник	Депутат, высший партийный суд
1925	Называл себя фермером	СС, глава федеральной полиции
1929	Офицер	Трудовая служба
?	?	НС Моторизированный корпус
1924	Химик	Глава организации, вождь трудового фронта
1919	Расовые организации (торговля, почта и т. д.)	Глава СА; президент провинции
1921	«Архитектор»	Иностранная политика, издатель газеты «Völkischer Beobachter». (1921–)
1922	Сержант, средний чиновник	Казначей; глава партийной администрации
1922	Офицер	Нет партийной должности

Имя	Год рождения	Образование	1914–1918
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ВОЖДЯ			
Мартин Борман	?	?	?
АДЪЮТАНТ ВОЖДЯ			
Фридрих В. Брюкнер	1884	Университет, не закончен	Офицер в добровольческом корпусе
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ МИНИСТРОВ			
Иоахим фон Риббентроп	1893	Университет	Офицер
Вальтер Функ	1890	Университет	Комиссован как негодный к воинской службе
Рихард В. Дарре	1895	Университет и колониальный колледж	Лейтенант
Бернхард Руст	1883	Университет	Лейтенант
Ганс Керл	1887	Высшая школа	Лейтенант
Фритц Тодт	1891	Технический колледж	Офицер
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ И ДИРЕКТОРА В МИНИСТЕРСТВАХ			
Герберт Баке	1896	Университет	Плен на Русской войне
Эрнст Боле	1903	Университет	
Курт Далюг	1897	Университет	Фронт, добровольческий корпус
Вильгельм Кеплер	1882	Технический колледж	Лейтенант
Пауль Кёрнер	1893	Университет, не закончен	Комиссован (?)
Фридрих В. Ландфрид	1884	Университет, JD	Капитан
Вернер Мансфельд	1893	Университет, JD	Лейтенант
Эрхард Мильх	1892	Университет и колониальный колледж	Офицер

Продолжение таблицы

Вступление в партию	Профессия или род занятий	Занимаемая должность
?	Фермер	—
1923	Офицер	—
1930	Коммивояжер, экономический журналист	Министр иностранных дел
1930	Экономический журналист	Экономика
1930	Фермер	Федеральный лидер крестьян, сельское хозяйство
1922 расовое движение	Преподаватель высшей школы	Образование
?	Средний чиновник	Церкви
1923	Инженер-строитель	Автомобильные дороги, военное снабжение, электроэнергия
?	Агроном	Государственный секретарь, сельское хозяйство
1931	Коммерческий директор	Государственный секретарь, министерство иностранных дел
1922	Инженер-строитель	Глава полиции
?	Инженер	Государственный секретарь, институт исследования почвы
1926	Промышленный директор	Государственный секретарь, министерство Четырехлетнего плана
1933(?)	Высокопоставленный чиновник	Государственный секретарь, экономика
1934(?)	Советник, организация по делам занятости	Директор, министерство труда
1933(?)	Воздушный транспорт	Государственный секретарь, воздушный транспорт

Имя	Год рождения	Образование	1914–1918
Рейнхард Гейдрих	1904	Высшая школа	Гражданский пленник в России
Фритц Рейнхардт	1895	Начальная и профессиональная школа	
Вильгельм Штукарт	1902	Университет, JD	
Роланд Фрейслер	1893	Университет, JD	Воевал

с ее настойчивым подчеркиванием долга от остальной части его учения предоставил средство окружать любое вероломство ореолом идеализма. Звонкие фразы стали пустыми раковинами, скрывающими обожествление власти.¹⁴ Такая тенденция является рожденной от самой структуры немецкого идеализма. Изгнав идею права в сферу трансцендентного, Кант оставил «действительное право и действительную нравственность во власти эмпиризма и слепых сил традиции».¹⁵

Что еще хуже, большинство национал-социалистических учителей получило свое образование при Веймарской республике. Не может быть более ужасного обвинения образовательной философии и политики немецкой демократии, возможно, всего так называемого прогрессивного образования. Даже во времена республики слой учителей начальной школы выделялся как слой самых неисправимых противников системы, самых пылких шовинистов, самых страстных антисемитов. Учитель начальной школы принадлежит к неакадемической государственной службе и отделен глубокой социальной пропастью от преподавателя высшей школы с его университетским образованием и его ученой степенью. Его доход низок и его социальное положение не лучше, чем положение любого неакадемического государственного служащего

¹⁴ Прекрасный анализ этого феномена: *Herrigel H. Politik und Idealismus // Kant-Studien. 1921 (26). P. 52–73.*

¹⁵ *Morris Ginsberg. Stammler's Philosophy of Law // Modern Theories of Law. London, 1933. P. 51.*

Вступление в партию	Профессия или род занятий	Занимаемая должность
1920 расовое движение	Морской офицер	Глава секретной полиции
1928	Налоговый консультант	Государственный секретарь, финан- сы
1920	Помощник судьи СА и СС	Государственный секретарь, мини- стерство внутренних дел
1924 расовое движение	Адвокат	Государственный секретарь, юсти- ция

из низших слоев чиновничества. При империи, однако, армейская служба давала его достоинству определенную компенсацию. Как непригодный к строевой службе или как офицер запаса, он мог пользоваться властью над людьми, стоявшими выше на социальной лестнице. Веймар убрал эту компенсацию. Так он повернулся к СА, СС и *Стальным шлемам*, в то время как республиканскую милицию (*Reichsbanner*) оставили в значительной степени рабочим. Псевдоэгалитаризм национал-социалистической партии и ее частной армии, таким образом, обеспечил превосходный выход всему негодующему, накопленному во время жизни пацифистской республики.

Отношение между учителями начальной школы партией не распространяется на чиновничество в целом. Мы, к сожалению, не обладаем адекватной статистикой различий внутри партийного членства. Отчет Германа Неефа, лидера организации государственных служащих, на съезде 1939 г. показывает, что из полутора миллионов государственных служащих, членов его организации, 28.2 % принадлежат к партии;¹⁶ 8.3 % всех чиновников (102 619) были политическими лидерами; 7.2 % (98 860) принадлежали к СА; 1.1 % (14 122) принадлежали к СС; 1.1 % (13 144) принадлежали к национал-социалистическому моторизованному корпусу и 1.6 % (19 857) — к национал-социалистическому корпусу авиации.

¹⁶ Deutsches Beamtenjahrbuch. 1939. P. 171.

Проникновение партии в государственную службу осуществляется тремя способами: так называемым революционным актом, изгонявшим неарийцев и другие неблагонадежные элементы, идеологической обработкой персонала и партийной монополизацией всех новых вакансий на службе. Первый из этих способов привел к увольнению 211 и к понижению в должности или переводу 58 из самых высокопоставленных государственных служащих в Пруссии и соответственно 1.13 % и 2.33 % из 2 339 чиновников в остальных землях.¹⁷ Эти цифры показывают, насколько незначительным был по-прежнему демократический элемент.

Гораздо более важной была идеологическая обработка массы государственных служащих, которая, кажется, была очень успешной в отношении более молодого поколения, хотя, очевидно, и гораздо менее успешной в отношении более старой группы. В такой иерархической структуре, как государственная служба, высшая ступень, если у нее имеется неограниченная власть, будет формировать позицию своих подчиненных. Национал-социалисты заняли ключевые позиции в прусском министерстве внутренних дел, должности провинциальных и районных президентов и руководителей сельских округов (*Landrat*). Каждый из двенадцати провинциальных президентов был заменен членом партии (обычно окружным лидером), и все они, кроме одного, вступили в партию до 1933 г. Из 34 районных президентов 31 новый (19 вступили в партию до 1933 г.).¹⁸ Из прусских глав сельских округов 264 являются новыми, 247 из них члены партии, вступившие в нее до 1933 г.

Таковыми же важными являются фигуры из *Referendare*, те, кто прошел первый государственный экзамен по праву или управлению и кто после дополнительного обучения в течение трех или четырех лет и второго государственного экзамена становятся юридическими советниками и могут тогда заняться адвокатской практикой, поступить на государственную службу или работать в судебных органах. Из 293 вновь назначенных с 1933 до 1936 г. 99 % являются членами партии, 66 % вступили в нее между 1922 и 1933 гг.¹⁹

¹⁷ Министерский управляющий *Dr. Schlitz* // *Dr. Wilhehn Frick und sein Ministerium. Aus Anlass des 60. Geburtstages des Reichs- und Preussischen Innenministers.* Munich, 1937. P. 48.

¹⁸ *Ibid.* P. 54–56.

¹⁹ *Ibid.*

Юридическая основа назначения — это теперь закон о государственной службе от 26 января 1937 г., требующий, чтобы государственный служащий «руководствовался во всем своем поведении тем фактом, что партия в нерасторжимом союзе с народом является носителем немецкой идеи государства и осуждал бы любого человека и любое действие, которое могло бы подвергнуть опасности положение рейха или партии».²⁰

Мы уже видели, что государственный служащий может, даже не получив согласия своего начальника, занимать неоплачиваемые партийные должности, хотя в своей административной работе он остается подчиняющимся приказам своего начальника в бюрократической иерархии и никому больше. Этот принцип подчеркнут в постановлении от 28 декабря 1939 г. об управлении окружными канцеляриями, который ограничивает роль партии руководством народа, другими словами, проблемами народной нравственности.

Национал-социалистическая мораль поэтому является первоочередной задачей партии в организации государственной службы. Эта задача была первоначально поручена *Werkscharen*, заводским бригадам национал-социализма на каждом общественном предприятии, и *Politische Stosstruppen*, ударным политическим отрядам в административных учреждениях и канцеляриях. Такая двойная организация была теперь устранена. По соглашению между доктором Леем, лидером политической организации партии, и Кернером, лидером канцелярии «энергетики и транспорта» в партийной администрации, все национал-социалистические силы в административных органах, канцеляриях и публичных предприятиях теперь объединены.²¹ Они организованы в национал-социалистические ячейки и далее в случае необходимости подразделены на «блоки». Ячейка и лидеры блоков назначаются партийным лидером (*Kreisleiter*) по рекомендации лидера трудового фронта, местного руководителя организации государственной службы и местного руководителя партии. Они должны быть отобраны или заводским председателем трудового фронта, или местным председателем организации государствен-

²⁰ Перевод и введение Дж. К. Поллока и Альфреда В. Бернера. The German Civil Service Act. The Civil Service Assembly of the United States and Canada, 1938.

²¹ FZ. 12 January 1941.

ной службы в зависимости от того, какая группа имеет большинство.

Новая организационная структура — это шаг в двух направлениях: разрушение социальной дифференциации и формирование элит внутри государственной службы. В суде, например, заводской председатель вообще будет более низким служащим, или служащим среднего ранга, редко судьей. Национал-социалистическая ячейка в этом суде будет включать весь персонал, даже уборщиц. На первый взгляд едва ли можно придумать более бескомпромиссное разрушение социальных различий. Это тем не менее ложная демократизация, так как различия в статусе и в объеме власти остаются абсолютно неизменными. Еще более наглядным примером была бы ремонтная мастерская железной дороги, нанимающая и академических, и неакадемических государственных служащих, и простых чернорабочих. Здесь будет два заводских председателя, один для рабочих, назначенный местным трудовым фронтом, другой для государственных служащих, назначенный их местной организацией. Согласно соглашению Лея-Корнера, все служащие формируют одну ячейку, а руководство выпадает председателю рабочих, если у рабочих есть большинство, которое, вероятно, будет иметь место. Ложная демократизация, таким образом, не ограничена государственной службой, но распространяется также и на различия между рабочими и государственными служащими, опять-таки не изменяя реальные финансовые, социальные и политические различия даже в самой незначительной степени. Над обеими группами, кроме того, возвышается заслуживающая доверия элита, действующая как территориальное учреждение против любого, кто колеблется в своих проявлениях веры в партию или кто не желает содействовать зимней помощи и сходным предприятиям.

Отношение между партией и государственной службой, таким образом, вовсе не является простым. Министерская бюрократия относительно свободна от старых членов партии. Ее отношение с партией устанавливается либо через чиновников-посредников, либо, как в случае полиции, молодежных и пропагандистских учреждений, путем возложения государственных задач непосредственно на партию. На среднем и более низком уровне иерархии, с другой стороны, ключевые позиции находятся в руках партии, в то время как беспартийное большинство государственных служащих запугивается и подвергается идеологической обработке через

ячейки. Партия имеет бесспорный контроль за продвижениями по службе и заполняет новые должности из рядов своих благонадежных членов. Погружение государственной службы в партию идет полным ходом.

4. Вооруженные силы и партия

Немецкое армейское руководство, как и министерская бюрократия, строго говоря, не является, вероятно, национал-социалистическим. Никто на самом деле ничего не знает о точном отношении между партией и вооруженными силами. Одна догадка не лучше другой. Понимание определенных тенденций тем не менее может помочь нам сформулировать разумное мнение.

Неверно, что армия управляет Германией. Этого никогда не было, нет этого и сейчас. Фактически сейчас это еще меньше похоже на правду, чем во времена любой прошедшей войны. В то же самое время армия — единственный орган в современной Германии, который знает, как сохранить свою организацию свободной от партийного вмешательства. Через своих экономических генералов армия фактически вторглась на территорию партии и гражданской бюрократии. Армейская бюрократия — самый пламенный защитник свободного капитализма от любых попыток лидеров национал-социалистической партии расширить власть государства. Немецкая армия (в отличие, возможно, от флота) при кайзере не была движущей силой империализма. При кайзере, например, она боролась с программой расширения армии, которая угрожала повлечь за собой демократизацию вооруженных сил. Веймарская армия в основном стремилась играть ведущую роль в государстве и отомстить за поражение 1918 г. Можно смело предположить, что существующее руководство полностью соглашается с национал-социализмом, поскольку на повестке дня стоит восстановление Германии в ее границах 1914 г. и новое приобретение колоний. Его тесные контакты с индустриальным капиталом обнаруживают стремление сделать из существующей немецкой армии самое сильное оружие империалистической экспансии.

Связи между армией, индустриальным и аграрным руководством всегда были чрезвычайно тесными, настолько тесными, что привели к появлению настоящей касты. Индустрия сочла по-

лезным добавить адмиралов и генералов (как бывших высокопоставленных чиновников) в свои наблюдательные советы. При национал-социализме их краткосрочные интересы идентичны: промышленность получила прибыль, несостоятельные аграрные владения были спасены, офицерский корпус завоевал социальное положение и политическую власть, и сыновья аграриев и промышленников опять нашли занятие, соответствующее их социальному положению.

Более ранние нападки на прусский офицерский корпус всегда были направлены против превосходства знати, особенно слоя землевладельцев. Мы теперь знаем, что эта критика не была полностью верной. Хотя земельная аристократия была, вероятно, самой малообразованной и самой реакционной группой в прусском обществе, она не была и не является сейчас самой агрессивной. Она сохранила некоторые из наиболее приличных характеристик феодализма, тоску по культуре, хотя и дилетантской, сильное желание товарищества и веры. Эти признаки исчезли, будучи замененными псевдоэгалитаризмом, скрывающим полное презрение к массам и жестокую агрессивность, особенно среди мелких чиновников. Такие события, как чистка 30 июня 1934 г., должны были развеять распространенные во внешнем мире иллюзии о честности, товариществе, «прусской традиции», и других похвальных качествах немецкого офицерского корпуса. Сегодня армейский офицер является техником, заинтересованным в том, чтобы армейская машина продолжала действовать. Реакция рейхсвера на убийство своих товарищей Шлейхера и Бредова показывает, насколько глубокими были изменения. Если бы республиканское министерство просто оскорбило генерала, весь офицерский корпус поднялся бы в гневе. И все же хладнокровное убийство двух генералов, которые сделали больше, чем кто-либо еще, для защиты военных интересов во времена Веймара, застало всю армию раболепствующей перед высшим судьей, Адольфом Гитлером.

Армия не смогла сделать ничего больше. Массовое истребление было направлено прежде всего против лидера СА Рёма, который защищал вторую революцию и стремился ввести всю свою организацию СА в армию как военный министр. Против этих стремлений Гитлер организовал чистку, о которой, вероятнее всего, знали и которую, возможно, даже поддерживали армейские генералы. «Германская вера» закончилась там, где начались корыстные интересы. 4 января 1938 г. армейское руководство по-

терпело второе главное поражение, когда брак Бломберга с женщиной из низших слоев привел к замене Фрича и многих других высокопоставленных офицеров более прислужливым руководством Кейтеля и Браушитца. Армия также предала церковь и религиозность, бывшие когда-то краеугольным камнем, на который опиралась ее духовная власть. Национал-социалистическая армейская присяга не имеет никакого религиозного характера: Бога заменили вождем.

СА монополизировал послевоенную подготовку (указ от 19 января 1939 г.). СА поддерживает физическую готовность мужского населения в так называемом *Wehrmannschaften*, в то время как армия ограничивается самой военной подготовкой. Псевдоэгалитаризм был также введен и в организации офицеров запаса, в Национальную лигу немецких офицеров. В 1939 г. ее название было изменено на Сообщество благосостояния офицеров, и оно было поставлено под контроль Национальной воинской лиги (*Reichskriegerbund*). Членами этой последней являются, главным образом, отставные и не пригодные к воинской службе офицеры.

Есть, конечно же, границы, за которыми армия не может допустить партийное вмешательство. Определенная рациональность работает в армии, лишая возможности поставить всю армию сверху донизу под партийный контроль. Легально признанная несовместимость между армейской службой и партийной деятельностью, ранее уже в другой связи обсуждавшаяся, выдержала проверку временем и не вызывает сомнений у молодых офицеров. Попытки Гиммлера получить юрисдикцию над армией потерпели полную неудачу. С другой стороны, на завоеванных территориях СС работает рядом с военными властями и часто конфликтует с ними даже там, где политической моделью является модель военного правления. Армейские возражения по поводу террористических методов против гражданского населения вполне правомерно могут быть причиной того, почему на большинстве завоеванных территорий отдается предпочтение гражданскому правлению.

Вообще говоря, трудно рассуждать о позиции вооруженных сил. Руководство подчиняется политическому контролю партии и разрешает уничтожение своих самых священных традиций. Одна непосредственная цель господствует над партией, армией, и промышленностью: теперь, когда идет война, немецкое поражение

должно быть предотвращено любой ценой. Помимо этого тем не менее сомнительно, может ли быть принята реальная идентичность целей. Армия выступает за сохранение своего существования, своего социального и политического статуса, и она добровольно не сдаст своих позиций, какой бы курс ни приняло течение войны.

5. Промышленное руководство

Вопреки общему убеждению в этой стране промышленное руководство в национал-социалистической Германии ни в коем случае не является монополией менеджеров. Во всей индустриальной структуре, и особенно в некоторых жизненно важных отраслях, таких как машиностроение, контроль остается всецело в руках частного предпринимателя или семьи, а менеджеры — не более чем оплачиваемые служащие, получающие приказы от владельцев.

Длительное существование влиятельной группы частных капиталистов не находится в противоречии с тенденцией к бюрократизации экономики. Эти две проблемы не следует смешивать. Экономическая система может быть бюрократической; она может быть объединена в сеть организаций, картелей, групп и палат, контролируемых постоянными чиновниками; эти организации могут соперничать друг с другом за контроль; современная корпорация сама может быть определена как иерархическая структура, и частный капитализм все еще остается. Частный капитализм и бюрократизация экономики не только совместимы, они фактически дополняют друг друга на определенной стадии развития монополистического капитализма.

Бюрократизация частной жизни, как ранее мы определили, означает вмешательство профессиональных организаций в непосредственные человеческие отношения. В экономической сфере это означает, что страта чиновников стоит между владельцем и окружающим миром государства, потребителя, рабочего, и конкурента, осуществляя функцию владельца под контролем последнего. Хотя она таким образом разрушает прямые отношения между собственностью и окружающим миром, бюрократизация все же не разрушает сам институт частной собственности. Нет ничего более ошибочного, чем называть национал-социализм феодальной

системой,²² так как сущность феодализма, выражаясь социологически, — это непосредственность человеческих отношений, выражаемых без посредничества рынка. Бюрократизация экономики влечет за собой полную деперсонализацию всех имущественных отношений. Даже традиционная рыночная экономика сохраняет существование большого количества непосредственных человеческих отношений. Сущность национал-социализма в том, чтобы уничтожить те, что остались.

Некоторая мера бюрократизации экономики неизбежна в нашем обществе. Акционерные общества, картели, объединения — все это бюрократические формы. Поскольку монополизация возрастает и поскольку бизнес стремится ко все большему и большему контролю над государством, то должны развиваться более высокоорганизованные формы политического давления. В свою очередь чем больше государство вмешивается в экономическую жизнь, тем быстрее будет расти лоббирование. Все это означает большую степень регламентации, и человек был бы абсолютно беспомощен без организаций, располагающихся между ним самим, государством, конкурентом, потребителем или рабочим. Самая большая формальная рациональность достигнута. Человеческие отношения являются теперь полностью абстрактными и анонимными. Эта деперсонализация также служит тому, чтобы скрывать структуру экономического могущества, истинных экономических властителей, действующих позади изобилия организаций, окружающих частную собственность. Она ответственна и за ложную интерпретацию бюрократизации экономики как исчезновения частной собственности.

Есть также вторая причина, почему эти два процесса вполне совместимы. Менеджер может превратиться в капиталиста. Фактически термин «менеджер» является весьма широким и может обозначать одну из трех вещей. Это может быть высокооплачиваемый служащий, управляющий предприятием согласно особым указаниям. Второй тип — это менеджер, который вышел из рядов ведущих оплачиваемых служащих или который был когда-то капиталистом и благодаря тем или иным методам захватил контроль над предприятием. Мы могли бы назвать такого человека капиталистическим менеджером. Он вскоре оказывается в рядах самих капиталистов, становится фактически неотличимым от них и получает долю в промышленном руководстве.

²² Признаюсь, что я также виновен в таких интерпретациях.

Даже внутри группы чистых менеджеров, наконец, должно быть сделано ясное различие между предпринимательским (или корпоративным) и организационным типом. Первый управляет отдельным предприятием или объединением и занимает более высокое положение, чем менеджер профессиональной организации бизнеса, такой как картель, ассоциация или палата. У чиновника торговой ассоциации или секретаря картеля есть одно стремление — перейти в промышленное предприятие с более высокой зарплатой и улучшенным социальным статусом. С такой постоянной целью перед собой он — послушное орудие самых сильных и самых богатых членов организации.

Вот одно из основных различий между профсоюзным секретарем и организационным менеджером. Первый — или равный среди равных, или имеет более высокое социальное положение чем, рядовой член профсоюза. Он может польстить участникам, чтобы усилить свою власть, но часто профсоюзные чиновники проводят свою собственную политику так, как они видят ее, мало заботясь о пожеланиях рядовых членов. Организационный менеджер, напротив, сталкивается с огромными различиями во власти и богатстве среди членов его организации. Он — ничтожество; его единственная цель состоит в том, чтобы понравиться самому сильному. Его власть поэтому гораздо меньше, чем власть профсоюзного функционера, и он гораздо менее независим. Он часто имеет гораздо более сильные капиталистические наклонности и гораздо более ярко выраженное сознание работодателя, чем сами капиталисты. То, что Макс Вебер называл «преимуществом малых чисел», действует как квалифицирующий фактор: чем более многочисленным является количество членов организации, тем более независимыми оказываются лидеры и профессиональные организаторы. Именно поэтому исполнительные директора объединений розничной торговли, например, сравнительно влиятельны, а директора в области горнодобывающей и тяжелой промышленности значительного влияния не имеют.

Эти различия между *капиталистом*, *капиталистическим менеджером*, *менеджером корпорации*, и *менеджером организации* должны быть учтены при анализе состава промышленного руководства.²³ Состав руководства может быть лучше всего изучен

²³ Анализ основан на следующих публикациях: a. Die Organisation der gewerblichen Wirtschaft. Verzeichnis der Mitglieder der Reichswirtschafts-

в группах и палатах. Органы самоуправления являются промежуточными учреждениями между государством и бизнесом. Они сотрудничают при оформлении или по меньшей мере при исполнении всех экономических решений. Они представляют собой попытку включить весь бизнес в один-единственный блок, способный к эффективному исполнению любого решения. Они преобразуют экономическую мощь крупного бизнеса в политическую власть. Автономными организациями немецкого бизнеса, таким образом, управляет сочетание капиталистов, капиталистических менеджеров и менеджеров корпорации, поддерживаемое организацией экспертов, в основном адвокатов и экономистов, которые занимали сходные должности при республике.

Национальная экономическая палата возглавляется Альбертом Питшем, который является также президентом Мюнхенской палаты промышленности и торговли и экономической палаты Баварии. Родившийся в 1874 г., Питш изучал инженерное дело в техническом колледже в Дрездене, проходил практику на химической фабрике, изобретал различные новые процессы и в 1910 г. основал электрохимическое предприятие в Мюнхене, которым он все еще управляет и которое контролирует. Он вступил в партию в 1925 г. из чувства негодования своим исключением из Мюнхенского высшего общества. С 1933 г. до 1936 г. он был штатным экономическим экспертом заместителя вождя. Его исполнительный секретарь в национальной организации, довольно влиятельный, доктор Герхард Эрдман, — типичный организационный менеджер. Адвокат по профессии и член партии, Эрдман служил чиновником во время Первой мировой войны и возглавлял важный отдел в Федерации организаций немецких работодателей до ее роспуска в 1933 г.

Следующая таблица представляет состав руководства всех национальных групп, шести транспортных групп, всех экономических групп и отраслевых групп в национальной группе промышленности.

kammer und deren Untergliederungen / Ed. Reichswirtschaftskammer. Berlin, as of August 1939. Этот том включает имена: b. Hermann Teschenmacher (ed.). *Handbuch des Aufbaus der gewerblichen Wirtschaft*. Vol. I. Leipzig, 1935; Vol. II. Leipzig, 1936; Vol. III. Leipzig, 1937. Это объемы поставок биографических данных. c. *Handbuch der deutschen Aktiengesellschaften* 1938 and 1939. Эти книги указывают на дату корпоративных связей персональных групп и палат.

Представители публичных корпораций	13
Капиталисты (главным образом руководители)	20
Капиталисты-менеджеры (главным образом руководители)	17
Менеджеры корпораций (главным образом руководители)	31
Организационные менеджеры и секретари	27
Государственные служащие	9
Биографические данные недоступны	56
В целом	173
Бывшие армейские офицеры	31
Частично заявленные данные	21

Каждое важное индустриальное объединение представлено в руководстве группами. Наиболее значительная фигура — несомненно, Вильгельм Занген, генеральный директор объединения Маннесмана и глава национальной промышленной группы, имя, которое обнаруживается во многих важных наблюдательных советах индустриальных корпораций, банков, страховых компаний, и государственных или полугосударственных корпораций. Затем лидер национальной группы банковского дела, Отто Кристиан Фишер, прежде связанный с *Reichskreditgesellschaft*, а теперь партнером в Мюнхенском частном банке. Другими объединениями, представленными в руководстве групп, являются Объединенный стальной трест, калийное объединение *Salzdethfurth*, *General Electric*, нефтяное объединение, объединение Геринга, *Gutehoffnungshütte*, *Zeiss*, Портлендское цементное объединение, объединение целлюлозы. Значительное число лидеров приходит, разумеется, из среднего бизнеса, так как многие из групп состоят из таких более мелких отраслей промышленности, как машиностроение, строительство, текстиль, кожа, торговля, ремесла.

Картина отличается в провинциальных экономических палатах. Вместо того чтобы анализировать 100 палат промышленности и торговли и 70 палат ремесел, лучше изучить состав руководства в экономических палатах, потому что их функции являются гораздо более всесторонними. Например, именно они

распределяют общественные заказы среди бизнесменов на своих территориях.

*Руководство
в семнадцати провинциальных палатах*

I. Руководители		II. Менеджеры	
Капиталисты	10	Государственные служащие	1
Капиталисты-менеджеры	3	Организационные менедже- ры	11
Менеджеры корпораций	3	Партийные чиновники	1
Биографические данные не- доступны	1	Биографические данные не- доступны	4
В целом	17	В целом	17
Партийные чиновники	2	Офицеры	8
Армейские офицеры	13	Частично заявленные дан- ные	7
Частично заявленные дан- ные	14		
Представители промышлен- ных объединений	5		
Владельцы независимых пред- приятий	7		
Банкиры	2		

Руководство в провинциальных палатах, таким образом, находится в основном у независимых бизнесменов с существенными средствами, которые вступили в партию до 1933 г. и кто был офицером запаса в 1914–1918 гг. Их назначение — это награда за преданное партийное служение. Каждый президент провинциальной палаты является в то же самое время и президентом своей местной палаты промышленности и торговли. Только пять руководителей представляют объединения: два официальных представителя партии и два банкира (Фридрих Райнхарт и Курт фон Шредер). Большинство менеджеров также были офицерами запаса и членами партии до 1933 г. Их предыдущий опыт был связан с торговыми палатами, картелями, или старым *Spitzenverbände*. Некоторые также являются партийными чиновниками.

Промышленное руководство сегодня отличается от руководства при Веймаре в трех отношениях. Торговый капитал в нем уже не представлен. Свободный торговец — это явление прошлого. Торговля стала функцией монополистических производителей,

Лидеры и управляющие экономических палат

Район	Имя лиде- ра, ме- неджера	К*	Ку*	Ко*	О*	Оф*	П*	Другие должности	Связь с бизнесом
Восточная Пруссия	Райс	?	?	?	?	?	?	Президент промыш- ленной палаты	Целлюлозно- бумажное предприя- тие «Zell- stofffabrik Waldhof»
	Управля- ющий				✓	✓			
Силезия	Фитцнер		✓			✓	✓	Лидер эконо- мичес- кой груп- пы 3	Уголь «Gie- sche»
	Управля- ющий	?	?	?	?	?	?		
Берлин- Бран- денбург	Рейнхарт	✓						Лидер эконо- мичес- кой груп- пы	Банкир (Ком- мерческий банк)
	Управля- ющий	Чиновник ✓							
Померания	Фенглер	✓				?	?		Собственник
	Управля- ющий	?	?	?	?	?	?		
Нордмарк	Де ля Камп	✓				✓	✓	Президент промыш- ленной палаты	Собственник
	Управля- ющий				✓	✓			
Бремен	Боллмай- ер	✓				✓	✓	?	Собственник
	Управля- ющий				✓	?	?		
Нижняя Саксония	Гекер			✓		✓	✓	Наблюда- тельные советы	Ilseder Hütte
	Управля- ющий				✓		✓		
Дюссель- дорф	Цукер		✓			✓	✓		Гидроаппа- раты
	Управля- ющий	?	?	?	?	?	?		

Продолжение таблицы

Район	Имя лиде- ра, ме- неджера	К*	Ку*	Ко*	О*	Оф*	П*	Другие должности	Связь с бизнесом
Вестфалия	Франке		✓			✓	✓	Окружной экономический советник партии	
	Управля- ющий				✓		✓	Партийная должность	
Кельн	Фон Шрё- дер	✓				✓	✓	Наблюда- тельные советы	Банкир (I. H. von Stein)
	Управля- ющий				✓	✓	✓		
Гессен Нас- сау	Люер			✓		✓	✓	Партийная карьера	«Adam Opel» автомоби- ли
	Управля- ющий				✓		✓	Партийная должность	
Магдебург	Фарен- хольц	✓				✓	✓	Зам. лидера экономи- ческой группы	Собственник
	Управля- ющий				✓	✓	✓	Автор	
Тюрингия	Тиль	✓				✓	✓		Собственник
	Управля- ющий	?	?	?	?	?	?		
Саксония	Вольфарт			✓		✓	✓		Zeiss-Ikon
	Управля- ющий				✓	✓	✓		
Бавария	Питш	✓				✓	✓	Руководи- тель на- циональ- ной эконо- мичес- кой пала- ты	Собственник

Район	Имя лидера, ме- неджера	К*	Ку*	Ко*	О*	Оф*	П*	Другие должности	Связь с бизнесом
	Управля- ющий	Партийная должность							
Баден	Кёлер	✓	Партийная долж- ность					Премьер-министр	
	Управля- ющий				✓	✓	✓		
Вюртемберг	Кин	✓				✓	✓		Собственник
	Управля- ющий				✓	✓			

* Сокращения: К — капиталист; Ку — капиталист управляющий; Ко — управляющий корпорацией; О — руководитель организацией или секретарь; Оф — офицер Первой мировой войны; П - член партии.

которые либо создали свой собственный распределительный аппарат, либо преобразовали оптового торговца и розничного продавца в своих административных агентов. Во-вторых, банковский капитал, как уже было указано, утратил свои позиции. И в ряду монополистических производителей было несколько ограничено доминирование тяжелой промышленности, ранее исключительное. Химическая и некоторые отрасли металлургической промышленности вышли на первый план и изменили свой характер; они также стали отраслями тяжелой промышленности. Трест красителей сегодня относится как к горной промышленности, так и к химической. Вертикальное объединение от добычи угля (или бурого угля) до производства — это тип объединения, который лучше всего выражает динамику промышленного руководства. Это руководство менее многочисленно, оно является более тесно сплоченным и гораздо более сильным, чем прежде. Благодаря механизму самоуправления в промышленности вся экономика была включена в сферу управления монополистических производителей не только фактически, но также и по закону.

6. Аграрное руководство

Самыми грозными союзниками тяжелой промышленности в борьбе против демократии были владельцы больших состояний, и особенно из пояса посевов ржи в восточной и северной Германии. Инфляция 1921–1923 гг. освободила сельское хозяйство от его задолженности, но только на короткий момент времени. После необычно плохих урожаев 1924 и 1925 гг. крестьяне снова оказались в долгах. Поздней осенью 1925 г. они продавали свои зерновые по любой цене, чтобы выручить наличные деньги. Цены упали ниже уровня мирового рынка, даже с долгосрочными кредитами абсолютно недоступного. Хлынули субсидии, и система кредита была реорганизована так, чтобы попытаться двигаться против течения. К сожалению, в государственной программе не было никакого планирования. Высокие тарифы и система субсидий препятствовали модернизации молочной и овощной отраслей промышленности, в отличие, например, от Голландии и Дании. Одной иллюстрации будет достаточно. Стимулируя производство фуража, немецкое правительство могло бы оказать большую помощь владельцам молочных ферм. Вместо этого оно сохранило тарифы на зерно и таким образом защитило самые дорогостоящие из всех отраслей сельскохозяйственного производства.

Веймарская политика внутренней колонизации также не затронула крупных землевладельцев. Закон 11 августа 1919 г. дал правительству право конфискации состояний при показателях ниже рыночной стоимости, но федеральный Верховный Суд объявил его неконституционным. Администрация, занимавшаяся переселением, тогда обратилась к прямому выкупу. То небольшое, что она смогла достичь для крестьян (19 000 семей, переселенных с 1919 до 1925 гг.), было полностью уравновешено пропорциональным расширением со стороны крупных состояний. С их более высокой нормой прибыли и их защищенным положением они могли легко и постоянно приобретать мелкие фермы. Все аграрные ссудные учреждения, кроме того, помогали более крупным состояниям более низкими процентными ставками (так же, как банки делали особые уступки крупным индустриальным концернам).

Депрессия 1929 г., несомненно, ударила по сельскому хозяйству сильнее, чем по промышленности. Фермерские цены снизились, в то время как промышленные цены оставались довольно

устойчивыми, в силу чего ножицы цен расширились. Крестьяне восстали, и прусские юнкеры начали свое заключительное наступление против демократии. У Гинденбурга были тесные связи с восточными юнкерами Эльбы, и ни один из последних трех догитлеровских кабинетов Брюнинга, Папена или Шлейхера не осмелился использовать сельскохозяйственную депрессию в своих интересах, чтобы разделить латифундии среди мелких фермеров. Напротив, финансовая помощь от федерального правительства и местных органов власти использовалась в основном, чтобы поддержать привилегии больших состояний. Восточный закон о помощи от 31 марта 1931 г., например, подписанный кабинетом Брюнинга якобы для того, чтобы освободить население восточных областей от страданий, фактически стал механизмом, сохранившим социально-экономический статус прусских юнкеров. Когда Шлейхер отдал приказ о расследовании системы субсидий, чтобы завоевать политическую поддержку профсоюзов, камарилья юнкеров донесла на него президенту как на аграрного большевика, и он был вынужден уйти в отставку. Непосредственной предпосылкой к назначению Гитлера было, таким образом, возрождение политического влияния прусских юнкеров.

Национал-социалистическое продовольственное сословие успешно организовало производство пищевых продуктов и их распределение на вертикальной основе, не пренебрегая сферой сельского хозяйства. Фермерские цены устанавливались правительством. Крестьянин субсидировался и укоренялся в «кровь и почву». Этим национал-социализм горделиво хвалился. Крестьянин должен образовать «новую знать крови и почвы» и стать «первопроходчиком органического обмена продуктами».²⁴

По закону о сословном наследовании, вступившему в силу в октябре 1933 г., крестьянин (если в расовом отношении он, конечно же, был чистый ариец) был привязан к земле. После его смерти она переходила к единственному наследнику, ее нельзя было ни разделить, ни заложить в банке. Устанавливался порядок наследования: сын, его потомство, отец, братья или дочери и их потомство, сестры. Чтобы быть наследственным крестьянином, нужно быть *bauernfähig*, то есть способным к управлению фермой.

²⁴ R. Walther Darré. Neuadel aus Blut und Boden / New ed. 1941. Darré. Zeit und Weg der nationalsozialistischen Agrarpolitik. Munich, 1934. P. 18.

Размер состояния не должен, как правило, превышать 125 гектаров (приблизительно 300 акров), хотя для одного крестьянина допустимо иметь несколько ферм, в общей площади превышающих этот предел. Минимальный размер менялся в зависимости от плодородия почвы в соответствии с тем принципом, что ферма должна быть достаточной, чтобы содержать семью. Общее количество наследственных состояний в 1938 г. было 684 997, они занимали 15 562 000 000 гектаров земли, или 37 % всех обрабатываемых сельскохозяйственных и лесных угодий.²⁵

Несколько цифр быстро рассеют любое представление, что национал-социализм пересмотрел или даже остановил процесс сельскохозяйственной централизации или реализовал романтический идеал среднего крестьянина, укорененного на своей земле. Как и промышленность, немецкое сельское хозяйство уверенно двигалось ко все большему и большему владению.²⁶ Едва ли можно было ожидать, что национал-социализм пожертвует эффективностью ради анахронизма. Только идеология оставалась, как обычно, романтической, противостоящей действительности.

Структура собственности претерпела значительные изменения. Средний размер наследственных состояний, защищенных законом 1933 года, увеличился с 12,3 гектара в 1933 г. до 22,5 в 1939 г.²⁷ Мелкие крестьяне, жертвы процесса централизации, были обездолены. И даже среди наследственных крестьян процесс концентрации имел место.

Внутренняя колонизация стала слишком незначительной, чтобы о ней упоминать. Число новых ферм для крестьян неуклонно падало от 4 931 в 1934 г. до 798 в 1939 г.²⁸ Но и более ранняя цифра не означает, что анахроническая доктрина действительно преобладала среди национал-социалистических лидеров какое-то время. В целом земля, приобретенная или предоставленная в распоряжение этим новым поселенцам (4 931), составляла 148 000 гектаров, из которых 6 000 было вересковой пустошью, 23 000 были выделены из государственной собственности, 109 000 приобретены из частных владений и 15 000 из мелких

²⁵ SP. 1939 (48). P. 405.

²⁶ Об имущественных отношениях в сельском и лесном хозяйстве, см.: SJ. 1938. P. 85.

²⁷ DV. 1941 (15). N 20. P. 775.

²⁸ WS. 1939. N 5.

частных ферм.²⁹ В 1934 г. полная площадь земли ферм из 100 гектаров была приблизительно 20 000 000 гектаров, поэтому даже на пике переселений цифры были удручающе незначительными. Чистый доход увеличивался пропорционально размерам фермы. Макс Зеринг, ведущий сельскохозяйственный экономист Германии, опубликовал цифры, показывающие, что, хотя крупные фермы и понесли потери в 1924 г., их чистый доход в 1935 г. составлял 53 марки за гектар обрабатываемой земли по сравнению с 49 марками для средней фермы и всего лишь 28 марками для мелкой фермы.³⁰

Независимый мелкий фермер тем не менее не исчез. Он все еще составляет 40 % от общего количества независимых.³¹ Но в крестьянстве экономический процесс централизации шел параллельно социальному процессу формирования элиты. Нацио-

²⁹ Цифры из: SJ. 1938. P. 90.

³⁰ Чистый доход на гектар обрабатываемой земли в марках:

Год/месяц	Небольшой	Средний	Большой
1924/5	9	9	-18
1928/9	36	41	25
1931/2	-10	5	8
1932/3	-4	19	28
1933/4	28	49	53
Малые фермы в Восточной Германии	5-50 га		
Малые фермы в Западной Германии	5-20 га		
Средние фермы в Восточной Германии	50-200 га		
Средние фермы в Западной Германии	20-100 га		

Источник: *Max Sering. Die agrarischen Grundlagen der Sozialverfassung // Probleme des Deutschen Wirtschaftslebens. Berlin and Leipzig, 1937. P. 854.*

³¹ В 1933 г. было 5 337 900 независимых (включая служащих и чиновников), среди них 2 188 000 в сельском хозяйстве и лесоводстве. SJ. 1938. P. 27.

нал-социализм намеренно создавал благонадежную элиту из состоятельных крестьян за счет мелких фермеров. 700 000 наследственных крестьян образовали собой привилегированный орган: их состояния нельзя закладывать в банке; они могут расширять свои владения; их цены защищены.

Классификация (в гектарах)	Сумма	Процент всех унаследован- ных ферм	Общая площадь (в гектарах)	Процент всех унаследован- ных ферм
Ниже 7.5	20 067	2.9	135 000	0.9
7.5 – ниже 10	99 786	14.6	875 000	5.6
10 – » 15	175 444	25.6	2 168 000	13.9
15 – » 20	118 741	17.3	2 053 000	13.2
20 – » 25	75 696	11.0	1 692 000	10.9
25 – » 50	145 057	21.2	4 969 000	31.9
50 – » 75	33 120	4.8	1 975 000	12.7
75 – » 100	11 320	1.7	965 000	6.2
100 – » 125	4 680	0.7	520 000	3.4
Выше 125	1 086	0.2	209 000	1.3
	684 997	100	15 561 000	100

Крестьянская элита создавалась без дефеодализации и даже без разделения наследственных юнкерских состояний. Национал-социализм сохранил наследственную систему (так называемую *Fideikommiss*), упраздненную во Франции революцией 1789 г., а в западных частях Германии после завоеваний Наполеона. Наследственное состояние принадлежало семье как верховному владельцу, в то время как глава распоряжался и управлял им, хотя он никогда не мог ни заложить его, ни продать. Веймарская конституция призывала к роспуску наследственных состояний, и прусское правительство создало в 1919 г. специальный совет, чтобы выполнить это предписание. Ничего подобного тем не менее не произошло. Есть очевидное, хотя и поверхностное сходство между наследственными юнкерскими состояниями и наследственными крестьянскими состояниями. Национал-социалисты воспользовались законом о наследовании с целью предоставить юнкерам, феодалам защиту закона о наследственных состояниях, якобы при-

нятого, чтобы защитить крестьянина.³² Именно так они оплатили классу юнкеров за значительную поддержку при продвижении нового режима во власть.

Политическое влияние юнкеров все еще является сильным, хотя и не решающим. Они имеют сильные позиции в продовольственном сословии, в сельскохозяйственном кредите и финансовых корпорациях, в армии, в министерской бюрократии, и даже в окружении вождя. Два анахронизма так или иначе сохранены: класс юнкеров и класс наследственного крестьянства. Один образует остатки умирающего правящего класса, другой — элиту среди независимого крестьянства.

7. Континентальная нефтяная корпорация как модель нового правящего класса

Правящий класс национал-социалистической Германии является совершенно неоднородным. Интересов столь же много, сколько и групп. Ничто не удерживает их вместе, кроме царства террора и их страха, что крах лживого режима уничтожит их всех. Предпринимались попытки объединить иерархические группы в одну сплоченную элиту, как в наблюдательном совете Континентальной нефтяной корпорации, которая при определенных условиях могла бы стать моделью нового правящего класса, состоящего из партии, армии, бюрократии и промышленности. Но, как показывает сама эта корпорация, единство правящей группы основывается на угнетении и эксплуатации зарубежных стран и немецкого народа. Германия должна завоевывать, чтобы эти четыре группы могли пожинать прибыль. Такова сущность чрезмерно высоко оцениваемой Континентальной нефтяной корпорации, объединения, удерживающего правящий класс вместе.

Что, если попытки завоевания потерпят неудачу? Будет ли идентичность краткосрочных интересов в состоянии противостоять давлению безжалостного эгоизма на одних и народной ненависти к национал-социализму на других? Вероятно, нет. Промыш-

³² Указ 6 июля 1938 г. и исполнительное распоряжение 20 марта 1939 г.

ленность желала избавиться от неограниченной конкуренции и профсоюзов — но это было далеко не желание системы партийного контроля, какой она сложилась. Мелкие торговцы и ремесленники хотели сокрушить власть банков и еврейских конкурентов — но у них не было желания стать жертвой чисток. Бюрократия была благодарна за отмену парламентского контроля и за устранение социал-демократических профсоюзных чиновников — но им не нравится иго рьяных партийных иерархов. Офицеры желали получить программу грандиозного расширения армии — но они не могут терпеть партийное вмешательство.

Эти различные страты не скреплены общей лояльностью. Перед кем они, в конце концов, могли ее соблюдать? Не перед государством, так как оно было упразднено идеологически и даже до некоторой степени реально. Идеологическое основание, на котором основывались армия и бюрократия, было разрушено. Обожествление вождя — это неадекватная замена, потому что харизма вождя будет полностью исчерпана, если он не подтвердит свою значимость, то есть если он не будет успешен. Кроме того, обожествление руководства является настолько глубоко противоречащим процессу бюрократизации и деперсонализации, что простое постулирование общности, объединенной вождем, недостаточно. Культ пролетариата избранной расы также зависит от окончательной победы. Что касается таких понятий, как свобода и равенство, то сомнительно, были ли они когда-либо основанием для общей лояльности, и, конечно же, они не являются им теперь. Монархическая традиция ушла; даже лидер реакционного капповского путча в 1920 г. осторожно отделил себя от монархистских целей. Религия очень незначительно беспокоит партию, и имеется серьезный раскол в рядах духовенства.

Ничего не остается, кроме прибыли, власти, престижа и прежде всего страха. Лишенные общей лояльности и озабоченные исключительно сохранением своих собственных интересов, правящие группы будут уничтожены по отдельности, как только творящий чудеса вождь встретит достойного противника. В настоящее время каждый слой нуждается в других. Армия нуждается в партии, потому что война является тоталитарной. Армия не может организовать общество «тотально»; это предоставляется партии. Партия, с другой стороны, нуждается в армии, чтобы выиграть войну и таким образом стабилизировать и даже увеличить свою собственную власть. Обе нуждаются в монополистиче-

ской промышленности, чтобы гарантировать непрерывную экспансию. И все эти три группы нуждаются в бюрократии, чтобы достичь технической рациональности, без которой не могла бы работать система. Каждая группа является верховной и авторитарной, каждая снабжена своей собственной законодательной, административной и судебной властью; каждая, таким образом, способна к быстрому и безжалостному заключению необходимого компромисса с любой группой из этих четырех.

8. Обновление правящего класса

Процесс обновления правящего класса становится все больше и больше партийной монополией, по крайней мере организационно. Хотя экономическое руководство все еще в значительной степени наследуется — и это верно и для должностей менеджеров в корпорациях, и для владения собственностью — обновление политического руководства находится в партийных руках и по закону и фактически. Любая молодежная группа, например, входит в гитлерюгенд, которым управляют партийные иерархи, использующие государственную машину для достижения партийных целей. Семья и церковь все еще остаются противодействующими учреждениями, живущими, однако, в традициях прошлого. И антагонизмы, которые производит национал-социализм (которые мы обсудим позже), следует также рассматривать как конкурирующий фактор.

Начальные школы, средние школы, и университеты подвергаются возрастающему контролю.³³ Для своих собственных функционеров партия создала «школы Адольфа Гитлера» (одну на каждый район), школы трудовой службы для СА и СС. Затем есть так называемые «ордена замков» (*Ordens bürger*), образованные и

³³ Существует большое число книг о национал-социалистическом образовании. Самая последняя: *George Frederick Kneller. The Educational Philosophy of National Socialism. New Haven, 1941*, — которая совершенно серьезно воспринимает национал-социалистическую идеологию. Далее: *Kandel I. L. The Making of Nazis. New York, 1936*; Childs H. L. (trans.). *The Nazi Primer. New York, 1938*; об университетах: *Hartshorne E. Y. The German Universities and National Socialism. Cambridge (Mass.), 1937*. Книга Кнеллера содержит богатую библиографию.

управляемые в соответствии с принципами, установленными идеологическим оракулом Альфредом Розенбергом:

«Национал-социалистическое движение решило из 70-миллионной массы отобрать ядро, которому будет доверена специальная задача государственного руководства и члены которого будут с юности воспитываться на идее органической политики... Национал-социалистическое государство поэтому, если мы хотим использовать старые понятия, чтобы описать ее структуру, является монархией на республиканской основе».

Все это должно быть достигнуто созданием Национал-социалистического ордена, говорит Розенберг.³⁴ Такой орден еще не был создан, однако и мы не знаем, будет ли он создан когда-либо, но основа его закладывается в орденах замков, где элита партии проводит четыре года в обучении.

Но это не все. Есть партийный университет, который концентрируется на антисемитизме. Есть школы для заводских лидеров (четырехнедельные курсы)³⁵ и так далее. Именно в этих предприятиях средний класс и даже слои рабочего класса находят для себя компенсацию за потерю экономических перспектив. Ремесленник и владелец магазина, лишенный состояния крестьянин, рабочий, который больше не может подняться в круге своей собственной партии и профсоюза, — они могут все быть отобраны для возвышения в иерархии новой партии — если они — чистые арийцы, без физических недостатков и политически послушные.

Сравнение социального состава университетов с составом партии является весьма показательным. Во времена республики 34.1 % студентов университета происходили из высших сословий, 59.2 % — из средних, и только 5.9 % — из низших классов, причем рабочие составляли только 3.2 % всех университетских студентов.³⁶ Никакой анализ социального состава при национал-социализме не доступен,³⁷ но нет никаких причин допускать, что он изменился. Университет уже не является главной проблемой

³⁴ *Alfred Rosenberg. Der deutsche Ordensstaat. Munich, 1934. P. 11.*

³⁵ *FZ. 26 June 1941.*

³⁶ *Deutsche Hochschulstatistik Sommer-Semester 1931. Опубликовано: Svend Riemer. Sozialer Aufstieg und Klassenschichtung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1932 (67). P. 531–560, esp. p. 553.*

³⁷ *Hartshorne. Op. cit. P. 86, где отражаются только «незначительные изменения».*

системы образования. В целом набор студентов резко снизился, как результат преднамеренной политики, с 97 576 в 1932 г. до 51 527 в 1938 г. (для женщин с 18 578 до 6 346 за тот же самый период).³⁸ Более 90 % студентов организованы в ассоциации национал-социалистических студентов (*Deutsche Studentenschaft*).

Согласно официальной статистике приблизительно одна треть членов партии происходит из рабочего класса, приблизительно 20.6 % — из служащих, и остальные распределены среди независимых, крестьян, чиновников, и остальных.³⁹ Пропорция государственных служащих выросла с 6.7 % в 1933 г. до 13.0 % в 1935 г.; бюрократия идет за победителями.⁴⁰

³⁸ Статистика до 1937 г. в статье: *Charlotte Luetkens. Enrolments at German Universities since 1933 // The Sociological Review. 1939 (31). P. 194–209. За 1938 г.: SZ. 1938. P. 602.*

³⁹ Социальный состав партии в 1933 и 1935 году (в процентах):

	1933 г.	1935 г.
Рабочие	31.5	32.1
Штатные служащие	21.1	20.6
Независимые (исключая крестьян)	17.6	20.2
Крестьяне	12.6	10.7
Чиновники	6.7	13.0
Прочие	10.5	3.4
	100	100

Источник: *Gerth. Op. cit. P. 527.*

⁴⁰ Профессор Теодор Абель (*Abel. Why Hitler Came into Power. New York, 1938. P. 5*), основываясь на жизненных историях национал-социалистов, которые он собирал в Германии в 1933 г., обнаружил, что его группа состояла из 35 % рабочих, 51 % низших слоев среднего класса, 7 % более высоких слоев среднего класса и аристократии, и 7 % крестьян. Хотя эти цифры никоим образом не характерны для партии в целом, они, однако, указывают на значительную долю низших классов, и поэтому повышение на социальной шкале принесло значительную пользу этим группам общества.

II. УПРАВЛЯЕМЫЙ КЛАСС

1. Национал-социалистические принципы организации

Демократическое общество работает на плюралистическом принципе конкуренции среди общественных организаций, форма и характер которых определены естественными различиями, которые современное общество порождает: такими, как принадлежность к классу, занятия, происхождение, религия, культурные интересы, и т. д. Независимо от того, насколько полно общество может быть организовано, такая конкуренция все еще сохраняет что-то от человеческой спонтанности. Хотя и нет никакой власти, которая могла бы подчинить себе поведение массовых организаций, однако установление социального равновесия все же требует, чтобы различные организации улаживали свои конфликты на основе соглашений. Антагонизмы, забастовки, споры, увольнения, политические беспорядки — все это может вполне благополучно существовать при демократии, пока общество может рассчитывать на добрую волю лидеров и рядового состава общественных организаций, на их готовность приспосабливаться и идти на компромиссы.

Национал-социализм не имеет никакой веры в общество и, в частности, в его добрую волю. Он не доверяет различным организациям улаживать свои конфликты таким способом, чтобы власть национал-социализма оставалась ненарушенной. Он боится даже наполовину автономных органов в своей собственной структуре, считая их потенциальными очагами недовольства и сопротивления. Именно поэтому национал-социализм берет все организации под свое крыло и превращает их в официальные административные органы. Плюралистический принцип заменяется монистическим, тотальным, авторитарной организацией. Это — первый принцип национал-социалистической социальной организации.

Второй принцип — атомизация индивида. Такие группы, как семья и церковь, солидарность, являющаяся результатом совместной работы на заводах, в магазинах и учреждениях, — все это сознательно разрушено. Трактровка незаконного рождения и сводничества, например, обнаруживает полный упадок традиционных ценностей. Рождение внебрачных детей поощряется, несмотря на то что святость семьи, как предполагается, является краеугольным

камнем «внутренней философии»¹ национал-социализма. Так, когда федеральный высший трудовой суд должен был решить, мог ли работодатель уволить не состоящую в браке беременную женщину без уведомления, он вынес отрицательное решение на том основании, что такая беременность уже не должна расцениваться как *ipso facto* «безнравственная и порочная».² Комментатор добавляет:

«Наши взгляды сегодня, основанные на понятии этики, которая находится в унисон с природой, жизненной силой и расовой волей к жизни, обязаны, если это понятие подтверждает [сексуальное] побуждение, подтверждать и естественное желанное последствие, или, вернее, естественную желанную цель. Поскольку именно последняя и оправдывает и освящает побуждение».

Такая позиция, мы должны помнить, не является частью прогрессивной социальной политики и евгеники. Напротив, она насквозь лицемерна, это империалистическая позиция, сопровождающая идеологическое прославление семьи.

Второй пример, возможно, еще в большей мере иллюстрирует не только разрушение семейной жизни, но также и продажность судебной власти. До национал-социализма суды вообще постановили, что терпимое отношение будущих родителей мужа к половым сношениям еще не состоящей в браке пары наказуема как сводничество. Под давлением режима, особенно в *Schwarze Korps*, органе СС, суды полностью изменили свою позицию. Одно решение фактически цитирует диатрибы в *Schwarze Korps* в оправдание отмены.³ Опять-таки, это не вопрос новой и целомудренной философии общества. Это просто функция его империализма, усиленного божественным желанием *эпатировать буржуазию*.

Не должно быть никакого социального общения вне предписанных тоталитарных организаций. Рабочие не должны разговаривать друг с другом. Они действуют в условиях военной дисциплины. Отцы, матери и дети не должны обсуждать те вещи, которые касаются их больше всего, — свою работу. Государственный служащий не должен рассказывать о своей работе, рабочий не должен говорить даже своей семье, что он производит. Церковь не должна вмешаться в светские проблемы. Частное милосердие,

¹ Прекрасная дискуссия: *Clifford Kirkpatrick. Nazi Germany: Its Women and Family Life*. Indianapolis; New York, 1938.

² *Juristisdie Wochenschrift*. 1937. P. 3057 (Decision 21 August 1937).

³ *Op. cit.* 1937. P. 2387.

даже просто личного характера, заменяется зимней помощью или другими официальными (и тоталитарными) благотворительными организациями. Даже время досуга полностью организовано, вплоть до таких мелких подробностей, как средства передвижения, предоставляемые авторитарной организацией *Сила через радость*. Основываясь на том простом доводе, что чем больше организация, тем менее важен ее отдельный участник и тем больше влияние ее бюрократии, национал-социализм приступил к увеличению размера своих общественных организаций до крайнего предела. Трудовой фронт имеет приблизительно двадцать пять миллионов членов. Какое значение может иметь отдельный член? Бюрократия — это все.

Естественная структура общества ликвидирована и заменена абстрактной «народной общностью», которая скрывает полную деперсонализацию человеческих отношений и изоляцию человека от человека. С точки зрения современной аналитической социальной психологии можно сказать, что национал-социализм выступает за создание однообразного садомазохистского характера, человеческого типа, определяемого его изоляцией и незначительностью, которого сам этот факт ведет в коллектив, где он разделяет власть и славу той среды, частью которой он становится.

Столь широкая и недифференцированная масса создает новые проблемы. Она не может контролироваться обычной бюрократической машиной. Национал-социализм поэтому стремится выделить из массы определенные элиты, которые получают предпочтительное обращение, большие материальные выгоды, более высокое социальное положение и политические привилегии. Взамен элиты действуют как острие режима в аморфной массе. Когда необходимо, одна группа может натравливаться на другую. Расовые германцы — элита в отличие от народов, живущих вокруг них. Национал-социалистическая партия — элита в пределах расовой немецкой группы. В пределах партии вооруженные силы (СА и СС) образуют дальнейшие элиты. И даже в пределах СС есть элиты внутри элиты. То же самое верно для гитлерюгенда, для Трудового фронта и государственной службы. Элитный принцип не только сохраняет различие между рабочими, занятыми ручным трудом, и «белыми воротничками», но идет еще дальше и устанавливает различия и внутри самого рабочего класса. Одна маленькая организация квалифицированных рабочих возвышается над уровнем неквалифицированных и со средней квалификацией.

Ни одна из этих стратификаций не является естественным результатом развития общества, основанного на разделении труда. Все они — продукт сознательной политики, разработанной с целью усилить господство над массами. Установление различий и формирование элит составляют третий принцип национал-социалистической общественной организации.

Чтобы помешать тому, чтобы массы начали мыслить, их следует постоянно держать в напряжении. Это достигается пропагандой. Идеология находится в непрерывном процессе изменений и адаптации к преобладающему чувству масс. Преобразование культуры в пропаганду и быстротечность лозунгов составляет четвертый принцип национал-социалистической общественной организации.

Пропаганда приходит в негодность, и приходит в негодность тем быстрее, чем быстрее меняются лозунги. Поэтому она дополняется террором. Насилие не является малозначимым феноменом в структуре национал-социалистического общества; оно и есть то основание, на котором покоится общество. Насилие не только терроризирует, но и привлекает. Это пятый и последний принцип национал-социалистической социальной организации.

2. Рабочий класс при веймарской демократии

Анализ положения одного только рабочего класса из числа управляемых классов иллюстрирует методы массового господства и статус подчиненного населения. Вначале, чтобы обеспечить необходимое основание, должны быть изучены определенные исторические тенденции и общие социологические доводы.

Собственность — это не просто контроль над материальными вещами.⁴ Это — отношение между людьми через посредничество вещей, и таким образом оно наделяет и властью над людьми тоже. Владелец собственности на средства производства контролирует человека как рабочего, потребителя и гражданина. Единственная собственность рабочего — его рабочая сила. Он отделен от средств

⁴ Ср.: Neumann. Op. cit. P. 9–34. Достоверный обзор немецких демократических трудовых отношений: Nathan Reich. Labour Relations in Republican Germany. New York, 1938.

производства, и все же он может повернуть свою рабочую силу себе на пользу, только объединив ее со средствами производства, которые ему не принадлежат и на которые он не имеет никакого влияния. Собственность на средства производства поэтому оказывает двойное влияние на рабочего: она притягивает его в свою орбиту, и она контролирует его. С того момента, когда рабочий входит в фабричные ворота, он отдает часть своей личной свободы и отдает себя в распоряжение внешней власти.

Владелец собственности управляет рабочим как рабочим в пяти сферах: на заводе (техническая единица), на предприятии (экономическая единица, где принимаются деловые решения), на рынке труда, на товарном рынке и в государстве. Способность собственности вынуждать людей вступать в трудовые договоры и диктовать им линию поведения во время работы ставит целый ряд проблем перед рабочим классом и перед государством. Главная проблема состоит в том, как заменить диктаторскую власть работодателя демократической властью, в которой рабочие также должны принимать участие. Это — задача профсоюзов. Их функции могут быть разделены на три рубрики. Во-первых, они действуют как дружественные (или приносящие выгоду) общества. Они обеспечивают оплату болезней и несчастных случаев, пособия по безработице, забастовке и выплаты при увольнении, пенсии по старости и правовую помощь. Почти все государственные системы пособий по безработице, биржи труда, страхования несчастных случаев и болезней смоделированы по разработкам, выдвинутым профсоюзами. Этот разряд профсоюзной деятельности (внутренняя функция профсоюзов) в наибольшей мере осуществлялся в Англии, пример которой оказал заметное влияние на немецкое профсоюзное движение.

Вторая функция профсоюза — это его маркетинговая функция или коллективные переговоры. Профсоюз стремится к контролю над рынком труда, противопоставляя власть частной собственности власти организованных рабочих или устанавливая условия труда и оплаты, или там, где государство регулирует эти условия, отслеживая, чтобы правительственные инструкции были действительно приведены в исполнение. Более важным из этих двух является коллективный договор, подкрепляемый угрозой забастовки.

Наконец, профсоюзы — это политические органы, оказывающие давление на государство во всех трех его функциях, — законодательной, исполнительной и судебной. Нельзя сказать, какой из трех типов деятельности профсоюза имеет самое большое

значение. Ответ в каждом случае зависит от особой исторической, политической, и экономической ситуации. Попытка влиять на государство всегда присутствует, и она всегда является частичной, потому что государство может весьма ощутимо воздействовать на функции рынка и прибыли рабочих организаций.

Четыре стадии можно различить в историческом развитии отношений между профсоюзами и государством, с некоторым наложением друг на друга и повторением. Профсоюзы были вне закона в ранний период капитализма. Каждое государство запрещало любое объединение рабочих, сформированное для реализации социальных целей, как в законе Ле Шапелье во Франции, принятом в начале революции 14 июня 1791 г. В Англии французская революция напугала управляющий класс до такой степени, что они также запретили профсоюзы, чтобы предотвратить революцию. Прусский общий гражданский кодекс (*das allgemeine Landrecht*) запретил забастовки в рабочие дни и таким образом заблокировал использование главного оружия профсоюзов — забастовки. Коллективные договоры, регулирующие условия труда, не имели законной силы в этот ранний период. Профсоюзы были насильно распущены, а членство в них стало наказуемым преступлением.

Несмотря на все противостояние, однако, профсоюзное движение продолжало расти, и в определенный момент каждое государство было вынуждено отменить свои законы против объединений. Самые ранние признаки этой второй стадии появились в Англии в 1824 г. Во Франции закон 25 мая 1864 г. признал свободу труда и право создавать организации, хотя, как и в английском законе 1825 г., ограничивающие уголовные законы были сохранены. В Германии период запрета продлился до 1869 г. Промышленный кодекс северной немецкой федерации, принятый в мае того же года, впервые снял запрет на объединения, но только для промышленных рабочих. Сельскохозяйственные чернорабочие, прислуга, моряки и государственные служащие были исключены из привилегии. Уголовные законы продолжали выдвигать тяжелые препятствия.

Отмена антисоциалистических законов Бисмарка и принятие промышленного кодекса сделали возможным учреждение в 1890 г. *Generalkommission der Gewerkschaften*, центрального органа «свободных» или социалистических профсоюзов. В 1919 г. этот орган был преобразован в *Allgemeine Deutsche Gewerkschaftsbund*, по-

добный британскому конгрессу профсоюзов или американской федерации труда.

Общая особенность этого второго периода, эры терпимости, была в том, что социальная сила движения рабочего класса вынудила государство отменить прямой запрет на профсоюзное движение и обратиться к косвенному вмешательству через целый ряд специальных положений и с помощью уголовного кодекса, судов и особенно полиции. Филипп Лотмар, пионер немецкого трудового законодательства, суммировал ситуацию в следующих словах: «Профсоюз свободен, но он вне закона» (*Die Gewerkschaft ist frei, aber sie ist vogelfrei*).

Триумф демократии принес с собой и признание профсоюзов; это сообщило им новый статус, и их тройная функция признавалась безоговорочно. Самое ясное выражение этой стадии обнаруживается в Германии, Англии, и Австрии.

У немецкого профсоюзного движения была короткая, но бурная история, датируемая с 1877 г. Немецкая конституция 11 августа 1919 г. дала профсоюзам особое признание. Статьи 159 и 165 признавали их существование в качестве свободных органов наряду с государством. Ни кабинет, законодательный орган, ни полиция не должны были иметь право распускать профсоюзы. В свою очередь профсоюзы были призваны решать определенные позитивные задачи. В плюралистическом коллективизме Веймара профсоюзы играли решающую роль. Больше, чем политические партии, они были носителями новой формы общественной организации, мостом между государственной бюрократией и людьми, учреждением, развивающим политическую демократию в социал-демократию.

Закон 11 февраля 1920 г. вводил систему рабочих советов, ограничивающих (если проводить аналогию между фабрикой и государством) власть работодателя и вводивших элементы конституционного правления на заводе.⁵ Как и государство, промышленное предприятие имеет три вида власти: законодательную, исполнительную и судебную. До образования рабочих советов работодатель осуществил все три вида власти: он был законодателем, потому что он устанавливал фабричные правила; исполнителем, потому что он нанимал на работу и увольнял; единственным

⁵ О рабочих советах см.: *Guillebaud C. W. The Works Council: A German Experiment in Industrial Democracy. Cambridge (England), 1928.*

судьей, потому что он назначал наказания за нарушения фабричных правил. Закон о рабочих советах наделял законодательной властью и работодателя, и совет. Члены совета избирались тайным голосованием в соответствии с принципом пропорционального представительства, на основе конкуренции различных профсоюзных билетов и без какого-либо влияния со стороны как государства, так и работодателя. Если между рабочим советом и работодателем не могло быть достигнуто никакое соглашение, фабричные правила устанавливала арбитражная комиссия (позже трудовой суд).

Рабочие советы также имели голос в фабричном правлении, хотя только ограниченный. Если рабочий совет поддерживал, например, протест уволенного рабочего, то последний мог предъявить иск в трудовой суд о своем восстановлении или о возмещении убытков. Совет также контролировал выполнение коллективных договоров и соблюдение фабричных правил, и вообще защищал работающих по найму. Он имел право на двух делегатов, посещавших собрания совета директоров корпорации, а также право изучать отчеты о прибыли и убытках и бухгалтерские балансы. Эти предписания тем не менее не имели большого практического значения.

Рабочие советы немцы называли профсоюзным «оружием дальнего действия». Хотя формально и независимые от профсоюзов, они постоянно обращались к ним за помощью в выполнении своих обязанностей. Члены совета обучались в профсоюзных школах и поддерживались профсоюзами в каждом конфликте с работодателями. Профсоюзы в свою очередь в значительной степени полагались на рабочие советы в рамках такой функции, как выполнение законодательства о максимальном размере трудового дня и трудовой недели.

Вообще говоря, попытка дать рабочему классу прямое влияние в сфере частного предприятия не была практически успешной. Реакция, бессильная, когда закон был подписан в начале 1920 г., вскоре восстановила свои силы. Профсоюзное влияние на потребительском рынке было таким же слабым — за исключением угольной и калийной промышленности, в которых специальные законы (ошибочно названные законами о социализации) предусматривали частичное государственное управление. Профсоюзы угольной и калийной промышленности могли делегировать представителей в общественные советы директоров и являлись в определенной степени участниками управления.

Самым значительным влияние профсоюзов было на рынке труда. Указ 13 декабря 1918 г., выпущенный Советом народных депутатов, признал коллективные договоры юридическими средствами определения заработной платы и условий занятости. Какие бы коллективные соглашения не заключали между собой профсоюзы и ассоциации работодателей, их предписания становились частью трудового договора между работодателем и каждым из его рабочих. У них была сила объективного закона. Никакое отклонение не могло быть сделано в отдельном трудовом договоре, если оно не было одобрено нанимаемым. Установленное законом предписание образовывало краеугольный камень, на который опиралась вся структура республиканских немецких трудовых отношений. Тем не менее эти соглашения касались только организованных рабочих и работодателей. Учитывая опасность, что работодатели могли нанять и не состоявших в профсоюзе людей, тот же самый закон уполномочил министра труда по его усмотрению расширить своим указом соглашение на всю промышленность или торговлю согласно декрету. Это полномочие часто использовалось до 1931 г.

Когда добровольное соглашение не могло быть достигнуто, могло вмешаться государство, предполагаемое нейтральным. Арбитражные комиссии были созданы указом 1923 г.⁶ Председатель должен был быть государственным чиновником, а членство в равных долях делилось между работодателями и представителями профсоюза. Если какая-либо сторона отвергала решение правления, тогда чиновник рейха выносил решение, которое было обязательным, и приводило в действие соглашение о заработной плате между ассоциацией работодателей и профсоюзом.

С несколькими незначительными исключениями, знаменитая немецкая система социального страхования по безработице была творением веймарской конституции и профсоюзов. Основной закон 1927 г. также предусматривал регулирование бирж труда и отдавал всю систему под управление рейха по биржам труда и социальному страхованию по безработице, разделенное на один центральный, 13 региональных и 361 местный совет. Каждый имел равное количество представителей работодателей, рабочих, и государственных органов (земель, муниципалитетов и т. д.) под председательством нейтрального чиновника. Окончательное наблюде-

⁶ Об арбитраже: *Frieda Wunderlich. Labour under German Democracy. Arbitration. 1918–1933.* New York, 1940.

ние возлагалось на министра труда. Здесь перед нами еще одно выражение коллективистской демократии, с государством, призывающим автономные частные группы помогать бизнесу в эффективном управлении.

Регулирование ставок заработной платы и условий занятости может быть эффективным, только если сопровождается пособиями по безработице, достаточно высокими, чтобы предотвратить серьезное понижение заработной платы. После длительной борьбы и правовых споров, профсоюзы в конечном счете смогли установить тот принцип, что профсоюзная шкала заработной платы должна выплачиваться рабочему, получающему пособие, чтобы предотвратить нисходящее давление на заработную плату полностью занятых рабочих. Вся система дополнялась широким страхованием от несчастных случаев, болезней и старости, применяемым как к разнорабочему

Пятая и последняя область, в которой закон собственности выходит на первый план, — это государство. Профсоюзы не могли участвовать непосредственно в законодательном процессе, потому что отцы конституции отвергли предложение о второй палате, организованной по профессиональному представительству. Они могли тем не менее оказывать значительное влияние, однако. В 1920 г., например, профсоюзы победили путч Каппа эффективной всеобщей забастовкой. Все профсоюзы, кроме того, были привязаны к политическим партиям, и таким образом играли сильную политическую роль. Свободные профсоюзы были привязаны к Социал-демократической партии, а демократические — к Демократической партии. Христианские профсоюзы были связаны с партией Центра, хотя их белые воротнички и профессиональное крыло более тесно объединялись с немецкой Националистической партией, а и позже с национал-социалистами.

Социал-демократическая партия зависела от профсоюзов в финансовом отношении, и возрастающая частота выборов увеличивала эту зависимость. В результате большое количество профсоюзных функционеров нашло свой путь в рейхстаг. Там они, естественно, выступали за политику профсоюзов, социальную реформу, и время от времени создавали необычные ситуации. В 1930 г., например, кабинет рейха, возглавляемый социал-демократическим лидером Германом Мюллером, должен был уйти в отставку по требованию свободных профсоюзов, потому что другие стороны в коалиции не желали поднимать вклады социального страхования

по безработице. Ни одно важное политическое решение не было принято без профсоюзов. Фактически их влияние было неизменно более сильным, чем влияние Социал-демократической партии.

В юридической сфере профсоюзы активно участвовали в административной реализации трудового законодательства. Они имели большое влияние в трудовых судах, созданных законом 1927 г., чтобы улаживать споры между работодателями и служащими, между работодателями и рабочими советами, между сторонами коллективного договора, а также споры среди служащих в групповой работе. Три суда первой, второй и третьей инстанций каждый состоял из судьи и равного количества представителей профсоюзов и ассоциации работодателей. Только профсоюзные работники могли представлять рабочего в первом суде; во втором рабочий мог выбрать или профсоюзного чиновника, или доверенное лицо; но только адвокаты могли защищать его в третьем. Таким образом, как к признанным представителям рабочих, к профсоюзам обращались с просьбой о помощи и в этой сфере тоже.

Следует сказать в заключение, что эта обширная система коллективистской демократии никогда не осуществлялась полностью. Конституция обещала это, но продолжающаяся и возрастающая политическая власть реакции блокировала исполнение обещания. Веймарская республика, демократия Социал-демократической партии и профсоюзов достигла двух вещей. Она завоевала для рабочего человека сравнительно высокий культурный уровень, и она начала придавать ему новый политический и социальный статус.

Два основных события произошли в период признания профсоюзов. Капиталистическая экономика, основанная на конкуренции, была полностью преобразована в монополистическую систему, а конституционное государство — в массовую демократию.

Обе тенденции изменили всю структуру государства и общества. Влияние государства отличалось непрерывным ростом. Само государство принимало на себя широкие экономические функции. Вместе со своими представителями, председательствующими во всех паритетных правлениях, оно приобретало все более и более решающее влияние в сфере социальной политики, особенно потому, что две стороны редко могли достичь соглашения.

Массовая демократия усиливала политическое сознание рабочего класса. Первая мировая война сделала рабочий класс, во всем мире осознающим свои потребности и свою силу, и окончательно

отделила движение рабочего класса от буржуазных политических партий.

На функционирование профсоюзов было оказано серьезное воздействие каждым из этих событий. Широкое введение улучшенных научных методов производства породило технологическую безработицу. Рост стандартизации и модернизации промышленности изменил состав рабочего населения. Рост картелей, трестов и объединений создал новую бюрократию. Число конторских служащих, клерков, чиновников и технических руководителей увеличилось. Произошел скачок в пропорциональном соотношении рабочих со средней и низкой квалификацией (особенно женщин) за счет квалифицированного труда. Заключение рыночных контрактов и интенсивная конкуренция требовали расширенного распределительного аппарата, увеличивая число и пропорцию рабочих, занятых в этой сфере.

Социальное законодательство облегчало тенденцию к концентрации капитала и все то, что она с собой несла. Образцовая высокая заработная плата, сокращенные рабочие часы и хорошие условия труда — все это перемещает самое тяжелое финансовое бремя на средние и мелкие предприятия. Крупномасштабные предприятия его избегают, потому что они используют относительно немного труда и много машин. Любое вынужденное повышение заработной платы и любые увеличенные расходы, вызванные требованиями социального законодательства, вынуждали производителя экономить в другом месте. «Экономия» обычно принимала форму снижающих затраты труда механизмов.

Немецкие профсоюзы осознанно содействовали этому процессу рационализации, потому что они с неуместным оптимизмом верили, что технологическое перемещение рабочих приведет к большей занятости в отраслях промышленности средств производства и что последующее повышение покупательной способности повсюду увеличит производство и приведет к обратному поглощению безработных отраслями промышленности, производящими товары потребления.

Сталкиваясь с могущественной монополистической оппозицией, профсоюзы нуждались в помощи государства. Но в то же самое время рост правительственной экономической активности приводил к новому конфликту. Участвуя в промышленности как производитель и акционер, само государство часто становилось противником профсоюзов в вопросах заработной платы и условий труда.

Изменившийся состав рабочего населения и хроническая безработица эпохи депрессии в известной мере ослабили притягательность профсоюзов. Их членство уменьшилось, а безработица опустошила их казну. Им пришлось отказаться от выплаты своих пособий — в тот самый момент, когда широкая безработица заставила резко сократить и размеры, и число государственных выплат по безработице.

Число неквалифицированных рабочих, инспекторов, административных чиновников, продавцов и работающих женщин выросло в пропорциональном отношении, и их было чрезвычайно трудно организовать. Возросшая роль профессий и оплачиваемых должностей усилила значение их профсоюзов, но большинство из этих профсоюзов было по мировоззрению средним классом. Оплачиваемый и профессиональный работник не хотел «быть сведенным до уровня масс. Он боролся, чтобы сохранить свой статус представителя среднего класса и его привилегии, и он добился успеха. Белые воротнички и чернорабочие по-разному рассматривались в социальном законодательстве. Выплаты социального страхования была выше для первого. Период уведомления, который предусматривался до увольнения, был более длинным. Ни одна партия не осмеливалась выступать против их требований, как и против требований мелких государственных чиновников, прихвостни которых имелись в каждой политической фракции. Позиция капитала было простой — разделять, чтобы властвовать; привилегии давались маленькой группе за счет большой. «Новый средний класс», таким образом, стал цитаделью национал-социалистов.

Даже обращение профсоюзов к профессионально-техническим интересам рабочих было ослаблено возросшей правительственной деятельностью в регулировании заработной платы и условий занятости. Арбитражная система, правовое расширение коллективных соглашений о заработной плате с неорганизованными рабочими, социальное страхование по безработице и все атрибуты социального страхования заставили рабочего почувствовать, что он больше не нуждался в своем профсоюзе. Если государство заботится обо всех этих вещах, то в чем польза профсоюзов? — в Германии это был знакомый всем вопрос.

Число забастовок постоянно уменьшалось. В 1931 г. немецкими профсоюзами не было объявлено ни одной наступательной забастовки. Предполагаемый риск стал больше, успех менее бесспорным. Только крупные забастовки солидарности могли рассчи-

тывать на реальную перспективу победы. Любая забастовка могла легко привести к гражданской войне как в силу острого политического кризиса, так и потому, что в монополистической экономике любая забастовка затрагивает всю экономическую систему и само государство.

Коллективистская демократия, наконец, связывает профсоюзы и государство более тесными отношениями. Хотя профсоюзы остаются независимыми и свободными, их тесный контакт с государством вынуждает их занимать психологическую позицию завышенности, которая препятствует забастовкам.

Ни профсоюзы, ни политические партии не смогли справиться с новой ситуацией. Они стали бюрократическими органами, связанными с государством бесчисленными нитями. В 1928 г. Социал-демократическая партия хвалилась своими феноменальными достижениями в управлении. Следующее статистическое резюме было озаглавлено: «Цифры, которые каждый чиновник должен знать».⁷

33 региональные организации;

152 социал-демократических депутата рейхстага;

419 социал-демократических провинциальных депутатов;

353 социал-демократических олдермена (*Stadträte*);

947 социал-демократических бургомистров;

1109 социал-демократических глав деревень (*Gemeindevorsteher*);

4278 социал-демократических депутатов крейстага (районный орган);

9057 социал-демократических депутатов муниципальных собраний;

9544 местные организации;

37 709 социал-демократических сельских депутатов;

1 021 777 членов партии (803 442 мужчины, 218 335 женщин);

9 151 059 голосовавших за социал-демократов (выборы в рейхстаг 1928 г.).

Коммунистическая партия не отказывала себе в сходном хвастовстве:

360 000 членов;

33 газеты;

20 издательств;

⁷ Jahrbuch der deutschen Sozialdemokratie für das Jahr 1929. Berlin, 1929. P. 187.

13 парламентских депутатов;
57 депутатов в собраниях земель;
761 муниципальный депутат;
1362 деревенских депутата.⁸

Но это не все. Профсоюзная бюрократия была гораздо более сильной, чем соответствующая партийная бюрократия. Было не только много рабочих мест внутри профсоюзов, но были рабочие места и в Трудовом банке, в строительных акционерных кампаниях, в агентствах недвижимости, в профсоюзной печати и в издательствах, в профсоюзных страховых организациях. Был даже профсоюзный завод по производству велосипедов. Были кооперативы, принадлежащие Социал-демократической партии и профсоюзам. И были бесчисленные государственные рабочие места: в трудовых судах, в органах социального страхования, в организациях угольной и калийной промышленности, в железнодорожной системе. Некоторые профсоюзные чиновники держали пять, шесть, и даже десять должностей в одно и то же время, часто объединяя политические и профсоюзные посты.

Связанные столь тесно с существующим режимом и становившиеся полностью бюрократическими, профсоюзы и партия утратили свою свободу действий. Хотя они и не осмеливались сотрудничать самым тесным образом с Брюнингом, Папеном или Шлейхером, кабинеты которых жестко ограничивали гражданские свободы и демократический процесс вообще и снижали заработную плату и уровень жизни, ни партия, ни профсоюзы не могли выступить против этих режимов. Реальная оппозиция была бы нацелена на забастовки, возможно, на всеобщую забастовку и гражданскую войну. «Движение ни идеологически ни организационно не было готово к решительной борьбе. Они не могли выполнять даже свои внутренние профсоюзные функции. Небольшие фонды, оставшиеся после депрессии, были инвестированы в красивые офисные здания, профсоюзные школы, в недвижимость, в строительные акционерные компании и типографии. Для безработных членов профсоюзов почти ничего не оставалось.

Плюралистическая социальная система Веймарской республики была полностью разрушена к 1932 г. Ни одна организация не могла реализовать свои цели. Социальный механизм больше не

⁸ Pieck W. // Jahrbuch für Wirtschaft, Politik und Arbeiterbewegung. Hamburg, 1923. P. 649.

функционировал. Спонтанность рабочего класса была принесена в жертву бюрократическим организациям, неспособным к исполнению своего обещания дать свободу каждому, соединив индивидуальные права в коллективных организациях. На этой грядке и вырос национал-социализм.

3. Трудовой фронт

После захвата власти национал-социалистическая партия планировала возобновить деятельность профсоюзных организаций, объединить три разных крыла и подчинить объединенную группу национал-социалистическому руководству. Через свои организации рабочих ячеек (NSBO) они начали переговоры с социал-демократическим руководством профсоюзов. Два председателя свободных профсоюзов, Лейпарт и Грассман, сотрудничали друг с другом. Они согласились сложить свои полномочия, если профсоюзная структура будет сохранена. Они публично расторгли альянс профсоюзов с Социал-демократической партией и обещали в будущем соблюдать политический нейтралитет профсоюзного движения. Когда в 1933 г. новый режим объявил Первое мая национальным праздником, свободные профсоюзы приняли резолюцию об одобрении. Это действие, сказали они, было осуществлением старой мечты рабочего класса.

Предательство старой десятилетней традиции в попытке спасти организации профсоюза от полного уничтожения было больше, чем трусостью. Это была полная неспособность оценить реальный характер национал-социализма, и она открыла национал-социалистам глаза. Они увидели, что даже та незначительная сила, которую они приписывали профсоюзам, была иллюзией. Кроме того, немецкая промышленность не слишком сильно доверяла национал-социалистическим организациям рабочих ячеек. Не провоцировали ли и не поддерживали ли они в прошлом забастовки, хотя бы и в пропагандистских целях? Амбициозный доктор Лей во главе партийной политической организации поэтому решил установить контроль за профсоюзами.

1 мая 1933 г. праздновался новый национальный праздник. Многие профсоюзные чиновники и некоторые члены профсоюзов, все еще надеясь спасти свою организационную структуру, участвовали в праздновании бок о бок с национал-социалистами.

На следующий день грузовики чернорубашечников совершили налет на штаб профсоюза, арестовали лидеров, захватили фонды и оставили национал-социалистов нести дежурство. Доктор Лей тем временем создал «комитет действия», состоящий из чернорубашечников, официальных представителей партии и представителей NSBO, с самим собой во главе.⁹ Потребовалось ровно тридцать минут, чтобы уничтожить огромную профсоюзную структуру. Не было оказано никакого сопротивления; никакой всеобщей забастовки или какой-либо демонстрации. Какие еще доказательства были необходимы, что немецкие профсоюзные организации были нежизнеспособными? Они стали машиной, лишенной энтузиазма и гибкости. Они больше не верили в себя.

12 мая 1933 г. собственность профсоюзов и их филиалов была арестована прокурором Берлина — никто никогда не мог разъяснить правовое основание для этого действия — и доктор Лей был назначен распорядителем. Он был назначен лидером Трудового фронта Германии двумя днями ранее. 24 июня были заняты здания христианских профсоюзов, а 30 ноября Федерация организаций немецких работодателей приняла решение их ликвидировать.

Под влиянием корпоративных идей национал-социалисты первоначально планировали организовать Трудовой фронт на трех опорах: служащих, рабочих и работодателей. С этой целью 1 июля 1933 г. было объявлено об упрощенной организационной структуре, включающей рабочих, разделенных на четырнадцать организаций, и служащих, разделенных на девять организаций, с лидером и советом в каждой. Корпоративная структура была вскоре тем не менее отвергнута в Германии. Это было особенно опасно для режима в области трудовых отношений, потому что, объединяя рабочий класс в органы, отличающиеся от органов работодателей и отделенные от них, он молчаливо признавал различия, порожденные в обществе разделением труда. Италия сохранила по крайней мере внешние формы синдикалистской и корпоративной структуры; в Германия их не было и следа. Причина, кажется, в том, что немецкий рабочий класс являлся гораздо более многочисленным и лучше обученным, чем итальянский, и, хотя и не настолько воинственным, как некоторые группы в итальянском рабочем движении, но намного меньше поддающимся авторитарному контролю.

⁹ Текст приказа д-ра Лея о конфискации профсоюзов содержится в: *Willy Müller. Das soziale Leben im neuen Deutschland*. Berlin, 1938. P. 51.

После одного неудачного начала Трудовой фронт Германии сознательно планировался для уничтожения естественных различий, созданных разделением труда. Первое изменение произошло 27 ноября 1933 г., когда началось преобразование в систему «федеральных фабричных общностей» (*Reichsbetriebsgemeinschaften*). Чтобы Трудовой фронт мог подготовиться, он не принимал никаких новых членов.¹⁰ 7 декабря 1933 г., старые организации были окончательно распущены.

Трудовой фронт теперь имеет 25 000 000 членов, включая каждого независимого и каждого работающего по найму работника за пределами государственной службы. Это самое характерное выражение процесса полной атомизации немецкого рабочего класса. Он разделен на шестнадцать федеральных фабричных общностей: продовольствие, текстиль, ткани и кожа, строительство, древесина, металлы, химия, бумага и печать, транспорт и государственные предприятия, горная промышленность, банки и страхование, свободные профессии, сельское хозяйство, земля и недра, торговля и ремесла. Важный момент — что индивидуальные рабочие не являются членами федеральных фабричных общностей. Они только члены организации в целом, самого Трудового фронта. Фабричные общности не являются более низкими организационными единицами, из которых сформирован Трудовой фронт. Это просто административные отделы внутри Трудового фронта, организующие заводы, а не индивидов. Настолько режим боится, что даже профессиональные объединения могут привести к оппозиции.

Главный закон — это указ вождя от 24 октября 1934 г. Трудовой фронт был возведен в разряд партийной группировки, а его руководство — в разряд партийного руководства. Во главе — лидер партийной политической организации, доктор Лей, который назначает и смещает более низкое руководство, отбираемое в основном из NSBO, СА и СС. Финансы Трудового фронта находятся под контролем партийного казначейства. Он имеет центральную канцелярию, разделенную на множество отделов. Отделы с 1 по 5 включают самых близких сотрудников лидера,

¹⁰ Müller. Op. cit. P. 78. Хороший обзор развития Трудового фронта: Taylor Cole's paper. The Evolution of the German Labour Front // Political Science Quarterly. 1937 (52). P. 532–558; также: Robert A. Brady. The Spirit and Structure of German Fascism. New York, 1937. P. 127–139.

центральный контролирующий штат, юридический и информационный отдел, учебный отдел и так далее. Отдел 6 называется «обеспечением социального мира», и он подразделен на службы социальной политики, социального самоуправления, молодежи и женщин и для шестнадцати федеральных фабричных общностей. Отдел 7 занят «повышением жизненного уровня». Его самое важное подразделение — служба *Сила через радость* со своими собственными подотделами. Отделы с 8 по 10 заняты профессиональным обучением, дисциплинарными судами Трудового фронта и фабричными войсками.

Центральная канцелярия имеет также много вспомогательных учреждений, таких как Институт науки труда, технологический институт и канцелярия выполнения Четырехлетнего плана. Есть региональные и местные организации, подразделенные на территориальные (уличные блоки) и функциональные (фабричные блоки) линии.

Даже эта чудовищная структура не заканчивает картину. Переразбивая автономные деловые организации, национал-социалисты создали Национальную палату труда и региональные палаты. Национальный орган состоит из лидеров федеральных фабричных общностей, провинциальных руководителей и глав основных отделов Трудового фронта и некоторых иных индивидов. Она никогда не функционировала. Провинциальные палаты имели сходный состав и являлись в равной мере бездействующими.

Задачи Трудового фронта были определены известным Лейпцигским соглашением 21 марта 1935 г. между лидером Трудового фронта и министерствами труда и экономики.¹¹ Министр транспорта вступил в соглашение 22 июля 1935 г., а продовольственное сословие — 6 октября 1936 г., Это самый откровенный документ, поскольку, согласно особому предписанию, он передает всю экономическую деятельность Трудового фронта в национальную экономическую палату и министерство экономики. Национальная экономическая палата была принята в Трудовой фронт как орган, что означало, что все экономические группы, каждая палата промышленности и торговли, каждая палата ремесел и все провинциальные экономические палаты также в качестве органов становились его филиалами. Это распространялось на шесть национальных групп транспорта и на продовольственное сословие.

¹¹ *Brady. Op. cit. P. 147–149. Müller. Op. cit. P. 129 and P. 135–140.*

Чтобы дать компенсацию Трудовому фронту за эту утрату независимости, на бумаге был создан другой усовершенствованный орган, федеральный трудовой и экономический совет, состоящий из советов национальной экономической палаты и национальной трудовой палаты. Этот орган никогда не функционировал. Его задачи были определены в Лейпцигском соглашении и в исполнительном распоряжении доктора Лея 19 июня 1935 г. как следующие:

а) решать те задачи, которые федеральное правительство, немецкий Трудовой фронт и Национальная экономическая палата ему поручат;

б) отвечать, разъяснять и готовить... на совместных дискуссиях существенные и фундаментальные вопросы социально-экономической политики;

в) руководствоваться заявлениями федерального правительства, немецкого Трудового фронта и Национальной экономической палаты.

Более откровенной лжи и быть не могло. Единственная цель этого тщательно продуманного механизма заключалась в том, чтобы создать впечатление, что у Трудового фронта есть организация и задачи, подобные задачам организации работодателей. На самом деле Трудовой фронт не осуществляет каких-либо подлинных экономических или политических функций. Это не маркетинговая организация, так как она не имеет никакого отношения к регулированию заработной платы и условий труда. Это не политическая трудовая организация. Это даже и не трудовая организация. У нее есть пять функций: идеологическая обработка труда национал-социалистической идеологией; налогообложение немецкого рабочего класса; предоставление должностей благонадежным членам партии; атомизация немецкого рабочего класса и осуществление некоторых внутренних функций профсоюза. Бизнес, с другой стороны, действительно имеет собственную организацию, функционирующую на территориальной и функциональной основе. Труд не имеет ни одной. Трудовой фронт — это еще одна организация всего немецкого народа без различий относительно занятий, образования или социального статуса.

Основная задача Трудового фронта — идеологическая обработка немецкого рабочего класса и уничтожение последних следов социализма и марксизма, католического и демократического профсоюзного движения. Эта задача поручена самому Трудовому

фронту через его бесчисленных чиновников в центральных, региональных и местных отделениях, прежде всего через так называемые фабричные войска, благонадежных членов партии на каждом заводе, действующих как агенты национал-социалистического террора, и через политические ударные войска.¹² По словам доктора Лея, ударные войска — это «солдатское ядро фабричной общности, которое слепо повинуетсЯ вождю. Его девиз — «Вождь всегда прав».¹³ Ударные войска не объединены в национальную организацию. Каждой группой управляет местная партийная организация в союзе с местным Трудовым фронтом, а контролирует ее главный отдел фабричных войск.

NSBO, первоначальная партийная организация на заводах, в магазинах и учреждениях была распущена. Ее судьбу разделили и организации национал-социалистических ячеек ремесленников и мелких торговцев (NS Hago). Они были сторожевыми отрядами в среде рабочего класса и мелких предпринимателей. Были также и организации, стоящие над местными ячейками, что шло вразрез с политикой распыления национал-социализма. Была опасность, что они могут стать центрами недовольства и противостояния благодаря коммуникациям между рабочими различных заводов и бизнесменами различных общностей. Им пришлось уйти.

То, что оставалось, — один только Трудовой фронт для членов партии и посторонних. Хотя не было никакого юридического принуждения присоединяться к Трудовому фронту, давление было настолько сильным, что любому было нецелесообразно оставаться в стороне. Члены должны были посещать собрания, но не должны были вступать в дискуссию. Они могли ставить вопросы, но не имели никакого права настаивать на ответе. Его документы и периодические издания были плохой заменой профсоюзным публикациям при республике. Они были переполнены изображениями вождя и его окружения, военными фотографиями, речами руководства, идиллическими описаниями жизни в новой Германии, прославлениями партии и рейха, и, разумеется, несли немного информации относительно условий труда.

Связи, порождаемые общей работой и общим обучением, больше не объединяли рабочий класс. Были специальные органи-

¹² New York Times. 14 February 1940.

¹³ *Fraenkel*. Op. cit. P. 194.

зации врачей, дантистов, адвокатов; были ремесленные гильдии, группы, палаты торговли и промышленности, палаты ремесел для бизнесменов — но немецкие наемные рабочие были единственным слоем населения, не имевшим никакой организации, созданной на основе естественных различий и сходств работы и занятий. Трудовой фронт довел процесс бюрократизации до его максимума. Не только отношения между предприятием и рабочим, но и даже отношения между самими рабочими теперь устанавливались деспотичной бюрократией.

4. Трудовое право¹⁴

Фабричная общность и фабричный лидер

Ни в какой другой области национал-социалистическое общество и руководство не сталкивалось с такими большими

¹⁴ Мое мнение основано на следующих источниках: *Rohlfing and Schraut* (ed.). *Arbeitsgesetze der Gegenwart*. Berlin, 1938. *Hueck, Nipperdey, Dietz*. *Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit*. Munich, 1939, 3rd ed. (комментарий). *Rolf Dietz*. *Gesetz zur Ordnung der nationalen Arbeit*. Munich, 1936. *Arthur Nikisch*. *Arbeitsrecht*. 2 vols. Tübingen, 1936 and 1938. *Gerhard Hachtmann*. *Die Wandlungen des industriellen Arbeitsverhältnisses*. Bleichrode, 1936. *Burchhardt and others*. *Zehn Jahre Arbeitsrecht*. Berlin and Leipzig, 1937. *Werner Mansfeld*. *Die Ordnung der nationalen Arbeit*. 3rd ed. Munich, 1934. *Deutsche Sozialpolitik*. Отчет Трудового фронта Германии. Berlin, 1937. *Entwurf eines Gesetzes über das Arbeitsverhältnis* (Akademie für Deutsches Recht). Hamburg, 1938. *Fritz Meystre*. *Allgemeine Sozialpolitik*. Munich, 1934. *Fritz Seldte*. *Sozialpolitik im Dritten Reich* (отчет министра труда). Berlin, 1935. *Wolfgang Siebert*. *Das Arbeitsverhältnis in der Ordnung der nationalen Arbeit*. Hamburg, 1935. *Wolfgang Siebert*. *Grundfragen des Arbeitsverhältnisses im Lichte der neueren Rechtsprechung* // *Juristische Wochenschrift*, 1937. P. 1103–1111. *Angela Meister*. *Die deutsche Industriearbeiterin*. Jena, 1939. *Jahrbuch*. 1938 and 1939. 2 vols. / Ed. by the Institute for the Science of Labour of the German Labour Front. Berlin, 1938, 1939. Далее множество статей и судебных решений, часть из которых упоминаются, и собрание законодательных материалов. Есть также два английских надежных обсуждения специфических проблем: *Taylor Cole*. *National Socialism and the German Labour Courts* // *The Journal of Politics*. 1941 (3). P. 169–197. *Nathan Albert Pelcovitz*. *The Social Courts of Honour of Nazi Germany* // *Political Science Quarterly*. 1938 (53). P. 350–371.

проблемами, как в трудовом праве. Основа трудового права и трудовых отношений — индивидуальный договор, в котором нанимаемый продает свою рабочую силу на определенное время, по определенной цене, для определенной деятельности в определенном месте. Даже в полностью коллективистской системе трудового права, в которую включен каждый рабочий, есть индивидуальные соглашения, на которые опирается коллективный договор. Индивидуальное соглашение остается обязательным основанием всех трудовых отношений, потому что коллективный договор вступает в силу, только если существуют индивидуальные соглашения, принуждают ли они работодателя, нанимаемого или обоих. Индивидуальный трудовой договор, конечно, скрывает тот факт, что нанимаемый подчиняется власти работодателя, но все же это рациональный инструмент, отделяющий труд от отдыха и ясно ограничивающий власть работодателя в пространстве, во времени и в функциях. В любом современном обществе необходимо рассматривать рабочую силу как товар, хотя и не исключительно как товар.

Это простое соображение пылко отрицалось национал-социализмом. Рабочая сила — это не товар, настаивают они.¹⁵ Само понятие индивидуального трудового договора идет из римского права.¹⁶ «Трудовые отношения — это отношения общности, основанные на чести, вере, и заботе, в которых подчиненный использует свою рабочую силу для предпринимателя или на заводе этого последнего или при ином виде служения. Трудовой договор — соглашение, которое создает и формирует трудовые отношения».¹⁷

Основа трудовых отношений — «нравственная идея веры».¹⁸ Не материалистическое римское *locatio conductio operarum*, но германская структура договора веры является решающей для трудовых отношений... подчиненный поступает на службу к предпринимателю и получает не только вознаграждение, но прежде всего защиту и заботу. Он не только выполняет работу, но и дает обещание веры и работы, которая является, так сказать, материализацией веры».¹⁹

¹⁵ *Meystre*. P. 42.

¹⁶ *Seldte*. P. 31.

¹⁷ Section 1 of the Entwurf.

¹⁸ *Mansfeld*. P. 12.

¹⁹ *Dietz*. P. 5.

Эти цитаты можно повторять бесконечно. Национал-социалистические политики и философы в один голос утверждают, что труд не является товаром; труд — это честь; отношение между работодателем и служащим — это отношение общности.

Так называемая хартия труда (акт о регулировании национального труда, 20 января 1934 г.) начинается со следующего предписания: «На заводе предприниматель как фабричный вождь и оплачиваемые служащие и рабочие как подчиненные, работают совместно для достижения целей фабрики и для общей выгоды народа и государства». Эта идеология фабричной общности имеет сильное сходство с теорией «предприятия как такового» и имеет ту же самую функцию. В то время как последняя теория передает корпорацию ее правлению, доктрина фабричной общности передает рабочим во власть владельца.

Идеология общности в трудовых отношениях — одно из самых худших и одно из самых важнейших наследий республики. Раздел 615 имперского гражданского кодекса предусматривал, что каждый наемный рабочий, который предлагает свой труд работодателю, должен получать заработную плату, даже когда последний неспособен предоставить ему работу или из-за технических происшествий на фабрике, или из-за экономических условий, или из-за забастовки на другой фабрике. Законодатели утверждали, что работодатель, как владелец, должен был принимать на себя весь риск, предполагаемый в деятельности его предприятия. В 1921 г. федеральный Верховный суд полностью изменил это установленное законом предписание. Он утверждал, что учреждение рабочих советов создало фабричную общность, для которой работающий по найму был «живой связью» и поэтому он должен был разделять риски.²⁰ Низшим судам рекомендовалось изучать ситуацию в каждом конкретном случае. Если нарушения были вызваны, например, забастовками, то работодатель был не обязан платить заработную плату, даже если работа остановлена на совершенно не связанном предприятии.

Так называемая фабричная общность была очень странной общностью даже во времена республики. Это была общность убытков, а не прибыли. Ни во времена республики, ни после ни один суд не пришел к логическому заключению, что более вы-

²⁰ См. анализ этой тенденции: *Franz Neumann. Die politische und sozial Bedeutung der arbeitsgerichtlichen Rechtsprechung.* Berlin, 1929. P. 29–33.

сокая прибыль должна автоматически приводить к более высокой заработной плате. Теория фабричной общности была не чем иным, как антидемократической доктриной, посредством которой судебная власть саботировала прогрессивное трудовое законодательство.

Руководство трудовыми отношениями имело иной смысл и иную функцию, чем руководство в политике или бизнесе. Все политические лидеры отбирались сверху. Работодатель был руководителем фабрики просто потому, что он ее владелец или управляющий. Собственность на средства производства автоматически означает авторитарный контроль над рабочими, и «общность», таким образом установленная, сопоставима с баракком. Раздел 2 национал-социалистической хартии труда делает это совершенно ясным:

«Руководитель фабрики принимает решения по поводу подчиненных по всем вопросам, имеющим отношение к фабрике, в той мере, в какой они регулируются законом.

«Он должен заботиться о благосостоянии подчиненных, в то время как последние должны оставаться ему верными, основываясь на фабричной общности».

Все попытки национал-социалистических правовых экспертов заменить трудовой договор теорией общности потерпели неудачу. Они были неспособны найти правовую основу для трудовых отношений, которые не были бы похожи на осуждаемый либеральный взятый из римского права и материалистический индивидуальный трудовой договор. В отчаянии ведущий комментатор сделал вывод, что трудовой договор важен для учреждения общности.²¹ Язык идеологии общности сохранялся — и затруднения по поводу работающего по найму значительно возросли.

Обязанность работодателя заботиться о благосостоянии его рабочих вовсе не является изобретением национал-социализма. Она была заявлена в разделах 616–618 гражданского кодекса 1900 г., основанных на представлении, что трудовой договор — это не отношение чистого обмена, но является договором о власти, ставящим одного человека под контроль другого. Власть влечет за собой обязанности — это было совершенно ясно основателям «материалистического» и взятого из римского права

²¹ Hueck, etc. Примеч. ¹⁷ к разделу 1 (с. 515) и примеч. ⁴¹ перед разделом 6 (с. 529).

гражданского кодекса. Обязанность работодателя предотвращать несчастные случаи и заботиться о здоровье и безопасности его наемных работников следует не из предполагаемой общности, но из того факта, что владелец управляет средствами производства. Идеология общности национал-социалистов здесь ничего не добавила. Я не смог найти ни одного решения высшего трудового суда, которое существенно улучшало бы защиту рабочего, обращаясь к идеологии общности.²² Но я нашел бесчисленные случаи, где новая теория использовалась, чтобы лишить рабочих и служащих остатков тех прав, которые рациональный характер индивидуального трудового соглашения им предоставлял.

Сущность рационального закона состоит в ясном определении и разграничении прав и обязанностей. Такая рациональность была почти полностью уничтожена. В либеральном обществе рабочий продает свою рабочую силу на определенное время, в определенном месте, для определенной работы и по определенной цене. При национал-социализме все ограничения исчезали, если они не были определены законом, или постановлением трудового распорядителя, или фабричным регламентом. По единодушному представлению национал-социалистических юристов, новая теория, что рабочий обязан верить, означает, что он обязан согласиться на любую работу по требованию работодателя в пределах разумного, независимо от того, соглашался он ранее или нет, что должен работать в любом месте, которое работодатель определит в пределах разумного, соглашался он ранее или нет, что он должен принять любую заработную плату, которую справедливо установит работодатель, если она не установлена в фабричных инструкциях.²³

В итоге теория общности и руководства в трудовых отношениях использовала средневековую терминологию, чтобы скрыть

²² Типично решение верховного трудового суда 30 октября 1940 г. (DR. 1941. P. 893), которое отказывает в выплате заработной платы туберкулезному больному за первые три дня после его болезни, аргументируя, что новая национал-социалистическая теория фабричной общности не должна приводить к новой интерпретации раздела 616 гражданского кодекса, который предусматривает обязанность нанимателя выплачивать заработную плату, если наемный работник не мог работать «относительно незначительное время». Согласно решению суда это предписание не может сегодня быть отложено.

²³ Hueck, etc. Примеч. 19–22 (с. 515–518); *Nikisch*. Vol. II. P. 78.

полный отказ от прав рабочих посредством уничтожения рациональности индивидуального трудового договора. Насколько полно идеология противоречит действительности, становится еще более ясным, когда мы вспомним об обсуждении контроля за рынком труда. Принудительная репатриация, обязательное обучение и депортация — едва ли эти механизмы способны пробудить дух фабричной общности. Текстильные рабочие или работники розничной торговли, которых увозили на грузовиках и товарных поездах в отдаленные районы *großdeutsche Reich* и затем принуждали к новым занятиям, не смогут воспитать в себе чувство фабричной общности.

Фабрика

Через рабочие советы Веймарская демократия разрешала рабочим выбирать фабричных представителей на тайных альтернативных выборах. Национал-социализм упразднил рабочие советы и заменил их так называемыми советами доверия, выбираемыми типичным для национал-социализма способом. Руководитель фабрики (то есть работодатель или его менеджер) совместно с председателем ячейки NSBO называет список кандидатов (от двух до десяти участников в зависимости от размера фабрики), и ежегодно в марте наемные работники одобряли или отклоняли этот список на так называемых выборах. Никакой другой список, конечно же, не допускается. Совет, кроме того, является «советом руководителя»,²⁴ и раздел 6 хартии труда определяет, что этот термин означает что он управляется работодателем. Обязанность совета состоит в том, чтобы «углублять взаимное доверие внутри фабричной общности»; обсуждать меры «относительно усовершенствования эффективности» и создания и исполнения общих условий труда; самому заботиться о защите рабочих и об урегулировании споров. Член совета может быть снят трудовым распорядителем, но он может быть отстранен от его регулярной работы, только если фабрика закрывается или если его трудовой договор будет завершен по важной причине. Если работодателю принадлежат несколько фабрик, относящихся к той же самой технической или экономической единице, и если сам он ими всеми не управляет, он должен создать совет предприятия из числа членов различ-

²⁴ Hueck, etc. Примеч. ¹⁵ (с. 515).

ных фабричных советов, чтобы получать от него рекомендации по вопросам социальной политики.

Почти полный контроль Трудового фронта (при помощи фабричных войск) и работодателя над составом «совета доверия», казалось бы, давал гарантии против возникновения центров оппозиции. Во многих случаях, однако, в советах явно доминировали старые члены профсоюза, и советы действительно становились орудием оппозиции. Национал-социализм был не в состоянии завоевать доверие разнорабочих или даже всей группы работников по найму. Чтобы оценить чувства рабочего класса при Веймаре, особое внимание следует обратить на выборы рабочих советов. Они, возможно, были еще более важными, чем парламентские выборы, поскольку при выборах рабочих советов рабочие основывали свое решение почти исключительно на актуальном социальном опыте. Состав рабочих советов в 1930 и 1931 гг. поразителен — ни одного национал-социалиста в 1930 г. и только 710 из 138 000 к концу 1931 г.:

*Состав рабочих советов для разнорабочих
в 1930 и 1931 гг.*

(отчет социалистического профсоюза ADGB)²⁵

Тип профсоюза	1930 г.	1931 г.
Социал-демократический	135 689	115 671
Католический	11 333	10 956
Демократический	1561	1560
Коммунистический	2374	4664
Национал-социалистический	—	710
Другие организации	1025	1282
Неорганизованные	4163	3575
В целом	156 145	138 418

²⁵ Woytinsky W. // Internationales Handwörterbuch des Gewerkschaftswesens / Ed. Ludwig Heyde. Berlin 1930–1932. P. 1590. О сходных результатах в металлической промышленности: Protokoll der 11. Konferenz des Reidisbeirats der Betriebsräte und Konzernvertreter der Metallindustrie. Berlin, 1932. P. 142.

Когда парламентские выборы проводились должным образом, они показывали то же самое. На выборах 31 июля 1932 г., когда национал-социалистическая партия достигла своей самой большой парламентской победы в условиях демократии, социал-демократы и коммунисты получили 13 241 000 голосов. В Германии тогда было приблизительно 18 267 000 разнорабочих и «белых воротничков». Хотя левые избиратели не все были рабочими, но большинство все же было. Это можно показать, сравнивая результаты в смешанном индустриальном и сельскохозяйственном округе со значительным католическим меньшинством (Гессен-Нассау), в высокоиндустриализированном и преобладающе протестантском округе (Саксония), главным образом аграрном и преобладающе протестантском округе (Восточная Пруссия), и преобладающе католическом, аграрном округе (Баден).²⁶ Мы можем уверенно прийти к заключению, что приблизительно 65 % рабочих и служащих голосовали за Социал-демократическую и коммунистическую партию в середине 1932 г. Даже на выборах 5 марта 1933 г., когда коммунистическая партия была вне закона, а социал-демократическая пресса полностью запрещена, эти две партии вместе собрали 30.6 % голосов; католический Центр — 11.2; националисты — 8; Народная партия — 1.1; баварская Народная партия, 2.7; и национал-социалисты — 43.9 %.

Национал-социалистический режим публиковал официальную статистику выборов в советы доверия, но она не показывает истинные результаты. У нас есть простой, но верный показатель результатов, — не было никаких выборов с марта 1936 г.²⁷ Сроки существующих членов совета продлевались год за годом, а замены в составе назначались трудовым распорядителем. Другими словами, у рабочих нет даже тени представительства на фабрике, несмотря на красивые слова в хартии труда. Советы доверия — простые инструменты фабричных войск и Трудового фронта. Они используются, чтобы терроризировать и рабочих, и работодателей и чтобы увеличивать эффективность. Объединение оппозиции и критика невозможны.

Процесс изоляции рабочего и его запугивания заходит еще дальше благодаря расширению понятия измены. Любой доку-

²⁶ О соотношении голосов социал-демократов и коммунистов к населению рабочего класса см.: SJ. 1932. P. 542 and p. 18.

²⁷ Hueck, etc.

мент, рисунок, другой объект или «факт или новость о них» можно считать государственной тайной согласно уголовному кодексу. Передача такой информации третьему лицу, не обязательно иностранному правительству, составляет измену родине. Даже подготовка к измене наказывается смертью, неумышленная измена — тюремным заключением до трех лет. Поскольку большинство заводов занято военной работой, подготовкой к войне и военной экономикой, фактически все тайны завода становятся государственными тайнами, и угроза заключения, концентрационного лагеря, или смерти нависает над большинством рабочих и их семьями. Изоляция рабочего завершена. Но это еще не все. Указ об экономике военного времени от 4 сентября 1939 г. предусматривает тюремное заключение или смерть для любого, «кто уничтожает, прячет или продает сырье или продукты, необходимые для удовлетворения жизненно важных нужд народа, и тем самым злонамеренно подвергает опасности удовлетворение этих нужд (Раздел I).²⁸ Уголовное законодательство было ужесточено, были созданы специальные суды. Мы должны прийти к выводу, что теория общности, фабричное руководство, советы доверия, Трудовой фронт и фабричные войска имеют только одну функцию: они являются механизмами для манипуляции рабочим классом, для учреждения авторитарного контроля, для уничтожения естественных различий, созданных трудом, обучением и занятиями, для изоляции каждого отдельного рабочего от его семьи, и для создания элит. Все это не просто отвечает военным требованиям; это и есть структура организации труда и других общественных отношений.

Трудовая честь и трудовые суды

Предприниматели и менеджеры, которые принадлежат к группам и палатам, обязаны, как гласит указ, быть скромными и честными в своей экономической деятельности. Грубое нарушение наказуемо предупреждением, выговором, или штрафом, или потерей права исполнять обязанности в группах и палатах, наказания, которые не причиняют предпринимателю экономический ущерб, но наносят вред его политическому статусу. Специальные дисципли-

²⁸ *Posse*. Vol. I. Kriegswirtschaftsverordnung. P. 2.

плинарные суды были созданы для каждой провинциальной экономической палаты, а также один федеральный апелляционный суд. Это суды равных, состоящие из двух предпринимателей или менеджеров и председателя, назначаемого министром экономики по рекомендации президента национальной экономической палаты (в апелляционном суде четыре предпринимателя или менеджера и председатель).²⁹

Контраст с общественными судами чести в трудовых отношениях является поразительно откровенным. Согласно хартии труда, каждый «член фабричной общности несет ответственность за добросовестное выполнение» обязанностей общности. Работодатели виновны в нарушении общественной чести, если они «злонамеренно используют свое властное положение на фабрике, чтобы эксплуатировать трудовую силу подчиненных или оскорблять их достоинство». Работники наказуемы, когда они «подвергают опасности трудовой мир злонамеренным подстрекательством подчиненных; когда члены совета сознательно присваивают себе право незаконного вмешательства в управление; когда они нарушают дух общности; когда они «неоднократно делают фривольные обращения... к трудовому распорядителю или активно нарушают его приказы; или когда они выдают фабричные тайны. Работодатели могут быть наказаны предупреждением, выговором, штрафом до 10 000 марок или потерей права быть руководителями фабрики. Максимальное наказание для работника — увольнение.

Общественные суды чести — это не суды равных. Провинциальные суды состоят из судьи, назначаемого совместно министерствами труда и юстиции, фабричного руководителя и члена совета, отбираемого из списков, подготовленных Трудовым фронтом. В федеральном апелляционном суде трое судей, руководитель фабрики и один член совета. Влияния рабочих нет. Их наказание намного более серьезно, поскольку увольнение угрожает лишить их средств к существованию, тогда как максимальное наказание для работодателя, потеря права руководить фабрикой, оставляет собственность нетронутой. Федеральный суд чести далее постановил, что работодатель может быть лишен руководства заводом

²⁹ Ehrengerichtsordnung der gewerblichen Wirtschaft. Of 20 January 1937. Я использовал комментарий: *Rolf Dietz. Ehrengerichtsordnung der gewerblichen Wirtschaft. Munich, 1937.*

на ограниченный срок только на одном заводе, если у него их несколько.³⁰

Фактически этот особый судебный механизм был немногим больше, чем украшением. В 1937 г. было подано 342 обвинения, в 1938 — 232, а в 1939 — только 142. 156 процессов в 1939 г. были распределены следующим образом:³¹

против руководителей фабрик	— 119
против депутатов	— 1
против управляющих	— 19
против подчиненных	— 14

Чтобы непропорциональное число работодателей и подчиненных из числа подсудимых в судах чести не вводило в заблуждение, необходим дальнейший анализ этих процессов:

против ремесленных фабрик	— 32
против аграрных предприятий	— 32
против промышленных заводов	— 12
против розничных торговцев	— 9
против транспортных фирм	— 4
против владельцев гостиниц и ресторанов	— 11
против строительных фирм	— 16
против других	— 4

Подавляющее большинство — это, очевидно, мелкие бизнесмены. Они всегда являются нарушителями трудового законодательства не потому, что они отличаются особой злонамеренностью, а потому, что крупные фабрики в гораздо большей степени готовы нести бремя социальных реформ. Наконец, только в семи случаях руководители фабрик были фактически лишены своего права быть руководителем фабрики.

Было приблизительно 20 000 000 разнорабочих и белых воротничков, работавших по найму в 1939 г., и только 14 дел против «подчиненных». Это кажется поразительным, но объяснение

³⁰ Решение 17 января 1940 // DR. 1940. P. 2125.

³¹ Soziale Ehrengerichtbarkeit 1939 // SP. 1940 (49). P. 458–459.

является простым и убедительным. Террористическая машина работает гораздо быстрее и гораздо совершеннее против подчиненных, чем против любой другой страты в обществе. Зачем полиции, Трудовому фронту или работодателю начинать утомительную процедуру в судах чести, когда есть гораздо более дешевое, более быстрое и более эффективное средство? Есть армейская служба, трудовая служба, предупредительное заключение (вежливое слово для концентрационного лагеря), не требующее никакой процедуры вообще, а в чрезвычайной ситуации имеются специальные уголовные суды, которые могут выносить решения в течение двадцати четырех часов. Поэтому у общественных судов чести иная функция — они должны сделать выговор за случайный проступок мелкому бизнесмену и тем самым продемонстрировать труду социальную сознательность режима.

Что касается трудовых судов, выдающегося вклада республики в рациональные трудовые отношения, то они продолжают существовать, и в их структуре мало что изменилось.³² Как и любой суд, однако, они утратили большинство своих функций. Поскольку нет никаких трудовых договоров, то не может быть и никаких судебных процессов между организациями работодателей и профсоюзами. Нет больше рабочих советов и, таким образом, не может быть никаких споров между советами и работодателями. Остаются только отдельные споры между наемным работником и работодателем. И так как главная задача отделов правовой помощи Трудового фронта в том, чтобы договариваться об урегулировании споров, то фактически никакой судебный иск не может быть подан в суды без согласия Трудового фронта. Когда фронт соглашается, он действует как адвокат для обеих сторон, и только он решает, допускать или не допускать доверенных лиц.³³

Исключение профессиональных поверенных из трудовых дел началось при республике и рассматривалось как прогрессивный шаг. Наемный работник должен был или представлять интересы сам, или нанять профсоюзного секретаря в качестве адвоката. Последовавшая монополия профсоюзов на юридическое представительство в судах первой инстанции, несомненно, заставляла рабочих присоединяться к профсоюзам (закрытых предприятий

³² О них сообщает *Taylor Cole*. Op. cit.

³³ О деятельности трудовых судов: SJ. 1938. P. 617.

не существовало), хотя они и сохраняли выбор между конкурирующими профсоюзами, и если они оставались неорганизованными, они часто пользовались преимуществами коллективных договоров, заключенных между организациями работодателей и профсоюзами. Теперь же монополизация правовой помощи авторитарным органом приводит к полному уничтожению остатков трудовых прав.

5. Регламентация отдыха

В то время как либеральные теории, и особенно утилитарные, утверждают, что работа — это страдание, боль, а отдых — удовольствие, в современном обществе отдых почти полностью посвящен воспроизводству сил, потраченных в трудовом процессе. И при массовой демократии отдых проходит под полным контролем монополистических держав. Главные формы развлечения — радио, кино, дешевые журналы и спортивные состязания — контролируются финансовыми интересами. Они стандартизированы в выборе и трактовке тем и в распределении времени.

В условиях демократии, однако, семья, церковь и профсоюзы продолжают предоставлять иные стимулы, диаметрально противоположные господствующим условиям жизни — труду и отдыху. Такие прогрессивные тенденции были очевидны в деятельности по организации досуга в немецком рабочем движении как в его католическом, так и в социал-демократическом крыле. К сожалению, противоположная тенденция отличалась явным тяготением к мелкобуржуазной культуре, стремлением подражать ей, ее худшим элементам. В области трудового обучения, например, программа центральной профсоюзной организации, ADGB, была приспособлена прежде всего к романтическим побуждениям мелкой буржуазии. Неудивительно поэтому, что почти все бывшие учителя в школе ADGB — теперь национал-социалисты; некоторые из них были фактически тайными членами национал-социалистической партии еще с 1931 г. С другой стороны, образовательная программа многих родственных профсоюзов во главе с профсоюзом металлургов была диаметрально противоположной. Для этой группы образование и отдых были предназначены для того, чтобы сделать людей критически настроенными к существующему процессу. Конфликт между этими двумя прин-

ципами внутри движения за образование рабочих так и не был решен.

Та же самая ситуация преобладала и в другом виде культурной деятельности рабочего движения. Некоторые из профсоюзов — книжные гильдии, театральные гильдии и радиогильдии — были экспериментальными. Они не рассматривали досуг как простую основу для воспроизведения рабочей силы, а культуру — как массовую культуру. Здесь также были конфликты и, как следствие, нестабильность. Однако немецкие рабочие, образовательные и культурные группы сохраняли отмеченную жизнеспособность. И в католических, и в не католических кругах они были самым сильным противоядием против стандартизированной массовой культуры, навязываемой частными монополиями. С течением времени политика досуга профсоюзов все больше и больше нацеливалась на изменение условий труда, а не на расслабление и восстановление физической силы для большей эффективности.

Свободный отдых несовместим с национал-социализмом. Он оставил бы слишком большую часть жизни человека неконтролируемой. Из 8760 часов в году только 2100 часов (24 %) являются часами работы, а 6660 — часами отдыха. Даже если мы вычтем 8 часов в день на сон из этого отдыха, все еще остается 3740 часов в год фактического времени.³⁴ Это — официальная арифметика Трудового фронта.

Национал-социалистическая теория отношения между трудом и отдыхом в полной мере была разработана. Для анализа будет использован один пример — профессиональное обучение учеников. Предварительное предупреждение: официальные заявления Трудового фронта, адресованные рабочим, выдают заметное беспокойство по вопросу о досуге. Досуг, говорят они, — это не просто подготовка к труду; это не противоположности, между ними существует взаимосвязь. «Экономическая, социальная и культурная политика должна будет работать ради следующей цели: в будущем нельзя будет уже говорить о «рабочей жизни народа», но только о расовой жизни как таковой».³⁵ В публикациях и сообщениях, адресованных профессиональным педагогам и организаторам, язык совершенно иной. Ведущий эксперт по социальной политике Трудового фронта пишет: «Завоевать силу

³⁴ Jahrbuch. 1938. Vol. I. P. 91.

³⁵ Ibid. P. 99.

для ежедневной работы было поэтому конечной целью, за которую боролось новое создание. Таким образом, организация досуга «После работы» стала национал-социалистической организацией *Сила через Радость*.³⁶

Координатор всего профессионального обучения в рейхе — это К. Арнхольд.³⁷ При основании в 1925 г. *Dinta*, немецкого Института технического трудового обучения,³⁸ Арнхольд, его директор, заявил, что его цель — добиться руководства человеком «с самого раннего его детства до самой глубокой старости, не ради социальных целей — я должен это еще раз подчеркнуть — но с точки зрения производительности. Я считаю человека самым важным фактором, который промышленность должна поддерживать и вести».³⁹ Во времена республики *Dinta*, которым управляли самые реакционные немецкие психологи и социологи, был жестоким врагом профсоюзного движения любого вида. Он поддерживал союзы компаний, и они в свою очередь заставляли учеников в промышленности обучаться в школах *Dinta*. *Dinta* был принят в Трудовой фронт и теперь называется Немецкий институт национал-социалистического технического трудового обучения. К концу 1936 г. существовало 400 центров профессионального обучения и более 150 в стадии создания. Было 113 фабричных газет *Dinta* с общим тиражом в 1 500 000 экземпляров, тогда как Трудовой фронт имел 95 фабричных изданий с тиражом только в 350 000.⁴⁰ (Были также и иные газеты Трудового фронта, публикуемые для целых отраслей промышленности или для всего Трудового фронта.)

Работа *Dinta* дополнялась федеральным институтом профессионального обучения торговли и ремесел и многими научными институтами, прикрепленными к промышленным объединениям. Иллюстрацией последних может быть Общество прикладной психологии Сименса, прикрепленное к самому сильному немецкому электротехническому объединению. Его публикации фор-

³⁶ Müller. Op. cit. P. 176.

³⁷ SP. 1940 (49). P. 687.

³⁸ См.: Brady. Op. cit. P. 151, 152; 161, 162.

³⁹ Arnhold K. Der Betriebsingenieur als Menschenführer. Berlin, March 2, 1937. P. 3. См.: Brady. Op. cit. P. 164. Arnhold K. Lehrling-einst und jetzt // SP. 1937 (July 23).

⁴⁰ Müller. Op. cit. P. 175.

мулируют нашу проблему следующим образом: «Верно, что есть заметное разделение... между трудом и досугом... человек... часто использует... отдых для творческой работы... в саду и для личного образования. Полностью признавая энтузиазм и энергию [таких попыток]... нужно указать, однако, что самая важная *цель досуга* — *расслабление для собирания сил*». «Невозможно переместить сущность нашего существования из сферы труда к другой сфере.⁴¹ Обучение должно поэтому быть обучением для работы. «Понятие долга должно быть известно даже первокласснику».⁴²

Сведение отдыха к простому вспомогательному механизму труда — официальная философия досуга национал-социализма. Она является еще более жестокой, потому что соединяется с национал-социалистическим принципом социальной организации: ведите рабочих в огромные организации, где они будут заняты по горло; стирайте их индивидуальность, двигайтесь маршем, пойте и путешествуйте вместе, но никогда не давайте им задуматься. Трудовой фронт особенно гордится одним достижением своей организации *Сила через Радость*; на ежегодном соревновании в эффективности среди мальчиков и девочек в 1936 г. было представлено 720 профессий, 1 500 000 участников; в 1937 г. было 1 800 000 участников. фабрики, открывающие самые успешные институты профессионального обучения, получают от доктора Лея медаль эффективности. Дизайн — зубчатое колесо, окружающее свастику над молотом с инициалами DAF (немецкий Трудовой фронт), а внизу слова «признанное фабричное профессиональное обучение».⁴³

Сила через Радость в полной мере использует результаты прикладной психологии, чтобы в деталях предписать правильные методы, время и содержание отдыха для единственной цели повышения производительности труда рабочего. Той же самой цели служит и Управление по красоте труда Трудового фронта, функ-

⁴¹ Werner Fritzsche. Das Arbeitsethos. Der Mensch und seine Arbeit. Bad Homburg v.d.H. (публикация Siemens-Studien-Gesellschaft für praktische Psychologic), n.d. (очевидно, 1938). P. 87, 88.

⁴² Op. cit. P. 96.

⁴³ В 1938 г. театры *Силы через Радость* посетили около 14 миллионов, библиотеки насчитывали 5260, спортивные состязания посетили 22.5 миллиона, экскурсии посетили 10 миллионов. Источник: SP. 1939 (48). P. 911.

ция которого — украшать фабрики и столовые. Эти организации, конечно, дали полезный материал многим группам рабочего класса. Но подобно тому как клубы ликования, оркестры и бейсбольные команды не смогут улучшить участь заключенных, так и они не разломают решетки.

6. Заработная плата и доходы как средство массового господства

Политика заработной платы служит той же самой цели контроля и изоляции человека, что и социальная политика. Национал-социализм основан на полной занятости. Это его единственный подарок массам, и его значение не должно быть недооценено. Экономический цикл не был, конечно же, завершен, а экономическая система не вышла из периода сокращения. Но государственный контроль над кредитом, деньгами, и рынком труда препятствовал тому, чтобы резкий спад принял форму крупномасштабной безработицы. Даже если производство должно будет упасть после войны, а врожденные противоречия монополистического капитализма должны будут лишить возможности вернуть поток капитала в производство потребительских товаров, никаких массовых увольнений, вероятно, не будет. Женщин отправят назад, на кухню, а инвалидов — к их пенсиям. Пожилые рабочие будут вынуждены уйти и жить на выплаты по старости. Военнопленные и иностранные рабочие будут репатриированы. В случае необходимости работа будет распределяться, а рабочее время будет сокращено, технический прогресс будет остановлен или даже сменится регрессом, заработная плата понизится, а цены повысятся. Есть десятки таких механизмов, доступных при авторитарном режиме. Критический момент — что безработица должна быть предотвращена настолько, чтобы сохранить ту связь, которая все еще призывает массы к их правящему классу.

Полная занятость сопровождается тщательно продуманной программой социального обеспечения. Система, разработанная веймарской демократией, была упрощена и поставлена под авторитарный контроль. Помощь по безработице, здоровье и страхование от несчастных случаев, инвалидность и пенсии по старости — именно этим национал-социализм завоевывает пассивную

терпимость масс в настоящее время. Социальное обеспечение — это его пропагандистский лозунг, основанный на правде, возможно, единственное мощное оружие во всей его пропагандистской машине.

Политика заработной платы веймарских социалистических профсоюзов была нацелена на увеличение доли рабочих в национальном доходе и на достижение заработной платы класса. Они стремились выровнять различия заработной платы среди неквалифицированных рабочих, рабочих средней квалификации и высококвалифицированных рабочих в каждой отрасли промышленности и в пределах экономики в целом. Даже ученики не были исключением. Ученичество было преобразовано в настоящий трудовой договор с настоящей заработной платой. Профсоюзное движение было враждебно настроено к таким механизмам, как пособия многодетным семьям, потому что они могли вывести из профсоюзов женатого человека с иждивенцами и потому что они противоречили теории классовой заработной платы. Работодатели ожесточенно боролись с политикой профсоюзов. Они попытались сознательно натравить трудовую аристократию против плебеев, предоставляя уступки квалифицированным рабочим и расширяя особый режим и на работающих по найму служащих.

Полная занятость и социальное обеспечение были достигнуты национал-социализмом за счет ставок заработной платы и, следовательно, уровня жизни масс или по крайней мере тех, кто не сталкивался с безработицей во времена республики. Заработная плата — это элемент стоимости. Она является основой для адекватного воспроизводства рабочей силы и механизмом распределения рабочих по различным отраслям торговли и промышленности. Классовая заработная плата социалистических профсоюзов была заменена «сдельной заработной платой» (*Leistungslohn*), определение которой было дано в разделе 29 Хартии труда.⁴⁴ «Это был железный принцип национал-социалистического руководства, — сказал Гитлер на партийном съезде, — не допускать ника-

⁴⁴ Использованная литература: *Werner Mansfeld. Grundsätze der Lohngestaltung* // VP. 1938 (2). P. 520–522; *Werner Mansfeld. Leistungssteigerung und Sozialpolitik* // VP. 1939 (3). P. 656–659; *Jahrbuch, 1939*. P. 77; *Dr. Sitzler. Probleme der Lohngestaltung* // SP. 1941 (50). P. 3–7; *Horedt G. Zur Neugestaltung der Löhne* // SP. 1941 (50). P. 259–263.

кого повышения почасовой заработной платы, но поднять доход исключительно за счет увеличения сдельной оплаты». Политика заработной платы отмечена предпочтением частичной работы и премий даже в отношении молодых рабочих.⁴⁵ Такая политика совершенно безнравственна, так как она обращена главным образом к эгоистическим инстинктам и резко увеличивает несчастные случаи на производстве.

Ученики потеряли свой статус рабочих, а их контракт — это уже не трудовой договор, а «соглашение об обучении». Федеральный высший трудовой суд поэтому посчитал, что ученик не наделен правом на оплату сверхурочных, а работодатель может не оплачивать удержания за потерянное время.⁴⁶ (Последнее все равно не является проблемой в период полной занятости.) Власть трудовых распорядителей была увеличена указом об экономике военного времени 4 сентября 1939 г. настолько, что теперь они могли не только издавать тарифные инструкции для целых отраслей промышленности, но также и определенные инструкции для каждого завода, и даже для подразделений завода, не учитывая существующие обязательства.⁴⁷ Два десятилетия прогресса были уничтожены полностью.

Преобладание сдельной заработной платы переносит проблему различий в заработной плате на передний план социальной политики. Важно, что эта проблема была понята не как экономический вопрос, но как решающая политическая проблема массового контроля. Официальные статистические данные заработной платы ничего об этом не говорят, но есть вполне достаточное доказательство, что процесс углубления различий идет полным ходом. Тарифы почасовой заработной платы ничего не говорят о процессе углубления различий⁴⁸ в системе, как ничего не показывает процесс дифференцирования в системе, которая в значительной степени основывается на сдельной заработной плате. Показатели трудового дохода⁴⁹ демонстрируют, что, несмотря на

⁴⁵ SP. 1941 (50). P. 251.

⁴⁶ Федеральный Верховный трудовой суд 13 сентября 1939 г. // SP. 1940 (49). P. 372.

⁴⁷ *Posse*. Vol. I. *Kriegslöhne*. P. 1.

⁴⁸ SJ. 1938. P. 339. О 1938 г.: WS. 1939 (19). P. 34.

⁴⁹ SJ. 1938. P. 338. О заработной плате женщин см.: *Meister*. Op. cit. P. 93–100. Книга о дискриминации женского труда, но полностью осно-

стабильность различий в ставках почасовой заработной платы, разрыв между фактическим доходом квалифицированных рабочих и рабочих со средней квалификацией заметно увеличился. Тенденция стала бы еще более ясной, если бы цифры включали и рабочих низкой квалификации, поскольку эта группа наемных работников выросла больше всего. В пределах каждой из этих трех групп, кроме того, также имеется большое разнообразие различий.⁵⁰

Углубление различий — это сама сущность национал-социалистической политики заработной платы. Это становится ясным из дебатов двух последних лет в рамках подготовки к ожидаемому федеральному указу о заработной плате. «Размер заработной платы — это уже не вопрос об адекватной доле подчиненных в прибыли завода, но проблема присоединения товарища к расовому порядку доходов в соответствии с его деятельностью для народной общности».⁵¹ Несомненно, д-р Зицлер, когда-то демократический министерский управляющий в министерстве труда, а теперь редактор *Soziale Praxis*, хорошо изучил язык национал-социализма. Он не оставляет сомнений, что политика заработной платы сознательно нацелена на манипуляцию массами. Его преемник в министерстве труда, Мансфельд, который пришел на его должность из организации работодателей, категорически утверждает, что одна из проблем для национал-социализма в этой области — обеспечить правовую основу для сдельной заработной платы. Другой автор предлагает не менее семи уровней заработной платы, каждый из которых будет отличаться в зависимости от пола, возраста, семейного положения, территории и других категорий, которые будут разделять рабочий класс.⁵²

ванная на часовых тарифах заработной платы, а поэтому не имеющая особой ценности.

⁵⁰ Различия становятся очевидными из статистики еженедельных взносов на страхование от инвалидности и ежемесячных взносов на страхование наемных работников. См.: *Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reiches*. 1937. P. 97; WS. 1938. P. 652; *Maxine Yaple Sweezy*. Distribution of Wealth and Income under the Nazis // *The Review of Economic Statistics*. 1939 (21). P. 178–184.

⁵¹ *Sitzler*. Op. cit. P. 3.

⁵² *Horedt*. Op. cit.

Режим предпочтений для некоторых мелких групп должен, конечно же, сказаться на карманах широких масс рабочих и служащих. Это в достаточной мере демонстрируется распределением национального дохода.⁵³

В таблице, приведенной ниже, основой сравнения является 1929 год, последний год экономического бума Веймарской республики. С 1929 до 1938 г. число наемных работников повысилось на 9.2 % (2 колонка) национальный доход — на 5 % (4 колонка), а объем производства на 23.6 % (5 колонка). Иными словами, производительность труда увеличилась больше, чем увеличилось число наемных работников и еще больше, чем национальный доход. Национальный доход на человека упал на 1.8 % (7 колонка), а распределение этого дохода показывает, что экономика расширилась за счет рабочих и оплачиваемых служащих (8 колонка). В 1929 г. доход от заработной платы и вознаграждений составлял 56.7 % всего национального дохода; в 1932 г. — 56.9 %. Хотя 1932 г. был худшим годом депрессии, доход от капитала упал значительно больше, чем доход от заработной платы и вознаграждений — явное доказательство оборонительной силы профсоюзов. При национал-социализме, с другой стороны, несмотря на увеличение числа занятых людей, увеличение объема производства и национального дохода доля заработной платы и вознаграждений упала на 53.6 %. Из-за отмены безработицы пенсии и вспомогательные платежи в 1938 г. составляли только 9.5 % национального дохода по сравнению с 12.1 % в 1929 г. и 20.7 % в 1932 г. (9 колонка). В итоге эксплуатация рабочих была в известной мере усилена.

Эти цифры не означают, что уровень потребления рабочего класса упал перед началом войны. Эта проблема нас не должна здесь заботить, поскольку это отличается от проблемы различий в разных группах общества.

Вывод из снижения доли заработной платы и вознаграждений в национальном доходе — увеличение другого отношения. 10-я колонка таблицы показывает, что доход с капитала упал как следствие новой политики дивидендов, тогда как доход промышленности, торговли, и нераспределенная прибыль значительно повысилась (колонки 11 и 12). Даже если мы объединим доходы

⁵³ *Sweezy*. Distribution of Wealth and Income under the Nazis. Op. cit. P. 178–184.

Распределение доходов⁵⁴

Год	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
	Рабочие и служащие		Общий нацио- нальный доход		Объем про- извод- ства	Номиналь- ный нацио- нальный доход		Доход от					Доход от	
								1. Заработной платы	2. Пенсий и выплат	3. Капитала	4. Промышленности и торговли	5. Нераспределенных доходов	1+2	3+4+5
	000	1929= =100	R.M. 000.000	1929= =100	1929= =100	R.M. 1929= =100		В процентах от общего нацио- нального дохода					В процентах от общего нацио- нального дохода	
								Процент					Процент	
1929	17 870	100.0	75 949	100.0	100.0	1.187	100.0	56.7	12.1	4.3	15.5	1.2	68.8	21.0
1932	12 580	70.4	45 175	59.5	58.2	696	58.6	56.9	20.7	5.1	13.3	-1.0	77.6	17.4
1937	18 370	102.8	72 590	95.6	115.8	1.070	90.1	53.6	10.2	3.9	17.9	3.4	63.8	25.2
1938	19 518	109.2	79 722	105.0	123.6	1.166	98.2	53.6	9.5	3.7	18.6	4.3	63.1	26.6

⁵⁴ Для цифр по количеству нанятых рабочих и служащих, см. с. 431–432. О значениях по объему производ-
ства, см. с. 433. Остальные показатели, см.: WS. 1939. N 8, и 1939. N 21 и 22.

заработной платы, вознаграждений и пенсий (колонка 13) и сравним их с доходом от капитала, торговли, промышленности и нераспределенной прибылью (колонка 14), мы обнаружим, что первый понизился с 68.8 % в 1929 г. и 77.6 % в 1932 г. до 63.1 % в 1938 г., в то время как последний повысился с 21.0 % в 1929 г. и 17.4 % в 1932 г. до 26.6 % в 1938 г.

Год	Доход от				Использование наемных работников			Объём производства продукции	Рабочее время (только индустриальные рабочие)
	окладов и заработной платы		капитала, промышленности и торговли, и нераспределенного дохода корпораций		Рабочие	Служащие	Всего		
	Млн рейхс-марок	1932 = 100 %	Млн рейхс-марок	1932 = 100 %	1932 = 100 %			1932 = 100 %	
1932	25 711	100.0	7 848	100.0			100.0	100.0	100.0
1937	38 907	151.3	16 580	211.3			146.0	199.0	202.0
1938	42 717	166.1	19 340	246.4			155.2	212.4	217.0

Неравный рост становится еще более ясным, если за основу сравнения взять 1932 г., худший год в истории республики. Доход от заработной платы вырос с 1932 г. по 1938 г. до 66.4 %, тогда как иные доходы выросли до 146.4 %. Число занятых выросло до 55.2 % в тот же самый период. Разнорабочие и «белые воротнички» получили поэтому больший доход, чем в 1932 г., худшем году кризиса только потому, что их рабочее время увеличилось. Объем производства вырос на 112.4 %, а рабочие часы во всей промышленности — на 117 %. То есть производительность была удвоена, тогда как доход вырос только на 66 %.

7. Пропаганда и насилие

П. Джанель, историк католической Англии, замечает, что Генрих VII избавился от сопротивления его требованию королевского превосходства «*насилием над душами, то есть пропагандой*». ⁵⁵ Пропаганда — это насилие, совершаемое над душами. Пропаганда — это не замена насилия, но один из его аспектов. Они имеют одну и ту же цель — сделать людей подчиненными контролю сверху. ⁵⁶ Террор и пропаганда идут рука об руку. Это утверждение ведущего теоретика национал-социалистической пропаганды и диктора немецкого радио Е. Хадамовски. ⁵⁷

Сама пропаганда никогда не изменяет социальные и политические условия; она действует в союзе с другими и гораздо более мощными факторами. Национал-социалистическая пропаганда не уничтожила Веймарскую демократию. И самая лучшая контрпропаганда демократических партий и групп не могла спасти республику. Ни три стрелы, изобретенные Социал-демократической партией в качестве символа, противостоящего свастике, ни группы Хаммера, созданные в демократической милиции, ни создание «железного фронта» и других вспомогательных организаций социал-демократов не смогли бы помочь. Они не символизировали жизненно необходимую и реалистическую политику.

Руководство не желало рисковать, и демократическая политика зашла в тупик. Национал-социалистическая пропаганда, не следует забывать, шла рука об руку с террором СА и СС, к которому терпимо относилась немецкая судебная власть и многие из непрусских земель. Демократическое движение не могло ответить на террор антитеррором; оно должно полагаться на государственную машину, чтобы подавить террор. То, что республиканские лидеры не смогли побудить государственную машину остановить национал-социалистический террор, останется самым серьезным обвинением Веймара. Демократия разрушилась в основном из-за

⁵⁵ *Janelle. L'Angleterre Catholique à la Veille du Schisme. Paris, 1935. P. 185.* Я осмеливаюсь сослаться на прекрасную книгу: *Franklin le van Baurmer. The Early Tudor Theory of Kingship. New Haven, 1940. P. 211.*

⁵⁶ *Harold D. Lasswell. The Study and Practice of Propaganda // Propaganda and Promotional Activities: An Annotated Bibliography. Minneapolis, 1935. P. 3–27, esp. p. 3.*

⁵⁷ *Hadamovsky. Propaganda und nationale Macht. Oldenburg, 1933.*

неумелости демократического движения и из-за силы реакции. Позже Франция не была разбита пропагандой.⁵⁸ Ее крах был результатом упадка морально духа французов и военного превосходства немецкой армии.

Что национал-социализм делал и продолжает делать своей пропагандой — это использование уязвимых мест в социальном организме. Эту технологию он развил до совершенства. Такие уязвимые места очевидны в любом социальном организме. Есть классовая борьба наверху и внизу; есть религиозные и расовые антагонизмы, сталкивающиеся экономические интересы, конкурирующие политические группы — все это плодородная почва для искусной пропагандистской машины.

Превосходство национал-социалистической пропаганды над демократической лежит в полном преобразовании культуры в сумму потребительских товаров. Демократия никогда не может полностью отделять пропаганду от истины, потому что здесь конкурируют пропагандистские машины, и они должны в конечном счете доказать свою ценность фактической работой в общественной жизни страны. У национал-социализма нет никакой политической или социальной теории. У него нет никакой философии и никакой заботы об истине. В данной ситуации он примет любую теорию, которая могла бы оказаться полезной; и он отбросит эту теорию, как только ситуация изменится. Национал-социализм является и капиталистическим, и антикапиталистическим. Он является авторитарным и антиавторитарным. Он будет сотрудничать с любой группой в армии или бюрократии, которая поддается национал-социалистической пропаганде, но он не будет смущаться заигрывать с антиавторитарными движениями, когда это более целесообразно. Он обещает освобождение расовым меньшинствам и жертвует любым меньшинством, если правительство данной страны будет готово сотрудничать с Германией. Национал-социализм за аграрную реформу и против нее, за частную собственность и против нее, за идеализм и против него.

Такая разносторонность недостижима при демократии. Национал-социалистическая пропаганда всегда будет выше, потому

⁵⁸ См. прекрасный анализ: *Edmund Taylor. The Strategy of Terror*. Boston, 1940. Книга Тэйлора — выдающийся пример того, что может сделать американский репортер.

что национал-социалистическая культура является пропагандой и ничем иным, в то время как демократическая культура — это разнородная смесь. Национал-социалистическая пропаганда может быть разбита не демократической сверхпропагандой, но только более совершенной демократической политикой, которая устранил уязвимые места.

Еще хуже то, что попытки бороться с фашизмом прежде всего пропагандистскими методами почти неизменно связаны с отказом от демократических убеждений. Недавняя работа Сергея Чахотина — показательный пример.⁵⁹ Он делит население на 10 % обладающих активной позицией и 90 % тех, кто «склонен к лени или устал, или все его внимание поглощено трудностями повседневной жизни», и таким образом опускается до простого биологического уровня. Если демократия остается на этом биологическом уровне, а 90 % будут не чем иным, как орудием, управляемым пропагандой, то сила и власть будут предпосылкой успеха. Чахотин это допускает.

В самой Германии национал-социалистическая пропаганда имеет иные цели, чем простое проникновение в уязвимые места. Через синхронизацию всей культурной деятельности национал-социализм удерживает немецкий народ в постоянном напряжении. Настойчивый акцент на активности вместо мышления означает, что у людей никогда не будет свободы и времени, чтобы мыслить самостоятельно. Действие без мысли возможно, только если это направляемое и контролируемое действие, за исключением кратких периодов подлинной спонтанности масс. Таким образом, контролируемое действие — это ложное действие, так как действует не человек, а бюрократическая машина. Такова технология национал-социализма — придавать деятельности авторитарного аппарата видимость спонтанной деятельности масс. Первоначально она была разработана на национал-социалистических массовых собраниях. Гитлер говорил в «*Mein Kampf*»:

«И тут-то именно приходит на помощь массовое собрание. Картина большого собрания, состоящего из людей одного и того же настроения, большей частью действует одобряюще на человека, только еще собирающегося вступить в ряды нового движения. ... Когда человек попадает на большое собрание или на большую демонстрацию, это не только подкрепляет его настроение,

⁵⁹ The Rape of the Masses. New York, 1940.

но дает ему определенную связь с единомышленниками, вырабатывает в нем корпоративный дух. Если данный человек является только первым сторонником нового учения на давнем заводе, в данном предприятии, мастерской и т. д., то ему иногда приходится трудновато и он подбодряется, когда видит, что он является солдатом большой армии, членом обширной корпорации. Это ощущение он впервые получает только тогда, когда попадает на первое большое массовое собрание или массовую демонстрацию. Из своей маленькой мастерской или из своего большого предприятия, где отдельный человек, однако, чувствует себя совсем маленьким, новый сторонник нового движения впервые попадает на массовое собрание. Тут он сразу видит тысячи и тысячи людей того же настроения. Его сразу окружает атмосфера шумного энтузиазма, свойственная собранию, где присутствует три-четыре тысячи человек одного лагеря. Эта атмосфера увлекает. Очевидный для всех успех собрания пробуждает подъем и в этом новом посетителе и впервые окончательно освобождает его от живших еще в нем внутренних сомнений. Человек невольно поддается тому волшебному влиянию, которое мы называем массовым самовнушением».⁶⁰

Национал-социалистическая пропаганда — это выражение тех же двух феноменов, которые обнаруживают себя в каждом аспекте режима: уничтожение любых остатков спонтанности и включение населения в работу всеобъемлющей машины. Предполагается, что этой всеобъемлющей машиной управляет непреодолимая сила природы, провидение, судьба, которая сильнее, чем любой индивид, любая группа или любое иностранное государство — и эта сила ведет ее к окончательной победе Германии. Магия становится главным предметом заботы национал-социалистической культуры. Миром можно управлять посредством технологий и формул; фактически, если эти технологии должным образом используются, то слова автоматически изменяют вещи. И тайной владеет национал-социалистическое руководство. Магические церемонии празднуются во многих случаях, напоминая о практиках первобытных племен. Ежегодное введение гитлерюгенда в партию — эквивалент первобытных обрядов инициации. Слова, используемые на массовых собраниях, несут в себе средства изменения природы

⁶⁰ Mein Kampf. P. 715 и 716, и *Erich Fromm. Escape from Freedom.* New York, 1941. P. 223.

и общества.⁶¹ Прикосновение к кровавому флагу Мюнхена, касание флага крови Мюнхена и прикосновение вождя — это тавматургические практики.

Акцент на магии даже изменил язык. Существительное обладает тенденцией заменять глагол. Вещи происходят — они не сделаны. Судьба, провидение, объективные естественные силы производят вещи: победы Германии. Потеря активной роли человека в обществе выражается в языке, который отрицает активность и подчеркивает безличность существительного «оно».

8. Национал-социалистическое право и террор

Самый посредственный юрист будет напоян сражен идеей, что может существовать «правовая система, которая является не чем иным, как средством терроризирования народа. Он укажет, что сотни тысяч, возможно миллионы, сделок в Германии совершены согласно поддающимся измерению и предсказуемым правилам. Это правда. Любое общество, основанное на разделении труда, будет обязательно производить компетенции, юрисдикции, правила, которые создадут видимость функционирования правовой системы. Движение должно быть правосторонним или левосторонним; здания должны быть выкрашены в зеленый или в белый цвет; группы и палаты могут поднять ту или иную плату. Эти и тысячи других вопросов решаются рационально, даже в так называемом «прерогативном» государстве — органами СС, СА и гестапо. Но это, по словам моего покойного учителя Макса Э. Майера, «культурно индифферентные правила» преобладающе технического характера.⁶² Они могут приобрести политическое или экономическое значение в любой момент (например, правила движения могут играть значительную роль в экономической борьбе между железной дорогой и автомобилем), но в нормальных случаях они культурно нейтральны. Совокупность таких технических правил постоянно растет вместе с возрастающей сложностью современно-

⁶¹ *Clifford Kirkpatrick. Nazi Germany: Its Women and Family Life. Indianapolis. New York, 1938. P. 32.*

⁶² *Mayer. Rechtsnormen und Kulturnormen. Breslau, 1903. P. 27.*

го общества, и, как следствие, юридическая и административная машина также будет расти.

Действительно ли мы имеем в виду такие технические правила, когда мы говорим о законе? Необходимо различать два понятия права, политическое и рациональное.⁶³ В политическом смысле право — это любая мера верховной власти, независимо от ее формы или содержания. Объявления войны и мира, налоговые законы и гражданские законы, полицейские меры и судебные аресты, решения суда и правовые нормы, применяемые в решениях, — все это право просто потому, что они являются выражением суверенитета. Право в таком случае является волей и ничем иным. Рациональная концепция права, с другой стороны, определяется его формой и его содержанием, но не его происхождением. Не каждое действие суверена — закон. Закон в этом смысле — норма, постижимая разумом, открытая для теоретического понимания и содержащая этический постулат, прежде всего постулат равенства. Закон — это разум и воля. Многие теоретики естественного права заходят настолько далеко, что полностью отделяют право от воли суверена. Для них право — система норм, которая имеет ценность, даже если позитивное право государства ее игнорирует.

Есть два способа определить разумность, внутренне присущую праву: материальный и формальный. Один — это способ естественного права, которое постулирует, что право должно соответствовать определенным материальным требованиям: свободе, равенству, безопасности. Другой утверждает, что право может быть выражено только в общих, универсальных терминах.

Естественное право начало исчезать в начале либеральной эры (Англия семнадцатого столетия, Франция конца восемнадцатого столетия, Германия начала девятнадцатого века) вместе с распространением демократии и теории общественного догово-

⁶³ Последующее обсуждение близко совпадает с моей статьей: *Der Funktionswandel des Gesetzes im Recht der bürgerlichen Gesellschaft // Zeitschrift für Sozialforschung*. 1937 (6). P. 542–596 / Trans. Klaus Knorr and Edward Shils. *The Change in the Function of Law in Modern Society*. Опубликовано: *Second Year Course in the Study of Contemporary Society*. 8th ed. University of Chicago. Chicago, Ill., 1939. Прекрасный и подробный анализ национал-социалистической правовой системы: *Ernst Fraenkel. The Dual State* / Trans. E. A. Shils, E. Lowenstein and K. Knorr. New York, 1941. Я не согласен с теоретическим анализом Френкеля, как легко можно заметить. Материал и рассуждения делают книгу весьма ценной.

ра. Общий характер позитивного права тогда начал занимать центральное место в правовых системах и доктринах. Только право, которое имело общий характер, признавалось правом. Формальная структура права стала решающей. Если на права можно было покушаться, то только в рамках закона или надлежащей правовой процедуры, и если само право, как неустанно повторяла либеральная конституционная теория, есть не что иное, как покушение на свободу и собственность, то из этого должно следовать, что форма нарушения столь же важна, как и его содержание. Иными словами, формальная структура права получает значение, независимое от его содержания.

В либеральную эру общий характер закона — это тот элемент, который один только и воплощает разум. Разумность права уже определяется не разумностью общества, в котором право действует, как в естественном праве томизма, но его формальной структурой. Разумность, таким образом, становится рациональностью, но рациональностью, которая является формальной и технической, то есть предсказуемой и измеримой.

«Когда я говорю, что предмет законов всегда имеет общий характер, я разумею под этим, что закон рассматривает подданных как целое, а действия — как отвлеченные, но никогда не рассматривает человека как индивидуум или отдельный поступок. Таким образом, закон вполне может установить, что будут существовать привилегии, но он не может предоставить таковые никакому определенному лицу; закон может создать несколько классов граждан, может даже установить те качества, которые дадут право принадлежать к каждому из этих классов; но он не может конкретно указать, что такие-то и такие-то лица будут включены в тот или иной из этих классов».⁶⁴

Определения Руссо недостаточно, поскольку общее должно быть сформулировано в терминах особенного. Чтобы раскрыть этот второй элемент, должно быть проведено различие между правовыми правилами (*Rechtssätze*), и общими правовыми принципами или правовыми стандартами поведения (*Generalklauseln*). Договор, который противоречит государственной политике, неразумен, договор, который противоречит высокой нравственности, недействителен. «Тот, кто совершает деяние, которое закон объявляет наказуемым или которое заслуживает наказания согласно

⁶⁴ Social Contract (Everyman's Library).

здоровому расовому чувству, должен быть наказан» (раздел 2 немецкого уголовного кодекса в формулировке от 28 июня 1935 г.). Такие предложения не являются правовыми нормами, поскольку они нерациональны, и они представляют собой ложную универсальность, несмотря на общий характер формулировки. В современном обществе часто не может быть никакого согласия по поводу того, является ли какое-либо данное действие противоречащим высокой нравственности или неразумным, соответствует ли наказание здоровому расовому чувству или нет. Иными словами, этим понятиям недостает определенного содержания. Правовая система, которая строит основные элементы своих правил из этих так называемых общих принципов или юридических стандартов поведения, является только оболочкой, скрывающей меры индивидуального характера.

Формальная структура общего правила — этот третий элемент универсальности — должна содержать минимум материальной конкретности. Это гарантирует судье минимальную степень независимости, потому что это не подчиняет его индивидуальным мерам суверена.

Следствие такой теории формальной структуры права — определенная теория отношения судьи к закону. Когда управляет закон и только один закон, единственная функция судьи заключается в том, чтобы принимать закон. В формулировке Монтескье судья — не что иное, как «рот, который произносит слова закона, неодушевленное существо». Судебные акты поэтому «в некотором смысле ничтожны».⁶⁵ Такая «фонографическая» доктрина, как ее называет Моррис Козн,⁶⁶ тесно связана с теорией разделения властей, с учением, что создание закона идентично с законодательством и что закон не может создаваться вне процесса законодательства, судьями или частными законодательными органами. Доктрина разделения властей, нужно помнить, не подразумевает равенство этих трех ветвей власти, а скорее превосходство законодательной власти. Право на судебный надзор законов отрицалось в течение большей части девятнадцатого века (в Германии до 1919 г.). Правовая система либерализма предполагается завершенной системой, которую судьи должны просто применять.

⁶⁵ *Montesquieu. L'esprit des lois. XI. 6.*

⁶⁶ *Cohen. Law and the Social Order. New York, 1933. P. 112.*

Каково социальное значение теории верховенства закона отрицания естественного права и абсолютного подчинения судьи закону?

Верховенство закона необходимо, чтобы удовлетворить потребности основанной на конкуренции капиталистической системы, которая стремится создать прибыль посредством непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия. Свободная конкуренция требует общего закона, потому что он представляет собой самую высокую степень формальной рациональности. Свободная конкуренция опирается на существование большого количества более или менее равных конкурентов, которые встречаются друг с другом на свободном рынке. Свобода товарного рынка, свобода рынка труда, свободного выбора в пределах группы предпринимателя, свобода договора, и прежде всего предсказуемость отправления правосудия — это важнейшие требования. Основная задача государства состоит в том, чтобы создать правовую систему, которая гарантирует выполнение договоров. Ожидание, что контракты будут выполнены, должно быть оправданным. Когда имеется много конкурентов приблизительно равной силы, необходимы общие предсказуемые законы. Эти законы должны быть достаточно специфичными в своей абстрактности, чтобы, насколько это возможно, ограничить свободу действий судьи, его, как говорят, «усмотрение». Судья не должен отступать от общих принципов. Когда государство вмешивается в сферу свободы и собственности, вмешательство также должно быть предсказуемым. Оно не должно иметь обратной силы, так как тогда оно аннулировало бы уже существующие ожидания. Государство не должно вмешиваться без законного основания, поскольку тогда вмешательство не было бы предсказуемым. Вмешательство посредством индивидуальных мер недопустимо, потому что оно разрушает основное равенство конкурентов. Наконец, сам судья должен быть независимым, то есть разные ветви власти в государстве должны быть полностью разделены.⁶⁷

У общего закона также есть этическая функция, наиболее ясно выраженная в философии права Руссо. Как это ни парадоксально, эта этическая функция коренится в жестком противопоставлении права и нравственности. (Последнее достижение либерализма состоит в том, что он освободил юридические суждения от моральных оценок.) Обыкновенный человек, по всей вероятности, будет

⁶⁷ *Max Weber. Wirtschaft und Gesellschaft. Op. cit. P. 166.*

смотреть на такое противопоставление как на предосудительное, и глубокое взаимное проникновение права и нравственности является для него идеалом. Обыкновенный человек всегда критикует правовую систему за ее формальность, жесткость, и оторванность от нравственных доводов. И все же именно это разделение позволяет праву стать инструментом социального регулирования. Искренне религиозный человек, Гуго Гроций, основатель современного естественного права, положил начало такому разделению. Естественное право, утверждал он, имело бы силу, даже если бы Бога не существовало. Гоббс, Пуфендорф и Кристиан Томазий разработали законченную правовую систему, отличную от нравственных норм. Согласно их воззрениям, божественное естественное право было либо несовершенным обязательством, либо простым набором советов. Кант завершил эту разработку и обосновал существование права и нравственности как отдельных ценностей, причем право имело дело с внешними обязанностями, а нравственность с внутренними.

Действительно, тождественность права и нравственности может сохраняться только в совершенно однородном обществе, в религиозной группе, например, которая управляется общепринятой универсальной системой ценностей. Право тогда может регулировать не только внешнее поведение, но также и внутреннее убеждение, а нравственность могла бы организовывать и совесть, и внешние обязанности. Право и нравственность тогда совпадали бы друг с другом. В антагонистическом обществе, однако, в котором моральные убеждения всегда вступают друг с другом в конфликт, предполагаемое тождество двух нормативных систем — это всего лишь способ терроризировать человеческую совесть. Карл Теодор Велькер, один из основателей теории *Rechtsstaat*, очень убедительно отстаивал этот тезис:

«Если бы был односторонний закон, навязываемый свободно-му человеку одним голосом или большинством голосов, и если бы, как неизбежно происходит в обществе, он навязывался бы принудительно, то это был бы деспотизм. Предлог, что это можно было бы делать ради сохранения нравственности, развращал бы разум. Просвещенный народ очень скоро развеял бы ореол лжепророка и увидел бы в нем тирана».⁶⁸

⁶⁸ Welcker. Die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe. Giessen, 1812. P 31.

Всеобщность и абстрактность закона вместе с независимостью судьи гарантируют минимум личной и политической свободы. Заявление Вольтера, что свобода означает зависимость лишь от закона, обладает смыслом, только если закон имеет общий характер.⁶⁹ Общий закон устанавливает личное равенство. Закон, в конце концов, — это основание любого вмешательства в сферу свободы и собственности. Только когда такое вмешательство контролируется общими законами, свобода гарантируется, так как принцип равенства сохранен. Если суверену разрешают издавать индивидуальные распоряжения, арестовать такого-то человека или конфисковать ту или иную часть собственности, то независимости судьи наступает конец. Судья, который должен исполнять такие распоряжения, становится простым полицейским. В сумме общий закон, судебная независимость и разделение властей имеют цели, которые превосходят требования свободной конкуренции.

Равенство перед законом является формальным и отрицательным, но оно действительно содержит минимальную гарантию свободы и не должно отвергаться. Обе функции всеобщности права, предсказуемость экономической системы и гарантия минимальной свободы и равенства одинаково важны, не только первая, как утверждают тоталитарные теории государства. Если принять их взгляд, что всеобщность закона есть не что иное, как способ удовлетворить потребности в свободной конкуренции, тогда неизбежен вывод, что замена организованным государственным капитализмом свободной конкуренции требует замены командами вождя и общего принципа для общего закона, и независимой судебной власти, и разделения властей.

Всеобщность закона подразумевает отрицание законов, имеющих обратную силу. «Обратное действие — это самое большое злоупотребление, которое можно совершить с правом. Оно означает разрыв общественного договора и разрушение условий, на основе которых общество пользуется правом требовать повиновения человека, потому что это лишает его гарантий, в которых общество его заверяло и которые были компенсацией за ту жертву, которую повлекло за собой его повиновение. Обратное действие лишает закон его реального юридического характера. Закон, имеющий обратную силу, — это вовсе не закон». Эти слова Бенджамин-

⁶⁹ Свобода заключается в том, чтобы зависеть только от закона // *Pensées sur le gouvernement* / Ed. Garnier. Paris, 1877–1885. XXIII. P. 526.

на Константа подтверждают единодушное убеждение либерализма. Веймарская конституция, например, специально запрещала обратное действие закона в уголовном праве. Закон, имеющий обратную силу, сталкивается не с неопределенным числом конкретных конфигураций, но с определенным числом случаев, полностью материализованных в прошлом. Поэтому он является не законом, а особой мерой.

Теория права и практика в одинаковой мере претерпевают решающие изменения в период монополистического капитализма. Правило общего закона уже является невозможным. Когда государству противостоит лишь одна сторона, монополия, бессмысленно устанавливать общую норму. Индивидуальная мера становится единственным адекватным выражением воли суверена. Она не разрушает принципа равенства перед законом, поскольку законодатель сталкивается с индивидуальной ситуацией. Немецкое законодательство в веймарский период поэтому вводило специальные меры для определенных монополистических предприятий, как например чрезвычайный указ президента рейха 13 июля 1931 г., запрещающий применение процедур банкротства против банка *Darmstädter*. Специальная мера была введена для одной влиятельной монополии, потому что один только этот банк был в опасности, а продолжение его существования считалось необходимым.

Дискуссии о формальной структуре закона в Германии перед Первой мировой войной оставались в пределах сферы теории, потому что судебный надзор за законодательством не признавался. После войны тем не менее Верховный суд Германии неожиданно приобрел право надзора, и то, что было академической дискуссией, стало жизненно важной политической проблемой.⁷⁰ Верховный суд руководствовался на этом своем новом пути желанием санкционировать существующий режим собственности. Все его решения в этом направлении были связаны с вопросом, нарушают ли данный закон статью 153 веймарской конституции, обеспечивающую право на собственность.⁷¹

После войны позитивистский подход предшествующего периода стал угрозой положению монополий. Естественное право стало

⁷⁰ Решение федерального Верховного суда по гражданским делам. Официальное собрание: Vol. 102. P. 161.

⁷¹ Прекрасный анализ: *Otto Kirchheimer. Grenzen der Enteignung. Berlin, 1932.*

еще раз центральным пунктом дискуссий. Карл Шмитт, например, стремился принять американскую доктрину «внутренних ограничений на право вносить поправки». Судьи немецкого Верховного суда следовали за подобным ходом мыслей в 1924 г., когда, на собрании (а не на регулярной сессии суда) с целью обсуждения первого чрезвычайного указа о налогах, они приняли решение:

«Эта идея доверия стоит за пределами частного закона, за пределами любого единственного в своем роде положительного юридического предписания. Никакая правовая система, которая заслуживает такого благородного имени, не может существовать без этого принципа. По этой причине законодательный орган не должен использовать свою власть для того, чтобы мешать действиям, которые настоятельно требуют доверия. Был бы нанесен серьезный урон престижу режима и чувству справедливости, если бы кто-нибудь, основывая свое требование на новом законе, проиграл бы свое дело в суде, потому что его ссыла на закон наруша-ла бы доверие».⁷²

Они тогда заявили, что должник, который основывал свое требование на чрезвычайном указе о налогах, проиграл бы его дело, потому что его иск против кредитора был бы безнравственным.

Невыраженное естественное право приходилось применять без ограничений и задержек. Период с 1918 по 1932 г. характеризовался почти универсальным одобрением доктрины свободного усмотрения (*Freirechtsschule*), разрушением предсказуемости и рациональности закона, ограничением системы договоров (замененной частично идеей командования), победой правовых стандартов поведения над истинными правовыми нормами. Правовые стандарты поведения изменили всю правовую систему. Они давали судье крайне широкие полномочия принимать решения по своему усмотрению, и они разрушили черту между судебной властью и администрацией настолько, что административные политические решения приняли форму нормальных судебных решений.

Правовые стандарты поведения помогали монополистам. Индивидуальная норма предсказуема для монополиста, потому что он достаточно силен, чтобы обходиться без формальной рациональности. Мало того, что рациональный закон является для него ненужным, часто он представляет собой оковы для полного развития его производительных сил или, еще чаще, для ограничений,

⁷² Juristische Wochenschrift. 1924. P. 90.

которых он может желать; рациональный закон, в конце концов, помогает слабым. Монополист может обойтись без помощи судов, так как его возможность командовать является удовлетворительной заменой. Его экономическое могущество позволяет ему навязывать свои желания потребителям и рабочим даже в рамках формы договора. Стандартные монополистические договоры перекладывают все мыслимые риски на потребителя, который должен выполнять все обязательства закона.

Национал-социализм полностью разрушает всеобщий характер закона, а вместе с ним независимость судебной власти и запрет на обратное действие закона. Правовые стандарты поведения приобретают гораздо большее значение, чем прежде, потому что даже ограничения, установленные парламентской демократией против требований монополии, даже такие недостаточные, какими они, возможно, были, были убраны. В силу самой своей неопределенности правовой стандарт поведения служит тому, чтобы привести предшествующее национал-социализму право в соответствие с требованиями новых правителей. Национал-социализм постулирует полное подчинение судьи закону, но стандарты поведения позволяют ему вводить политические элементы даже тогда, когда они находятся в противоречии с позитивным законом. «Принципы национал-социализма имеют прямое и исключительное значение для применения и административного исполнения общих стандартов поведения судей, прокурором или преподавателем права».⁷³ Судья был понижен до статуса полицейского чиновника.

Существовало полное согласие в литературе, что закон есть не что иное, как приказ вождя, и поэтому «предреволюционное» право имеет силу только благодаря его воле. «Вся политическая власть немецкой расы объединена в вожде; она находится в его руках. Любой закон поэтому исходит от него».⁷⁴

Обнародованы многие индивидуальные меры, имеющие характер привилегий. Обратная сила закона больше не запреще-

⁷³ *Carl Schmitt*. Fünf Leitsätze für die Rechtspraxis. Berlin, 1933 (Rule 4). *Wolfgang Siebert*. Vom Wesen des Rechtsmissbrauches. Berlin, 1935. P. 15. Эта точка зрения была полностью принята судами: решение Большого сената федерального Верховного суда 13 марта 1936 г. // *Juristische Wochenschrift*. 1936. P. 1281.

⁷⁴ *Hans Frank*. ZA. 1936 (4). P. 290.

на. Даже принцип равенства перед законом, основной принцип *Rechtsstaat*, отвергнут. Национал-социалистическая теория права заменяет юридическое лицо «конкретной личностью»,⁷⁵ демагогически ссылаясь на Гегеля как на авторитет, забывая, что Гегель отказался отвергнуть формальное равенство перед законом, хотя он ясно осознавал его чисто негативный характер. Поскольку закон идентичен воле вождя, поскольку вождь может послать своих политических противников на смерть без какой-либо судебной процедуры и поскольку такой акт прославляется как высшее осуществление справедливости,⁷⁶ то мы больше не можем говорить о специфическом характере права. Право теперь является техническим средством для достижения определенных политических целей. Оно представляет собой простой приказ суверена. В этом отношении юридическая теория фашистского государства — это десизионизм. Закон — это просто *arcanum dominationis*, средство для стабилизации власти.

Юридическая идеология национал-социалистического государства весьма отлична, конечно же, от этого анализа. Она принимает форму институционализма или, как Карл Шмитт и многие другие его называют, «конкретного порядка и структуры [или общности] мысли».⁷⁷ Институционализм противостоит и десизионизму, и нормативному позитивизму. Позитивисты утверждают, что любое право — это право, выраженное в законе; что правовая система представляет собой логически последовательную и закрытую систему общих норм; что судья должен только применять эту систему норм, чтобы осуществлять волю законодателя; что эти нормы преобладают в своей полной чистоте, несмотря на то, что их применяет человек. Фундаментальными понятиями позитивистской системы являются: юридическое лицо, как естественное, так и обладающее правами; субъективное частное право, выражающее свободу человека, которое существует раньше объективного закона (его самое высокое выражение — право собственности); и договор, к которому должны сводиться все человеческие отношения: государство и свободное объединение, брак и

⁷⁵ Karl Larenz. Rechtsperson und subjektives Recht. Berlin, 1936. P. 9.

⁷⁶ Carl Schmitt. Der Führer schützt das Recht // Deutsche Juristenzeitung. 1934 (29). P. 945.

⁷⁷ Общепризнанно, см. Schmitt. Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens. Hamburg. 1934.

торговля, церковь и профсоюз. Государство — юридическое лицо, суверенитет коренится не в социальных группах, но в самом государстве-личности, непосредственно действующем через свои органы. Человек имеет субъективные публичные права независимо от государства.

Фактически понятие юридического лица — экономическая маскировка отношений собственности. Оно скрывает тот факт, что собственность есть нечто большее, чем субъективное право, что это также отношение господства и подчинения. Договор, вспомогательная гарантия собственности, является договором между свободными и равными юридическими лицами. Но эта свобода и равенство являются только юридическими. Абстрактное равенство партнеров в договоре скрывает их экономическое неравенство. Трудовой договор, в частности, — это договор между равными по закону рабочим и работодателем. В его форме нет ни малейшего признака того факта, что работодатель обладает господством над рабочим. Государство как таковое должно быть единственным носителем суверенитета, и позитивистская теория, таким образом, отказывается допустить суверенитет органов государства. Это скрывает тот факт, что одни социальные группы и люди управляют другими.

Институционализм придерживается совершенно иного подхода. Институт, согласно Ренару, приверженцу этой школы,⁷⁸ является организмом, юридической структурой, служащей общественной пользе. Он нечто большее, чем простое отношение; он обладает собственным бытием. Он представляет собой целое, в котором объединены отдельные части. «Институциональные отношения — это интериоризация, консорциум, *invicem tembra*».⁷⁹ Фабрика, таким образом, отделяется от владельца фабрики, предприятие — от предпринимателя, акционерное общество — от совета директоров и акционеров. Такие понятия, как государство и его суверенитет, устраняются.⁸⁰ Государство становится институтом, где действует параллелограмм сил. Оно становится общностью, которая опирается органически на более низкие общности. Власть, которую это

⁷⁸ Georges Renard. L'institution: fondement d'une renovation de l'ordre social. Paris, 1931.

⁷⁹ Op. cit. P. 178.

⁸⁰ Reinhard Höhn. Die Wandlung im staatsrechtlichen Denken. Hamburg, 1934.

государство осуществляет, — это не внешняя власть, а власть самой организованной общности, и поэтому суверенитет исчезает. Нет фундаментального разделения на общественное и частное право. В целом правовая система — это объединенная система права общности.⁸¹

Поскольку общественное право — это право самой общественной организации, называемое автономным правом, то теория источников права также должна быть изменена. Государство было единственным источником права для позитивизма, тогда как институционализм включает в эти источники автономное право, а также судебное право. Институционализм отказывается от механистического представления, что судья — только рупор закона, и принимает утверждение, что судья создает закон.

Изменения в теории собственности еще более важны. Для позитивизма завод — это техническая единица, в которой собственник занимается производством, в то время как предприятие — это экономическая единица, в рамках которой он осуществляет свою деловую политику. Институционализм превращает завод в социальную общность. Предприятие становится общественной организацией, а акционерное общество из ассоциации юридических лиц с собственностью становится *Anstalt*. Короче говоря, «собственность из субъективного права, принадлежащего юридическому лицу, превращается в институт», овеществленное социальное отношение. Договор не только исключается на практике, он теряет свою роль даже в юридической идеологии. Права и обязанности больше не связаны с волей юридически равных лиц, но связаны с объективными фактами. Статус человека в обществе становится решающим. Формула сэра Генри Мэна, что право развивается от закона к договору, была полностью перевернута.

Фундаментальные понятия юридического позитивизма обладали функциями утаивания. Понятие юридического лица, как мы видели, является социальной маской. Оно скрывает носителя, но оно его не устраняет, о нем еще можно догадываться. В период конкуренции не было необходимости, чтобы владелец собственности исчезал, так как он не осуществлял большой экономической или социальной власти как индивид. Только совокупность людей,

⁸¹ *Lange H. Liberalismus, Nationalsozialismus und bürgerliches Recht. Tübingen, 1933. Wieacker F. Wandlungen der Eigentumsverfassung. Hamburg, 1935. P. 23.*

система осуществляла власть над людьми. В монополистическом капитализме, с другой стороны, чрезмерная власть командования сконцентрирована в нескольких руках. Такое положение дел было бы быстро обнаружено, если бы маски были сняты.

Институционализм, теория права монополистического государства допускает, что маска правовой теории исчезает, но вместе с ней исчезает и ее носитель, владелец собственности. Институционалисты говорят не о собственнике, а об институте. Они говорят не о юридическом лице, но о заводе и предприятии. Государство как таковое также исчезает, так как в позитивизме это понятие скрывало тот факт, что на самом деле суверенитет, приписываемый государству, осуществляла социальная группа. Когда политическая власть сконцентрирована так сильно, как в фашистском государстве, становится желательным заменить понятие государства и его суверенитета общностью и ее вождем. Государство теперь характеризуется как *Gestalt*, как политический *Gestalt* немецкого народа.

Там, где монополистическая экономика существует при демократических формах правления, там прогрессивные элементы, особенно профсоюзы, могут принимать институциональную теорию как оправдание социальной реформы, поскольку она оказывается ближе к действительности, чем юридический позитивизм. Когда завод, предприятие, акционерное общество и монополия объявляются социальными институтами, то это способ выразить тот факт, что собственность уже не частный вопрос, а социально значимый институт. Приближение к действительности является тем не менее односторонним, поскольку есть опасность, что институт будет отделен от социального соотношения сил и станет неопостижимым. Доктрины трудового права всех профсоюзов за пределами Советского Союза и национал-социалистической Германии развивались, отталкиваясь от институционалистских понятий. В Англии под влиянием теории *Genossenschaft* Гирке и консерваторы и фабианцы приняли институционалистскую теорию для построения нового отношения между государством и обществом. Во Франции она была в первую очередь принята неотомистами под влиянием папской энциклики *Quadragesimo Anno*.

Отрыв института от социального отношения завершается при национал-социализме. Институционалистская тенденция к объединению, пишет ведущий немецкий теоретик, «характеризуется тем фактом, что разрушительные диалектические групповые

формирования в теле народа — рабочий и предприниматель, арендодатель и арендатор, город и деревня — ассимилируются в синтетических, главным образом сословных [*reichsständische*] объединениях. Юридическая структура, полученная из такого принципа конструирования, находит свое оправдание в том факте, что военные и профессиональные объединения — это выражение естественного строя народной жизни, при котором ряд законов, созданных профессиональными и сословными группами, оказывается оптимальным принципом добровольного и упорядоченного развития права». ⁸² Национал-социалисты избегают слова «институционализм» прежде всего, «чтобы сохранить дистанцию с неотомизмом». ⁸³ Они предпочитают говорить о «юридическом порядке и структуре [или общности] мышления», или *Sachgestaltungsdenken*, то есть мышления, которое формируется потребностями конкретной ситуации. По крайней мере они молчаливо допускают тесную связь с монополистическим капитализмом.

Институционализм тем не менее не удерживает свою монополию в фашистском государстве. Элементы десизионизма сохраняются и приобретают огромную силу при замене рационального права политическим командованием. Институционализм никогда не может определить, какой институт в данной ситуации является «первоначальным», а какой просто создан для определенной цели. Он никогда не может определить, какая степень вмешательства и какая норма является адекватной в конкретной ситуации. Он не может, например, определить конкретную позицию товарищей по расе. Эти решения принимаются различными машинами, партией, армией, бюрократией и промышленностью, через своих лидеров.

Если общий закон — это основная форма права, если закон не только *voluntas*, но также и *ratio*, то мы должны отрицать существование права в фашистском государстве. Закон, в отличие от политической команды суверена, возможен только как манифестация общего закона, но истинная общность невозможна в обществе, которое не может обойтись без власти. Даже в таком обществе тем не менее ограниченная, формальная, и отрицательная общность закона при либерализме не только допускает капитали-

⁸² *Wieacker*. Op. cit. P. 126.

⁸³ *Schmitt*. Ueber die... P. 57.

стическую предсказуемость, но также и гарантирует минимум свободы, потому что общий закон является двухсторонним и позволяет слабому сохранять по крайней мере некоторый юридический шанс. По этой причине закон и право на свободу вступают в конфликт с потребностями монополистической экономики. Частная собственность на средства производства остается неприкосновенной, но общий закон и договор исчезают на определенной стадии и заменяются индивидуальными мерами.

Абсолютное отрицание общности закона — центральный пункт в национал-социалистической теории права. Следовательно, не может быть никакого разделения властей. Власть государства образует неразделенное и неразделимое целое, осмысливаемое под категорией «единства руководства».⁸⁴ Нет двух народов и нет двух дел, к которым применяется одно и то же правило. Каждый человек и каждая конкретная ситуация должна иметь дело с особым правилом, или, на нашем языке, с индивидуальными решениями. Главная функция национал-социалистического закона — сохранить расовое существование. Он должен поэтому подчеркивать биологические различия и отрицать социальное или юридическое равенство и гражданские права. Не может быть никакой независимой судебной власти без общих правил, которыми она должна руководствоваться. Власть судьи теперь опирается на заявления вождя.

Идеологическая техника новой теории права, как всегда, ясна. Национал-социализм использует в своих интересах несовершенство либеральных идей свободы и равенства. Он указывает, что свобода и равенство — это покровы, за которыми скрыта эксплуатация. Но национал-социализм выступает за уничтожение не неравенства, но той небольшой защиты, которую юридическое равенство все же предлагает. Новое равенство национал-социализма — равенство обязанностей, а не прав.

Эти принципы полностью еще не развиты. Право все еще в тучем состоянии, судебная власть, еще не полностью синхронизирована. Тенденции тем не менее безошибочны, и во время войны закон достиг своего полного развития в качестве инструмента насилия.

⁸⁴ *Siegfried Grundmann. Die richterliche Nachprüfung von politischen Führungsakten nach geltendem deutschen Verfassungsrecht // ZS. 1940 (100). P. 511–544, 513.*

Так называемый «предупредительный арест» восходит к указу президента фон Гинденбурга от 28 февраля 1933 г., приостанавливавшему гражданские свободы (указ о поджоге рейхстага).⁸⁵ Раздел 7 прусского указа от 10 февраля 1936 г., делающий гестапо исполнительным органом канцелярии прокурора, предусматривает, что «никакой приказ или дело в гестапо не подвергаются контролю административных судов». Тот же самый указ передавал концентрационные лагеря гестапо. Они могут любого подвергнуть «предупредительному аресту», то есть послать его в концентрационный лагерь на такое длительное время, какое им будет угодно, даже если уголовный суд ранее снял с него обвинения или если он отбыл свое наказание в тюрьме. Жертва даже не обращается за помощью к столь косвенному способу восстановления своих прав, как предъявление иска прусской земле о возмещении ущерба.⁸⁶ Сначала некоторые судьи попытались ограничить действующую по своему усмотрению полицию. Указ о поджоге рейхстага, доказывали они, был разработан, чтобы защитить государство «от коммунистических насильственных действий, подвергающих государство опасности» (буквальная цитата из преамбулы указа), и действия гестапо, которые превышают эту цель, лишены законной силы. Нет необходимости говорить, что абсолютная и произвольная власть гестапо над всеми личными свободами сегодня не оспаривается никаким судом.⁸⁷

Удостаивать такой указ названием закона только потому, что он исходит от верховной власти в государстве, представляется бессмысленным. Указ о поджоге рейхстага, как он теперь интерпретируется, не имеет ни одного конкретного элемента, который позволяет предсказывать, при каких условиях и на какой срок любой человек может быть лишен свободы. Он просто говорит гестапо: делайте, что хотите; рассматривайте любое дело, как вы считаете целесообразным. Такое правило — это не закон, но произвольный дезидеионизм.

⁸⁵ Я использую книгу: *Werner Spohr. Das Recht der Schutzhaft*. Berlin, 1937, и мою собственную книгу: *Das gesamte Pressenotrecht*. Berlin, 1933, — запрещенную тайной полицией в день ее публикации.

⁸⁶ Количество таких решений напечатано: *Spohr's book*. P. 67–111; также *Fraenkel*. Op. cit. P. 20–32.

⁸⁷ См.: *Spohr*. Op. cit. P. 16.

Тот же самый процесс массовой манипуляции посредством террора в форме закона очевиден и в самом уголовном праве.⁸⁸ Как и политическая теория, национал-социалистическое уголовное право перешло от идеи тоталитарного государства к идее расового империализма. В первый период оно было просто авторитарным. Его подход к преступлению был волюнтаристской теорией.⁸⁹ Не объективный факт, но субъективное желание делает человека преступником. Никакого различия не существует поэтому между покушением на преступление и осуществленным деянием.

Когда доктрина авторитарного государства была отброшена, простая волюнтаристская теория также ушла. Самой важной — хотя еще не полностью официальной — школой в уголовном праве сегодня является так называемая феноменологическая школа, объединяющая витализм с «мышлением в конкретных порядках» Карла Шмитта.⁹⁰ Возьмем пример с воровством. Традиционное уголовное право определяет вора и его действиями, и намерением. Феноменологическая школа определяет его посредством его личности. Вор — это тот, кто вор «в сущности» (*wer seinem Wesen nach ein Dieb ist*). Судья должен интуитивно решить, осудить его или нет. Не может быть ни более полного отрицания рациональности права, ни лучшего средства терроризирования масс, не ограниченного предсказуемыми правилами.

Официальная теория, принятая до начала войны в 1939 г., является смесью традиционного уголовного права, авторитарных тенденций и юридических стандартов поведения. Специальное внимание уделено «здоровым чувствам народа». Разделительная

⁸⁸ Самый лучший анализ уголовного права: *Otto Kirchheimer. Criminal Law in National Socialist Germany // Studies in Philosophy and Social Science. 1939 (8). P. 444–463.* Об уголовной политике национал-социализма: *Otto Kirchheimer and Georg Rusche. Punishment and Social Structure. New York, 1939. P. 177–182.*

⁸⁹ *Roland Freisler // Das kommende deutsche Strafrecht. Allgemeiner Teil. 2nd ed. Berlin, 1935. P. 26; and Kirchheimer. Criminal Law, etc. P. 444.*

⁹⁰ Главные представители: *Georg Dahm. Grundfragen der neuen Rechtswissenschaft. Hamburg, 1935; и Friedrich Schaffstein. Politische Strafrechtswissenschaft. Hamburg, 1934.* Самые активные оппоненты: *Erich Schwinge and Leopold Zimmerl. Wesensschau und konkretes Ordnungsdenken im Strafrecht. Bonn, 1937; см. мой обзор: Zeitschrift für Sozialforschung. 1937 (6). P. 706, 707.*

линия между правом и нравственностью, и каждое действие судебной власти облачено ореолом морали.

Федеральный Верховный суд попытался предотвратить полное уничтожение рациональности, особенно там, где это касалось церкви.⁹¹ По этой же самой причине, однако, его роль быстро и неуклонно падала. Шаг за шагом судебная власть была лишена институциональных гарантий ее независимости. В 1933 г. была чистка, но она не имела серьезного значения, потому что число неарийцев и подлинных демократов среди судей всегда было очень небольшим. Гораздо более важной была отмена судебного самоуправления, тенденция, достигшая высшей точки в законе 24 ноября 1937 г.⁹² Ранее председатель суда и представители членов суда распределяли должности между собой без правительственного вмешательства. Теперь министерство юстиции не только назначает судей, как оно всегда делало, оно выделяет также и каждую должность. Уже 18 июня 1935 г. внутри Верховного суда были созданы так называемые «большие сенаты». Назначения в народные суды с самого начала делались канцлером по рекомендации министерства юстиции. Вместе с указом 1937 г. принцип руководства обрел полный контроль над судебной властью.

Кроме того, судьи попадают под действие раздела 71 акта о государственной службе, предусматривающего, что каждый чиновник может быть принудительно отправлен в отставку или временно отстранен, если есть сомнение, что он всегда действует в интересах национал-социалистического государства. Решение принимается вождем по рекомендации министерского руководителя после исследования (но не регулярного дисциплинарного процесса). Теоретически судья не может быть принужден уйти в отставку из-за содержания одного из его решений, но очевидно, что здесь нельзя провести ясно очерченную линию.⁹³ Судьям не помогает в этом отношении и тот факт, что судебная власть — любимый объект нападков органа СС, *Schwarze Korps*. С 26 августа 1938 г., кроме того,

⁹¹ Интересное решение 9 сентября 1937 г. (гражданские дела) // ZA. 1938. P. 25; обязанность муниципалитета продолжать выплаты церковной общине не могла не закончиться напоминанием о принципах партийной программы.

⁹² *Eduard Kern*. Die Selbstverwaltung der Gerichte // ZA. 1939. P. 47–50.

⁹³ *Kirchheimer*. Op. cit. P. 452.

решение их судьбы может быть произвольно передано на усмотрение министерского руководителя.

Ничего не остается от принципа *nulla poena sine lege, nullum crimen sine lege* (наказание исключительно на основании закона и преступление, предусмотренное исключительно законом), основной формулы любой правовой системы. Верховный суд Германии когда-то твердо придерживался этой формулы. В деле 1890 года, например, он отказался вынести приговор мужчинам, обвинявшимся в воровстве электроэнергии, потому что предписание уголовного кодекса касалось только воровства материальных вещей, а электричество тогда считали простой силой. Их доводы были сопоставимы с аргументом судьи Холмса в деле, в котором Верховный суд США отказался применить закон 1919 г. об автомобилях к самолету. Судья Холмс написал: «Когда правило поведения установлено словами, которые вызывают в здравом уме только картину транспортного средства, движущегося по земле, закон не должен распространяться на самолет.⁹⁴

Немецкое решение было по-дурацки высмеяно как доказательство полного бесплодия юридического позитивизма. Оно тем не менее заслуживает самой высокой похвалы, поскольку только строгое применение принципа «преступление, предусмотренное исключительно законом» может предотвратить злоупотребление судебной властью в уголовных делах. В порядке совещательного мнения 4 декабря 1935 г. постоянный суд международной юстиции исследовал вопрос, совместим ли уголовный кодекс Данцига, принятый 1 сентября 1935 г., который подражал разделу 2 нового немецкого кодекса, с конституцией Данцига, которая содержала обычные гарантии личных свобод. Суд постановил, что эти два документа были несовместимы, потому что раздел 2 «включает в себя выходящую за пределы права область того, что верно и что неверно, в зависимости от норм нравственности или религиозных чувств». Другими словами, немецкий уголовный кодекс уничтожает все гарантии.

Расширяющееся разделение национал-социалистической судебной власти на различные отделы и рассеивание юрисдикции завершают картину. Бесчисленные специальные суды и трибуналы создавались для конкретных случаев и для определенных

⁹⁴ *McBoyle v. U. S.* 283 U. S. 25; прекрасный анализ: *Jerome Hall. Nulla Poena sine Lege // Tale Law Journal.* 1937 (47). P. 165–193.

страт населения. У каждой из четырех машин, — партии, армии, государства и промышленности — есть своя собственная обширная судебная система, с законами, указами, судами, исполнителями и приставами. СС обладает властью не только заключать в тюрьму, но даже и исполнять приговор без судебного решения. Немецкие газеты все чаще сообщают следующие стереотипные новости: «Руководитель СС и руководитель немецкой полиции сообщают: 30 апреля 1941 г. Людвиг Кох был застрелен при оказании сопротивления» («Frankfurter Zeitung» от 18 мая 1941 г., 10 июня 1941 г., и т. д.). Ничто не выражает столь хорошо полное отрицание универсальности права и ничто не предлагает лучшего средства рассматривать каждую конкретную ситуацию и группу по-разному, чтобы манипулировать ими по своему желанию. Есть отдельные дисциплинарные суды для партии, для СА, для СС, для Трудового фронта. Есть общественные суды чести для работодателей и наемных работников и дисциплинарные суды для бизнеса. Служба труда имеет свои собственные суды. Были восстановлены военные суды. И прежде всего есть народные суды (закон 24 апреля 1934 г.), состоящие, как сказал вице-президент Берлинского народного суда, из судей, «которые являются прежде всего политическими деятелями и только потом судьями».⁹⁵ Действительно, трудно назвать членов этих судов судьями; только двое из них пришли из рядов судебной власти, остальные — высшие чиновники СС или офицеры. Ответчик не имеет никакого права выбирать адвоката, представлять доказательства, апеллировать или добиваться гласности. Есть, наконец, специальные суды, только что названные (*Sondergerichte*). Установленная 20 ноября 1938 г., их юрисдикция непрерывно расширялась, и прокурор может теперь отправить в них любое дело, какое он пожелает. Здесь также права ответчика являются почти несуществующими.

Все эти процессы были ускорены после начала войны. Указ 11 сентября 1939 г. создал специальное подразделение внутри федерального Верховного суда, в которое прокурор по приказу вождя

⁹⁵ *Karl Engert* (вице-президент народного суда в Берлине). *Stellung und Aufgaben des Volksgerichtshofes* // DR. 1939. P. 485; Также интересно: *Lämmle* (член Народного суда в Берлине). *Die Rechtsstellung des Volksgerichtshofs in der deutschen Rechtspflege* // *Juristische Wochenschrift*. 1938. P. 2569–2572.

может представить любое уголовное дело, которое он считает достаточно важным, чтобы пропустить суды низшей инстанции. Он может также просить это специальное подразделение вновь открыть любое дело (до этого еще не рассмотренное народным судом) в течение года после того, как решение стало окончательным, если у руководства есть серьезные возражения на приговор. Такой запрос обязателен для суда, и поэтому именно обвинитель фактически определяет окончательное решение, обычно высшую меру наказания. Первое дело, которое рассматривалось специальным подразделением, было делом об изнасиловании, совершенном гомосексуалистом, и, как официальный комментатор заявляет, требование прокурора о смертной казни было удовлетворено в соответствии с принципом руководства, хотя обвиняемый ранее и получил более умеренный приговор.⁹⁶

Непрофессиональные судьи полностью исчезли из области уголовного судопроизводства, за исключением народных судов. Так называемые жюри, состоящие из трех судей и шести присяжных, больше не существуют. Права защитника были фактически отменены, и уголовное право было ужесточено даже против подростков (4 октября 1939 г.).⁹⁷ Было создано много новых преступлений, как правило, с высшей мерой наказания. Каждая попытка или подготовка к политическому преступлению наказуема смертью. Согласно указу 1 сентября 1939 г., намеренное прослушивание иностранных радиопередач наказуемо тюремным заключением или смертью, и федеральный Верховный суд постановил, что даже слушание иностранной музыки является преступлением в пределах смысла указа.⁹⁸ Другой указ (5 декабря 1939 г.), касающийся жестоких преступлений (*Gewaltverbrecher*), обещает смертную казнь любому «преступнику, который свой асоциальный эгоизм приводит в действие посредством насилия и с этой целью использует определенное оружие или другие опасные средства».⁹⁹ Никакого различия не проводилось между преступником и соучастником, между попыткой и осуществленным деянием.

⁹⁶ Решение от 6 декабря 1939 г. // ZA. 1940. P. 48.

⁹⁷ Обзор: *Edmund Mezger. Kriebsstrafrecht und Kriebsstrafverfahrensrecht* // ZA. 1940. P. 59–62.

⁹⁸ Решение от 27 августа 1940 г. // ZA. 1940. P. 376.

⁹⁹ *Alfred Kayser. Schärfster Kampf dem Gewaltverbrecher* // DR. 1940. P. 345.

Обратное действие и отмена территориального принципа теперь универсальны. В применении и интерпретации позорного раздела 2 федеральный Верховный суд, следуя доктринам расового империализма, расширил немецкое уголовное право далеко за пределы границ Германии. Указ 20 мая 1940 г. разрешает преследование врагов Германии, которые попадают в ее руки, независимо от их национальности или гражданского статуса.

Защитники феноменологической школы победили. Они никогда не определяют преступление; они описывают типы преступников, такие как жестокий преступник, опасный преступник, молодежь, военный спекулянт, и соответствующим образом наказывают. Так, специальному суду в Штутгарте пришлось иметь дело с мелким преступником, который украл 65 марок, напав на жертву с кулаками. Суд вывел из жизненной истории ответчика (наказанного дважды ранее за незначительные преступления) и от его метода нападения, что он был типичным гангстером и профессиональным преступником. Смертный приговор был вынесен, несмотря на то что указ от 5 декабря 1939 г. был применим, только если преступник использовал опасное оружие.¹⁰⁰

Ведущий национал-социалистический авторитет по уголовному праву был, конечно, прав, когда сказал, что «деятельность уголовного суда стала еще более политической».¹⁰¹ Он был прав, когда говорил, что у высшей меры наказания больше нет функции причинения справедливой мести за определенное преступление; это — средство устрашения, и вопрос о его справедливости в каждом конкретном случае больше не имеет первостепенной важности. Он прав, говоря, что становится гораздо труднее различить наказание и другие меры, особенно при лечении подростков; что «вмешательство высших политических властей в судебные слушания» неуклонно возрастает; что самая характерная особенность — устойчивый рост полномочий прокурора; что влияние судебной власти уменьшается частично из-за отмены судебного самоуправления, но еще больше из-за рассеивания юрисдикции. Он предсказывает, что уголовное право и процедура скоро полностью превратятся в административное правосудие и что судья станет только административным чиновником.

¹⁰⁰ 1 февраля 1940 г. // DR. 1940. P. 441.

¹⁰¹ *Georg Dahm. Richtermacht und Gerichtsverfassung im Strafrecht // ZS. 1941 (101). P. 287–308.*

Заслуживает ли такая система названия права? Да, если закон будет просто волей суверена; определенно нет, если закон, в отличие от команды суверена, должен быть рациональным и по форме и по содержанию. Национал-социалистическая правовая система — только техника массовой манипуляции посредством террора. Уголовные суды вместе с гестапо, прокурором, и палачами являются теперь прежде всего практикующими насильниками. Гражданские суды — это прежде всего агенты для исполнения команд монополистических организаций.

БЕГЕМОТ

Мы закончили наше исследование. Мы ни в коем случае не охватили им всю территорию, но доказательств, которые мы собрали, может быть достаточно, чтобы поручиться за интерпретацию имеющих решающее значение аспектов национал-социализма.

1. Имеет ли Германия политическую теорию?

Каждая политическая система может быть охарактеризована своей политической теорией, которая выражает ее структуру и цели. Но если бы нас попросили определить политическую теорию национал-социализма, то мы пришли бы в замешательство. Национал-социализм является антидемократическим, антилиберальным, и глубоко антирациональным. Именно поэтому он не может использовать предыдущую политическую мысль. Даже политическая теория Гоббса к нему не относится. Национал-социалистическое государство — это не Левиафан. Но Гоббс, кроме его «Левиафана», написал также книгу «Бегемот, или Долгий парламент», которую Фердинанд Теннис впервые издал по оригинальной рукописи в Лондоне в 1889 г. «Бегемот», который изображал Англию во времена Долгого парламента, задумывался как картина отсутствия государства, ситуации, характеризуемой полным беззаконием. Левиафан, хотя и проглатывает общество, но проглатывает его не все. Его верховная власть основана на согласии человека. Его оправдание все еще остается рациональным и, как следствие, несовместимым с политической системой, которая полностью жертвует человеком. Это было ясно Карлу II, который сжег «Ле-

виафана»; Кларендон суммировал для него смысл книги в следующих словах: «Я никогда не читал книги, в которой было бы так много мятежа, измены, и непочтительности». Это было столь же ясно и современникам Гоббса, особенно Йохану Фридриху Хорну, немецкому реакционному политическому теоретику, который чувствовал революционное значение политической теории, выведившей верховную власть из соглашения людей. «Левиафан» Гоббса также сохраняет остатки верховенства закона. Закон должен быть общим и не должен иметь обратной силы. Вся власть суверена для Гоббса — это просто часть договоренности, по которой суверен должен выполнять свои обязательства, то есть сохранять порядок и безопасность так, чтобы могла быть реализована «свобода покупать и продавать и иным образом договариваться друг с другом; выбирать свое собственное местожительство, свое собственное питание, свой собственный образ жизни и воспитывать своих детей так, как каждый считает нужным».¹ Если суверен не может выполнить свою сторону договоренности, он утрачивает свой суверенитет. Такая теория имеет мало общего с национал-социализмом, в высшей мере абсолютистским.

Не заимствует национал-социализм свою философию и у французских, испанских, немецких и английских контрреволюционных сочинителей, таких как Де Местр, Бональд, Доносо Кортес, Берк и Ф. Шталь. Их философия имеет определенные общие черты с национал-социализмом, особенно пессимистическое представление о человеке. Берк считает людей «несчастливыми овцами, ведомыми своими пастухами»,² если пастухи бросят их, люди станут жертвами другой страсти и «добычей самозванцев». Де Местр разделяет с национал-социализмом отрицание демократической теории и недооценку индивидуальных усилий: «человек, вставший на свои собственные ноги, породил бы только грязь, беспорядок, и разрушение».³ «Человеческий разум, сведенный к его индивидуальным силам, — это только живот-

¹ *Thomas Hobbes. Leviathan / Ed. Molesworth. Vol. III. Part II, ch. 21. P. 199.* Следующие замечания о политической мысли национал-социализма основаны на моей неопубликованной рукописи «*The Governance of the Rule of Law*», написанной в 1936 г., доступной в Лондонском университете.

² *Burke. Works. Vol. III. P. 63.*

³ *De Maistre. Oeuvres complètes. Lyon, 1891–1892. Vol. II. P. 167.*

ное, которое следует уничтожить любыми средствами».⁴ Бональд отрицает, что политическая власть находится в руках народа, и он считает народ амбициозным и злым.⁵ Свобода, равенство, братство, или смерть — этот лозунг был в моде во время революции. Свобода помогла покрыть всю Францию тюрьмами; равенство — приумножить титулы и декорации; братство нас разделило; успеха добилась только смерть.⁶ Таков был его анализ свершений Французской революции. Мы уже говорили о Доносо Кортесе, его осуждении либерализма и демократии и лежащей в их основе философии человека. Фридрих Юлиус Шталь, основатель прусской монархической теории, рассматривал всю историю как борьбу между двумя силами: революционной и контрреволюционной, и он полагал, что революция внутренне присуща любой политической теории, которая выводит власть государства из человеческого разума. «Революционная сила противопоставляет гражданское общество естественному состоянию и таким образом освобождает человека от всех традиций закона и обычая, она возвращает упорядоченное общество к изначальному хаосу и берет из этого хаоса стандарты, по которым оценивается общественный строй. Революция разрушает всю общественную ткань государства, разрушает нравственный строй нации и не оставляет ничего, кроме прав индивидов и их взаимной безопасности. Сущность революции — отрицание авторитета власти и ее прав; этот авторитет революция находит в воле народа. Естественное право от Гроция до Канта — это научная основа революции.⁷ Это отрицание разума, гражданских прав, равенства, и самоопределения народа — все это национал-социализм разделяет с контрреволюционерами, и все же между ними есть непреодолимая пропасть. Берк не хотел изменять основы английского общества, он хотел сохранить их. Де Местр, Бональд и Донозо Кортес были пылкими католиками. Для них суверенитет принадлежал церкви, а не светским властям, и, следовательно, их теории, несмотря на августинский привкус, были рациональными. Они не могли отрицать и не отрицали, что человек, хотя и

⁴ Ibid. Vol. I. P. 367.

⁵ Bonald. *Mélanges Littéraires...* Vol. II. Paris, 1854. P. 410.

⁶ Ibid. *Pensées sur divers sujets // Du Divorce*. Paris, 1858. P. 360.

⁷ Stahl. *Über die gegenwärtigen Parteien in Staat und Kirche*. Berlin, 1883.

слабый сегодня, мог бы после того, как сила церкви будет полностью восстановлена, стать совершенно свободными. Шталь⁸ был юридическим позитивистом, который полагал, что монархия и протестантская церковь имеют идентичные интересы, который выводил законность государства из этой идентичности интересов и который никогда не отрицал необходимости *Rechtsstaat*, государства, основанного на законе, неизбежно гарантирующего права индивида. Христианские контрреволюционные теории поэтому также несовместимы с национал-социализмом. В результате процесса отделения церкви от государства стало невозможно оправдывать политическую власть ссылками на Бога и церковь. Единственная современная попытка найти политическую власть у Бога — австрийская конституция 1 мая 1934 г., провозглашенная Дольфусом, который стал, если можно так выразиться, «викарием Бога на земле». Эта попытка была разрушена изнутри даже до того, как Австрия была завоевана. Но даже помимо процесса отделения церкви от государства, христианство и национал-социализм в сущности несовместимы. Согласно национал-социализму, люди иррациональны и неравны, и это отделяет его даже от наименее рационалистической теологии Св. Августина и Кальвина.

Национал-социализм ближе всего соприкасается с политической теорией Реставрации (периода после Французской революции), особенно с теорией К. Л. фон Халлера,⁹ который рассматривает государство как естественный факт и в то же самое время как божественное учреждение, который допускает господство сильного над слабым и отрицает гражданские права, парламент и человеческий разум. Уже Гегель осудил этот тип политической философии как «фанатизм, умственную отсталость и лицемерие».¹⁰ И все же даже слабоумие Халлера, как и всех консервативных традиционных теорий, еще слишком рационально для национал-социализма. Халлер все еще признает «естественную», хотя и старомодную и устаревшую структуру общества. Это опять-таки вхо-

⁸ *Herbert Marcuse. Reason and Revolution, Hegel and the Rise of Social Theory.* New York, 1941. P. 360–373.

⁹ *Haller. Restauration der Staatswissenschaft.* — Первая публикация в 1816 г.

¹⁰ *Philosophy of Right / Transl. S. W. Dyde.* London, 1896, sec. 258. Note. P. 244.

дит в противоречие с полным отрицанием национал-социализмом феодальных пережитков в обществе.

Известные абсолютистские или контрреволюционные теории не подходят национал-социализму, потому что у национал-социализма есть черты, радикально отделяющие его от них и потому что у него нет никакой теории общества.

Идеология национал-социализма содержит элементы идеализма, позитивизма, прагматизма, витализма, универсализма, институционализма — короче говоря, любой возможной философии. Но эти разнообразные элементы не объединены, они просто используются в качестве механизмов, устанавливающих и расширяющих власть и продолжающих пропаганду. Распространенные интерпретации национал-социалистической идеологии страдают двумя большими недоразумениями. Первое — это отождествление национал-социализма с гегельянством. Мы показали несовместимость рациональной политической философии Гегеля с национал-социализмом, и книга Герберта Маркузе¹¹ предоставляет блестящее опровержение этой ошибочной интерпретации.

Мы не должны совершать и вторую ошибку, ошибку отождествления национал-социализма с релятивизмом, позитивизмом или прагматизмом. Верно, что Муссолини допускал, что он многим обязан релятивизму и прагматизму:

«В Германии релятивизм — чрезвычайная дерзость и разрушительная теоретическая конструкция (возможно, философская месть Германии, которая может объявить о военной мести). В Италии релятивизм — это простой факт. Фашизм — сверхрелятивистское движение, потому что он никогда не пытался облачить свою сложную и мощную умственную позицию определенной программой, но руководствовался своей всегда меняющейся индивидуальной интуицией. Все, что я говорил и делал за эти последние годы, — это интуитивный релятивизм. Если релятивизм означает конец веры в науку, распад этого мифа о «науке», которую представляют как открытие абсолютной истины, то я могу гордиться тем, что применил релятивизм к анализу социализма. Если релятивизм означает презрение к застывшим категориям и людям, которые утверждают, что были носителями внешней объективной истины... тогда нет ничего более релятивистского,

¹¹ Примеч. ⁸ на с. 568.

чем фашистская позиция и деятельность.... Мы, фашисты, всегда выражали наше полное безразличие ко всем теориям.... мы, фашисты, имели мужество отказаться от всех традиционных политических теорий, и мы являемся и аристократами и демократами, и революционерами и реакционерами, и пролетариями и антипролетариями, и пацифистами и антипацифистами. Достаточно иметь единственный устойчивый пункт: нацию. Остальное очевидно... Из того факта, что все идеологии имеют равную ценность, что все идеологии являются простыми фикциями, современный релятивист делает вывод, что каждый волен создавать для себя свою собственную идеологию и пытаться следовать ей со всей возможной энергией».¹²

На самом деле это чрезвычайно поучительная цитата из Муссолини. Она показывает, что его так называемый релятивизм, который ничего общего не имеет с философским релятивизмом или прагматизмом, представляет собой всего лишь цинизм и нигилизм. То, что фашизм подразумевает под своей похвалой релятивизму, — что он использует любые теории в качестве механизмов. Мы также знаем из биографии Муссолини, написанной Г. Мегаро,¹³ что обращения фашистского лидера к великим образцам делаются для отвода глаз, и что об этих образцах время от времени упоминается лишь для того, чтобы придать фашистской доктрине академическую репутацию.

Верно, что релятивизм и прагматизм содержат авторитарные элементы. Отрицая ценность объективной истины, они могут проложить путь к обожествлению существующего. Но в то же самое время они разоблачают теории; они являются критическими доктринами, опровергающими высокомерные требования посткантианского идеализма, который, как мы показали, скрывает само одобрение данного, перенося все решающие проблемы в ту же самую сферу метафизики. Позитивизм и прагматизм поклоняются только установленным фактам и, таким образом, требуют свободы устанавливать и анализировать их. Такую свободу действительно предоставляет национал-социализм — но только естественным наукам, а не гуманитарным наукам и не наукам об обществе. Ни-

¹² Diuturna. Milano, 1924. P. 374–377 («Relativismo e Fascismo»). (Diuturna — это собрание главных статей, написанных Муссолини и изданных В. Морелло.)

¹³ Mussolini in the Making. Boston and New York, 1938.

какая философия не может считаться ответственной за национал-социализм.

Национал-социализм, повторим, несовместим с любой рациональной политической философией, то есть с любой доктриной, которая выводит политическую власть из воли или нужд человека. То, что это так, достаточно, я считаю, доказывает сама структура национал-социалистического общества. В ней существует фундаментальный антагонизм между производительностью немецкой промышленности, ее способностью обеспечивать благосостояние народа и ее фактическими достижениями, и этот антагонизм неуклонно углубляется. Последние восемь лет огромная индустриальная машина, постоянно расширяющаяся, работала исключительно на разрушение. Обещания, данные режимом массам, конечно, благозвучны, но многие из них были нарушены, и каждый существенный пункт программы партии был принесен в жертву. Этот антагонизм должны чувствовать массы, которые не просто дети, заблудившиеся в лесу, но имеют за собой давнюю традицию, наполняющую их критическим духом и дающую им знание, что первичный факт современной цивилизации — этот самый антагонизм между экономикой, которая может производить изобилие и давать благосостояние, но которая производит только разрушение.

В такой ситуации мышление является фатальным для режима — в этом и ведущий позитивист, и ведущий антипозитивист согласятся.¹⁴ Мышление, если оно будет дозволено, обернулось бы против угнетения и несправедливости. Когда Джон Стюарт Милль написал свое эссе об Иеремии Бентэме, он озаглавил одну из его глав «Опасность спрашивать почему».¹⁵ Утилитаризм Бентэма отвергался обществом, которое чувствовало, что критический анализ был опасен для его существования. В национал-социалистической Германии мышление любого рода, позитивистское или прагматическое, идеалистическое или нет, неизбежно должно оказывать критическое и революционное влияние.

Национал-социализм не имеет никакой рациональной политической теории. Но имеет ли он антирациональную теорию, и

¹⁴ *Bertrand Russell. The Revolt against Reason // Political Quarterly. 1935. P. 5. Max Horkheimer. Zum Rationalismustreit in der gegenwärtigen Philosophie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1934 (3). P. 1.*

¹⁵ *Dissertations and Discussions. 3rd ed. Vol. I. P. 332.*

существует ли вообще такая антирациональная теория? Мы считаем, что нет. Есть нерациональные религиозные теории и есть нерациональная магия. Но политическая теория не может быть нерациональной. Если она утверждает, что является нерациональной, то это — сознательная уловка. «И здесь поднимается... кровь против формального разума; раса против целеустремленной рациональности; честь против пользы; единство против индивидуалистического распада; воинская добродетель против буржуазной безопасности; народ против индивида и массы».¹⁶ Это описание национал-социалистической философии одним из ведущих национал-социалистических философов Эрнстом Криком, теперь профессором в Гейдельберге, можно считать заслуживающим доверия. Мы во многих случаях пытались показать, что так называемые нерациональные понятия, кровь, общность, народ являются механизмами, скрывающими реальную конфигурацию власти и позволяющими манипулировать массами. Харизма вождя, превосходство расы господ, борьба пролетарской расы против плутократии, протест народа против государства — это сознательно применяемые хитрости. Не будет преувеличением сказать, что национал-социализм действует согласно самому рациональному плану, что каждое заявление его вождя продумано, а его воздействие на массы и на окружающий мир заранее тщательно взвешено.

От предыдущих политических систем, которые испытывают недостаток в теоретическом оправдании и которые были распространены в период основания итальянских городов-государств и в начале семнадцатого столетия, национал-социализм отличается его обращением к народу.¹⁷ Мы видели, что национал-социализм пришел к власти при поддержке масс. После того как общество прошло фазу крупномасштабной демократии, обращение к массам и их поддержка становятся обязательными. Ни одна политическая система не может ни на чем не основываться и не может полностью стереть прошлое. Каждая новая политическая система должна включить в себя определенные аспекты прошлого. Национал-социализм преобразовал институциональную демокра-

¹⁶ Ernst Kriek. Nationalpolitische Erziehung. 14th ed. Leipzig, 1933. P. 68.

¹⁷ Это явление наблюдалось в: Carlton J. H. Hays. The Novelty of Totalitarianism in the History of Western Civilization // Symposium on the Totalitarian State (American Philosophical Society). Philadelphia. 1940. P. 91–102.

тию Веймарской республики в церемониальную и магическую демократию,¹⁸ и такое направление развития стало необходимым в силу требований тоталитарной войны, во время которой различия между гражданскими лицами и солдатами уничтожаются, и гражданские лица страдают даже больше, чем солдаты. Социализация опасности, как Гарольд Лассуэлл точно определил эту ситуацию, более чем когда-либо требует полного контроля над всей массой людей и над каждым аспектом их индивидуальной жизни. Наконец, чтобы управлять массами, чтобы контролировать, атомизировать, терроризировать их, нужно овладеть ими идеологически.

Национал-социализм оживил методы, обычные для четырнадцатого столетия, когда были основаны первые современные государства — итальянские города-государства. Он вернулся к раннему периоду государственного абсолютизма, когда «теория» была простым *arcanum dominationis*, техникой за пределами правильного и неправильного, суммой механизмов для удержания власти. Лидеры итальянских городов-государств в четырнадцатом столетии, Макиавелли, немецкие юристы начала семнадцатого столетия (такие, как Арнольд Клапмар) были мастерами этого искусства. Исследование Арнольда Клапмара «*De arcanis rerum publicarum*» (1605 г.) обнаруживает поразительное сходство с национал-социализмом в превращении мышления в пропагандистские приемы.

Примечательно, что четырнадцатое столетие увидело первую попытку установить своего рода фашистскую диктатуру. Эта попытка была предпринята в Риме в то время, когда город подвергся острому экономическому кризису в результате перемещения папства в Авиньон, и стал добычей немецкого императора и правителя Неаполя. Разрывавшийся в борьбе между двумя знатными семействами Колонны и Орсини, населенный обедневшей массой оборванцев, которые ясно помнили свое великолепное прошлое, Рим стал идеальным основанием для деятельности демагога Колы ди Риенцо. Этот сын бедного владельца гостиницы и прачки был самоучкой; посредством тяжелого труда он стал ученым и был первым, кто исследовал руины Рима. Его план достижения власти был поддержан богачами материально; он также тщательно разви-

¹⁸ *Harold D. Lasswell. The Garrison State // The American Journal of Sociology. 1941 (46). P. 455–468, esp. p. 462.*

вал и тщательно скрывал свои связи с папой римским. В то же самое время он умело эксплуатировал разочарование значительных слоев римского населения, и пропаганда была одним из его самых мощных орудий массового господства. Огромные аллегорические картины на стенах домов, уличные демонстрации, празднования магических церемоний, горячие и страстные речи, наполненные аллегорическими и историческими размышлениями о славе Рима, обещания избавить от господства знати были его арсеналом. Вся карьера Колы ди Риенцо была отмечена той же самой смесью хитрости и страсти, которая может наблюдаться и в новейшей истории Германии.

Римская знать отказывалась воспринимать его серьезно, хотя — или, возможно, именно поэтому — он открыто выражал свои цели. Но буржуазия видела в Коле ди Риенцо своего спасителя от разрушения и беспорядков. Богатые сыновья торговцев, которые никогда не признавались знатью, перешли на его сторону. В праздник Троицы в 1347 г. Кола созвал так называемый римский парламент народа и провозгласил свою диктатуру — в соответствии с конституцией. Его методы захвата и отправления близки тому образцу, который был знаком и национал-социализму: драконовские законы, решительная чистка судебной власти и бюрократического персонала, создание сильной армии. Он приказал, чтобы коррумпированных чиновников проводили по улицам, облачая их в нелепые одеяния и выставляя на посмеище перед населением. Тюрьмы были переполнены, специальные суды работали сверхурочно, число смертных приговоров возросло. Знать покорилась его правлению и поклялась в преданности. Полное единство римского народа казалось восстановленным, тем более что все привилегии знати были отменены. В конце он был свергнут теми же самыми классами, которые он обещал уничтожить, но фактически сделал еще более сильными. После его крушения он вступил в заговор с францисканскими монахами и принял харизматическую доктрину Иоахима Флорского, стремясь осуществить «Третью империю», царство духа.

Есть и другие исторические прецеденты, хотя ни один из них так не интересен, как короткое царствование Колы ди Риенцо, потому что оно имело место еще во времена расцвета современного государства. Диктатура Наполеона III, объявленная 2 декабря 1851 г., также характеризовалась идеологической лестью массам и их фактической изоляцией и распылением. Авторитар-

ный контроль над объединениями рабочих, введение трудовых книжек, создание проектов общественных работ шло рука об руку с непрерывными заявлениями императора о его любви к рабочим.

В этих двух случаях — и во многих других¹⁹ — мы сталкиваемся с массами, положение которых стало невыносимым. Эти массы демонстрируют революционные тенденции, их негодование против их правителей возрастает, поскольку они понимают свою неудовлетворенность. Современный фашистский лидер направляет волнения в такое русло и таким способом, что материальные основы общества остаются нетронутыми. В наше время это может быть сделано только путем замены мышления магическими церемониями не только в публичных праздниках, но и в повседневной жизни. Чтобы достичь этой цели, изоляция индивида, характерная для современного общества, усиливается до предела с помощью огромной сети бюрократических организаций и оппортунистической, бесконечно эластичной идеологии.

Эти соображения вынуждают нас прийти к заключению, что у национал-социализма нет никакой собственной политической теории и что идеологии, которые он использует или отвергает, являются простыми *arcana dominationis*, технологиями господства. Если это верно, то необходимо, по моему мнению, предположить, что немецкое руководство — единственная группа в сегодняшней Германии, которая не относится к своим идеологическим заявлениям серьезно и хорошо осведомлена об их чисто пропагандистском характере.

2. Действительно ли Германия — государство?

Но если у национал-социализма нет никакой политической теории, то является ли его политическая система государством? Если государство будет характеризоваться верховенством закона, то наш ответ на этот вопрос будет отрицательным, так как мы отрицаем, что в Германии существует закон. Можно утверждать, что

¹⁹ Сравните отличный анализ: Max Horkheimer. Egoismus und Freiheitsbewegung // Zeitschrift für Sozialforschung. 1936 (5). P. 161–231.

государство и закон не идентичны, что могут быть государства без закона. Государство, однако, каким оно возникло в Италии, задумывалось как рационально действующая машина, располагающая монополией принудительной власти. Идеологически государство характеризуется единством политической власти, которой оно владеет.

Я сомневаюсь, существует ли в Германии государство даже в этом ограниченном смысле. Утверждают, что национал-социализм — это двойственное государство, то есть фактически одно государство, в котором работают две системы, одна в соответствии с нормативным правом, другая — по индивидуальным мерам, одна рациональная, другая — сфера прерогатив.²⁰ Мы не разделяем это представление, потому что мы полагаем, что в Германии нет никакой сферы права, хотя есть тысячи технических правил, которые в известной мере предсказуемы. Мы полагаем, что монополисты, имея дело с немонаполистами, полагаются на индивидуальные меры, а в своих отношениях с государством и с конкурентами на компромиссы, которые определяются целесообразностью, а не законом. Кроме того сомнительно, обладает ли национал-социализм единой принудительной машиной, если мы не принимаем теорию руководства за истинную доктрину. Партия независима от государства в вопросах, имеющих отношение к полиции и молодежи, но везде государство стоит выше партии. Во многих областях верховной властью обладает армия; бюрократия является неконтролируемой, и сильные позиции удалось завоевать промышленности. Можно было бы сказать, что такие антагонизмы характерны как для демократии, так и для национал-социализма. Предположим все же, что есть одно решающее различие. При демократии и при любой иной конституционной системе такие антагонизмы внутри правящих групп должны решаться универсально приемлемым способом. При абсолютизме король — настоящий законодатель; в его личности фактически объединена законодательная, исполнительная и судебная власть. Когда его безусловное требование вступает в конфликт с действительностью, государство распадается, как Франция перед революцией 1789 г., когда король обладал абсолютной властью только номинально, в то время как власть осуществлялась бюрократией, феодалами, судами, высшими слоями буржуазии, и все они оже-

²⁰ *Ernst Fraenkel. The Dual State. New York, 1941.*

сточенно сражались друг с другом. При абсолютной монархии, при конституционной системе и при демократии компромиссы между различными группами требуют и получают универсальную законность. Если государству необходимо скоординировать и ассимилировать сотни и тысячи индивидуальных и групповых конфликтов, то процесс должен быть завершен универсально приемлемым способом, то есть через абстрактный рациональный закон или по крайней мере через рационально действующую бюрократию. При национал-социализме, однако, все общество организовано в четыре жесткие централизованные группы, каждая из которых действует по принципу руководства, каждая со своей законодательной, административной и собственной судебной властью. Ни универсальный закон, ни рационально действующая бюрократия не нужны. Компромиссы между этими четырьмя авторитарными органами не нуждаются в том, чтобы быть выраженными в юридическом документе, их не нужно институционализировать (как и «джентльменские соглашения» между монополистическими отраслями промышленности). Вполне достаточно, чтобы руководство этих четырех сил неформально согласилось с определенной политикой. Четыре тоталитарных органа тогда будут проводить ее в жизнь при помощи механизмов, имеющихся в их распоряжении. Нет никакой потребности в государстве, стоящем выше этих групп; государство может даже быть помехой для компромиссов и для господства правящих классов. Решения вождя — просто результат компромиссов между этими четырьмя руководящими группами. Министерский совет государственной защиты не имеет никакого исполнительного аппарата, отличающегося от аппаратов этих четырех сил правящего класса.

Таким образом, внутри национал-социалистической политической системы невозможно обнаружить никакой орган, который монополизировать политическую власть.

Самые выдающиеся национал-социалистические юристы, Райнхард Хен²¹ и Готтфрид Нессе,²² отклоняют само понятие государства, и их идеи встречают широкое одобрение.²³ Оба

²¹ Höhn. Die Wandlung im staatsrechtlichen Denken. Hamburg, 1934.

²² Neesse. Führergewalt. Tübingen, 1940.

²³ Roger Diener. Reichsproblem und Hegemonie // Deutsches Recht. 1939. P. 551–566.

отвергают понятие государственного деятеля как простую либеральную конструкцию, поскольку, если понятие государства принимается, доказывают они, то те, кто осуществляет его власть, и являются его органами. Согласно их точке зрения, политическая власть Германии коренится в вожде, который является не органом государства, но олицетворением общности, и действует не как ее орган, но как его персонификация. Нессе различает три независимые власти равного ранга, партию, армию и государство (под которым он имеет в виду бюрократию); над ними вождь, «действующий не только ради народа и вместо него, но и как народ».²⁴ Он использует партию, армию и государство как свои инструменты только потому, что он не может все делать лично. Нас беспокоит не софистика этой новой теории пресуществления, подразумевающего идентификацию вождя и народа, а скорее последствия, вытекающие из такой теории. Эта передовая национал-социалистическая конституционная теория, хотя и оспаривавшаяся даже Карлом Шмиттом,²⁵ ясно признает, что не государство объединяет политическую власть, но три (по нашему представлению, четыре) сосуществующие политические силы, объединение которых не институционализируется, но только персонифицируется. Можно с готовностью признать, что в конституционном праве, как в любой другой области, теории общности народа и руководства — простой щит, прикрывающий полномочия чрезвычайно раздутых бюрократических машин. Но по меньшей мере зерно истины может содержаться в этих теориях, а именно, что трудно дать название государства четырем группам, вступающим в сделку. Фактически, за исключением харизматической власти вождя, нет никакой власти, которая координирует эти четыре силы, никакого места, где компромисс между ними может быть достигнут на универсальной надежной основе.

Но если национал-социалистическая структура не государство, то что это? Я рискую предположить, что мы сталкиваемся с основой общества, в котором правящие группы прямо управляют остальной частью населения, без посредничества такого рационального, хотя и принудительного аппарата, который до насто-

²⁴ Neesse. Op. cit. P. 54.

²⁵ Der Reichsbegriff in Völkerrecht // Deutsches Recht. 1939. P. 341–344.

ящего времени известен как государство. Эта новая социальная форма полностью еще не понята, но существует тенденция, которая и определяет саму сущность режима.

3. Каковы тенденции развития в этой структуре?

То, что есть глубокие антагонизмы внутри правящих классов, мы уже показали. Никакой общей лояльности не существует. Цемент, связывающий их вместе, — это прибыль, власть и прежде всего страх перед угнетенными массами. Но поскольку это так, то может случиться, что одна группа проглотит другую или все остальные. Вполне может быть, что национал-социализм находится на пути к становлению «гарнизонного государства», которое Гарольд Ласс²⁶ прекрасно определяет как государство, управляемое при помощи одних лишь практик насилия. Может произойти, что партия в случае конфликта экспроприирует промышленность. Означает ли это конец капитализма? Я так не думаю. Германия тогда вновь вступила бы в новый период первоначального накопления, период, где капитал накапливается не в процессе производства, а одним только насилием и террором, то есть политическими средствами. Даже сегодня система демонстрирует многие признаки первичного накопления, таких как отчуждение еврейской собственности в пользу арийцев, германизацию и основание предприятий Геринга. Тогда возникнет новый класс капиталистов, и политическая власть партии будет тогда полностью укоренена в процессе производства. Правящий класс тогда будет компромиссной структурой не четырех групп, но, возможно, только двух, армии и партии.

Но в то время как то, что мы понимаем под первоначальным накоплением, сопровождается процессом гигантской экспансии, неслыханным высвобождением всех производительных сил, фашистское первоначальное накопление указывает на конец этого процесса. Завоевание экономического могущества чисто террористическими средствами становится неизбежным, так как по многим причинам, которые мы уже привели, невозможно подняться по социальной лестнице только тяжелым трудом и деньгами.

²⁶ *Lasswell. Op. cit.*

Хотя такое направление развития и возможно, оно маловероятно. Армия — это не национал-социалистическая группа, хотя многие армейские лидеры могут заискивать перед Гитлером. Она все еще во власти своей собственной рациональности. Ее тесные связи с монополистической промышленностью, с аграриями и с высшей министерской бюрократией известны и уже были рассмотрены. Если Германия победит в войне, престиж и власть армии резко увеличатся, и партия уже не осмелится встать на путь полной экспроприации. Тот или иной монополист может, как Тиссен, пасть в качестве предупреждения другим и в качестве уступки партии, но маловероятно, что в случае победы существующая структура немецкого общества существенно изменится.

Гораздо более важными являются антагонизмы между правителями и управляемым. Здесь объективно существует глубокий антагонизм между двумя классами. Приведет ли он к социальному взрыву и когда, мы не знаем. Но в пределах этого универсального и главного классового антагонизма существуют бесчисленные трещины в системе, о которых мы должны упомянуть. Самый глубокий конфликт явится результатом антагонизма между магическим характером пропаганды и полной рациональностью и деперсонализацией общества. Процесс производства не является магическим, он рационален. Изменения в процессе производства создаются не прикосновением к флагу и не произнесением церемониальных слов, но работой. Они не просто случаются, они делаются человеком. Режим пытался и будет пытаться помешать появлению идеологии, соответствующей рациональному процессу труда, но эта попытка безнадежна. Она может пробудить только презрение и цинизм. Согласно некоторым наблюдателям национал-социалистической Германии, мы уже достигли стадии, где обожествление руководства и общности рассматриваются как то, чем они на самом деле и являются: как полная чушь.

Кроме этого общего антагонизма есть и другие изъяны в системе массового господства, прежде всего конфликт между ударными отрядами и аморфными массами. Этот процесс наблюдается и в армии, и в промышленности, и он может достичь значительных пропорций. Два из самых проницательных наблюдателей современной войны уже указывали на внутренний конфликт между растущим значением инициативы отдельных солдат, и бюрокра-

тизацией массовой армии.²⁷ Национал-социалистическая война в большей степени, чем когда-либо, должна основываться на смелости, умении и инициативе солдата и сержанта — но в то же самое время практикуется и полный авторитаризм, то есть твердый контроль сверху.

Подобное явление заметно и в процессе производства. Утверждают, что Германия — это земля инженеров, и что изобретательному и организационному умению инженера больше не препятствует мотив прибыли.²⁸ Это только частично верно; прежде всего, это не означает, что инженер стал правителем и что капитализм подошел к концу. Это просто выражает потребность экономики, испытывающей нехватку сырья и трудовых ресурсов, создавать заменяющие материалы и рационализировать производительный процесс, какими бы ни были затраты. Но даже если мы предположим, что в течение этих последних восьми лет инженер не был скован внешними препятствиями, то позже он будет представлять собой (опять же при условии немецкой победы) самую серьезную трещину в здании режима. Инженер занимается самой рациональной профессией, и он знает, какими благотворными силами производственная машина может владеть. Каждый день он видит, как эта машина становится инструментом разрушения, а не благосостояния. Конфликт между потенциальной возможностью и действительностью, если можно так выразиться, ежедневно разворачивается перед его глазами. Если Германия даже после поражения Англии и России продолжит перевооружаться, чтобы завоевать мир — и мы попытались доказать, что непрерывная агрессивная экспансия является внутренне присущей системе в целом — этот антагонизм будет ежедневно становиться все более угрожающим. Но если Германия после поражения оппозиции сосредоточится на своем хозяйстве и откажется от дальнейшей экспансии, тогда возможности инженера будут вновь скованы, а технический прогресс будет, вероятнее всего, обращен вспять, чтобы обеспечить достаточную занятость. Мы полагаем, что антагонизм между инженером, под которым мы понимаем всех техников и мастеров, и тоталитарным монополистическим капитализмом является одним из решающих изъянов режима.

²⁷ *Max Verner. Battle for the World. New York, 1941. P. 12; Tom Wintringham. New Ways of War. London, 1940.*

²⁸ *Carl Dreher. Why Hitler Wins // Harper's Magazine. October, 1940.*

Этот конфликт идет вглубь, он проникает в весь рабочий класс. Власть квалифицированного рабочего выросла. Он стал, правда, еще более взаимозаменяемым. Отношение между произведенной обрабатываемой деталью и его трудом полностью растворяется в высокорационализированной машине, но отношение между ним и трудовым процессом сохраняется в прежней форме. Антагонизм, испытываемый инженером, повторяется в крупном масштабе. Хотя число квалифицированных рабочих может уменьшиться и соотношение рабочих со средней квалификацией и низкой квалификацией продолжают увеличиваться, власть квалифицированного труда растет, поскольку он удерживает ключевые позиции в индустриальной машине. Режим может попытаться развратить квалифицированного рабочего, он попытается удовлетворить его требования за счет больших масс рабочих низкой квалификации. Он продолжит разрушать солидарность везде, где он с нею будет сталкиваться. Он уничтожит все сходства, являющиеся результатом совместной работы. Но добьется ли он успеха? Будет ли более высоко квалифицированный рабочий, зная о своей заменимости, понимая возможности индустриального аппарата, удовлетворен режимом, который использует эти возможности для угнетения и террора? Если мы полагаем, что человек является злым существом, если эгоизм — это единственный стимул человека, перспективы оказываются довольно мрачными. Но человек не плох и не хорош, он формируется в его культурном и политическом опыте.

Что это за опыт? Превращение культуры в пропаганду имеет далеко идущие последствия для режима — последствия, которых он не желает, но которых он не сможет избежать. Конфликт между псевдосоциалистической идеологией и голыми фактами авторитарного монополистического капитализма должен стать еще глубже. Антикапиталистическая пропаганда содержит внутреннюю динамику, которая на какое-то время может быть остановлена различными механизмами, но которая не может быть остановлена надолго. Даже национализации экономики будет тогда недостаточно. Нельзя будет просто передать собственность государству и сохранить социополитическую систему. Идеология общности, мошенническая, антигосударственная идеология, фиктивная, насколько это возможно, — это, как мы упомянули, формы теории бесклассового общества, хотя, конечно и выродившиеся формы. Своей антикапиталистической и антигосударственной пропаган-

дой режим невольно поддерживает подлинные социалистические тенденции.

Это относится и к псевдоэгалитаризму. Даже поддельный эгалитаризм оставит несмываемые впечатления у тех, для кого он практикуется. Уильям Ширер²⁹ сообщал о равном обращении с моряками и офицерами на немецких линкорах. Многочисленные репортеры рассказывали нам, что твердая дисциплина немецкой армии за пределами времени службы уже ушла в прошлое, что офицеры и солдаты гармонично сосуществуют, что рядовые уже не должны подниматься и стоять по стойке смирно, когда офицеры заходят в ресторан. Мы также знаем, что многие из иерархических групп распались на части не только в армии, но также и в гражданской службе. Солдат или сержант, если им поручена какая-то задача, отвечают за нее сами и не должны терпеть никакого вмешательства сверху, за исключением того, кто отдал приказ. Мы показали, что национал-социалистические ячейки на государственной службе ломают барьеры между академическими и неакадемическими должностями, и что организации чиновников были объединены с военными организациями, прежде состоявшими из рядовых. СА и СС — псевдоэгалитарные органы, как и армия в более крупном масштабе.

Они — псевдоэгалитарные органы, потому что ни одно из требований подлинного равенства не осуществляется. И все же ежедневное повторение требования «равенства для всей немецкой расы», полное уничтожение феодальных пережитков должно в конечном счете привести к требованию о полном и подлинном равенстве. Неакадемический государственный служащий с более высокими качествами, чем его академический начальник, не будет удовлетворен одним лишь заседанием в той же самой ячейке или даже наличием, возможно, более высокого ранга в организации государственной службы — он потребует уничтожения всех барьеров и напоминания о равенстве всей немецкой расы. Рядовые могут потребовать, чтобы были сделаны все выводы из тесной дружбы между чиновниками и солдатами. Никто не может призывать богов и оставаться безнаказанным.

Тот же самый антагонизм проникает и в культуру. «Сила через радость» является организацией досуга, которая использует досуг для работы, но организация несомненно создает потребность

²⁹ *Shirer. Berlin Diary. New York, 1941.*

в подлинной культуре, которую не сможет удовлетворить никакое гарнизонное государство. Культура может развиваться только в условиях свободы, а свобода будет подвергать трудовой процесс критике. Опять же, возможности, свойственные движению «Сила через радость» столь огромны и их фактическое исполнение столь регрессивно, что конфликт должен однажды стать полностью очевидным.

Такова культурная ситуация, которая будет формировать сознание рабочего класса и особенно квалифицированного рабочего, мастера и инженера.

Эти антагонизмы будут перекрещиваться с новым национализмом на завоеванных территориях, который каждый день будет становиться все более сильным и более опасным. Теперь, когда Россия вступила в войну, «национальный» и «социальный» вопрос для обедневших масс в восточной и юго-восточной Европе сольется в одну глубокую и сильную ненависть против немецкого завоевателя.

Таковы изъяны этой системы, которая должна развиваться, даже если Германия выиграет существующую войну.

Но если Германия будет побеждена? Может ли она быть побеждена? Конечно же, может. Но поражение должно планироваться не просто как военный экономический акт, но также и как психологический. Мы попытались показать, что революция в Германии в 1918 г. была вызвана не просто военным превосходством сил союзников в результате вступления Америки в войну, но также и превосходством новой свободы Вудро Вильсона над монархической политической теорией, в которую давно уже прекратили верить. Вильсона приветствовали не только в Италии, Франции, и Англии, в Чехословакии и Польше, и не как президента Соединенных Штатов, но как человека, который дал либеральной демократической идее ее самую точную и самую конкретную формулировку. *Германия больше не верит в эту идеологию.* Это — факт, что психологическая война должна принять во внимание. Идея самоопределения народа была предана не республиканской Германией, а западными державами. Меньшинства в Восточной Европе угнетались, а западные державы ничего не делали». Лига Наций потерпела крах, но не благодаря ошибке демократической Германии. «Демократия была предана немецкими демократами — либералами, социал-демократами, католиками. Одна только политическая демократия не будет принята немцами, тем более что

марксистская и национал-социалистическая критика либерализма и демократии достигла своего завершения. Немец знает, что за политической демократией может быть скрыта экономическая несправедливость. Психологическая война против Германии не будет успешной, если простое *статус-кво* будет окончательной целью.³⁰ Европа должна быть реорганизована. Она не может быть снова разделена на враждебные государства. Потенциальные возможности объединенной Европы должны разрабатываться для благосостояния больших масс. Германия не может быть разделена и порабощена. Мы попытались показать, что нет никакой определенной немецкой черты, ответственной за агрессию и империализм, но что империализм является внутренне присущим структуре немецкой монополистической экономики, однопартийной системе, армии и бюрократии. Чтобы разрушить агрессию, власть монополистической экономики должна быть окончательно сломлена, и экономическая структура Германии должна быть глубоко изменена, вдобавок к уничтожению власти партии, армии, и вышей бюрократии.

Поскольку немец жаждет мира и свободы, справедливости и равенства, поскольку он ненавидит концентрационные лагеря, палачей и СС, поскольку он высмеивает руководство и лживую общность, он никогда не будет удовлетворен *статус-кво*, который вновь отдаст его во власть анархических условий великой депрессии.

Национал-социализм может в психологической области быть побежден только политической теорией, которая окажется столь же эффективной, как национал-социализм, не жертвуя свободами человека. Это — второй постулат психологической войны против Германии, и национал-социалисты также об этом знают. Непрерывная кампания против Англии и Соединенных Штатов, ведущаяся ежедневно национал-социалистической пропагандистской машиной, имеет только одну цель: убедить немцев, что Англия и Соединенные Штаты недемократические государства, что за их демократическим фасадом скрывается власть капитализма, голода и страданий, неравенства и эксплуатации. Национал-социалистическое руководство знает, что, как только Англия и американская демократия покажут себя столь же эффективными, как национал-

³⁰ См. прекрасный анализ: War Aims in War Propaganda // Propaganda Analysis. 1941. Vol. IV, N 27. March 1941.

социализм, и, возможно, даже более эффективными, сохраняя или даже углубляя демократию, то вера в национал-социализм, которая основана на страхе и отчаянии, в конечном счете рухнет. Основное условие для психологической войны против Германии поэтому в том, чтобы процесс демократизации в Англии и Соединенных Штатах не был принесен в жертву, но, наоборот, поощрялся и прогрессировал. Мы знаем, что это трудно. Гораздо сложнее развивать возможности нации на демократической основе, чем на авторитарной; и все же, чтобы искоренить национал-социализм в умах немцев, модель эффективно управляемой демократии будет стоить столько же, сколько и мощная армия.

Изъяны и трещины в системе и даже военное поражение Германии не приведут к автоматическому краху режима. Он может быть свергнут только сознательными политическими выступлениями угнетаемых масс, которые будут использовать трещины в системе.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Ю. Пленков. «БЕГЕМОТ» ФРАНЦА НОЙМАННА — ПЕРВАЯ ПОПЫТКА СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВА ГИТЛЕРА</i>	5
«Бегемот» в исторической перспективе	5
Принципиальная значимость концепции Нойманна	11
Борьба компетенций, институционный дарвинизм — важнейший признак государства в Третьем рейхе	15
Харизма Гитлера в интерпретации Нойманна	20
Интерпретация антисемитизма у Нойманна	22
Заметка о Бегемоте	25
Введение. Крах Веймарской республики	26
1. Империя	26
2. Структура веймарской демократии	33
3. Социальные силы	38
4. Упадок организованного труда	43
5. Контрреволюция	47
6. Крах демократии	57
7. Предварительное резюме	62
Часть первая. Политический образ национал-социализма. Предварительные замечания о значении национал-социалистической идеологии	65
I. ТОТАЛИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО	68
1. Технологии антидемократической конституционной мысли	68
2. Тоталитарное государство	76

3. Синхронизация политической жизни	80
4. Тоталитарное государство во время войны	87
II. ВОССТАНИЕ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ «ДВИЖЕНИЕ»	92
1. Идеологический протест против тоталитарного государства	92
2. Тройственное государство	95
3. Партия и государство	97
4. СС и гитлерюгенд	100
5. Партия и другие ведомства	103
6. Партия и государство в Италии	108
7. Рациональная бюрократия	111
8. Партия как машина	115
III. ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР У ГОСУДАРСТВЕННОГО РУЛЯ	118
1. Конституционная функция вождя	118
2. Лютер и Кальвин	121
3. Короли-чудотворцы	130
4. Психология харизмы	134
IV. НАРОД ИЗБРАННОЙ РАСЫ, ИСТОЧНИК ХАРИЗМЫ	136
1. Нация и раса	136
2. Расизм в Германии	142
3. Антисемитские теории	150
4. Очищение крови и антиеврейское законодательство	153
5. Арийство и еврейская собственность	160
6. Философия антисемитизма	165
V. ВЕЛИКИЙ НЕМЕЦКИЙ РЕЙХ (ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И НЕМЕЦКАЯ ДОКТРИНА МОНРО)	176
1. Средневековое наследие	178
2. Геополитика	184
3. Перенаселенность	197
4. Новое международное право	201
Избавление от уз Версаля	202
Новый нейтралитет и справедливая война	205
Германская доктрина Монро	208
Народ против меньшинства	213
Международное фолк-право и государственный суве- ренитет	222

5. Границы и характер великого немецкого рейха	228
VI. ТЕОРИЯ РАСОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА	243
1. Демократия и империализм	243
2. Пролетарский народ против плутократии	246
3. Псевдомарксистские элементы в теории социального им- периализма	251
4. Националистические предшественники социального им- периализма	254
5. Германский империализм	261
6. Социал-демократы и империализм	275
7. Расовый империализм и массы	281
 Часть вторая. Тоталитарная монополистическая эконо- мика	 285
I. Экономика БЕЗ ЭКОНОМИКИ?	285
1. Государственный капитализм?	285
2. Национал-социалистическая экономическая теория: миф о корпоративном государстве	293
 II. ОРГАНИЗАЦИЯ БИЗНЕСА	301
1. Политический статус бизнеса в Веймарской республике ..	301
2. Политическая организация бизнеса при национал-социа- лизме	305
Группы	307
Палаты	309
Исполнительная машина государства	312
Механизм модернизации	314
Контроль за сырьем	316
Итог	318
 III. МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА	319
1. Собственность и договор (экономика и политика)	319
2. Политика картелей при национал-социализме	326
Диктатура Брюнинга и картели	326
Чистка неблагонадежных	329
Принудительное объединение в картели	331

Готовность к войне и картели	334
Картели и группы	337
3. Рост монополий	341
Отчуждение еврейской собственности в пользу арийцев	343
Германизация	343
Технический прогресс и монополизация	345
Финансирование новых отраслей промышленности ...	350
Устранение мелкого бизнеса	352
Структура корпорации	355
Кто такие монополисты?	360
 IV. Командная экономика	364
1. Национализированный сектор	367
2. Партийный сектор (объединение Геринга)	371
3. Регулирование цен и рынок	378
4. Прибыль, инвестиции и «конец финансового капитализма»	392
5. Внешняя торговля, автаркия и империализм	405
6. Контроль над трудом	418
Использование трудовых ресурсов	422
Борьба за более высокую производительность	427
7. Заключение	434
Эффективность	436
Мотив прибыли	439
Структура	442
Неудачи демократического планирования	444
 Часть третья. Новое общество	449
 I. Правящий класс	449
1. Министерская бюрократия	454
2. Партийная иерархия	459
3. Чиновники и партия	461
4. Вооруженные силы и партия	471
5. Промышленное руководство	474
6. Аграрное руководство	483
7. Континентальная нефтяная корпорация как модель нового правящего класса	488
8. Обновление правящего класса	490

II. УПРАВЛЯЕМЫЙ КЛАСС	493
1. Национал-социалистические принципы организации	493
2. Рабочий класс при веймарской демократии	496
3. Трудовой фронт	508
4. Трудовое право	514
Фабричная общность и фабричный лидер	514
Фабрика	519
Трудовая честь и трудовые суды	522
5. Регламентация отдыха	526
6. Заработная плата и доходы как средство массового господства	530
7. Пропаганда и насилие	537
8. Национал-социалистическое право и террор	541
 БЕГЕМОТ	 565
1. Имеет ли Германия политическую теорию?	565
2. Действительно ли Германия — государство?	575
3. Каковы тенденции развития в этой структуре?	579

Франц Леопольд Нойманн

**БЕГЕМОТ.
СТРУКТУРА И ПРАКТИКА
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА
1933–1944**

Редактор издательства О. В. Иванова
Художник П. Палей
Компьютерная верстка О. В. Новиковой

Подписано к печати 29.01.2015.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Georgia.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34.4. Уч.-изд. л. 36.5.
Тип. зак. № 3467

ООО «Издательство «Владимир Даль»
193036, Санкт-Петербург, ул. 7-я Советская, 18

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Ф. Л. Нойманн

БЕГЕМОТ

структура и практика национал-социализма

В еврейской эсхатологии Бегемот и Левиафан — это имена двух чудовищ. Бегемот управляет землей, Левиафан — морем, первый — мужского рода, второе чудовище — женского. Земные животные поклоняются Бегемоту, морские животные — Левиафану как своим повелителям. Оба чудовища из Хаоса. Согласно предсказаниям, Бегемот и Левиафан вновь появятся незадолго до конца мира. Они установят господство террора, но будут убиты Богом. Затем наступит день благочестия и справедливости. Люди будут есть мясо чудовищ на пиру, который возвестит наступление Царства Божьего. Еврейская эсхатология, Книга Иова, пророки, апокалиптические писания полны ссылок на этот миф, который часто по-разному истолковывается и часто приспособливается к политическим обстоятельствам. Святой Августин видел в Бегемоте Сатану. В книге Ф. Л. Нойманна национал-социализм олицетворяет безвластие, хаос, господство произвола и анархии, которое «поглотило» права человека и его достоинство. Именно этому строю суждено превратить весь мир в хаос, отдав власть гигантским земным массам. Именно поэтому национал-социализму дано имя Бегемот.

структура и практика
национал-социализма

БЕГЕМОТ

